Народные русские сказки
А. Н. Афанасьева

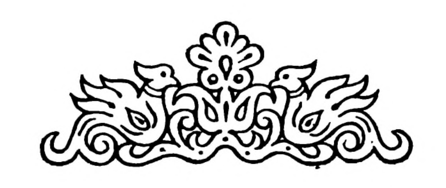
Народные русские сказки

III

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ А. Н. АФАНАСЬЕВА

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ III

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
Л. Г. БАРАГ, Н. В. НОВИКОВ

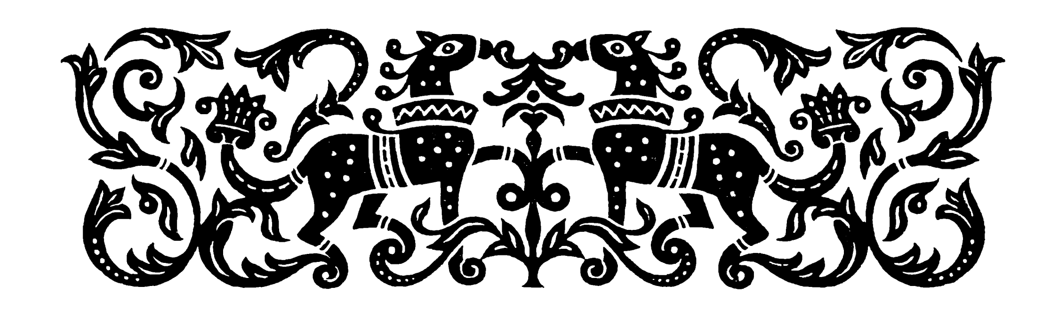

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА · МОСКВА 1985

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

Э. В. ПОМЕРАНЦЕВА, К. В. ЧИСТОВ

Н $\frac{4702000000-052}{042(02)-85}$ без объявления

319—320. ШЕМЯКИН СУД

319

В некоторых палестинах два брата живяше: един богатый, 184а
а другой — убогий. Прииде убогий брат к богатому лошади просити, на чем бы ему в лес по дрова съездить. Богатый даде ему лошадь. Убогий же нача и хомута прошати; богатый же вознегодовал на брата и не даде ему хомута. Убогий же брат умысли себе привязать дровни лошади за хвост, и поехал в лес по дрова, и насек воз велик, елико сила лошади может везти, и приехал ко двору своему, и отворил вороты, а подворотню забыл выставить. Лошадь же бросилась чрез подворотню и оторвала у себя хвост. Брат же убогий к богатому приведе лошадь без хвоста; богатый же виде лошадь без хвоста, не принял у него лошади и поиде на убогого бити челом к Шемяке-судье. Убогий, ведая, что пришла беда его — будет по него посылка, а у голого давно смечено, что хоженого дать будет нечего, поиде вслед брата своего.

И придоша оба брата к богатому мужику на ночлег. Мужик нача с богатым братом пити и ясти и веселиться, а убогого пригласить не хотяху к себе. Убогий же вниде на полати, поглядывая на них, и внезапу упал с полатей и задавил ребенка в люльке до смерти. Мужик же поиде к Шемяке-судье на убогого бити челом.

Идущим им ко граду купно (богатый брат и оный мужик, убогий же за ними идяше), прилучися[1] им идти высоким мостом. Убогий разуме, что не быть ему живому от судьи Шемяки, и бросился с мосту: хотел ушибиться до смерти. Под мостом сын вез отца хворого в баню, и он попал к нему в сани и задавил его до смерти. Сын же поиде бить челом к судье Шемяке, что отца его ушиб.

Богатый брат прииде к Шемяке-судье бити челом на брата, како у лошади хвост выдернул. Убогий же подня камень, и завязал в плат, и кажет позади брата, и то помышляет: аще судья не по мне станет судить, то я его ушибу до смерти. Судья же, чая — сто рублев дает от дела, приказал богатому отдать лошадь убогому, пока у нее хвост вырастет.

[1] Случилося (*Ред.*).

Потом прииде мужик, подаде челобитну в убийстве младенца и нача бити челом. Убогий вынув тот же камень и показа судье позади мужика. Судья же, чая — другое сто рублев дает от другого дела, приказал мужику отдать убогому жену по тех мест, пока у ней ребенок родится: «И ты в те́ поры возьми к себе жену и с ребенком назад».

Прииде сын об отце бить челом, како задавил отца его до смерти, и подаде челобитну на убогого. Убогий же, вынув тот же камень, кажет судье. Судья, чая — сто рублев дает от дела, приказал сыну стать на мосту: «А ты, убогий, стань под мостом, и ты, сын, так же соскочи с мосту на убогого и задави его до смерти».

Судья Шемяка выслал слугу к убогому прошать денег триста рублев. Убогий же показа ка́мень и рече: «Аще бы судья не по мне судил, и я хотел его ушибить до смерти». Слуга же прииде к судье и сказа про убогого: «Аще бы ты не по нем судил, и он хотел тебя этим камнем ушибить до смерти». Судья нача́ креститися: «Слава богу, что я по нем судил!»

Прииде убогий брат к богатому по судейскому приказу лошади прошать без хвоста, пока у ней хвост вырастет. Богатый же не восхоте лошади дати, даде ему денег пять рублев да три четверти хлеба, да козу дойную, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий брат к мужику и нача по судейскому приказу жену прошати по тех мест, пока ребенок родится. Мужик же нача́ с убогим миритися и даде убогому пятьдесят рублев, да корову с теленком, да кобылу с жеребенком, да четыре четверти хлеба, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий к сыну за отцово убийство и нача ему говорить, что «по судейскому приказу тебе стать на мосту, а мне под мостом, и ты бросайся на меня и задави меня до смерти». Сын же нача́ помышляти себе: «Как скочу [1] с мосту, его не задавишь, а сам ушибуся до смерти!» и нача́ с убогим миритися, даде ему денег двести рублев, да лошадь, да пять четвертей хлеба — и помирися с ним вечно.

320

некотором царстве жили два брата: богатый и убогий. Нанялся убогий к богатому, рабо́тал целое лето, и дал ему богатый 184
две меры ржи; приносит убогий домой, отдает хлеб хозяйке. Она и говорит: «Рабо́тал ты целое лето, а всего-навсего заработал две меры ржи; коли смолоть ее да хлебов напечь — поедим, и опять ничего у нас не будет! Лучше ступай ты к брату, попроси быков и поезжай в поле пахать да сеять: авось господь бог уродит, будем и мы с хлебом!» — «Не пойду,— сказал убогий,— все одно: проси, не проси — не даст он быков!» — «Ступай! Теперь брат в большой радости, родила у него хозяйка сына, авось не откажет!» Пошел убогий к богатому, выпросил пару быков и поехал на поле; распахал свою десятину, посеял, забороновал, управился — и домой.

[1] Соскочу.

Два мужика, богатый и бедный
Лубки из собрания Д. Ровинского, № 55

Два мужика, богатый и бедный

Два мужика, богатый и бедный

Едет дорогою, а навстречу ему старец: «Здравствуй, добрый человек!» — «Здорово, старик!» — «Где был, что делал?» — «Поле пахал, рожь засевал».— «А быки чьи?» — «Быки братнины».— «Твой брат богат, да немилостив; выбирай, что знаешь: или сын у него помрет, или быки издохнут!» Подумал-подумал убогий: жалко ему и быков и сына братнина, и говорит: «Пускай лучше быки подохнут!» — «Будь по-твоему!» — сказал старец и пошел дальше. Стал подъезжать убогий брат к своим воротам, вдруг оба быка упали на землю и тут же издохли. Горько он заплакал и побежал к богатому: «Прости,— говорит,— без вины виноват! Уж такая беда стряслась: ведь быки-то пропали!» — «Как пропали? Нет, любезный! Со мной так не разделаешься; заморил быков, так отдавай деньгами». Откуда у бедного деньги? Ждал-пождал богатый и повез его к праведному судие.

Едут они к праведному судие, и попадается им навстречу большой обоз, тянется по дороге с тяжелою кладью, а дело-то было зимою, снега лежали глубокие. Вдруг ни с того ни с сего заупрямилась одна лошадь у извозчика, шарахнулась в сторону со всем возом и завязла в сугробе. «Помогите, добрые люди, выручьте из беды!» — стал просить извозчик. «Дай сто рублев!» — говорит богатый. «Что ты! Али бога не боишься? Где взять тебе сто рублев?» — «Ну, сам и вытаскивай!»— «Постой,— говорит убогий,— я тебе задаром помогу». Соскочил с саней, бросился к лошади, ухватил за хвост и давай тащить: понатужился и оторвал совсем хвост. «Ах ты, мошенник! — напал на него извозчик.— Ведь конь-то двести рублев стоит, а ты хвост оборвал! Что я теперь стану делать?» — «Эх, брат,— сказал богатый извозчику,— что с ним долго разговаривать? Садись со мной да поедем к праведному судие».

Поехали все трое вместе; приехали в город и остановились на постоялом дворе. Богатый с извозчиком пошли в избу, а убогий стоит на морозе; смотрит — копает мужик глубокий колодезь, и думает: «Не быть добру! Затаскают, засудят меня. Эх, пропадай моя голова!» И бросился с горя в колодезь, только себя не доконал, а мужика зашиб до смерти. Тотчас подхватили его и повели к праведному судие.

Стал судить праведный судия и говорит богатому: «Убогий загубил твоих быков, жалеючи сына; коли хочешь, чтоб он купил тебе пару быков, убей наперед своего сына».— «Нет,— сказал богатый,— пусть лучше быки пропадают». (*Дальнейшие решения праведного судьи совершенно сходны с текстом предыдущей сказки.*)

321—323. ЗАГАДКИ

321

некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик; у него был сын. Ездили они по селам, по городам да торговали помаленьку. Раз поехал сын в окольные деревни торг вести. Ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приехал к избушке и попросился ночь ночевать. «Милости просим,— отвечала старуха,— только с тем уговором, чтоб ты загадал мне загадку неразгаданную».— «Хорошо, бабушка!» Вошел в избушку; она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила, а сама села возле и велела задавать загадку. «Погоди, бабушка; дай подумаю!» Пока купец думал, старуха уснула; он тотчас собрался, и вон из избушки. Старуха услыхала шум, пробудилась — а гостя нет, выбежала на двор и подносит ему стакан с пойлом. «Выпей-ка,— говорит,— посошок на дорожку!» Купец не стал на дорогу пить, вылил пойло в кувшин, и съехал со двора. *185а*

Ехал-ехал, и застигла его в поле темная ночь; остановился ночевать где бог привел — под открытым небом. Стал он думать да гадать, что такое поднесла ему старуха, взял кувшин, налил себе на ладонь, с той ладони помазал плеть, а той плетью ударил коня; только ударил — коня вмиг разорвало! Поутру налетело на падаль тридцать воронов; наклевались-наелись, да тут же и переколели все. Купец посбирал мертвых воронов и развесил по деревьям. В то самое время ехал мимо караван с товарами; увидали приказчики птиц на деревьях, взяли их — поснимали, изжарили и съели: только съели — так мертвые и попадали! Купец захватил караван и поехал домой.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — заехал опять к той же старухе ночь ночевать. Она его накормила-напоила, в бане выпарила, на постель положила и велит задавать загадку. «Хорошо, бабушка, скажу тебе загадку: только уговор лучше денег: коли отгадаешь — возьми у меня весь караван с товарами, а коли не отгадаешь — заплати мне столько деньгами, сколько стоит караван с товарами». Старуха согласилась. «Ну, вот тебе загадка: из стакана в кувшин, из кувшина на ладонь, с ладони на плетку, с плетки на коня, из коня в тридцать воронов, из воронов в тридцать молодцев». Старуха маялась-маялась, так и не отгадала; делать нечего, пришлось платить денежки. А купец воротился домой и с деньгами и с товарами и стал себе жить-поживать, добра наживать.

322

ыл-жил мужичок, у него был сын; вот как померла его хозяйка, мужичок вздумал да женился на другой бабе, и прижил с нею еще двух сыновей. И невзлюбила ж мачеха пасынка, ругала его и била, а после пристала к мужу: «Отдай-де его в солдаты!» Нечего с злой бабою спорить, отдал мужик старшего сына в солдаты. Прослужил молодец несколько лет и отпросился домой на побывку. 185, прим.

Явился к отцу; мачеха видит, что из него вышел бравый солдат и что все к нему с почтением, озлобилась еще пуще, сварила лютого зелья, налила в стакан и стала его потчевать. Только солдат каким-то манером про то проведал, взял стакан, выплеснул потихоньку зелье за окно и попал нечаянно на пару отцовских коней; в ту же минуту их словно порохом разорвало. Отец потужил-потужил и велел сыновьям свезти падаль в овраг; там налетело шесть ворон, нажрались падали и тут же все подохли. Солдат подобрал ворон, ощипал перья, изрубил мясо и просит мачеху испечь ему пирогов на дорогу. А та и рада: «Пусть дурак вороньё жрет!»

Скоро пироги поспели; солдат забрал их в сумку, распрощался с родичами и поехал в дремучий лес, где проживали разбойники. Приехал в разбойничий притон, когда из хозяев никого дома не случилося: только одна старуха оставалась; вошел в хоромы, разложил на столе пироги, а сам на полати влез. Вдруг загикали, захлопали, прикатили на двор разбойники — всех их двенадцать было. Говорит атаману старуха: «Приехал без вас какой-то человек, вот и пироги его, а сам на полатях спит!» — «Ну что ж! Подавай вина; вот мы выпьем да его пирогами закусим, а с ним еще успеем разделаться». Выпили водки, закусили пирогами — и с той закуски все двенадцать на тот свет отправились.

Солдат слез с полатей, забрал все разбойничье добро — серебро и золото, и воротился в полк. В то время прислал к православному царю басурманский король лист и требует, чтобы загануł ему белый царь загадку: «Если я не отгадаю — руби с меня голову и садись на мое царство, а коли отгадаю — то с тебя голову долой, и все твое царство пусть мне достанется». Прочитал царь этот лист и созвал на совет своих думных людей и генералов; сколько они ни думали, никто ничего не выдумал. Услыхал про то солдат и явился сам к царю: «Ваше величество,— говорит,— я пойду к басурманскому королю; моей загадки ему в жизнь не разгадать!»

Царь отпустил его. Приезжает солдат к королю, а он сидит за своими волшебными книгами, и булатный меч перед ним на столе лежит. Вздумал добрый мо́лодец, как от единого стакана две лошади пали, от двух лошадей шесть ворон подохли, от шести ворон двенадцать разбойников померли, и стал задавать загадку: «Один двоих, двое шестерых, а шестеро двенадцать!» Король думал-думал, вертел-вертел свои книжки, так и не смог отгадать. Солдат взял булатный меч и отсек ему голову; все басурманское царство досталось белому царю, который пожаловал солдата

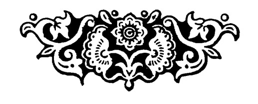
полковничьим чином и наградил большим имением. И был в те́ поры у нового полковника большой пир, на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, в рот не попало; кому подносили ковшом, а мне решетом.

323

лиз большой дороги засевал мужик полянку. На то время 185b
ехал царь, остановился против мужика и сказал: «Бог в помощь, мужичок!» — «Спасибо, добрый человек!» (он не знал, что это царь).— «Много ли получаешь с этой полянки пользы?» — спросил царь. «Да при хорошем урожае рублей с восемьдесят будет».— «Куда ж эти деньги деваешь?» — «Двадцать рублей в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — взаймы даю, да двадцать — за окно кидаю».— «Растолкуй же, братец, какой ты долг платишь, кому взаймы даешь и зачем за окно кидаешь?» — «Долг плачу — отца содержу, взаймы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю».— «Правда твоя!» — сказал государь; дал ему горсть серебра, объявил себя, что он царь, и заповедал: без его лица никому тех речей не сказывать: «Кто бы ни спрашивал, никому не говори!»

Приехал царь в свою столицу и созвал бояр да генералов: «Разгадайте,— говорит,— мне загадку. Видел я по дороге мужика — засевал полянку; спросил у него: сколько он пользы получает и куда деньги девает? Мужичок мне отвечал: при урожае восемьдесят рублей получаю; двадцать в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — взаймы даю, да двадцать — за окно кидаю. Кто из вас разгадает эту загадку, того больших наград, больших почестей удостою». Бояре и генералы думали-думали, не могли разгадать. Вот один боярин вздумал и отправился к тому мужику, с которым царь разговаривал, насыпал ему целую груду серебряных рублевиков и просит: «Объясни-де, растолкуй царскую загадку!» Мужик позарился на деньги, взял да и объявил про все боярину; а боярин воротился к царю и сейчас растолковал его загадку.

Царь видит, что мужик не сдержал заповеди, приказал его перед себя достать. Мужик явился к царю и с самого перва́[1] сознался, что это он рассказал боярину. «Ну, брат, пеняй на себя, за такую провинность велю казнить тебя смертию!» — «Ваше величество! Я ничем не виновен, потому — боярину рассказал я при вашем царском лице». Тут вынул мужик из кармана серебряный рублевик с царской персоной[2] и показал государю. «Правда твоя! — сказал государь.— Это моя персона». Наградил щедро мужика и отпустил домой.

[1] Сначала.
[2] Т. е. портретом.

324—325. ГОРШЕНЯ

324

дин, слышь, царь велел созвать со всего царства всех, сколь ни есть, бар [1], всех-на-всех к себе, и вот этим делом-то заганул [2] им загадку: «Нуте-ка, кто из вас отганёт? Загану я вам загадку: кто на свете лютей и злоедливей,— говорит,— всех?» Вот они думали-думали, думали-думали, ганали-ганали [3], и то думали и сё думали — всяко прикидывали, знашь, кабы отгануть. Нет, вишь, никто не отганул. Вот царь их и отпустил; отпустил и наказал: «Вот тогда-то, смотрите, вы опять этим делом-то ко мне придите». 186а

Вот, знашь, меж этим временем-то один из этих бар, очень дошлый [4], стал везде выспрашивать, кто что ему на это скажет? Уж он и к купцам-то, и к торгашам-то, и к нашему-то брату всяко прилаживался: охота, знашь, узнать как ни есть да отгануть царску-то загадку. Вот один горшеня, что, знашь, горшки продает, и выискался. «Я, слышь, сумею отгануть эту загадку!» — «Ну скажи, как?» — «Нет, не скажу, а самому царю отгану». Вот он всяко стал к нему прилаживаться: «Вот то и то тебе, братец, дам!» — и денег-то ему сулил, и всяку всячину ему представлял. Нету, горшеня [5] стоял в одном, да и полно: что самому царю, так отгану, беспременно отгану; опричь [6] — никому! Так с тем и отошел от него барин, что ни в жисть, говорит, не скажу никому, опричь самого царя.

Вот как опять, знашь, сызнова собрались бары-то к царю и никто опять не отганул загадку-то, тут барин-от тот и сказал: «Ваше-де царское величество! Я знаю одного горшеню; он,— говорит,— отганёт вам эту загадку». Вот царь велел позвать горшеню. Вот этим делом-то пришел горшеня к царю и говорит: «Ваше царское величество! Лютей,— говорит,— и злоедливей всего на свете казна [7]. Она очень всем завидлива: из-за нее пуще [8] всего все, слышь, бранятся, дерутся, убивают до смерти друг дружку: в иную пору режут ножами, а не то так иным делом. Хоть,— говорит,— с голоду околевай, ступай пó миру, проси милостыню, да того гляди — у нищего-то суму отымут, как мало-мальски побольше кусочков наберешь, коим грехом еще сдобненьких. Да что и говорить, ваше царское величество, из-за нее и вам, слышь, лихости [9] вволю [10] достается».— «Так, братец, так! — сказал царь.— Ты отганул,— говорит,— загадку; чем, слышь, мне тебя наградить?» — «Ничего не надо, ваше царское величество!»— «Хошь ли чего, крестьянин? Я тебе,

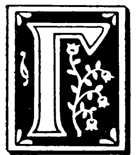
[1] Бояр, господ.
[2] Загадал.
[3] Гадали.
[4] *Дошлый* — смышленый, догадливый.
[5] Горшечник.
[6] *Опричь* — кроме.
[7] Деньги.
[8] Больше.
[9] Вреда.
[10] Много.

слышь, дам».— «Не надо,— говорит горшеня,— а коли ваша царска милость будет— говорит,— сделай запрет продавать горшки вот на столько-то верст отсюдова: никто бы тут, опричь меня, не продавал их».— «Хорошо!» — говорит царь, и указал сделать запрет продавать там горшки всем, опричь его. Горшеня вот как справен стал от горшков, что на диво!

А вот как царь, знашь, в прибыль ему сказал, чтоб никто к нему не являлся без горшка, то один из бар, скупой-перескупой, стал торговать у него горшок. Он говорит: «Горшок стоит пятьдесят рублев».— «Что ты, слышь, в уме ли?» — говорит барин. «В уме»,— говорит горшеня. «Ну, я в ином месте куплю»,— говорит барин. После приходит: «Ну, слышь, дай мне один горшок!» — «Возьми, давай сто рублев за него»,— говорит горшеня. «Как сто рублев? С ума, что ли,— говорит,— сошел?» — «Сошел али нет, а горшок стоит сто рублев».— «Ах ты, проклятый! Оставайся со своим горшком!» — и ушел опять тот барин.

Уж думал он без горшка сходить к царю, да обдумался: «Нехорошо, слышь, я приду к нему один, без горшка». Сызнова воротился. «Ну,— говорит,— давай горшок: вот тебе сто рублев».— «Нет, он стоит теперь полторы сотни рублев»,— говорит горшеня. «Ах ты, окаянный!» — «Нет, я не окаянный, а меньше не возьму».— «Ну, продай мне весь завод: что возьмешь за него?» — «Ни за какие деньги не продам, а коли хошь — даром отдам тебе: довези меня,— говорит,— на себе верхом к царю». Барин-то был очень скуп и оченно завидлив, согласился на это и повез горшеню на себе верхом к царю. У горшени руки-то в глине, а ноги-то в лаптях торчали клином. Царь увидал, засмеялся: «Ха-ха-ха!.. Ба! Да это ты! (узнал, слышь, барина-то, да и горшеню-то). Как так?» — «Да вот то и то»,— рассказал горшеня обо всем царю. «Ну, братец, снимай, слышь, все с себя и надевай на барина, а ты (барину-то сказал) скидай все свое платье и отдай ему: он теперь будет барином на твоем месте в вотчине, а ты будь заместо его горшенею».

325

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван *186b*
Васильевич. «Мир по дороге!» Горшеня оглянулся. «Благодарим, просим со смиреньем».— «Знать, вздремал?» — «Вздремал, великий государь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет».— «Экой ты смелый, горшеня! Люблю этаких. Ямщик, поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?» — «Сызмолоду, да вот и середовой стал».— «Кормишь детей?» — «Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет».— «Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа».— «Да, ваше царское величество. На свете есть три худа».— «А какие три худа, горшенюшка?» — «Первое худо: худой шабер[1], а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разум».—

[1] Сосед.

«А скажи мне, которое худо всех хуже?» — «От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь — все с тобой».— «Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня — а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ощиплешь, а по-прави́льному покинешь!» — «Годится, так покину — как придет, а то и наголо».— «Ну, горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду».

Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты наделаешь мне этаких?» — «Сколько угодно вашему царскому величеству?» — «Возов десяток надо».— «На много ли дашь время?» — «Месяц».— «Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня».— «Спасибо, горшенюшка!» — «А ты, государь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?» — «Буду в дому у купца в гостях». Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему: «Бог за товаром, горшеня!» — «Просим покорно».— «Продай мне весь товар».— «Нельзя, по заказу».— «А что тебе, ты бери деньги — не повинят из этого, коли не взял задатку под работу. Ну, что возьмешь?» — «А вот что: каждую посудину насыпать полну денег».— «Полно, горшенюшка, много!» — «Ну, хорошо, одну насыпать, а две отдать — хочешь?» И сладили. «Ты для меня, а я для тебя». Насыпают да высыпают, сыпали, сыпали... денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют — товару все много. «Как быть, горшенюшка?» — «Ну что, не жадал[2]? Нечего делать, я тебя уважу — только знаешь что: свези меня на себе до этого двора, отдам и товар и все деньги».

Боярин мялся, мялся — жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сел мужик, повез боярин; в споре́ дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет. «До коих же мест везти тебя?» — «Вот до этого двора и до этого дому». Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услыхал, выбег на крыльцо — признал горшеню. «Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!» — «Благодарю, ваше царское величество».— «Да на чем ты едешь?» — «На худом-то разуме, государь».— «Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать! Боярин! Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтан, и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай его строевую одежду. Умел товар продать! Не много послужил, да много услужил — а ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?» — «Прилетали». — «Перышки ощипал, а по-прави́льному покинул?» — «Нет, наголо, великий государь, — всего ощипал».

[2] Не ожидал.

326. МУДРЫЕ ОТВЕТЫ

Служил солдат в полку целые двадцать пять лет, а царя в 187
лицо не видал. Пришел домой; стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и зачали его корить родичи да знакомцы: «Вишь, — говорят, — двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!» Обидно это ему показалось; собрался и пошел царя смотреть. Пришел во дворец. Царь спрашивает: «Зачем, солдат?» — «Так и так, ваше царское величество, служил я тебе да богу целые двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал; пришел посмотреть!» — «Ну, смотри». Солдат три раза обошел кругом царя, все оглядывал. Царь спрашивает: «Хорош ли я?» — «Хорош»,— отвечает солдат. «Ну теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?» — «Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно».—«А широка ли земля?» — «Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!» — «А глубока ли земля?» — «Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!» Потом отослал царь солдата в темницу и сказал ему: «Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей; умей по перу выдернуть».— «Ладно!»

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал; они думали-думали, не смогли ответу дать, и велел их царь посадить за то в темницу. Спрашивает их солдат: «Купцы-молодцы, вас за что посадили?»— «Да вишь, государь нас допрашивал: далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока; а мы — люди темные, не смогли ответу дать». — «Дайте мне каждый по тысяче рублев — я вам правду скажу».— «Изволь, брат; только научи». Взял с них солдат по тысяче и научил, как отгадать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата; задал купцам те же самые загадки, и как скоро они отгадали — отпустил их по своим местам. «Ну, служба, сумел по перу сдернуть?» — «Сумел, царь-государь, да еще по золотому!» — «А далеко ль тебе до дому?» — «Отсюда не видно — далеко, стало быть!» — «Вот тебе тысяча рублев; ступай с богом!» Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

327—328. МУДРАЯ ДЕВА

327

омер старик со старухою, оставался у них сын сирота. Взял 188а
его к себе дядя и заставил овец пасти. Ни много, ни мало прошло времени, призывает дядя племянника, хочет попытать у него ума-разума и говорит ему: «Вот тебе сотня баранов, гони их на ярмонку да продай с барышом, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены». Что тут делать! Заплакал бедняга и погнал баранов в чистое поле; выгнал, сел на дороге и задумался о своем горе. Идет мимо де́вица: «О чем слезы льешь, добрый мо́лодец?» — «Как же мне не плакать? Нет у меня ни отца, ни матери; один дядя, и тот обижает!» — «Какую ж обиду он тебе делает?» — «Да вот послал на ярмонку, велел баранами торговать, да так, чтобы и сам был сыт, и бараны были целы, и деньги сполна выручены».— «Ну, это хитрость не великая! Найми-ка ты баб да остриги баранов, а волну отнеси на ярмонку и продай, после возьми всех баранов выложи [1] да яйца съешь; вот у тебя и деньги, и бараны в целости, и сам сыт будешь!» Парень так и сделал; продал волну, пригнал стадо домой и отдает дяде вырученные деньги. «Хорошо,— говорит дядя племяннику,— только ведь ты не своим разумом вздумал это? Чай, тебя научил кто-нибудь?» Парень признался: «Шла,— говорит,— мимо де́вица, она научила».

Дядя тотчас приказал закладывать лошадь: «Поедем, станем сватать ту де́вицу». Вот и поехали. Приезжают прямо на двор, спрашивают: куда лошадь девать? «Привяжите до зимы аль до лета!» — говорит им девица. Дядя с племянником думали-думали, не знают, за что привязать; стали у ней спрашивать: до какой зимы, до какого лета? «Эх вы, недогадливые! Привяжите к саням, а не то к телеге». Привязали они лошадь, вошли в избу, помолились богу и сели на лавочку. Спрашивает ее дядя: «Ты с кем живешь, де́вица?» — «С батюшкой».— «Где ж твой отец?» — «Уехал сто рублей на пятнадцать копеек менять».— «А когда назад воротится?» — «Если кругом поедет — к вечеру будет, а если прямо поедет — и через три дня не бывать!»—«Что ж это за диво такое?— спрашивает дядя.—Неужто и вправду отец твой поехал сто рублей на пятнадцать копеек менять?» — «А то нет? Он поехал зайцев травить; зайца-то затравит — всего пятнадцать копеек заработает, а лошадь загонит — сто рублей потеряет».— «А что значит: ежели он прямо поедет — и в три дня не прибудет, а ежели кругом — к вечеру будет?» — «А то значит, что прямо болотом ехать, а кругом дорогою!» Удивился дядя уму-разуму де́вицы и сосватал ее за своего племянника.

[1] Охолости.

328

хали два брата: один бедный, другой именитый[1]; у обоих по лошади: у бедного кобыла, у именитого мерин. Остановились они на ночлег рядом. У бедного кобыла принесла ночью жеребенка; жеребенок подкатился под телегу богатого. Будит он наутре бедного: «Вставай, брат, у меня телега ночью жеребенка родила». Брат встает и говорит: «Как можно, чтобы телега жеребенка родила! Это моя кобыла принесла». Богатый говорит: «Кабы твоя кобыла принесла, жеребенок бы подле был!» Поспорили они и пошли до начальства; именитый дарит судей деньгами, а бедный словами оправдывается. *188б*

Дошло дело до самого царя. Велел он призвать обоих братьев и загадал им четыре загадки: «Что всего в свете сильней и быстрее, что всего в свете жирнее, что всего мягче и что всего милее?» и положил им сроку три дня: «На четвертый приходите, ответ дайте!»

Богатый подумал-подумал, вспомнил про свою куму и пошел к ней совета просить. Она посадила его за стол, стала угощать; а сама спрашивает: «Что так печален, куманек?» — «Да загадал мне государь четыре загадки, а сроку всего три дня положил».— «Что такое? Скажи мне».— «А вот что, кума: первая загадка — что всего в свете сильней и быстрее?» — «Экая загадка! У моего мужа каряя[2] кобыла есть; нет ее быстрее! Коли кнутом приударишь — зайца догонит».— «Вторая загадка: что всего в свете жирнее?» — «У нас другой год рябой боров кормится; такой жирный стал, что и на ноги не подымается!» — «Третья загадка: что всего в свете мягче?» — «Известное дело пуховик, уж мягче не выдумаешь!» — «Четвертая загадка: что всего в свете милее?» — «Милее всего внучек Иванушка!» — «Спасибо тебе, кума! Научила уму-разуму, по век не забуду».

А бедный брат залился горькими слезами и пошел домой; встречает его дочь-семилетка (только и семьи было, что дочь одна): «О чем ты, батюшка, вздыхаешь да слезы ронишь?» — «Как же мне не вздыхать, как слез не ронить? Задал мне царь четыре загадки, которых мне и в жизнь не разгадать».— «Скажи мне, какие загадки?» — «А вот какие, дочка: что всего в свете сильней и быстрее, что всего жирнее, что всего мягче и что всего милее?» — «Ступай, батюшка, и скажи царю: сильней и быстрей всего ветер; жирнее всего земля: что ни растет, что ни живет — земля питает! Мягче всего рука: на что человек ни ляжет, а все руку под голову кладет; а милее сна нет ничего на свете!»

Пришли к царю оба брата: и богатый и бедный. Выслушал их царь и спрашивает бедного: «Сам ли ты дошел или кто тебя научил?» Отвечает бедный: «Ваше царское величество! Есть у меня дочь-семилетка, она меня научила».— «Когда дочь твоя мудра, вот ей ниточка шелковая;

[1] Богатый.
[2] Темногнедая, почти вороная с подпалинами (*Ред.*).

пусть к утру соткет мне полотенце узорчатое». Мужик взял шелковую ниточку, приходит домой кручинный, печальный. «Беда наша! — говорит дочери.— Царь приказал из этой ниточки соткать полотенце».— «Не кручинься, батюшка!» — отвечала семилетка, отломила прутик от веника, подает отцу и наказывает: «Пойди к царю, скажи, чтоб нашел такого мастера, который бы сделал из этого прутика кросны: было бы на чем полотенце ткать!» Мужик доложил про то царю. Царь дает ему полтораста яиц: «Отдай,— говорит,— своей дочери; пусть к завтрему выведет мне полтораста цыплят».

Воротился мужик домой еще кручиннее, еще печальнее: «Ах, дочка! От одной беды увернешься, другая навяжется!» — «Не кручинься, батюшка!» — отвечала семилетка, попекла яйца и припрятала к обеду да к ужину, а отца посылает к царю: «Скажи ему, что цыплятам на корм нужно одноденное пшено: в один бы день было поле вспахано, просо засеяно, сжато и обмолочено; другого пшена наши цыплята и клевать не станут!» Царь выслушал и говорит: «Когда дочь твоя мудра, пусть наутро сама ко мне явится — ни пешком, ни на лошади, ни голая, ни одетая, ни с гостинцем, ни без подарочка».— «Ну,— думает мужик,-- такой хитрой задачи и дочь не разрешит; пришло совсем пропадать!» — «Не кручинься, батюшка! — сказала ему дочь-семилетка.— Ступай-ка к охотникам да купи мне живого зайца да живую перепелку». Отец пошел и купил ей зайца и перепелку.

На другой день поутру сбросила семилетка всю одежу, надела на себя сетку, в руки взяла перепелку, села верхом на зайца и поехала во дворец. Царь ее у ворот встречает. Поклонилась она царю: «Вот тебе, государь, подарочек!» — и подает ему перепелку. Царь протянул было руку: перепелка порх — и улетела! «Хорошо,— говорит царь,— как приказал, так и сделала. Скажи мне теперь: ведь отец твой беден, так чем вы кормитесь?» — «Отец мой на сухом берегу рыбу ловит, лоушки[3] в воду не становит; а я securityприполом[4] рыбу ношу да уху варю». — «Что ты, глупая! Когда рыба на сухом берегу живет? Рыба в воде плавает!» — «А ты умен? Когда видано, чтоб телега жеребенка принесла? Не телега, кобыла родит!» Царь присудил отдать жеребенка бедному мужику, а дочь его взял к себе; когда семилетка выросла, он женился на ней, и стала она царицею.

[3] Морды (ловушка).
[4] Подолом.

329. ПОПОВ РАБОТНИК

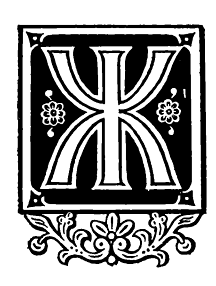

некотором селе поп нанял себе батрака и послал его на сучонке пахать, и дал ему целую ковригу хлеба, и гуторя[1] ему: «На, батрак, будь сам сыт, и сучонка чтобы была сыта, да чтобы и коврига была цела». 189

Во батрак, взявши, поехал в поле, а приехавши, зачал пахать. Во пахал, пахал, уж время бы, кажись, и червячка заморить[2]: животики ему так и подвело; да что станешь делать с поповым-то приказом? Но голод не тетка, уму-разуму научит. Во и вздумал думу батрак, кажись бы гожа! Ну, быть делу так. Взял верхнюю корку с хлебушка тихохонько снял, мякиш всеё повытаскивал, сам досыта наелся и сучонку накормил, а корки опять сложил по-прежнему, как было, да и попахивает себе до вечера как будто ни в чем не был, горя мало ему! Во уж начало смеркаться. Он и поехал домой. Приезжает, а поп его уж у ворот встречает и спрашивает его: «Что, мол, батрак, сыт?» Он кажа: «Сыт». Поп опять спрашивает: «А сучонка сыта?» Батрак кажа: «Сыта». Поп опять гуторя: «А коврига цела?» Батрак кажа: «Цела! На вот, батюшка, целехонька». Во как разглядел поп-от, да и рассмеялся, и гуторя: «Хитрец ты окаянный! Как на тя[3] погляжу, из тебя прок будет. Люблю за обычай и за твою догадливость! Ухитрился, молодец! Оставайся у меня, живи; мне такой и надобен». И оставил его у себя, прибавил еще сверх договорной цены за то, что парень-то попался ему ухарский и разухабистый да больно догадливый. Тут-то батраку пошло житье, что твоя маслена, и умирать не надо.

330. ЦАРЕВИЧ-НАЙДЕНЫШ

ил царь с царицею; у них родился сын. Понадобилось царю отлучиться из дому; без него беда пришла — царевич пропал! Искали-искали царевича — как в воду канул, ни слуху, ни духу об нем! Долго плакали царь с царицею. Прошло целые пятнадцать лет, и донеслись до царя вести, что в одной деревне такой-то мужик нашел ребенка — всем на диво: и красотой и умом взял! Царь приказал доставить наскоро к себе мужика. Привезли его, начали расспрашивать, где и когда нашел мальчика? Му- 190

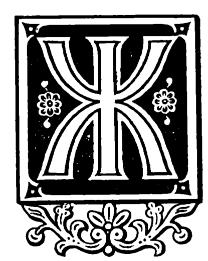
[1] Говорит.
[2] *Заморить червяка* — утолить голод.
[3] Тебя.

жик объявил, что нашел его пятнадцать лет тому назад в овине, что на нем одежа была такая-то, богатая. По всем приметам, кажись, и царский сын!

Говорит царь мужику: «Скажи твоему найденышу, чтоб он ко мне побывал ни наг, ни одет, ни пешком, ни на лошади, ни днем, ни ночью, ни на дворе, ни на улице». Мужик приехал домой, плачет и сказывает мальчику: как теперь быть? Мальчик говорит: «Не больно хитро! Эту загадку разгадать можно». Взял разделся с ног до головы да накинул на себя сетку, сел верхом на козла, приехал к царю в сумерки и въехал на козле в ворота: передние ноги на дворе, а задние на улице. Царь увидал и говорит: «Вот мой сын!»

331. СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ

Жили-были два богатых купца: один в Москве, другой в 191
Киеве; часто они съезжались по торговым делам, вместе дружбу водили и хлеб-соль делили. В некое время приехал киевский купец в Москву, свиделся с своим приятелем и говорит ему: «А мне бог радость дал — жена сына родила!» — «А у меня дочь родилась!» — отвечает московский купец. «Ну-ка, давай по рукам ударим! У меня — сын, у тебя — дочь, чего лучше — жених и невеста! Как вырастут, обвенчаем их и породнимся».— «Ладно, только это дело нельзя просто делать. Пожалуй, еще твой сын отступится от невесты; давай мне двадцать тысяч залогу!» — «А если твоя дочь да помрет?» — «Ну, тогда и деньги назад». Киевский купец вынул двадцать тысяч и отдал московскому; тот взял, приезжает домой и говорит жене: «Знаешь ли, что скажу? Ведь я свою дочь просватал!» Купчиха изумилась: «Что ты! Али с ума сошел? Она еще в люльке лежит!» — «Ну что ж что в люльке? Я все-таки ее просватал: вот двадцать тысяч залогу взял».

Вот хорошо. Живут купцы всякий в своем городе, а друг друга не навещают — далеко, да и дела так пошли, что надо дома оставаться. А дети их растут да растут: сын хорош, а дочь еще лучше. Прошло осьмнадцать лет; московский купец видит, что от старого его знакомца нет ни вести, ни слуху, и просватал дочь свою за полковника. В то самое время призывает киевский купец своего сына и говорит ему: «Поезжай-ка ты в Москву; там есть озеро, на том озере я поставил пленку [1]; если в эту пленку попалась утка — то утку вези, а ежели нет утки — то пленку назад».

[1] Плетеная из конского волоса сеть (*Ред.*).

Купеческий сын собрался и поехал в Москву; ехал-ехал, вот уж близко, всего один перегон остался. Надо ему через реку переправляться, а на реке мост: половина замощена, а другая нет.

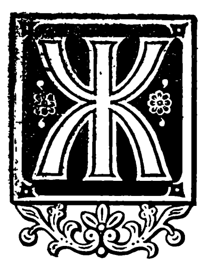
Тою же самою дорогою случилось ехать и полковнику; подъехал к мосту и не знает, как ему перебраться на ту сторону? Увидал он купеческого сына и спрашивает: «Ты куда едешь?» — «В Москву».— «Зачем?» — «Там есть озеро, в том озере — лет осьмнадцать прошло, как поставил мой отец пленку, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а если утки нет — то пленку назад!» — «Вот задача! — думает полковник.— Разве может простоять пленка осьмнадцать лет? Ну, пожалуй, пленка еще простоит; а как же утка-то проживет столько времени?» Думал-думал, гадал-гадал, ничего не разгадал. «Как же,— говорит,— нам через реку переехать?» — «Я поеду задом наперед!» — сказал купеческий сын; погнал лошадей, доехал до половины моста и давай задние доски наперед перемащивать; намостил и перебрался на другую сторону, а вместе с ним и полковник переехал. Вот приехали они в город. «Ты где остановишься?» — спрашивает купеческого сына полковник. «А в том доме, где весна с зимой на воротах». Распрощались и повернули всякий в свою сторону.

Купеческий сын пристал у одной бедной старухи; а полковник погнал к невесте. Там его стали поить, угощать, о дороге спрашивать. Он и рассказывает: «Повстречался я с каким-то купеческим сыном; спросил его: зачем в Москву едет? А он в ответ: есть-де в Москве озеро, на том озере — лет осьмнадцать прошло, как мой отец пленку поставил, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а ежели утки нет — то пленку назад! Тут пришлось нам через реку переправляться; на той реке мост, половина замощена, а другая нет. Раздумался я, как на другую сторону переехать? А купеческий сын сейчас смекнул, задом наперед переехал и меня перевез». — «Где же он на квартире стал?» — спрашивает невеста. «А в том доме, где весна с зимой на воротах».

Вот купеческая дочь побежала в свою комнату, позвала служанку и приказывает: «Возьми кринку молока, ковригу хлеба да лукошко яиц; из кринки отпей, ковригу почни, из лукошка яйцо скушай. Потом ступай в тот дом, где на воротах трава с сеном привязаны: разыщи там купеческого сына, отдай ему хлеб, молоко и яйца да спроси: в своих ли берегах море или упало? Полон ли месяц или в ущербе? Все ли звезды в небе или скатились?» Пришла служанка к купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашивает: «Что море — в своих ли берегах или упало?» — «Упало».— «Что месяц — полон или в ущербе?» —«В ущербе».—«Что звезды—все ли на небе?»— «Нет, одна скатилась». Вот служанка воротилась домой и рассказала эти ответы купеческой дочери. «Ну, батюшка,—говорит отцу купеческая дочь,— ваш жених мне не годится; у меня есть свой давнишний — с его отцом по рукам ударено, договором скреплено». Сейчас послали за настоящим женихом, стали свадьбу справлять да пир пировать, а полковнику отказали. На той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало.

332—334. ДОБРОЕ СЛОВО

332

ил-был купец богатый, умер, оставался у него сын Иван 192а Бессчастный; пропил он, промотал все богатство и пошел искать работы. Ходит он по торгу, собой-то видный; на ту пору красная девушка, дочь купецкая, сидела под окошечком, вышивала ковер разными шелками. Увидала она купецкого сына... Полюбился ей купецкий сын. «Пусти меня,— говорит матери,— за него замуж». Старуха и слышать было не хотела, да потолковала со стариком: «Может быть, жениным счастьем и он будет счастлив, а дочь наша в сорочке родилась!» Взяли ее да и отдали — перевенчали. Жена купила бумаги[1], вышила ковер и послала мужа продавать: «Отдавай ковер за сто рублей, а встретится хороший человек — за доброе слово уступи».

Встретился ему старичок, стал ковер торговать: сторговал за сто рублей, вынимает деньги и говорит: «Что хочешь — деньги или доброе слово?» Купецкий сын подумал-подумал: жена недаром наказывала... «Сказывай,— говорит,— доброе слово; нá ковер!» — «Прежде смерти ничего не бойся!» — сказал старик, сам взял ковер и ушел. Приходит купецкий сын домой, рассказал все хозяйке; хозяйка молвила ему спасибо, купила шелку, вышила новый ковер и опять посылает мужа продавать: «Отдавай ковер за пятьсот рублей, а встретится хороший человек — за доброе слово уступи». Выходит купецкий сын на торг; попадается ему тот же старичок, сторговал ковер за пятьсот рублей, стал деньги вынимать и говорит купецкому сыну: «А хочешь — я тебе доброе слово скажу?» — «Нá ковер; говори доброе слово». — «Пробуди, дело разбери, головы не сымаючи!» — сказал старик, взял ковер и ушел. Воротился купецкий сын домой, рассказал все хозяйке — та ни слова.

Вот дядья купецкого сына собралися зá море ехать, торг торговать; купецкий сын собрал кое-как один корабль, простился на постели с женой, да и поехал с ними. Едут они пó морю; вдруг выходит из моря морской горбыль[2]. «Давай нам,— говорит горбыль купцам,— русского человека на судьбину — дело разобрать; я его назад опять ворочу». Дядья думали, думали, и пришли к племяннику с поклоном, чтоб он шел в море. Тот вспомнил слово старика: прежде смерти ничего не бойся, и пошел с горбылем в море. Там Судьбина разбирает, что дороже: золото, серебро или медь? «Разберешь ты это дело,— говорит Судьбина купецкому сыну,— награжу тебя».— «Изволь,— отвечает он,— медь дороже всего: без меди при расчете обойтись нельзя; в ней и копейка, и денежка, и полушки, из

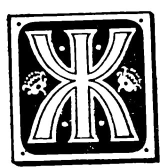
[1] *Бумага* — хлопчатобумажная пряжа, нитки (*Ред.*).
[2] Сазан (*Ред.*).

нее и рубль набрать можно; а из серебра и золота не откусишь».— «Правда твоя! — говорит Судьбина.— Ступай на свой корабль». Выводит горбыль его на корабль, а тот корабль битком набит каменьем самоцветным.

Дядья уже далеко уехали, да купецкий сын догнал их и заспорил с ними, чей товар лучше. Те ему говорят: «У тебя, племянничек, один кораблишко, а у нас сто кораблей». Спорили-спорили, осерчали и пошли на него царю жаловаться. Царь сперва хотел просто без суда повесить купецкого сына: не порочь, дескать, дядьев! да после велел товары на посмотр принесть. Дядья принесли ткани золотые, шелковые... Царь так и засмотрелся. «Показывай свои!» — говорит он купецкому сыну. «Прикажи, государь, закрыть окна; я свои товары ночью показываю». Царь приказал закрыть окна; тот вынул из кармана камушек — так все и осветило! «Твой лучше товар, купецкий сын! Возьми себе за то дядины корабли».

Он забрал себе дядины корабли, торговал ровно двадцать лет, наторговал много всякого добра и с большим, несметным богатством ворочается домой. Входит в свой дом и видит: хозяйка его лежит на постели с двумя молодцами. Закипело у него ретивое, вынул саблю вострую. «Зарублю,— думает,— друзей жениных!» И вспомнил доброе слово старика: пробуди, дело разбери, головы не сымаючи! Разбудил свою хозяйку, а та вскочила и ну толкать молодцов! «Детки,— говорит,— ваш батюшка приехал». Тут и узнал купецкий сын, что жена без него родила ему двойчат.

333

ил-был купец да помер; оставался у него сын Иван Несчаст- 192b
ный — в большой бедности проживал. Пришелся он по мысли одной девице, дочке богатого купца; собралась идти за него замуж. Отец начал ее останавливать: «Что ты за такого за бедного замуж идешь? Я тебя лучше за богатого отдам». Она говорит: «Я не хочу за богатого; отдайте меня хоть за бедного, да желанного». Отдали ее за бедного, да желанного. Говорит она как-то Ивану Несчастному: «Поди в город, купи мне один золотник шелку». Он пошел и купил; принес своей жене шелку. Она вывязала ковер такой славный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать, и говорит мужу: «Поди, продай ковер».

Иван Несчастный понес в лавку и стал продавать старичку; а старичок наказывает: «Вышей ты мне еще такой ковер; я тебе зараз деньги отдам». Иван Несчастный пошел домой; спрашивает у него жена: «Что же, продал ковер?» Он говорит, что «я его купцу отдал, а деньги после отдаст; велел еще такой же вышить ковер».— «Ну, хорошо! Поди, купи два золотника шелку». Он купил; жена его вышила другой ковер, вдвое лучше того, и посылает своего Ивана Несчастного продавать. Он понес ковер к прежнему купцу. Говорит ему купец: «Вышей ты мне третий ковер; я тогда за все разом деньги отдам». Купеческий сын пошел домой;

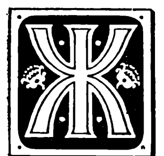
жена его спрашивает: «Что же ты, продал ковер?» Он говорит, что купец велел еще третий вышить.

Жена посылает Ивана Несчастного купить три золотника шелку; он отправился в город и купил три золотника шелку, а она вышила третий ковер, еще лучше. Посылает Ивана Несчастного продавать; он понес ковер опять к тому же купцу. Купец взял и третий ковер и говорит: «Что тебе — деньгами заплатить, или возьмешь с меня три добрые слова?» Иван Несчастный подумал про себя: «Вот у моего отца много денег было, а все прахом пошли! Дай-ка лучше три слова возьму». И сказал ему старик: «При радости не радуйся; при страсти не страшись; подними, да не опусти!» Иван Несчастный взял эти три слова и пошел домой. «Сколько за ковры получил?» — спрашивает жена. «Три добрые слова взял: при радости не радуйся; при страсти не страшись; подними, да не опусти!»

Пошел Иван Несчастный на корабли наниматься и нанялся в приказчики на тридцать кораблей. Поплыли по синему морю; плыли-плыли, вдруг ни с того ни с сего остановились все эти корабли и нейдут с места. Хозяин стал посылать в воду водолазов: «Кто полезет да дело исправит, тому (говорит) три корабля подарю». Иван Несчастный вспомнил, что ему старик сказал: при страсти не страшись! — и согласился лезть в воду. Опустили его на цепи; видит он: стоит под водою дом, в том доме сидят старик и девица, перед ними лежит осиновая плаха, в плахе топор торчит; крепко спорят они меж собою: девица говорит, что олово дороже; старик — что сталь дороже. Стали они спрашивать у Ивана Несчастного: что дороже — олово или сталь? Отвечает он: «Сталь дороже». Тотчас старик ухватил топор и отрубил девице голову, а Ивану Несчастному дал три бриллиантовых камушка.

Вышел Иван Несчастный из-под воды, сейчас корабли поплыли; хозяин отдал ему три корабля. Поспорил Иван Несчастный с хозяином: у кого больше товару? Хозяин говорит: «У меня на двадцати семи кораблях больше!», а Иван Несчастный говорит: «У меня на трех больше!» Спорили-спорили и решили: у кого товару больше, тому отдать все корабли; стали смотреть и нашли у Ивана Несчастного три камушка бриллиантовые — цены камушкам нет! Зáбрал Иван Несчастный все тридцать кораблей и поплыл в чужие земли; пристал к большому городу, выкинул флаг и распродал свой товар на много тысяч.

Воротился в свою родину и стал на якорях; тут все горожане удивилися: как так, был Иван Несчастный ни при чем, жил бедно, а теперь сколько кораблей пригнал! Приходит Иван Несчастный в свой дом и видит: жена его с добрым молодцем целуется: поднял саблю и хотел зарубить их, да вспомнил доброе слово: «подними, да не опусти», стал свою жену расспрашивать и узнал, что тот молодец его сын: когда Иван Несчастный поехал на кораблях, в тé поры жена без него родила. Обрадовался он, поздоровался, и начали себе жить да богатеть.

ил-был Иван Несчастный: куда ни пойдет работáть — другим дают по рублю да по два, а ему все двугривенный. «Ах,— говорит он,— али я не так уродился, как другие люди? Пойду-ка я к царю да спрошу: отчего мне счастья нет?» Вот приходит к царю. «Зачем, брат, пришел?» — «Так и так, рассудите: отчего мне ни в чем счастья нет?» Царь созвал своих бояр и генералов, стал их спрашивать: они думали-думали, ломали-ломали свои головы, ничего не придумали. А царевна выступила, да и говорит отцу: «А я так думаю, батюшка: коли его женить, то, может, и ему господь пошлет иную долю». Царь разгневался, закричал на дочь: «Когда ты лучше нас рассудила, так ступай за него замуж!» Тотчас взяли Ивана Несчастного, обвенчали с царевною и выгнали обоих вон из города, чтоб об них и помину не было. 192c

Пошли они на взморье. Говорит царевна своему мужу: «Ну, Иван Несчастный, нам не царевать, не торговать, надо о себе промышлять. Сделай-ка ты на этом месте пустыньку [1], станем жить с тобой, богу молиться да на людей трудиться». Иван Несчастный сделал пустыньку и остался в ней жить с молодой женою. На другой день дает ему царевна копеечку: «Поди, купи шелку!» Из того шелку она важный ковер вышила и послала мужа продавать. Идет Иван Несчастный с ковром в руках, а навстречу ему старик: «Что, продаешь ковер?» — «Продаю».— «Что просишь?» — «Сто рублев».— «Ну, что тебе деньги! Возьмешь — потеряешь; лучше отдай ковер за доброе слово».— «Нет, старичок! Я человек бедный, деньги надобны». Старик заплатил сто рублей; а Иван Несчастный пошел домой, приходит, хвать — денег нету, дорогою выронил.

Царевна другой ковер сделала; понес Иван Несчастный продавать его и опять повстречал старика. «Что за ковер просишь?» — «Двести рублев».— «Ну, что тебе деньги! Возьмешь — потеряешь; отдай лучше за доброе слово». Иван Несчастный подумал-подумал: «Так и быть, сказывай!» — «Подними руку, да не опусти, а сердце скрепи!» — сказал старик, взял ковер и ушел. «Что же мне делать теперь с этим добрым словом? Как покажусь к жене с пустыми руками? — думает Иван Несчастный.— Лучше пойду куда глаза глядят!»

Шел-шел, далеко зашел и услышал, что в той земле двенадцатиглавый змей людей пожирает; сел Иван Несчастный на дороге — отдохнуть вздумал, и говорит сам с собой вслух: «Эхма! Будь у меня деньги, сумел бы я с этим змеем справиться, а теперь что? Без денег и разума нет». Шел мимо купец, услыхал эти речи, что без денег и разума нет: «А что,— думает,— ведь и правда! Дай-ка я ему помогу».— «Сколько тебе,— спрашивает,— денег надобно?» — «Дай пятьсот рублев». Купец дал ему взаймы пятьсот рублев, а Иван Несчастный бросился на пристань, нанял работников и начал корабль строить. Издержал все деньги, а дело еще в начале: как быть? Пошел к купцу: «Давай,— говорит,— еще пятьсот;

[1] *Пустынька* — одинокая келья (*Ред.*)

не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!» Купец дал ему другие пятьсот рублев; он и те в корабль всадил, а дело еще на половине. Опять приходит Иван Несчастный к купцу: «Давай,— говорит,— еще тысячу; не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!» Купец хоть не рад, а дал ему тысячу. Иван Несчастный выстроил корабль, нагрузил его угольем, забрал с собой кирки, лопатки, меха, рабочих людей и поплыл в открытое море.

Долго ли, коротко ли — приплывает он к тому острову, где было змеиное логовище. Змей только что нажрался и залег в своей норе спать. Иван Несчастный засыпал его кругом угольем, развел огонь и давай раздувать мехами: пошел великий смрад по всему морю! Змей лопнул... Иван Несчастный взял тогда острый меч, отрубил ему все двенадцать голов и в каждой змеиной голове нашел по драгоценному камушку. Вернулся из похода, продал эти камушки за несчетные суммы — так разбогател, что и сказать не можно! Заплатил купцу свой долг и поехал к жене. Вот приезжает Иван Несчастный в пустыньку и видит: жена его живет с двумя мо́лодцами, а то были его законные сыновья-близнецы (без него родились). Пришла ему в голову худая мысль, схватил он острый меч и поднял на жену руку.., Вмиг припомнилось ему доброе слово: подними руку, да не опусти, а сердце скрепи! Иван Несчастный скрепил свое сердце, спросил царевну про тех молодцев, и начался у них пир-веселье. На том пиру и я был, мед-вино пил, калачами заедал.

335. ДОЧЬ ПАСТУХА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; 193
наскучило ему ходить холостому и задумал жениться; долго приглядывался, долго присматривался, и никак не мог найти себе невесты по сердцу. В одно время поехал он на охоту и увидал на́ поле: пасет скотину крестьянская дочь — такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать, а другой такой во всем свете не сыскать. Подъехал царь к ней и говорит ласково: «Здравствуй, красная девица!» — «Здравствуй, государь!» — «Которого отца ты дочь?» — «Мой отец — пастух, недалече живет». Царь расспросил про все подробно: как зовут ее отца и как слывет их деревня, распрощался и поехал прочь. Немного погодя, день или два, приезжает царь к пастуху в дом: «Здравствуй, добрый человек! Я хочу на твоей дочери жениться».— «Твоя воля, государь!» — «А ты, красная девица, пойдешь за меня?» — «Пойду!» — говорит. «Только я беру тебя с тем уговором, чтоб ни одним словом мне не поперечила; а коли скажешь супротив хоть единое словечко — то мой меч, твоя голова с плеч!» Она согласилась.

Царь приказал ей готовиться к свадьбе, а сам разослал по всем окрестным государствам послов, чтоб съезжались к нему короли и королевичи на пир на веселье. Собрались гости; царь вывел к ним свою невесту в простом деревенском платье: «Что, любезные гости, нравится ли вам моя невеста?» — «Ваше величество,— сказали гости,— коли тебе нравится, а нам и подавно». Тогда велел ей нарядиться в царские уборы, и поехали к венцу. Известное дело: у царя не пиво варить, не вино курить — всего вдоволь! Перевенчались и подняли пир на весь мир: пили-ели, гуляли и потешались. Отпировали, и зачал царь жить с своей молодой царицею в любви и согласии. Через год времени родила царица сына, и говорит ей царь грозное слово: «Твоего сына убить надо, а то соседние короли смеяться будут, что всем моим царством завладеет после меня мужицкий сын!» — «Твоя воля! Не могу тебе поперечить»,— отвечает бедная царица. Царь взял ребенка, унес от матери и тайно велел отвезти его к своей сестре: пусть у ней растет до поры до времени. Прошел еще год — царица родила ему дочь; царь опять говорит ей грозное слово: «Надобно изгубить твою дочь, а то соседние короли смеяться будут, что она не царевна, а мужицкая дочь!» — «Твоя воля! Делай что знаешь, не могу тебе поперечить». Царь взял девочку, унес от бедной матери и отослал к своей сестре.

Много лет прошло, много воды утекло; царевич с царевною выросли: он хорош, она еще лучше — другой такой красавицы нигде не найти! Царь собрал своих думных людей, призвал жену и стал говорить: «Не хочу с тобой больше жить; ты — мужичка, а я — царь! Снимай царские уборы, надевай крестьянское платье и ступай к своему отцу». Ни слова не сказала царица, сняла с себя богатые уборы, надела старое крестьянское платье, воротилась к отцу и по-прежнему начала в поле скотину гонять. А царь задумал на иной жениться; отдал приказ, чтобы все было к свадьбе готово, и, призвав свою прежнюю жену, говорит ей: «Хорошенько прибери у меня в комнатах; я сегодня невесту привезу». Она убрала комнаты, стоит — дожидается.

Вот привез царь невесту, за ним следом наехало гостей видимо-невидимо; сели за стол, стали есть-пить, веселиться. «Что, хороша ли моя невеста?» — спрашивает царь у прежней жены. Отвечает она: «Если тебе хороша, так мне и подавно!» — «Ну,— сказал ей царь,— надевай опять царские уборы и садись со мной рядом; была ты и будешь моей женою. А эта невеста — дочь твоя, а это — сын твой!» С этих пор начал царь жить с своею царицею без всякой хитрости, перестал ее испытывать и до конца своей жизни верил ей во всяком слове.

336—337. ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

336

Был-жил купец, имел у себя двух детей: дочь да сына. Стал 194а
купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост свезли) и приказывает: «Дети мои! Живите хорошо — в любви и совете, так, как мы с покойницей жили». Вот и помер; схоронили его и помянули, как следует. Немного погодя задумал купеческий сын за морем торговать; снарядил три корабля, нагрузил их разными товарами и стал сестре наказывать: «Ну, милая сестрица, еду я в дальнюю дорогу, оставляю тебя одну-одинешеньку дома; смотри же, веди себя скромно, в худые дела не вдавайся, по чужим людям не таскайся». После того поменялись они своими портретами: сестра взяла братнин портрет, а брат — сестрин; поплакали на расставанье и простились.

Купеческий сын снялся с я́корей, отвалил от берега, поднял паруса и вышел в открытое море; плывет год, плывет другой, а на третий год приезжает к некоему богатому, стольному городу и останавливает свои корабли в гавани. Как скоро приехал, сейчас набрал блюдечко драгоценных каменьев да сверток лучшего бархату, камки[1] и атласу и понес к тамошнему царю на поклон. Приходит во дворец, подает царю гостинец и просит позволения торговать в его стольном городе. Полюбился царю дорогой гостинец, говорит он купеческому сыну: «Хорош твой дар! Сколько лет я на свете живу, никто так меня не учествовал; даю тебе за то первое место по торгу. Продавай-покупай, никого не бойся, а коли обида будет — прямо ко мне приходи; завтра я сам к тебе на корабль побываю».

На другой день приехал царь к купеческому сыну, стал по кораблю похаживать, товары осматривать и увидел в хозяйской каюте — портрет висит; спрашивает купеческого сына: «Чей это портрет?» — «Моей сестрицы, ваше величество!» — «Ну, господин купец, такой красоты я еще отродясь не видывал; а скажи по правде: какова она нравом и обычаем?» — «И тиха и чиста, как голубка!» — «Ну, коли так, быть ей царицею; возьму за себя замуж». А в те́ поры был при царе генерал, да такой злющий, завистный: чужое счастье ему поперек в горле становилося. Услыхал он царские речи и страшно озлобился: этак, пожалуй, придется нашим женам купчихе кланяться! Не выдержал и говорит царю: «Ваше величество! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить».— «Сказывай!» — «Эта купеческая дочь вам вовсе не пара; я сам ее давно знаю. не раз с нею на постели леживал, в любовные игры поигрывал; совсем девка распутная!» — «Как же ты, иноземный купец, говоришь, что она тиха и чиста, как голубка, худыми делами не занимается?» — «Ваше величество! Коли генерал не врет, пусть достанет от моей сестры именной

[9] *Камка* — шелковая китайская ткань с разводами (*Рсд.*).

перстень да узнает, какова у ней тайная примета есть». — «Хорошо, — говорит царь и дает тому генералу отпуск,— коли в срок не достанешь перстня да приметы не скажешь — то мой меч, твоя голова с плеч!»

Собрался генерал и поехал в тот город, где жила купеческая дочь; приехал и не знает, как ему быть? Ходит по улицам взад и вперед, такой кручинный, задумчивый. Попадается ему навстречу старушонка, просит милостыни; он ей подал. Спрашивает старуха: «О чем, господин, призадумался?» — «Что тебе сказывать? Ведь ты моему горю не пособишь».— «Кто знает — может, и пособлю!» — «Знаешь ты, где живет такая-то купеческая дочь?» — «Как не знать!» — «Ну так достань у нее именной перстень да разузнай, какова у ней тайная примета есть; сделаешь это дело, награжу тебя золотом». Старушонка потащилась к купеческой дочери, постучалась в ворота, взошла в горницу, помолилась и стала рассказывать, что идет ко святым местам: не будет ли какого подаяния? Повела такие хитрые речи, что красная девица совсем заслушалась и не заметила, как проговорилась о своей тайной примете; пока то да се, старушонка стибрила со столика именной перстень и в рукав запрятала. После того попрощалась с хозяйкою и бегом к генералу, отдает ему перстень и говорит: «А тайная примета у купеческой дочери — золотой волосок под левою мышкою».

Генерал наградил ее щедрой рукою и отправился в обратный путь; приезжает в свое государство и является во дворец; и купеческий сын тут же. «Ну что,— спрашивает царь,— достал именной перстень?» — «Вот он, ваше величество!» — «А какова у купеческой дочери тайная примета?» — «Золотой волосок под левою мышкою».— «Так ли?» — спрашивает царь купеческого сына. «Точно так, государь!» — «Как же смел ты передо мною лгать? За твою вину велю казнить тебя».— «Царь-государь! Не откажи в последней милости, позволь написать к сестре письмо; пусть приедет, со мной попрощается».— «Хорошо,— отвечал царь,— пиши; только я долго ждать не стану!» Отложил казнь на срок, а до того времени приказал заковать его в железа и посадить в темницу.

Вот купеческая дочь, как получила от брата письмо да прочитала, тотчас пустилась в дорогу; едет да золотую перчатку вяжет, а сама горько плачет: слезы падают бриллиантами; она те бриллианты подбирает да на перчатку сажает. Приехала в стольный город наскоро, наняла у бедной вдовы квартиру и спрашивает: «Что у вас в городе нового?» — «У нас новостей нет никаких, окромя́ того, что один иноземный купец через свою сестру стра́ждает, завтрашний день его вешать будут». Поутру встала купеческая дочь, наняла карету, нарядилась в богатое платье и поехала на площадь; там уж виселица готова, войска расставлены, и народу набралось многое множество; вон уж и брата ее ведут. Она вышла из кареты и прямо к царю, подает ему ту перчатку, что доро́гой связала, и говорит: «Ваше величество! Оцените, что́ такая перчатка стоит?» Царь посмотрел. «Ей,— говорит,— и цены нету!» — «Ну так ваш генерал был у меня в дому́ и точно такую перчатку украл — дружку этой самой; прикажите розыск сделать».

Царь позвал генерала: «Вот на тебя жалоба, будто ты дорогую пер-

чатку украл». Генерал начал божиться: ничего знать не знаю и ведать не ведаю. «Как же ты не знаешь? — говорит ему купеческая дочь.— Сколько раз бывал в моем доме, со мной на постели леживал, в любовные игры поигрывал...» — «Да я тебя впервой вижу! Никогда у тебя не бывал, и теперь — хоть умереть — не знаю: кто ты и откуда приехала».— «Так за что же, ваше величество, мой брат стра́ждает?» — «Который брат?» — спрашивает царь. «А вон которого на виселицу привели!» Тут все дело начистоту открылося; царь приказал купеческого сына освободить, а генерала повесить; а сам сел с красной девицей, купеческой дочерью, в карету и поехал в церковь. Там они обвенчались, сделали большой пир и стали жить-поживать, добра наживать, и теперь живут.

337

В некотором царстве, в некотором государстве жил купец с купчихою; у него было двое детей: сын и дочь; дочь была такая красавица, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать. Пришло время — заболела купчиха и померла; а вскоре после того захворал и купец, да так сильно, что не чает и выздороветь. Призвал он детей и стал им наказывать: «Дети мои милые! Скоро я белый свет покину, уж смерть за плечами стоит. Благословляю вас всем моим добром; живите после меня дружно и честно; ты, дочка, почитай своего брата, как отца родного, а ты, сынок, люби сестру, как мать родную». Вслед за тем купец помер; дети похоронили его и остались одни жить. Все у них идет ладно и любовно, всякое дело сообща делают. 194 b

Пожили они этак несколько времени, и вздумалось купеческому сыну: «Что я все дома живу? Ни я людей, ни меня люди не знают; лучше оставлю сестру — пусть одна хозяйничает, да пойду в военную службу. Коли бог даст счастья да жив буду — лет через десять заслужу себе чин; тогда мне от всех почет!» Призвал он свою сестру и говорит ей: «Прощай, сестрица! Я иду своею охотою служить богу и великому государю». Купеческая дочь горько заплакала: «Бог с тобой, братец! И не думала и не гадала, что ты меня одну покинешь!» Тут они простились, поменялись своими портретами и обещались завсегда друг друга помнить — не забывать.

Купеческий сын определился в солдаты и попал в гвардию; служит он месяц, другой и третий, вот уж и год на исходе, а как был он добрый мо́лодец, собой статный, разумный да грамотный, то начальство скоро его узнало и полюбило. Не прошло и двух лет, произвели его в прапорщики, а там и пошли чины за чинами. Дослужился купеческий сын до полковника, стал известен всей царской фамилии; царь его жаловал, а царевич просто души в нем не чаял: называл своим другом и зачастую ездил к нему в гости погулять-побеседовать.

В одно время случилось царевичу быть у полковника в спальне; увидал он на стене портрет красной девицы, так и ахнул от изумления. «Неужели,— думает,— есть где-нибудь на белом свете такая красавица?»

Смотрел, смотрел, и влюбился в этот портрет без памяти. «Послушай,— говорит он полковнику,— чей это портрет?» — «Моей родной сестры, ваше высочество!» — «Хороша твоя сестра! Хоть сейчас бы на ней женился. Да подожди, улучу счастливую минутку, признаюсь во всем батюшке и стану просить, чтоб позволил мне взять ее за себя в супружество». С той поры еще в большей чести стал купеческий сын у царевича: на всех смотрах и ученьях кому выговор, кому арест, а ему завсегда благодарность. Вот другие полковники и генералы удивляются: «Что б это значило? Из простого звания, чуть-чуть не из мужиков, а теперь, почитай, первый любимец у царевича! Как бы раздружить эту дружбу?» Стали разведывать и по времени разузнали всю подноготную. «Ладно,— говорит один завистливый генерал,— недолго ему быть первым любимцем, скоро будет последним прохвостом! Не я буду, коли его не выгонят со службы с волчьим паспортом!»

Надумавшись, пошел генерал к государю в отпуск проситься: надо-де по своим делам съездить; взял отпуск и поехал в тот самый город, где проживала полковничья сестра. Пристал к подгороднему мужику на двор и стал его расспрашивать: «Послушай, мужичок! Скажи мне правду истинную: как живет такая-то купеческая дочь, принимает ли к себе гостей и с кем знается? Скажешь правду, деньгами награжу».— «Не возьму греха нá душу,— отвечал мужик,— не могу ни в чем ее покорить; худых дел за нею не водится. Как жила прежде с братом, так и теперь живет — тихо да скромно; все больше дома сидит, редко куда выезжает — разве в большие праздники в церковь божию. А собой разумница да такая красавица, что, кажись, другой подобной и в свете нет!»

Вот генерал выждал время и накануне большого годового праздника, как только зазвонили кó всенощной и купеческая дочь отправилась в церковь, он приказал заложить лошадей, сел в коляску и покатил к ней прямо в дом. Подъехал к крыльцу, выскочил из коляски, взбежал по лестнице и спрашивает: «Что, сестра дома?» Люди приняли его за купеческого сына; хоть на лицо и не схож, да они давно его не видали, а тут приехал он вечером, впотьмах, в военной одеже — как обман признать? Называют его по имени по отчеству и говорят: «Нет, сестрица ваша ко всенощной ушла».— «Ну, я ее подожду; проведите меня к ней в спальню и подайте свечу». Вошел в спальню, глянул туда-сюда, видит — на столике лежит перчатка, а рядом с ней именное кольцо купеческой дочери, схватил это кольцо и перчатку, сунул в карман и говорит: «Ах, как давно не видал я сестрицы! Сердце не терпит, хочется сейчас с ней поздороваться; лучше я сам в церковь поеду». А сам на уме держит: «Как бы поскорей отсюда убраться, не ровен час — застанет! Беда моя!» Выбежал генерал на крыльцо, сел в коляску и укатил из города.

Приходит купеческая дочь от всенощной; прислуга ее и спрашивает: «Что, видели братца?» — «Какого братца?» — «Да что в полку служит; он в отпуск выпросился, на побывку домой приехал».— «Где же он?» — «Был здесь, подождал-подождал да вздумал в церковь ехать; смерть, говорит, хочется поскорей сестрицу повидать!» — «Нет, в церкви его не было; разве куда в другое место заехал...» Ждет купеческая дочь своего

2 Заказ № 207

брата час, другой, третий; всю ночь прождала, а об нем ни слуху, ни вести. «Что бы это значило? — думает она.— Уж не вор ли какой сюда заходил?»

Стала приглядываться — так и есть: золотое кольцо пропало, да одной перчатки нигде не видно.

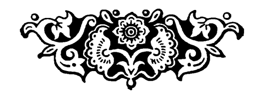
Вот генерал воротился из отпуска в столичный город и на другой день вместе с другими начальниками явился к царевичу. Царевич вышел, поздоровался, отдал им приказы и велел по своим местам идти. Все разошлись, один генерал остался. «Ваше высочество! Позвольте,— говорит,— секрет рассказать».— «Хорошо, сказывай!» — «Слух носится, что ваше высочество задумали на полковничьей сестре жениться; так смею доложить: она того не заслуживает».— «Отчего так?» — «Да уж поведенья больно зазорного: всем на шею так и вешается. Был я в том городе, где она живет, и сам прельстился, с нею грех сотворил».— «Да ты врешь!» — «Никак нет! Вот не угодно ль взглянуть? Она дала мне на память свое именное колечко да пару перчаток; одну-то перчатку я на дороге потерял, а другая цела...» Царевич тотчас послал за купеческим сыном-полковником и рассказал ему все дело. Купеческий сын отвечал царевичу: «Я головой отвечаю, что это неправда! Позвольте мне, ваше высочество, домой поехать и разузнать, как и что там делается. Если генерал правду сказал, то не велите щадить ни меня, ни сестры; а если он оклеветал, то прикажите его казнить».— «Быть по сему! Поезжай с богом». Купеческий сын взял отпуск и поехал домой, а генералу нарочно сказали, что царевич его с глаз своих прогнал.

Приезжает купеческий сын на родину; кого ни спросит — все его сестрой не нахвалятся. Увидался с сестрою; она ему обрадовалась, кинулась на шею и стала спрашивать: «Братец, сам ли ты приезжал ко мне вот тогда-то али какой вор под твоим именем являлся?» Рассказала ему все подробно. «Еще тогда,— говорит,— пропала у меня перчатка с именным моим кольцом».— «А! Теперь я догадываюсь; это генерал схитрил! Ну, сестрица, завтра я назад поеду, а недели через две и ты вслед за мной поезжай в столицу. В такой-то день и час будет у нас большой развод на площади; ты будь там непременно к этому сроку и явись прямо к царевичу».

Сказано — сделано. В назначенный день собрались войска на площадь, приехал и царевич; только было хотел развод делать, вдруг прикатила на площадь коляска, из коляски вышла девица красоты неописанной и прямо к царевичу; пала на колени, залилась слезами и говорит: «Я — сестра вашего полковника! Прошу у вас суда с таким-то генералом, за что он меня опорочил?» Царевич позвал генерала: «Знаешь ты эту девицу? Она на тебя жалуется». Генерал вытаращил глаза. «Помилуйте,— говорит,— ваше высочество! Я ее знать не знаю, в первый раз в глаза вижу».— «Как же ты мне сам сказывал, что она тебе перчатки и золотое кольцо подарила? Значит, ты эти вещи украл?»

Тут купеческая дочь рассказала царевичу, как пропали у ней из дому кольцо и одна перчатка, а другую перчатку вор не приметил и не захватил: «Вот она — не угодно ль сличить?» Сличили обе перчатки — как раз

пара! Нечего делать, генерал повинился, и за ту провинность осудили его и повесили. А царевич поехал к отцу, выпросил разрешение и женился на купеческой дочери, и стали они счастливо жить-поживать да добра наживать.

338. ЦАРИЦА-ГУСЛЯР

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь с царицею; пожил он с нею немалое время и задумал ехать в ту 195
чужедальнюю землю, где жиды Христа распяли. Отдал приказы министрам, попрощался с женою и отправился в дорогу. Долго ли, коротко ли — приехал в чужедальнюю землю, где жиды Христа распяли; а в той земле правил тогда проклятый король. Увидал этот король царя, велел схватить его и посадить в темницу. Много у него в темнице всяких невольников; по ночам в цепях сидят, а по утрам надевает на них проклятый король хомуты и пашет пашню до вечера. Вот в такой-то муке прожил царь целые три года и не знает, как ему оттудова вырваться, как дать о себе царице весточку? И выискал-таки случай, написал к ней письмецо. «Продавай,— пишет,— все наше имение да приезжай выкупать меня из неволи».

Получила царица письмо, прочитала и восплакала: «Как мне выкупить царя? Если сама поеду — увидит меня проклятый король и возьмет к себе заместо жены; если министров пошлю — на них надежи нет!» И что ж она вздумала? Остригла свои косы русые, нарядилась музыкантом, взяла гусли и, никому не сказавшись, отправилась в путь-дорогу дальнюю. Приходит к проклятому королю на двор и заиграла в гусли, да так хорошо, что век бы слушал — не наслушался. Король как услыхал такую славную музыку, тотчас велел позвать гусляра во дворец. «Здравствуй, гусляр! Из которой земли ты, из которого царства?» — спрашивает король. Отвечает ему гусляр: «Сызмала хожу, ваше величество, по белому свету, людей веселю, да тем свою голову кормлю».— «Оставайся-ка у меня, поживи день, другой, третий; я тебя щедро награжу». Гусляр остался; день-деньской перед королем играет, а тот все до́сыта не наслушается. Экая славная музыка! Всякую скуку, всякую тоску как рукой снимает.

Прожил гусляр у короля три дня и приходит прощаться. «Что ж тебе за труды пожаловать?» — спрашивает король. «А пожалуй, государь, мне единого невольника, у тебя много в темнице насажено; а мне нужен товарищ в дороге. Хожу я по чужедальным государствам; иной раз не с кем слова вымолвить».— «Изволь, выбирай себе любого!» — сказал король и повел гусляра в темницу. Гусляр огля́нул заключенных, выбрал себе царя-невольника, и пошли они вместе странствовать. Подходят к своему госу-

дарству, царь и говорит: «Отпусти меня, добрый человек! Я ведь — не простой невольник, я сам царь; сколько хочешь, бери выкупу: ни денег, ни крестьян не пожалею».— «Ступай с богом,— говорит гусляр,— мне твоего ничего не надо».— «Ну, хоть в гости ко мне зайди».— «Будет время — побываю». Тут они распрощались и пошли каждый своею дорогою.

Царица побежала окольною дорогою, прежде мужа домой поспела, сняла с себя гуслярское платье и нарядилась, как быть следует. Через час времени закричали, забегали по дворцу придворные: царь пришел! Царица к нему навстречу бросилась, а он со всеми здоровается, а на нее и смотреть не хочет. Поздоровался с министрами и говорит: «Вот, господа, какова жена у меня! Теперь на шею бросается, а как сидел я в неволе да писал к ней, чтоб все добро продавала да меня выкупала — небось ничего не сделала. О чем же она думала, коли мужа позабыла?» Министры доложили царю: «Ваше величество! Как только царица получила ваше письмо, в тот же самый день неизвестно куда скрылася и все это время пропадала; во дворец только сегодня явилась».

Царь сильно разгневался и приказывает: «Господа министры! Судите мою неверную жену по правде по истинной. Где она по белу свету таскалася? Зачем не хотела меня выкупить? Не видать бы вам своего царя веки вечные, если б не молодой гусляр; за него стану бога молить, ему половину царства не пожалею отдать». Тем временем царица успела нарядиться гусляром, вышла на двор и заиграла в гусли. Царь услыхал, побежал навстречу, схватил музыканта за руку, приводит во дворец и говорит своим придворным: «Вот этот гусляр, что меня из неволи выручил!» Гусляр сбросил с себя верхнюю одежу — и все тотчас узнали царицу. Тут царь возрадовался; начал на радостях пир пировать, да так целую неделю и прохлаждался.

339. ОТЕЦ И ДОЧЬ

В некотором царстве, не в нашем государстве жил-был богатый 196
купец, у него жена была красавица, а дочь такова, что даже родную мать красотой превзошла. Пришло время, купчиха заболела и померла. Жаль было купцу, да делать нечего; похоронил ее, поплакал-погоревал и стал на свою дочь засматриваться. Обуяла его нечистая любовь, приходит он к родной дочери и говорит: «Твори со мной грех!» Она залилась слезами, долго его уговаривала-умоляла; нет, ничего не слушает. «Коли не согласишься,— говорит,— сейчас порешу твою жизнь!» И сотворил с нею грех насильно, и с того самого времени понесла она чадо. А у того купца было двенадцать приказчиков. Как только заприметил он, что дочь тяжела, тотчас начал ее выспрашивать:

«Послушай, дочь моя милая! Когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мне сказывать? Прямо на тебя».— «Нет, дочка, ты на меня не сказывай, а лучше скажи на приказчика».— «Ах, отец, как я скажу понапрасну на человека невинного?» Сколько купец ее ни уговаривал, она все свое твердит. А время идет да идет.

Вдруг приезжает за ним гонец от государя: «Царь-де спрашивает». Приехал к царю: «Что, ваше величество, прикажете?» — «Собери корабли да поезжай в тридесятое государство за товарами». Ну, царя нельзя не послушаться; хоть не хочешь — поедешь. Велел купец изготовить все к походу, а сам к дочери: «В последний раз тебя, дочка, спрашиваю: когда ты родишь, на кого скажешь?» — «На кого мне сказывать? Прямо на тебя». Купец схватил острый меч со стены и отсек ей голову: кровь так и брызгнула! После взял убитую, отнес в сад и спрятал в погреб; сам сел на корабль и уехал в тридесятое государство.

Всем домом купеческим стал заправлять главный приказчик. Вот в первую же ночь снится ему, будто кто говорит: «Что ты спишь! Ничего не ведаешь, что у тебя приключилося?» Приказчик проснулся, взял ключи и пошел по кладовым; кажись, все кладовые обошел, а один ключ все лишний, и не придумает приказчик, что бы такое тем ключом было заперто. «Дай пойду в сад, поразгуляюся!» Только он в сад, а соловей сидит на кустике да громко поет, словно человеческим голосом выговаривает: «Добрый мóлодец! Вспомни про меня, я здесь лежу!» Приказчик стал присматриваться и набрел на погреб; еле-еле доискался входа — так заросло все травой да деревьями. Попробовал — лишний ключ как раз сюда пришелся; отворил дверь, а в том погребе стоит гроб, в гробу девица, кругом свечи горят воску ярого, по стенам образа в золотых ризах так и светятся. Говорит ему девица, дочь купеческая: «Сослужи мне службу, добрый мóлодец! Облегчи меня: возьми меч и вынь из меня младенца». Приказчик побежал за мечом; входит в ту самую горницу, где отец дочь загубил, смотрит — а на полу, где кровь текла, там цветы цветут! Взял меч, воротился в сад, разрезал у купеческой дочери чрево, вынул младенца и отдал его воспитывать своей матери.

Ни много, ни мало прошло времени, приехал купец из тридесятого государства; стал государю про свои дела докладывать, а мальчик прибежал во дворец, да все возле них увивается. «Чей такой славный ребенок?» — спрашивает царь. «Это сын моего приказчика». Царь пожелал видеть этого приказчика; позвали его во дворец, а он тотчас и рассказал все, как было. Царь приказал купца расстрелять, а мальчика взял к себе: и теперь при государе живет!

340. СОЛДАТ И ЦАРЬ В ЛЕСУ

некоторechoм царстве, в некотором государстве жил-был мужик; 197
у него было два сына. Пришла солдатчина, и взяли старшего сына в рекруты. Служил он государю верою и правдою, да таково счастливо, что в несколько лет дослужился до генеральского чина. В это самое время объявили новый набор, и пал жеребей на его меньшего брата; забрили ему лоб, и случилось так, что он попал в тот самый полк, в котором брат его был генералом. Солдат признал было генерала, да куды! тот от него начисто отказывается: «Я тебя не знаю, и ты меня не ведай!»

Раз как-то стоял солдат на часах у полкового ящика, возле генеральской квартиры; а у того генерала был большой званый обед, и наехало к нему много офицеров и бар. Видит солдат, что кому веселье, а ему — нет ничего, и залился горькими слезами. Стали его спрашивать гости: «Послушай, служивый, что ты плачешь?» — «Как мне не плакать? Мой родной брат гуляет да веселится, про меня не вспомянет». Гости рассказали про то генералу, а генерал рассердился: «Что вы ему верите? Сдуру врет!» Приказал сменить его с часов и дать ему триста палок, чтоб не смел в родню причитаться. Обидно показалось это солдату; нарядился в свою походную амуницию и бежал из полку.

Долго ли, коротко ли — забрался он в такой дикий, дремучий лес, что мало кто туда и захаживал, и стал там время коротать, ягодами да кореньями питаться. Вскоре после того собрался царь и выехал на охоту с большою свитою; поскакали они в чистое поле, распустили гончих собак, затрубили в трубы и начали тешиться. Вдруг откуда ни взялся — выскочил красивый олень, стрелой мимо царя и бух в реку; переплыл на другую сторону и прямо в лес. Царь за ним плыл-плыл, скакал-скакал... смотрит — олень из глаз скрылся, охотники далеко назади остались, а кругом густой, темный лес; куда ехать — неведомо, ни одной тропинки не видно. До самого вечера блуждал он и крепко умаялся. Попадается ему навстречу беглый солдат. «Здравствуй, добрый человек! Как сюда попал?» — «Так и так, поехал поохотиться, да в лесу заблудился; выведи, брат, на дорогу».— «Да ты кто таков?» — «Царский слуга».— «Ну, теперь темно; пойдем, лучше где-нибудь в овраге ночуем, а завтра я тебя на дорогу выведу».

Пошли искать — где бы им ночь переспать; шли-шли и увидали избушку. «Эва! Бог ночлег послал; зайдем сюда»,— говорит солдат. Входят они в избушку; там сидит старуха. «Здорово, бабушка!» — «Здорово, служивый!» — «Давай нам пить да есть!» — «Сама бы съела, да нечего».— «Врешь ты, старая чертовка!» — сказал солдат и стал в печи да по полкам шарить; глядь — у старухи всего вдоволь: и вино припасено, и кушанье всякое изготовлено. Сели за стол, поужинали всласть и полезли на чердак спать. Говорит солдат царю: «Береженого и бог бережет! Пусть один из нас отдыхает, а другой на часах стоит». Кинули жеребей, доставалось первому царю сторожить. Солдат дал ему свой острый тесак, поставил у

дверей, заказал не дремать, а коли что случится — тотчас его разбудить; сам лег спать и думает: «Как-то будет мой товарищ на часах стоять? Пожалуй, с непривычки не сможет. Дай на него посмотрю».

Вот царь стоял-стоял, и начало его в сон клонить. «Что качаешься? — окликает его солдат.— Аль дремлешь?» — «Нет»,— отвечает царь. «То-то, смотри!» Царь постоял с четверть часа и опять задремал. «Эй, приятель, никак ты спишь?» — «Нет, и не думаю».— «Коли заснешь, не пеняй на меня!» Царь постоял еще с четверть часа; ноги у него подкосилися, свалился он на пол и заснул. Солдат вскочил, взял тесак и давай его угощать да приговаривать: «Разве так караул держат? Я десять лет прослужил, мне начальство ни одной ошибки не простило; а тебя, знать, не учили! Раз-другой простил, а уж третья вина завсегда виновата... Ну, теперь ложись спать; я сам на часы стану».

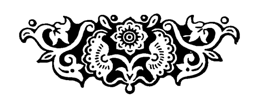
Царь лег спать, а солдат на часах стоит, глаз не смыкает. Вдруг засвистали-захлопали, приехали в ту избушку разбойники; старуха встречает их и говорит: «К нам-де гости ночевать пришли».— «Ладно, бабушка! Вот мы целую ночь понапрасну проездили, а наше счастье само в избу привалилося. Давай-ка наперед ужинать!» — «Да ведь гости наши всё приели, всё выпили!» — «Ишь, смельчаки какие! Да где они?» — «На чердак спать забрались».— «Ну, я пойду с ними сделаюсь!» — сказал один разбойник, взял большой нож и полез на чердак; только просунул было в дверь голову, солдат как шаркнет тесаком — так голова и покатилася; солдат тотчас втащил на чердак туловище, стоит-дожидается: что дальше будет? Разбойники ждали-ждали, и говорят: «Что он долго возится?» Послали другого; солдат и того убил. Вот так-то в короткое время перебил он всех разбойников.

На рассвете проснулся царь, увидал трупы и спрашивает: «Ах, служивый, куда мы попались?» Солдат рассказал ему все, как было. Потом сошли они с чердака. Увидал солдат старуху и закричал на нее: «Постой, старая чертовка! Я с тобою разделаюсь. Ишь, что выдумала — разбой держать! Подавай сейчас все деньги!» Старуха открыла сундук, полон золота; солдат насыпал золотом ранец, набил все карманы и говорит своему товарищу: «Бери и ты!» Отвечает царь: «Нет, брат, не надобно; у нашего царя и без того денег много, а коли у него есть — и у нас будут».— «Ну, как знаешь!» — сказал солдат и повел его из лесу; вывел на большую дорогу. «Ступай,— говорит,— по этой дороге; через час в городе будешь».— «Прощай,— говорит царь,— спасибо тебе за услугу. Побывай ко мне, я тебя счастливым человеком сделаю».— «Полно врать! Ведь я в бегах, если в город покажусь — сейчас схватят».— «Не сомневайся, служивый! Меня государь очень любит; коли я за тебя попрошу да про твою храбрость расскажу, он не то что простит, еще тебя пожалует».— «Да где тебя найтить?» — «Прямо во дворец приходи». — «Ну, ладно; завтра побываю».

Распрощался царь с солдатом и пошел по большой дороге; приходит в свой столичный город и, не мешкая, отдает приказ по всем заставам, абвахтам[1] и караулам, чтоб не зевали: как скоро покажется такой-то сол-

[1] *Абвахта* — гауптвахта (*Ред.*).

дат, сейчас отдавали бы ему генеральскую честь. На другой день только показался солдат у заставы, сейчас весь караул выбежал и отдал ему генеральскую честь. Дивуется солдат: что б это значило? и спрашивает: «Кому вы честь отдаете?» — «Тебе, служивый!» Он вынул из ранца горсть золота и дал караульным на водку. Идет по городу: куда ни покажется, везде часовые ему честь отдают — только успевай на водку отсчитывать. «Экой,— думает,— болтун этот царский слуга! Всем успел разблаговестить, что у меня денег много». Подходит ко дворцу, а там уже войско собрано, и встречает его государь в том самом платье, в котором на охоте был. Тут только узнал солдат, с кем он в лесу ночь ночевал, и крепко испугался: «Это-де царь, а я с ним, словно с своим братом, тесаком управился!» Царь взял его за руку, перед всем войском благодарил за свое спасение и наградил генеральским чином, а старшего брата его в солдаты разжаловал: не отказывайся вперед от роду от племени!

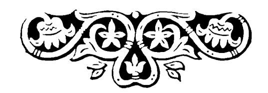

341. СОЛДАТ И РАЗБОЙНИК

Жил-был мужик да баба; мужик-то разбоем промышлял, 198
а жена ему помогала. Вот раз поехал он на разживу; дома оставалась одна баба. На ту пору случилось проходить той деревней солдату; постучался к ней в окно и просится: «Пусти переночевать, хозяюшка!» — «Ступай!» Солдат вошел в избу, снял с себя ранец и лег спать. Немного погодя приезжает хозяин, увидал гостя и говорит: «Ну слава богу, хоть на дороге не выездил, да в избе нашел!» Сел ужинать и велит жене: «Разбуди-ка солдата! Пусть и он со мной поужинает». Вот и солдат уселся за стол; хозяин наливает ему стакан вина — он выпил; наливает другой — и другой выпил; наливает третий — а он больше не пьет, отнекивается. «Не чванься! Хоть пей, хоть не пей — все равно помирать!» — сказал хозяин: вылез из-за стола, взял в руки топор и говорит: «Ну, служивый, молись богу; немного тебе жить осталось!» Солдат начал просить, умолять, чуть не в землю кланяется — нет, ничего не берет. Стал он на колени перед святою иконою и так усердно, от всего сердца молится да в грехах кается. «Скорей молись! Пора!» А солдат все стоит да молится.

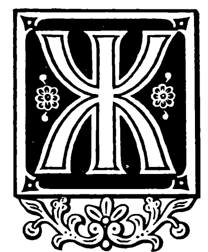
Вдруг кто-то стукнул в окно, и неведомый голос провестился: «Служба, а служба! Что ты копаешься; иди, я тебя давно дожидаюсь». Мужик испугался и топор выронил, а солдат надел ранец и вышел на крыльцо — стоит тройка добрых коней; он сел в повозку — лошади понеслись, и не успел солдат очнуться — глядь: перед ним отцовский двор. Тройка пропала, словно ее и не было. Возблагодарил солдат бога за свое спасение и пошел в избу; отец с матерью обрадовались ему, не знают — как принять,

чем угостить. Живет у них солдат день и другой; на третий приезжает к ним в гости тот самый мужик, что хотел было порешить солдата; вишь, разбойник-то был женат на его родной сестре, только солдат про то не ведал, да и сестра его не признала. Сейчас за стол, стали есть да пить; разбойник смекнул, что его дело неладно, сидит — не пьет, а солдат его потчует: «Хоть пей,— говорит,— хоть не пей — все одно помирать!» — «Бог с тобой, сынок! Что ты говоришь нехорошее?» — напустились на него отец с матерью. Солдат рассказал все, как было; тут разбойника схватили, заковали и в острог отправили.

342—343. РАЗБОЙНИКИ

342

ил-был поп с попадьею; у них была дочка Аленушка. Вот 190
этого попа позвали на свадьбу; он собрался ехать с женою, а дочь оставляет домоседкою. «Матушка! Я боюсь оставаться одна»,— говорит Аленушка матери. «А ты собери подружек на посиделки, и будешь не одна». Поп и попадья уехали, а Аленушка собрала подружек; много сошлось их с работою: кто вяжет, кто плетет, а кто и прядет. Одна девица уронила невзначай веретено; оно покатилось и упало в трещину, прямо в погреб. Вот она полезла за веретеном в погреб, сошла туда, смотрит, а там за кадушкою сидит разбойник и грозит ей пальцем. «Смотри,— говорит он,— не рассказывай никому, что я здесь, а то не быть тебе живой!» Вот вылезла она из погреба бледная-бледная, рассказала все шепотом одной подружке, та другой, а эта третьей, и все, перепуганные, стали собираться домой. «Куда вы? — уговаривает их Аленушка.— Постойте, еще рано». Кто говорит, что ей надо по воду идти; кто говорит, что ей надо отнести к соседу холст,— и все ушли. Осталась одна Аленушка.

Разбойник услыхал, что все приутихло, вышел из погреба и говорит ей: «Здравствуй, красная девица, пирожная мастерица!» — «Здравствуй!» — отвечает Аленушка. Разбойник осмотрел все в избе и вышел посмотреть еще на двор, а Аленушка тем временем поскорей двери заперла и огонь потушила. Разбойник стучится в избу: «Пусти меня, а то я тебя зарежу!» — «Не пущу; коли хочешь, полезай в окно!» — а сама приготовила топор. Только разбойник просунул в окно голову, она тотчас ударила топором и отрубила ему голову, а сама думает: скоро приедут другие разбойники, его товарищи; что мне делать? Взяла отрубленную голову и завязала в мешок; после притащила убитого разбойника, разрубила его

на куски и поклала их в разные мешки и горшки. Прошло ни много ни мало, приехали разбойники и спрашивают: «Справился ли?» Они думали, что товарищ их жив. «Справился,— говорит Аленушка голосом разбойника,— вот два мешка денег, вот крынка масла, вот ветчина!» — и подает приготовленные мешки и горшки в окно. Разбойники забрали все это, да на воз. «Ну, поедем!» — говорят они. «Поезжайте,— говорит Аленушка,— а я посмотрю, нет ли еще чего». Те и уехали.

Рассвело. Поп с попадьей воротились со свадьбы. Она и рассказала им все, как было: «Так и так, сама разбойников победила». А разбойники приехали домой, да как поглядели в мешки и в горшки, так и ахнули: «Ах она такая-сякая! Хорошо же, мы ее сгубим!» Вот нарядились они хорошо-хорошо и приехали к попу свататься за Аленушку, а в женихи ей выбрали дурачка, нарядили и его. Аленушка сметила их по голосу и говорит отцу: «Батюшка! Это не сваты, это те же разбойники, что прежде приезжали».— «Что ты врешь? — говорит поп.— Они такие нарядные!» А сам-то рад, что такие хорошие люди приехали свататься за его дочь и приданого не берут. Аленушка плакать — ничего не помогает. «Мы тебя из дому прогоним, коли не пойдешь теперь замуж!» — говорит поп с попадьею. И просватали ее за разбойника и сыграли свадьбу. Свадьба была самая богатая.

Повезли разбойники Аленушку к себе, и только въехали в лес и говорят: «Что ж, здесь станем ее казнить?» А дурачок и говорит: «Хочь бы она денечек прожила, я бы на нее поглядел».—«Ну, что тебе, дураку, смотреть!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились, поехали и привезли Аленушку к себе, пили-пили, гуляли-гуляли; потом и говорят: «Что ж, теперь пора ее сказнить!» А дурачок: «Хочь бы мне одну ноченьку с нею переночевать».— «Ну, дурак, она, пожалуй, еще уйдет!» — «Пожалуйста, братцы!» Разбойники согласились на его просьбу и оставили их в особой клети.

Вот Аленушка и говорит мужу: «Пусти меня на двор — я простужусь» [1].— «А ну как наши-то услышат?» — «Я потихонечку; пусти хочь в окошко».— «Я бы пустил, а ну как ты уйдешь?» — «Да ты привяжи меня; у меня есть славный холст, от матушки достался; обвяжи меня холстом и выпусти, а когда потянешь — я опять влезу в окно». Дурачок обвязал ее холстом. Вот она это спустилась, поскорей отвязалась, а заместо себя привязала за рога козу и немного погодя говорит: «Тащи меня!» — а сама убежала. Дурачок потащил, а коза — мекеке-мекеке! Что ни потянет, коза все — мекеке да мекеке! «Что ты мекéкаешь? — говорит молодой.— Наши услышат, сейчас же тебя изгубят». Притащил — хвать — а за холст привязана коза. Дурачок испугался и не знает, что делать: «Ах она проклятая! Ведь обманула». Поутру входят к нему разбойники. «Где твоя молодая?» — спрашивают его. «Ушла».— «Ах ты, дурак, дурак. Ведь мы ж тебе говорили, так нет!»

Сели верхами и поскакали нагонять Аленушку; едут с собаками, хло-

[1] *Простудиться* — прохладиться, подышать свежим воздухом.

пают да свищут — такая страсть! Аленушка услыхала погоню и влезла в дупло сухого дуба и сидит там ни жива ни мертва, а вокруг этого дуба собаки так и вьются. «Нет ли там ее? — говорит один разбойник другому.— Ткни-ка, брат, туда ножом». Тот ткнул ножом в дупло и попал Аленушке в коленку. Только Аленушка была догадлива, схватила платок и обтерла нож. Посмотрел разбойник на свой нож и говорит: «Нет, ничего не видать!» И опять они поскакали в разные стороны, засвистали и захлопали.

Когда все стихло, Аленушка вылезла из дупла и побежала; бежала-бежала, и слышит опять погоню. А по дороге, видит она, едет мужик с корытами и лотками. «Дяденька, спрячь меня под корыто!» — просит она. «Эка ты какая нарядная! Ты вся вымараешься».— «Пожалуйста, спрячь! За мной разбойники гонятся». Мужик раскидал корыта, положил ее под самое нижнее и опять сложил. Только что успел кончить, как наехали разбойники. «Что, мужик, не видал ли такой-то женщины?» — «Не видал, родимые!» — «Врешь! Сваливай корыта». Вот он стал сбрасывать корыта и посбросал уж все, кроме последнего. «Нечего, братцы, здесь искать; поедемте дальше!» — сказали разбойники и поскакали с гамом, свистом и хлопаньем.

Когда все стихло, Аленушка и просит: «Дяденька, пусти меня!» Мужик выпустил ее, и она опять побежала; бежала-бежала, и слышит опять погоню. А по дороге, видит она, едет мужик — везет кожи. «Дяденька,— молит она,— спрячь меня под кожи! За мной разбойники гонятся!» — «Эка, вишь ты какая нарядная! Под кожами ты вся вымараешься».— «Ничего, только спрячь!» Мужик раскидал кожи, положил ее под самую нижнюю и опять сложил все по-прежнему. Только что успел кончить, как наехали разбойники. «Что, мужик, не видал ли такой-то женщины?» — «Не видал, родимые!» — «Врешь! Сваливай кожи».— «Да зачем, родимые, стану я разбрасывать свое добро?» Разбойники бросились сами сбрасывать кожи и посбросали, почитай, все кожи; только две-три оставалось. «Нечего, братцы, здесь искать; поедемте дальше!» — сказали они и поскакали с гамом, свистом и хлопаньем.

Когда не стало слышно ни стуку этого, ни грому, она и просит: «Дяденька, пусти меня!» Мужик выпустил ее, и она опять побежала; бежала-бежала, и пришла домой в полночь, да и легла в стог сена, закопалась туда вся и заснула. Рассвело. Поп пошел давать коровам сена, и только воткнул вилами в стог — Аленушка и схватилась руками за вилы. Поп оробел, крестится и говорит: «С нами крестная сила! Господи помилуй!» Потом уж спросил: «Кто там?» Аленушка узнала отца и вылезла из сена. «Как ты сюда попала?» — «Так и так, вы отдали меня разбойникам; они хотели меня убить, да я убежала»,— и рассказывает все страсти. Немножко погодя приезжают к попу разбойники, а он Аленушку спрятал. Поп спрашивает: «Жива ли, здорова дочка моя?» — «Слава богу! Она осталась дома хозяйничать»,— говорят разбойники, и сели они как бы в гостях; а поп тем временем собрал солдат, потом вывел дочь и говорит: «А это кто?» Тут разбойников похватали, связали — да в тюрьму.

343

адумали отец с матерью в город ехать, а дочери говорят: «Останься ты, дочка, здесь; на ночь созови к себе подруг, тебе и не скучно будет». Вечером сидят подружки да прядут; уронила одна початок[1], початок покатился — да под пол. Хозяйка зажгла лучину, подняла доску — а там разбойник сидит. Де́вицы испугались, жутко им стало, и разбежались по дворам. Тут вылез разбойник. «Где,— говорит,— деньги? Подавай, не то худо будет». Хозяйка отперла сундук, подняла крышку и держит. «Бери!» — говорит. Разбойник нагнулся в сундук, а она хлоп его крышкою по шее и убила до смерти. 199, прим.

Через несколько дней высватали ее разбойники и увезли с собой в густой, дремучий лес. Там у них дом был выстроен. Входит де́вица в одну горницу — горница вся в кровавых пятнах; входит в другую — там коник[2] весь полон человеческими головами. Положили разбойники заживо сварить де́вицу в котле и посылают ее воду носить. Нечего делать — пошла за водой, пришла к колодцу, сняла с себя платок да платье, надела на столбик, а сама поскорей вон бежать.

Бежит по́ лесу, и пристигла ее ночь темная и непогода страшная, дождь так и поливает. Увидала суковатый дуб, влезла на него. «Лучше,— думает,— здесь переночую; авось не отыщут!» А тем временем жених-то ее хватился: «Ребята,— говорит товарищам,— ведь девка бежала; надо ее искать». Поехали. Плутали, плутали по лесу и наткнулись на суковатый дуб. «Не здесь ли она?» — говорит один разбойник и давай пикой ширять, да все ей в пятки да в пятки. Девица молчит, а кровь так и каплет. Разбойник думает: «Это дождь идет!» На ее счастье такая темь была, что ничего не узнаешь; вот разбойники так ни с чем и домой воротились.

Утром, только светать стало, она прибежала домой и рассказала про все отцу-матери. Заплакали отец с матерью. «Ах ты, дитятко милое! Сгубили было тебя, а всё польстились на синие кафтаны, на красные шелковые кушаки да бархатные шапки!» А разбойники на том положили, что куда ей уйти, верно в лесу звери съели, и говорят меж собой: «Поедем к девкину отцу к матери, скажем, что их дочь больна, зовет проведать; привезем их сюда, да и порешим всех, а худоба[3] и деньги — все наше будет!»

Оседлали коней и поехали; только на двор — увидала их девица и поскорей нарядилась работником. Разбойники вошли в избу, начали пир пировать. «Где же дочка наша? — спрашивает отец.— Что с собой не взяли?» — «Да она захворала, приказала вас в гости звать».— «Не хотите ли,— спрашивает хозяин,— я позабавлю вас сказочкой; есть у меня работник — большой мастер сказки сказывать».— «Что ж, это дело хорошее! Рады послушать». Пришла переодетая дочь и стала рассказывать

[1] Веретено с намотанными нитками.
[2] *Коник* — ларь для спанья [в избе] (*Ред.*).
[3] Платье.

все, что с нею случилось, разбойники догадались, что это быль, а не сказка, кинулись к лошадям, да не тут-то было: тотчас их схватили, веревками скрутили и отдали под суд.

344. КОРОЛЕВНА И РАЗБОЙНИКИ

Быў сабе круль з крулёвай, і мелі адну дачку вельмі харошую, 200
і да яе сваталіся дванаццаць кавалераў [1], а тые кавалеры былі ўсе разбойнікі. Тые разбойнікі прасілі, каб калі-небудзь яна да іх прыйшла багата ўбранная. Аднаго разу, без ведама айца [2], яна сабралася дый пашла па той дарозе, па якой яны ёй наказалі. Ідзе яна дак ідзе лесам, аж у лесе стаіць палац [3]. Вайшла ў той палац, аж у першай хаце стаяць бочкі з кровёй [4] чалавечай, у другой хаце ўсё чалавечые галавы, ногі, рукі, у трэцяй ўсё тулубы [5] чалавечые, у чацвёртай самые боты [6] і чаравікі [7], у пятай адзеннё [8] суконнае і матэрыі, у шостай і у сёмай срэбро і брыльянты, а восьмая — тая хата, гдзе жылі разбойнікі.

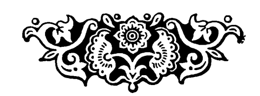
Хадзіла яна, хадзіла па ўсех пакоях, і як пачула [9] стук — схавалася пад ложко. Сядзіць яна там аж ўходзяць тые дванаццаць разбойнікаў і прыводзяць с сабою неякую вельмі харошую і багатую панну: ўзялі яну разабралі [10] дагала, палажылі на калодку і зарэзалі, а после зачалі знімаць персцёнкі з рук, і з аднаго пальца ніяк [11] не маглі зняць. Адзін кажа, што аддайце мне гэты персцёнак. «Добра!» — казалі ўсе. Ён узяў сакеру і як рубнуў, дак палец з персцёнкам паляцеў пад тое ложко, гдзе сядзела кралеўна. Разбойнік палез пад ложко шукаць [12] персцёнка; але як было цёмна, то не знайшоў персцёнка і адлажыў да заўтра.

Кралеўне аж млосно [13] зрабилася са страху, бо яна чула ўсю іх гутарку [14]. Яны гаварылі, каб як-небудзь звясці кралеўну да сябе ўбранную і после забіць. Доўго гулялі, пілі, елі разбойнікі, а як падышла поўнач, дак ўсе парасходзілісе: адзін пашоў у лес, другі пашоў на гасцінец [15], трэці на другі гасцінец, а рэшта [16] парасходзілісь ў усе стороны. Кралеўна, як яны павыходзілі, вылязла з-пад ложка дый пайшла проста дадому. Прыйшоўшы дадому, яна нічого нікому не казала, што бачыла, і лягла спакойна спаць.

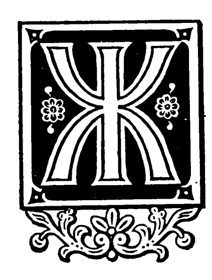
[1] Женихов.
[2] Отца.
[3] Дворец.
[4] С кровью.
[5] Туловища.
[6] Сапоги.
[7] Башмаки.
[8] Одежда, платье.
[9] Послышала.
[10] Раздели.
[11] Никак, никаким образом.
[12] Искать.
[13] Тошно.
[14] Разговор.
[15] Большая дорога.
[16] Остальные.

На другі дзень рана расказала кралеўна аб усём свайму бацьку, і ён, канечна, захацеў іх палавіць. Аж таго самаго дня прыежджаюць усе тые разбойнікі на абед да караля. Доўго сядзелі тые разбойнікі, а после сталі абедаць. Як толькі зачалі есці, кралеўна зачала так расказваць: «Мне снілася сягодня, што пашла да вас ў госьці. Ішла я дак ішла той дарогай, якой вы мне наказалі, аж стаіць палац; ўхаджу я ў той палац, аж у першай хаце стаяць бочкі з кровёй чалавечай, у другой хаце галавы, ногі, рукі, у трэцім пакоі тулубы чалавечые, у чацвёртым пакоі самые боты і чаравікі, у пятым пакоі адзеннё суконнае і матэрыі, у шостым пакоі самае срэбро і брыльянты. А после пачула стук і схавалася пад ложко. Сядзела я там, сядзела, аж ўходзяць дванаццаць мущын і прывялі з сабою адну вельмі харошую і багатую панну; палажылі яну на калодку і зарэзалі. После пазнімалі персцёнкі з рук, але аднаго персцёнка ніяк не маглі зняць. Дак адзін разбойнік кажэ: аддайце мне гэты персцёнак, я яго зніму. Яны аддалі той персцёнак, і ён адрубаў яго з пальцам; але той палец паляцеў пад тое ложко, гдзе я сядзела».

Калі гэта расказвала кралеўна, разбойнікі ўсе пачырванелі [17] і дагадаліся, што кралеўна была ў іх і ўсё бачыла. После кралеўна выняла персцёнак з пальцам з кішэні [18] і сказала: «Гэта, што я гаварыла, мне не снілося, але было праўда!» Тые разбойнікі, бачучы, што будзе кепско [19], з-за стала́ дый у ногі [20] праз окна; але там сядзелі прыгатаваные людзі, каторые іх усіх палавілі, павязалі і прывялі да караля. Кароль зараз казаў прыгатаваць железные бо́раны ўсіх дванаццаць разбойникаў парасцягаць; а кралеўну аддаў замуж за аднаго вялікаго кралевіча. Васелля было гучнае [21], а па васеллі паехалі да таго палацу, гдзе жылі разбойнікі, і пазабіралі ўсё багацтва і, прыехаўшы назад, далі бал, на каторым і я быў, мед-піво піў, па барадзе цякло, ў роце не было.

345. МУДРАЯ ДЕВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ

ил-был крестьянин, у него было два сына: меньшой был 201
в дороге, старшо́й при доме. Стал отец помирать и оставил сыну при доме все наследство, а другому ничего не дал; думал, что брат брата не изобидит. Как отец-то помер, старшо́й сын его похоронил и все наследство у себя удержал. Вот приезжает другой сын и горько плачет, что не застал отца в живых. Старшо́й ему и говорит: «Отец мне все одному оставил!» И детей-то у него не было, а у меньшого был сын родной да дочь-приемыш.

[17] Покраснели, побагровели.
[18] Из кармана.
[19] Плохо.
[20] То есть бежать.
[21] Шумное, громкое.

Вот старшо́й получил все наследство, разбогател и стал торговать дорогими товарами; а меньшой был беден, рубил в лесу дрова да возил на рынок. Соседи, жалея его бедность, собрались и дают ему денег, чтобы он хоть мелочью торговал. Бедняк боится, говорит им: «Нет, добрые люди, не возьму я ваши деньги; неравно проторгуюсь — чем я вам долг заплачу?» И уговорились двое соседей как-нибудь ухитриться да дать ему денег. Вот как поехал бедный за дровами, один из них настиг его окольной дорогой и говорит: «Поехал я, братец, в дальний путь; на дороге отдал мне должник триста рублей — не знаю, куда их девать! Домой ворочаться не хочется; возьми, пожалуй, мои деньги, похрани у себя, а лучше-ка торгуй на них; я приеду не скоро; после выплатишь мне понемножку».

Бедный взял деньги, привез домой и боится, как бы их не потерять, как бы жена не нашла да не издержала заместо своих. Думал-думал, и спрятал в малёнку[1] с золой, а сам ушел со двора. Приехали без него меновщики — вот что скупают золу да меняют ее на товар. Баба взяла и отдала им эту малёнку с золой. Вернулся домой муж, видит, что малёнки нет, спрашивает: «Где зола?» Жена отвечает: «Я ее продала меновщикам». Вот он испугался, тоскует и горюет, а только все молчит. Видит жена, что он печален; приступила к нему: «Что за напасть с тобой случилась? Отчего так печален?» Он и признался, что в золе были спрятаны у него чужие деньги; рассердилась баба — и рвет, и мечет, и слезами заливается: «Зачем ты мне не поверил? Я б получше твоего припрятала!»

Опять поехал мужик по дрова, чтобы потом на рынке продать да хлеба купить. Настигает его другой сосед, говорит ему те же самые речи и дает под сохрану пятьсот рублей. Бедняк не берет, отказывается, а тот ему насильно всунул деньги в руку и поскакал по дороге. Деньги-то были бумажками; думал-думал: куда их положить? Взял да промеж подкладки и спрятал в шапку. Приехал в лес, шапку повесил на елку и начал рубить дрова. На его беду прилетел ворон и унес шапку с деньгами. Мужик потужил, погоревал, да, видно, так тому и быть! Живет себе по-прежнему, торгует дровишками да мелочью, кое-как перебивается. Видят соседи, что времени прошло довольно, а у бедного торг не прибывает; спрашивают его: «Что ж ты, братец, худо торгуешь? Али наши деньги затратить боишься? Коли так, лучше отдай наше добро назад». Бедный заплакал и рассказал, как пропали у него ихние деньги. Соседи не поверили и пошли просить на него в суд. «Как рассудить это дело? — думает судья.— Мужик — человек смирный, неимущий, взять с него нечего; коли в тюрьму посадить — с голоду помрет!»

Сидит судья, пригорюнясь, под окошком, и взяло его большое раздумье. На то время как нарочно играли на улице мальчишки. И говорит один — такой бойкий: «Я бурмистр буду: стану вас, ребята, судить, а вы приходите ко мне с просьбами». Сел на камень; а к нему подходит другой мальчишка, кланяется и просит: «Я-де вот этому мужичку дал денег

[1] *Малёнка* — деревянная кадочка, мерка, пудовка (*Ред.*).

взаймы, а он мне не платит; пришел к твоей милости суда на него просить».— «Ты брал взаймы?» — спрашивает бурмистр у виноватого. «Брал».— «Почему ж не платишь?» — «Нечем, батюшка!» — «Слушай, челобитчик! Ведь он не отпирается, что брал у тебя деньги, а заплатить ему невмоготу, так ты отсрочь ему долг лет на пять — на шесть, авось он поправится и отдаст тебе с лихвою. Согласны?» Мальчишки оба поклонились бурмистру: «Спасибо, батюшка! Согласны». Судья все это слышал, обрадовался и говорит: «Этот мальчик ума мне дал! Скажу и я своим челобитчикам, чтоб отсрочили они бедному». По его словам согласились богатые соседи обождать года два-три; авось тем временем мужик поправится!

Вот бедный опять поехал в лес за дровами, полвоза нарубил — и сделалось темно. Остался он на ночь в лесу: «Утром-де с полным возом ворочусь домой». И думает: где ему ночевать? Место было глухое, зверей много; подле лошади лечь — пожалуй, звери съедят. Пошел он дальше в чащу и влез на большую ель. Ночью приехали на это самое место разбойники — семь человек, и говорят: «Дверцы, дверцы, отворитеся!» Тотчас отворились дверцы в подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, снесли всю и приказывают: «Дверцы, дверцы, затворитеся!» Дверцы затворились, а разбойники поехали снова на добычу. Мужик все это видел, и когда кругом его стихло — спустился с дерева: «А ну-тка я попробую — не отворятся ль и мне эти дверцы?» И только сказал: «Дверцы, дверцы, отворитеся!» — они в ту ж минуту и отворилися. Вошел он в подземелье, смотрит — лежат кучи золота, серебра и всякой всячины. Возрадовался бедный и на рассвете принялся таскать мешки с деньгами; дрова долой сбросил, нагрузил воз серебром да золотом и поскорей домой.

Встречает его жена: «Ох ты, муж-муженек! А я уж с горя пропадала; все думала: где ты? Либо деревом задавило, либо зверь съел!» А мужик веселехонек: «Не кручинься, жена! Бог дал счастья, я клад нашел; пособляй-ка мешки носить». Кончили работу, и пошел он к богатому брату; рассказал все, как было, и зовет с собой ехать по счастье. Тот согласился. Приехали вместе в лес, отыскали ель, крикнули: «Дверцы, дверцы, отворитеся!» Дверцы отворились. Начали они таскать мешки с деньгами; бедный брат наложил воз — и доволен стал, а богатому все мало. «Ну ты, братец, поезжай,— говорит богатый,— а я за тобой скоро буду».— «Ладно! Не забудь же сказать: «Дверцы, дверцы, затворитеся!» — «Нет, не забуду». Бедный уехал, а богатый никак не может расстаться: всего вдруг не увезешь, а покинуть жаль! Тут его и ночь застигла. Приехали разбойники, нашли его в подземелье и отрубили ему голову; поснимали свои мешки с возу, заместо того положили убитого, настегали лошадь и пустили на волю. Лошадь бросилась из лесу и привезла его домой. Вот атаман разбойничий и бранит того разбойника, что убил богатого брата: «Зачем ты убил его рано? Надо было наперед расспросить, где он живет? Ведь у нас много добра убыло: видно, он же повытаскал! Где теперь найдем?» Есаул говорит: «Ну, пускай тот и доискивается, кто его убил!»

Недолго спустя стал тот убийца разведывать; не отыщется ли где их золото? Приходит как есть к бедному брату в лавочку; то-другое поторговал, заприметил, что хозяин скучен, задумывается, и спрашивает: «Что так приуныл?» А тот и говорит: «Был у меня старшо́й брат, да беда стряслась: кто-то убил его, третьего дни лошадь на двор привезла с отрубленной головою, а сегодня похоронили». Разбойник видит, что на след попал, и давай расспрашивать; притворился, будто очень жалеет. Узнал, что после убитого вдова осталась, и спрашивает: «Хоть есть ли у сироты свой-то уголок?» — «Есть — дом важный!» — «А где? Укажи мне». Мужик пошел, указал ему братнин дом; разбойник взял кусок красной краски и положил на воротах заметку. «Это для чего?» — спрашивает его мужик. А тот отвечает: «Я-де хочу помочь сироте, а чтоб легче дом найти — нарочно заметку сделал».— «Э, брат! Моя невестка ни в чем не нуждается: слава богу, у нее всего довольно».— «Ну, а ты где живешь?» — «А вот и моя избушка». Разбойник и у него на воротах положил такую ж заметку. «А это для чего?» — «Ты,— говорит,— мне очень понравился; стану к тебе на ночлег заезжать; поверь, брат, для твоей же пользы!» Вернулся разбойник к своей шайке, рассказал все по порядку, и уговорились они ехать ночью — ограбить и убить всех в обоих домах да воротить свое золото.

А бедный пришел ко двору и сказывает: «Сейчас спознался со мной молодец, запятнал мои ворота — стану, говорит, к тебе завсегда на постой заезжать. Такой добрый! А как о брате сожалел, как хотел невестке помочь!» Жена и сын слушают, а дочь-приемыш говорит ему: «Батюшка, не ошибся ли ты? Ладно ли этак будет? Не разбойники ль это убили дядюшку, а теперь хватились своего добра да нас разыскивают? Пожалуй, наедут, разграбят, и от смерти не уйдешь!» Мужик испугался: «А что дивить? Ведь я его допрежде того никогда не видывал. Вот беда! Что же делать-то станем?» А дочь говорит: «Поди же ты, батюшка, возьми краски да по всему околотку и запятнай ворота такими же метками». Мужик пошел и запятнал ворота во всем околотке. Приехали разбойники и не могли ничего разыскать; воротились назад и приколотили разведчика: зачем неладно пятнал? Наконец рассудили: «Видно, мы на хитрого напали!» и погодя немного приготовили семь бочек; в шесть бочек посадили по разбойнику, а в седьмую масла налили.

Поехал прежний разведчик с этими бочками прямо к бедному брату, приехал под вечер и попросился ночевать. Тот и пустил его, как знакомого. Дочь вышла на двор, стала осматривать бочку, одну открыла — в ней масло, другую попробовала открыть — нет, не сможет; припала ухом и слушает, а в бочке кто-то шевелится и дышит. «Э,— думает,— да тут недобрая хитрость!» Пришла в избу и говорит: «Батюшка! Чем будем гостя потчевать! Сем-ка[2] я пойду затоплю печку в задней избе да изготовлю чего-нибудь поужинать».— «Ну что ж, ступай!» Дочь ушла, затопила печь, да между стряпней все воду греет, кипяток носит да в бочки льет; всех разбойников заварила. Отец с гостем поужинали; а дочь

[2] Дай-ка.

сидит в задней избе да караулит: что-то будет? Вот когда хозяева уснули, гость вышел на двор, свистнул — никто не откликается; подходит к бочкам, кличет товарищей — нет ответу; открывает бочки — оттуда пар валит. Догадался разбойник, запряг лошадей и убрался со двора с бочками.

Дочь заперла ворота, пошла будить своих домашних и рассказала все, что сделалось. Отец и говорит: «Ну, дочка, ты нам жизнь спасла, будь же законной женой моему сыну». Веселым пирком и свадьбу сыграли. Молодая одно отцу твердит, чтобы продал свой старый дом да другой купил: крепко боялась разбойников! Не ровен час — опять пожалуют. Так и случилось. Чрез некое время тот самый разбойник, что приезжал с бочками, снарядился офицером, приехал к мужику и просится ночевать; его пустили. Никому невдомек, только молодая признала и говорит: «Батюшка! Ведь это прежний разбойник!» — «Нет, дочка, не тот!» Она замолчала; да как стала спать ложиться — принесла вострый топор и положила подле себя; всю ночь глаз не смыкала, все караулила. Ночью офицер встал, берет свою саблю и хочет ее мужу голову отсечь: она не сробела, махнула топором — и отрубила ему правую руку, махнула еще раз — и голову снесла. Тут отец уверился, что дочка его подлинно премудрая; послушался, продал дом и купил себе гостиницу. Перешел на новоселье, начал жить, богатеть, расторговываться.

Заезжают к нему соседи — те самые, что давали ему денег да после на него в суде просили. «Ба! Ты как здесь?» — «Это мой дом, недавно купил».— «Важный дом! Видно, у тебя деньга́ водится. Что ж ты долгу не платишь?» Хозяин кланяется и говорит: «Слава богу! Мне господь дал, я клад нашел и готов заплатить вам хоть втрое». — «Хорошо, брат! Давай же теперь новоселье праздновать».— «Милости просим!» Вот погуляли, попраздновали; а при доме сад куда хорош! «Можно сад посмотреть?» — «Извольте, честны́е господа! Я и сам с вами пойду». Ходили, ходили по́ саду, и нашли в дальнем углу малёнку золы. Хозяин как увидал, так и ахнул: «Честны́е господа! Ведь это та самая малёнка, которую моя жена продала». — «А ну-тка, нет ли в золе денег?» Вытряхнули, а они тут и есть. Тогда соседи поверили, что мужик им правду сказывал. «Станем,— говорят,— деревья осматривать; ведь шапку-то ворон унес — верно, в ней гнездо свил». Ходили-ходили, увидали гнездо, стащили баграми — как есть та самая шапка! Выбросили гнездо и нашли деньги. Заплатил им хозяин долг свой и стал жить богато и счастливо.

346. СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Быў чалавек бедны, не меў ні снасціны [1], ні скаціны, а дзяцей 202
меў шмат [2]. Прыйшла вясна, а яму няма чым гараць; людзі ідуць з сахою і скацінаю, а ён ідзе з жалязнікам. Устрачае ён дзве панны, а тые панны былі: адна — Шчасце, а другая Няшчасце. Пытаюць яго: «Куды, чалавеча, ідзеш?» Так ён кажа: «Панначкі маі, кралеўначкі! Мае такое няшчасце: людзі ідуць з скацінаю, а я з жалязнікам; няма чым пражывіць [3] дзяцей». Дак тые, адна з другою гаворачы, кажуць: «Надарым мы яго». Дак Шчасце кажа: «Калі твой [4], то ты яго і надары». Дак вынялі і далі яму дзесяць рублёў і сказалі: «Ідзі да хаты і купі сабе вала». Дак ён прышоў да хаты і тые гроши [5] схаваў ў гаршок, дзе быў пóпел.Назаўтра прыйшла да яго суседка, кума багатая, дый кажа: «Чы няма ў вас попелу, бо мае палотна вельмі рудые?» [6] — «Вазьмі сабе, вот у гарнушку [7] стаіць», — сказала беднага чалавека жонка. Мужык, каторага не было дома, стаў аглядацца і ніяк не ўбачыў гаршка з попелам дый стаў на жонку крычаць: «Куды дзела грошы з гаршком?» Жонка зачала бажыцца, што не ведала, што там былі грошы, і сказала, што гаршок узяла суседка кума. А после мужык пашоў да кумы і стаў прасіць, каб аддала грошы. Яна каже, што я не бачыла іх у цябе нікалі. Мужык пайшоў да пана, і там не знайшоў справы [8]; бо пан сказаў, што ты грошай нікалі ня меў, а хочэш толькі ў яе адабраць. Так грошы мужыка прапалі.

Плакаў ён, плакаў, дый ізноў ідзе з жалязнікам, аж устрачае тые дзве панны. Ён іх не пазнаў, а яны яго пазналі. А после пытаюць таксама [9], як упярод [10]; ён ім таксама адказаў, як упярод, і яны далі яму дваццать рублёў. Мужык зноў прыйшоўшы дадому, схаваў грошы ў гумне ў патруху [11]. Назаўтра прыйшла тая самая кума і зачала прасіць патрухі для цялят, і жонка беднага мужыка зноў дала патруху, бо ня ведала, што там грошы. Мужык, прыйшоўшы да дому, пайшоў ў гумно выняць грошы і зноў не знайшоў. Прыйшоў ў хату і стаў свáрыцца [12] на жонку, куды дзела грошы з патрухаю? Жонка сказала, што кума прыходзіла і забрала патруху. Дак той мужык таксама, як упярод, хадзіў да кумы і да пана, але нідзе не знайшоў справы: ўсе казалі, што у цябе нікалі грошей не было.

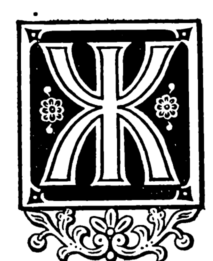
Мужык паплакаў дый ізноў ідзе і спатыкае [13] тые самые панны, і яны далі яму толькі два грашы і сказалі: «Ідзі да рэчкі Нёмна [14], там будуць лавіць рыбу дый ніяк не зловяць. Ты папрасі, каб на тваё шчасце закінулі». Ён так і зрабіў [15]; пайшоў да Нёмна і папрасіў, каб на яго шчасце

[1] Домашней рухляди.
[2] Довольно, много.
[3] Прокормить.
[4] Т. е. бесталанный, несчастный.
[5] Деньги.
[6] Замараны, нечисты.
[7] Маленький горшок с ручкой.
[8] Суда, расправы, правды.
[9] Точно так же.
[10] Вперед, прежде.
[11] Мякина, труха.
[12] Браниться.
[13] Встречает.
[14] Немана.
[15] Сделал.

закінулі. Як закінулі, дак там многа выцягнулі рыбы, што недзе было дзець. Рыбакі запыталіся: «Колькі бы табе даць за гэта?» Ён кажа, што прадайце мне за два грашы. Яны прадалі адну рыбку за два грашы, а другую далі яму дарам. Мужык, узяўшы тые рыбкі, пайшоў да дому і аддаў жонцы, каб зварыла. Жонка вельмі была рада з дзецьмі з тых рыбак і не варыла, а палажыла так. Аж ехаў адзін пан цераз тое сяло; той мужык пайшоў адчыніць [16] варота і зачаў смяяцца, а пан запытаўся: «Чаго ты смяешся?» І ён сказаў, што ў мяне ёсць такая рыбка: хто на рыбку гляне, то кажны смяецца. Таму пану вельмі захацелося рыбкі і за тую рыбку даў мўжыку пару валоў, пару ко́ней і толькі збожа [17], колькі мужык хацеў. Ітак мужык знайшоў сваё шчасце ў двух грашах.

347. УБОГИЙ

ил-был Нестерка, было у него детей шестерко; детей-то 20
много, да имения никакого, нечем ему с семьей кормиться, а воровать боится. Вот он запряг повозку, за́брал детишек и поехал по́ миру. Едет дорогою, оглянулся назад — лежит в грязи старичок безногий. И просит этот старичок: «Возьми меня, пожалуйста, с собою!» — «Куда мне тебя, батюшка, — отвечает Нестерка, — у меня шестеро детей, а лошадь худая». Опять просит безногий: «Возьми меня, пожалуйста!» Нестерка взял этого убогого, посадил на повозку и поехал. Говорит ему убогий: «Давай мы с тобой бросим жеребей, кому быть из нас бо́льшим братом». Бросили они жеребей, доставалось быть бо́льшим братом убогому.

Приехали в деревню. Убогий приказывает: «Поди, просись ночевать вот в этот дом». Нестерка стал проситься ночевать; вышла старуха, отвечает ему: «У нас негде, и без вас тесно!» Вернулся Нестерка к убогому. «Сюда не пускают»,— говорит; а убогий опять его посылает: непременно просись! Пошел Нестерка и таки выпросился ночевать; въехал на двор, стал носить своих детей в избу, и убогого перенес. Велит ему хозяйка: «Клади ты своих детей под лавку, а безногого на полати посади!» Посадил он безногого на полати, а детей под лавку положил. «Где твой муж?» — спрашивает хозяйку убогий. «На разбой поехал и двух сыновей взял».

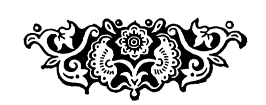
Вот приезжает домой хозяин, впустил двенадцать возов на двор — все серебром насыпаны, отложил лошадей и пришел в избу. Увидал нищих и закричал на хозяйку: «Что ты за людей напустила?» — «Это

[16] Отворить.
[17] Жита, хлеба.

нищие, ночевать выпросилися».— «Нужно было! И на улице б ночевали!» Сел хозяин с хозяйкою и с двумя сыновьями ужинать, а нищих не зовут. Убогий вынул половину просвирки, сам покушал и Нестерке и детишкам его дал; все сыты наелись. Хозяин только удивляется: «Отчего так: мы четверо целый хлеб съели — и то впроголодь, а их восьмеро половиной просвирки сыты?» Как заснули хозяева, убогий и посылает Нестерку на двор посмотреть, что там делается. Нестерка вышел — все лошади овес едят. В другой раз посылает его убогий: «Поди, опять посмотри!» Вышел он, посмотрел — на всех лошадях хомуты надеты. В третий раз посылает Нестерку убогий; опять вышел он — все лошади запряжены. Воротился в избу и говорит: «Все лошади в упряжи стоят».— «Ну,— сказал убогий,— теперь выноси своих детей и меня да поедем».

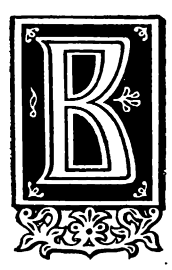
Сели они на свою повозку и поехали со двора, а двенадцать хозяйских лошадей вслед за ними с возами пошли. Ехали-ехали, и приказывает убогий, чтобы сходил Нестерка в тот дом, где они ночевали, да рукавицы взял: «Я-де на полатях забыл». Пришел Нестерка—а того дома как не бывало, сквозь землю провалился! Одни рукавицы на печном столбу уцелели. Взял он рукавицы, приходит к убогому и говорит, что весь дом провалился сквозь землю. «Это господь за разбой покарал! Возьми себе эти двенадцать возов со всем, что есть»,— сказал убогий и из глаз пропал. Нестерка приехал домой, посмотрел — все возы серебром засыпаны, и стал он богато жить.

Посылает его жена: «Что,— говорит,— лошади так гуляют? Поезжай-ка в извоз». Он собрался и поехал в город. Повстречала его на дороге неведомо чья девица: «Это,— говорит,— не твои лошади!» — «Не мои,— отвечает Нестерка,— коли ты признала их — возьми, бог с тобой!» Девица взяла двенадцать лошадей, а мужик домой воротился. На другой день пришла к нему под окно эта девица и говорит: «На, возьми своих лошадей; я с тобой пошутила, а ты их и отдал!» Нестерка взял лошадей, смотрит, а в возах больше прежнего серебра да золота насыпано!

348—350. БЕССТРАШНЫЙ

348

В некотором царстве жил купеческий сын; сильный, смелый, 204a
смолоду ничего не боялся; захотелось ему страсти[1] изведать, и поехал он с работником странствовать. Долго ли, коротко ли — приехали они к дремучему лесу, а тут как нарочно и смерклося. «Поезжай в лес!» — говорит купеческий сын. «Эх, хозяин, сюда страшно ехать; ведь теперь ночь, могут либо звери напасть, либо разбойники обидеть».— «Вот испугался! Делай, что приказываю». Въехали они в лес и спустя немного увидали: висит на одном дереве мертвец. Работник еще пуще набрался страху, а купеческому сыну все нипочем — снял мертвеца с дерева, положил в повозку и велел ехать дальше. Через час — через два подъезжают они к большому дому; в окна огонь светится. «Ну, вот и знатно: есть где переночевать!» — говорит купеческий сын; а работник упирается: «Лучше в лесу ночевать, чем в этом доме; того и гляди к разбойникам попадем — оберут нас до нитки, да и смерти не миновать!» И впрямь тут жили разбойники; но купеческий сын ничего не слушает, сам и ворота отворил и на двор въехал. Выпряг лошадей и берет с собой работника в хоромы.

Входят — а там за большим столом сидят разбойники, все в богатой одёже, у всех при боку славные сабли; пьют разные напитки да едят рыбу. «Здравствуйте, господа,— сказал им купеческий сын,— посадите-ка и меня с собой попить-покушать». Разбойники смотрят на него: что за молодец? — и не отвечают ни слова. Незваный гость сам к столу подходит, взял кусок рыбы, съел и говорит: «Ну, господа, плоха ваша рыба! Эй, работник, поди-ка принеси сюда ту белужину, что в повозке лежит». Работник сбегал, принес мертвеца. Купеческий сын взял мертвое тело, бросил на стол и принялся ножом кромсать; отрезал кусок, понюхал и закричал: «Нет, нехороша и эта белужина! Работник! Лови-ка живых!» А сам на разбойников показывает; разбойники с испугу разбежались в разные стороны и попрятались кто куда. «Ну вот, ты боялся! Где же страсть-то? — спрашивает купеческий сын работника.— Сядем лучше за стол да поужинаем». Сели, напились-наелись, а ночевать не остались; запрягли лошадей и поехали в путь-дорогу.

Вот подъезжают они к кладбищу. «Стой! — закричал купеческий сын.— Остановимся здесь ночевать». А работник опять за свое. «Тут страшно, по ночам мертвецы встают!» — «Экой ты, всего боишься!» Остановились и легли спать на могиле. Купеческий сын заснул, а работнику и сна нет. Вдруг из той могилы подымается мертвец в белом саване, огромного роста; навалился на купеческого сына и начал его душить. Тот пробудился, сшиб мертвеца под себя и принялся, в свою очередь, бить и мучить всячески. Мертвец терпел-терпел и стал пощады просить.

[1] Страха.

«Я тебя, пожалуй, отпущу (говорит купеческий сын), если ты через час унесешь и доставишь мне дочь такого-то царя, что живет отсюдова за тридевять земель».— «Доставлю, только отпусти!» Купеческий сын отпустил мертвеца, и через час времени возле его повозки появилась спящая царевна — на той же самой кровати, на какой обыкновенно она почивала в царских палатах. Купеческий сын не будил царевны до тех пор, пока она сама не проснулась; а воротившись домой, вступил с нею в законное супружество.

Много купеческий сын по разным землям странствовал, а страху нигде не испытал; приехал домой, и вот что случилось с ним в некое время. Имел он сильную охоту рыбу ловить; целые дни и ночи на реке проводил. Матери его больно не нравилось, что он надолго и́з дому отлучался; вот она и попросила рыбаков как-нибудь испугать его. Рыбаки наловили ершей и, как скоро заметили, что купеческий сын, плавая в лодке, заснул,— подплыли к нему потихоньку и положили ему за пазуху несколько ершей. Ерши затрепетались, купеческий сын вскочил, испугался и упал в воду, кое-как выплыл и тут-то впервые узнал, что такое страх!

349

некоем царстве, в некоем государстве был барин — такой сме- 204b
лый, ничего не боялся, и был у него слуга Фомка. Собрались они и поехали в путь-дороженьку. Долго ли, коротко ли они ехали, пристигала их в лесу темная ночь. Едучи лесом, увидали они землянку, а в землянке огонь горит. «Фомка,— сказал барин,— поезжай к огню». Подъехали к землянке, вошли, смотрят — мертвец лежит. Барин говорит: «Фомка, давай здесь ночевать!» — «Нет, барин, я боюсь; лучше дальше поедем».—«Дурак, стану я для тебя по лесу плута́ть!» Взял барин плеть и лег подле мертвеца; а Фомка залез в печь, изогнул заслон, протащил к себе, после опять расправил, закрыл печь заслоном и уперся в него ногами. Ударило полночь — мертвец встал и напал на незваного соседа; барин не будь плох, ухватил плеть и ну его жарить. Долго бились они; наконец, запел кочет — мертвец упал на свое место, а барин кричит: «Фомка! Чего поробил [1]? Вылезай из печи, клади мертвеца в повозку». Фомка вылез и потащил мертвеца в повозку.

Сели и поехали дальше; целый день были в дороге, а к вечеру в село приехали. Смотрят: стоит народ на улице и горько плачет. «О чем, мужички, плачете?» — спрашивает барин. «Как нам не плакать, батюшка! Повадилась к нам ходить Смерть и ест наших детей каждую ночь по очереди».— «А ну, покажите мне вашу Смерть».— «Да вот она в этот дом придет». Барин говорит: «Фомка! Поедем-ка на охоту, не удастся ли еще?» Подъехали к тому дому и просятся ночевать. «Нет, барин,—отвечают хозяева, — нельзя нам тебя пустить, потому что ныне ночью к нам Смерть придет; мы уж припасли ей мальчика».— «Пожалуйста, пустите!

[1] Оробел.

Мне посмотреть хочется, что за Смерть такая?» Пустили его; барин взошел в избу, взял в руки плеть и сел на лавку. В самую полночь пришел мертвец. Барин спрашивает его: «Кто пришел?» — «Смерть!» — «А есть ли у тебя билет?» — «Что за спрос! Разве у Смерти бывают билеты?» Барин зачал его плетью дуть; насилу мертвец вырвался и пустился на кладбище — в свою могилу; барин за ним, положил на той могиле примету и воротился в избу. Тут ему большую честь воздали.

Наутро сказал барин: «Фомка! Запрягай лошадей, поедем на могилы; я там что-то забыл». Поехали. Барин нашел запримеченную могилу, разрыл и вытащил оттуда мертвеца. «Фомка! Бери его, клади в повозку». Фомка положил, стало у них два мертвеца. «Ну,— говорит барин,— теперь с нас довольно; есть и осетр и белуга!» Поехали дальше; приезжают в другое село, а здесь народ плачет. «Что, мужички, плачете?» — спросил барин. «Как нам, батюшка, не плакать? Возле нас в лесу живут разбойники, всячески нас обижают, грабят и до смерти побивают».— «А в коем месте живут разбойники?» Мужики указали. «Фомка,— сказал барин,— поедем на охоту, не будет ли еще удача?» Поехали; стоит в лесу большой дом, смотрит в окно атаман и говорит: «Ну, ребята, едет к нам какой-то барин; вот мы его поздравим с приездом!»

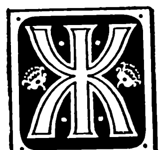
Барин въехал на двор, взошел в горницу, а там двенадцать человек разбойников сидят за столом да обедают. «Здорово, молодцы!» — сказал барин и велел Фомке тащить осетра да белугу. Фомка притащил мертвецов и прямо на стол. «Ну, ребята, кушайте»,— угощает барин разбойников; они поробили, ничего не отвечают. «Фомка! Принеси-ка плеть, я их заставлю есть!» Фомка подал плеть, барин взял и начал направо и налево разбойников хлестать; те вскочили да бежать! Так все и ушли. Барин говорит: «Ну, Фомка, наша взяла! Давай искать денег». Забрали все, что нашли у разбойников, и поехали дальше.

Приезжают к морю-океану; стоит на берегу большой трехэтажный дом. «Фомка! Выпрягай лошадей да пойдем в дом». Взошли на самый верхний этаж и увидели — сидит царевна и горькими слезами разливается. «Что, де́вица, плачешь?» — спрашивает барин. «Как мне не плакать, мо́лодец! Выпал мне жребий быть взятой нечистыми; вот сейчас придут черти и потащут в море!» Барин стал дожидаться. Наперед прибежал маленький чертенок. «Ты куда?» — закричал на него барин. «За царевною; меня дедушка послал». — «А есть ли у тебя билет?» — «Что за билет, ведь мы — черти!» — «Знаю, что черти! А зачем живете безданно, беспошлинно?» Схватил плеть и зачал чертенка бить. Чертенок кое-как вырвался и без памяти убежал в море; пересказал обо всем сатане. Сатана послал много-много чертей; барин тех плетью повыгнал, тех в окно повыкидал.

Прибежал сам сатана. «Что ты, брат, буянишь? Или хочешь быть больше меня?» — «А ты кто таков? — спрашивает барин.— Есть ли у тебя билет?» — «Экой ты дурак! Ну, какой там билет? Ведь я — сатана!» — «Постой же, вот я тебя, умника! Фомка, подай плеть да щипцы раскаленные!» — ну его щипать да плетью бить. Сатана и так и сяк вертелся, не мог скоро вырваться, начал просить у барина милости. Барин

отпустил его еле жива, и убежал он без оглядки в море. После приезжает туда царь в печальной ризе, увидел живую дочь — и возрадовался великою радостию. Стал ее расспрашивать; царевна рассказала, кто и как избавил ее от смерти. Царь возблагодарил барина и отдал за него дочь свою. Барин женился и поехал с своею женою на старое жительство; случись ему ехать мимо того моря, где черти живут. Увидали его черти, собираются навстречу бежать, хотят его в воду столкнуть; но сам сатана закричал: «Не могите его трогать; он шутя придет, нас всех перебьет!» Барин приехал домой благополучно и поныне живет счастливо.

350

Жил на свете бесстрашный барин; захотелось ему странствовать, взял своего слугу и поехал в дорогу. Ехали-ехали, добрались к ночи в одну деревеньку и остановились ночевать в крайней избушке. Входят в избушку — никого нет, только лежит на столе мертвец, а перед ним стоит закуска да штоф с водкою. Бесстрашный сел с своим слугою за стол, поужинали, водочки испили и улеглись на лавках. В самую полночь смотрят — мертвец пошевелился и закачал головою; а то был колдун: давно уж завладел он этой избушкою, всех жильцов разогнал. Каждое утро приходили сюда его сродственники, наготовят ему кушаньев, поставят штоф водки и уйдут; ровно в полночь колдун встанет, поест и выпьет все дочиста, а как придет время петухам петь — ляжет на свое место и лежит неживой целые сутки. 204с

«Что, брат, головой качаешь? — спрашивает колдуна бесстрашный барин.— Али выспался?» Колдун молчит, не отвечает; приподнялся и давай шарить водку да закуски. «Эх, земляк,— говорит бесстрашный,— ты, я вижу, есть хочешь? Ну, брат, извини, мы всё приели и выпили; не ведали, что ты проснешься, а то б и тебе оставили». Колдун бросился на барина, и принялись драться; бились-бились, барин был сильный, прижал его к самой двери, дверь отворилась — и колдун упал в сени, так через порог и брякнулся. Бесстрашный заперся на крюк и лег спать, а колдун разозлился и ну грызть дверь зубами. Долго возился, совсем было прогрыз — как вдруг петухи запели, и упал он наземь, окостенел, не движется; как есть мертвец! «Возьмем его с собою,— говорит барин своему слуге,— нам троим веселей в дороге будет!»

Подняли они мертвеца, положили в повозку, сели и поехали. Едут дорогою, глядь — в стороне дерево, на дереве покойник висит, за ноги привязан. «Стой!— закричал барин.— Видишь ли ты, братец, вон на дереве человек висит?» — «Вижу»,— отвечает слуга. «Надо его снять! Может, он без вины, напрасно повешен». Положили и другого мертвеца в повозку, ударили по лошади и поехали дальше. Перед вечером остановились в поле, покормили лошадь, отдохнули, а как стемнело — опять в путь собрались. Едут себе как ни в чем не бывало; в полночь поднимается колдун, берется за барина, а другой мертвец схватил его самого за шиворот: «Ах ты, разбойник,— говорит,— за что его терзаешь? Я три

года висел на дереве, никто не хотел меня снять, а он, спасибо ему, пожалел меня!» Сцепились мертвецы друг с дружкою, давай барахтаться и свалились с повозки; идут по дороге следом за тою повозкою да все дерутся... Пришло время петухам кричать — оба посеред дороги так и повалились. «Останови-ка лошадь,— сказал барин своему слуге,— надо их поднять».— «Ну их к богу! Как бы беды не нажить!» — «Ничего, они еще пригодятся нам». Взяли мертвецов, уложили и поехали.

Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли — приезжают в большой столичный город; в том городе король жил, у того короля был славный дворец выстроен, весь золотом изукрашен, а жить в нем нельзя было; уж много-много лет пустой стоял. Поселилась во дворце нечистая сила, и сколько ни вызывалось богатырей, храбрецов — никто не смог ее выжить оттуда; с вечеру пойдет богатырь во дворец и здоровый и сильный, а к утру одни косточки останутся. Вот приходит бесстрашный к королю: «Прикажи-де квартиру отвести; я — человек чужестранный».— «Есть у меня,— сказывает король,— отличный дворец, только нечистая сила им завладела; коли хочешь, остановись там; отдаю тебе тот дворец в вечное владение. А выгонишь нечистых, еще награждение пожалую». Бесстрашный согласился. Приехал в пустой дворец, видит — покои большие, убранство знатное. «Что, братец,— говорит своему слуге,— хороша квартира?» — «Чего лучше!» — «Ну, теперь таскай дрова как можно больше, накладывай полны печи и зажигай: пусть жарко горят!» Слуга натаскал целые вороха дров и затопил печи: докрасна накалил. Вечером пошел бесстрашный к повозке, забрал обоих мертвецов и тащит в горницы. «Эх, барин,— говорит слуга,— что ты с ними таскаешься? Ведь от них спокоя всю ночь не видать!» — «Молчи, дурак! Я сам знаю, что делаю!» — отвечает барин; положил мертвецов рядышком на постель, а сам лег вместе с слугою под кровать.

В двенадцать часов начался шум да гам, прибежали три черта, глядь — на постели незваные гости лежат. «Это что за́ люди? Как вы смели сюда зайти?» А бесстрашный, лежа под кроватью, отзывается: «Не все вам, проклятые, здесь жить! Теперь наш черед пришел — надо нам, добрым мо́лодцам, повеселиться! Аль не видите, как печки натоплены?» — «Как не видать!» — «Ну, это для вас, проклятые! Всех сожжем, пепел по ветру пустим, будете нас помнить!» Черти испугались и языки прикусили. Вдруг вскакивают два мертвеца и давай меж собой драться, а черти стоят да смотрят: «За что ж,— спрашивают,— вы сами-то деретесь?» Покойники услыхали и бросились на нечистых, ну их рвать и зубами терзать. Черти благим матом завопили: «Ох, отпустите живых нас! Как хотите, так и бейте, только в печь не бросайте!» — «А, вы печи боитесь!» Схватили двух чертей и бросили в раскаленную печку, а третий пустился бежать. Навстречу ему валит толпа нечистых. «Куда вы, братцы?» — «Во дворец».— «Что вы! Коли хотите быть целыми, лучше и не показывайтесь; не то прямо в жар угодите! Я насилу ушел; сами видите, как изуродован!» Только успели переговорить, как закричали петухи — черти пропали, а мертвецы на каком месте стояли, на том и повалились, словно колоды.

Бесстрашный барин и слуга его вылезли из-под кровати, убрали мертвецов, а сами легли на постель и проспали до света. Утром посылает король узнать: жив ли бесстрашный барин, али черти его замучили? Докладывают королю, что он жив, ни в чем невредим. «Хорошо,— молвил король,— посмотрю, что дальше будет». На другую ночь случилось то же самое, на третью опять то же; видят черти, что дело-то плохо, всякий раз своих не досчитываются, и говорят меж собой: «Как ни вертись, братцы, а приходится нам оставлять этот дворец; куда ж теперь сунемся?» И придумали они перебраться на тот на зеленый луг, что перед самым королевским дворцом расстилался. Дал король бесстрашному барину большое награждение, и зажил он в богатстве и довольстве, а мертвецов своих уложил в кибитку и поставил ее в сарай — в самый темный угол; день покойники смирно лежат, а придет глухая полночь — встанут, подерутся друг с дружкою и опять на свое место лягут.

Немного прошло времени, запленили черти зеленый луг и сделали из него трясину да болото; прежде королевская семья тут гуляла, а теперь нельзя стало ни пройти, ни проехати; сильно топко! Курица — и та на другую сторону не переправится. Дивится король: «Что бы это значило?», а чем пособить — не знает. Бесстрашный барин сейчас догадался, в чем дело; раз как-то поздним вечером взял он своих мертвецов, потащил к болоту, положил на видное место, а сам тут же за куст спрятался. Выскочили два черта, увидали старых знакомых и говорят: «Что вы, честные господа! Зачем сюда пришли? Неужли вам во дворце места мало, что хотите нас из болота выживать?» На те речи отвечает бесстрашный из-за куста: «Нет, за дворец вам спасибо! Только луг-то зачем вы запакостили? По нем ни пройти теперь, ни проехати. Коли хотите быть с нами в миру, сделайте так, чтобы нам двоим можно было по этому болоту каждый день верхом кататься, и дайте в том расписку». Только что успели бесы написать расписку, как пришло время мертвецам драться: как вскочат, как бросятся! Нечистые с испугу в болото покидались, в самые глубокие омуты провалились; а мертвецы-то сцепились друг с дружкою, до крови перецарапались... Закричали петухи — и повалились они на землю бездыханные, неподвижные.

Бесстрашный барин схватил расписку и убрал своих покойников, а наутро вырыл на дворе большую яму, положил их туда лицом книзу, заколотил каждому по осиновому колу в спину и закидал землею: с тех пор полно вставать по ночам да царапаться! В скором времени пустил король клич по всему своему государству: не сможет ли кто учинить, чтобы того болота не было, а был бы по-прежнему зеленый луг? — и обещал в награду за то великой казной пожаловать. Нет, никто не вызвался. Вспомнил король про бесстрашного барина, посылает за ним, и начал накладывать на него ту службу нелегкую. «Ваше величество,— отвечает бесстрашный,— я того болота не смогу сделать по-старому зеленым лугом, а смогу по нем проехать верхом на лошади».— «Что ты! Аль потонуть хочешь?» — «Небось,— говорит,— не потону!» Тотчас король собрал свою свиту и сказывает: «Вот-де бесстрашный барин так и так похваляется!» Все главные министры и сенаторы удивилися: «Возьми с

нас,— говорят бесстрашному,— по пяти тысяч, коли это сделаешь!» Закрепили уговор, оседлали доброго коня, и пошли все на то диво смотреть.

Бесстрашный барин сел на коня, напустил на себя смелость и поскакал прямо в трясину; разъезжает себе по болоту, словно по гладкому месту, а народ глядит — только ахает! Вот зáбрал он с министров да с сенаторов многое множество денег и стал с той поры, с того времени каждый день по болоту разгуливать. Мало того, что сам катается: и слугу с собой берет! Просто нет чертям спокою: днем барина возят, а по ночам по белу свету рыскают да людей смущают! Побежали они к старой-старой ведьме и давай ей кланяться, давай ее упрашивать: «Бабушка-голубушка! Научи нас, пожалуйста, как бы нам бесстрашного барина со свету сжить? Сокрушил нас проклятый! Каждый день разъезжает по болоту, а мы повинны его поддерживать вместе с лошадью; нет нам спокою ни на минуточку! Сколько хошь — золота притащим, только выручи из беды!» — «Эх вы, дурные! Сами не догадаетесь! Смотрите ж: завтра, как приедет он гулять по болоту, вы допустите его до середины, да потом и бросьте; пусть провалится — будет вам барин!» На другой день сел бесстрашный на своего доброго коня и поехал на болото гулять; доскакал до середины — тут черти отступились, отскочили от него в разные стороны, и зашумел он совсем с лошадью в тартарары на самое дно.

351—362. РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ

351

В одном селе была девка — лежáка, лентяйка, не любила работать, абы как погуторить да побалакать! И вздумала она собрать к себе девок на попрядухи. А в деревнях вестимо уж лежáки собирают на попрядухи, а лакомогузки[1] ходят. Вот она собрала на ночь попрядух; они ей прядут, а она их кормит, потчует. То, сё, и разговорились: кто из них смелее? Лежáка говорит: «Я ничего не боюсь!» — «Ну, ежели не боишься,— говорят попрядухи,— дак поди мимо погосту[2] к церкви, сними с дверей образ да принеси».— «Хорошо, принесу; только каждая напряди мне по початку[3]». А это чувство-то в ней есть, чтоб ей ничего самой не делать, а чтоб другие за нее делали. Вот она пошла, сняла образ и принесла. Ну, те видят — точно образ от церкви. Надо теперь несть образ назад, а время уж к полночи. Кому 205а

[1] *Лакомогузки* — сластены, любители лакомств (*Ред.*).

[2] Кладбища.

[3] Мера прядева.

несть? Лежáка говорит: «Вы, девки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!»

Пошла, поставила образ на место. Только идет назад мимо погосту и видит: мертвец в белом саване сидит на могиле. Ночь-то месячная, все видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит — знать, время не пришло еще ему говорить-то. Вот она взяла саван, приходит домой. «Ну,— говорит,— образ отнесла, поставила на место, да вот еще с мертвеца саван стащила!» Девки — которые спужались, которые не верят, смеются. Только поужинали, легли спать, вдруг мертвец стучится в окна и говорит: «Отдай мой саван! Отдай мой саван!» Девки перепугались — ни живы ни мертвы; а лежáка берет саван, идет к окну, отворила: «На,— говорит,— возьми!» — «Нет,— отвечает мертвец,— неси туда, где взяла!» Только вдруг петухи запели — и мертвец исчез.

На другую ночь уж попрядухи все по домам разошлись; в тот же самый час опять мертвец приходит, стучится в окно: «Отдай мой саван!» Вот отец и мать лежáки отворяют окно, отдают ему саван.— «Нет,— говорит,— пущай она отнесет туда, где взяла!» Ну, как идти с мертвецом на погост? Страшно! Только петухи пропели — исчез мертвец. На другой день отец и мать послали за священником; рассказали ему так и так и просят пособить их горю: «Нельзя ли,— говорят,— обедню отслужить?» Священник подумал: «Ну, пожалуй! Велите ей завтра к обедне выходить». Назавтра пошла лежáка к обедне; началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да óземь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась.

352

Ехал ночью мужик с горшками; ехал-ехал, лошадь у него устала 205b
и остановилась как раз против кладбища. Мужик выпряг лошадь, пустил на траву, а сам прилег на одной могиле; только что-то не спится ему. Лежал-лежал, вдруг начала под ним могила растворяться; он почуял это и вскочил на ноги. Вот могила растворилась, и оттуда вышел мертвец с гробовою крышкою, в белом саване; вышел и побежал к церкви, положил в дверях крышку, а сам в село. Мужик был человек смелый; взял гробовую крышку и стал возле своей телеги, дожидается — что будет?

Немного погодя пришел мертвец, хвать — а крышки-то нету; стал по следу добираться, добрался до мужика и говорит: «Отдай мою крышку, не то в клочья разорву!» — «А топор-то на что? — отвечает мужик.— Я сам тебя искрошу на мелкие части!» — «Отдай, добрый человек!» — просит его мертвец. «Тогда отдам, когда скажешь: где был и что делал?» — «А был я в селе; уморил там двух молодых парней».— «Ну, скажи теперь: как их оживить можно?» Мертвец поневоле сказывает: «Отрежь от моего савана левую полу и возьми с собой; как придешь в тот дом, где парни уморены, насыпь в горшочек горячих угольев и поло-

жи туда клочок от савана, да дверь затвори; от того дыму они сейчас отживут». Мужик отрезал левую полу от савана и отдал гробовую крышку. Мертвец подошел к могиле — могила растворилась; стал в нее опускаться — вдруг петухи закричали, и он не успел закрыться как надо: один конец крышки снаружи остался.

Мужик все это видел, все приметил. Стало рассветать; он запряг лошадь и поехал в село. Слышит в одном доме плач, крики; входит туда — лежат два парня мертвые. «Не плачьте! Я смогу их оживить».— «Оживи, родимый; половину нашего добра тебе отдадим»,— говорят родичи. Мужик сделал все так, как научил его мертвец, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчас схватили, скрутили веревками: «Нет, дока! Мы тебя начальству представим; коли оживить сумел, стало быть ты и уморил-то!» — «Что вы, православные! Бога побойтесь!» — завопил мужик и рассказал все, что с ним ночью было. Вот дали знать по селу, собрался народ и повалил на кладбище, отыскали могилу, из которой мертвец выходил, разрыли и вбили ему прямо в сердце осиновый кол, чтоб больше не вставал да людей не морил; а мужика знатно наградили и с честью домой отпустили.

353

лучилось одному ремесленнику поздним вечером ворочаться 205c
домой из чужой деревни, с веселой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель — лет с десяток тому, как помер. «Здоров!» — «Здравстуй!» — говорит гуляка, и позабыл, что знакомый его давным-давно приказал долго жить. «Зайдем ко мне; хватим еще по чарке, по другой».— «Пойдем; на радостях, что свиделись, можно выпить!» Пришли в избу, пьют-гуляют. «Ну прощай! Пора домой идти!» — «Постой, куда теперь идти! Переночуй со мной».— «Нет, брат, и не проси — нельзя; завтра дело есть, так надо пораньше быть дома».— «Ну, прощай! Да что тебе пешком идти? Лучше садись на мою лошадь, живо довезет».— «Спасибо, давай!» Сел верхом и понесся — что твой вихрь летит! Вдруг петух запел!.. Страшно: кругом могилы, а под ездоком надгробный камень!

354

тпустили одного солдата в побывку на родину; вот он шел, 205d
шел, долго ли, коротко ли, и стал к своему селу приближаться. Недалеко от села жил мельник на мельнице; в былое время солдат водил с ним большое знакомство; отчего не зайти к приятелю? Зашел; мельник встретил его ласково, сейчас винца принес, стали распивать да про свое житье-бытье толковать. Дело было к вечеру, а как погостил солдат у мельника — так и вовсе смерклось. Собирается солдат идти на село; а хозяин говорит: «Служивый, ночуй у меня; теперь уж поздно, да, пожалуй, и беды не уйдешь!» — «Что так?» — «Бог наказал! Помер у нас страшный колдун; по ночам

встает из могилы, бродит по селу и то творит, что на самых смелых страх нагнал! Как бы он и тебя не потревожил!» — «Ничего! Солдат — казенный человек, а казенное ни в воде не тонет, ни в огне не горит; пойду, больно хочется с родными поскорей увидаться».

Отправился; дорога шла мимо кладбища. Видит — на одной могиле огонек светит. «Что такое? Дай посмотрю». Подходит, а возле огня колдун сидит да сапоги тачает. «Здорово, брат!» — крикнул ему служивый. Колдун взглянул и спрашивает: «Ты сюда зачем?» — «Да захотелось посмотреть, что ты делаешь». Колдун бросил свою работу и зовет солдата на свадьбу: «Пойдем, брат, погуляем — в селе нонче свадьба!» — «Пойдем!» Пришли на свадьбу, начали их поить, угощать всячески. Колдун пил-пил, гулял-гулял и осердился; прогнал из избы всех гостей и семейных, усыпил повенчанных, вынул два пузырька и шильце, ранил шильцем руки жениха и невесты и на́брал их крови. Сделал это и говорит солдату: «Теперь пойдем отсюда». Вот и пошли. На дороге солдат спрашивает: «Скажи, для чего набрал ты в пузырьки крови?» — «Для того, чтоб жених с невестою померли; завтра никто их не добудится! Только один я знаю, как их оживить».— «А как?» — «Надо разрезать у жениха и невесты пяты и в те раны влить опять кровь — каждому свою: в правом кармане спрятана у меня кровь жениха, а в левом невестина».

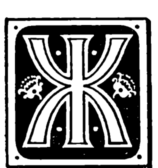
Солдат выслушал, слова не проронил; а колдун все хвалится: «Я,— говорит,— что захочу, то и сделаю!» — «Будто с тобой и сладить нельзя?» — «Как нельзя? Вот если б кто набрал костер осиновых дров во сто возов да сжег меня на этом костре, так, может, и сладил бы со мною! Только жечь меня надо умеючи; в то время полезут из моей утробы змеи, черви и разные гады, полетят галки, сороки и воро́ны; их надо ловить да в костер бросать: если хоть один червяк уйдет, тогда ничто не поможет! В том червяке я ускользну!» Солдат выслушал и запомнил. Говорили, говорили, и дошли, наконец, до могилы, «Ну, брат, — сказал колдун,— теперь я тебя разорву; а то ты все расскажешь».— «Что ты, образумься! Как меня рвать? Я богу и государю служу». Колдун заскрипел зубами, завыл и бросился на солдата, а тот выхватил саблю и стал наотмашь бить. Дрались-дрались, солдат почти из сил выбился; эх, думает, ни за грош пропал! Вдруг запели петухи— колдун упал бездыханен. Солдат вынул из его карманов пузырьки с кровью и пошел к своим родичам.

Приходит, поздоровался; родные спрашивают: «Не видал ли ты, служивый, какой тревоги?» — «Нет, не видал».— «То-то! А у нас на селе горе: колдун ходить повадился». Поговорили и легли спать; наутро проснулся солдат и начал спрашивать: «Говорят, у вас свадьба где-то справляется?» Родные в ответ: «Была свадьба у одного богатого мужика, только и жених и невеста нынешней ночью померли, а отчего — неизвестно».— «А где живет этот мужик?» Указали ему дом; он, не говоря ни слова, пошел туда; приходит и застает все семейство в слезах. «О чем горюете?» — «Так и так, служивый!» — «Я могу оживить ваших молодых; что дадите?» — «Да хоть половину именья бери!» Солдат сделал так, как научил его колдун, и оживил молодых; вместо плача начались радость,

веселье; солдата и угостили и наградили. Он налево кругом и марш к старосте; наказал ему собрать крестьян и приготовить сто возов осиновых дров.

Вот привезли дрова на кладбище, свалили в кучу, вытащили колдуна из могилы, положили на костер и зажгли; а кругом народ обступил — все с метлами, лопатами, кочергами. Костер облился пламенем, начал и колдун гореть; утроба его лопнула, и полезли оттуда змеи, черви и разные гады, и полетели оттуда воро́ны, сороки и галки; мужики бьют их да в огонь бросают, ни одному червяку не дали ускользнуть. Так колдун и сгорел! Солдат тотчас со́брал его пепел и развеял по ветру. С того времени стала на селе тишина; крестьяне отблагодарили солдата всем миром; он побыл на родине, нагулялся досыта и воротился на царскую службу с денежками. Отслужил свой срок, вышел в отставку и стал жить-поживать, добра наживать, худа избывать.

355

ил-был солдат; вышел в отставку и пошел домой. Приходит 205е
в свою деревню — вся пуста, не видать нигде народу. Что такое значит? Зашел в свою прежнюю избу, снял ранец, разделся; стал на лавку садиться, глянул, а на столе стоит штоф вина, и всяких закусок вволю наготовлено. «Ну,— думает,— хоть голоден не буду: есть что закусить и выпить». Вдруг лезет в избу его старый дед, который лет с десять как помер; был он сильный колдун, весь народ из деревни повыгнал, а такого хитреца, чтобы с ним сладил, еще не бывало! Увидал он гостя и закричал: «Ба! Здравствуй, внучек!» — «Здорово, дедушка!» — «Давно я тебя не видал!» — «И то давно!» Сел колдун и давай закуски уписывать да вином запивать; всё один приел. «Где ж мои братья?» — спрашивает солдат. «В иной деревне живут; я отсюдова всех выгнал. Только и ходят сюда что днем; придут, поставят мне ужин да штоф вина, и назад!»

Позакусил колдун, повыпил, и говорит: «Поедем-ка в соседнее село; там нынче свадьба у богатого мужика. Как приедем, я в избу пойду, а ты стой на улице и что стану тебе в окно подавать — все примай да в повозку клади».— «Ладно, дедушка!» Вышли на двор, у крыльца стоит тройка вороных — так и рвут, копытами землю роют! Сели в повозку и мигом в село прискакали. Колдун вошел в избу, а солдат остался на улице, смотрит: что будет? Дед взял со стола скатерть и все, что на столе было накладено-наставлено, завернул в узел и подает в окно; солдат принял и положил в повозку. Потом подошел колдун к жениху, засучил свой рукав и засунул ему руку в рот по самое плечо — жених тотчас помер; сделал то же и с невестою — и та померла. Тут все заголосили, заплакали; отчего беда приключилась? Никто не ведает: колдун и вошел и ушел никому невидим.

Сел он с солдатом в повозку и поскакал назад. Кони быстро несут! «Что, дедушка,— спрашивает солдат,— долго ты будешь по белу свету ходить?» — «Долго, внучек, пока сам захочу».— «Неужто на тебя и силы

нет?» — «Сила-то есть, да никто про нее не ведает».— «Скажи мне, дедушка!» — «Нет, внучек! Много знать хочешь».— «Пожалуйста, скажи!» — «Ну, так и быть: вот в этаком-то месте стоит сухая груша; коли соберутся семеро да выдернут ее с корнем — под ней провал окажется; после надо вырыть мой гроб да бросить в тот провал и посадить опять грушу; ну, внучек, тогда полно мне ходить!» — «А нельзя ли вылечить нонешних молодых, чтоб они ожили?» — «Эх, внучек! Много будешь знать, скоро состареешься».— «Однако скажи!» — «Ну, так и быть! У богатого мужика отелилась сегодня корова и принесла красного бычка; коли того бычка зарезать, да вынуть сердце, да из того сердца взять крови, да тою кровью помазать молодых — они в ту ж минуту оживут и будут здравы и невредимы».

Кони подлетели к крыльцу и стали как вкопанные; колдун взял узел и понес в избу. Развязал и начал жрать все, что попало: сперва ел кушанья, а там принялся глотать ложки, ножи, бутыли и самую скатерть. Живо все обработал и кричит во всю глотку: «Есть хочу! Голоден!.. Ну, внучек, теперь за тебя примусь!» — «Что ты, дедушка, какая солдат еда! Только одни кости».— «Ничего, годишься!» — «Дай хоть в последний раз на белый свет взглянуть!» — «Ну, взгляни, только поскорее!» Вышел солдат на двор, нашел осиновое полено, взял и стоит; а дед кричит: «Что ж ты копаешься? Иди, мне некогда ждать».— «Нет, дедушка, я в избу не пойду; если хочешь, ешь меня на дворе — нечего избы марать!»

Колдун рассердился, бежит к нему на двор; только хотел было схватить, а солдат не дал маху — как урежет его наотмашь осиновым поленом! Колдун и с ног долой! «Ну, внучек, ударь еще раз».— «Будет с тебя и этого!» Тут запел петух — старик окостенел и замолчал; а солдат схватил ранец и пошел в соседнюю деревню, где его братья жили. На другой день он созвал весь мир, выбрал шесть человек, сам седьмой пошел; взяли колдуна и бросили в провал — там, где сухая груша стояла. После того солдат вылечил молодых, взял за то большую награду и зажил себе богато и счастливо.

356

Отпросился солдат в отпуск — родину навестить, родителей повидать, и пошел в дорогу. День шел, другой шел, на третий забрел в дремучий лес. Где тут ночевать? Увидал — на опушке две избы стоят, зашел в крайнюю и застал дома одну старуху. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, служивенькой!» — «Пусти меня ночь переспать».— «Ступай, только тебе здесь беспокойно будет».— «Что? Али тесно у вас? Это, бабушка, ничего; солдату немного места надо: где-нибудь в уголок прилягу, только бы не на дворе!» — «Не то, служивенькой! На грех пришел ты...» — «На какой грех?» — «А вот на какой: в соседней избе помер недавно старик — большой колдун; и таперича каждую ночь рыщет он по чужим домам да людей ест».— «Э, бабушка, бог не выдаст, свинья не съест». 205f

3 Заказ № 207

Солдат разделся, поужинал и полез на полати; лег отдыхать, а возле себя тесак положил. Ровно в двенадцать часов попадали все запоры и растворились все двери; входит в избу покойник в белом саване и бросился на старуху. «Ты, проклятый, зачем сюда?» — закричал на него солдат. Колдун оставил старуху, вскочил на полати и давай с солдатом возиться. Тот его тесаком, рубил-рубил, все пальцы на руках поотбивал, а все не может поправиться. Крепко они сцепились, и оба с полатей на пол грохнулись: колдун под низ, а солдат наверх попал; схватил солдат его за́ бороду и до тех пор угощал тесаком, пока петухи не запели. В ту самую минуту колдун омертвел: лежит, не тронется, словно деревянная колода.

Солдат вытащил его на двор и бросил в колодезь — головой вниз, ногами кверху. Глядь: на ногах у колдуна славные новые сапоги, гвоздями убиты, дегтем смазаны! «Эх, жаль, так задаром пропадут, — думает солдат,— дай-ка я сниму их!» Снял с мертвого сапоги и воротился в избу. «Ах, батюшка служивенькой,— говорит старуха,— зачем ты с него сапоги-то снял?» — «Дак неужли ж на нем оставить? Ты смотри: какие сапоги-то! Кому не надо — рубль серебра даст; а я ведь человек походный, мне они очень пригодятся!»

На другой день простился солдат с хозяйкою и пошел дальше; только с того самого дня — куда он ни зайдет на ночлег, ровно в двенадцать часов ночи является под окно колдун и требует своих сапог. «Я,— грозит,— от тебя нигде не отстану: всю дорогу с тобой пройду, на родине не дам отдыху, на службе замучу!» Не выдержал солдат: «Да что тебе, проклятый, надобно?» — «Подай мои сапоги!» Солдат бросил в окно сапоги: «На, отвяжись от меня, нечистая сила!» Колдун подхватил свои сапоги, свистнул и с глаз пропал.

357

ошел мужик на охоту и любимую собаку с собой взял. Ходил- 205g
ходил по лесам, по болотам, ничего не вы́ходил; пристигла его темная ночь, в неуказные часы идет мимо кладбища и видит: стоит на распутии мертвец в белом саване. Оробел мужик: куда идти — вперед, или назад повернуть? «Эх, что ни будет, пойду вперед!» Идет, а собака за ним следом бежит. Заприметил его мертвец и понесся навстречу — до земли ногами на пол-аршина не хватает, только саван раздувается. Поравнялся с охотником, бросился на него, а собака ухватила того мертвеца за голые и́кры и начала с ним бороться. Видит мужик, что собака с мертвецом схватилась; обрадовался, что его дело право, и побежал во всю прыть домой!

Собака до тех пор дралась, пока петухи запели и мертвец недвижим упал; после того пустилась за хозяином, нагнала у самого дома и бросилась рвать-кусать его; так обозлилась, так пристала, что еле домашние отбили. «Что такое с собакой подеялось? — спрашивает мать-старуха.— Отчего так возненавидела хозяина?» Мужик рассказал все, что было. «Нехорошо, сынок, — говорит старуха, — собака за то осерчала, что ты не́ дал ей помочи; она с покойником дралась, а ты ее одноё покинул да себя

спасал! Теперь она долго будет на тебя зло мыслить». Наутро вся семья по двору ходит — собака ничего, а только хозяин покажется — так и зарычит. Приковали ее на цепь; целый год на цепи продержали, а все она не забыла хозяйской обиды; сорвалась как-то и прямо на охотника, давай душить его... Тут ее и убили.

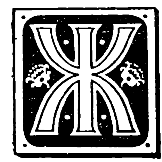
358

В стародавние годы жили-были в одной деревне два молодых 205h
парня; жили они дружно, вместе по беседам ходили, друг друга за родного брата почитали. Сделали они между собой такой уговор: кто из них станет вперед жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; жив ли он будет, помрет ли — все равно. Через год после того заболел один молодец и помер; а спустя несколько месяцев задумал его товарищ жениться. Собрался со всем сродством своим и поехал за невестою. Случилось им ехать мимо кладбища; вспомнил жених своего приятеля, вспомнил старый уговор и велел остановить лошадей. «Я, — говорит, — пойду к своему товарищу на могилу, попрошу его к себе на свадьбу погулять; он был мне верный друг!»

Пошел на могилу и стал звать: «Любезный товарищ! Прошу тебя на свадьбу ко мне». Вдруг могила растворилась, покойник встал и вымолвил: «Спасибо тебе, брат, что исполнил свое обещание! На радостях взойди ко мне; выпьем с тобой по стакану сладкого вина».— «Зашел бы, да поезд стоит, народ дожидается». Покойник отвечает: «Эх, брат, стакан ведь недолго выпить». Жених спустился в могилу; покойник налил ему чашу вина, он выпил — и прошло целое сто лет. «Пей, милый, еще чашу!» Выпил другую — прошло двести лет. «Ну, дружище, выпей и третью да ступай с богом, играй свою свадьбу!» Выпил третью чашу— прошло триста лет.

Покойник простился с своим товарищем; гроб закрылся, могила заровнялась. Жених смотрит: где было кладбище, там стала пустошь; нет ни дороги, ни сродников, ни лошадей, везде поросла крапива да высокая трава. Побежал в деревню — и деревня уж не та; дома иные, люди все незнакомые. Пошел к священнику — и священник не тот; рассказал ему, как и что было. Священник начал по книгам справляться и нашел, что триста лет тому назад был такой случай: в день свадьбы отправился жених на кладбище и пропал, а невеста его вышла потом замуж за другого.

359

Жил-был мужик да баба, у них было два сына. Пришла сол- 205i
датчина, забрили старшему сыну лоб и угнали далеко-далеко; а другой брат охотой нанялся и пошел в солдаты. «Кто нас кормить станет?» — говорит старуха, озлобилась на меньшего сына и прокляла его навеки. И случилось так, что оба брата попали в один полк; жили они согласно, хорошо.

Вот меньшой прослужил год, другой, заболел и помер. Схоронили его, как следует. Ночью приходит мертвый брат к живому и говорит: «Братец, проснись!» Тот испугался. «Не бойся! Я не даром. Помнишь, как нанялся я в охотники, в те поры меня мать прокляла, и теперь меня земля не примает. Так вот что, братец! Отпросись в отпуск да умоли матушку, чтоб простила меня; коли умолишь ее, добром тебе заплачу: станешь жениться — вспомянешь меня!» Старший брат отпросился в отпуск и пошел домой. Приходит в свою деревню; отец и мать радехоньки, стали спрашивать: «Не встречал ли где меньшого брата, не слыхал ли чего об нем?» — «Ах, ведь он помер! Матушка, прости его». Старуха заплакала и простила.

На другой день идет солдат рынком; вдруг кличет его купец: «Что, служба, не хочешь ли жениться?» — «Невесты нету!» — «Пойдем ко мне: у меня дочь есть».— «Пойдем». У того купца дочь два раза замуж выходила, да все беда случалась: положат с вечера молодых спать, а наутро муж помрет; вишь, к ней змей летал. А солдат про то ничего не ведает; сосватался, обвенчали их и положили спать. Ночью пришел умерший брат и стал у изголовья с мечом в руке. Ударило двенадцать часов, прилетает страшный змей. Мертвец бросился на него и срубил ему все девять голов; наутро пришли купец с купчихою, а зять жив; поставили за него в полк рекрута, и стал он жить с своею женою, брата поминать да добра наживать.

360

Отпросился солдат в отпуск на родину — святым иконам помолиться, родителям поклониться. 205k
Идет дорогою, а уж солнышко давно село, в поле темно. Надо идти мимо кладбища; вот слышит он — кто-то за ним гонится: «Стой! — кричит.— Не уйдешь!» Оглянулся, а то упокойник бежит, зубами скрипит; солдат пустился от него в сторону во всю свою прыть, увидал часовенку — и прямо в нее. В той часовенке нет никого, только лежит на столе другой упокойник, а перед ним свечи горят. Солдат забился в угол, сидит ни жив ни мертв: что-то будет!

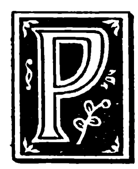
Вдруг прибегает и лезет в часовню тот, первый упокойник, что за солдатом гнал; а тот, что на столе лежал, встает и говорит ему: «Ты зачем прибег?» — «Я солдата сюды пригнал, так хочу его съесть».— «Ну, брат, он ко мне прибег; я его и съем!» — «Нет, я!» — «Нет, я!» И давай драться, только пыль летит; долго бы они дрались, да петухи закричали: тут оба упокойника упали на пол замертво, и солдат спокойно ушел домой. «Слава тебе господи, спасся от колдунов!»

361

одном селе жили-были муж да жена; жили они весело, согласно, любовно: все соседи им завидовали, а добрые люди, глядючи на них, радовались. Вот хозяйка отяжелела, родила сына, да с тех родов и померла. Бедный мужик горевал да плакал, пуще всего о ребенке убивался: как теперь выкормить, возрастить его без родной матери? Нанял какую-то старушку за ним ходить; все лучше. Только что за притча? Днем ребенок не ест, завсегда кричит, ничем его не утешишь; а наступит ночь — словно и нет его, тихо и мирно спит. «Отчего так? — думает страуха.— Дай-ка я ночь не посплю, авось разведаю». Вот в самую полночь слышит она: кто-то отворил потихоньку двери и подошел к люльке; ребенок затих, как будто грудь сосет. На другую ночь и на третью опять то же. 205l

Стала она говорить про то мужику; он собрал своих сродственников и стал совет держать. Вот и придумали: не поспать одну ночь да подсмотреть: кто это ходит да ребенка кормит? С вечера улеглись все на полу, в головах у себя поставили зажженную свечу и покрыли ее глиняным горшком. В полночь отворилась в избу дверь, кто-то подошел к люльке — и ребенок затих. В это время один из сродственников вдруг открыл свечу — смотрят: покойная мать в том самом платье, в каком ее схоронили, стоит на коленях, наклонясь к люльке, и кормит ребенка мертвой грудью. Только осветилась изба — она тотчас поднялась, печально взглянула на своего малютку и тихо ушла, не говоря никому не единого слова. Все, кто ее видел, превратились в камень; а малютку нашли мертвым.

362

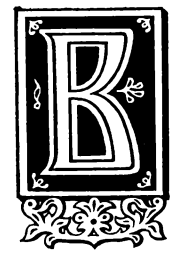

аз ночью шел мимо церкви школьный учитель и попался навстречу двенадцати разбойникам. «Знаешь ли ты,— спросили разбойники,— где лежит та богатая пани, что с неделю назад померла в вашем местечке?» — «Знаю; ее похоронили в церковном склепе». Разбойники пригрозили ему острым ножом и принудили идти с собою; пришли к церковному склепу, выломали из окна железную решетку и спустили туда на кушаках школьного учителя. «Открой,— говорят ему,— гробницу, сними у пани семь золотых перстней с драгоценными камнями и подай сюда». 205, прим.

Учитель открыл гробовую крышку и стал снимать с рук покойницы золотые перстни; шесть легко снял, а седьмого не может: пани сжала палец и не дает кольца. Сказал он про то разбойникам; они кинули ему нож и приказывают: «Отруби-ка ей палец!» Учитель поднял нож и как только отрубил палец — в ту ж минуту покойница словно от сна пробудилась, закричала громким голосом: «Сестрицы и братцы! Вставайте на помощь скорей; не знала я покоя при жизни, не дают мне его и по смерти!» На ее голос растворились гробницы, и начали выходить мертвецы.

Разбойники услыхали шум и разбежались в разные стороны, а учитель с испугу бросился из подвала на лестницу, вбежал в церковь, спрятался на хоры и дверь за собой запер. Мертвецы — за ним, увидали, куда он спрятался, и принялись таскать свои гроба и становить один на другой, чтобы по ним взобраться на хоры. Учитель тем временем нашел длинный шест и давай гроба сваливать: в такой работе провозился он до полуночи; а как ударило двенадцать часов — мертвецы разобрали свои гроба и ушли в склеп. Учитель еле жив остался! На другое утро нашли его в церкви разбитого, больного; пришел священник, исповедал и приобщил его, и вслед за тем учитель помер.

363. УПЫРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил старик со старухою; у них была дочь Маруся. В их деревне был обычай справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше. Вот дождались этого праздника, собрались девки, напекли-наварили, что́ надо; вечером пришли парубки с сопелкою, принесли вина, и началась пляска, гульба — дым коромыслом! Все девки хорошо пляшут, а Маруся лучше всех. Немного погодя входит в избу такой молодец — что на́ поди! Кровь с молоком! Одет богато, чисто. «Здравствуйте,— говорит,— красные девицы!» — «Здравствуй, добрый молодец!» — «Гулянье вам!» — «Милости просим гулять к нам!» Сейчас вынул он кошель полон золота, послал за вином, за орехами, пряниками — разом все готово; начал угощать и девок и ребят, всех оделил. А пошел плясать — любо-дорого посмотреть! Больше всех полюбилась ему Маруся; так к ней и пристает. 208

Наступило время по домам расходиться. Говорит этот молодец: «Маруся! Поди, проводи меня». Она вышла провожать его; он и говорит: «Маруся, сердце! Хочешь ли, я тебя замуж возьму?» — «Коли бы взял, я бы с радостью пошла. Да ты отколя?» — «А вот из такого-то места, живу у купца за приказчика». Тут они попрощались и пошли всякий своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашивает: «Хорошо ли погуляла, дочка?» — «Хорошо, матушка! Да еще скажу тебе радость: был там со стороны добрый мо́лодец, собой красавец, и денег много; обещал взять меня замуж».— «Слушай, Маруся: как пойдешь завтра к девкам, возьми с собой клубок ниток; станешь провожать его, в те́ поры накинь ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубок, а после по этой нитке и сведаешь, где он живет».

На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила с собой клубок ниток. Опять пришел добрый мо́лодец: «Здравствуй, Маруся!» —

«Здравствуй!» Начались игры, пляски; он пуще прежнего льнет к Марусе, ни на шаг не отходит. Уж время и домой идти. «Маруся, — говорит гость,— проводи меня». Она вышла на улицу, стала с ним прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу; пошел он своею дорогою, а она стоит да клубок распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названый жених? Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругом церкви, отыскала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там деется? Влезла, глянула — а названый жених стоит у гроба да упокойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело. Хотела было потихоньку соскочить с лестницы, да с испугу не остереглась и стукнула; бежит домой — себя не помнит, все ей погоня чудится; еле жива прибежала!

Поутру мать спрашивает: «Что, Маруся, видела того мо́лодца?» — «Видела, матушка!» — а что́ видела, того не рассказывает. Вечером сидит Маруся в раздумье: идти или нет на вечерницу? «Ступай,— говорит мать,— поиграй, пока молода!» Приходит она на вечерницу, а нечистый уже там. Опять начались игры, смехи, пляска; девки ничего не ведают! Стали по домам расходиться; говорит нечистый: «Маруся! Поди, проводи меня». Она нейдет, боится. Тут все девки на нее накинулись: «Что с тобой? Или застыдилася? Ступай, проводи добра мо́лодца!» Нечего делать, пошла — что бог даст! Только вышли на улицу, он ее и спрашивает: «Ты вчера к церкви ходила?» — «Нет!» — «А видела, что я там делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра твой отец помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой грустна и невесела; поутру проснулась — отец мертвый лежит. Поплакали над ним и в гроб положили; вечером мать к попу поехала, а Маруся осталась: страшно ей одной дома. «Дай,— думает,— пойду к подругам». Приходит, а нечистый там. «Здравствуй, Маруся! Что не весела?» — спрашивают ее девки. «Какое веселье? Отец помер».— «Ах, бедная!» Все тужат об ней; тужит и он, проклятый, будто не его дело. Стали прощаться, по домам расходиться. «Маруся,— говорит он,— проводи меня». Она не хочет. «Что ты — маленькая, что ли? Чего боишься? Проводи его!» — пристают девки. Пошла провожать; вышли на улицу. «Скажи, Маруся, была ты у церкви?»—«Нет!»—«А видела, что я делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра мать твоя помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой еще печальнее; переночевала ночь, поутру проснулась — мать лежит мертвая. Целый день она проплакала, вот солнце село, кругом темнеть стало — боится Маруся одна оставаться; пошла к подругам. «Здравствуй! Что с тобой? На тебе лица не видать!» — говорят девки. «Уж какое мое веселье! Вчера отец помер, а сегодня мать».— «Бедная, несчастная!» — сожалеют ее все. Вот пришло время прощаться. «Маруся! Проводи меня»,— говорит нечистый. Вышла провожать его. «Скажи, была ты у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра ввечеру сама помрешь!» Маруся переночевала с подругами, поутру встала и думает: что ей делать? Вспомнила, что у ней есть бабка — старая-старая, уж ослепла от долгих лет. «Пойду-ка я к ней, посоветуюсь».

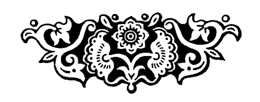
Отправилась к бабке. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, внучка! Как бог милует? Что отец с матерью?» — «Померли, бабушка!» — и рассказала ей все, что с нею случилося. Старуха выслушала и говорит: «Ох, горемычная ты моя! Ступай скорей к попу, попроси его: коли ты помрешь, чтоб вырыли под порогом яму, да несли бы тебя из избы не в двери, а протащили б сквозь то отверстье; да еще попроси, чтоб похоронили тебя на перекрестке — там, где две дороги пересекаются». Пришла Маруся к попу, слезно заплакала и упросила его сделать все так, как бабушка научила; воротилась домой, купила гроб, легла в него — и тотчас же померла. Вот дали знать священнику; похоронил он сначала отца и мать Маруси, а потом и ее. Вынесли Марусю под порогом, схоронили на раздорожье.

В скором времени случилось одному боярскому сыну проезжать мимо Марусиной могилы; смотрит — а на той могиле растет чудный цветок, какого он никогда не видывал. Говорит барич своему слуге: «Поди, вырой мне тот цветок с корнем; привезем домой и посадим в горшок: пусть у нас цветет!» Вот вырыли цветок, привезли домой, посадили в муравленый горшок и поставили на окно. Начал цветок расти, красоваться. Раз как-то не поспалось слуге ночью; смотрит он на окно и видит — чудо совершилося: вдруг цветок зашатался, упал с ветки наземь — и обратился красной девицей; цветок был хорош, а девица лучше! Пошла она по комнатам, достала себе разных напитков и кушаньев, напилась-наелась, ударилась об пол — сделалась по-прежнему цветком, поднялась на окно и села на веточку.

На другой день рассказал слуга баричу, какое чудо ему в ночи́ привиделось. «Ах, братец, что ж ты меня не разбудил? Нынешнюю ночь станем вдвоем караулить». Пришла ночь — они не спят, дожидаются. Ровно в двенадцать часов цветок начал шевелиться, с места на место перелетать, после упал наземь — и явилась красная девица; достала себе напитков и кушаньев и села ужинать. Барич выбежал, схватил ее за белые руки и повел в свою горницу; не может вдоволь на нее насмотреться, на красоту ее наглядеться. Наутро говорит отцу, матери: «Позвольте мне жениться; я нашел себе невесту». Родители позволили. Маруся говорит: «Я пойду за тебя только с тем уговором, чтобы четыре года в церковь не ходить».— «Хорошо!»

Вот обвенчались, живут себе год и два, и прижили сына. Один раз наехали к ним гости; подгуляли, выпили, и стали хвалиться своими женами: у того хороша, у другого еще лучше. «Ну, как хотите,— говорит хозяин,— а лучше моей жены во всем свете нету!» — «Хороша, да некрещена!» — отвечают гости. «Как так?» — «Да в церковь не ходит». Те речи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велел жене наряжаться к обедне. «Знать ничего не хочу! Будь сейчас готова!» Собрались они и поехали в церковь; муж входит — ничего не видит, а она глянула — сидит на окне нечистый. «А, так ты вот она! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я там делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра у тебя и муж и сын помрут!»

Маруся прямо из церкви бросилась к своей старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом живущей и сказала, как и что делать. На другой день померли у Маруси и муж и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: «Скажи, была у церкви?» — «Была».— «А видела, что я делал?» — «Мертвого жрал!» Сказала да как плеснет на него святой водою — он так прахом и рассыпался. После взбрызнула живущей водой мужа и сына — они тотчас ожили и с той поры не знали ни горя, ни разлуки, а жили все вместе долго и счастливо.

364. ИВАН КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ОТЧИТЫВАЕТ ЦАРЕВНУ

В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Иван. 207
Выучился Иван грамоте и нанялся к одному богачу в работники; пожил у него три года, получил за все это время жалованье и собрался домой. Идет он дорогою, а навстречу ему нищий плетется — и хром, и слеп, и просит святой милостыньки Христа ради. Купеческий сын отдал убогому все заработанные деньги и пришел домой ни с чем; а тут несчастье — отец помер, надо хоронить да долги платить. Коекак сбился, управился с делами и принялся за торг. Вскоре прослышал он, что два его дяди нагружают корабли товарами и хотят за море ехать. «Дай,— думает,— и я поеду! Авось дяди возьмут меня с собою». Пошел к ним проситься. Дяди обещали. «Приходи,— говорят,— завтра!», а назавтра чуть свет распустили паруса и уехали одни, без племянника.

Иван запечалился; говорит ему мать: «Не кручинься, сынок! Ступай на рынок, найми себе приказчика — только постарей выбирай; старые люди — бывалые, на все догадливые. Как наймешь приказчика, изготовь корабль, и поезжайте вдвоем за море. Бог не без милости!» Иван купеческий сын послушался, побежал на рынок, а навстречу ему седой старичок: «Куда спешишь, добрый мóлодец?» — «Иду, дедушка, на рынок, хочу нанять приказчика».— «Найми меня!» — «А что возьмешь?» — «Половину барыша». Купеческий сын согласился и принял старика в приказчики. Изготовили они корабль, нагрузили товарами и отвалили от берега; ветер был попутный, корабль ходкий, и прибыл Иван в чужестранное государство в то самое время, как дядины корабли в пристань входили.

В том государстве обмерла у царя дочь; вынесли ее в церковь и каждую ночь посылали к ней по одному человеку на съедение. Много народу погибло; этак, думает царь, пожалуй, и царство мое не устоит, и выдумал: вместо своих людей посылать к дочери приезжих из иных земель; какой бы купец ни явился у пристани — должен наперед перебыть ночь в церк-

ви, а потом, коли уцелеет,— может и покупать, и продавать, и назад ехать. Вот новоприезжие купцы сошлись на пристани и стали судить да рядить, кому прежде в церковь идти. Кинули жребий, и доставалось: на первую ночь идти старшему дяде, на вторую ночь — младшему дяде, а на третью ночь — Ивану купеческому сыну. Дядя испугался и давай просить своего племянника: «Голубчик Ва́нюшка! Переночуй за нас в церкви; что хочешь — то и возьми за послугу, спорить не будем».— «Постойте, я спрошусь у дедушки». Пошел к старику: «Так и так,— говорит,— дяди пристают, просят за них потрудиться; как ты, дедушка, присоветуешь?» — «Ну что ж — потрудись; только пусть они за то по три корабля тебе дадут». Иван купеческий сын передал эти слова своим дядюшкам, они согласилися: «Ладно, Ваня! Шесть кораблей — твои».

Когда наступил вечер, старичок взял Ивана за руки, привел в церковь, поставил возле гроба и начертил круг: «Стой крепко, из-за черты не выходи, читай псалтырь и ничего не бойся!» Сказал и ушел; Иван купеческий сын остался один в церкви, развернул книгу и начал псалмы читать. Как только пробило двенадцать часов — подымается крышка с гроба, встает царевна и подходит прямо к черте: «Я тебя съем!» — грозит, рвется вперед, кричит на разные голоса, и по-собачьи и по-кошачьи, а переступить черты не может. Иван читает, на нее не смотрит; вдруг петухи запели, и царевна бросилась в гроб как попало; ее платье через край повисло. Поутру посылает царь своих прислужников: «Ступайте в церковь, приберите кости». Прислужники отперли двери, заглянули в церковь — а купеческий сын стоит живой перед гробом да все псалтырь читает.

На другую ночь было то же самое; а на третий день вечером взял его старик за руку, привел в церковь и говорит: «Как только ударит двенадцать часов, ты не мешкая полезай на хоры; там стоит большой образ Петра-апостола, стань позади его — ничего не бойся!» Купеческий сын принялся за псалтырь; читал-читал; ровно в двенадцать часов видит — крышка с гроба подымается; он поскорей на хоры и стал позади большого образа Петра-апостола. Царевна выскочила да за ним; прибежала на хоры, искала-искала, все углы обошла — не могла найти. Подходит к образу, глянула на лик святого апостола и задрожала; вдруг от иконы глас раздался: «Изыди́, окаянный!» В ту же минуту злой дух оставил царевну, пала она перед иконою на колени и начала со слезами молиться. Иван купеческий сын вышел из-за образа, стал с нею рядом, крестится да поклоны кладет.

Поутру приходят в церковь царские прислужники, смотрят — Иван купеческий сын и царевна стоят на коленях и богу молятся; тотчас побежали и доложили царю. Царь обрадовался, поехал сам в церковь, привез царевну во дворец и говорит купеческому сыну: «Ты мою дочь и все царство избавил; возьми ее за себя замуж, а в приданое жалую тебе шесть кораблей с дорогими товарами». На другой день их перевенчали; весь народ пировал на свадьбе — и бояре, и купцы, и простые крестьяне. Через неделю после того собрался Иван купеческий сын домой ехать; распростился с царем, взял молодую жену, сел на корабль и велел выходить

в море. Бежит его корабль пó морю, а вслед за ним двенадцать других плывут; шесть кораблей, что царь подарил, да шесть кораблей, что у дядей выслужил.

На половине пути говорит старичок Ивану купеческому сыну: «Когда ж станем барыши делить?» — «Хоть сейчас, дедушка! Выбирай себе шесть кораблей, какие полюбятся».— «Это не все; надо и царевну поделить».— «Что ты, дедушка, как ее делить?» — «Да вот разрублю надвое: тебе половина да мне половина».— «Бог с тобой! Этак она никому не достанется; лучше бросим жребий».— «Не хочу,— отвечает старик,— сказано — барыши пополам, так тому и быть!» Выхватил меч и рассек царевну надвое — поползли из нее разные гады и змеи. Старик перебил всех гад и змей, сложил царевнино тело, взбрызнул раз святою водою — тело срослось, взбрызнул в другой — царевна ожила и сделалась краше прежнего. Говорит тогда старик Ивану купеческому сыну: «Бери себе и царевну и все двенадцать кораблей, а мне ничего не надо; живи праведно, никого не обижай, нищую братию наделяй да молись святому апостолу Петру». Сказал и исчез. Купеческий сын воротился домой и жил с своею царевною долго и счастливо, никого не обижал и бедным завсегда помогал.

365—369. РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ

365

Поздним вечером приехал один казак в село, остановился у 208а
крайней избы и стал проситься: «Эй, хозяин, пусти переночевать!» — «Ступай, коли смерти не боишься».— «Что за речь такая!» — думает казак, поставил коня в сарай, дал ему корму и идет в избу. Смотрит — и мужики, и бабы, и малые ребятишки — все навзрыд плачут да богу молятся; помолились и стали надевать чистые рубашки. «Чего вы плачете?» — спрашивает казак. «Да вишь,— отвечает хозяин,— в нашем селе по ночам смерть ходит, в какую избу ни заглянет — так наутро клади всех жильцов в грóба да вези на погост. Нынешнюю ночь за нами очередь».— «Э, хозяин, не бойся; бог не выдаст, свинья не съест». Хозяева полегли спать; а казак себе на уме — и глаз не смыкает.

В самую полночь отворилось окно; у окна показалась ведьма — вся в белом, взяла кропило, просунула руку в избу и только хотела кропить — как вдруг казак размахнул своей саблею и отсек ей руку по самое плечо. Ведьма заохала, завизжала, по-собачьи забрехала и убежала прочь. А казак поднял отрубленную руку, спрятал в свою шинель, кровь замыл и лег спать. Поутру проснулись хозяева, смотрят — все до единого живы-здоро-

вы, и неска́занно обрадовались. «Хотите,— говорит казак,— я вам смерть покажу? Соберите скорей всех сотников и десятников да пойдемте ее по селу искать». Тотчас собрались все сотники и десятники и пошли по домам; там нету, здесь нету, наконец добрались до пономарской избы. «Вся ли семья твоя здесь налицо?» — спрашивает казак. «Нет, родимый! Одна дочка больна, на печи лежит». Казак глянул на печь, а у девки рука отсечена; тут он объявил все, как было, вынул и показал отрубленную руку. Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить.

366

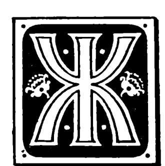

В некоторомкоролевстве жил-был король; у этого короля была 208b
дочь волшебница. При королевском дворе проживал поп, а у попа был сынок десяти лет и каждый день ходил к одной старушке — грамоте учиться. Раз случилось ему поздно вечером идти с ученья; проходя мимо дворца, глянул он на одно окошечко. У того окошечка сидит королевна, убирается: сняла с себя голову, мылом намылила, чистой водой вымыла, волосы гребнем расчесала, заплела косу и надела потом голову на старое место. Мальчик диву дался: «Вишь какая хитрая! Прямая колдунья!» Воротился домой и стал всем рассказывать, как он королевну без головы видел. Вдруг расхворалась-разболелась королевская дочь, призвала отца и стала ему наказывать: «Если я помру, то заставьте поповского сына три ночи сряду надо мною псалтырь читать». Померла королевна, положили ее в гроб и вынесли в церковь. Король призывает попа: «Есть у тебя сын?» — «Есть, ваше величество».— «Пусть,— говорит,— читает над моей дочерью псалтырь три ночи сряду». Поп воротился домой и велел сыну изготовиться.

Утром пошел попович учиться и сидит над книгою такой скучный. «О чем запечалился?» — спрашивает его старушка. «Как мне не печалиться, коли я совсем пропал?» — «Да что с тобой? Говори толком».— «Так и так, бабушка! Надо читать над королевною, а она ведь колдунья!»— «Я прежде тебя это ведала! Только не бойся, вот тебе ножик; когда придешь в церковь, очерти около себя круг, читай псалтырь да назад не оглядывайся. Что бы там ни было, какие бы страсти ни представлялись — знай свое, читай да читай! А если назад оглянешься — совсем пропадешь!» Вечером пришел мальчик в церковь, очертил ножом около себя круг и принялся за псалтырь. Пробило двенадцать часов, с гроба поднялась крышка, королевна встала, выбежала и закричала: «А, теперь ты узнаешь, как под моими окнами подсматривать да людям рассказывать!» Стала на поповича бросаться, да никак через круг перейти не может; тут начала она напускать разные страсти; только что́ ни делала — он все читает да читает, никуда не оглядывается. А как стало светать, бросилась королевна в гроб и со всего размаху повалилась в него — как попало!

На другую ночь то же приключилось; попович ничего не убоялся, до самого света безостановочно читал, а поутру пошел к старухе. Она спрашивает: «Ну что, видел страсть?» — «Видел, бабушка!» — «Нынче

еще страшнее будет! Вот тебе молоток и четыре гвоздя — забей их по четырем углам гроба, а как станешь псалтырь читать — молоток против себя поставь». Вечером пришел попович в церковь и сделал все так, как научила старушка. Пробило двенадцать часов, гробовая крышка на пол упала, королевна встала и начала летать по всем сторонам да грозить поповичу; то напускала большие страсти, а теперь еще больше: чудится поповскому сыну, что в церкви пожар сделался, пламя так все стены и охватило; а он стоит себе да читает, назад не оглядывается. Перед рассветом королевна в гроб бросилась, и тотчас пожара как не бывало — все наважденье сгинуло! Поутру приходит в церковь король, смотрит — гроб открыт, в гробу королевна кверху спиной лежит. «Что такое?» — спрашивает мальчика; тот ему рассказал, как и что было. Король приказал забить своей дочери осиновый кол в грудь и зарыть ее в землю, а поповича наградил казною и разными угодьями.

367

ил-был солдат, служил богу и великому государю пятнадцать 208с
годов, ни разу не видался с своими родителями. На ту пору вышел от царя приказ отпускать рядовых для свидания с своими сродственниками по двадцати пяти человек с роты; заодно с другими отпросился и наш солдат и отправился домой на побывку в Киевскую губернию. Долго ли, коротко ли — пришел он в Киев, побывал в лавре, богу помолился, святым мощам поклонился и пошел на родину в ближний уездный город. Шел-шел, вдруг попадается ему навстречу красная де́вица, из того же уездного города дочь купеческая, собой знатная красавица. Известное дело: коли завидит солдат пригожую девку, ни за что не пройдет просто, а чем-нибудь да зацепит. Так и этот солдат: поравнялся с купеческой дочерью и говорит ей в шутку: «Эх, хороша девушка, да не объезжена!» Отвечает красная девица: «Бог знает, служивый, кто кого объездит: либо ты меня, либо я тебя!» Засмеялась и пошла своей дорогой.

Вот приходит солдат домой, поздоровался с родными и крепко обрадовался, что всех их застал в добром здоровье. Был у него старый дедушка, белый как лунь, лет сто с хвостиком прожил. Стал ему солдат рассказывать: «Ишел я, дедушка, домой, и попалась мне навстречу знатная девица; я — грешный человек — так и так посмеялся над ней, а она мне сказала: бог знает, служивый: либо ты меня объездишь, либо я тебя!» — «Ах, батюшки! Что ж ты наделал; ведь это дочь нашего купца — страшная ведьма! Не одного мо́лодца свела она с белого свету».— «Ну, я и сам не робкого десятку! Меня не скоро напугаешь; еще поглядим: что бог даст?» — «Нет, внучек,— говорит дед,— если не станешь меня слушать, тебе завтра живому не быть».— «Вот еще беда!» — «Да такая беда, что ты этакой страсти и на службе не видывал...» — «Что ж мне делать, дедушка?» — «А вот что: приготовь узду да возьми толстое осиновое полено и сиди в избе — никуда не ходи; ночью она прибежит сюда, и если успеет прежде тебя сказать: стой, мой конь! — в ту ж ми-

нуту оборотишься ты жеребцом; она сядет на тебя верхом и до тех пор будет гонять, пока не заездит тебя до смерти. А если ты успеешь наперед сказать: «тпрру! стой, моя кляча!», то она сама сделается кобылою, тогда зануздай ее и садись верхом. Она понесет тебя по горам, по долам, а ты знай свое — бей ее осиновым поленом в голову, и до тех пор бей, пока не убьешь до́ смерти!»

Не чаял солдат такой службы, а нечего делать — послушался деда: приготовил узду и осиновое полено, сел в углу и дожидается, что-то будет. В глухую полночь скрипнула дверь в сенях, и послышались шаги — идет ведьма; только отворила дверь в избу, он тотчас и вымолвил: «Тпрру! стой, моя кляча!» Ведьма оборотилась кобылою; солдат зануздал ее, вывел на двор и вскочил верхом. Понесла его кобыла по горам, по долам, по оврагам и все норовит, как бы сбить седока долой; да нет! Солдат твердо сидит да то и дело по голове ее осиновым поленом осаживает; до тех пор угощал ее поленом, покудова с ног сбил, а после накинулся на лежачую, хватил еще разов пять и убил ее до́ смерти. Стало светать, он домой пришел. «Ну, друг, как твое дело?» — спрашивает старик. «Слава богу, дедушка, убил ее до́ смерти». — «Ладно! Теперь ложись спать». Солдат лег и заснул крепким сном.

Вечером будит его старик: «Вставай, внучек!» Он встал. «Ну, как же теперь-то? Ведь купеческая дочь померла, так отец ее за тобой приедет — станет звать тебя к себе псалтырь читать над покойницей».— «Что ж, дедушка, идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди...» — «А коли что случится, куда я денусь?» — «Слушай, внучек! Когда пойдешь к купцу, будет он тебя вином потчевать — ты не пей много, выпей сколько надобно. После того поведет тебя купец в ту комнату, где дочь его во гробу лежит, и запрет тебя на замок; будешь ты псалтырь читать с вечера до полуночи, а в самую полночь вдруг дунет сильный ветер, гробница заколыхается, крышка долой упадет... Вот как эта страсть начнется, ты скорей полезай на́ печь, забейся в угол и твори потихоньку молитвы; там она тебя не найдет!»

Через полчаса приезжает купец и просит солдата: «Ах, служивый! Ведь у меня дочка померла, почитай над нею псалтырь». Солдат взял псалтырь и поехал в купеческий дом. Купец тому радехонек, сейчас его за стол посадил и давай вином поить. Солдат выпил, сколько ему надобно, а больше не пьет, отказывается. Купец взял его за руку, повел в ту комнату, где мертвая лежала. «Ну,— говорит,— читай псалтырь!» Сам вышел вон, а двери на замок запер. Нечего делать, принялся солдат за псалтырь, читал-читал, вдруг в самую полночь дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой слетела; солдат поскорей на́ печь, забился в угол, оградил себя крестом и давай шептать молитвы. Ведьма выскочила из гроба и начала во все стороны кидаться — то туда, то сюда! Набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Солдата: вот сейчас читал, да пропал!» Черти бросились в розыски; искали, искали, все закоулки обшарили, стали на печь заглядывать... тут на солдатское счастье петухи закричали: в один миг все черти пропали, а ведьма

зря на полу растянулась. Солдат слез с печи, положил ее в гроб, накрыл, как следует, крышкою, и опять за псалтырь.

На рассвете приходит хозяин, отворил двери: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу!» — «Вот тебе пятьдесят рублев; приходи, друг, еще ночку почитай!» — «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой, лег на лавку и спал до вечера; проснулся и говорит: «Дедушка! Купец велел приходить другую ночь псалтырь почитать; идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — то же самое! Однако лучше иди: вина много не пей — выпей сколько надобно; а как ветер дунет, гробница заколыхается — тóтчас в печь полезай! Там тебя никто не найдет!» Солдат собрался и пошел к купцу: тот его посадил за стол и давай вином поить; после повел к покойнице и запер дверь на замок. Солдат читал-читал, читал-читал; наступила полночь — дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала; он поскорей в печь... Ведьма вскочила и начала метаться; набежало к ней нечистых — полна изба! «Что ты ищешь?» — «Да вот сейчас читал, да с глаз пропал! Найтить не могу...» Черти бросились на печь. «Вот,— говорят,— то место, где он вчера сидел!» — «Место тут, да его нету!» Туда-сюда... вдруг петухи запели — нечистые сгинули, ведьма на пол повалилась.

Солдат отдохнул немного, вылез из печи, положил купеческую дочь в гроб и стал псалтырь читать. Смотрит — уж светает, хозяин идет: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь прошла?» — «Слава богу!» — «Ну, пойдем!» Вывел его из той комнаты, дал сто рублев денег и говорит: «Приходи, пожалуйста, почитай и третью ночь; я тебя не обижу».— «Хорошо, приду!» Воротился солдат домой. «Ну, внучек, что бог дал?» — «Ничего, дедушка! Купец велел еще приходить. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако лучше иди». — «А коли что случится, куда мне спрятаться?» — «Вот что, внучек: купи-ка себе сковороду и схорони так, чтобы купец не видал; а как придешь к купцу, станет он тебя вином дюже неволить; ты смотри много не пей, выпей, сколько снести можешь. В полночь, как только зашумит ветер да гробница заколыхается, ты в ту ж минуту полезай на печной столб и накройся сковородою; там тебя никто не сыщет!»

Солдат выспался, купил себе сковороду, спрятал ее под шинель и к вечеру пошел на купеческий двор. Купец посадил его за стол и давай вином поить; всячески его просит, улещает. «Нет,— говорит солдат,— будет; я свое выпил, больше не стану».— «Ну, когда не хочешь пить, так ступай псалтырь читать». Привел его купец к мертвой дочери, оставил одного и запер двери. Солдат читал-читал, читал-читал — наступила полночь, дунул ветер, гробница заколыхалась, крышка долой упала. Солдат влез на столб, накрылся сковородой, оградился крестом и ждет — что-то будет? Ведьма вскочила, начала всюду метаться; набежало к ней нечистых видимо-невидимо — полна изба! Бросились искать солдата, заглянули в печь. «Вот,— говорят,— место, где он вчера сидел!»— «Место цело, да его нет!» Туда-сюда — нигде не видать! Вот лезет через порог

самый старый черт: «Что вы ищете?» — «Солдата; сейчас читал, да с глаз пропал!» — «Эх вы, слепые! А это кто на столбе сидит?» У солдата так сердце и ёкнуло, чуть-чуть наземь не упал! «И то он,— закричали черти,— только как с ним быть? Ведь его достать нельзя!» — «Вот нельзя! Бегите-ка раздобудьте огарок, который не благословясь зажжен был». Вмиг притащили черти огарок, разложили костер у самого столба и запалили; высоко ударило пламя, жарко солдату стало — то ту, то другую ногу под себя поджимает. «Ну,— думает,— смерть моя пришла!» Вдруг на его счастье петухи запели — черти сгинули, ведьма на пол повалилась, солдат соскочил с печного столба и давай огонь тушить. Погасил, убрал все как следует, купеческую дочь в гроб положил, крышкою накрыл и принялся псалтырь читать.

На рассвете приходит купец, прислушивается — жив ли солдат али нет? Услыхал его голос, отворил дверь и говорит: «Здравствуй, служивый!» — «Здравия желаю, господин купец!» — «Благополучно ли ночь провел?» — «Слава богу, ничего худого не видал!» Купец дал ему полтораста рублев и говорит: «Много ты потрудился, служивый! Потрудись еще: приходи сегодня ночью да свези мою дочку на кладбище».— «Хорошо, приду!» — сказал солдат и бегом домой. «Ну, друг, что бог дал?» — «Слава богу, дедушка, уцелел! Купец просил побывать к нему ночью, отвезти его дочь на кладбище. Идти али нет?» — «Пойдешь — жив не будешь, и не пойдешь — жив не будешь! Однако надо идти; лучше будет».— «Что же мне делать? Научи».— «А вот что! Как придешь к купцу, у него все будет приготовлено. В десять часов станут с покойницей сродственники прощаться, а после набьют на гроб три железных обруча, поставят его на дроги, в одиннадцать часов велят тебе на кладбище везти. Ты гроб вези, а сам в оба гляди: лопнет один обруч — не бойся, смело сиди; лопнет другой — ты все сиди; а как третий лопнет — сейчас скачи через лошадь да скрозь дугу и беги задом. Сделаешь так, ничего тебе не будет!»

Солдат лег спать, проспал до вечера и отправился к купцу. В десять часов стали с покойницей сродственники прощаться; потом начали железные обручи нагонять; нагнали обручи, поставили гроб на дроги: «Теперь поезжай, служивый, с богом!» Солдат сел на дроги и поехал; сначала вез тихо, а как с глаз уехал, припустил что есть духу. Скачет, а сам все на гроб поглядывает. Лопнул один обруч, за ним другой — ведьма зубами скрипит. «Постой,— кричит,— не уйдешь! Сейчас тебя съем!» — «Нет, голубушка! Солдат — человек казенный; их есть не дозволено». Вот лопнул и последний обруч — солдат через лошадь да скрозь дугу и побежал задом. Ведьма выскочила из гроба и кинулась догонять; напала на солдатский след и по тому следу повернула к лошади, обежала ее кругом, видит, что нет солдата, и опять в погоню. Бежала-бежала, на след напала и опять повернула к лошади... Совсем с толку сбилась, разов десять назад ворочалась; вдруг петухи запели, ведьма так и растянулась на дороге!

Солдат поднял ее, положил в гроб, заколотил крышку и повез на кладбище; привез, свалил гроб в могилу, закидал землею и воротился к купцу. «Все,— говорит,— сделал; бери свою лошадь». Купец увидал солдата и

глаза выпучил: «Ну, служивый, я много знаю; об дочери моей и говорить нечего — больно хитра была; а ты, верно, и больше нашего знаешь!» — «Что ж, господин купец, заплати за работу». Купец вынул ему двести рублев; солдат взял, поблагодарил его и пошел угощать свою родню. На том угощенье и я был; дали мне вина корец, моей сказке конец.

368

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, 208д
у этого царя был сын. Когда царевич стал на возрасте, отец его женил; но жена его не любила: начинал ли он к своей жене ласкаться, она сейчас его отталкивала. Царевич часто жаловался на нее своему отцу и, наконец, стал с горя проситься по чужим землям странствовать. Отец позволил. Вот он оседлал своего доброго коня и отправился в путь-дорогу; долго ли, коротко ли — приезжает в одно отдаленное государство. Тамошний царь увидал Ивана-царевича, обласкал его и стал говорить: «Послушай, Иван-царевич, будь мне брат, сослужи мне службу: вызывает меня соседний король на войну, так помоги своей силою!» Иван-царевич не отказался, и, как утро настало, оба они отправились на войну. Иван-царевич побил все неприятельское войско и самого короля в плен взял. После бою, воротившись домой, царь его угостил-употчевал и положил спать на свою постель.

Только царевич улегся и стал засыпать, вдруг прилетела колпица, сняла перья — сделалась девица; будит его, сама приговаривает: «Возлюбленный мой царь! Аль не хочешь для меня проснуться да поговорить со мной? Мой муж Ванька в чистое поле уехал, уж его давно собаки разорвали!» Не успела она речь скончать, как Иван-царевич узнал в ней свою жену, вскочил с постели, махнул мечом и отрубил ей правую руку. Вскрикнула она, обратилась колпицею и улетела домой. Долго ли, коротко ли — воротился Иван-царевич в свое государство и спрашивает: «Где моя жена?» Отец говорит: «Дома».— «А коли дома, пусть ко мне выйдет». Вышла она об одной руке. Иван-царевич рассказал отцу, отчего у ней рука отрублена; тотчас же велел ее на воротах расстрелять, а сам после на другой женился.

369

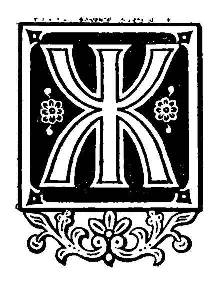
Жила-была старуха — страшная колдунья; у нее были дочь да 208е
внучка. Пришло время помирать старухе; призывает к себе свою дочь и так наказывает: «Смотри, дочка, как я помру — ты не обмывай мое тело теплою водицею, а возьми котел, вскипяти самого крутого кипятку да тем кипятком и ошпарь всеё меня». После этого полежала колдунья хворою дня два-три и померла. Дочь побежала по суседям с просьбою, чтобы пришли пособить ей обмыть старуху; а в избе осталась одна малая внучка; и видится ей: вылезли вдруг из-под печки два черта — большой да крохотный, подбежали к мертвой колдунье; старый черт схватил ее за ноги, как дернул — сразу всю шкуру сорвал, и говорит чертенку: «Возьми себе

мясо, тащи под печку!» Чертенок подхватил мясо в охапку и унес под печь. Оставалась одна старухина шкура; старый черт залез в эту шкуру и лег на том самом месте, где лежала колдунья.

Вот воротилась дочь, привела с собой с десяток баб, и принялись они убирать покойницу. «Мама,— говорит девочка,— а без тебя с бабушки шкуру стащили».— «Что ты врешь?» — «Право, мама! Вылез из-под печки такой черный-черный, содрал шкуру, да сам в нее и залез».— «Молчи, негодная! Ишь что выдумала!» — закричала старухина дочь, принесла большой котел, налила холодной воды, поставила в печь и нагрела крутого кипятку; потом подняли бабы старуху, положили в корыто, взялись за котел и разом весь кипяток на нее вылили. Черт не вытерпел, выскочил из корыта, бросился в дверь — и пропал совсем со шкурою. Бабы смотрят: что за чудо? Была покойница, да и нет ее! Ни убирать, ни хоронить некого; в глазах черти унесли!

370. СМЕРТЬ СКУПОГО

Жил-был скупой скряга, старик; имел двух сыновей и мно- 209
жество денег; послышал смерть, заперся один в избе и сел на сундук, начал глотать золотые деньги и есть ассигнации и так покончил свою жизнь. Пришли сыновья, положили мертвого под святые иконы и позвали дьячка читать псалтырь. Вдруг в самую полночь является в образе человека нечистый, поднял мертвого старика на плечо и сказал: «Держи, дьячок, полу!» И начал трусить старика: «Деньги твои, а мешок мой!» Понес его и невидим стал.

371. СКРИПАЧ В АДУ

Был-жил мужик, у него было три сына. Жил он богато, со́брал 210
два котла денег — один закопал в овине, другой в воротах. Вот помер этот мужик, а про деньги никому не сказал. Однажды был на деревне праздник; шел скрипач на гулянку и вдруг провалился сквозь землю; провалился и попал в ад, прямо в то место, где богатый мужик мучился. «Здравствуй, знакомый!» — говорит скрипач. Отвечает ему мужик: «Ты неладно попал сюда! Здесь ад, и я в аду сижу».— «За что же ты, дядя, сюда угодил?» — «За деньги! Было у меня

денег много, нищим не давал, два котла в землю закопал. Вот сейчас станут меня мучить, палками бить, когтями терзать».— «Как же мне-то быть? Пожалуй, и меня замучают!» — «А ты поди, сядь за трубой на печке да три года не ешь — так уцелеешь!» Скрипач спрятался за трубой, пришли ненаши[1], стали богатого мужика бить да приговаривать: «Вот тебе, богач! Тьму денег накопил, а спрятать не сумел; туда закопал их, что нам сторожить невмоготу! В воротах бесперечь ездят, лошади нам головы подковами поразбивали, а в овине цепами нас молотят».

Только ушли ненаши, мужик и говорит скрипачу: «Если выйдешь отсюдова, скажи моим детям, чтобы они взяли деньги: один котел у ворот закопан, а другой — в овине, и чтобы роздали их на нищую братию». Потом еще набежала целая изба ненаших и спрашивают у богатого мужика: «Что у тебя русским духом пахнет?» Мужик говорит: «Это вы по Руси ходили, русского духу набрались!» — «Как бы не так!» Стали искать, нашли скрипача и закричали: «Ха-ха-ха, скрипач здесь!» Стащили его с печки и заставили играть на скрипке. Он три года играл, а ему за три дня показалось; уморился и говорит: «Что за диво! Бывало, играл я — в один вечер все струны изорву, а теперь третий день играю — и всё целы. Господи благослови!» Только вымолвил — все струны и лопнули. «Ну, братцы,— говорит скрипач,— сами видите: струны лопнули, не на чем играть!» — «Постой,— сказал один нечистый,— у меня есть два бунта[2] струн, я тебе принесу». Сбегал и принес; скрипач взял струны, потянул и опять только вымолвил: «Господи благослови!» — оба бунта лопнули. «Нет, братцы, ваши струны мне не годятся; у меня свои до́ма есть, дайте — схожу!» Ненаши его не пущают: «Ты уйдешь!» — говорят. «Если вы не верите, то пошлите со мной кого-нибудь в провожатых». Ненаши выбрали одного и послали с скрипачом.

Скрипач пришел в деревню; слышит: в крайней избе свадьбу справляют. «Пойдем на свадьбу!» — «Пойдем!» Вошли в избу; тут все скрипача узнали, спрашивают: «Где это ты, братец, три года пропадал?» — «На том свете был!» Посидели, погуляли; ненаш зовет скрипача: «Пора идти!» А тот: «Погоди еще немножко; дай мне на скрипке поиграть, молодых повеселить». До тех пор просидели, пока петухи запели: тут ненаш пропал, а скрипач стал говорить сыновьям богатого мужика: «Ваш батюшка приказал вам взять деньги: один котел у ворот зарыт, а другой — в овине, и велел все эти деньги нищим раздать». Вот откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищей братии: чем больше их раздают, тем больше их прибавляется.

Вывезли эти котлы на перекресток: кто ни едет мимо, всякий берет оттуда, сколько рукой захватит, а деньги всё не сбывают. Подали челобитную государю; он и приказал: в некотором городе шла дорога в объезд — верст пятьдесят будет, а если прямо проложить, то всего пять верст, и приказал государь выстроить прямоезжий мост. Вот и выстроили мост на пять верст, и на то дело оба котла опорожнили.

[1] Черти.
[2] *Бунт* — пучок. связка (*Ред.*).

В те времена некая девица родила сына и покинула его с малолетства; этот младенец три года не ел, не пил, и все с ним божий ангел ходил. Пришел младенец на мост и говорит: «Ах, какой славный мост! Дай бог тому царство небесное, на чьи деньги его построили». Услышал господь эту молитву и велел своим ангелам выпустить богатого мужика из аду кромешного.

372. ГОРШЕЧНИК

Едет дорогою горшечник; навстречу ему прохожий: «Найми,— 211
говорит,— меня в работники!» — «Да умеешь ли ты горшки делать?» — «Еще как умею-то!» Вот порядились, ударили по рукам и поехали вместе. Приезжают домой, работник и говорит: «Ну, хозяин, приготовь сорок возов глины, завтра я за работу примусь!» Хозяин приготовил сорок возов глины: а работник-то был — сам нечистый, и наказывает он горшечнику: «Я стану по ночам работать, а ты ко мне в сарай не ходи!» — «Отчего так?» — «Ну да уж так! Придешь — беды наживешь!» Наступила темная ночь; как раз в двенадцать часов закричал нечистый громким голосом, и собралось к нему чертенят видимо-невидимо, начали горшки лепить, пошел гром, стук, хохот по всему двору. Хозяин не вытерпел: «Дай пойду — посмотрю!» Приходит к сараю, заглянул в щелочку — сидят черти на корточках да горшки лепят; только один хромой не работает, по сторонам смотрит, увидал хозяина, схватил ком глины да как пустит — и попал ему прямо в глаз! Окривел хозяин на один глаз и вернулся в избу, а в сарае-то гам да хохот пуще прежнего!

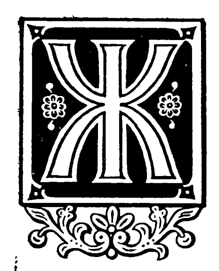
Наутро говорит работник: «Эй, хозяин! Ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяин сосчитал — сорок тысяч наработано. «Ну, теперь готовь мне десять сажен дров; в эту ночь стану обжигать горшки». Ровно в полночь опять закричал нечистый громким голосом; сбежались к нему со всех концов чертенята, перебили все горшки, покидали черепье в печь и давай обжигать. А хозяин закрестил щелочку и смотрит. «Ну,— думает,— пропала работа!» На другой день зовет его работник: «Погляди, хорошо ли сделал?» Хозяин приходит смотреть — все сорок тысяч горшков стоят целы, один одного лучше! На третью ночь созвал нечистый чертенят, раскрасил горшки разными цветами и все до последнего на один воз уклал.

Дождался хозяин базарного дня и повез горшки в город на продажу; а нечистый приказал своим чертенятам бегать по всем домам, по всем улицам да народ скликать — горшки покупать. Сейчас повалил народ на базар: обступили со всех сторон горшечника и в полчаса весь товар разобрали. Приехал мужик домой и полон мешок денег привез. «Ну,— гово-

рит ему нечистый,— давай барыши делить». Поделили пополам. Черт взял свою часть, распрощался с хозяином и пропал. Через неделю поехал мужик с горшками в город; сколько ни стоял он на базаре, никто не покупает; все обходят его мимо, да еще всячески ругают: «Знаем мы твои горшки, старый хрен! С виду казисты, а нальешь воды — сейчас и развалятся! Нет, брат, теперь не надуешь». Перестали брать у него горшки; совсем обеднял мужик, запил с горя и стал по кабакам валяться.

373. ВДОВА И БЕС

ил-был мужик, была у него жена-красавица; крепко они 212
любили друг дружку и жили в ладу и согласии. Ни много, ни мало прошло времени, помер муж. Похоронила его бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи бесперечь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе ее мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: «Как ты пришел?» — «Да слышу, — говорит, — что ты, бедная, по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел». Лег он с нею спать; а к утру, только петухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой; она никому про то не сказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает!

В одно время приходит ко вдове мать-старуха, стала ее спрашивать: «Отчего ты, дочка, такая худая?» — «От радости, матушка!» — «От какой радости?» — «Ко мне покойный муж по ночам ходит».— «Ах ты, дура! Какой это муж — это нечистый!» Дочь не верит. «Ну, слушай же, что я тебе скажу: как придет он к тебе в гости и сядет за стол, ты урони нарочно ложку, да как станешь подымать — посмотри ему нá ноги». Послушалась вдова матери; в первую же ночь, как пришел к ней нечистый, уронила под стол ложку, полезла доставать, глянула ему нá ноги — и увидала, что он с хвостом. На другой день побежала к матери. «Ну что, дочка? Правда моя?» — «Правда, матушка! Что мне делать, несчастной?» — «Пойдем к попу». Пошли, рассказали все, как было; поп начал вдову отчитывать, три недели отчитывал — насилу отстал от нее злой бес!

374. ЛЕШИЙ

дна поповна, не спросясь ни отца, ни матери, пошла в лес 213
гулять и пропала без вести. Прошло три года. В этом самом селе, где жили ее родители, был смелый охотник: каждый божий день ходил с собакой да с ружьем по дремучим лесам. Раз идет он по́ лесу; вдруг собака его залаяла, и песья шерсть на ней щетиною встала. Смотрит охотник, а перед ним на лесной тропинке лежит колода, на колоде мужик сидит, лапоть ковыряет; подковырнет лапоть, да на месяц и погрозит: «Свети, свети, ясен месяц!» Дивно стало охотнику: отчего так, думает, собою мужик — еще моло́де́ц, а волосом как лунь сед? Только подумал это, а он словно мысль его угадал: «Оттого, говорит, я и сед, что чертов дед!» Тут охотник и смекнул, что перед ним не простой мужик, а леший; нацелился ружьем — бац! и угодил ему в самое брюхо. Леший застонал, повалился было через колоду, да тотчас же привстал и потащился в чащу. Следом за ним побежала собака, а за собакою охотник пошел.

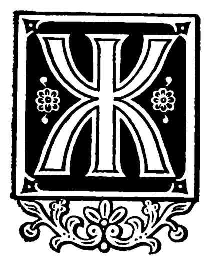
Шел-шел и добрел до горы; в той горе расщелина, в расщелине избушка стоит. Входит в избушку, смотрит: леший на лавке валяется — совсем издох, а возле него сидит де́вица да горько плачет: «Кто теперь меня поить-кормить будет!» — «Здравствуй, красная де́вица,— говорит ей охотник,— скажи: чья ты и откудова?» — «Ах, добрый мо́лодец! Я и сама не ведаю, словно я и вольного света не видала и отца с матерью не знавала».— «Ну, собирайся скорей! Я тебя выведу на святую Русь». Взял ее с собою и повел из лесу; идет да по деревьям всё метки кладет. А эта девица была лешим унесена, прожила у него целые три года, вся-то обносилась, оборвалась— как есть совсем голая! А стыда не ведает.

Пришли на село; охотник стал выспрашивать: не пропадала ли у кого девка? Выискался поп. «Это,— говорит,— моя дочька!» Прибежала попадья: «Дитятко ты мое милое! Где ты была столько времени? Не чаяла тебя и видеть больше!» А дочь смотрит, только глазами хлопает — ничего не понимает; да уж после стала помаленьку приходить в себя... Поп с попадьей выдали ее замуж за того охотника и наградили его всяким добром. Стали было искать избушку, в которой она проживала у лешего; долго плу́тали по́ лесу, только не нашли.

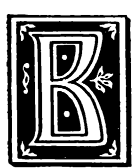
375—377. МОРОКА

375

ил-был старик да старуха. Пришел бурлак и просится ночевать. Старик пустил: «Пожалуй, ночуй, только с таким уговором, чтобы всю ночь сказки сказывал».— «Изволь, буду сказывать». Ну, вот хорошо; полез старик с бурлаком на полати, а старуха сидит на печи — лен прядет. Бурлак и думает про себя: «Дай-ка, разве подшутить над ним!» — и оборотил себя волком, а старика медведем. «Побежим,— говорит,— отсюда»,— и побежали в чистое поле. Увидал волк старикову кобылу и говорит: «Давай съедим кобылу!» — «Нет, ведь это моя кобыла!» — «Ну да ведь голод не тетка!» Съели они кобылу и опять побежали; увидали старуху, старикову-то жену,— волк опять и говорит: «Давай съедим старуху!» — «Ой, да ведь это моя старуха»,— отвечает медведь. «Какая твоя!» Съели и старуху. Так-то медведь с волком лето целое пробегали; настает зима. «Давай,— говорит волк,— засядем в берлогу; ты полезай дальше, а я наперед сяду. Коли найдут нас охотники, так меня первого застрелят; а ты смотри, как меня убьют, начнут кожу сдирать,— ты выбеги, да через кожу-то переметнись, и обернешься опять человеком». Вот лежат они в берлоге; набрели на них охотники, сейчас застрелили волка и начали снимать с него кожу. В то самое время медведь как выскочит, да кувырк через волчью шкуру — и полетел старик с полатей вниз головою. «Ой, ой! — заревел он.— Всю спину отбил!» Старуха кричит: «Что ты, черна немочь! Почто пал? Кажись, пьян не был».— «Да вот почто.— и начал рассказывать: — Ты ведь ничего не знаешь, а мы с бурлаком зверьем были: он — волком, я — медведем; целое лето да зиму пробегали, и кобылу нашу съели, и тебя, старую, съели!» Старуха принялась хохотать, просто удержу нету: «Ай да бурлак! Славно подшутил!» 214а

376

некотором царстве, в некотором государстве жил-был матрос; служил царю верно, вел себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился он раз с корабля походить по городу, надел свой парусинник и пошел в трактир; сел за стол и потребовал себе и вина и закусок: ест, пьет, прохлаждается! Уж рублей на десять забрал, а все не унимается: то того, то другого спрашивает. «Послушай, служба,— говорит ему половой,— забираешь ты много, а есть ли у тебя чем рассчитаться?» — «Эх, братец, о деньгах, что ли сумневаешься? Да у меня денег куры не клюют». Тотчас вынул из кармана золотой, бросил на стол и говорит: «На, получай!» Половой взял золотой, высчитал все, как следует, и приносит сдачу; а матрос ему: «Что там за сдача, братец! Возьми себе на водку». 214b

На другой день опять отпросился матрос, зашел в тот же трактир и прогулял еще золотой; на третий день тоже, и стал он ходить туда, почитай, каждый день и все платит золотыми, а сдачи не берет, дарит половому на водку. Стал замечать за ним сам трактирщик, и пришло ему в сумнение: «Что бы это значило? Матросишка — так себе, а поди как сорит деньгами! Полную шкатулку золота натаскал!.. Жалованье мне ихнее известно, небось — не раскутишься! Верно, он где ни на есть казну обобрал; надо начальству про то донести; неровён час — еще в такую беду попадешь, что после и не разделаешься, а пожалуй, и в Сибирь угодишь». Вот и доложил трактирщик офицеру, а тот довел до самого генерала. Генерал потребовал к себе матроса. «Признавайся,— говорит,— по совести, отколь золото брал?» — «Да этого золота во всякой помойной яме много!» — «Что ты врешь?» — «Никак нет, ваше превосходительство! Не я вру, а трактирщик; пусть покажет он то золото, что от меня получил».

Сейчас принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшек. «Как же, братец: ты платил золотом, а очутились костяшки? Покажи, как ты сделал это?» — «Ах, ваше превосходительство! Ведь нам смерть приходит...» Глядят, а в окна и в двери так вода и хлынула; все выше да выше, уж под горло подступает. «Господи! Что же теперь делать? Куда деваться?» — спрашивает с испугу генерал. А матрос в ответ: «Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, так полезайте за мною в трубу». Вот и полезли, взобрались на крышу, стоят и смотрят во все стороны: целый город затопило! Такое наводнение, что в низких местах совсем домов не видать; а вода прибывает да прибывает. «Ну, братец,— говорит генерал,— верно и нам с тобой не уцелеть!» — «Не знаю; что будет — то будет!» — «Смерть моя приходит!» — думает генерал, стоит сам не свой да богу молится.

Вдруг откуда не́ взялся — плывет мимо ялик, зацепился за крышу и остановился на том месте. «Ваше превосходительство,— говорит матрос,— садитесь скорее в ялик, да поплывем; может, и уцелеем, авось вода сбудет». Сели оба в ялик, и понесло их ветром по воде; день плывут, и другой плывут, а на третий стала вода сбывать, и так скоро — куда только она делась? Кругом сухо стало; вышли они из ялика, спросили у добрых людей, как слывет та сторона и далеко ль занесло их? А занесло-то их за тридевять земель, в тридесятое царство; народ все чужой, незнаемый. Как тут быть, как попасть в свою землю? Денег при себе ни гроша не имеют, подняться не на что. Матрос говорит: «Надо наняться в работники да зашибить деньжонок; без того и думать нечего — домой не воротишься».— «Хорошо тебе, братец! Ты давно к работе привычен; а мне каково? Сам знаешь, что я генерал, работать не умею».— «Ничего, я такую работу найду, что и уменья не надо».

Побрели в деревню и стали в пастухи наниматься; общество́ согласилось и порядило их на целое лето: матрос пошел за старшего пастуха, а генерал за подпаска. Так-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; после того со́брали с мужиков деньги и стали делиться. Матрос разделил деньги поровну: сколько себе, столько и генералу. Вот генерал видит, что матрос равняет его с собою, стал на это обижаться и говорит:

«Что же ты меня с собою равняешь? Ведь я — генерал, а ты — все-таки простой матрос!» — «Как бы не так! Мне бы разделить на трое: две части себе взять, а с вас и одной довольно: ведь я настоящим пастухом был, а вы — подпаском». Генерал осерчал и принялся всячески ругать матроса; а матрос крепился-крепился, размахнул рукой, как толкнет его в бок: «Очнитесь, ваше превосходительство!» Генерал очнулся, смотрит — все по-старому; как был в своей комнате, так и не выходил из ней! Не захотел он больше судить матроса, отпустил его от себя; так трактирщик ни при чем и остался.

377

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь 214c
Агей. У этого царя были корабли, ездили воевать в другие страны, и напал на них нечаянно-негаданно сильный неприятель. На одном корабле был на ту пору Иван-бурлак; видит беду неминучую, ухватился за мачту и повел корабль под воду, отплыл от неприятеля с версту и вынырнул наверх. Доложили про то дело царю, и царь отпустил его на волю. Ходит бурлак по всему царству; только про Иванушку слава хороша, а в кармене нет ни гроша! Да уж что говорить про деньги, коли не было у него ни кола, ни двора, принужден был искать себе квартиру, где бы от темной ночи укрыться, от дождя схорониться.

Нашел он квартиру у отставного солдата и зачал с ним уговариваться: «Я,— говорит,— буду у тебя только по ночам ночевать, а днем стану промышлять да хлеб добывать; а ты себе знай денежки получай: за каждую ночь по целковому». Солдат — не богат, куда деньгам рад! И вспало ему на разум купить себе ларчик, закрыть его наглухо, а сверху прорезать малую дырочку и класть туда рублевки на сохрану. Так и сделал; за всякую ночь дает ему бурлак по целковому, а он все в ларчик да в ларчик. «Кажись, много накопил,— думает он однажды,— время-то прошло немалое, дай посмотрю: много ли у меня рублевиков? А ведь мой бурлак, стало быть, совсем дурак; не ест, не пьет, а кажную ночь по целковому несет! Где только он деньги берет?»

Открывает солдат ларчик, а в нем и не пахнет деньгами: одни щепки лежат. И вышел у хозяина с постояльцем большой тогда спор; один божится, что чистым серебром давал, а другой говорит: «Ну, брат, не знал, что ты этакой мошенник! Я бы тебя и на квартиру не пускал, а то, вишь, все время даром простоял; чего у тебя взять? Как добрым людям сказать?» Отправился солдат в суд и стал просить, чтоб его с бурлаком рассудить. Судьи думали-думали, ничего не выдумали; приказали обоим им руки связать да к царю отослать. Царь Агей стал спрашивать у солдата: какие деньги он брал и куда клал? «Я брал ходячею серебряною монетою и клал в сундучок, чтоб не терся бочок». Царь Агей захохотал, наскоро за сундучком послал. Принесли ларчик, отперли, поглядели, а в нем лежат всё целковики, да такие новые — словно с молотка сейчас! Царь Агей на солдата напустился, закричал: «Ты зачем бурлака обол-

гал?» и приказал его взять да плетьми наказать. Ивану-бурлаку стало жаль солдата, просит у царя, чтоб его не бил: «Это, — говорит, — я над ним шутку сшутил». Царь спрашивает: «Неужли ты сможешь этак шутить?» — «Смогу, ваше царское величество!» — «А ну, пошути надо мною».— «Я бы рад, да боюсь — достанется».— «Ничего не достанется! Вот тебе Микола порукою».

Тотчас напустил бурлак полон дворец воды; сенаторы всполошились, тонуть-то никому не хочется, чуть не плачут со страху! А к царскому месту подплывает лодка. «Царь Агей,— говорит Иван-бурлак,— сядем в лодку да поедем гулять». Сели и поехали; понесло их ветром в открытое море, а на море поднялась такая сильная буря, что долго они живота себе не чаяли; потом буря помаленьку стихла, и прибило лодку к одному острову. Вышел царь на землю, ступил шага два-три, оглянулся назад — нет ни лодки, ни Ивана-бурлака. Задумался царь Агей: «Куда мне теперь идти?» И пошел вдоль берега; шел-шел и попал в большой город. Видит он: несет баба жареную баранину продавать. «Голубушка,— говорит царь,— найми меня: я стану тебе служить, стану за тобой баранину носить».— «Что возьмешь?» — «Ничего, только хлебом корми». Баба согласилась, и пошли они вдвоем по городу.

Царь нес-нес баранину, захотелось ему попробовать, взял кусок и давай есть. Тут со всех сторон обступили его прохожие, начали приставать да спрашивать: «Что ты ешь?» — «Жареную баранину».— «Какая баранина! Это человечья рука. Вишь какой людоед появился!» Схватили его, связали по рукам и по ногам и посадили в острог. Стали опосля́ судить, и присудили предать его смертной казни; привели на помост, положили голову на плаху, палач взял в руки топор, замахнулся... «Ай!» — закричал царь Агей. Сенаторы повскакивали со стульев: «Что так громко изволили закричать?» — «Еще бы не кричать: чуть-чуть палач головы не отсек!» — «Что вы это, ваше величество! Какой палач? Вы сидите во дворце, на своем на царском месте, и нас всех собрали судить Ивана-бурлака».— «А ты здесь еще, проклятый,— грозно сказал царь Агей,— жаль мне, что Миколу дал в поруки, а то б велел тебя повесить. Вон из моего царства, чтоб твоего и духу не было слышно!» Тотчас же отдан был приказ по всему царству, чтоб никто не смел принимать в свой дом Ивана-бурлака. Долго бродил он без пристанища; во все дворы заходил — нигде не пускают.

Вот однова́ приходит бурлак в деревню и просится к мужику. «Царь не велел!» — говорит мужик. «Пусти, добрый человек!» — «Сказано; нельзя! Коли пущу, так разве за сказку, я до них большой охотник».— «Пожалуй, хоть за сказку». Мужик пустил его, накормил-напоил, и полезли оба на полати. «Ну, сказывай сказку!» — пристает хозяин к Ивану-бурлаку, а тот ему в ответ: «Посмотри-ка на себя, кто ты стал?» Мужик посмотрел на себя: как есть медведь! «Посмотри и на меня; ведь и я такой же!» — «Как же нам быть? Ведь нас, пожалуй, убьют!..» — «Небось!»

На полатях-то было окно; вот Иван-бурлак толкнул хозяина за окно, и сам за ним; побежали в лес. Увидали их охотники и погнали вслед.

«Что теперь делать?» — спрашивает мужик. «Садись в дубовое дупло, а я возле сяду; коли охотники прискачут, меня убьют да сдерут мою шкуру — ты выскочи из дупла, перекувырнись через шкуру — и будешь опять человеком». Только успел рассказать, наскакали охотники, убили медведя, сняли с него шкуру и пошли к речке руки мыть.

Мужик увидал, что они ушли, выскочил из дупла, перевернулся раз — и полетел с полатей наземь, больно ушибся, и говорит сам с собой: «Праведно повелел царь Агей, чтоб тебя нигде не пускали!» А Иван-бурлак кричит с полатей: «Что, хозяин, видно, крепко уснул!» — «Где ты, окаянный? Ведь тебя убили и шкуру сняли?» — «Неправда, я жив, и шкура цела!» Тут хозяин выгнал его взашеи из дому. Иван-бурлак шатался, шатался и ушел в иное царство.

378. ДОКА НА ДОКУ

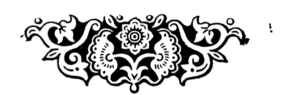

Пришел солдат в деревню и просится ночевать к мужику. 215
«Я бы тебя пустил, служивый,— говорит мужик,— да у меня свадьба заводится, негде тебе спать будет».— «Ничего, солдату везде место!» — «Ну, ступай!» Видит солдат, что у мужика лошадь в сани запряжена, и спрашивает: «Куда, хозяин, отправляешься?» — «Да, вишь, у нас такое заведение: у кого свадьба, тот и поезжай к колдуну да вези подарок! Самый бедный без двадцати рублев не отделается, а коли богат, так и пятидесяти мало; а не отвезешь подарка, всю свадьбу испортит!» — «Послушай, хозяин! Не вози, и так сойдет!» Крепко уверил мужика, тот послушался и не поехал к колдуну с гостинцами.

Вот начали свадьбу играть, повезли жениха с невестою закон принимать; едут дорогою, а навстречу поезду бык несется, так и ревет, рогами землю копает. Все поезжане испугалися, а солдат усом не мигнет: где ни взялася — выскочила из-под него собака, бросилась на быка и прямо за глотку вцепилась — бык так и грохнулся наземь. Едут дальше, а навстречу поезду огромный медведь. «Не бойтесь,— кричит солдат,— я худа не допущу!» Опять где ни взялася — выскочила из-под него собака, кинулась на медведя и давай его душить; медведь заревел и издох. Миновала та беда, снова едут дальше; а навстречу поезду заяц выскочил и перебежал дорогу чуть-чуть не под ногами передней тройки. Лошади остановились, храпят, а с места не трогаются! «Не дури, заяц, — крикнул на него солдат,— мы опосля поговорим с тобой!» — и тотчас весь поезд легко двинулся. Приехали к церкви благополучно, обвенчали жениха с невестою и отправились назад в свою деревню. Стали ко двору подъезжать, а на воротах черный ворон сидит да громко каркает — лошади

опять стали, ни одна с места не тронется. «Не дури, ворон,— крикнул на него солдат,— мы с тобой опосля потолкуем». Ворон улетел, лошади в ворота пошли.

Вот посадили молодых за стол; гости и родичи свои места заняли — как следует, по порядку; начали есть, пить, веселиться. А колдун крепко осердился; гостинцев ему не́ дали, пробовал было страхи напускать — и то дело не выгорело! Вот пришел сам в избу, шапку не ломает, образам не молится, честным людям не кланяется; и говорит солдату: «Я на тебя сердит!» — «А за что на меня сердиться? Ни я не занимал у тебя, ни ты мне не должен! Давай-ка лучше пить да гулять».— «Давай!» Взял колдун со стола ендову пива, налил стакан и подносит солдату: «Выпей, служивый!» Солдат выпил — у него все зубы в стакан выпадали! «Эх, братец,— говорит солдат,— как мне без зубов-то быть? Чем будет сухари грызть?» Взял да и бросил зубы в рот — они опять стали по-прежнему. «Ну, теперь я поднесу! Выпей-ка от меня стакан пива!» Колдун выпил — у него глаза вылезли! Солдат подхватил его глаза и забросил неведомо куда. Остался колдун на всю жизнь слепым и закаялся страхи напускать, над людьми мудрить; а мужики и бабы стали за служивого бога молить.

379—380. ВОРОЖЕЯ

379

В одном селе жила-была старуха старая, а у ней был сын не *21 'a*
велик и не мал, такой, что еще в поле не сможет хорошо работа́ть. Вот они дожили до того, что им пришлось — и перекусить нечего; вот тут-то задумалась больно старуха, думала себе, гадая крепку думушку, как им быть и на белу свету жить, да чтобы и хлебушка был.

Думала-думала и вздумала думу, да и гуторит своему мальчуге: «Сынок, поди хоть ты, уведи у кого лошадушек и привяжи их в таком-то кусте да сена дай, а потом отвяжи опять, и отведи в этакую-то лощину, и там поколь[1] пусти их». Малый ее был, нечего сказать, больно проворен; как услыхал, что матушка ему приказывает, вот он пошел да и свел где-то лошадушек, и сделал все так, как матушка ему гуторила.

Про старуху же преж сего была молва, что она таки кое-что знает и по просьбе кой-когда бывала ворожа.

Как хватились хозяева своих лошадушек, давай искать, и долго бились они сердечные, да нигде не нашли. Вот и гуторят: «Что делать? Надоть

[1] *Поколь, покель* — пока.

найти знахаря, чтобы поворожить, хошь[2] бы и заплатить ему не больно так много, чтобы найти их». Вот и вспомнили про старуху, да и говорят: «Сем-ка[3] пойдем к ней, попросим поворожить; авось она и скажет нам об них что-нибудь». Как сказано, так и сделано. Вот и пришли к старухе да и бают: «Бабушка-кормилица! Мы слыхали от добрых людей, что ты кой-чем маракуешь, умеешь гадать по картам и по ним смекаешь, как по-писаному: поворожи-ка и нам, родимая! У нас пропали лошадушки». Вот бабушка и кажет им: «Ох, батюшки мои светы, да у меня и мочушки-то[4] нет! Удушье, родимые мои, меня замучило». А они ей кажут: «Эка, бабушка, потрудись, желанная ты наша! Это не дарма́[5], а мы тебе за работу заплатим».

Вот она, переминаясь и покашливая, расклала карты, посмотрела на них долго и кажет им (хошь ничего не знала, да делать нечего; голод не свой брат, уму-разуму научит): «Эка притча[6]. Подумаю. Глядь-ка сюда, мои батюшки! Вот, кажись, ваши лошадушки стоят в этаком-то месте, в кусте привязаны». Вот хозяева обрадовались, дали старухе за работу и пошли себе искать своих животинушек[7]. Пришли в сказанному кусту, а там уж их лошадей-то и нет, хошь и было заметно то место, где были привязаны лошади, потому что отрезан гуж от узды и висит на кусте, да и сена навалено, чай, немало. Вот они пришли, посмотрели, а их и след простыл; взгоревались бедняги и не знают, что и делать; подумали меж собой и опять отправились к старухе: коли раз узнала, то и теперь скажет.

Вот пришли опять к старухе, а она лежит на печи да уж так-то кряхтит да охает, что и невесть какая болесть на ее приключилась. Они стали ее униженно просить еще им поворожить. Она было опять по-прежнему стала отнекиваться, говоря: «Мочи нет, и старость-то осилила!» — а все для того, чтобы больше дали ей за труды-то. Они обещали, коли найдутся, ничего не жалеть для ней, и теперича дать покель поболе. Вот старуха слезла с печи, покрёхтывая и кашляя, раскинула опять карты, призадумалась, посмотрела на них и гуторит: «Ступайте, ищите их в этакой-то лощине, они там, кажись, ходят, точнехонько ваши!» Хозяева дали ей с радости за работу очень довольно и пошли от ней опять искать. Вот пришли они в лощину, глядь — а там их лошади ходят целехоньки; они взяли их и повели домой.

Вот и пошла про старуху великая слава, что, мол, такая-то ворожея умеет ворожить во́ как: что ни скажет — быть делу так. Эта слава распространилась далеко, и дошел этот слух до одного боярина, у которого пропал целый сундук денег неизвестно куды. Вот как он услыхал, да и послал за бабушкой-ворожейкой свою карету, чтоб ее к нему привезли непременно, будь она хошь как больна; а послал двух своих людей — Самона да Андрюху (они-то и сдули эти деньги у барина). Вот они при-

[2] Хотя.
[3] Союз предположительный.
[4] Уменьшительное от слова: *мочь* (сила).
[5] Даром.
[6] *Притча* — непредвиденный, несчастный случай.
[7] *Живот, животина* — лошадь.

ехали к бабке и почти силом[8] ее посадили в карету и повезли к барину. Дорогой бабушка начала тосковать, охать и вздыхать, и гуторит про себя: «Охо-хо-хо! Кабы не мамон[9] да не брюхо, где бы этому делу сбыться, чтобы мне ворожейкой быть и ехать в карете к боярину для того, чтобы он меня запрятал туда, куда ворон и костей моих не занес. Ох, плохо дело!»

Самон это подслухал, да и кажет: «Чуешь[10], Андрюха! Старуха о сю пору что-то про нас бормочет. Кажись, плохо дело будет!» Андрюха ему гуторит: «Что ты так сробел, может это так тебе со страстей почудилось». А Самон ему бает: «Послухай-ка сам, вот она опять что-то гуторит». А старуху самоё берет страх и горе: вот она, посидя немного, опять свое твердит: «Охо-хо-хо! Коли б не мамон да не брюхо, где бы этакой оказии сбыться!» Вот ребята давай прислухивать, что старуха бормочет: а она, посидя немного, опять за свое примется: «Мамон да брюхо» — и бесперечь со страстей[11] все свое несет. Как ребята это услыхали, и оторопь сильно взяла: что делать? да и загуторили промеж себя, что надоть бабушку упросить как можно, чтобы она не болтнула этого боярину, а то старая все твердит: «Кабы не Самон да не Андрюха, где бы этакой оказии сбыться?» Они, окаянные, со страстей-то не разобрали, что старуха гуторит о мамоне да о брюхе, а не Самоне да Андрюхе.

Как меж собой у них сказано, так было и сделано. Вот они и начали просить старуху: «Бабушка, желанная ты наша, кормилица, не погуби нас, а заставь вечно за тя бога молить. Ну что тебе будет прибыли погубить нас и оговорить перед боярином? Лучше не сказывай на нас, а так как-нибудь; а мы-то уж тебе за это что хошь заплатим». А бабушка не дура, себе на уме, чует эти слова, схаменулась[12], и страсть с нее вся соскочила — как рукой сняло, да и спрашивает их: «Где же вы, детушки, все это дели?» Они гуторят уж с плачем: «Что, родимая, чай нас сам окаянный[13] соблазнил, что грех такой сделали». Бабушка опять спрашивает: «Да где же они?» Вот они и гуторят: «Да куда ж их окромя было спрятать-то, как не на мельницу под гать[14], покуля пройдет такая непогодь».

Вот они, сгуторившись дорогою как надоть, и приехали в дом к боярину. Боярин как увидал, что привезли старуху, сделался и невесть как рад, взял ее под руки к себе в хоромы[15], начал потчевать всякими этакими питьями и яствами, чего ее душеньке угодно, и, напотчевавши ее досыта, давай просить ее, чтоб она ему про деньги поворожила. А бабушка себе на уме свое несет, что мочи-то нет и насилу ходит; а боярин и кажет: «Экая ты, бабушка! Ты будь у меня как в своем дому, хошь — сядь, а хошь — ляжь, если уж тебе невмоготу сидеть-то, да только поворожи, об чем я тя прошу, и если узнаешь, кто взял мои деньги, да еще я найду свою пропажу, то не только угощу, а еще и награжу тя чем душеньке твоей угодно, как следует, без всякой обиды».

[8] Насильно.
[9] Деньги.
[10] Слышишь.
[11] Со страху.
[12] *Схаменуться* — опомниться, спохватиться.
[13] Нечистый дух.
[14] Плотина.
[15] В комнаты.

Вот старуха, переминаясь, как бы ее и в самом деле лихая болесть изнимает, взяла карты, разложила как следует и долго на них смотрела, все пришептывая что-то губами. Посмотревши, и гуторит: «Пропажа твоя на мельнице под гатью лежит». Боярин как только услыхал это, что сказала старуха, сейчас и послал Самона да Андрюху, чтобы это все отыскать и к нему принесть: он не знал, что это всё они сами спроворили. Вот те нашли, отыскали и принесли к боярину; а боярин-то, глядя на свои деньги, так обрадовался, что и считать их не стал, а дал старухе сейчас сто рублей и еще кое-чего очень довольно, да еще и напредки[16] обещался ее не оставлять за такую услугу; потом, угостя ее хорошенько, отослал опять в карете домой, наградя еще на дорогу кое-чем по домашнему. Дорóгой Самон и Андрюха благодарили старуху, что она хошь знала про их дела, да боярину не сказала, и дали ей еще денег.

С этих пор наша старуха еще боле прославилась и стала жить себе — не тужить, и не только что хлебушка стало у нее вволю, но и всякого прочего, и всего невпроед, да и скотинушки развели очень довольно; и стали с своим сынком себе жить да поживать и добра наживать, да бражку и медок попивать. И я там был, мед-вино пил, только в рот не попало, а по усам текло.

380

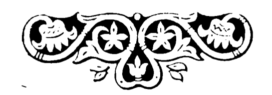

некотором царстве был-жил барин; у того барина были лакей да кучер; лакей прозывался Брюхо, а кучер Ребро. В одно время украли они из барского сундука жемчуг. Барин хватился — нет жемчугу! Позвал своих людей. «Признавайтесь, — говорит, — вы украли?» — «Никак нет! Знать не знаем, ведать не ведаем». — «Ну, смотрите! Сейчас же призову бабку-ворожейку, да коли она узнает да на вас покажет, тогда худо будет!» Послал барин за старухою; привезли ее. «Здравствуй, бабушка! Поворожи мне, голубушка, у меня дорогóй жемчуг пропал». — «Хорошо, барин, поворожу; только прикажи наперед баню истопить, с дороги обмыться надо». Истопили баню, стала старуха париться, а сама приговаривает: «Ну, достанется ж теперь и брюху и ребру». А лакей да кучер слушают под окном, что она станет говорить. «Ах, брат, — говорит кучер, — ведь узнала, проклятая! Что теперь делать?» Только старуха из бани, а они к ней: «Бабушка, родимая, не говори барину». — «А где жемчуг? Цел ли?» — «Цел, бабушка!» — «Ну, возьмите закатайте каждую жемчужинку в хлеб и дайте серому гусю; пусть поклюет!» 216b

Сказано — сделано. Пришла старуха к барину. «Что, бабушка, узнала?» — «Узнала, родной!» — «Кто ж виноват?» — «Да серый гусь, что на дворе ходит; вишь, у вас в горницах окна-то отворены, он влетел в окно, да жемчуг и поклевал». Барин приказал поймать гуся и зарезать. Зарезали серого гуся и нашли в зобу жемчуг. Стал барин благодарить ворожейку и оставляет у себя обедать; а к обеду велел изготовить на

[16] Наперед.

жареное ворону. «Посмотрю,— думает,— узнает ли старуха?» Вот сели обедать; несут жареную ворону на стол, а баба смотрит по сторонам да говорит о себе: «Вот залетела ворона в высоки хоромы!» — «Экая хитрая! Все знает». После обеда приказал барин заложить коляску да отвезть старуху домой, а в коляску наклал потихоньку яиц: «Посмотрю, узнает ли теперь?» Вот стала она садиться в коляску и говорит сама себе: «Ну, бабушка, садись на старые яички!» Удивился барин, что старуха все знает, все ведает, наградил ее деньгами и отпустил с богом.

381. ЗНАХАРЬ

Жил бедный да продувной мужичок, по прозванью Жучок; 217
украл у бабы холстину и спрятал в омете соломы, а сам расхвастался, что ворожить мастер. Пришла к нему баба и просит погадать. Мужик спрашивает: «А что за работу дашь?» — «Пуд муки да фунт масла». — «Ладно!» Стал гадать; погадал-погадал и сказал ей, где холст спрятан. Дня через два, через три пропал у барина жеребец; он же, плут, его и увел да привязал в лесу к дереву. Посылает барин за этим мужиком; стал мужик гадать и говорит: «Ступайте скорей, жеребец в лесу, к дереву привязан». Привели жеребца из лесу; дал барин знахарю сто рублев, и пошла об нем слава по всему царству.

Вот на беду пропало у царя его венчальное кольцо; искать-искать — нет нигде! Послал царь за знахарем, чтобы как можно скорей во дворец его привезли. Взяли его, посадили в повозку и привезли к царю. «Вот когда попал-то,— думает мужик,— как мне узнать, где девалось кольцо? Ну как царь опалится да туда зашлет, куда Макар и телят не гонял!» — «Здравствуй, мужичок,— говорит царь,— поворожи-ка мне; отгадаешь — деньгами награжу, а коли нет — то мой меч, твоя голова с плеч!» Тотчас приказал отвести знахарю особую комнату: «Пускай-де целую ночь ворожит, чтоб к утру ответ был готов».

Знахарь сидит в той комнате да думает: «Какой ответ дам я царю? Лучше дождусь глухой полночи да убегу куда глаза глядят; вот как пропоют третьи петухи, сейчас и задам тягу!» А кольцо-то царское стащили три дворовых человека: лакей, кучер да повар. «Что, братцы, — говорят они меж собой,— как этот ворожейка да узнает нас? Ведь тогда нам смерть неминучая... Давайте-ка подслушивать у дверей: коли он ничего — и мы молчок; а коли узнает нас, так уж делать нечего — станем просить его, чтоб царю-то не доказывал».

Пошел лакей подслушивать; вдруг петухи запели, мужик и промолвил: «Слава тебе господи! Один уже есть, остается двух ждать». У лакея душа

Старый черт с двумя чертенятами. Скопинская керамика

1/2 4 Заказ № 207

Сосуд «Полкан». Скопинская керамика

Сосуд «Дракон». Скопинская керамика

Сосуд «Баран». Скопинская керамика

Сосуд «Лев». Скопинская керамика

Сосуд «Василиск». Скопинская керамика

в пятки ушла; прибежал он к своим товарищам: «Ах, братцы, ведь меня узнал; только я к двери, а он кричит: один уже есть, остается двух ждать!» — «Постой, я пойду!» — сказал кучер; пошел подслушивать. Запели вторые петухи, а мужик: «Слава тебе господи, и два есть, остается одного ждать».— «Эх, братцы, и меня узнал». Повар говорит: «Ну, если и меня узнает, так пойдем прямо к нему, бросимся в ноги и станем упрашивать». Пошел подслушивать повар; третьи петухи запели, мужик перекрестился: «Слава богу, все три есть!» — да поскорей в двери — бежать хочет; а воры к нему навстречу, пали в ноги и просят и молят: «Не погуби, не сказывай царю; вот тебе кольцо!» — «Ну, так и быть, прощаю вас!»

Взял мужик кольцо, поднял половицу и бросил его под пол. Наутро царь спрашивает: «Что, мужичок, как твои дела?» — «Выворожил; кольцо твое укатилось под эту половицу». Подняли половицу и достали кольцо; царь щедро наградил знахаря деньгами и велел накормить-напоить его до отвала, а сам пошел в сад гулять. Идет по дорожке, увидал жука, поднял его и воротился к знахарю: «Ну, коли ты знахарь, так узнай, что у меня в руке?» Мужик испугался и говорит сам себе: «Что, попался, Жучок, царю в руки!» — «Так, так, твоя правда!» — сказал царь, еще больше его наградил и с честью домой отпустил.

382. СЛЕПЦЫ

В Москве белокаменной жил один парень в работниках; задумал на лето в деревню идти и стал просить у хозяина расчета. 218

Только не много пришлось ему получать денег, всего-навсего один полтинник. Взял он этот полтинник и пошел за Калужскую заставу; смотрит — сидит на валу слепой нищий и просит Христовым именем подаяния. Мужик подумал-подумал и сжалился; подал ему полтинник и сказывает: «Это, старичок, полтинник; прими из него Христа ради семитку, а сорок восемь копеек дай мне сдачи». Слепой положил полтинник в свою мошну и снова затянул: «Православные христиане, подайте Христа ради слепому-невидущему!» — «Что ж ты, старик? Подавай мне сдачу». А он будто не слышит: «Ничего, родимый! Еще солнышко высоко, успею до двора помаленьку добрести».— «Оглох, что ли? Мне самому идти добрых сорок верст, деньги в дороге-то надобны!» Взяло мужика горе пуще острого ножа: «Эй,— говорит,— старый черт! Подавай сдачу; не то я с тобой разделаюсь по-своему!» И начал его поворачивать на все стороны. Слепой во всю глотку закричал: «Батюшки, грабят! Караул, караул!»

Побоялся мужик беды нажить, бросил слепого; лучше, думает про себя, от греха уйти, а то не ровён час — прибегут караульные, да еще в

4 Заказ № 207

город поведут! Отошел шагов с десяток али больше, остановился на дороге и все глядит на нищего: жалко, вишь, своих трудовых денег! А тот слепой на двух костылях ходил, и оба костыля при нем лежали: один с правого боку, другой с левого. Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло ему сделать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, как-то ты домой поплетешься!» Вот подобрался потихонечку и утащил костыль; а слепой посидел немного времени, вылупил свои бельмы на солнце и говорит: «Ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй вы, костылики, мои батюшки! Не пора ли ко двору идти?» Стал он шарить[1] с обеих сторон: слева-то костыль тут, а справа-то нету: «Уж этот мне костыль давно опостыл! Никогда его сразу не ощупаю». Пошарил-пошарил и говорит сам с собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку сшутил! Да ничего: и на одном добреду». Встал и поплелся на одном костыле; следом за ним пошел и мужик.

Шли, шли; недалече от деревни, у самого-таки перелеска, стоят две старых избушки. Подошел слепой к одной избушке, распоясался, снял с пояса ключ и отпер свою келью; только он отворил дверь настежь — а мужик поскорей туда, забрался наперед его, сел на лавку и дух притаил. «Посмотрю,— думает,— что дальше будет?» Вот слепой пошел в избушку, наложил на дверь изнутри крючок, оборотился к переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросил кушак с шапкою на прилавок и полез под печку — так и загремели сковородни да ухваты. Маленько погодя тащит оттудова бочонок; вытащил, поставил на стол и начал вытряхать из мошны набранные деньги да в бочонок класть; у того бочонка сбоку горлышко было малое — так, чтобы медному пятаку пролезть. Покидал туда деньги, а сам таково слово вымолвил: «Слава богу! Насилу пятьсот доровнял; да спасибо и тому молодцу, что полтинник дал; кабы не он под руку попался, еще дня три просидел бы на дороге».

Усмехнулся слепой, сел на пол, раскорячился и ну покатывать бочонок с деньгами: покатит его от себя, а он ударится об стенку да назад к нему. «Дай подсоблю ему,— думает мужик,— полно ему, старому черту, куражиться!» — и тотчас к рукам прибрал бочонок с деньгами. «Ишь, зацепил за лавку!» — говорит слепой и пошел щупать; щупал, щупал — нет нигде; испугался, сердечный, отворил немного дверь, просунул голову и закричал: «Пантелей, а Пантелей! подь-ка, брат, сюда!»

Пришел Пантелей — такой же слепец; рядом с этим в другой келье жил. «Что такое?» — спрашивает он. «Да вишь какая притча вышла! Катал я по полу бочонок с деньгами, а куда он теперь девался — сам не ведаю; шутка ли — пятьсот рублев денег! Уж не стибрил ли кто? Кажись, в избе никого не было».— «Поделом вору и мука! — сказал Пантелей.— Вишь ты, старый, совсем из ума выжил! Словно малый ребенок, задумал деньгами играть; вот теперь и плачь от своей игры! А ты бы сделал по-моему: у меня своих, почитай, с пятьсот рублев, вот я разменял их на ассигнации и зашил в эту старую шапчонку; небось на нее никто не польстится!»

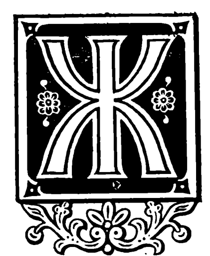
[1] Искать.

Мужик услыхал эти речи и думает: «Ладно! Ведь шапка у тебя к голове не гвоздем прибита». Стал Пантелей входить в избу, только за порог переступил, а мужик цап-царап с него шапку, да в дверь, и побежал домой без оглядки. А Пантелей подумал, что шапку-то подцепил у него сосед, хвать его по рылу: «У нас, брат, так не делают! Свои деньги потерял да на чужие заришься!» Ухватили друг друга за честные волосы, и пошла у них драка великая. Пока они дрались, мужик далеко ушел; на те деньги он знатно поправился и зажил себе припеваючи.

383—390. ВОР

383

Жил-был старик со старухою; у них был сын по имени 219а
Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят: «Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти». Отвечал им Иван: «Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса́». Выкормили его до уса и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до уса́, теперь ты корми нас до самой смерти».— «Эх, батюшка, и ты, матушка,— отвечает сын,— когда кормили меня до уса́, то кормите и до бороды». Нечего делать, кормили-поили его старики до бороды, а после и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до самой смерти».— «А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!» Тут старик не выдержал, пошел к барину бить челом на сына.

Призывает господин Ивана: «Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?» — «Да чем кормить-то? Разве воровать прикажете? Работа́ть я не учился, а теперь и учиться поздно».— «А по мне как знаешь,— говорит ему барин,— хоть воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!» Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошел он париться; а дело-то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать: «Эй, кто там есть? Подать босовики[1]!» А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унес домой. «На, батюшка,—говорит отцу,— снимай свои лапти, обувай господские сапоги».

Наутро хватился барин — нет сапогов; послал за Иваном: «Ты унес мои сапоги?» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело мое!» — «Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?» — «Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господ-

[1] Башмаки (туфли), надеваемые на босую ногу.

ского приказу не хотел ослушаться». — «Коли так, — говорит барин, — вот тебе мой приказ: украдь у меня черного быка из-под плуга; уворуешь — дам тебе сто рублей, не уворуешь — влеплю сто плетей».— «Слушаю-с!»—отвечает Иван.

Тотчас бросился он на деревню, стащил где-то петуха, ощипал ему перья, и скорей на пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли, подложил под нее петуха, а сам за кусты спрятался. Стали плугатари вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили нá сторону; ощипанный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам. «Что за чудо из земли выкопали!» — закричали плугатари и пустились вдогонку за петухом. Иван увидал, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увел домой.

Плугатари гонялись-гонялись за петухом, так и не поймали, воротились назад: черного быка нет, а пестрый без хвоста. «Ну, братцы, пока мы за чудом бегали, бык быка съел; черного-то совсем сожрал, а пестрому хвост откусил!» Пошли к барину с повинною головою: «Помилуй, отец, бык быка съел».— «Ах вы, дурачье безмозглое,— закричал на них барин,— ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!» Позвали. «Ты быка украл?»— «Я, барин».— «Куда же ты девал его?» — «Зарезал; кожу на базар снес, а мясом стану отца да мать кормить».— «Молодец,— говорит барин,— вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями, за шестью замками; уведешь — плачу двести рублей, не уведешь — влеплю двести плетей!» — «Изволь, барин, украду».

Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю — нет ни души, смотрит — висит на вешалке господская одежа; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам: «Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу». Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отперли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг все дело исправили и подвели к крыльцу оседланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком — только и видели!

На другой день спрашивает барин: «Ну, что мой любимый жеребец?» А он еще с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном. «Ты украл жеребца?» — «Я, барин».— «Где ж он?» — «Купцам продал».— «Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести рублей. Ну, украдь же теперь керженского[2] наставника».— «А что, барин, за труды положишь?» — «Хочешь триста рублей?» — «Изволь, украду!» — «А если не украдешь?» — «Твоя воля; делай, что сам знаешь».

Призвал барин наставника. «Берегись,— говорит,— стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется». Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит. В самую полночь пришел Иван-вор с рогозиным[3] кошелем и стучится в окно. «Кто

[2] Раскольничий.
[3] Из рогожи (*Ред.*).

ты, человече?» — «Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель». Наставник сдуру и влез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понес на колокольню. Тащил-тащил. «Скоро ли?» — спрашивает наставник. «А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива».

Втащил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки! «Ох,— говорит,— правду сказывал ангел: передняя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!» — «Терпи, спасен будешь!» — отвечал Иван, поднял кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два березовых прута толщиною в палец и написал на воротах: «Кто мимо пройдет да не ударит по кошелю три раза — да будет анафема проклят!» Вот всякий, кто ни проходит мимо,— непременно стегнет три раза. Идет барин: «Что за кошель висит?» Приказал снять его и развязать. Развязали, а оттуда лезет керженский наставник. «Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя триста рублей даром пропали!»

384

Был старик со старухою, у них сын Климка. Думали-гадали, *219b*
в какое мастерство отдать его учиться, и придумали отдать вору на выучку. Долго ль, коротко ль, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; жил Климка у мастера-вора, да и выучился воровать на славу; не ведал только, как у сороки яйца красть. «Пойдем, — говорит мастер Климке, — я покажу тебе, как у сороки яйца крадут. Показал бы я тебе, как штаны с живого человека снять, да сам не умею!» Вот полез мастер на дерево; яиц у сороки украсть не удалось, а Климка штаны с него стибрил. «Нечему мне тебя учить,— говорит мастер Климке,— ты сам меня научишь!»

Пришел Климка к отцу, к матери и стал кормить их своим мастерством. Что ни увидит — так в избу и тащит; повесят ли бабы сорочки сушить, станут ли холсты белить — он все к рукам приберет. Собрались крестьяне миром и пошли жаловаться барину: «Появился-де вор Климка, богатых мужиков разорил, а бедных совсем оголил».— «Что ж вы, дурачье, его не изловите?» — «Не такой вор, батюшка! Так востёр, так хитёр, что, кажись, из-под птицы яйца выкрадет!» Захотелось барину попробовать Климовой удали, велел позвать его. Пришел Климка. «Можешь ли украсть у меня барана?» — «Могу!»

Вот барин и наказал пастухам беречь баранов от Климки-вора. Пастухи погнали стадо в поле, а Климка-вор забежал вперед, сделал петлю, да такую хитрую, что повиснуть на ней можно, а удавиться нельзя, взлез на березу и надел на шею петлю, будто повесился. Как увидали его пастухи — и беречься перестали. А Климка соскочил с дерева, забежал опять вперед, взлез на осину и зацепил веревку на шею. Подошли пастухи, глядь — Климка-вор и здесь висит! Один пастух говорит: «Климка на осине повесился!», а другой говорит: «Врешь, это не он; Климка на бере-

зе повесился!» Спорили-спорили и побились об заклад; побежали смотреть, кто повис на березе? Тем временем Климка соскочил с дерева, барана за рога да в кабак. Наутро призывает барин Климку: «Ты украл барана?» — «Я».— «Где же он?» — «Продал».— «А деньги где?» — «Пропил».— «Украдь же теперь у меня шкатулку с деньгами».— «Изволь!»

Барин взял шкатулку, нарочно у окна поставил, себе ружье достал, а лакеям дал сабли: «Пускай-ка сунется, мы его примем по-своему!» Ночью Климка-вор украл козла, поднял окно, просунул в горницу козлиную голову и тычет прямо на барина. Барин и лакеи думают: сам черт лезет; пороняли ружье и сабли и попадали со страстей на пол, а Климка за шкатулку, да и был таков! Наутро призывает барин Климку: «Ты унес шкатулку?» — «Я».— «Где ж она?» — «Разломал».— «А деньги где?» — «Промотал да пропил».— «Теперь украдь у меня лошадь».— «Изволь!»

Наказал барин конюхам беречь лошадь пуще своего глаза: одному велел за хвост держать, другому за повода, третьего верхом посадил, еще двух у дверей поставил с дубинами. Климка надел барское платье, и только стемнело — пошел в конюшню. «Вы здесь, ребята?» — закричал Климка и голос свой переменил — точь-в-точь как у барина. «Здесь»,— отвечают конюхи. «Небось озябли?» — «Озябли, барин!» — «Ну вот погрейтесь, я принес вам водки; только смотрите, стеречь хорошенько!» — «Рады стараться!» Напоил Климка всех конюхов допьяна; верхового посадил на слегу[1], который за повода держал — тому дал веревку, который за хвост — тому пук соломы, а что у дверей стояли — тех за волоса скрутил друг с дружкою; сам вскочил на лошадь, приударил плеткою — и след его простыл.

Утром приходит барин в конюшню: лошадь украдена, а конюхи спят с похмелья. Как прикрикнет, затопает ногами — что тут было только! Один конюх со слеги упал, все кишки отбил; другой спросонок забормотал: «Стой, одёр! Тпрррру!» А двое, за волоса связанные, потянулись в разные стороны и давай рваться, давай угощать друг друга тумаками да подзатыльниками. Плюнул барин и послал за Климкою. «Ты украл лошадь?» — «Я».— «Где ж она?» — «Продал».— «А деньги где?» — «Промотал да пропил».— «Ну, черт с тобой!»

385

Жил барин именитый, у него был крестьянин Каныга, по прозвищу Лыга; сам барин так его прозвал за то, что дюже много облыгал. Вот посылает барин: «Призовите,— говорит,— ко мне Каныгу-Лыгу». Лыга пришел. «Ну что, Каныга!» — говорит барин.— Сказывают, ты дюже фастаешься, что ты хитер на разные этакие проворные дела. Уведешь ли ты крестьянских лошадей?» — «Уведу». — «Врешь! Я вот пошлю семьдесят пять подвод с просом на мельницу; ежели ты уведешь, так дам тебе,— 219c

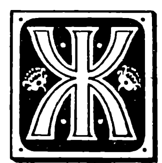
[1] *Слега* — жердь, которую кладут поперек стога сена (*Ред.*).

говорит, — тысячу рублев». — «Ладно, барин, только дайте задатку». — «Изволь!» Вынул трехрублевую и отдал.

Вот отправил барин семьдесят пять возов с просом на мельницу; мужики поехали через бор. А Лыга-то впереди их поспел да в бору поперек дороги на лежнях[1] быдто повесился. Один мужик подходит: «О,— говорит,— да это Лыга! Что ты тут делаешь?» Он молчит. Вот тот возьмет — хлопнет его кнутом, другой возьмет — хлопнет, он все молчит, как мертвый какой! Поехали дальше, а Лыга-то рысью успел вперед взять, да на дороге опять и повесился. Как мужики-то подъехали, один и говорит: «Ба! Да это никак Лыга?» А другой говорит: «Нет, не он! Лыга там позади остался».— «А давай об заклад, что он».— «Давай!» Вот ударились об заклад. «Ну,— говорят,— пойдем взад — посмотрим; мы еще недалече отъехали».

Пошли двое, а за ними и все побегли. Лыга, увидавши, что мужиков нет, а подводы тут, взял отвязался и погнал подводы ближнею дорогою к себе на двор. Мужики приходят: нет ни возов, ни лошадей. Послали своего старосту доложить барину, что так и так: все подводы пропали. «Эх,—говорит барин,— верно это Лыга, сучий сын, проказит! Ступай к нему да возьми все назад». Староста пришел к Лыге: «Что, у тебя подводы с просом?» — «У меня».— «Барин велел назад взять».— «Пускай-ка наперед тысячу рублев пришлет!»

386

ил старик со старухою; народился у них сын Матроха[1], стал 219d
подрастать, стала мать говорить старику: «Поведи сына, отдай куда-нибудь в науку!» Старик собрался и повел сына в город; идут они дорогою, и попадается им навстречу мужик: «Здорово, старичок! Зачем идешь, куда путь держишь?» — «Да вот, родимый, сына в город веду, в науку отдавать хочу».— «Отдай его мне, добру научу».— «А ты какому мастерству знаешь?» — «Я — ночной портной: туда-сюда стегну, шубу с кафтаном за одну ночь сошью».— «Ах, родимый, мне такого и надобно»,— говорит старик, и отдал ему сына. Как воротился домой, старуха спрашáет: «Ну что, старик?» — «Слава тебе господи! Отдал сынка к ночному портному в ученье, да еще какой мастер выискался: туда-сюда стегнет, за одну ночь шуба с кафтаном явится!» — «Ну, ладно,— говорит старуха,— дай бог, чтоб наука впрок пошла!»

Ночной портной привел Матроху к себе в дом, дождался вечера и говорит ему: «Ну, теперь пойдем на раздобытки!» — «Куда?» — спрашивает Матроха. «Да есть у меня на примете вдова; заберемся к ней да пообчистим клети».— «Эх, ты! Вдова — бедный человек, у ней все трудовое; пойдем лучше к богатому генералу».— «И то дело!» Вот и пошли;

[1] *Лéжень* — деревья, павшие в лесах сами собою.

[1] Митроха (Димитрий). Ради игры слов имя это сближается в сказке со словом: *мотрошить* — худо торговать, в переносном смысле: воровать.

Матроха захватил с собой целую вязку соломы, и как только подошли к генеральскому дому, сейчас обернулся в солому, перепрыгнул через забор и подкатился прямо к крыльцу. Стоят два дворника; один говорит: «Вишь, солома катится!» А другой: «Пускай катится, где-нибудь да остановится; завтра утром уберем».

Матроха выждал время, выскочил из соломы и забрался в хоромы; нашел генеральский халат и фуражку, нарядился, вышел на крыльцо и крикнул дворникам: «Что, ребята, холодно нынче?» — «Холодно, ваше превосходительство» — «А про воров не слышно?» — «Нет, ничего не слыхать».— «А коли не слыхать, так ступайте себе с богом спать». Дворники ушли в кухню, а Матроха отпер ворота, впустил своего учителя, и принялись вдвоем за работу: стали замки ломать, амбары вычищать; забрали все, что получше, да и были таковы! Дошло до дележа; ну, знамое дело — не поладили, не захотел Матроха быть под началом и воротился к отцу, к матери; стал он красть-воровать, на все стороны обирать; пошла об нем слава по всему околотку.

Присылает к нему генерал и говорит: «Сказывают про тебя, что ты славный вор! Покажи свое мастерство, украдь моего лучшего вороного коня; если украдешь — плачу тебе сто рублев, а на воровстве попадешься — твоя спина в ответе. Согласен?» — «Согласен, отчего не украсть».— «Когда ж воровать придешь?» — «Да зачем откладывать? Нынешнюю ночь приду». Генерал собрал конюхов и накрепко приказал беречь: одного посадил верхом на коня, другому велел за узду держать, третьему за хвост, а двух у дверей поставил.

Матроха тоже не промах, себе на уме; купил ведро водки, поставил у самой конюшни, обвертелся-обвязался соломою и лег возле. «Братцы! — говорит один караульщик.— Надо обойти кругом конюшни да поглядеть, не видать ли вора?» — «Ну что ж, поди, погляди; у дверей пока один постоит». Вышел караульщик и стал присматриваться; видит — солома валяется, поднял всю связку и снес в конюшню. «Вишь,— говорит,— прибрать позабыли!» Потом усмотрел полное ведро водки. «Верно,— думает,— кто-нибудь из кабака унес да здесь припрятал: добро ж, мы и сами с усами, сумеем выпить!» Притащил ведро в конюшню: «Братцы! Бог находку послал». Выпили конюхи по стакану — хорошо, выпили по другому — еще лучше, и давай пить-опорожнять дочиста; напились пьяны и заснули как убитые.

Матроха только этого и ждал, вылез из соломы и принялся за работу; обрезал у лошади и хвост и повода; конюха, что верхом сидел, снял вместе с седлом и посадил на перекладину, отворил ворота и увел коня. Ранехонько утром проснулся генерал и бросился поскорей в конюшню; смотрит — дверь растворена, караульщики спят: один держит обрезанные повода, другой — обрывок лошадиного хвоста, третий на перекладине очутился, а лучшего вороного коня как не бывало. «Ах вы, мошенники!» — закричал на них генерал; караульщики разом проснулись от его грозного голоса, пали на колени и повинились в своей вине.

Пошел генерал к старику на двор; а старик сидит у ворот на завалин-

ке, греется на солнышке. «Здорово, старик! Что твой сынок?» — «Мотрошит помаленьку; вот нынешню ночь коня привел — такого славного, видного!» — «Экой плут! На, отдай ему сто рублев да скажи, чтоб ухитрился, украл у меня весь прибор со стола; коли украдет — другую сотню пожалую, а нет — так спиной расплатится!» — «Хорошо,— говорит,— скажу».

На другой день собрались к генералу гости; а Матроха выпачкал себе рожу сажею, привязал к голове бараньи рога, забрался в генеральские хоромы и залез за печку. Только стали гости за обед садиться, он как выскочит, как побежит по горницам. Гости за ним, генерал за гостями, слуги за генералом. «Черт, черт!» — кричат все в один голос; шум, гам, беготня в доме, а старик, по уговору с сыном, бросился из передней прямо к столу, забрал весь прибор и унес к себе.

Воротился генерал, глядь — не видать на столе ни ложки, ни плошки! И черта не поймал и прибор потерял. Пошел к старику на двор; опять сидит он на завалинке да греется на солнышке. «Здорово, старик! Что твой сынок?» — «Слава богу, мотрошит помаленьку; вот сейчас притащил целый ворох блюд, ножей да ложек; будет на чем пообедать!» Заплатил генерал сто рублев и не захотел больше ведаться со стариковым сыном.

387

барина был старик-слуга, такой верный, что всем домом один 219е
управлял; а сын его Климка не в батьку пошел, с малолетства воровать научился. А ему ли не было холи и воли? Отец водил его, словно ягодку, в красной рубашке, в новых сапожках. Так нет, нечестивого дарами не удари́шь. «Пойду,— говорит,— батюшка, уведу вола».— «Не ходи, каналья! Тебе там голову сорвут». Не послушал Климка отца, пошел воровать. Гонят хохлы гурт. Климка выглядел-высмотрел, забежал вперед, не пожалел нового сапога снял с ноги и бросил на дороге; сам за куст спрятался. Хохлы увидали сапог: «Эх, жаль, что один! Кабы,— говорят,— пара таких сапогов, надел бы их и стал паном». Поговорили, сапога не подняли и погнали скотину дальше. Климка рад услужить, забежал вперед, снял другой сапог и кинул на распутье. Хохлы увидали, обрадовались и пустились все за прежним сапогом. А Климка не плошает, дело в его руках огнем горит: отвязал пару волов — и поминай как звали!

«Худо, худо делаешь,— говорит отец,— скажу барину». Сказал барину под веселый час. Климку позвали. «Ты, Климка, говорят, вор?» — «Вор, сударь!» — «Ха-ха-ха! Украдь же у меня стоялого жеребца».— «Украду, только чур не отнимать».— «Не отниму!» Барину потеха, что Климка-мальчишка вор! Над жеребцом поставили большой караул: два человека за узду держат, два — за хвост, четверо — за ноги, один верхом сидит, да двое у дверей торчат; всех сторожей было одиннадцать. «Смотрите, ребята, не спать, не зевать! — говорил барин.— Придет Климка воровать — ловите; уж мы его проучим, зададим ему баню!»

Пришла ночь, пришел и Климка; взлез на крышу, проломал дыру; спустил в конюшню бочонок вина на оброточке[1], бочонком помахивает, сторожей подразнивает. «Братцы,— говорят караульщики,— что-то хорошо пахнет! Кажись, бог клад посылает; дураки же мы будем, коли не сумеем взять его». Один за другим стали к бочонку прикладываться, зелена вина натягиваться; натянулись так, что и руки опустили и носы повесили. А Климке того и надо; он тут как есть! Зачал распоряжаться по-своему: верхового снял — на колоду посадил, которые за ноги держали — тем в руки по палке всунул, которые за хвост — тем трепаной пеньки дал, а которые за узду — тем по веревочке, опростал повода и вывел коня, сел на него молодцом и очутился под барским крыльцом. «Ах, ах! Где мои глядчики, где караульщики?» Пошел барин на конюшню пытать, а они словно дурни спят, еще не очнулись спьяна. «Ну, Климка, твое счастье, твой конь! Украдь же ты у меня погребец». — «Украду, только не отнимай».—«Не отниму!»

Климка взял лопату и заступ, пошел на кладбище, вырыл мертвеца и сготовился на дело; а барин собрал-снарядил караул с вилами, стрелами, дубинами: глянуть, так страшно! Посадились все караульщики в круговину, погребец поставили в середину; сидят, чубом не тряхонут, глазом не моргонут, хозяйское добро берегут. Пришла полночь, в окно кто-то стук-стук! Поднялись дубинки, натянулись стрелы, уставились вилы. Показалась голова, лезет человек, а то Климка-вор сует в окно мертвеца; сейчас напали на того мертвеца караульщики, изрубили-искрошили в пирожное тесто. Пошли доложить барину, что Климку убили, на куски искромсали, да погребец грудью отстояли. Барин за то ни похвалил, ни пожурил, а по Климке, видно, не много тужил. Тем временем Климка-вор унес погребец и завалился спать.

Вот на другое утро понадобился барину погребец, приказал подать; слуги побежали, хвать — тут был, да нету! «Что за притча!» — думает барин; смотрит — а Климка в дверь. «Ты унес погребец?» — «Я».— «Как же ты украл его?» — «Как бы ни украл, да украл, про то я знаю».— «Ну, удалец! Этак ты, пожалуй, у меня барыню украдешь?» — «Украду, только без выкупу не отнимай».— «Дело! А коли не украдешь, знай наперед: велю тебя повесить». Согласились. Оградил барин барыню нянюшками, мамушками, красными девушками; сам над нею день и ночь сидит, в ее очи глядит, каждый шаг назирает, каждый след охраняет. Украсть трудновато!

Случилась барину нужда лесным путем проезжать. Климка забежал вперед, развешал по деревьям колокольчики; сам взял взлез на ближнюю осину, надел на шею петлю и повис вверх ногами. Едет барин с барыней, увидал, что Климка на осине качается, и говорит: «Ах, боже мой! Да ведь это Климка-вор повесился! Видно, моего гнева испугался, что до барыни не добрался. Жаль Климку!» А колокольчики в лесу динь, динь! «Малый! Это что за звон? Поди, погляди!» Сперва пошел один малый, там

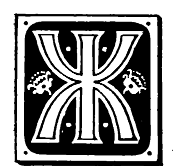
[1] *Оброточек* (оброт) — уздечка без удил с одним поводком для привязи (*Ред.*).

другой, третий, и разбрелись все в разные стороны — никак толку не доберутся.

Выскочил сам барин и пустился в лес; а Климка того и ждал, спрыгнул с дерева, подбежал к коляске и вмиг очутился на козлах; приударил коней по бедрам и покатил себе... Барин пришел назад — нет ни барыни, ни Климки на дереве, только пыль по дорожке вьется! Догадался и воротился пешком домой. Велел позвать Климку: «Ты украл барыню?» — «Я».— «Отдай назад!» — «Нет, барин, шалишь! Не на то воруют, чтоб назад отдавать. Выкупи — твоя будет».— «Что возьмешь?» — «Коробочку серебра». Барин согласился. Климка вырыл яму, поставил на нее коробку, да в коробке-то дно продырявил. Барин сыпал-сыпал, яма не насыпается, Климка, барыней не меняется. Надоело барину сыпать, опостылел ему Климка, велел бросить его в море.

Зашили раба божия в куль, положили на бережок, пошли искать камень на шею; а Климка-вор в куле катается, громким голосом разливается: «Сударе бояре! Явите божию правду; на воеводство меня посылают, судить-рядить заставляют, а я воеводою быть не гожусь!» Проходил мимо какой-то боярин, вслушался в эти речи, подошел и спрашивает: «Что ты говоришь, братец?» — «На воеводство меня посылают, судить-рядить заставляют, а я воеводою быть не гожусь!» — «Пусти меня на свое место; лезь вон!» Забрался боярин в куль, уж считал себя за воеводу — да попал в воду; а Климка вышел на простор, загулял вольным казаком, кутил-мутил, пока буйну голову сложил.

388

ивал-бывал Наум. Вздумал Наум воровать идти. Пошел один; попался ему навстречу Антон. «Ты куда, Наум?» — «Взбрело мне на ум воровать идти; а ты куда, Антон?» — «Я сам думаю о том!» — «Ну так пойдем вместе». Вот и пошли двое; идет навстречу Влас, спрашивает их: «Ты куда, Наум?» — «Да взбрело мне на ум воровать идти».— «А ты, Антон?» — «Я сам думаю о том!» В свой черед и они спрашивают: «Ну а ты куда, Влас?» — «Я давно поджидаю вас!» Вот пошли все вместе и держат такой совет: «Куда ж нам воровать идти? Если к попу — у попа деньги трудные [1], если к купцу — у купца то же самое; пойдемте-ка к судье, у судьи деньги нетрудные». Пришли к судье; у него ворота заперты, а собаки злющие. «Нет, видно, сюда не проберешься!» — стали говорить Антон с Власом. «Вот еще! — сказал Наум.— Притащите соломы, заверните меня да спустите за ограду; я вам ворота отопру». 219f

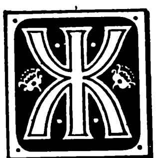
Сказано — сделано. Завернули Наума в солому и перекинули за ограду; он покатился прямо к кладовой, достал оттуда мешок муки, насыпал в корыто, развел-замесил на крепком вине и поставил собакам. Собаки бросились на месиво; до того нажрались, что ни одна и с места не может сойти. Наум взял перевязал всех собак хвостами по паре и повесил на

[1] Трудовые.

ограде, потом отворил ворота, впустил товарищей, и пошли они замки ломать да амбары обчищать. Много набрали всякого добра. Стали добычу делить; всё поделили, остается енотова шуба, как с ней быть? Наум говорит: «Шуба мне следует; я выдумал и собак окормить и ворота отворить».— «Нет, брат, жирно будет!» — «Коли так, я пойду к судье; он горазд судить и рядить; пусть-ка нас рассудит!»

Вот пошел Наум в комнаты, а Влас да Антон стали под окно слушать. У судьи совесть-то нечиста, так ночью не спится. «Это ты, Иван?» — спрашивает судья. «Я»,— отвечает вор. «Расскажи-ка мне сказочку».— «Пожалуй, скажу: живал-бывал Наум, взбрело ему на ум воровать идти...» — и начал рассказывать все дело, как было; дошел до того, как они трое за шубу поспорили, и говорит: «Сам рассуди, кому шубу взять?» — «Кому? Да, разумеется, Науму».— «Мне и самому то ж думается!» — «Что ж дальше-то было?» — «А дальше спать пора!» — сказал Наум и ушел из комнаты. Приходит к своим товарищам: «Ну что? Чай, сами слышали, кому шуба следует!» — «Мы и не стоим теперь за нее, возьми себе и владей на здоровье!» — отвечали Антон и Влас. После того распрощались и пошли в разные стороны, а судья остался с пустыми амбарами и без шубы.

389

ил-был мужик; у него было три сына. Повез отец большого 219р
сына в лес; возил его, возил, вот парень увидал березу и говорит: «Батюшка! Если б сжечь эту березу на уголья, завел бы я себе кузницу и пошел молотком постукивать да денежки выколачивать».— «Ну,— думает мужик,— в этом сыне будет прок!» Потом взял середнего сына и завез в лес; увидали они большой дуб, и говорит сын отцу: «Батюшка! Если б срубить этот дуб, стал бы я плотничать, топором деньги зарабатывать».— «Слава богу,— думает мужик,— и в этом прок будет!» Опосля взял меньшого сына Ваньку; возил его, возил пó лесу — Ванька все молчит, ни единого словечка не проронит; только выехали они из лесу — ведут мясники корову. «Батюшка,— говорит сын,— как бы украсть эту корову?» — «Э, да ты этакой! — отвечает отец.— Ступай же от меня, куда сам знаешь! Видно, ты — не кормилец мне».— «Ну что ж! Коли гонишь, я себе дядю найду».

Долго ли, мало ли искал он, и нашел-таки дядю. «Возьми,— просит,— меня в товарищи».— «Возьму,— говорит в ответ названый дядя,— если украдешь из-под дикой утки яйца, да так украдешь, что она и не услышит и с гнезда не слетит».— «Экая диковина!» Вот отправились они вместе, нашли утиное гнездо и поползли к нему на брюхе; пока еще дядя подкрадывался, а парень уж все яйца из гнезда повыбрал, да так хитро, что птица и пером не шевельнулась; да не только яйца повыбрал, мимоходом у названого дяди из сапог подошвы повырезал. «Ну, Ванька, нечему тебя больше учить, ты и сам большой мастер!» С той самой поры начал Ванька воровством промышлять: что ни попадет под руку — все тянет!

Собрались горожане, люди торговые, посадские, пришли к королю и стали челом бить: «Такой-де вор проявился, что берегись — не убережешься, сторожись — не устережешься; захочет — среди белого дня разденет до нитки!» Приказал король призвать к себе вора. «Правда ли,— спрашивает у него,— будто ты такой хитрый вор, что берегись — не убережешься, сторожись — не устережешься?» — «Правда, ваше королевское величество!» — «Коли так, уведи у меня жеребца из конюшни; украдешь — помилую, а не украдешь — мой меч, твоя голова с плеч!» — «Украду, ваше королевское величество!»

Король нарядил на конюшне строгий караул; а вор Ванька дождался вечера, переоделся, чтоб его не спознали, взял бочонок с водкою, притворился пьяным, и идет через королевский двор, идет-шатается, из стороны в сторону качается. Увидали его конюхи: «Эк нализался! Чуть на ногах стоит!» — «Стой, братцы,— говорит один,— ведь у него бочонок-то с вином; давайте зазовем его к себе да поделимся винцом; веселей сторожить будет».— «И впрямь так!» — закричали другие; тотчас подхватили вора под руки, привели в конюшню: «Оставайся, брат, с нами; куда тебе идти! К завтрему проспишься и пойдешь домой».

Ванька повалился на солому и захрапел, будто совсем спит. Тут конюхи стали к бочонку прикладываться; осушили весь до дна, опьянели, попадали наземь и крепко заснули. А вор тому и рад, отвязал королевского жеребца и увел к себе. Наутро хватился король — нет любимого коня. Послал за Ванькою: «Ты увел жеребца?» — «Я, ваше величество».— «Хорошую шуточку сшутил ты; ну, эту шутку я тебе прощаю, только уходи поскорей из моего царства, не то, добрый мо́лодец, несдобровать тебе!»

390

некотором царстве стояла небольшая деревня; в этой деревне 219г
жили два брата; один помер, и остался после него сын — записной вор Сенька Малый. Уж куда-куда ни отдавал его отец в науку — все не вышло толку. «Что ж ты не учишься? — спрашивают, бывало, у него отец с матерью.— Али целый век хочешь дураком изжить?» А Сенька так и брякнет в ответ: «Коли хотите вы от меня хлеб-соль видеть, отдайте воровству учиться; другой науки и знать не хочу!» Вот как помер отец, Сенька Малый не стал долго думать, пришел к дяде и говорит: «Пойдем, дядя, на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать».— «Ладно, пойдем!»

Вот и пошли; идут мимо болота, глядь — дикая утка в камышах гнездо свила и сидит себе на яйцах. «Давай-ка утку изловим!» — говорит дядя и стал подкрада́ться; только птицы не поймал, понапрасну с гнезда согнал. А Сенька Малый шел позади и вырезал из дядиных сапогов подметки. «Ну, Сенька,— сказал дядя,— я хитер, а ты хитрее меня!» Идут они дальше; а навстречу им три мужика, ведут на базар быка продавать. «Как бы нам, дядюшка, этого быка достать?» — спрашивает Сенька. «Эх ты; ведь теперь не ночь; серед бела дня не украдешь».—

«Небось украду!» — «Что ж ты, али и взаправду мудреней дяди хочешь быть?» — «А вот увидишь!»

Сенька Малый снял с правой ноги сапог, бросил на дорогу и укрылся с дядей в сторонке. Мужики дошли до этого места. «Стой, ребята,— закричал один,— вишь какой славный сапог валяется».— «Хорош, да что с ним делать-то? Кабы пара нашлась, можно бы взять; а теперь что? Одна нога в сапоге, а другая в лапте!» Посудили. подумали и, не взяв сапога, пошли прочь. Сенька тотчас надел правый сапог, а левый снял; забежал вперед, кинул его на дорогу и спрятался в канаву. «Стой, ребята,— закричал тот же мужик,— вот и другой сапог. Знать, какой-нибудь Разувай Федулыч растерялся. Ну-тко, братцы, вперегонки за тем сапогом! Ведь годятся на вечеринки к девкам ходить». Бросили быка и пустились вперегонки назад; а Сенька Малый того и добивался, подхватил сапог и погнал быка в сторону; загнал его в болото, отрубил голову и приставил ее опять на прежнее место.

Мужики пробегались попусту; воротились — нет быка; пошли искать, искали-искали, ходили-ходили и набрели на болото. «Ишь куда нелегкая его угораздила! Прямо в тину затесался! Надо,— говорят,— вытаскивать...» Достали веревку, сделали петлю, набросили с размаху и зацепили за рога, понатужились да как дернут — так все наземь и попáдали. «Ахти, какое горе! Ведь совсем быка загубили, как есть голову оторвали!» Делать нечего, пошли мужики домой с пустыми руками; а Сенька Малый позвал дядю, вытащили вдвоем быка, содрали кожу, разрубили мясо на части и стали делиться. Дядя говорит: «Неужли ж делить поровну? Я старше, мне следует больше!»

Сенька обиделся, схватил бычью кожу и ушел от дяди; забрался в кусты, вырезал два березовых прута и принялся хлестать по коже. Хлещет да во все горло выкрикивает: «Батюшки! Не я один крал, дядя помогал!» Дядя услыхал это. «Ну,— думает,— попался Сенька!» — и приударил с испугу домой; а Сенька сбегал за лошадью, поклал всю говядину на воз, отвез ее в город и продал за чистые денежки.

На другой день пришел Сенька Малый к дяде, зовет государеву казну воровать. «Пойдем, — говорит, — на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли ночью к царскому дворцу; у ворот стоят часовые — как тут ухитриться? Сенька Малый подкопался под угол, залез с дядей в кладовую и ну набивать карманы. Что тут золота, что серебра они утащили! Полюбилось им это дело, и повадился Сенька каждую ночь ходить в царскую кладовую да забирать деньги.

Захотел царь посмотреть свою казну, видит — что-то неладно, много добра распропало; сóзвал совет и стал спрашивать: как бы умудриться да вора поймать? И придумали сообща: у той самой дыры, куда вор лазит, поставить большой чан со смолою. Как сказано, так и сделано; целый день смолу топили да всё в чан лили. Вечером поздно зовет Сенька Малый дядю на промысел. «Пойдем,— говорит,— ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли к царской кладовой. Сенька Малый стал посылать дядю: «Ты полезай наперед, а я за тобою!» Дядя полез — и прямо в чан угодил; как закричит благим матом: «Ох, смерть моя!

В смолу попал». Сенька думал было его вытащить, возился с ним, возился, нет — ничего не поделаешь! «Пожалуй,— думает,— по нем и меня дознаются!» Взял отвернул ему голову и понес к тетке: так и так, сказывает ей, пропал дядя ни за грош!

Наутро доложили царю: который-де вор казну воровал — нынче в смолу попал, только головы нету. Царь приказал заложить тройку лошадей с колокольчиком и везти мертвое тело по всем селам, по всем городам: не найдутся ли сродники? Коли станет кто по нем плакать, сейчас того хватать да в кандалы ковать. «Тетушка,— спрашивает Сенька,— хочешь поплакать по своем муже?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» — «Слушай же: возьми новый кувшин, налей молока и ступай навстречу: как увидишь, что везут твоего покойника, спотыкнись нарочно, разбей кувшин и плачь себе вволю». Тетка взяла новый кувшин, налила молоком и пошла навстречу.

Вот везут мертвое тело, и как только поравнялись с нею — она вдруг будто споткнулась, разбила кувшин, разлила молоко и начала громко плакать да причитывать: «Свет ты мой! Как мне жить без тебя?» Сейчас набежали со всех сторон солдаты, окружили бабу и стали допрашивать: «Говори, старая, о чем голосишь? Не признала ли покойника? Что он — муж тебе, брат али сват?» — «Батюшки мои ро́дные! Как же не плакать мне? Сами видите, какая беда надо мною стряслась: разбила кувшин с молоком!» — и опять принялась выть. «Экая дура, нашла о чем плакать!» — говорят солдаты, и поехали дальше.

На другой день докладывают царю: где-где ни возили покойника, никто не сказался из сродников, никто по нем не поплакал; только и слез видели, что одна старуха кувшин разбила да над черепьём голосила. «Что ж вы ее не хватали? — говорит царь.— Кто другой, а уж она наверно знает про вора!» — и опять-таки приказал возить мертвое тело по всем селам, по всем городам. «Тетушка,— говорит Сенька Малый, — хочешь похоронить дядю?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» Сенька запряг лошадь в телегу, приехал в ту саму деревню, где с мертвым телом ночевать пристали, и просится на постоялый двор. «Куда тебе? — сказывает хозяин.— Вишь сколько народу наехало».— «Пусти, добрый человек! Ведро вина куплю». Услыхали солдаты. «Пусти!» — говорят. Сенька купил ведро вина и напоил всех допьяна; крепко заснули и хозяин и сторожа, а Сенька Малый отпер ворота и увез покойника.

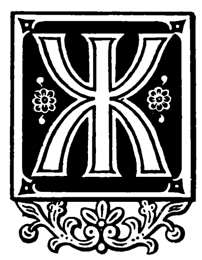
Поутру проснулись солдаты, собираются ехать и сами не знают: как быть, что делать? Воротились к царю; доложили, что мертвое тело ночью выкрадено, а кем и как — неведомо. Царь созвал совет и опять спрашивает: нельзя ли как умудриться — изловить вора? Совет и придумал поставить на таком-то лугу целую бочку вина, при ней кучу денег рассыпать, а в стороне часового спрятать; известное дело: вор не утерпит, придет воровать, напьется пьян — тут его и хватай! Сказано — сделано. Сенька Малый выбрал темную ночь и пошел воровать; приходит на луг, стал было деньги огребать, да почуял, что вином пахнет: «Дай винца попробую!» Попробовал — славное вино, сроду такого не пивал! «Ну-ка

еще!» Пил-пил и напился пьян как стелька; и с места не сошел: где воровал, тут и уснул.

А часовой давно его заприметил. «Ага,— думает,— попался, любезный! Теперь полно по свету гулять; насидишься в сибирке[1]!» Подошел к Сеньке Малому и обрезал ему половину бороды: коли и уйдет, так было́ б признать по чем. «Пойду теперь — доложу по начальству». Пока добрался часовой до начальства, уж светать стало; Сенька проснулся, опохмелился, хвать рукой за бороду — половины как не бывало. Что делать? Думал, думал и надумался; пошел на большую дорогу и давай всякого встречного-поперечного таскать за бороду, кого ни ухватит — так половина бороды и прочь! Как тут вора узнать? Выпутался Сенька из беды, отрастил снова бороду и стал себе жить-поживать, в чужое добро лапы запускать; и долго бы жил, да вот недавно повесили.

391. ВОРОВАТЫЙ МУЖИК

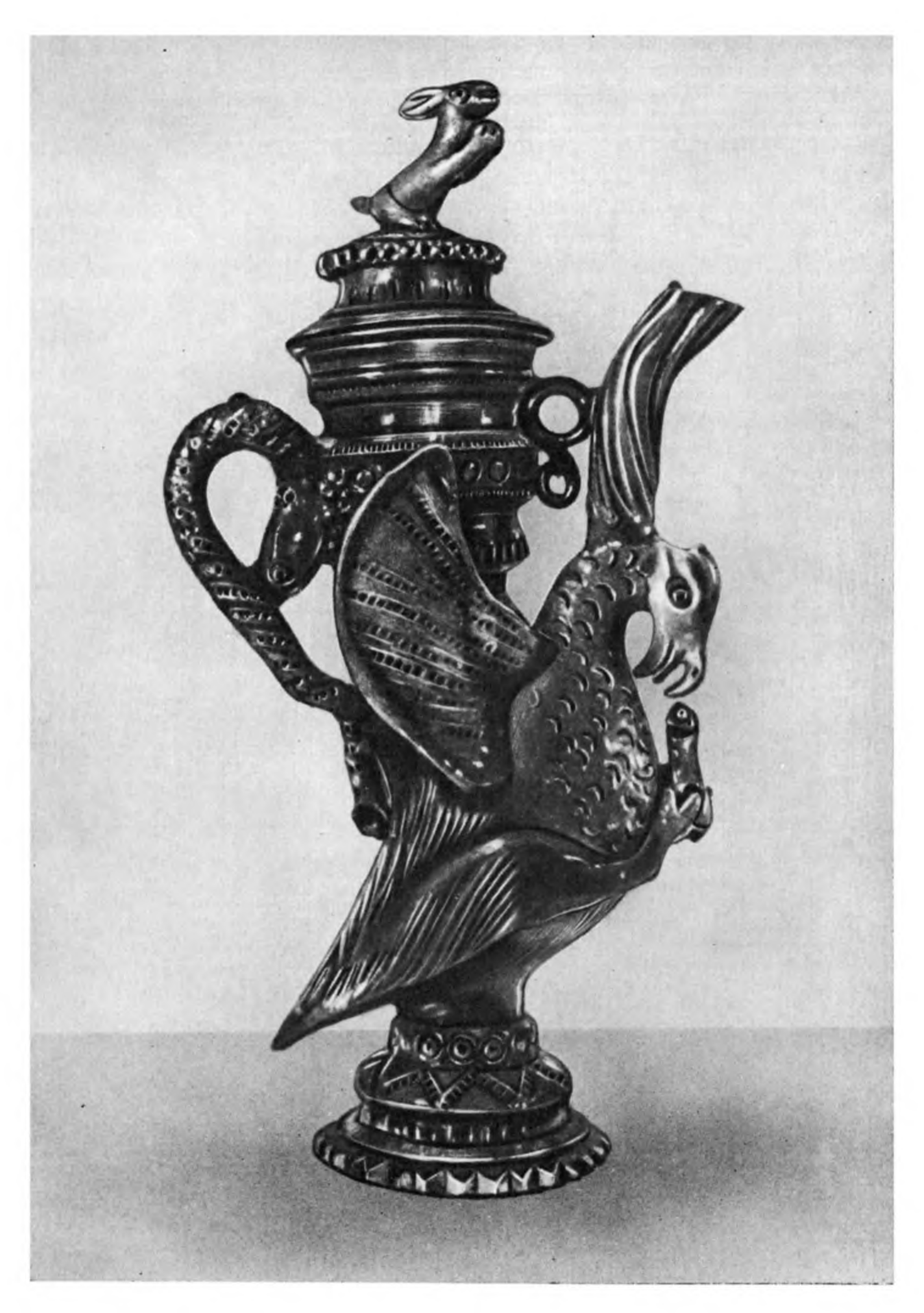
ила-была старуха, у ней было два сына: один-то помер, 220
а другой в дальню сторону уехал. Дня три спустя как уехал сын, приходит к ней солдат и просится: «Бабушка, пусти ночевать».— «Иди, родимый. Да ты откудова?» — «Я, бабушка, Никонец, с того свету выходец».— «Ах, золотой мой! У меня сыночек помер; не видал ли ты его?» — «Как же, видел; мы с ним в одной горнице жили».— «Что ты!» — «Он, бабушка, на том свете журавлей пасет».— «Ах, родненький, чай он с ними замаялся?» — «Еще как замаялся! Ведь журавли-то, бабушка, всё по шиповнику бродят».— «Чай, он обносился?» — «Еще как обносился-то, совсем в лохмотьях».— «Есть у меня, родимый, аршин сорок холста да рублев с десяток денег; отнеси к сынку».— «Изволь, бабушка!» Долго ли, коротко ли, приезжает сын: «Здравствуй, матушка!» — «А ко мне без тебя приходил Никонец, с того света выходец, про покойного сынка сказывал; они вместе в одной горнице жили; я услала с ним туда холстик да десять рублев денег».—«Коли так,— говорит сын,— прощай, матушка! Я поеду по вольному свету; когда найду дураковатей тебя — буду тебя и кормить и поить, а не найду — со двора спихну!» Повернулся и пошел в путь-дорогу.

Приходит в господску деревню, остановился возле барского двора, а на дворе ходит свинья с поросятами; вот мужик стал на колени и кланяется свинье в землю. Увидала то из окна барыня и говорит девке: «Ступай

[1] *Сибирка* — арестантская при волостном правлении или полицейском участке (*Ред.*).

Сосуд со львом. Скопинская керамика

Сосуд с птицей и зайцем. Скопинская керамика

Изразцы с изображением птицы, льва, коня, единорога.
Рис. С. А. Маслиха

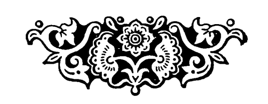
Изразцы с изображением грифа, птицы Сирин, единорога и битвы Бовы с Полканом.
Рис. С. А. Маслиха

спроси, чего мужик кланяется?» Спрашивает девка: «Мужичок, чего ты на коленях стоишь да свинье поклоны бьешь?» — «Матушка! Доложи барыньке, что свинья-то ваша пестра, моей жене сестра, а у меня сын завтра женится, так на свадьбу прошу. Не отпустит ли свинью в свахи, а поросят в поезд?» Барыня как выслушала эти речи, и говорит девке: «Какой дурак! Просит свинью на свадьбу, да еще с поросятами. Ну что ж! Пусть с него люди посмеются. Наряди поскорей свинью в мою шубу да вели запрячь в повозку пару лошадей, пусть не пешком идет на свадьбу». Запрягли повозку, посадили в нее наряженну свинью с поросятами и отдали мужику; он сел и поехал назад.

Вот воротился домой барин, а был он в то время на охоте. Барыня его встречает, сама со смеху помирает: «Ах, душенька! Не было тебя, не с кем было посмеяться. Был здесь мужичок, кланялся нашей свинье: ваша свинья, говорит, пестра — моей жене сестра, и просил ее к своему сыну в свахи, а поросят в поезжане». — «Я знаю, — говорит барин, — ты ее отдала».— «Отпустила, душенька! Нарядила в свою шубу и дала повозку с парою лошадей».— «Да откуда мужик-то?» — «Не знаю, голубчик!» — «Это, выходит, не мужик — дурак, а ты — дура!» Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из хором, сел на виноходца и поскакал в погоню.

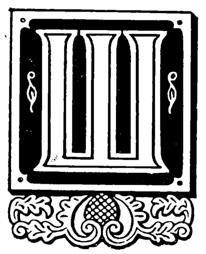
Слышит мужик, что барин его нагоняет, завел лошадей с повозкою в густой лес, а сам снял с головы шляпу, опрокинул наземь и сел возле. «Эй ты, борода! — закричал барин.— Не видал ли — не проехал ли здесь мужик на паре лошадей? Еще у него свинья с поросятами в повозке».— «Как не видать! Уж он давно проехал».— «В какую сторону? Как бы мне его догнать!» — «Догнать — не устать, да повёрток много; того и смотри заплутаешься. Тебе, чай, дороги неведомы?» — «Поезжай, братец, ты, поймай мне этого мужика!» — «Нет, барин, мне никак нельзя! У меня под шляпою сокол сидит».— «Ничего, я постерегу твоего сокола».— «Смотри, еще выпустишь! Птица дорогая! Меня хозяин тогда со свету сживет». — «А что она сто́ит?» — «Да рублев триста будет». — «Ну коли упущу, так заплачу».— «Нет, барин, хоть теперь ты сулишь, а что после будет — не ведаю».— «Экой невера! Ну вот тебе триста рублев про всякий случай». Мужик взял деньги, сел на виноходца и поскакал в лес, а барин остался пустую шляпу караулить.

Долго ждал барин; уж и солнышко закатывается, а мужика нет как нет! «Постой, посмотрю: есть ли под шляпою сокол? Коли есть, так приедет; а коли нет, так и ждать нечего!» Поднял шляпу, а сокола и не бывало! «Экой мерзавец! Ведь, наверно, это был тот самый мужик, что барыню обманул!» Плюнул с досады барин и поплелся к жене; а мужик уж давно дома. «Ну, матушка,— говорит старухе,— живи у меня; есть на свете и тебя дурашливее. Вот ни за́ что ни про́ что дали тройку лошадей с повозкою, триста рублев денег да свинью с поросятами».

392—394. СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА

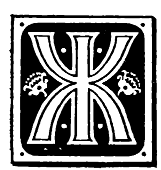
392

ли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. 221
Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается: «Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету». А у ней в печи был вареный петух — в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один — вороватый был! — вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит: «Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест». Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмёток[1], а петуха в суму спрятали. Пришла старуха: «Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили: «Дай же, бабушка, поесть нам!» — «Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!»

И вздумала старуха похвалиться, что провела[2] их, и заганула им загадку: «А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?» — «Нет, бабушка!» — «А кто же, детоньки, вместо его?» — «Да Липан Липанович[3]» — «А где же Курухан Куруханович?» — «Да в Сумин город переведен, бабушка». После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему: «Поди-ка сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитятко, заганула загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то».— «Да какую ты, матушка, заганула им загадку?» — «А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отганули. «Нет, бают, бабушка!» — «Где же он, родимые?» — «Да в Сумин город переведен». А того и не знают, курвины дети, чтó у меня в горшке-то есть!» Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила. «Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!» — «То-то, матушка! Солдата не проведешь, он — человек бывалый».

393

ила-была баба, у ней было три сына. Встали они ранехонько, 221,
пошли в поле, застрелили журавля, принесли к матери: вар. 1
«Свари, матушка, к обеду!» А сами поехали сено косить. На ту пору зашли к бабе солдаты — люди дорожные; налила она им щей и говорит: «Загадаю вам загадку».— «Какую, бабушка?» — «Доселева Курлинской-Мурлинской под Небе-

[1] Изношенный, старый лапоть.
[2] Обманула.
[3] *Курухан* от слова: *кур—петух*; *липан* от слова: *липа*, потому что лапти плетутся из липовых лык.

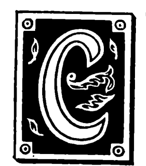

Вор и баба.
Лубок из собрания Д. Ровинского, № 204

синском летал, а в нынешни годы очутился в городе Печинском, во селе Горшинском». Солдаты хоть давно смекнули, чем щи-то пахнут, одначе притворились, будто ничего не догадываются. «Подумайте, родимые, а я вот на погреб за молоком пойду».

Пока старуха на погреб ходила, солдаты утащили у ней журавля. «Что ж, отгадали загадку?» — спрашивает старуха. «Нет, бабушка, твоей не отгадали, а свою загадали: доселева Курлинской-Мурлинской под Небесинском летал да в город Печинской попал, а в нынешни годы очутился в городе Суминском, в селе Заплечинском. Отгадай-ка, божья старушка!» — «Нет, родные! Ваша загадка длиннее моей, мне не разгадать ее...»

394

таруха сварила во щах гуся. Приходит к ней на квартиру солдат... «А что, служивый,— спрашивает старуха,— не бывал ли ты в городе Горшанске, не знавал ли там Гагатея Гагатеевича?» — «Как не знать! Только теперь его там нету: Гагатей Гагатеевич вышел оттудова в город Кошелянск[1], в село Заплечанское, а наместо его в город Горшанск приехал Плетухан Плетуханович, сын Ковырялкин[2]». Тут ударили сбор; солдат простился с старухою и пошел в поход. Идет с товарищами, глядь — лежит на дороге зуб от бороны; поднял его и спрятал в карман. 221, вар. 2

Пришли в другую деревню. Досталось нашему солдату опять к глупой бабе на квартиру. Сел обедать, вынул зуб, что дорогой нашел, и ну мешать щи. Подает ему хозяйка солонку: «На, посоли, служивый!» — «Не надо мне твоей соли! Я вот этим зубом помешаю — все одно что солью посыпал!» (А уж он давно посолил щи своей солью). «Вишь, диво какое,— думает хозяйка,— с таким добром и соли покупать не надо!» Попробовали щи — как есть солоны! «Не продашь ли зуб?» — «Купи».— «А что возьмешь?» — «Рубль серебра да двадцать аршин холста». На том и поладили. «Вот тебе зуб,— говорит солдат,— как станешь щи мешать, приговаривай: шуны́-буны́, будьте щи солоны́! Муж приедет, будут шлепанцы-хлопанцы». Взял рубль денег да кусок холста и пошел куда надо.

После того воротился мужик домой и спросил обедать. Налила ему баба щей, а соли не дает. «Что ж ты, про соль позабыла?» — «Нет, хозяин! У меня теперь есть такая штука, что и соли покупать не станем!» Вытащила зуб и зачала мешать в миске да приговаривать: «Шуны́-буны́, будьте щи солоны́! Муж приедет, будут шлепанцы-хлопанцы!» Мужик попробовал щи — совсем без соли. «А что дала за эту штуку?» — «Рубль серебра да двадцать аршин холста». Схватил ее муж за косу и пошел таскать: «Вот тебе шлепанцы, вот тебе хлопанцы!»

395—396. МЕРТВОЕ ТЕЛО

395

некоем царстве, не в нашем государстве жила старушка-вдова; у ней было два сына умных, а третий дурак. Стала мать помирать, стала имение отказывать — кому что, и просит умных: «Не обделите, сынки, дурака; было бы всем поровну!» Вот старуха померла, умные братья разделили все имение меж собой, а дураку ничего не дали. Дурак схватил покойницу со стола и потащил на чердак. «Что ты, дурак! — закричали на него братья.— Куда поволок?» А дурак в ответ: «Вы двое все добро себе забрали; мне одна матушка 222

[1] От слова: *кошель*.

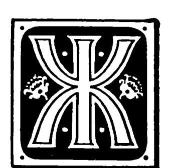
[2] От слов: *плести* и *ковырять*.

осталась!» Втащил наверх и принялся кричать во все горло: «Люди добрые, поглядите — матушку убили!» Братья видят — худо дело! — и говорят ему: «Дурак, не кричи! Вот тебе сто рублев; вот тебе лошадь!»

Дурак взял деньги, запряг лошадь, посадил старуху на дровни и повез ее, словно живую, на большую дорогу. Скачет навстречу ему барин, колокольчик под дугой так и заливается: дурак с дороги не сворачивает. «Эй ты, олух, вороти в сторону!» — кричит барин. «Сам вороти!» — отвечает дурак. Барин осерчал, заругался, не велел сворачивать, наскакал на дровни и опрокинул набок; старуха упала, а дурак завопил: «Караул, караул! Барин матушку до смерти зашиб!» — «Молчи, дуралей, вот тебе сто рублев».— «Давай триста».— «Черт с тобой! Бери триста, только кричать перестань». Дурак взял с барина деньги, положил старуху на дровни и поехал в ближнее село; пробрался задами к попу на двор, залез в погреб, видит — стоят на льду кринки с молоком. Он сейчас поснимал с них покрышки, приволок свою старуху и усадил возле на солому; в левую руку дал ей кувшин, в правую — ложку, а сам за кадку спрятался.

Немного погодя пошла на погреб попадья; глядь — незнамо чья старуха сметану с кринок сымает да в кувшин собирает; попадья ухватила палку, как треснет ее по голове — старуха свалилась, а дурак выскочил и давай кричать: «Батюшки-светы, караул! Попадья матушку убила!» Прибежал поп: «Молчи,— говорит,— я тебе сто рублев заплачу и мать даром схороню».— «Неси деньги!» Поп заплатил дураку сто рублев и похоронил старуху. Дурак воротился домой с деньгами; братья спрашивают: «Куда мать девал?» — «Продал, вот и денежки». Завидно стало братьям, стали сговариваться: «Давай-ка убьем своих жен да продадим. Коли за старуху столько дали, за молодых вдвое дадут». Ухлопали своих жен и повезли на базар; там их взяли, в кандалы заковали и сослали в Сибирь. А дурак остался хозяином и зажил себе припеваючи, мать поминаючи.

396

Жил-был старый бобыль с своею старухой; у него было три сына: двое умных, младший — Иван-дурак. Случится большим братьям на охоту идти, и дурак за ними идет; те ловят зверей да птиц, а дурак крыс да мышей, сорок да ворон. Вот как-то посеяли умные братья горох в огороде, а Ивана-дурака от воров караулить поставили. Понадобилось старухе, их матери, в огород сходить; только влезла туда, Иван-дурак заприметил и говорит само с собой: «Погоди ж, изловлю я вора; будет меня помнить!» Подкрался потихоньку, поднял дубинку да как треснет старуху по голове — так она и не ворохнулась, навеки уснула! 222b

Отец и братья принялись ругать, корить, увещать дурака, а он сел на печи, перегребает сажу и говорит: «Черт ли ее на кражу нес! Ведь вы сами меня караулить поставили».— «Ну, дурак,— говорят братья,— заварил кашу, сам и расхлебывай; слезай с печи-то, убирай мясо!» А дурак бормочет: «Небось не хуже другого слажу!» Взял старуху, срядил в

празднишну одежу, посадил на повозку в самый задок, в руки ей пяла[1] дал и поехал деревнею.

Навстречу ему чиновник едет: «Свороти, мужик!» Дурак отвечает: «Свороти-ка сам, я везу царскую золотошвейку».— «Мни его, мошенника!» — говорит барин кучеру, и как ско́ро поверстались ихние лошади — зацепились повозки колесами, и опрокинулся дурак со старухою: вылетели они далёко! «Государи бояре! — закричал дурак на весь народ.— Убили мою матушку, царскую золотошвейку!» Чиновник видит, что старуха совсем лежит мертвая, испугался и стал просить: «Возьми, мужичок, что́ тебе надобно, только не сзывай народу». Ну, дурак не захотел хлопотать много, говорит ему: «Давай триста рублей мне, да попа сладь[2], чтоб покойницу прибрал». Тем дело и кончилось; взял дурак деньги, поворотил оглобли домой, приехал к отцу, к братьям, и стали все вместе жить да быть.

397—399. ШУТ

397

В одной деревне жил шут. Какой-то поп вздумал ехать к нему, *223a*
говорит попадье: «Ехать было к шуту, не сшутит ли каку́ шутку!» Собрался и поехал; шут по двору похаживает, за хозяйством присматривает. «Бог в помощь, шут!» — «Добро жаловать, батюшка! Куды тебя бог понес?» — «К тебе, свет; не сшутишь ли шутку мне?» — «Изволь, батюшка; только шутку-то я оставил у семи шутов, дак снаряди потеплей да дай лошади съездить за нею». Поп дал ему лошадь, тулуп и шапку. Шут сел и поехал. Приехал к попадье и говорит: «Матушка! Поп купил триста пудов рыбы; меня вот послал на своей лошади к тебе за деньгами, триста рублей просит». Попадья тотчас отсчитала ему триста рублей; шут взял и поехал назад. Приезжает домой, тулуп и шапку положил в сани, лошадь в ограду пустил, а сам спрятался. Поп пождал-пождал, не мог дождаться, собрался и воротился к попадье. Она спрашивает: «А где рыба-то?» — «Какая рыба?» — «Как какая! Шут приезжал за деньгами, сказывал, будто ты заторговал триста пудов рыбы; я ему триста рублей дала». Узнал поп, каковую шутку сыграл над ним шут!

На другой день собрался, и опять к шуту. Шут знал, что поп приедет, переоделся женщиной, взял пресницу[1] и сел под окошко, сидит да прядет. Вдруг поп: «Бог в помочь!» — «Добро жаловать!» — «Дома шут?» —

[1] Пяльцы.
[2] Уговори́.
[1] Прялку.

Пляска. Лубок из собрания Д. Ровинского, № 39

«Нету, батюшка!» — «Где же он?» — «Да ведь он, батюшка, с тобой вчерась пошутил да после того и дома не бывал».— «Экой плут! Видно, назавтрее приезжать». На третий день приехал; шута все нет дома. Поп и думает: «Чего же я езжу без дела? Эта девка, знать, сестра его, увезу ее домой, пусть зарабливает [2] мои деньги». Спрашивает ее: «Ты кто же? Как шуту доводишься?» Она говорит: «Сестра».— «Шут у меня триста рублей денег взял, так ступай-ка, голубушка, зарабливай их...» — «Дак что! Ехать дак ехать!» Собралась и поехала с попом. Живет у него уж и долго.

У попа были дочери-невесты. Вдруг к нему сватовщики — какой-то богатый купец начал сватать дочь за сына. Поповски дочери что-то купцу не понравились, не поглянулись, он и высватал стряпку [3], шутову сестру.

[2] Зарабатывает.
[3] Кухарку, работницу.

Веселым пирком да и за свадебку. Справили все как следует. Ночью молодая говорит мужу: «Высади меня в окошко по холсту поветриться; а как тряхну холстом, назад тяни». Муж спустил ее в сад; женушка привязала вместо себя козлуху, тряхнула — молодой потащил. Притащил в горницу, смотрит — козлуха. «Ох, злые люди испортили у меня жену-то!» — закричал молодой; все сбежались, начали возиться с козлухой; дружки взялись наговаривать, чтобы обратить ее в женщину, и совсем доконали-замучили: пропала[4] козлуха!

Шут между тем пришел домой, переоделся и поехал к попу. Тот его встретил: «Милости просим, милости просим!» — угощает. Шут сидит, ест да пьет; те-други разговоры; он и спрашивает: «Батюшка, где же моя сестра? Не увозил ли ты?» — «Увез,— говорит поп,— да и отдал взамуж за богатого купца».— «А как же, батюшка, без моего спросу отдали ее взамуж? Разе[5] есть таки законы? Ведь я просить пойду!» Поп биться-биться с ним, чтобы не ходил в просьбу. Шут выпросил с него триста рублей; поп отдал. Шут взял и говорит опять: «Ладно, батюшка, теперь своди-ка меня к сватушку-то; покажи, каково они живут». Поп не захотел спорить; собрались и поехали.

Приезжают к купцу; тут их встретили, начали потчевать. Шут сидит уж и дивно[6] времени — сестры не видать, и говорит он: «Сватушка, где же моя-то сестра? Я давно с ней не видался». Те посемывают[7]. Он опять спрашивает; они и сказали ему, что злы люди похимостили[8], испортили ее в козлуху. «Покажите козлуху!» — просит шут; они говорят: «Козлуха пропала».— «Нет, не козлуха пропала, а вы разве мою сестру убили; как сделаться ей козлухой! Пойду просить на вас». Те ну просить его: «Не ходи, пожалуйста не ходи просить; чего хочешь бери!» — «Отдайте триста рублей, не пойду!» Деньги отсчитали, шут взял и ушел, сделал где-то гроб, склал в него деньги и поехал.

Вот едет шут, а навстречу ему семь шутов; спрашивают: «Чего, шут, везешь?» — «Деньги». — «А где взял?» — «Где взял! Вишь, покойника продал и везу теперь полон гроб денег». Шуты, ничего не говоря, приехали домой, перебили всех своих жен, поделали гроба, склали на телеги и везут в город; везут и кричат: «Покойников, покойников! Кому надо покойников?» Услыхали это казаки, живо подскакали и давай их понужать плетями; драли-драли, еще с приговорами: «Вот вам покойники! Вот вам покойники!» — и проводили вон из города. Еле-еле убрались шуты; покойников схоронили, сами и ступай к шуту отмстить за насмешку; тот уж знал, вперед изготовился.

Вот они приехали, вошли в избу, поздоровались, сели на лавку; а у шута в избе была козлуха: она бегала-бегала, вдруг и выронила семигривенник. Шуты увидели это, спрашивают: «Как это козлуха-то семигривенник выронила?» — «Она у меня завсегда серебро носит!» Те и приступили: продай да продай! Шут упрямится, не продает: самому-де надо. Нет, шуты безотступно торгуют. Он запросил с них триста рублей.

[4] Издохла.
[5] Разве.
[6] Много.
[7] Переминаются, беспокоятся.
[8] Заворожили, заколдовали.

Шуты дали и увели козлуху; дома-то поставили ее в горнице, на пол ковров настлали, дожидаются утра, думают: «Вот когда денег-то наносит!» А вместо того она только ковры изгадила.

Шуты опять поехали мстить тому шуту. Тот уже знал, что они будут; говорит своей жене: «Хозяйка, смотри, я тебе привяжу под пазуху пузырь с кровью; как придут шуты бить меня, я в те́ поры стану просить у тебя обедать; раз скажу — ты не слушай, другой скажу — не слушай, и в третий — тоже не слушай. Я ухвачу нож и ткну в пузырь, кровь побежит — ты и пади, будто умерла. Тут я возьму плетку, стегну тебя раз — ты пошевелись, в другой — ты поворотись, а в третий — скочи да на стол собирай». Вот приехали шуты: «Ну, брат, ты нас давно обманываешь, теперича мы тебя убьем».— «Дак что! Убьете — так убьете; дайте хоть в последний раз пообедать. Эй, хозяйка! Давай обедать». Та ни с места; он вдругорядь приказывает — она ни с места; в третий раз говорит — то же самое. Шут схватил ножик, хлоп ее в бок — кровь полилась ручьями, баба пала, шуты испугались: «Что ты наделал, собака? И нас упекёшь тут же!» — «Молчите, ребята! У меня есть плетка; я ее вылечу».

Сбегал за плеткой, стегнул раз — хозяйка пошевелилась, в другой — поворотилась, в третий — скочила и давай на стол собирать. Шуты говорят: «Продай плетку!» — «Купите».— «Много ли возмешь?» — «Триста рублей». Шуты отсчитали деньги, взяли плетку, ступай с ней в город; видят — везут богатого покойника, они кричат: «Стой!» Остановились. «Мы оживим покойника!» Раз стегнули плеткой — покойник не шевелится, в другой раз — тоже, в третий, четвертый, пятый — покойник все не шевелится. Тут их, сердешных, забрали и давай самих драть; плетьми стегают да приговаривают: «Вот вам, лекаря́! Вот вам, лекаря́!» До полусмерти исстегали, отпустили. Они кое-как доплелись до двора, поправились и говорят сами с собой: «Ну, ребята, не докуль шуту над нами смеяться; пойдемте убьем его! Чего на него смотреть-то?»

Тотчас собрались и поехали; застали шута дома, схватили и потащили на реку топить. Он просится: «Дайте хоть с женой да с родней проститься, приведите их сюда!» Ну, согласились, пошли все за родней; а шута завязали в куль и оставили у проруби. Только ушли, вдруг едет солдат на паре каурых, а шут что-то и скашлял. Солдат остановился, соскочил с саней, развязал куль и спрашивает: «А, шут! Пошто залез тут?» — «Да вот высватали за меня убегом таку-то (называет ее по имени), сегодня и украли; а отец и хватился, давай искать. Нам некуда деваться; вот мы спрятались в кули, нас завязали да и растащили по разным местам, чтоб не узнали». Солдат был вдовый, говорит: «Пусти, брат, меня в куль-от». Шут упрямится, не пускает. Солдат уговаривать, и уговорил его. Шут вышел, завязал солдата в куль; сел на лошадей и уехал. Солдат сидел-сидел в кулю и уснул.

Семь шутов воротились одни, без родни, схватили куль и бросили в воду; пошел куль ко дну — буры да кауры! Сами побежали домой; только прибежали, расселись по местам, а шут и катит мимо окон на паре лошадей — ух! «Стой!» — закричали семеро шутов. Он остановился. «Как ты из воды выбился?» — «Эх вы, дураки! Разве не слышали: как

пошел я ко дну, то сказывал: буры да кауры? Это я коней имал. Там их много, да какие славные! Это что еще! Я дрянь взял — спереди, а там дальше вороные — вот так лошади!» Шуты поверили: «Спускай, брат, нас в воду; пойдем и мы коней выбирать».— «Извольте!» Всех извязал в кули и давай спускать по одному; испускал всех в воду, махнул рукой и сказал: «Ну, выезжайте же теперь на вороных!»

398

ил-был Фомка-шут, умел шутить шутки хитрые. Раз идет 223b
Фомка дорогою; повстречался ему поп: «Здравствуй, Фомка!» — «Здравствуй, батюшка!» — «Пошути мне!» — «Ах, батюшка, рад бы, да шутки дома забыл».— «Сбегай, пожалуйста!» — «Далеко бежать-то!» — «Возьми, свет, мою лошадь».— «Давай, батюшка!» Сел и поехал к попадье: «Матушка, подавай семьсот рублей; батюшка купил семь сел, семь деревень; меня послал за деньгами, вот свою лошадь дал». Попадья дала ему семьсот рублей; Фомка-шут взял деньги и поехал на болото; утопил лошадь в болоте, отрезал у ней хвост и воткнул в тину. Приходит к попу: «Ну, батюшка, верно ты свою кобылу недели две не поил?» — «А что?» — «Да то — как поехал я мимо воды, кинулась она со всех ног в болото, да там и завязла!» — «Что делать! Пойдем вытаскивать». Пришли к болоту — один хвост торчит. «Лезь, батюшка, в воду!» — «Полезай лучше ты, Фомка!» Фомка полез.

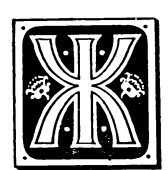
Вот шут ухватился за один конец хвоста, а поп за другой; тянут в разные стороны. Вот тянули, тянули, Фомка взял да выпустил хвост из рук — поп так и ударился оземь. «Нет,— говорит Фомка,— видно, совсем пропала лошадь! Теперь уж не вытащишь — хвост оборвали!» Поп потужил-потужил и пошел домой. Попадья встречает: «Что, батька, купил семь сел, семь деревень?» — «Каких, свет?» — «Как же, Фомка-шут от тебя приезжал да семьсот рублей денег взял!» — «Ах он вор этакой! Неча сказать: славную сшутил шутку!» А Фомка себе на уме, поехал в город протирать глаза чужим денежкам: у попа-де в сундуке они заржавели!

У Фомки-шута было два брата. Раз как-то затопил он печку, поставил на огонь котел с водою и сел под окном, глядь — идут одаль братья. Фомка сейчас вытащил котел из печи, поставил на улицу в снег и покрыл сковородой. Братья подошли и услыхали — что-то в котле шумит. Стали спрашивать: «Шут, что у тебя в котле-то шумит?» — «Вода на снегу кипит! Если в котел муки положить, так можно и кисель сварить: не надо и дров!» — «Подари нам этот котелок».— «Не могу, братцы! Я только им и живу».— «Ну, продай! Что возьмешь?» — «Да ме́не ста рублей не возьму».— «На, бери!» Заплатили братья сто рублей, взяли котелок и принесли домой. «Эй, жена,— говорит один,— давай кисель варить».— «Дров нету!» — отвечает ему баба. «Да нам дров и не надо; подавай муки». Баба принесла муки; мужики налили в котел воды, насыпали туда муки, накрыли сковородой и поставили в снег. Прошло с час времени. «Ну-ка, бабьё, не готов ли наш кисель?» Посмотрели, а вода

совсем замерзла; стали ножом резать — нож не берет, стали топором рубить — и разбили котел вдребезги. Осердились братья и пошли Фомку бить.

Фомка-шут знал, что братья не спустят ему, и загодя придумал новую шутку: убил барана, нацедил крови и налил в пузырь; а тот пузырь привязал своей бабе под мышку. Только братья в избу, он и закричал: «Таня, делай яичницу, да проворнее!» Таня и с места не встает. Фомка за нож, как ударит ее под мышку — кровь так и полилась. Таня упала — захрапела, словно душа из тела выходит. «Что, али умирать вздумала?» — говорит Фомка, снял с гвоздя плетку и давай стегать да причитывать: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Она тотчас вскочила и принялась готовить яичницу. «Фомка,— говорят братья,— продай плетку-живилку».— «Купите!» Торговаться-торговаться, купили плетку и пошли над своими бабами куражиться... (*Окончание то же, что и в поедыдущем списке.*)

399

ил-был поп с попадьей. Вот он, вишь ты, поехал нанимать 223 с
казака[1]; только что едет поп по деревне — попадается ему мужик. «Здорово, батюшка!» — «Здравствуй, братеник!»— «Куды ты, батя, едешь?» — «Да ништо ведь, вишь — работа поспела, так надобно нанять казака на летину».— «А что,— бает,— батюшка, найми меня».— «Ладно,— бает поп,— ступай к попадье, скажи, что меня, мол, нанял поп. А я покамест съезжу в деревню, окрещу ребенка: вишь, Пафнутьевна родила». «Ступай, батюшка, ступай!» — бает казак; а сам пошел на погост. Пришел к попадье: «Здорово,— бает,— матушка! Поп приказал дом сжечь, а сам поехал новый покупать». И! Попадья взяла пук лучины зажгла и давай со всех сторон дом поджигать. Едет поп, а попадья пепелок развевает да место очищает. «Что ты, попадья?» — «Да ништо! Пришел Ерема; меня, бает, батюшка нанял в казаки; дом да село покупает, а этот дом велел сжечь».— «Ах он, лиходей! Где же он?» — «Да ушел домой».— «Делать нечего, разве нанять другого мужика в казаки?» — бает поп своей попадье. «Уж без казака не жить,— бает попадья — найми, найми, поп!» Вот он и нанял другого мужика в казаки. Дело пошло на лад. Только что приходит сенокос— а ведь это время, знаешь, самое трудное! — поп и задумал нанять еще казачи́ху. Поехал в приход; едет и видит бабу с пяльцами, а это был Ерема; он узнал, что поп хочет нанимать казачиху, взял да и перерядился в бабье платье и стал как девка. Вот едет поп, а девушка бает: «Куды ты, батюшка, едешь?» — «Да ништо ведь,— бает поп,— надобно нанять казачиху, так вот и ищу».— «Ах, батюшка, да найми меня!» — «Да как тебя зовут?» — «Маланьей».— «Так что же, ступай с богом ко мне».

Вот и пошла. Живет Ерема у попа да работает, а поп и не ведает, что у него в казачихах живет Ерема. Только что долго ль, коротко ль,

[1] Батрака, работника.

а попу вздумалось женить казака своего на казачихе. «А что, попадья, бает,— сыграем-ка свадебку; казак-то парень дюжий, да и казачиха-то девка ра́жа. Давай-ка!» — «Так что ж зевать?» — бает попадья. Взяли да и женили казака своего на казачихе и заперли их спать на ночь в клети. Вот Ерема и бает: «Что, Сысоюшка (этак звали казака-то), ведь мне на двор надо».— «Да как же,— бает,— быть? Ведь мы заперты!» — «Ничего, возмем-ка поднимем половицу, да ты меня привяжи к кушаку, да и пусти туда; я как справлюсь, так и потрясу кушаком, а ты и тащи меня». — «Ну, ладно, ступай!»

Вот Ерема спустился под пол и привязал кушаком козу за рога — оттого что были там козы. Привязал. да и тряхнул: «Тяни!» — бает, а сам и ушел. Тот потянул, а коза: «Бяу!» — «Что это,— думает себе,— неужто моя жена козой сделалась? Дай-ка еще!» — «Бяу!» — «Ах, и взабыль [2] никак она уж оборотень! Ну-ка еще...» — «Бяу!» — «Делать нечего, пойти к попу... Батюшка!» — «Кто там стучит?» — «Откутайся-ка [3]».— «Да кто там?» — бает поп. «Да я, батюшка!» — «Ты. Сысой?» —« Я».— «Пошто ты?» — «Да что, батюшка,— бает казак,— никак женка-то козой сделалась!» — «Пойдем-ка посмотрим!» Казак все рассказал попу, как дело было. Пришли под клеть, глядь — а кушак-то привязан козе за рога; сосчитали коз: все ли тута, нет ли, бывает, лишних? Нет, все по-прежнему, а казачихи как не было! «Уж не Ерема ль это подделал?» — бает поп. «Да, пожалуй!» — бает попадья.

У Еремы было еще два брата: Фома да Кузьма, и были они — ворьё [4]. Только им и вздумалось украсть у попа улей пчел. Вот и пошли; да в ту самую пору, как Ерему-то в клеть спать положили; а Ерема-то уж знал, что братеники думали делать. Вот он ушел, да и сел в один улей. Пришли братья и стали пробовать, который потяжелее; взялись за тот самый, где сидел Ерема. «Ого-го! — бают.— Вот где мед-то! Ну-ка, брат, на плечо, да и потащим!» Подняли и потащили, а Ерема сидел, сидел, да потихоньку и закричал: «Вижу, вижу!» — «Смотри-ка, брат, никак нас догоняют, слышишь?.. Побежим скорее...» А Ерема опять: «Вижу, вижу!» — «Уж близко! Бросим-ка лучше, а не то догонят». Вот они бросили и ушли; и Ерема ушел... Вот братья на другой день приходят, видят улей, раскрыли — пустой!.. «А это дело Еремы; пойдем-ка дадим ему знать!»

А Ерема уж это наперед знал; бает своей женке: «Смотри, как придут братья, я тебе велю сбирать на стол; а ты возьми да и не давай нам; мне, мол, надоть ребят накормить. Да еще подвяжи пузырь под пазуху, а я тебе ножом по ему — ты возьми и ляг; а я тебя плеткой — ты и вскочи поскорее. Смотри ж не забудь!» — «Ладно»,— бает женка. Вот приходят братья. «Здравствуй,— бают,— Ерема!» — «Здравствуйте, братцы! Добро пожаловать! Что скажете хорошенького?» — «Да ништо! Мы вот хотим...» А Ерема: «Э, братцы, я вас наперед угощу. Женка, давай сейчас обедать».— «Некогда».— «Ну же, живее!» — «Да дай ребят накормить!» — «А вот я те [5] дам ребят накормить!» — да как чесанет но-

[2] В самом деле.
[3] Отворись, отомкнись.
[4] Воры.
[5] Тебе.

жом-то под пазуху — женка его так тут и грянулась оземь. «Ах ты, шельма!» Взял плетку с гвоздя да ее и ну пороть, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» И! Женка разом вскочила, тотчас собрала на стол.

Вот братья пообедали, переглянулись: «А что,— бают,— Еремушка, дай-ка нам своей плетки, и мы своих жен поучим; они у нас нешто заленились».— «А как вы ее потеряете?» — «Небось!» — «Ну так возьмите, да смотрите отдайте». Они взяли и пошли. «Пойдем,— бает Фома,— сперва ко мне; сперва я поучу свою женку». Пришли. «Давай, женка,— бает Фома,— нам есть!» — «Погоди; вот я ребят накормлю, тогда и сберу».— «Нам некогда, давай скорее!» — «Да погоди!» Фома схватил нож да как чесанет свою женку под пазуху — та и грохнулась наземь. Схватил плетку и ну пороть, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Не тут-то было: женка лежит себе да лежит. «Постой-ка,— бает Кузьма,— ты не умеешь пороть; дай-ка я!» Хлоп, хлоп!.. Не встает. «Ну, ну, брат, ишь твоя жена какая непослухмяная [6]. Пойдем к моей».— «Пойдем,— бает Фома,— ведь моя-то ух как была непослухмя́на! Видно, и плетка ее не берет». Вот и пошли. «Женка,— бает Кузьма,— сбирай мне на стол».— «Некогда»,— бает жена. Еще стала отговариваться. «Вот я тя!»— да как чесанет ножом-то, та и грянулась оземь. Он схватил плетку и ну стегать, а сам приговаривает: «Плетка-живилка, оживи мою женушку!» Не тут-то было: женка лежит себе да лежит. «Ну, делать нечего! Обманул Ерема. Пойдем мы его утопим».

Идут, а Ерема попадается навстречу. Вот они и схватили его. «Мы те,— бают,— дадим знать! Станешь ужо нас обманывать!» Взяли да и потащили к реке; а это дело-то было уж осенью, только что река замерзла. Притащили его к реке, а проруби-то и нету такой, чтоб его в воду бросить. «Поди,— бает Фома Кузьме,— поди, принеси топор».— «Не пойду»,— бает Кузьма. «Ну так останься здеся, а я принесу».— «Нет, братеник, не останусь».— «Ну так делать нечего, пойдем оба».

Вот они взяли и пошли, а Ерему так тут и оставили, только ноги ему кушаком связали. Видит Ерема — барин едет; вот он и начал кричать: «Пожалуйте сюды!» Барин подъехал; а Ерема развязал себе ноги да как крикнет: «Скидывай попону-то [7]!» Тот скинул. Ерема снял с себя армяк да надел на барина, связал ему и руки и ноги. «Лежи,— бает,— здеся, пока опять приду». Только что Ерема ушел, а Фома да Кузьма и вернулись, прорубили прорубь да не посмотревши — бух в нее барина!

Немножко погодя едет Ерема на бариновой лошади и в бариновом платье. «Здравствуйте, — бает, — братцы!» — «Здравствуй, — бают братья,— где ты взял лошадей-то?» — «А вот где! Только что вы пихнули меня в воду, а я бурл!.. бурл!.. бурл!.. вот мне и явились буры кони; я на них и выехал из реки».— «Ах, братец родимый, пихни и нас туды, чтоб и нам достать по бурым лошадям». Он взял да и пихнул их в прорубь; а сам стал поживать, добра наживать.

[6] Непослушная.
[7] Одежду.

400—401. ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

400

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое — 224а
умные, третий — Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку: «На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят». Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидал свою тень сбоку и думает: «Что это за человек со мной рядом идет, ни на шаг не отстает? Верно, клецок захотел?» И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет. «Эка ненасытная утроба!» — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают: «Ты, дурак, зачем?» — «Вам обед принес».— «Где же обед? Давай живее».— «Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да все и поел!» — «Какой-такой человек?» — «Вот он! И теперь рядом стоит!» Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле. «Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?» — «Да пошто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу сбирать, глаза выдирать; во как умаялся!» — «Постой, еще не так умаешься!» — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неуда́лая, везет — не везет! «А что,— думает себе Иванушка,— ведь у лошади четыре ноги, и у стола тож четыре; так стол-от и сам добежит». Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а воро́ны так и вьются над ним да всё каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюда с ествами наземь и начал потчевать: «Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!» А сам все вперед да вперед подвигается.

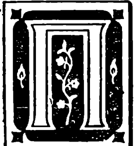
Едет Иванушка перелеском; по дороге всё пни обгорелые. «Эх,— думает,— ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь

поить, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!» — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет. «Что ж ты не пьешь, волчье мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?» Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушка-дурак!» — бросил их и ну топтать да приговаривать: «Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!»

Воротился домой и говорит братьям: «Все искупил, братики!» — «Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?» — «А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то поиво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул».— «Ступа́й, дурак, поскорее собери все, что разбросал по дороге». Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину — всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит. «Пиво, не броди, дурака не дразни!» — говорит Иванушка. Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать: «Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!» — «Постой, дурак,— сказал барин,— я умею и судить и рядить; вылезай из куля!» Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал и́з виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает. «Знать, бу́рка ловит!» — проговорили братья и побрели домой. Навстречу им откуда ни возьмись едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает: «Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко — такой славный!» Завидно стало братьям; говорят дураку: «Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...» Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

401

ри матери были три сына: два умных, третий дурак. Умные за- 224b
нимались работою, ловили зверей капканами да путами. Раз привезли они многое множество зверей. Дурак слез с печи и закричал: «Братцы, ведь и я лису поймал!» — «Где ж она?»— «А вон в хлеву». Они пошли, поглядели — сидит в капкане мертвая старуха. Братья ругали его, ругали, ну да что? ведь с дурака взятки гладки. Немного погодя задумал старшо́й брат жениться. Умные-то всегда делом заняты, а дурак на печи лежит; вот и послали его

на базар в соседнюю деревню — искупить все нужное для свадьбы. Дурак купил соли, говядины и горшков пять либо шесть. Идет домой, глядь — собака на озере воду лакает. «У, родная моя,— закричал дурак, — зачем без соли пьешь?» Взял да и высыпал всю соль в воду. Идет дальше; воро́ны увидали говядину, так и вьются над ним да кричат: карр! карр! Дураку показалось, что они величают его Карпом, взял да говядину и раскидал: «Кушайте, родимые!»

Идет да идет; по дороге верстовые столбы стоят. «Эх, мои братцы без шапок стоят!» — сказал дурак и понадевал на них горшки. Воротился к братьям и рассказал все, что сделал; братья обругали его, как надо, и велели сидеть дома: «Ты-де, дурак, никуда не годишься!»

Вот повезли жениха с невестою к венцу; остался дурак один во всем доме; запер дверь, выпустил целую бочку квасу, сел в лоток, в руки взял веселку и плавает по избе да приговаривает: «Еду-еду, до берега не доеду». Приехали молодые из церкви, стучатся в дверь: «Отвори, дурак!» А он в ответ: «Постойте, дайте до берега доехать!» Нечего делать, пришлось ломать дверь; разломали — как хлынет оттуда квас, так молодых с ног и сбил!..

402. ДУРАК И БЕРЕЗА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик, 225
у него было три сына: двое — умных, третий — дурак. Помер старик, сыновья разделили именье по жеребью: умным досталось много всякого добра, а дураку один бык — и тот худой! Пришла ярмарка; умные братья собираются на торг ехать. Дурак увидал и говорит: «И я, братцы, поведу своего быка продавать».

Зацепил быка веревкою за рога и повел в город. Случилось ему идти лесом, а в лесу стояла старая сухая береза; ветер подует — и береза заскрипит. «Почто береза скрипит? — думает дурак. — Уж не торгует ли моего быка? — Ну, — говорит, — коли хочешь покупать — так покупай; я не прочь продать! Бык двадцать рублев стоит; меньше взять нельзя... Вынимай-ка деньги!» Береза ничего ему не отвечает, только скрипит; а дураку чудится, что она быка в долг просит. «Изволь, я подожду до завтрего!» Привязал быка к березе, распрощался с нею и пошел домой. Вот приехали умные братья и стали спрашивать: «Ну что, дурак, продал быка?» — «Продал». — «За дорого?» — «За двадцать рублев». — «А деньги где?» — «Денег еще не получал; сказано — завтра приходить». — «Эх ты — простота!»

На другой день поутру встал дурак, снарядился и пошел к березе за деньгами. Приходит в лес — стоит береза, от ветру качается, а быка нету;

ночью волки съели. «Ну, земляк, подавай деньги, ты сам обещал, что сегодня заплатишь». Ветер подул — береза заскрипела, а дурак говорит: «Ишь ты какой неверный! Вчера сказывал: завтра отдам, и нонче то же сулишь! Так и быть, подожду еще один день, а уж больше не стану — мне самому деньги надобны». Воротился домой. Братья опять к нему пристают: «Что, получил деньги?» — «Нет, братцы, пришлось еще денек подождать».— «Да кому ты продал?» — «Сухой березе в лесу».— «Экой дурак!»

На третий день взял дурак топор и отправился в лес. Приходит и требует денег. Береза скрипит да скрипит. «Нет, земляк, коли все будешь завтраками потчевать, так с тебя никогда не получишь. Я шутить-то не люблю, живо с тобой разделаюсь!» Как хватит ее топором — так щепки и посыпались во все стороны. В той березе было дупло, а в том дупле разбойники спрятали полный котел золота. Распалось дерево надвое, и увидал дурак чистое золото; нагреб целую полу и потащил домой, принес и показывает братьям. «Где ты, дурак, добыл столько?» — «Земляк за быка отдал; да тут еще не сполна все, чай и половины домой не притащил! Пойдемте-ка, братцы, забирать остальное!» Пошли в лес, забрали деньги и несут домой. «Смотри же, дурак,— говорят умные братья,— никому не сказывай, что у нас столько золота».— «Небось не скажу!»

Вдруг попадается им навстречу дьячок. «Что вы, ребята, из лесу тащите?» Умные говорят: «Грибы». А дурак поперечит: «Врут они! Мы деньги несем; вот посмотри!» Дьячок так и ахнул, бросился к золоту и давай хватать пригоршнями да в карман, совать. Дурак рассердился, ударил его топором и убил до смерти. «Эх, дурак! Что ты наделал? — закричали братья.— Сам пропадешь и нас загубишь! Куда теперь мертвое тело девать?» Думали-думали и стащили его в пустой погреб, да там и бросили.

Поздно вечером говорит старший брат середнему: «Дело-то выходит неладно! Как станут про дьячка разыскивать, ведь дурак все расскажет. Давай-ка убьем козла да схороним в погребе, а мертвое тело зароем в ином месте». Дождали они глухой ночи, убили козла и бросили в погреб, а дьячка снесли в иное место и зарыли в землю. Прошло несколько дней, стали про дьячка везде разыскивать, у всех расспрашивать; дурак и отозвался: «На что он вам? А намедни я его топором убил, а братья на погреб снесли».

Тотчас ухватились за дурака: «Веди, показывай!» Дурак полез в погреб, достал козлиную голову и спрашивает: «Ваш дьячок черный?» — «Черный».— «И с бородою?» — «Да, и с бородою».— «И рога есть?»— «Какие там рога, дурак!» — «А вот смотрите!» — и выбросил голову. Люди смотрят — как есть козел, плюнули дураку в глаза и разошлись по домам. Сказке конец, а мне меду корец.

403—404. НАБИТЫЙ ДУРАК

403

Жил-был старик со старухою, имели при себе одного сына, *226а* и то дурака. Говорит ему мать: «Ты бы, сынок, пошел, около людей потерся да ума набрался». — «Постой, мама; сейчас пойду». Пошел по деревне, видит — два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним; то около одного потрется, то около другого. «Не дури,— говорят ему мужики,— ступай, откуда пришел»; а он знай себе потирается.

Вот мужики озлобились и принялись его цепами потчевать: так ошарашили, что едва домой приполз. «Что ты, дитятко, плачешь?» — спрашивает его старуха. Дурак рассказал ей свое горе. «Ах, сынок, куда ты глупешенек! Ты бы сказал им: бог помочь, добрые люди! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить! Они б тебе дали гороху; вот бы мы сварили, да и скушали».

На другой день идет дурак по деревне; навстречу несут упокойника. Увидал и давай кричать: «Бог помочь! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить!» Опять его прибили; воротился он домой и стал жаловаться. «Вот, мама, ты научила, а меня прибили!» — «Ах ты, дитятко! Ты бы сказал: «Канун да свеча!» да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта». Пошел дурак по деревне, слышит — в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют; он снял шапку, а сам так и разливается, горько-горько плачет. «Что это за невежа пришел,— говорят пьяные гости,— мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!» Выскочили и порядком ему бока помяли...

404

В одной семье жил-был дурак набитый. И, бывало, нет того дня, *226b* чтобы на него не жаловались люди: либо кого словом обидит, либо кого прибьет. Мать сжалилась над дураком, стала смотреть за ним как за малым ребенком; бывало — куда дурак срядится [1] идти, мать с полчаса ему толкует: ты так-то, дитятко, делай и так-то! Вот однажды пошел дурак мимо гумен, и увидал — молотят горох, и закричал: «Молотить вам три дня и намолотить три зерна!» Мужики его за такие слова прибили цепами. Пришел дурак к матери и вопит: «Матушка, матушка! Ныне били хохла, колотили хохла!» — «Тебя, что ль, дитятко?» — «Да».— «За что?» — «Вот я шел мимо Дормидошкинова гумна, а на гумне молотили горох его семейные [2]...» — «Ты что же, дитятко?» — «Да я им прогуторил [3]: молотить вам

[1] Снарядится, приготовится.
[2] Родные, домашние.
[3] Промолвил.

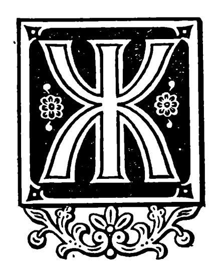
три дня и намолотить три зерна. Они за то меня и прибили».— «Ох, дитятко, ты бы сказал им: возить вам — не перевозить, носить — не переносить, таскать — не перетаскать!» Обрадовался дурак, пошел на другой день по селу. Вот навстречу ему несут упокойника. Дурак, помня вчерашнее наставление, зашумел в превеликий голос: «Носить вам — не переносить, таскать — не перетаскать!» Опять отдули [4] его! Дурак воротился к матери и рассказал ей, за что его прибили. «Ты бы, дитятко, сказал им: канун да ладан!» Такие слова глубоко пали дураку в ум-разум. На другой день опять пошел он бродить по селу. Вот свадьба и едет ему навстречу. Дурак откашлялся, закричал, как только свадьба с ним поравнялась: «Канун да ладан!» Пьяные мужики соскочили с телеги и прибили его жестоко. Дурак пошел домой, кричит: «Ох, мать моя родимая, как больно-то прибили меня!» — «За что, дитятко?» Дурак рассказал ей, за что прибили. Мать сказала: «Ты бы, дитятко, поиграл да поплясал им».— «Спасибо тебе, матушка моя!» И ушел опять на село да взял с собою дудочку.

Вот на конце села занялся [5] овин у мужика. Дурак со всех ног побежал туда; забежал против овина и ну плясать да играть в свою дудочку. И тут дурака отколотили. Он опять пришел к матери со слезами и рассказал, за что его побили. Мать ему сказала: «Ты бы, дитятко, взял воды да заливал с ними». Через три дня, как зажили у дурака бока, пошел он бродить по селу. Вот увидал он: мужик свинью палит. Дурак схватил у мимошедшей бабы с коромысла ведро с водою, побежал туда и начал заливать огонь. И тут дурака порядком поколотили. Опять воротился он к матери и рассказал, за что его били. Мать заклялась пускать его по слободе, и с тех пор дурак и поныне, кроме двора своего, никуда не выходит.

405—406. ЛУТОНЮШКА

405

ил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. 227а
Вот однажды старик с Лутонею занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд [1] полено, уронила его на загнетку [2] и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услыхал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слез стала говорить ему: «Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнет-

[4] Т. е. прибили.
[5] Загорелся.

[1] *Гряда* — две перекладины, утвержденные вверху избы, для сушения дров.
[2] *Загнетка* — шесток у русской печи.

ке — я бы его ведь ушибла поленом-то! Ну, и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря: «И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..» Кричат оба что ни есть мочи!

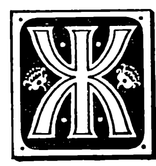
Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает: «О чем вы кричите?» Они сказали о чем: «Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча[3] сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!» — «Ну,— сказал Лутоня,— исполать вам!» Потом взял свою шапку в охапку и говорит: «Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня!» — и ушел.

Шел-шел и видит: мужики на избу тащат корову. «Зачем вы тащите корову?» — спросил Лутоня. Они сказали ему: «Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!» — «Ах, дураки набитые!» — сказал Лутоня, взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове. Мужики ужасно[4] тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их. «Нет,— сказал Лутоня,— у меня таких дураков еще много по белу свету!» — и пошел дальше.

Вот в одном селе увидал он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли[5] ее до полусмерти. «Что вы делаете?» — спросил Лутоня. «Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку».— «Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю». Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел-шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидал он: хозяйка-старушка сварила саламату[6], постановила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной. «Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» — сказал Лутоня. «Как зачем,— возразила старуха охриплым голосом,— ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе».— «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!» — «И то, родимый!» Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся донельзя, залез на полатки[7] и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

406

ила-была старуха, у нее был сын Лутонюшка. Вот раз — 227b
дело было осенью — стал он скотинку бить, на зиму в запас солить; а мать смотрит да ругается: «Ишь, сколько голов загубил; куда девать-то будешь?» — «И, матушка, весна придет, все подберет!» — отвечал Лутоня, да вслед за тем сел в телегу и поехал в лес за дровами. На ту пору шел мимо

[3] За несколько часов.
[4] Ужасно, очень.
[5] Утомили.
[6] *Саламата* — мучная кашица (*Ред.*).
[7] Полати.

прохожий — такой продувной! — услыхал эти речи, смекнул, что баба не то проста, не то глупа, и прямо к ней на двор: «Здравствуй, старушка!» — «Здравствуй, батюшка!» — «Я — Весна красна, за говядиной к тебе пришла». Старуха обрадовалась, привела его к чану и наклала ему целый мешок мяса — пудов с восемь будет. Немного погодя приезжает из лесу сын. «Знаешь ли, сынок,— рассказывает ему старуха,— ведь у меня Весна была». Лутоня глядит ей в глаза: «Какая Весна?» — «Какая! Сам же давеча сказал, что за мясом придет; я ей полон мешок наклала».— «Ну, матушка,— говорит Лутоня,— прощай; пойду по белу свету шататься: коли найду кого глупее тебя — ворочусь домой, а то и не жди назад!»

Пошел он по белу свету шататься; в одну деревню зашел — там плотники избу строят; окоротили одно бревно, привязали к обоим концам по веревке, схватились и давай тянуть в разные стороны. «Что вы делаете?» — «Да вот бревно окоротили, так растянуть хотим». Рассмеялся Лутоня, показал им, как наставку приделать, и пошел дальше. Смотрит: нá поле люди хлеб убирают; только не серпами жнут, а всякий колос зубами отгрызают. Подивился он этому чуду, и жаль стало ему, что народ терпит такую мýку. Сходил в кузницу, сковал себе серп и воротился назад; тем временем народ обедать ушел. «Пусть же знают, как хлеб убирать!» — подумал Лутоня, нажал сноп, связал и воткнул в него серп; а сам стоит, дожидается: что будет? Вот люди пообедали, пришли нá поле, увидали серп в снопу и закричали в один голос: «Ох, батюшки! Какой червяк проявился, что хлеба-то попортил!» Не знают, что и делать, как к тому червяку приступить; принесли ужище[1], накинули на серп мертвую петлю и потащили к реке. «Как же нам его в воду спихнуть?» Недолго думали, сейчас догадались: привязали мужика к бревну, дали ему ужище и спустили нá воду. «Переезжай, — говорят, — на ту сторону и потопи червяка». На беду бревно с мужиком перевернулось: очутился он головою вниз, ногами вверх. «Эх, брат,— кричат ему с берега,— что ж ты онучи бережешь? Коли и намочишь — дома на печке высушишь». А мужик совсем потонул. «Ну, этих дураков не выучишь»,— сказал Лутоня и пошел своей дорогой. Пришел в другую деревню. Глядь — старуха сечет курицу, сечет да приговаривает: «А, курва! Цыплят целый содом вывела, а титек не вырастила — кормить нечем». — «Эта, кажись, глупей моей матушки! Надо домой ворочаться». Пошел назад и набрел на дороге на артель работников; сидят вместе да обедают. «Хлеб да соль!» — «Садись с нами». После обеда стали они считать, все ли налицо? Но сколько ни считали, всё одного не досчитываются. «Пожалуйста, добрый молодец, пересчитай нас; отпустил нас хозяин всего-навсего десять человек, а теперь сколько ни считаем — все одного не хватает». — «Да вы этак никогда не досчитаетесь! Каждый из вас, как станет считать, себя-то в счет и не кладет: полно хлопотать попусту, вы все налицо!» — «Спасибо, добрый человек!» Простился с ними Лутонюшка и опять в дорогу; пришел домой и говорит: «Здорово, матушка! Воротился с тобой жить; сколько ни ходил по белу свету, а умнее тебя не нашел!»

[1] Веревку.

407—409. МЕНА

407

истил мужик навоз и нашел овсяное зерно; приходит к 228a
жене, у жены изба топится. Он говорит: «Ну-ка ты, хозяйка, поворачивайся, загребай-ка ты жар, сыпь это зерно в печь; выгреби из печи, истолки его и смели, киселю навари, отлей в блюдо; вот я и пойду к царю, понесу блюдо киселю; ну, хозяйка, не пожалует ли нас царь чем-нибудь?»

Вот он и пришел к царю, принес блюдо киселю; царь его пожаловал золотой тетеркой. Пошел от царя домой; идет полем; берегут табун коней. Пастух его спрашивает: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотой тетеркою».— «Променяй нам тетерку на коня». Ну, променял, сел на коня и поехал.

Вот он едет: берегут стадо коров. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где у тебя тетерка?» — «Я ее променял на коня».— «Променяй нам коня на корову».

Променял, ведет коровку за рога; берегут стадо овец. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где золотая тетерка?» — «Променял на коня».— «Где конь?» — «Променял на коровку».— «Променяй нам коровку на овечку».

Променял, гонит овцу; берегут стадо свиней. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где золотая тетерка?» — «Променял на коня».— «Где конь?» — «Променял на коровку».— «Где коровка?» — «Променял на овечку».— «Променяй нам овечку на свинью».

Променял, гонит свинью; берегут стадо гусей. Пастух спрашивает: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где у тебя золотая тетерка?» — «Я променял на коня».— «Где конь?» — «Я променял на коровку».— «Где коровка?» — «Я променял на овечку».— «Где овечка?» — «Я променял на свинью».— «Променяй нам свинью на гуська».

Променял, несет гуська; берегут уток. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где золотая тетерка?» — «Я променял на коня».— «Где конь?» — «Я променял на коровку».— «Где коровка?» — «Я променял на овечку».— «Где овечка?» — «Я променял на свинью».— «Где свинья?» — «Я променял на гуська».— «Променяй нам гуська на уточку».

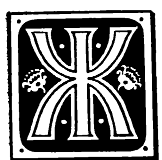
Променял, несет утку; ребята играют в клюшки [1]. «Где ты, мужичок,

[1] *Клюшка* (клюка) — дубинка, палка с загнутым концом, которою дети подбивают шар.

был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где золотая тетерка?» — «Я променял на коня?» — «Где конь?» — «Я променял на коровку».— «Где коровка?» — «Я променял на овечку».— «Где овечка?» — «Я променял на свинью».— «Где свинья?» — «Я променял на гуська».— «Где гусек?» — «Я променял на утку».— «Променяй нам утку на клюшку».

Променял, идет; пришел домой, клюшку поставил у ворот, а сам пошел в избу. Жена стала спрашивать; он рассказал все до клюшки. «Где клюшка» — «У ворот». Она пошла, взяла клюшку да клюшкой-то возила-возила[2] его: «Не меняй, не меняй, старый черт! Ты хоть бы утку принес домой!»

408

ил мужик с бабою; была у них пара волов, а телеги не было. 228b
Куда ни соберутся ехать — бежит мужик по деревне искать телеги, и уж худо-худо разов по пяти брал он телегу у каждого хозяина! До того дошло дело, что перестали давать ему; куда ни сунется, всякий срамит его: «Какой ты мужик! Пару волов имеешь, а телеги не справишь!» Соберется мужик в дорогу, а ехать не на чем; посуетится-посуетится да так дома и останется. «Послушай, муженек,— сказывает жена,— поведи волов на ярмарку, продай, да за эти деньги купи телегу; пускай у нас своя будет! Тогда и к нам станут ходить люди да просить телеги, а мы никому не дадим!»

Мужик послушал жену, встал поутру рано, взял пару волов и повел в город. Стал приближаться к городу, глядь — везет старик на ярмарку новые телеги; подбежал к нему: «Здорово, земляк! Продаешь телеги?» — «Продаю».— «Знаешь ли, что я тебе скажу?» — «Как скажешь, так и буду знать».— «А вот что; сделай милость, дай мне телегу, а себе возьми пару волов».

Старик видит, что мена-то выгодная: пара волов худо стоит полтораста рублев, а телега всего-навсего двадцать, и говорит: «Изволь, брат! Выбирай любую».

Мужик выбрал себе самую большую телегу и отдал за нее пару волов. Старик радехонек, поскорей в город; на уме одно держит: как бы этот дурак не одумался да не отобрал назад своих волов. А мужик стоит на дороге да думает: «Слава богу, теперь есть телега! Только как ее домой дотащить? Ведь волов нету, приходится на себе везти». Взял веревку, привязал к телеге и давай тащить; тащил-тащил, с полверсты сделал, а устал как собака: пот так и льет с лица, а рубаху хоть выжми! Остановился, сел отдохнуть и призадумался: до двора далеко, верст с пятнадцать будет! Как теперь с телегой быть?

Увидал пастуха — гонит две козы на ярмарку, и закричал ему: «Здорово, земляк! Куда коз гонишь?» — «В город продавать». — «Чем прода-

[2] Т. е. била.

вать, променяй-ка лучше мне одну козу вот на эту телегу; вишь, совсем новая!» Пастух усмехнулся: «Как бы, брат, не промахнуться? А то маху дашь, после не поправишься; да, пожалуй, куда кривая не вывезет! Выбирай себе любую». Мужик отдал телегу, взял козу и повел ее домой.

Шел-шел, версты две отхватил, и встречается ему разносчик: на спине коробка, за поясом целая связка кошельков прицеплена. Засмотрелся мужик на те кошельки, крепко понравились: «Послушай, земляк! Куда несешь кошельки?» — «В город продавать».— «Променяй мне один на козу».— «Изволь, брат!» Взял мужик кошелек, положил за голенище и пошел домой. Шел, шел; на пути речка; сел на перевоз и перебрался на другую сторону. Стали перевозчики спрашивать деньги, а у него нет ни гроша, и заплатить нечем. «Тащите, братцы, армяк с плеч, коли денег нет!» — говорят перевозчики. «Постойте, армяк самому надобен; а есть у меня кошелек новый, возьмите его за работу». Вынул кошелек и отдал; перевозчики отпустили его.

Поплелся мужик домой. «Вот,— думает,— ни зá что, ни прó что загубил пару волов!» Смотрит: сидят на дороге чумаки да варят кашицу. «Здравствуйте, земляки!» — «Здравствуй, добрый человек!» — «Хлеб-соль вашей милости!» — «Спасибо».— «Славная у вас кашица! Пустите, братцы, похлебать маленько; крепко есть хочется».— «Да ты откудова?» — спрашивает атаман. «А я, дяденька, ходил на ярмарку, пару волов водил продавать».— «Ишь какой! Пару волов продал, а попрошайничаешь...» — «Эх, дяденька,— отвечал мужик,— когда бы ты знал да ведал мое горе!» — «Какое?» — «А вот послушайте!» — и рассказал все, как было.

Атаман засмеялся и говорит мужику: «Ну, брат, теперь ты к своей хозяйке лучше и не показывайся; а то беда будет».— «Нет, дяденька, ничего не будет; даже слова худого не скажет!» — «Врешь, мужик! Если за это да не обругает тебя хозяйка, так вот двенадцать фур с солью — все отдам тебе и с волами!» — «Хорошо, атаман!» — «Ну, а если обругает?» — «В вечную кабалу к тебе пойду!»

Заложились [1] и пошли в деревню. Добрались до двора; атаман стал в сенях и слушает, а мужик вошел в избу: «Здравствуй, жена!» — «Здравствуй, муженек! Что ж, променял волов?» — «Променял».— «Где же телега?» — «За козу отдал».— «А коза где?» — «За кошелек пошла».— «А кошелек где?» — «За перевоз взяли».— «Ну, слава богу, что сам-то назад воротился! Раздевайся скорей да садись за стол, пообедай; чай, давно проголодался? О волах не кручинься; нет волов — и заботы у нас не будет!» Мужик сел за стол и кричит: «Эй, атаман! Ступай в хату; ну что — слышал? Правда моя!» — «Правда, земляк,— сказал атаман, вздохнувши,— бог с тобой, забирай все двенадцать фур — и с солью и с волами». Вот так-то и разбогател мужик и стал себе жить-поживать да добра наживать.

[1] Ударились об заклад.

409

ув собі дід да баба; у них не було ніколи дітей. Пішла баба по́ воду; коли дивиться — горошина котиться по дорозі; баба взяла — вкинула у відро, прийшла додому, виливає воду да й каже своєму діду: «Я найшла на дорозі горошину». Дід каже: «Дай мені, стара! Я її посажу». Дід узяв да й посадив під полом. Вона росте не по дням, а по часам, і не по часам, а по минутам; от виросла вона до неба, і вродились на ній стрючки так рясно, що ніхто і не згадає. 228а

От дід стереже тих стрючків, да так, що по цілим ночам не спить да стереже. В середу к вечері дід заснув; коли встає вранці — нема стрючків. Він каже: «Піду до бога, нащо він мої стрючки забрав?» Да й прийшов до бога і каже: «Нащо ти мої стрючки забрав?» Бог йому каже: «Коли я твої стрючки забрав, так на́ тобі за твої стрючки золоті постольці, серебряні волока» [1]. Дід узяв, подякував да й пішов; іде — коли пастух пасе ко́ні. От вони поздраствовались; пастух його питає: «Де, діду, був?» Він каже: «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, серебряні волока».— «Дай мені їх, я тобі дам самого луччого коня».

Він узяв коня, подякував да й пішов; іде да іде — коли чередник [2] пасе скот. От вони поздраствовались. Чередник його питає: «Де ти, діду, був?» — «У бога», — каже. «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, серебряні волока». — «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Проміняй мені коня за вола».

Він узяв вола, подякував да й пішов; іде да іде — коли пастух пасе овечки. От вони поздраствовались. «Де ти, діду, був?» — питає пастух. «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, серебряні волока».— «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Де ж той кінь?» — «Проміняв за вола». — «Проміняй мені вола за самого луччого барана».

Він проміняв, узяв барана і пішов; іде да іде — коли свинар пасе свині. От поздраствовались. Той свинар його питає: «Де ти, діду, був?» — «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, серебряні волока».— «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Де ж той кінь?» — «Проміняв за вола». — «Де ж той віл?» — «Проміняв за барана». — «Проміняй мені барана за самого луччого кабана».

Він проміняв, подякував да й пішов; іде да іде... Прийшов у город, дивиться — коли на базарі чоловік продає шила. От вони поздраствовались. Той чоловік його питає: «Де ти, діду, був?» Він каже: «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, серебряні волока». — «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Де ж той кінь?» — «Проміняв за вола». — «Де ж той віл?» — «Проміняв за барана». — «Де ж той баран?» — «Проміняв за кабана». — «Проміняй мені кабана за шило».

Він узяв шило, подякував да й пішов; іде да іде — коли коробейник наустрічу. От вони поздраствовались. Той його питає: «Де ти, діду,

[1] *Постоли* — обувь, лапти; *воло́ка* — завязка у обуви.

[2] Пастух.

був?» — «У бога». — «Що тобі бог дав?» — «Золоті постольці, серебряні волока». — «Де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «Де ж той кінь?» — «Проміняв за вола». — «Де ж той віл?» — «Проміняв за барана». — «Де ж той баран?» — «Проміняв за кабана». — «Де ж той кабан?» — «Проміняв за шило». — «Проміняй мені шило за іголку».

Дід проміняв і пішов додому; став перелазить через тин да й загубив іголку. Баба вибіжала із хати: «Я без тебе трохи не пропала! Де ти, мій дідусю, був?» — «У бога». — «Що тобі, старенький, бог дав?» — «Дав мені золоті постольці, серебряні волока». — «А де ж вони?» — «Проміняв за коня». — «А де ж, дідусю, коник?» — «Проміняв за волика». — «А де ж, дідусю, волик?» — «Проміняв за барана». — «А де ж, дідусю, баран?» — «Проміняв за кабана». — «А де ж, дідусю, кабан?» — «Проміняв за шило?» — «А де ж, дідусю, шило?» — «Проміняв за іголку; тобі, старенька, хотів гостинця принести, да став лізти через тин да й загубив». — «Я рада, що ти сам пришов!». Обнялись, поцiловались і пішли в хату.

410—411. СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВ ФОМУ И ЕРЕМУ

410

х, да Ерема да Фома были два братейка: 229а
Они волосом однаки и умом равны,
У них бороды, как бороды, и усы, как усы.
Вот задумали братаны в божью церковь идти;
В божью церковь идти, богу молиться.
Вот Ерема зашел в церковь, а Фома в алтарь,
Вот Ерема взял книгу, а Фома псалтырь;
Ох, Ерема-то запел, а Фома заговорил.
То заслышали попы со высокия горы,
Попы грамотные, люди надобные...
Вот Ерему взяли в шею, а Фому в толчки.
. . . .
Ерема-то из двери, а Фома из окна.
Ох, Ерема пошел в ельник, а Фома в сосняк;
Они оба испугались, оба вместе сходились.
Вот задумали братаны серых зайков промышлять,
Серых зайков, побегошков: ничего не нашли!
Вот пошли они, братаны, по крутому бережку,
По крутому бережку, по желтому по песку.

Вот увидели братаны, что две уточки плывут;
Одна уточка белешенька, а другая-то что снег.
Ох, Ерема схватил палку, а Фома косарь:
Как Ерема недокинул, Фома через перекинул.
Вот задумали братаны себе рыбу промышлять,
Себе рыбу промышлять, красну семужку.
Ох, Ерема сел да в лодку, а Фома в ботню:
У них лодка без набоев [1] и ботня́ безо дна.
Они три года тонули — не могли потонуть,
Их три черта давили — не могли задавить!
Вот задумали братаны свои головы кормить,
Свои головы кормить, себе хлеб наживать,
И поло́жили ребята себе пашню пахать;
Вот Ерема пошел в рынок, а Фома на базар,
Вот Ерема купил мерина, Фома жеребца —
Он у них, мерин-то, не тянет, и соха-то не валит;
Они мерина колом, сами с пашенки бегом!

411

Было два брата, Хома да Ерема; сдумали-сгадали честные братаны рыбу ловить. Лодка была у них розна [1], ботник [2] безо дна; три дня тонули, а потонуть не могли, добрые люди повытащили. Сели братаны на бережок, понюхивают табачок. Вздумали они торговать; накупили холстов, съехали в Ростов и променяли холсты на свиные хвосты, и тут неудача! Вздумали землю пахать: посеяли рожь и овес; рожь-то не выникла, а овес-то не взошел, с того они соху и борону в огонь, лошадь по горлу ножом, а сами с пашни бегом! 229b

[1] *Набойная лодка* — та, у которой на бортах набито по одной или по две доски.

[1] Изломана, дырява.

[2] Челнок, маленькая лодка, выдолбленная из одного дерева.

412—417. ХОРОШО, ДА ХУДО

412

Ехали барин и мужик. «Мужик, откуда ты?» — «Издалеча, 230a
бачка».— «А откуда?» — «Из города Ростова, а барина Толстова».— «А велик ли город?» — «Не мерил».— «А силен?» — «Не боролся».— «А за чем ехал?» — «За покупкой дорогóю: за мерою гороха».— «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Ехал пьяный, да рассыпал».— «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Рассыпал-то меру, а подгреб-то две!» — «А вот это-то хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «Да что ж?» — «Посеял, да редок».— «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Хоть редок, да стручист!» — «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не совсем!» — «А что ж?» — «Поповы свиньи повадились горох топтать, топтать — да и вытоптали».— «Этак худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я поповых свиней убил да два чана свежины насолил».— «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Поповы собаки повадились свежину таскать, таскать — да повытаскали».— «Вот это худо!»— «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я тех собак убил да жене шубу сшил!» — «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Пошла моя шельма жена мимо попова двора; поп-то узнал да шубку снял».— «Вот это худо!»—«Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я с попом судился, судился, сивого мерина да рыжую коровку цап-царап! Мое-то дело и выгорело!»

413

Повстречались два мужика. «Здорово, брат!» — «Здорово!» — 230b
«Откуда ты?» — «Из Ростова».— «Не слыхал ли что нового?» — «Не слыхал».— «Говорят, ростовскую мельницу сорвало?» — «Нет; мельница стоит, жернова по воде плавают, на них собака сидит, хвост согнувши,— повизгивает да муку полизывает...» — «А был на ростовской ярманке?» — «Был». — «Велика?» — «Не мерил». — «Сильна?» — «Не боролся». — «Что ж там почем?» — «Деньги по мешкам, табак по рожкам, пряники по лавкам, калачи по санкам». — «А ростовского медведя видел?» — «Видел». — «Каков?»— «Серый!» — «Не бредь! Это волк».— «У нас волк по лесу побегивает, ушми подергивает!» — «Это заяц!» — «Черта ты знаешь! Это трус[1]!» — «У нас то трус, что на дубу сидит да покаркивает».— «Это ворона!» — «Чтоб тебя лихорадка по животу порола!»

[1] Заяц или кролик.

414

фонька! Где был-побывал, как от меня бежал?» — «В вашей, 230c
сударь, деревне — у мужика под овином лежал».— «Ну, а кабы овин-то вспыхнул?» — «Я б его прочь отпи́хнул».— «А кабы овин-то загорелся?» — «Я бы, сударь, погрелся». — «Стало, ты мою деревню знаешь?» — «Знаю, сударь».— «Что, богаты мои мужички?» — «Богаты, сударь! У семи дворов один топор, да и тот без топорища».— «Что ж они с ним делают?» — «Да в лес ездят, дрова рубят; один-то дрова рубит, а шестеро в кулак трубят».— «Хорош ли хлеб у нас?» — «Хорош, сударь! Сноп от снопа — будет целая верста, копна от копны — день езды».— «Где ж его склали?» — «На вашем дворе, на печном столбе».— «Хорошее это дело!» — «Хорошо, да не очень: ваши борзые разыгрались, столб упал — хлеб в лохань попал».— «Неужто весь пропал?» — «Нет, сударь! Солоду нарастили да пива наварили».— «А много вышло?» — «Много! В ложке растирали, в ковше разводили, семьдесят семь бочек накатили».— «Да пьяно ли пиво?» — «Вам, сударь, ковшом поднести да четвертным поленом сверху оплести, так и со двора не свести».— «Что ж ты делал, чем промышлял?» — «Горохом торговал».— «Хорошо твое дело!» — «Нет, сударь, хорошо, да не так»,— «А как?» — «Шел я мимо попова двора, выскочили собаки, я бежать — и рассыпал горох. Горох раскатился и редок уродился».— «Худо же твое дело!» — «Худо, да не так!» — «А как?» — «Хоть редок, да стручист».— «Хорошо же твое дело!» — «Хорошо, да не так!» — «А как?» — «Повадилась по горох попова свинья, все изрыла-перепортила». — «Худо же, Афонька, твое дело!» — «Нет, сударь, худо, да не так».— «А как?» — «Я свинью-то убил, ветчины насолил».

«Эй, Афонька!» — «Чего извольте?» — «С чем ты обоз пригнал?» — «Два воза сена, сударь, да воз лошадей».— «А коня моего поил?» — «Поил». — «Да что же у него губа-то суха?» — «Да прорубь, сударь, высока».— «Ты б ее подрубил».— «И так коню четыре ноги отрубил» — «Ах, дурак, ты мне лошадь извел!» — «Нет, я ее на Волынский двор к собакам свел».— «Ты никак недослышишь?» — «И так коня не сыщешь».— «Жену мою видел?» — «Видел». — «Что ж, хороша?» — «Как сука пестра».— «Как?» — «Словно яблочко наливное».

415

рат, здорово!» — «Брату челом!» — «Откуда?» — «Из города 230d
Ростова».— «А как же сказали: в нашем ростовском государстве озеро выгорело?» — «Выгорело — не выгорело! Пошел я сегодня, пришел вчера, случилось мне идти мимо того озера; там я видел: окуни сотлели, ерши погорели, а щучьи головы словно головни лежат».— «Да правда ль это?» — «Правда — не правда, а что видел, то и сказываю».— «А с чем в город ездил?» — «Ездил, брат, с овсом; мешки-то на беду завязал плохо; овес мой сыпался да сыпался, чуть не весь рассыпался».— «Худо ж твое дело!» — «Худо,

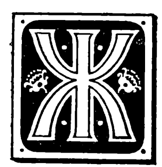
да не само; рассыпал меру, да две нагреб».— «Хорошо ж твое дело!» — «Хорошо, да не само; овес-то у меня в городе украли».— «Худо ж твое дело».— «Худо, да не само; я воров поймал, да деньги взял».— «Хорошо ж твое дело!» — «Хорошо, да не само; денег-то всего три алтына».— «Худо ж твое дело!» — «Худо, да не само; на те деньги я купил калач».— «Хорошо ж твое дело!» — «Хорошо, да не само; я калач съел и стал ни сыт, ни голоден». — «Худо ж твое дело!» — «Худо, да не само; в городе нашел я работу».— «Хорошо ж твое дело!» — «Хорошо, да не само; на работе меня били, больно колотили».— «Худо ж твое дело!» — «Худо, да не само; я теперь дороже стал: ведь за битого двух небитых дают, да и то не берут!»

416

де ты, брат, был?» — «В Боровичах на торгу».— «Что по чему?» — «Рожь да овес по мешкам, а деньги по мошням».— «Ладно, брат!» — «Ладно, да не совсем».— «А что ж таково?» — «Ехал я рекою да рожь подмочил».— «Худо, брат, худо!» — «Да не то-то, брат, худо!» — «А что ж таково?» — «Я солоду нарастил да пива наварил».— «Ладно, брат, ладно!» — «Да не то-то, брат, ладно!» — «А что ж таково?» — «Пришли свиньи да все пиво выпили».— «Худо, брат, худо!» — «Да не то-то, брат, худо!» — «А что ж таково?» — «Я свиней-то убил да чан мяса насолил».— «Ладно, брат, ладно!» — «Да не то-то, брат, ладно!» — «А что ж таково?» — «Пришли кошки, все мясо поели».— «Худо, брат, худо!» — «Да не то-то, брат, худо!» — «А что ж таково?» — «Я кошек убил, жене шубку сшил».— «Ладно, брат, ладно!»—«Да не то-то, брат, ладно!» — «А что ж таково?» — «Пришли воры да шубку украли». — «Худо, брат, худо!» — «Да не то-то, брат, худо!» — «А что ж таково?» — «Я воров изловил, в тюрьму засадил».— «Ладно, брат, ладно!» — «Да не то-то, брат, ладно!» — «А что ж таково?» — «Воры из тюрьмы ушли да деревню сожгли». *230е*

417

ил-был барин в городе; приехал к нему из деревни староста. *230ж*
«Это ты, Василий Петров?» — спрашивает барин. «Я, батюшка-барин!» — «Не привез ли ты от матушки письма?» — «Письмеца нет, только одна грамотка».— «Что же в ней прописано?» — «Да, вишь, прогневили господа бога, ваш перочинный ножичек изломали».— «Как же вы его изломали?» — «С вашего иноходца кожу снимали; ножичек-то мал, я его и сломал».— «Да разве мой конь помер?» — «Нет, подох».— «Как же он издох?» — «Не он наперед подох, а ваша матушка, батюшка-барин!» — «Ужли и матушка померла?» — «Да как у Фомки овин горел, она в те́ поры сидела в каменном дому в верхнем этажу, а форточка по́ла была: искорка ей на ногу скакнула, барыня упала, да ногу-то и

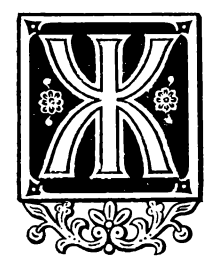
свихнула».— «А ты, дурак, чего не поддержал?» — «Батюшка-барин! Она хлебом-солью откормлена. В кое место падет, меня убьет!» — «Ты бы таковской и был! Отчего ж у Фомки овин загорелся?» — «Не он наперед загорелся, а ваша новая конюшня».— «Что от нее осталося?» — «Три столба воротных да с вороного коня подуздочек».— «Как же она загорелася?» — «Да не она, батюшка-барин, загорелася, а ваша новая мельница».— «Как, и новая мельница сгорела?» — «Да, батюшка-барин, сгорела! Прогневили мы господа бога».— «Что ж от нее осталось?» — «Вода да камень остались: камень-то на́четверо разорвало, а все уцелел; да в дымном окошке кошка сидела, так у ней глаза лопнули, а сама как есть живая!» — «Как же новая мельница загорелася?» — «Не она, батюшка-барин, наперед загорелась, а ваша кладовая».— «Как — и кладовая?» — «Да, сгорела, батюшка-барин! Прогневили мы господа бога».— «Что ж от нее осталось?» — «Четырнадцать бутылок осталось; я у всех горлышки пообломал да отведывал; в иной кисло, в иной горько, а в иной и пить нельзя».— «Ты, дурак, пьян!» — «Батюшка-барин! Ведь немножко отведал».

«Ты старостой называешься, а собрал ли с крестьян деньги?» — «Собрал, батюшка-барин, собрал».— «С кого сколько?» — «С Фомки грош, с Еремки грош, а с Варфоломейка одна копейка». — «А что ж с него мало?» — «Он вдовый, половину тягла платит».— «Где же деньги?» — «Да шел я, батюшка-барин, по улице; стоит новый кабак, я на грош выпил да трехкопеечным калачиком закусил».— «Ты, дурак, пропил!» — «Нет, батюшка, и пропил и проел».— «А собрал ли с крестьян муку?» — «Собрал, собрал, батюшка-барин!» — «Куда ж ты ее девал?» — «Вам да свиньям пятьдесят четвертей; черному псу да твоему родимому отцу сорок четвертей; суке Галяме да матери Ульяне тридцать четвертей; уткам да курам, сестрам твоим дурам, двадцать четвертей».— «Что ты, дурак, ругаешься?» — «Батюшка-барин, пословица така!» — «Был ли ты на рынке?» — «Был, батюшка-барин, был».— «Велик ли торг?» — «Я с ним не мерился».— «Силен ли он?» — «Я с ним не боролся».— «Почем там мука?» — «По кулям да по мешкам».— «Ты, говорят, Фомку женил?» — «Женил, батюшка-барин, женил».— «А богата невеста?» — «Богата, батюшка-барин, дюже богата!» — «Что богатства?» — «Чепчик с клиньем, да колпак с рукавами, чугунна коробка, железный замок».— «Богата, богата! А из божества что у ней есть?» — «Картина в лицах, друга́ в тряпицах...»

418—427. НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

418

Жили два брата умных, а третий дурак. Вот однажды поехали они на чащу[1], и захотелось им там пообедать; насыпали они круп в горшок, налили воды холодной (так командовал дурак), а огня не знали где добыть. Неподалеку от них был пчельник. Вот большой брат и говорит: «Пойти мне за огнем на пчельник». Приходит и говорит старику: «Дедушка, дай мне огоньку». А дед говорит: «Сыграй прежде песенку мне».— «Да я, дедушка, не умею».—«Ну, попляши».—«Я, дедушка, не горазд».— «А, не горазд, так нет тебе и огня!» К тому ж за провинку взял вынул у него из спины ремень. И приходит этот большой брат без огня к своим братьям. Тут средний брат закроптался[2] на него, говоря: «Экой ты, брат! Не принес нам огню! Да-ка[3] я пойду»,—и пошел. Пришел на пчельник и кричит: «Дедушка, пожалуй мне огоньку!» — «Ну-ка, свет, сыграй мне песенку!» — «Я не умею».— «Ну, сказку скажи».— «Да я, дедушка, ничего не умею». Старик взял и у этого брата вырезал из спины ремень. Приходит и этот без огню к своим братьям. Вот умные братья и поглядывают друг на друга. 231а

Дурак все смотрел на них и проговорил: «Эх вы, умные братцы, не взяли вы огню!» — и пошел сам за огнем. Приходит и говорит: «Дедушка, нет ли у тебя огоньку?» А дед говорит: «Попляши прежде!» — «Я не умею»,— отвечал дурак. «Ну, сказку скажи».— «Вот это так мое дело,— сказал дурак, присаживаясь на лежачий плетень,— да смотри,— продолжает дурак,— садись-ка насупротив меня, слушай, да не перебивай, а если перебьешь, то из спины твоей три ремня». Вот старик сел напротив его — к солнцу лысиной, а лысина была большая. Дурак откашлялся и начал сказку: «Ну, слушай же, дед!» — «Слушаю, свет!» — отвечал старик.

«Была у меня, дедушка, пегонькая лошаденка; я на ней езжал в лес сечь дрова. Вот однажды сидел я на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит — трюк, трюк, а топор-то ей по спине — стук, стук; вот стукал, стукал, да и отсек ей зад. Ну, слушай, дед!» — говорит дурак, а сам его голицею[4] по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот я на передке этом еще три года ездил, да потом как-то нечаянно в лугах увидал задок моей лошади; ходит он и траву щиплет. Я взял поймал его и пришил к передку, пришил, да еще три года ездил. Слушай, дед!» А сам опять голицею его по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Ездил-ездил, приехал я в лес и увидал тут высокий дуб; начал по нем лезть и залез на небо. Вот увидал я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комарей два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо. Сложил кули

[1] *Чаща* — лес, ельник.

[2] *Кроптаться* — тужить, сердясь говорить или ворчать; кропота, кропотливый.

[3] Дай-ка.

[4] *Голица* — рукавица.

Изразец с изображением города. Рис. С А. Маслиха

Вятские игрушки. Музей народного искусства. Москва

Филимоновские игрушки. Музей народного искусства. Москва

Вятские игрушки. Музей народного искусства. Москва

Тройка. Вятская игрушка. Музей народного искусства. Москва

*Изразец
с изображением
всадника.
Рис. С. А. Маслиха*

*Изразец
с изображением
птицы.
Рис. С. А. Маслиха*

и стал раздавать грешным людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с теленком,— и набрал столько скотины, что и сметы нет. Вот и погнал я скотину, пригнал я к тому месту, где взлезал,— хватился: дуб-то подсекли. Тут я пригорюнился и думал, как мне с неба слезть, и вздумал, наконец, сделать веревку до земли: для этого перерезал я всю скотину, сделал долгий ремень и начал спускаться. Вот спускался-спускался, и не хватило у меня ремнев вышиною поболее твоего шалаша, дедушка, а спрыгнуть побоялся. Слушай, дед!» А сам голицею по лысине его щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот мужик на мое счастье веет овес: полова-то [5] летит вверх, а я хватаю да веревку мотаю. Вдруг поднялся сильный ветер и начал меня качать туда и сюда, то в Москву, то в Питер; оторвалась у меня веревка из половы, и забросило меня ветром в тину. Весь я ушел в тину, одна голова лишь осталась; вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо. Вот повадился бирюк ходить на болото и есть яйца. Я как-нибудь [6] вытянул из тины руку и ухватился за хвост бирюку, как стоял он подле меня, ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю! Он меня и вытащил из тины. Слушаешь, дед?» А сам голицею его по лбу щелк! «Слушаю, свет!»

Видит, дурак, что дело-то плохо: сказка вся, а дед сдержал свое слово, не перебивал его; чтобы раздразнить старика, начал дурак иную побаску [7]: «Мой дедушка на твоем дедушке верхом езжал...» — «Нет, мой на твоем езжал верхом!» — перебил сказку старик. Дурак тому и рад, того и добивался, свалил старика и вырезал у него из спины три ремня; взял огня и пришел к своим братьям. Тут разложили они огонь, постановили горшок с крупами на таган и начали варить кашу. Когда каша сварится, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

419

одного мужика много было гороху насеяно. Повадились журав- 231b
ли летать, горох клевать. «Постой,— вздумал мужик,— я вам переломаю ноги!» Купил ведро вина, вылил в корыто, намешал туда меду; корыто поставил на телегу и поехал в поле. Приехал к своей полосе, выставил корыто с вином да с медом наземь, а сам отошел подальше и лег отдохнуть. Вот прилетели журавли, поклевали гороху, увидали вино и так натюкались, что тут же попадали. Мужик — не промах, сейчас прибежал и давай им веревками ноги вязать. Опутал веревками, прицепил за телегу и поехал домой.

Дорогой-то порастрясло журавлей; протрезвились они, очувствовались; стали крыльями похлопывать, поднялись, полетели и понесли с собою и мужика, и телегу, и лошадь. Высоко! Мужик взял нож, обрезал веревки и упал прямо в болото. Целые сутки в тине сидел, едва оттуда выбрался. Воротился домой — жена родила, надо за попом ехать, ребенка

[5] Мякина, телуха.
[6] Кое-как.
[7] Сказку.

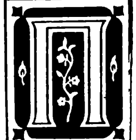
6 Заказ № 207

крестить. «Нет,— говорит,— не поеду за попом!» — «Отчего так?» — «Журавлей боюсь! Опять понесут по поднебесью; пожалуй, с телеги сорвусь, до смерти ушибусь!» — «Не бойсь! Мы тебя к телеге канатом прикрутим».

Вот хорошо, положили его в телегу, обвязали канатом, лошадь поворотили на дорогу; стегнули раз, другой — она и поплелась рысцою. За деревней-то был колодец, а лошадь-то была не поена; вздумалось ей напиться, свернула с дороги в сторону и прямо к колодцу; а колодец был без сруба, а упряжь-то без шлеи, и узда без повода, а хомут большой, просторный; лошадь наклонилась к воде, а хомут через голову и съехал долой. Вот лошадь напилась и пошла назад, а мужик с телегою остался у колодца. На ту пору выгнали охотники из лесу медведя; медведь бросился со всех ног, набежал на телегу, хотел перескочить, прыгнул — да прямо в хомут и попал! Видит, что беда на носу, и пошел валять что есть силы с телегою. «Батюшки, помогите!» — кричит мужик.

От того крику медведь еще пуще напугался; пошел таскать по кочкам, по яругам[1], по болотам. Прибежал на пчельник, полез на дерево и телегу за собой потащил — захотелось, видно, медку попробовать. Взлез на самую верхушку, а телега вниз тянет: бедный медведь и сам не рад, ни взад, ни вперед! Немного спустя времени пришел хозяин, увидал медведя. «Ага,— говорит,— попался! Вишь ты какой бездельник, Мишка: не просто за медом пришел, на телеге приехал!» Схватил топор и ну рубить дерево под самый корень. Дерево повалилось наземь, разбило телегу и задавило совсем мужика; а медведь выскочил из хомута да бежать: только унеси бог ноги! Вот каковы журавли!

420

устил мужик петуха в подвал; петух там нашел горошинку и 231с
стал кур скликать. Мужик услыхал про находку, вынул петуха, а горошинку полил водою. Вот она и начала расти; росла-росла — выросла до́ полу. Мужик пол прорубил, горошинка опять начала расти; росла-росла — доросла до потолка. Мужик потолок прорубил, горошинка опять росла-росла — доросла до крыши. Мужик и крышу разобрал, стала горошинка еще выше расти; росла-росла — доросла до небушка. Вот мужик и говорит жене: «Жена, а жена! Полезу я на небушко, посмотрю, что там деется? Кажись, там и сахару и меду — всего вдоволь!» — «Полезай, коли хочешь».

Мужик и полез на небушко, лез-лез, насилу влез. Входит в хоромы: везде такое загляденье, что он чуть было глаз не проглядел! Середи хором стоит печка, в печке и гусятины, и поросятины, и пирогов — видимо-невидимо! Одно слово сказать — чего только душа хочет, все есть! Сторожит ту печку коза о семи глазах. Мужик догадался, что надобно делать, и стал про себя приговаривать: «Засни, глазок, засни, глазок!»

[1] *Яруги* — овраги, буераки (*Ред.*).

Один глаз у козы заснул. Мужик стал приговаривать погромче: «Засни, другой, засни, другой!» И другой глаз заснул. Таким побытом все шесть глаз у козы заснули; а седьмого глаза, который был у козы на спине, мужик не приметил и не заговорил. Недолго он думал, полез в печку, напился-наелся, насахарился; вылез оттуда и лег на лавочку отдохнуть. Пришел хозяин, а коза про все ему и рассказала: вишь, она все-то видела седьмым глазком. Хозяин осердился, кликнул своих слуг, и прогнали мужика взашеи.

Побрел он к тому самому месту, где была горошинка: глянул — нет горошинки. Что будешь делать? Начал собирать паутину, что летает летом по воздуху; собрал паутину и свил веревочку; зацепил эту веревочку за край неба и стал спускаться. Спускался-спускался, хвать — веревочка вся, а до земли еще далеко-далеко; он перекрестился — и бух! Летел-летел и упал в болото. Долго ли, коротко ли сидел он в болоте (а сидел он в болоте по самую шею), только вздумалось утке на его голове гнездо свить; свила гнездо и положила яйца. Мужик ухитрился, подкараулил утку и поймал ее за хвост. Утка билась, билась и вытащила-таки мужика из болота. Он взял и утку и яйца, принес домой и рассказал про все жене.

Не то чудо из чудес,
Что мужик упал с небес;
А то чудо из чудес,
Как он туда залез!

421

У одного старика было три сына: старший — говорлив, средний — 2311
говорлив, а малый — как черт, все молчит. Пошли эти детки лесовать, а огниво дома позабыли. Ходили день до вечера, привелось ужинать, а огня нету. Большой брат был смысловатее: взлез на лесину, увидал — вдалеке огонек горит, и пошел в ту сторону. Приходит к старику: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня».— «Нет, брат, скажи небыль, тогда и огня дам; а скажешь быль — из спины ремень выкрою».

Стал ему мужик сказывать; что ни скажет, все быль да быль; повалил его старик наземь, выкроил из спины ремень и отпустил к братьям. Пошел средний добывать огня, дошел до старика: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня».— «А скажи, брат, небыль, тогда и огня дам; а скажешь быль — из спины ремень выкрою». И этот мужик что ни скажет, все быль да быль; старик выкроил из его спины ремень и отпустил к братьям. Воротился средний брат и говорит младшему: «Поди ты, брат, тебя звали».

Пошел младший: «Здравствуй, добрый человек! Дай огня».— «Скажи небыль, тогда и огня дам; а коли быль скажешь — из спины ремень выкрою».— «Ладно, старый старичище, только чур: не перебивать, а перебьешь — из твоей спины три ремня вырезать».

И стал сказывать: «Было нас у отца у матери тридцать девять братов, да была у нас кобыла о тридцати восьми пежинах[1]. Мы на той кобыле ездили, гуляли по чистому полю; всякий на свою пежину садится, а мне, грешному, нет пежинки. Выехали раз братья в чистое поле погулять, а я за ними; ездили день, наехали на пень; кобыла лягнула да хвостом махнула, увидал я на хвосте у ней пежинку, привскочил да и сел. Поехали мы не знаю куда, приехали на базар, спрашиваем: «Люди добрые! Что дешево и что тут дорого?» — «Дешевы за́ морем коровы, дороги мухи; за муху с мушонком дают корову с теленком, за крупных оводов — больших быков». Наловили мы тут мух целых три куля, приехали к морю синему. Как нам переправиться? Сине море широко и глубоко. Братья плакать-горевать, а я не тужу да песни пою; сел на куль, переплыл море и наменял коров да быков три табуна. Взяло меня раздумье: как назад ворочаться? Если корабли наймовать — дорого возьмут; если стадо плавком пускать — половина потонет. Вот я схватил одну корову за хвост, махал-махал, да как пущу — так на другой берег и ткнулась, раз-другой на лету перевернулась. Перемахал я все три табуна; оставался один бык-бурище. Взял и его за хвост, обвил кругом руки крепко-накрепко, собрался с силою, развернулся да как махну — так вместе с быком и перелетел за́ море.

Тут услыхал я, что на небе люди босиком ходят, и задумал там побывать, сапогами промышлять. Товар-то у меня некупленный: перебил коров да быков, захватил с собой кожи и полез на́ небо. Туда-то не хитро влезть; как назад воротиться? В те́ поры я догадлив был: оставалось у меня с десяток кож; я те кожи на ремни порезал, ремни зацепил за сваю, сваю вколотил в облако и пошел спускаться. Еще далеко-далеко до земли, а ремней недостало. Только я не тужу, по сторонам гляжу; поп овес веет, по́лова[2] вверх летит. Я скорей полову ловить да веревку вить; вил-вил, мертвую крысу завил. Ни с того ни с сего крыса ожила, принялась за веревку, грызла-грызла, совсем перегрызла. Я упал да в тине застрял. Прибежала супоросая лиса, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо серый волк, лисенят уволок: «За лисою приду, все гнездо разорю!»

Я тем временем вытащил из болота руки, и только пришел серый волк гнездо разорять — я хвать его за хвост. Тю-тю-тю! Волк бежать: раз рванул — меня вытянул, в другой рванул,— хвост оборвал. Я взял хвост распорол, там ящик нашел, в ящике — грамотка, а в грамотке написано, что твой отец моему отцу будет век платить кабалы, напраслины...» — «Что ты, дурак! Когда это было?» — перебил старик. «Эх, старый черт, не вытерпел; подавай из спины три ремня»,— сказал мужик; выкроил три ремня, взял огню и воротился к братьям.

[1] Пежины — пятна (*Ред.*).
[2] *Полова* — мякина, шелуха (*Ред.*).

422

некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик; 231c
у него три сына: два умных, третий дурак. Послал их отец землю пахать. Вот они пахали, пахали — до самого вечера, пришлось ночевать в поле; надо на ужин кашу варить, да за огнем куда идтить? Старший брат взлез на дерево, туда-сюда поглазел и увидел: в одной стороне как будто огонь горит; слез наземь и пошел огня добывать.

Идет себе да идет — стоит на пути избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке сидит седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку».— «Скажи сказочку».— «Не умею».— «Скажи присказку».— «Не смею».— «Коли так, отвечай спиной!» Выдрал у него из спины ремень, посыпал то место золой и пустил без огня домой.

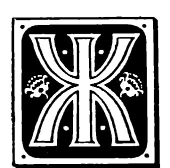
Воротился парень к братьям и сказывает, что не мог найти. «Экой ты гусь! Разве мне пойти»,— говорит середний брат. Пошел, и с ним случилось то же самое. «Ну, дурак, ступай теперь ты». Поплелся дурак — стоит избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке — седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку».— «Скажи сказочку».— «Сказал бы, да ты поперечить будешь».— «Нет, не буду; я люблю, коли мне сказки сказывают».— «Ну так сделаем уговор; кто поперечить станет — у того из спины ремень».— «Ладно!» Вот и начал дурак:

«Было нас, дедушка, три брата, поехали мы траву косить, приезжаем— хвать: нет ни одной косы, дома забыли! Что делать, чем косить? Только мы догадливы были, давай косить дугами; махали-махали, три стога наметали. Стали домой ворочаться: едем мимо лесу и слышим крик-гам великий. Что такое? Медведь со шмелем дерется. Шмель кричит: «Мне пособите!» Медведь кричит: «Мне пособите!» Как тут быть, кому пособить? Если шмелю, так он вырвется да улетит. Пособили медведю; убили шмеля и надавили вощин семь лощин, а меду с сенную копну набрали. Из тех вощин я слепил себе кобылку да три года на ней ездил. Раз как-то поехал я на зеленя; еду, ничего не ведаю, глядь назад — половины лошади нет: на передке сижу, а задок по зеленям бегает. Я ловил его, ловил, насилу поймал; взял да лычком обе половины сшил да еще три года ездил.

В некое время случилось мне ехать возле озера: на том озере утка гнездо свила. Я сейчас вырубил три полена: одно — липовое, другое — лутоховое, а третье — с чего лыки дерут; одним бросил — недошвырнул, другим бросил — перешвырнул, а третьим как раз в утку угодил; утка полетела, а я, дедушка, гнездо потащил, полну лодку яиц навалил: в целый год не съесть! Захотелось мне напиться; влез я в озеро по самую глотку, а почерпнуть воды нечем; вот я снял с головы череп да тем и напился. Оглянулся назад: лошадь моя далеко ушла; побежал за нею, да череп и позабыл. Пока изловил я лошадь, тем временем череп уплыл; прилетела утка, нанесла в нем яичек и вывела деток. Захватил я все гнездо; череп на себя надел, а птиц зажарил да поел.

Еду после того по́ лесу; мужик на дубу горох молотит: гороховина наземь валится, а горох по сучкам садится. Полез я, дедушка, горох собирать, сижу на дереве, собираю, ничего не знаю. А дуб рос-рос, до небес дорос. Взлез я на небеса посмотреть-посудить, что там деется. Только у нашего попа завистные глаза: взял он этот дуб срубил, к себе на двор стащил. Как быть? Спасибо, там коровы дешевы: телушка по мушке, за быка слепня дают. Вот я целый кошель мух наловил да телушек накупил; стал их резать, кожи драть, ремни вязать. Зацепил ремень за край неба и давай вниз спускаться; спускался-спускался: гляжу — ремень-то весь, а до земли далеко: коли прянуть — убьешься! На мое счастье мужик овес веял: я все мякину ловил да веревку вил. Только та веревка оборвалась; я упал, чуть не убился, на тот свет провалился; видел там всех покойников: как мой-то батюшка на твоем дедушке воду возит...» — «Что ты, дурак! Будто и правда?» — перебил старик. Дурак тотчас его повалил, вырезал из спины ремень, взял огню и воротился к братьям: «Вот вам огонь, варите-ка кашу!»

423

Жил я с дедушкой, а батька мой тогда еще не родился: по 281f
тому са́мому, как начался свет,— было мне семь лет. Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика; глазом не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт. Лошадей было много: шесть кошек езжалых, двенадцать котов стоялых; один жеребец бойкий — кот сибирский был на цепь прикован возле печки к столбу. Земли у нас с дедом было видимо-невидимо: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы отдавали. Родилось хлеба много; стали убирать — девать некуда. Дед был умен, а я догадлив; склали скирду на печном столбу; велика скирда — глазом не окинешь, хоть взглянуть не на что! И завелись в ней мыши, стали хлеб точить; жеребец наш бойкий— кот сибирский прыг на столб — мышей не изловил, скирду в лохань уронил. Дед голосом завыл, а я заголосил: «Чем теперь кормиться-то будем?» Только дед был умен, а я догадлив; вытащили хлеб из лохани, пересушили и обмолотили.

Время было к празднику, стали мы солод готовить да пиво варить; как в ложке затерли, в корце развели — вышло пива с целую бочку. Что гостей-то к нам привалило — и в дом и на двор, по улице пройтить нельзя от народу! Дед выставил бочку с пивом, принес большущий ковш и давай всех поить-угощать. Стали к нему гости подходить; а дед был очень прост — всякому по полному ковшу: как кому поднесет, да за волосы потрясет, да четвертным поленом по затылку оплетет, так и с ног долой! Сколько тут пьяных набралось — по двору, по улице как шмели ползают! Перепоили мы с дедом всю деревню, да так перепоили — который и проспится, так опохмелиться не хочет; а пива все-таки осталось немало — целую неделю мы с дедом пили, насилу выпили.

После того смотрю я — дров в дому ни полена, а топить надобно. Была у нас лошадь серая: упряжь чудесная, да запрячь не во что. «Ступай,— говорит мне дедушка,— запрягай лошадь, поезжай в лес за дровами». Я надел кафтанишко худенький, заткнул топор за пояс, сел верхом и поехал в путь. Еду рысью скорою, а топор тяп да ляп, и перерубил мою лошадь пополам. Оглянулся назад — ан на одном передке еду: задок далеко отстал. Я кликать, я звать — прибежал задок. Что долго думать, составил обе половинки, смазал глиною, дал шпоры под бока — и откуда прыть взялась! Приехал в лес, нарубил дров, наклал большущий воз и привязал веревкою за хвост. Как крикну — лошадь сгоряча хватила, по уши в грязь угодила. Я за дедом; тот был умен, а я догадлив; взялись оба за хвост и ну тянуть; тащили-тащили, да шкуру долой и стащили! Дед голосом завыл, я заголосил. Не на чем было ехать; приходим домой и горюем. Только глядь в окно, а лошадь наша стоит у ворот, сама пришла. Дед засмеялся, я захохотал: лошадь-то дома, а шкура в барышах досталась.

У нас на дворе рос высокий дуб; усмотрел я, что на том дубу много птицы водится, и полез добывать дичинки. Я лезу, а дуб все растет да растет, и упер верхушкою в небо. Пришло мне на мысль: дай пощупаю, крепко ли небо? Только рукой за край взялся, дуб подо мной и свалился; повис было на одной руке, да потом ухитрился и взобрался на́ небо. День хожу, и два и три хожу; совсем отощал-исхудал: есть-то нечего! С той худобы завелися вши немалые; а я догадлив был, принялся их ловить, шкурки драть да ремешки кроить; свил веревочку, привязал за край неба и начал спускаться. На беду не хватило веревочки. Пришлось бы мне долго висеть промеж неба и земли, да мужик вышел овес веять: несет ветерком ко мне по́лову, а я-то ловлю да веревку вью. Ни много, ни мало прошло времени, перестал мужик овес веять, а веревки все не хватает. Что тут делать? Была не была, прыгнул наземь и попал в трясину; по самые уши утонул.

Сижу день, и два, и три; волоса ветром разбило. Прилетела утка, свила себе на моей голове гнездышко и снесла яичко. Я хотел было взять яйцо да съесть, уж и руку протянул, да одумался: пусть еще снесет, тогда за один раз наемся. На другой день снесла утка второе яичко; а я себе на уме: подожду еще денек, авось снесет третье. Наутро слышу я — шум шумит: идет волк болотом; подошел к гнезду и поел яйца; поел и хочет назад идти, а я тем временем намотал хвост его на руку и крикнул во все свое горло. Волк с испугу бросился в сторону и вытащил меня из трясины. Воротился я домой; дед засмеялся, я захохотал; тут и батька мой родился.

424

ак у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилася вода 231g
с песком, у невестки с золовками был бой большой; на том на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили. А я на бой не поспел, на лавочке просидел. В то время жили мы шесть братьев — все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка — не помню, как звалась; да что до названья? Пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшой, да разумом большой. Вот поехали люди землю пахать, а мы шесть братьев руками махать. Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко.

Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали, и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи. На другой год батюшка спрашивает: «Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?» Я — брат меньшой, да разумом большой, говорю батюшке: «Посеем на печке, потому что земля та порожняя; все равно круглый год гуляет!» Посеяли на печке, а изба у нас была большая: на первом венце [1] порог, на другом потолок, окна и двери буравом наверчены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа.

Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал — чуть заря занимается, и все на улицу глазел. Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку; вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать, как гречиху с печи собирать? А я — родом хоть меньшой, да разумом большой. «Надобно,— говорю,— гречиху скосить, в омет [2] свозить».— «Где же нам омет метать?»— «Как где? На печном столбе: место порожнее». Сметали большой омет.

Была у нас в дому кошка лыса: почуй она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки о печной столб лбом пришлась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать, как из лохани омет убирать? На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани съела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязла: таково-то с гречихи у ней брюхо расперло! Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать; а мы сидим да глядим: что-то будет! Вот как брюхо у кобылы-то опало, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак. Выпил винца, разгулялся добрый молодец; попалось мне в глаза у целовальника ружье славное. «Что,— спрашиваю,— заветное аль продажное?» — «Продажное». Ну, хоть полтину и заплатил, да ружье купил.

Поехал в дубовую рощу за дичью; гляжу: сидит тетерев на дубу. Я прицелился, а кремня-то нет! Коли в город за кремнем ехать — будет

[1] Т. е. на первом ряду бревен.
[2] Скирда (*Ред.*).

десять верст; далеко; пожалуй, птица улетит. Думаючи этак сам с собою, задел невзначай полушубком за дубовый сук; кобыла моя рванула с испугу да как треснет меня башкой о дерево — так искры из глаз и посыпались! Одна искра упала на полку, ружье выстрелило и убило тетерева; тетерев вниз упал да на зайца попал; а заяц сгоряча вскочил, да что про меня дичины набил! Тут я обозом в Саратов отправился; торговал-продавал, на пятьсот рублев дичины сбывал. На те деньги я женился, взял себе славную хозяюшку: коли вдоль улицы пройдет, всю подолом заметет; малые ребятишки встречают, поленьями кидают. Не надо покупать ни дров, ни лучины; живу себе без кручины.

425

Уродился я ни мал, ни велик — всего-то с игольное ушко, не 231г8
то с приворотную надолбу. Пошел я в лес, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Раз тяпнул — дерево качается, в другой тяпнул — ничего не слышно, в третий тяпнул — выскочил кусок мне, добру мо́лодцу, в лобок. Тут я, добрый мо́лодец, трои сутки пролежал; никто меня не знал, не видал, только знала-видала меня рогатая скотина — таракан да жужелица. Встал я, добрый мо́лодец, отряхнулся, на все четыре стороны оглянулся, побрел по берегу, по берегу все не нашему. Стоит река — вся из молока, берега из киселя. Вот я, добрый мо́лодец, киселя наелся, молока нахлебался... Пошел я по берегу, по берегу все не нашему; стоит церковь — из пирогов складена, оладьями повершена, блином накрыта. Вступил я на паперть, вижу двери — калачом двери заперты, кишкою бараньей задернуты. Тут я, добрый мо́лодец, догадался, калач переломил да съел, кишку собакам отдал. Вошел я в церковь, в ней все не по-нашему: паникадило-то репяное, свечи морковные, образа пряничные. Выскочил поп толоконный лоб, присел — я его и съел. Пошел я по берегу, по берегу все не нашему: ходит тут бык печеный, в боку нож точеный. Кому надо закусить, изволь резать да кроить.

426

Я встал поутру, обувался на босу ногу, топор надевал, трои 231i
лыжи под пояс подтыкал, дубинкою подпоясался, кушаком подпирался. Шел я не путем, не дорогой; подле лыков горы драл; увидел на утке озеро, топор в ее шиб [1] — недошиб, другим шиб — перешиб, третьим шиб — попало, да мимо; утка-то скулубалась [2], озеро-то улетело. И пошел я в чисто поле, увидел: под дубом корова бабу доит. Я говорю: «Тетенька, маменька, дай мне-ка полтора молока пресного ста́вца [3]». Она меня послала в незнамую деревню, в небывалую избу. Я пошел и пришел: квашня бабу

[1] Кинул.
[2] Всколебалось.
[3] Навыворот, вместо: *полтора ставца* (т. е. кувшина) пресного молока.

месит. Я говорю: «Тетенька, маменька, дай мне-ка теста». Она выхватила из мутовки квашню: хлысь по зубам. Я бежать. Вышел на улку; тут лайка собачит[4] на меня; мне-ка чем оборониться? Я увидел: на санях дорога, выхватил из оглобель сани, хлысь лайке по зубам и пошел домой да с горя спать повалился.

427

ывали-живали старик да старушка. У старика, у старушки 231 k
был сын Иван. Жили они ни много, ни мало; старик помер, а сын вырос. Старуха напряла два мотка. В то самое времечко занадобилось Ивану ехать на ярмарку; стал проситься у матери: «Я поеду, мати, на ярмарку; стану торговать, из карманов воровать; наторгую много денег и буду богат!» — «Что ты, дитятко! — говорит ему мать.— Этак ведь неладно».— «Небось, ладно будет!» Взял он у старухи мотки прядены, приехал на ярмарку и начал торговать; продал на десять рублев да украл девяносто — стало всех денег сто рублев. Накупил себе пряников да меду, сел на воз и поехал домой. Едет — не едет, всё пряники в мед макает да в рот пихает. Попался ему на дороге барин: скачет на лихой четверне. Увидал барин Ивана, остановился и говорит ему: «Что ты, мужичок, больно роскошно кушаешь? Кажись бы, пряники можно и так есть; а ты еще в мед макаешь!» — «Как же мне роскошно не есть! — отвечает Иван барину.— Ездил я в торг торговать, выторговал десять да украл девяносто рублев; а с тебя хоть бы двести взять».— «А ну, ухитрись!» — «Давай-ка, барин, уговор положим: коли ты мне молвишь: «врешь!» — с тебя двести рублев; а коли удержишься — делай со мной, что сам знаешь».— «Ладно!» — говорит барин.

Вот ударили они по рукам, и начал Иван сказку сказывать: «Был я у отца с матерью малешенек; пошел я как-то в лес; увидал в лесу дерево, а в дереве дупло, а в дупле-то жареные перепелята гнездо свили. Сунул я в дупло руку — не лезет, сунул ногу — не лезет; я согнулся да прыг — и вскочил туда весь. Наелся-накушался, захотел вылезть; не тут-то было! Больно толст от еды сделался, а дыра мала. Я, добрый молодец, догадался, сбегал домой за топором, прорубил дыру и вылез. Вздумалось тогда мне напиться; пришел я к морю, снял череп, зачерпнул воды и напился. Все бы ладно, да уронил череп в воду. Глядь — а он серед моря плавает, утки-гуси в нем гнезда поделали да яиц нанесли. Что делать? Раз топором кинул — недокинул, в другой кинул — перекинул, а в третий совсем не попал. Вот так-то я всех гусей-уток побил; яйца сами улетели. Опосля того зашел я по конец моря, взял да зажег; как все море выгорело — я достал свой череп и пошел по белу свету разгуливать».

«Бай, бай[1], мужичок! — говорит барин.— Все это правда истинная!» — «Поехал я в лес за дровами. Пока там-сям бродил да дрова рубил, серые

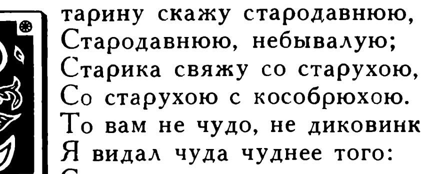
[4] Вместо: *собака* лает.

[1] Говори, сказывай.

волки набежали, у моей лошаденки брюхо прорвали. Только я догадлив был: вырубил березовый прут да бегом к лошади; кишки все собрал, в брюхо поклал и зашил березовым прутом. Наложил целый воз дров и стал в путь собираться, трогаю лошадь, она ни с места! Что за диво? Смотрю, а березовый-то прут вырос высоко-высоко, так за облако и задевает верхушкою. Вот я полез на небо; все там выглядел, все там высмотрел. Пора и назад спускаться; на мою беду лошаденка с места дернула и свалила вербу. Как быть, чем горю пособить? Набрал я пыли-копоти, свил канат, привязал его за облако и давай спускаться вниз. Спускался-спускался, пока канату недостало. Что же я вздумал: сверху-то отрежу, да на низ наставлю; отрежу да наставлю, отрежу да наставлю, а сам все вниз спускаюсь. До того дошло, что резать-то нечего, а до земли еще далеко! Вот поднялся сильный ветер; уж меня качало-качало, во все стороны бросало! Канат оборвался, и упал я в самую преисподнюю. Насилу оттуда выбрался! Да, был я, барин, в аду; видел, как на твоем отце навоз возят...» — «Что ты, дурак, врешь!» А Ивану того только и надобно; взял с барина по уговору двести рублев и поехал домой. Мать ему обрадовалась; тотчас назвала гостей, сродников, и подняли они пир великий; на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, во рту сухо было. Дали мне колпак, стали в шею толкать; дали мне шлык, а я под ворота шмыг! Сказке конец, а мне меду корец.

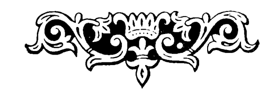
428. БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ

тарину скажу стародавнюю, 232
Стародавнюю, небывалую;
Старика свяжу со старухою,
Со старухою с кособрюхою.
То вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Середи моря овин горит,
По чисту полю корабль бежит!
То вам не чудо, не диковинка,
Еще вот вам чудо чуднее того:
Уж как ку́тюшка[1] бычка родила,
Поросеночек яичко снес!
Это вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Мужики на улице заезки[2] бьют,

[1] *Кутя́* — собака.
[2] *Езы* — заколы для рыбной ловли.

Заезки бьют, они рыб ловя́т!
То вам не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
По поднебесью медведь летит,
Ушками, лапками помахивает,
Серым хвостиком поправливает;
На дубу́ кобыла белку злаяла,
В стойле сука в запрягу́ стоит,
В осеку́ [3] овца гнездо свила!
И тому чуду не дивуйтеся:
С горы корова на лыжах катится,
Расширя ноги, глаза выпуча!
И то не чудо, не диковинка,
Я видал чуда чуднее того:
Сын на матери снопы возил,
Молода жена в пристяжи́ была;
Сын матушку припонюживал [4],
Молоду жену призадёрживал!
Я еще видел чудо-диковинку:
Бьется сноха со свекровкою,
Большим боём бьются — мутовками,
Ложками стреляли во чисто поле;
Устре́лили татарина мертвого,
Кафтан с него сняли рого́зяный,
Опоясочку с него сняли лычану,
Сапоги с него сняли берестяные.
Кто богат да скуп: пива не варит,
Нас, молодцев, не кормит, не поит,
Тому даст бог кошечье вздыханье,
Собачье взрыданье.
Небогатому, да тороватому,
Кто пиво варит, нас, молодцев, поит,
Даст бог на поле приплод,
На гумне примолот.
В квашне спорину́ [5],
На столе сдвижину́ [6].
С пива с того приупился мужик,
Приупившись, сам на сарае лежит,
У рта кроха — полтора колпака...[7]

[3] *Осек* — изгородь из кольев, отделяющая пажить от лугов или селение от полей.
[4] Понуждал (нудил), подгонял.
[5] Прибыль.
[6] Частую перемену яств.
[7] *Колпак* — большая чашка.

429. УДАЛОЙ БАТРАК

одного мирошника[1] был работник. Мирошник послал его 233
засыпать на ковш пшеницы, а работник пошел и засыпал-то на камень. Мельница завертелася, а пшеница вся разметалася. Хозяин как пришел на мельницу и как увидел разметанную пшеницу — и согнал работника. Работник пошел домой, в свое село, и заплутался. Вот зашел он в этакие кусты и лег спать. Приходит бирюк; видит, что работник спит, и подошел к нему близко, стал его обнюхивать, а работник-то ухватил бирюка за хвост, убил его и снял с него шкуру!

Вот работник вышел на гору, а на горе стояла пустая мельница: он у этой мельницы и остановился ночевать. Приехали три человека, разбойники; развели в мельнице огонь и начали дуван дуванить[2]. Один разбойник говорит: «Я свою часть положу под испод мельницы»; другой разбойник: «А я под колесо подпихну»; а третий говорит: «Я в ковш спрячу». А работник лежит в ковше и, убоявшись, как бы разбойники его не убили, вздумал себе: «Дай я вон так-то закричу: Денис, ступай туда на низ; а ты, Хвока, гляди с бока; а ты, малый, гляди там, а я тут! Держи их, ребята! Бей их, ребята!» Разбойники уробели, бросили свое имение и разбежались.

Работник вылез из ковша, подобрал все богатство и пошел домой; приходит и рассказывает отцу с матерью: «Вот все, что я заработал на мельнице. Поедем теперь, дедушка, на базар, и купим себе ружье, и будем охотничать». Поехали себе на базар, купили ружье и едут с базару. Вот работник и говорит деду: «Ты, дедушка, гляди, не попадется ли нам заяц, лиса, а не то куница». Едут да оба дремлют, и наконец уснули. Где ни взялись два бирюка, зарезали у них лошадь и съели всю. Дедушка проснулся да как стегнет кнутом — думал по лошади, ан по бирюку! Бирюк-то попал в хомут и давай носить, а дед правит. А другой бирюк сзади хочет ухватить работника, и тот бирюк-то был с щербиной. Работник как стегнет бирюка кнутом, а он хотел кнут-то зубами поймать, да на кнуте был узел,— этот узел и застрял у бирюка в щербине! Работник и потащил его за телегою. Один бирюк везет, а другой сзади идет. Вот приехали они домой; собачка выскочила и давай лаять. Бирюки испугались, один как повернул круто — тележонка и опрокинулась, работник с стариком упали на землю; тут бирюк из хомута выскочил, а работник кнут из рук выпустил, так оба бирюка и убежали, а старик с работником остались ни при чем. Жили они богато; двор у них кольцом, три жердины конец с концом, три кола забито, три хворостины завито, небом накрыто, а светом обгорожено!

[1] Мельник.

[2] Делить грабеж, добычу; *дува́н* — добыча, раздел добычи.

430. ИВАН-ДУРАК

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был старик 234
со старухой. У них было три сына, третьего звали Иван-дурак. Первые двое женатые, а Иван-дурак холостой; два брата занимались делом, управляли домом, пахали и сеяли, третий же ничего не делал. Один раз отец и снохи стали Ивана посылать на поле допахать сколько-то лех[1] пашни. Парень поехал, приехал на пашню, запряг лошадь, проехал с сохой раз ли, два ли, видит: счету нет комаров да мошек; он схватил хлыстик, стегнул по боку лошадь, убил их без сметы; ударил по другому, убил сорок паутов[2] и думает: «Ведь я на один зáмах убил сорок богатырей, а мелкой сошки[3] сметы нет!» Взял их всех положил в кучу и завалил конским калом; сам не стал пахать, выпряг лошадь, поехал домой. Приезжает домой и говорит снохам и матери: «Давайте мне полог[4] и седло, а ты, батюшка, давай саблю, котора у тебя висит — на стене заржавела. Что я за мужик! У меня ничего нет».

Те посмеялись над ним и дали на смех какой-то расколотый тюрик[5] наместо седла; парень наш приделал к нему подпруги и надел на худую кобыленку. Вместо пологу мать дала какой-то старый дубас[6]; он и то взял, да взял саблю у отца, пошел, выточил, собрался и поехал. Доезжает до росстаней[7] — а был еще мало-мало грамотный — написал на столбе: приезжали бы сильные богатыри Илья Муромец и Федор Лыжников в такое-то государство к сильному и могучему богатырю, который на один пóмах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и всех их камнем привалил.

Точно, после его приезжает богатырь Илья Муромец, видит на столбе надпись: «Ба,— говорит,— проехал сильный, могучий богатырь: ослушаться не годно». Поехал, догонят Ванюху; далеко не доехал, снял шапку и кланятся: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха не ломат шапки, говорит: «Здорово, Илюха!» Поехали вместе. Не чрез долго времени к тому же столбу приехал Федор Лыжников, видит, на столбе написано, ослушаться не годно: Илья Муромец проехал! — и он поехал туда же; так же далеко не доехал до Ванюхи — снимат шапку, говорит: «Здравствуй, сильный, могучий богатырь!» А Ванюха шапки не ломат. «Здорово,— говорит,— Федюнька!»

Поехали вместе все трое; приезжают в одно государство, остановились на царских лугах. Богатыри поставили себе шатры, а Ванюха распялил дубас; коней два богатыря спутали шелковыми путами, а Ванюха сорвал прут с дерева, свил его и спутал свою кобылу. Вот и живут. Царь

[1] Мера земли.

[2] *Паут* — слепень или овод.

[3] *Соха* — мера земли, с которой платилось в старину. Выражение «мелкой сошки» означает здесь: низшего разряда.

[4] *Полог* — толстая холстина, сшитая в несколько полос.

[5] *Тюрик* — толстая холстина, сшитая в несколько полос.

[6] Род одежды, подобной сарафану и названной так потому, что ее красят в дубовом листу.

[7] *Росстани* — место, где одна дорога разделяется на две, перекресток.

из своего терему увидел, что его любимые луга травят какие-то люди, тотчас отряжат ближнего своего спросить, что за люди? Тот приехал на луга, подошел к Илье Муромцу, спрашиват, что они за люди и как смели без спросу топтать царские луга? Илья Муромец отвечал: «Не наше дело! Спрашивай вон старшого — сильного, могучего богатыря».

Посол подошел к Ванюхе. Тот закричал на него, не дал слова молвить: «Убирайся, докуля жив, и скажи царю, что на его луга приехал сильный, могучий богатырь, который на один по́мах убил сорок богатырей, а мелкой сошки сметы нет, и камнем привалил, да Илья Муромец и Федор Лыжников с ним, и требует у царя дочь замуж». Тот пересказал это царю. Царь хватил по записям: Илья Муромец и Федор Лыжников есть, а третьего, который убиват на один по́мах по сороку богатырей, нет в записях. То царь приказал собрать рать, захватить трех бога́тырей и привести к нему. Где захватить? Ванюха увидел, как стала подходить ближе рать; он крикнул: «Илюха! Ступай прогони их, что за люди?» — сам лежит, растянулся да поглядыват, как сыч.

Илья Муромец на того слова́ соскочил на коня, погнал, не столько руками бил, сколько конем топтал; всех прибил, оставил только одних язычников[8] царю. Царь услышал эту беду, того больше собрал силы и послал поймать богатырей. Иван-дурак крикнул: «Федюнька! Поди-ка прогони эту сволочь!» Тот соскочил на коня, всех прибил, оставил одних язычников.

Чего делать царю? Дело худо, силу побили богатыри; царь призадумался и вспомнил, что у него в царстве живет сильный богатырь Добрыня. Он посылает к нему письмо, просит приехать победить трех богатырей. Добрыня приехал; царь на третьем балконе встретил его, а Добрыня навершный[9] подъехал к балкону вровень с царем: вот какой был! Поздоровался, поговорили. Он и поехал на царские луга. Илья Муромец и Федор Лыжников увидели, что к ним едет Добрыня, испугались, соскочили на своих лошадей да ступай-ка оттуда — угнали. А Ванюха не успел. Пока имал свою кобыленку, Добрыня и подъехал к нему, да и смеется, что это за сильный, могучий богатырь? Маленький, худенький! Согнулся головой к самому Ванюхе, смотрит на него, да и любуется. Ванюха да как-то не обробел, выхватил свою саблёшку, да и ссек ему голову.

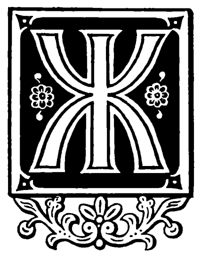
Царь это увидел, перепугался: «Ох,— говорит,— богатырь убил Добрыню; беда теперя! Ступайте скорее, зовите богатыря во дворец». За Ванюхой приехал такой почет, что батюшки упаси! Кареты самолучши, люди все изжалованы. Посадили и привезли к царю. Царь его угостил и отдал дочь; обвенчались они, и теперя живут, хлеб жуют.

Я тут был, мед пил; по усам текло, в рот не попало. Дали мне колпак, да по́чали толкать; дали мне кафтан, я иду домой, а синичка летат и говорит: «Синь да хорош!» Я думал: «Скинь да положь!» Взял скинул, да и положил. Это не сказка, а присказка, сказка впереди!

[8] *Язычник* (язык) — вестник.
[9] *Навершный* — едущий верхом.

431—432. ФОМА БЕРЕННИКОВ

431

Жила-была старуха, у нее был кривой сын Фома Берен- 235а
ников. Вот поехал Фома пахать; лошаденка худенькая, взяло его горе, сел на завалинку... мухи около навоза так и жужжат. Схватил он хворостину, да как хлыснет по куче, стал считать: сколько побил? Насчитал пятьсот, да еще много без счету осталось. Решил Фома, что им и сметы нет! Приходит к своему коню, на нем сидит двенадцать оводов; он всех и побил. Воротился Фома Беренников к матери и просит у ней благословенья великого: «Побил, дескать, мелкой силы — счету нет, да двенадцать могучих богатырей; пусти меня, матушка, на подвиги великие, а землю пахать — не мое дело богатырское, то дело мужицкое!» Благословила его матушка на подвиги великие, на поприща богатырские. Берет он за плечи тупой серп, за пояс лычный кошель, а в тот кошель кладет тупой косарь.

Вот едет Фома путем-дорогою, стороною незнакомою, и наехал на столб; пишет он на том столбе — не было у него в кармане ни злата, ни се́ребра, а случился в кармане мел — вот и пишет он мелом: «Проехал здесь богатырь Фома Беренников, который сразу побивает двенадцать могучих богатырей, да опричь того силу несметную». Написал и поехал дальше. Едет той же дорогою Илья Муромец, подъезжает к столбу, видит надпись и говорит: «Видна попрыска[1] богатырская; не тратит ни злата, ни се́ребра, один мел!» Написал он се́ребром: «Вслед за Фомою Беренниковым проехал богатырь Илья Муромец». Наезжает он Фому Беренникова и говорит (устрашился, знать, тоё надписи меляныя): «Могучий богатырь Фома Беренников! Где ехать: спереди или сзади?» — «Ступай сзади!» — отвечает Фома.

Вот едет той же дорогою Алеша Попович млад; наезжает он на тот столб, издалеча видит на том столбе надпись — как жар горит! Прочитал надписи Фомы Беренникова да Ильи Муромца, вынимает из кармана чисто золото и пишет: «За Ильею Муромцем проехал Алеша Попович млад». Наезжает он Илью Муромца: «Ты скажи, скажи, Илья Муромец, впереди ехать или сзади мне?» — «Не меня испроси, а мово брата старшего Фому Беренникова». Подъехал Алеша Попович млад к Фоме Беренникову: «Удалой боец Фома Беренников! Где укажешь ехать Алеше Поповичу?» — «Ступай сзади!»

Вот едут они путем-дорогою, стороною незнакомою; приезжают они в зелены сады. Илья Муромец и Алеша Попович раскидывают белы шатры, а Фома Беренников свои портки. А те сады были самого царя, царя прусского, и воевал того царя король китайский с шестью могучими богатырями. Посылает царь прусский грамотку к Фоме Беренникову, а в

[1] След (*Ред.*).

той грамотке значится: «Воюет меня, царя прусского, король китайский; не будет ли ваша помощь?» Фомка грамоте не больно разумел, посмотрел на грамотку, покачал головою и говорит: «Хорошо!»

Вот подступает король китайский близко к городу; приходят Илья Муромец и Алеша Попович млад к Фоме Беренникову и говорят таково слово: «Подъезжают под царя, к самому городу; надо его защитить. Сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Ступай ты, Ильюшка Муромец!» Побил Илья Муромец всех. А после того приводит король китайский еще шесть богатырей и рать-силу несметную. Илья Муромец с Алешей Поповичем приходят к Фомке Беренникову: «Ты скажи, скажи, Фома Беренников, сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Ступай ты, брат, Алешка Попович млад!» Поехал Алеша Попович млад и побил всю рать-силу несметную и тех шесть могучих богатырей. Говорит китайский король: «Есть у меня еще один богатырь, берег его на племя; пущу и его теперь!»

Вот приводит он рать-силу несметную и с нею богатыря могучего, заветного, и говорит король своему богатырю: «Не силой бьет нас русский богатырь, а хитростью; что станет делать русский богатырь, то и ты делай!» Приезжают Илья Муромец да Алеша Попович млад к Фомке Беренникову: «Сам пойдешь или нас пошлешь?» — «Сам пойду; приведи моего коня». Кони богатырские по чисту полю ходят, травку щиплют, а Фомкин стоит да овес уплетает. Подошел Илья Муромец к Фомкину коню, а тот разъелся, брыкается и кусается! Взяла досада Илью Муромца, схватил он коня Фомкина за хвост, да и кинул его через плетень. Молвил ему Алеша Попович млад: «Не увидел бы нас Фома Беренников! Задаст он нам жару!» — «Знать, вся сила не в коню, а в самом молодцу!» — говорит Илья Муромец и подводит тоё клячу к Фомке Беренникову. Фомка садится на́ лошадь, а сам думает: «Пусть убьют! Сраму не будет». Едет он, пригнулся к коню на гриву и зажмурился. Богатырь китайский, помня королевский наказ, и сам к коню пригнулся да зажмурился. Фомка слез с коня, сел на камень и давай точить серп; китайский богатырь и себе тож: слезает с могуча коня и точит свой меч. Видит он, что Фомка Беренников на один глаз крив, думает про себя: «Он один глаз прищурил; дай-ка я ухитрюсь да оба зажмурю!»

Не успел он зажмурить, как Фомка Беренников отсек ему голову. Берет он его коня богатырского, хочет на него сесть, да не влезет. Привязал Фомка сильномогучего коня к столетнему дубу, взобрался на дерево, да и вспрыгнул на коня верхом. Почуял конь седока, как рванется — и вырвал дуб с корнем вон; летит во всю мочь богатырскую и волочит за собою громадный дуб. Фома Беренников кричит: «Помогите, помогите!» А китайцы-дураки русского языка не знают, побежали с испугу врозь; богатырский конь их ногами топчет да столетним дубом бьет; всех перебил до единого! Вот и пишет китайский король к Фомке Беренникову грамотку: «Никогда не буду с тобой воевать». А Фомке то и надобно! И дивуются Илья Муромец и Алешка Попович млад тому Фомке Беренникову.

Вот едет Фома к царю прусскому. «Чем тебя жаловать? — спрашивает царь.— Бери казны золотой сколько надобно, или полцарства моего

белого, или царевну прекрасную».— «Давай царевну прекрасную да позови на свадьбу меньших моих братьев Илью Муромца да Алешу Поповича млада». И женился Фома Беренников на прекрасной царевне. Видно, не одним богатырям бывает удача! Кто накричит о себе больше, тому и лучше.

432

В некотором царстве-государстве жил-был мужик Фомка Беренников — такой сильный да дородный, что если пролетит мимо воробей да зацепит его крылом, так он и с ног свалится! Плохо ему на белом свете, все его обижают, и вздумал он: «Дай пойду утоплюся с горя!» Подходит к болоту; увидали его лягушки и прыгнули в воду. «Постой,— думает Фомка,— не стану топиться; и меня люди боятся!» Воротился домой, стал на пашню сбираться; а лошаденка у него была дрянная, на работе замученная; натерло ей хомутом шею до крови, и облепили ее слепни да мухи видимо-невидимо! Фомка подошел, как ударит ладонью — одним махом сто побивахом! — и говорит: «Ох, да я сам богатырь! Не хочу пахать, хочу воевать!» Соседи над ним смеются: «Куда тебе, дураку, воевать; тебе впору свиньям корм давать!» *235b*

Не тут-то было; назвался Фомка богатырем, взял тупицу и косарь, что лучину скепают[1], надел на себя старый кафтан да высокий яломок[2], сел на свою клячу и поехал в чистое поле ступо́ю бредучею. В чистом поле врыл в землю столб и написал на нем: «Еду сражаться в иные города — одним махом сто побивахом!»

Только что успел отъехать с места, прискакали к столбу два могучих богатыря, прочитали надпись и говорят: «Что за богатырь такой! Куда он поехал? Скоку молодецкого не слышно, следу богатырского не видно!» Кинулись за ним по дороге; увидал их Фомка и спрашивает: «Вы кто таковы?» — «Мир тебе, добрый человек! Мы — сильномогучие богатыри».— «А по скольку голов сразу рубите?» Один говорит: «По пяти», другой: «По десятку».— «Какие ж вы сильномогучие богатыри? Вы просто дрянь! Вот я так богатырь: одним махом сто побивахом!» — «Прими нас в товарищи, будь нам старший брат».— «Пожалуй,— говорит Фомка,— поезжайте сзади».

Пристроились к нему сильномогучие богатыри и отправились все вместе в заповедные луга царские. Приехали, сами легли отдых взять, а лошадей пустили шелкову траву щипать. Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — усмотрел их царь. «Что,— говорит,— за невежи такие в моих лугах прохлаждаются? Доселева тут ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, а теперь гости пожаловали!» Сейчас собрал войско великое и дает приказ очистить свои луга заповедные. Идет сила-рать несметная; увидали могучие

[1] Колют.
[2] Войлочный колпак («Опыт обл. великорусского словаря», с. 274).

богатыри, доложили про то названому старшему брату, а он им в ответ: «Ступайте-ка, переведайтесь, а я посмотрю — какова ваша храбрость есть?»

Вот они сели на своих богатырских коней, припустили их на войско вражее, полетели как ясные соколы на стадо голубей, притоптали, прирубили всех до единого. «Дело-то не ладно!» — думает царь; опять собирает войско великое, чуть не вдвое больше прежнего, а впереди всего войска посылает силача-великана: голова что пивной котел, лоб что твоя заслонка, а сам что гора! Сел Фомка на свою клячу, выехал навстречу и говорит великану: «Ты — сильномогучий богатырь, и я — таков же! Не честь, не хвала будет нам, добрым мо́лодцам, коли станем сражаться не поздоровавшись! Наперед надо друг другу поклон отдать, а потом и в бой вступать».— «Ладно!» — отвечает великан. Разъехались они и стали кланяться. Пока великан наклонил свою голову, прошло полчаса времени; а другое полчаса надо, чтоб поднять ее. Фомка мал, да удал, не захотел дожидаться, хватил косарем раз-другой, и полетела голова с плеч долой.

Войско дрогнуло и рассыпалось в разные стороны; а Фомка взобрался на богатырского коня, давай нагонять да конем топтать. Нечего делать, покорился царь; послал звать к себе сильномогучего богатыря Фому Беренникова и двух меньших его братьев. Угостил их, учествовал на славу, выдал за Фомку дочь свою царевну и дал полцарства в приданое.

Долго ли, коротко ли — скоро сказка сказывается, не скоро дело делается — подступает под то царство басурманский король с силами несметными, требует дани-окупу великого. Не захотел царь платить дани-окупу великого, нарядил свое войско храброе, поставил зятя начальником и накрепко приказал, чтобы все на Фомку смотрели: что он станет делать, и они б то же делали.

Снялся Фомка и поехал сражаться. Едет он лесом, войско за ним. Он срубил себе березку, и солдаты срубили себе по березке. Пришли к глубокой реке — мосту нет, а обходу двести верст; Фомка бросил свою березку в воду, и солдаты побросали свои туда же, запрудили реку и перешли на другую сторону. Басурманский король засел в крепком городе. Фомка остановился перед тем городом, развел костер, разделся весь догола — сидит да греется; солдаты увидали, тотчас же насбирали хворосту, нарубили поленьев, запалили костры по всему чистому полю. «Закусить бы надо!» — сказал Фомка Беренников, вытащил из сумки сдобную лепешку и стал уписывать. Откуда ни возьмись — прибежала собака, вырвала лепешку и давай бог ноги! Фомка ухватил горячую головешку и как был голый — так и пустился за нею: во всю прыть бежит да во все горло кричит: «Держите! Держите!» Глядя на него, и солдаты сидели у огня голые, а тут повскакивали, похватали горячие головешки и побежали вслед за ним.

Собака-то была королевская, бросилась прямо в город да во дворец: Фомка за собакою, солдаты за Фомкою: все что ни попадет под руку, жгут и палят без пощады. Поднялась в городе суматоха; король не знает, что делать с испугу, стал просить замирения. Фомка на то не согла-

сен; взял короля в плен и покорил все его королевство. Воротился из походу — царь встретил его с большим почетом: музыка заиграла, колокола зазвонили, пушки грохнули, и пошел пир на весь мир! И я там был, мед-вино пил, по усам текло, в рот не попало; ел я капусту, а в брюхе-то пусто. Дали мне колпак, стали со двора толкать; дали мне шлык, а я в подворотню шмыг! Дали мне синь-кафтан; летят синицы да кричат: «Синь-кафтан, синь-кафтан!» А мне послышалось: «Скинь кафтан!» Скинул и бросил на дороге. Дали мне красные сапоги; летят вороны да кричат: «Красные сапоги, красные сапоги!» А мне послышалось: «Крадены сапоги!» Снял да и бросил. Дали мне лошадку восковую, плетку гороховую, уздечку репяную; увидал я — мужик овин сушит, привязал тут лошадку — она растаяла, плетку куры склевали, а уздечку свиньи съели!

433—437. СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

433

ла жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит 236а
муж ране встать, так она трои сутки спит; велит муж спать, а она нисколько не спит. Велит муж блины печи, а она говорит: «Не стоишь, вор, блинов!» Муж говорит: «Не пеки, жена, блинов, коли не стою»; она выпечет кринку в два ведра и говорит: «Ешь, вор, чтоб съедено было!» — «Ну,— говорит,— жена, не стряпай и на сенокос не ходи; мне тебя жаль!» А она говорит: «Нет, вор, я пойду, и ты ступай за мною!»

Только он побился с ней, помаялся, пошел с горя в лес по ягоды, и нашел куст смородины, и увидел в этом кусту бездонную яму; поглазел он и смекнул: «Что я живу со злой женой, маюся? Не могу ли я ее в эту яму засадить, не могу ли я ее проучить?» Пришел в избу и говорит: «Не ходи, жена, в лес за ягодами!» — «Нет, шишморник[1], пойду!» — «Я нашел куст смородины, не бери!» — «Нет, сама пойду, оберу, тебе не дам смородины!» Муж пошел, жена с ним; пришел к кусту к смородине, а жена вскочила в куст и матом кричит: «Не ходи, вор, в куст, убью!» — и сама полезла в средину, да в яму-то и хлоп бездонную!

Муж с радостей в избу пошел и прожил трои сутки, на четвертые пошел проведывать; взял бечеву длинную, пустил в ямищу и вытащил оттуда чертенка; испугавшись, и хочет чертенка в яму опустить. Закричал тот матом, замолился и говорит: «Крестьянин, не обрати назад, пу-

[1] Бранное слово, *шишимора*.

сти на свет! Пришла злая жена, всех нас приела, прикусала, прищипала — тошно нам! Я тебе добро сделаю!» Крестьянин отпустил его на божью волю — на святую Русь. Чертенок и говорит: «Ну, крестьянин, пойдем со мною во град Вологду; я стану людей морить, а ты — лечить».

Ну вот пошел чертенок по купеческим женам и по купеческим дочерям; стал он в них входить, стали они дуреть, стали они болеть. Вот этот крестьянин — где заболеют — придет в дом, а неприятель-то вон, в дому благодать будет, и смекают все, что этот крестьянин — лекарь, деньги дают, да и пирогами кормят. И набрал крестьянин денег несметную сумму себе. Вот чертенок и говорит: «Полно, крестьянин, с тебя, доволен ли ты? Теперь я пойду в боярскую дочь; мотри[2] не ходи ее лечить; не то съем я тебя!» Боярышня заболела и так задурела, что требует людей ести.

Приказал боярин крестьянина найти — такого-то лекаря отыскать. Он приходит в хоромы и велит боярину, чтоб все горожане и кареты с кучерами стояли в этой улице противу дому боярского; потом дает приказ, чтоб все кучера щелкали в арапельники[3] и матом кричали: «Злая жена пришла, злая жена пришла!» — и сам пошел в комнаты. Пришел он в комнаты: чертенок возлился на него и говорит: «Что ты, русский, зачем пришел? Я тебя съем!» Он говорит: «Что ты! Я пришел тебя не выживать, а пришел, тебя жалея, сказать: зла-то жена сюда пришла!» Черт на окошко вскочил, вытаращил зенки[4], да и чует[5]: все одним матом орут: «Злая жена!» — «Крестьянин,— взговорил черт,— мне-то куды деваться?» — «Ступай опять в ямищу: она туды больше не пойдет». Черт туды и ушел к злой жене. За это боярин пожаловал милость, дочку (за крестьянина) замуж отдал, пол-именья подарил, а злая жена и теперь в яме сидит в тартарары[6].

434

Собирался мужик в поле, говорит жене: «Не пеки блинов». 236b
А жена говорит: «Вот таки напеку!» — «Если напекешь, так в поле не носи».— «Вот таки напеку и понесу!» — «А понесешь, так через мост не ходи».— «А вот пойду, так пойду!» — «А пойдешь, так каменьев в пазуху не клади».— «Вот накладу, так накладу!» — «А накладешь, так с мосту в воду не сигай[1]».— «Вот сигну, так сигну!» — «Если прыгнешь, так чертей не пужай».— «Вот распужаю, так распужаю!»... Едет мужик с поля, выскочил чертенок и кричит ему: «Дядюшка, возьми свою жену, а то нам житья от нее в воде нет!» — «Не надо мне ее»,— отвечал мужик. «Я, мужичок, шляпу денег принесу». Мужик и от денег отказался, только чтоб чертенок с женой к нему не вязался.

[2] Смотри.
[3] Арапники.
[4] *Зенки* — глаза.
[5] Слышит.
[6] Это слово часто встречается в заговорах: «Так бы черная немочь бежала в тартарары, во тьму кромешную» (*Сахаров.* Сказания русского народа I, 31).
[1] Не прыгай.

435

Антипки была распрезлющая жена да детей куча. Антипка — слово, баба — за рычаг[1] да в бок норовит. Захочет Антипка проучить жену, возьмет кнут, а баба разорется-раскричится, до того разозлится, что выхватит из люльки ребенка за ногу и давай им отмахиваться; глаза вытаращит, пена у рта, черт-чертом! Не стало Антипке житья. Что стареет жена, то хуже. Стал он задумываться, как бы жену сбыть? И придумал. 236

Воротился однажды из лесу такой развеселый и гуторит жене ласково: «Послушай-ка, моя женушка! Заживем мы с тобой по-боярскому, разряжу тебя павою,— ведь я нашел казны гибель страшную, несметную».— «Где, пострел? Покажи-ка мне! Не во сне ли тебе, чучелу, пригрезилось?» — «Нет, моя ластушка, нет, моя любушка! Хоть очми не досмотрел, а ушми дослышал, как злато-серебро перезвякивало».— «Да где?» — «Там, в лесу, в провале, что над самым крутояром, подле дуба-то тройчатого».— «Ну, пойдем,— говорит баба ласковее,— да смотри: коли сбрехал, задам вытаску! Как же ты слышал? Расскажи-ка мне».— «Вот видишь, захотелось мне швырнуть камень в еван-то[2] ямище; швырнул, а целковики да, кажись, лобанчики[3] так и зазвякали. Я в другой раз, ан еще дюжей! Я и в третий — право слово, звякают!» Пришли к ямищу — черно, глубоко! «Ну, жена, вот булыга[4] — брось сама, коли мне веры не даешь!»

Баба взяла камень да, наклонясь, бросила, а Антип тем часом потрафил ей в шею: баба кувырк, полетела в ямище и не пикнула. Только пришел Антип ко двору, детишки — все девчура мелкая — с визгом его встретили: «Батя, каши, батя, хлеба, батя, молока!» А тут сам корову дой, сам на речку беги — пеленки стирай, лошадей убирай да ночь не спи — малолеток качай. «Ай, ай! — вскричал Антип, почесываясь в затылке.— С бабой была беда, а без бабы десять бед, и работать некогда!» Обнищал Антип и вздумал думу новую: «Да пойду жену вытащу!» Начал собирать обрывки да веревки, от лаптей оборки, связал все вместе, наставил и надвил, на конце клепец[5] в аршин присадил; пошел к ямищу, опустил веревку с клепцом да потряхивает. И вот мудреное дело — на веревке что-то потяжелело, а не с бабу весом; стал наверх тащить, тащил-тащил, глядь — на конце чертенок сидит, вершков шести, весь в шерсти. Антип закричал: «Прочь! Знаю, ты мал, да шибко удал! Отцепись, проклятый, да ступай туда, где прежде был; на белый свет я тебя не пущу; слышь, как раз перекрещу».

Взмолился бесенок: «Антипушка! Я добрый черт, я тебе богатство дам: станут по чужим домам вселяться, а ты меня словом гони да деньги греби. Только, слышь, до двух раз! Выберу тебе богачей на заказ. Как злая баба в ямище упала, нам просто житья не стало!.. Вытащи,

[1] *Рычаг* — рогач, ухват (*Ред.*).
[2] *Еван-то* — указат. частица, *вон там* (*Ред.*).
[3] Червонцы.
[4] Булыжник.
[5] Железное орудие, которым ловят зимою зайцев и лисиц (Опыт великорусского словаря, с. 283).

Антипушка! Я свое обещание сдержу, на корень твой двор посажу; будут у тебя батраки и батрачки, наймешь няньку за детьми ходить, будешь с господами хлеб-соль водить». Соблазнился Антип, вытащил беса наружу — на канате вдруг полегче стало бесенка словно ветром унесло.

Не прошло и недели, как слышит Антип, что у богача-подрядчика в больших каменных палатах поднялась громотня, стукотня, по ночам хохот, беготня, жильцам житья не стало! Идет Антип к подрядчику, поклонился и говорит: «У вас, батюшка, в доме нечисто, поселился презлой бесенок; ты ничем его не выживешь, разве мне приказать изволишь».— «Гони, гони, Антипушка! — говорит подрядчик.— Во как поклонюсь»: — «Добро! — отвечает Антип.— Из поклона ведь шубы не тачают, а я мужик бедный семьянистый; у меня семь дочерей — старшой лишь осьмой годок пошел, а баба-то сбежала, так за всем сам присмотри! Дай мне на каждую дочь по тысяче, я твой дом обойду, свистну да слово скажу — и не будет чертей».

Подрядчик не стал спорить, достал мошну, отсчитал семь тысяч и повел Антипа по своим упокоям. Антип что войдет в упокой, свистнет и закричит: «Вон!» В ответ ему из-за печки пищит: «Уйду!» Обошел весь дом — и везде сделалось и тихо и смирно. Поздравил хозяина с благодатью в дому; ну, хозяин подносит ему и вина заморского, и травнику, и наливки, а на стол закусок наставил: яйца вкрутую да щуку обливную[6], разные колбасы и всякие припасы. Подгулял Антип, на целую неделю наелся — аж подпояску долой! Простился с подрядчиком и поплелся до дому. Завелись у него и батраки, и батрачки, и кони славные, и всякого добра много. Молва об Антипе далеко бежит, что Антип — мастак ворожить, и хоть не бабка он, а большой чертогон!

Вот через месяц, через два, шлет из города откупщик гонца за Антипом. «Помоги, Антипушка, у нас несчастье»,— сказывает гонец. «Что, ай дом горит?» — «Нет! Хоть не горит, а пуще того: нечистая сила откупом вертит; в дому и шум и гам, паутина да грязь по чанам. Откупщик за плату не постоит, только возьмись, брат, от беса полечить».— «Хорошо!» — промолвил Антип, заложил в беговые дрожки рысака и поехал к откупщику на двор. Откупщик берет его за руку, с честью в дом ведет, вперед ему ход отдает, что слово — почтенным величает, на мягки диваны сажает. «Родимый, помоги!» А Антип бородку гладит, на десять тысяч ладит: деньги в карман кладет и, свистнув, по палатам идет: прогнал беса, везде и тихо и смирно! «Спасибо,— сказал откупщик,— за твою послугу прикажу тебе бочку вина отвезти в дом».

Поехал Антип от него мимо гостиных рядов: на черепенники[7] и калачи уж и не глядит. «Подавай сластей!» — говорит. Приезжает домой, глядь — на дороге приказчик стоит: «Эй, Антип! Собирайся скорей на боярский двор».— «Зачем?» — «Да, вишь, черт поселился, бедами качает, боярыня слезно рыдает, дети ревмя ревут...» — «Родимый Иваныч! Помилуй, я в третий раз не смогу черта прогнать».— «Поди-ка изволь с

[6] Заливную (*Ред.*).
[7] *Черепенники* — гречневые лепешки (*Ред.*).

барином толковать! Коли, говорит, к ночи не выгонит беса вон, так я его на конюшне с головы до пят испарю, на поселенье сошлю, а дочек на барщину возьму, на тальках-то[8] заморю!» — «Нечего делать,— отвечает Антип,— сейчас прибегу; дай только лошадь отпрягу».

Антип был мужик из десятка не простого, навострился людей надувать, захотел обмануть и духа злого. Отпряг рысака, долой новую одежу, сыскал старую и ту в клочки изорвал, волосы овином встрепал, переоделся в старье, сапоги на осметки[9] сменил да исцарапал в кровь лицо и побежал в село на боярский двор. «Ты зачем,— говорит бесенок,— разве забыл уговор?» — «Знаю,— отвечает Антип,— я гнать тебя не хочу, сам у боярина защиты ищу; ведь моя баба из ямы выдралась, следом за мною бежит, хочет со свету изжить!» — «Как? — закричал бесенок.— Из ямы выдралась, за тобою бежит! Нет, лучше я к братьям в ямище уйду; теперь, чай, без бабы пирушки в аду!» Убежал бесенок в ямище — и стихло в боярских хоромах. Тут боярин Антипку на милость принял, от барщины ему совсем отказал.

Воротился Антипка домой, глядь — на дворе бочка с вином стоит; не обманул откупщик! Созвал он соседей — и давай угощаться; на другой день надо опохмелиться, опохмелился да не в меру — опять пьян напился... С той самой поры начал он и по дням, и по ночам к бочке прикладываться: все ему жена грезится! Заснет — а она на грудь коленом станет да за горло давит; проснется — а она в углу стоит да кулаком грозит. Страшно и жутко! Поневоле за чарку возьмешься. Умер Антип от запою; отнесли его на погост[10], девчонок на барщину взяли, а добро и казну по рукам растащили.

436

атюшка, жениться хочу, матушка, жениться хочу!» — говорил 236d
добрый мо́лодец. «Женись, дитятко!» И женился, выбрал себе бабу длинную, черную, косую; понравилась сатана лучше ясного сокола́, и пенять не на кого, сам себе виноват! Живет с нею и кулаком слезы утирает. Пошел раз на сходку, где судят да рядят; постоял там и воротился домой. «Что шлялся,— спросила косая баба,— что слышал?» — «Да говорят: новый царь настал, новый указ наслал, чтоб жены мужьями повелевали». Он думал пошутить, а она и на ус замотала. «Ступай,— говорит,— на речку рубахи мыть, да возьми веник — хату подмети, да сядь к люльке — дитя закачай, да щи, кашу свари, пироги замеси!» Муж хотел было молвить: «Что ты, баба! Мужицкое ли это дело?» — Да как взглянул на нее — холодом облило, язык к горлу пристал. Потащил белье, замесил пироги, хату вычистил, и ничем не угодил.

Прошел год и другой; наскучило добру мо́лодцу в хомуте ходить, да что делать? Женился — навек заложился! А век-то может, надолго про-

[8] *Талька* — мера пряжи (Дополнение к обл. словарю, с. 264).

[9] Изношенные лапти.

[10] Кладбище.

тянется. С горя выгадал выгадку. Была в лесу яма глубокая, конца-дна не видать; взял он — заклал ее сверху палочками, затрусил соломкою; приходит к жене и сказывает: «Ты не знаешь, жена, как в лесу-то клад есть — и звенит, и гремит, и золотом рассыпается, а в руки никак не дается; я подошел было к нему, нос с носом стоял, дак мне не дался — посылай, говорит, жену!» — «Ну, пойдем, пойдем! Я возьму, а тебе шиш!» Пошли в лес. «Тише, баба! Тут провальная земля, отсюда клад выйдет».— «Ах ты, дурень мужик! Всего боишься. Вот как я-то прыгну!» Прыгнула на солому и провалилась в яму. «Ну, ступай!— молвил муж.— Я теперь отдохну».

Отдыхал он месяц и другой, а там и скучно стало без косой. Выйдет в лес, выйдет в поле, подойдет к речке — все об ней думает: «Может, стала она и тиха и смирна; дай-ка выну опять!» Навязал коробью, опустил под землю; слышит — села, тянет вверх, вот и близко... глядит, ан в коробье чертенок сидит! Мужик испугался, чуть веревки из рук не выпустил. Взмолился чертенок, закричал ему вслух: «Вынь меня, мужичок! Твоя жена всех нас замучила, загоняла. Повелишь что творить, стану тебе вечно служить; вот хоть сейчас побегу в боярские хоромы, мигом заварю кашу, буду днем и ночью стучать да бояр выживать, а ты скажись знахарем, приди, закричи на меня — я выскочу и уйду. Ну, ты и греби деньги лопатою!» Мужик вытащил коробью; чертенок выпрыгнул, отряхнулся — и поминай как звали! В тот же день в боярском дому все пошло наизворот. Стали искать доку: добрый мо́лодец вызвался докою, выгнал черта и получил плату хорошую.

Скоро пронесся слух, что у князя во дворце, в высоком тереме завелись домовые и не дают княжнам покою. Из конца в конец разослали по всей земле гонцов звать-собирать знахарей. Со всех царств собрали — нет проку, домовые стучат и гремят. Пришел и наш дока, узнал старого знакомого, стал на чертенка и кричать и плевать; чертенок и не думает бежать, полюбилось ему в княжем терему жить. «Погоди ж, когда так! — закричал дока.— Эй, косая баба! Подь сюда». Тут чертенок не высидел и со всех ног махнул из-за печки вон. Доке честь, доке слава, дока деньги гребет; но недаром говорят, что и в самом раю тошно жить одному. Сгрустнулось добру мо́лодцу, и пошел опять косую искать. Навязал коробью и опустил в яму: баба села, он и потащил ее кверху. Вот уж близко! Баба вверх подымается, а сама зубом скрипит да кулаками грозит. Со страстей затряслись у мужика руки, сорвалась коробья — и загремела косая баба по-прежнему в ад.

437

ла жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит 236в
муж работать, так она трои сутки спит; велит спать, так нисколько не спит. Велит муж пироги пе́чи, а она вздумает на полати ле́чи; не велит муж печку топить, а она нарочно истопит и выпечет оладий целое ведро. Долго муж с ней бился, и пошел раз по смородину, набрался смородины и пришел до-

мой. Жене стало завидно, она и сама взяла корзинку большую-пребольшую и пошла по смородину. Муж говорит: «Не ходи!» — «Нет, нарочно пойду!» Зла жена дошла до смородинника, не успела сорвать двух ягод, как провалилась в яму, где черти сидели да горшки лепили.

Прошла неделя. Муж говорит: «Дай схожу, посмотрю — что сделалось с женой?» Подходит к смородиннику и слышит в яме страшный крик и визг. Один из чертей закричал: «Крестьянин! Вытащи нас отсюдова; зла жена пришла, всех нас приела, прикусала; вытащи! Я сам те службу сослужу». Жалко стало крестьянину черта; он спустил в яму веревку и вытащил оттуда черта.

Черт с крестьянином заключил вот какое условие: пойдут они в большой город Вологду; черт будет селиться в жены знатных купцов и бояр, а крестьянин лечить. Дошли они до города. Черт то в ту, то в другую женщину селится, и всякая только примет в себя черта, так и взбеленится, точно с ума сойдет. Придет крестьянин и точно водой смоет, вылечит — как вылечит.

Крестьянину славное житье; везде его принимают, кормят пирогами и рогульками; умирать не надо! Черту стало завидно; поселился он в дочь воеводы и не выходит оттуда. Крестьянин лечит, а толку нет; и выдумал он вот какую хитрость: велел, чтоб все горожане и лакеи с кучерами бегали по улице и кричали благим матом: «Зла жена пришла, зла жена пришла!» Лишь только велел это сделать, как черт насмерть перепугался, выпрыгнул из дочери воеводской — прыг за окошко! Воевода отдал дочь за крестьянина, а злая жена и теперь сидит в тартарары.

438—440. ЖЕНА-СПОРЩИЦА

438

У одного мужика была жена сварлива и упряма; уж что, бывало, захочет, дак муж дай ей, и уж непременно муж соглашайся с ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; как, бывало, зайдет на двор чужая скотина, дак уж муж и говори, что это ее. Страшно надоела жена мужу. Вот однажды и зашли к ней на двор барские гуси. Жена спрашивает: «Муж, чьи это гуси?» — «Барские».— «Как барские!» Вспылила со злости, пала на пол. «Я умру,— говорит,— сказывай: чьи гуси?» — «Барские». Жена охает, стонет. Муж наклонился к ней: «Что ты стонешь?» — «Да чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, умираю, беги скорей за попом». 237а

Вот муж послал за попом; уж и поп едет. «Ну,— говорит муж,— вот и священник едет». Жена спрашивает: «Чьи гуси?» — «Барские».—

«Ну, пущай священник идет, умираю!» Вот исповедали ее, приобщили, поп ушел. Муж опять: «Что с тобой, жена?» — «Чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, совсем умираю, готовь домовище[1]!» Изготовили домовище. Муж подошел: «Ну, жена, уж и домовище готово».— «А чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, совсем умерла, клади в домовище».

Положили в домовище и послали за попом. Муж наклонился к жене, шепчет: «Уж домовище подымают, нести хотят отпевать в церковь». А она шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, несите!» Вот вынесли домовище, поставили в церкви, отпели панихиду. Муж подходит прощаться: «Уж и панихиду,— говорит,— отпели; выносить хотят на кладбище». Жена шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские».— «Несите на кладбище!»

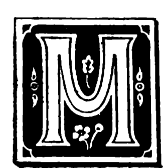
Вот и вынесли; подняли домовище опущать в могилу, муж нагинается к ней: «Ну, жена, уж тебя в могилу опущают и землей тотчас засыплют». А она шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, опущайте и засыпайте!» Домовище опустили и засыпали землею. Так уходили бабу барские гуси!

439

Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что все ему наперекор говорила. Бывало, он скажет: «Бритое», а уж она непременно кричит: «Стриженое!» Всякий день бранились! Надоела жена мужу; вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекладинка: «Постой,— думает он,— вот теперь-то я ее изведу». Как стала она переходить по перекладинке, он и говорит: «Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!» — «Так вот же нарочно буду!» Тряслась, тряслась, да и бултых в воду. Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал ее искать и идет по воде в гору[2]. «Что ты тут ищешь?» — говорят ему прохожие мужики. «А вот жена утонула, вон с энтой перекладинки упала!» — «Дурак, дурак! Ты бы шел вниз по реке, а не в гору; ее теперь, чай, снесло».— «Эх, братцы, молчите! Она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды». 237б

440

Мужик обрил бороду и говорит: «Смотри, жена, как я чисто выбрился».— «Да разве это брито? Это так только — стрижено!» — «Врешь, каналья! Говори: брито!».— «Нет, стрижено!» — «Я тебя изобью; говори: брито».— «Нет, стрижено». Муж побил жену и нудит: «Говори: брито, не то утоплю!» — «Что хочешь делай, а стрижено!» Повел ее топить: «Говори: брито!» — «Нет, стрижено!» Ввел ее в глубину по самую шею и толкает в голову; скажи да скажи: брито! Жена и говорить не может, подняла руку из воды и двумя пальцами показывает, что стрижено. 237в

[1] *Домовище* — гроб.

[1] Вверх, против течения.

441—443. ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА

441

ил-был старик со старухою. Не умела старуха языка держать на привязи; бывало, что ни услышит от мужа — сейчас вся деревня узнает. Пока не повздорят промеж себя — еще туда-сюда, а случится старику со старухой подраться да поколотить ее — она озлится и побежит по людям да на господский двор, всю подноготную расскажет; иной раз вдвое больше наврет, чем правды скажет. По тем наговорам и тащат старика; только успевай спиной расплачиваться. 238а

Вот однова пошел старик в лес за дровами; ступил в одном месте ногою — нога провалилась. «Что за притча! Дай-ка я стану рыть, может — на мое счастье, что и найдется». Взялся за лопату; копнул раз, другой, третий — и вырыл котел полнехонек золота. «Слава богу! Только как домой взять? От жены не укроешься, она всему свету разблаговестит; еще беды наживешь!» Подумал-подумал, зарыл котел в землю и пошел в город, купил щуку да живого зайца, щуку повесил на дерево — на самую верхушку, а зайца посадил в морду.

Приходит в избу: «Ну, жена, какое мне счастье бог послал, только тебе сказать-то нельзя; пожалуй, всем разболтаешь!» — «Скажи, старичок,— пристает баба,— право слово — никому не заикнусь; хочешь — побожусь, образ сниму да поцелую».— «Вот что, старуха: нашел я в лесу полон котел золота».— «Экой ты! Пойдем поскорее, домой унесем...» — «Смотри же, старая! Никому не сказывай, не то беду наживем».— «Небось, ты только не сказывай, а я не скажу! Ты когда пьян, всегда хвастаешь!»

Повел мужик бабу, дошел до того места, где щука на дереве висит, остановился, поднял вверх голову и смотрит: «Ну, что глазеешь? Пойдем скорее!» — «Да разве не видишь? Глянь, щука на дереве выросла!» — «Ой ли! Полезай за нею; ужотка на ужин зажарим». Старик слазил на дерево и достал щуку. Пошли дальше. Шли-шли: «Дай, старая, к реке сбегаю, в морды посмотрю». Заглянул в морду и давай жену звать: «Глянь-ка, заяц в морду попал!» — «А коли попал, бери его поскорей — к празднику на обед пригодится». Взял старик зайца и привел старуху в лес; отрыли вдвоем котел с золотом и потащили домой. Дело было к вечеру; совсем потемнело. «Старик, а старик! — говорит баба.— Никак овцы ревут?» — «Какие овцы! То нашего барина черти дерут». Шли-шли, старуха опять говорит: «Старик, а старик! Никак коровы ревут?» — «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». Шли-шли; стали к деревне подходить, старуха старику говорит: «Никак волки ревут?» — «Какие волки! То нашего барина черти дерут».

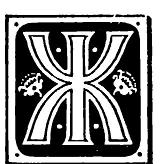
Разбогател старик со старухою. Вздурилась старуха пуще прежнего, пошла кажный день гостей зазывать да такие пиры подымать, что муж

хоть из дому беги. Совсем от рук отбилась и слушаться перестала. Старик терпел-терпел, да не вытерпел, схватил ее за косу и давай таскать по полу; досыта потешился! Как только вырвалась баба, сейчас принялась ругаться: «Постой, подлец! Узнаешь меня. Ты хочешь все золото себе забрать; нет, врешь! Я тебя упеку, в Сибири места не сыщешь! Сейчас пойду к барину!»

Побежала к барину, завыла-заплакала: «Так и так,— говорит,— нашел муж полон котел золота и с той самой поры зачал крепко вином зашибать. Я было его уговаривать, а он меня колотить; таскал-таскал за косу, еле из рук вырвалась! Прибежала к вашей милости мое горе объявить, на негодного мужа челом бить: отберите у него, подлеца, все золото, чтоб работал, а не пьянствовал!» Барин позвал несколько дворовых людей и пошел к старику. Приходит в избу и закричал на него: «Ах ты, мошенник этакий! Нашел на моей земле целый котел золота — сколько времени прошло, а мне до сих пор не доложил! Начал пьянствовать, разбойничать да жену тиранить! Подавай сейчас золото...» — «Смилуйся, барин,— отвечает старик,— я знать не знаю, ведать не ведаю: никакого золота не находил».— «Врешь ты, бесстыжие твои глаза! — напустилась на него старуха.— Пойдемте, барин, за мною; я покажу, где деньги спрятаны».

Приводит к сундуку, подняла крышку — нет ничего, пустехонек. «Ах он, плут! Пока я ходила, в иное место перепрятал». Тут барин пристал к старику вплотную: «Покажь золото!» — «Да где ж мне его взять? Извольте про все доподлинно допросить мою старуху».— «Ну, голубушка, расскажи мне толком, хорошенько: где и в какое время найден котел с золотом?» — «Да вот, барин,— начала старуха,— шли мы лесом — еще в те́ поры щуку на дереве поймали...» — «Опомнись, дура,— говорит старик,— ведь ты заговариваешься!» — «Нет, подлец, я не заговариваюсь, а правду сказываю, еще тут же мы зайца из морды вынули...» — «Ну, пошла! Чай, теперь сам, барин, слышишь! Ну как можно, чтобы звери в реке водились, а рыба в лесу на дереве плодилась?» — «Так по-твоему того не было? А помнишь, как мы назад шли,— я сказала: «Никак овцы ревут?» А ты отвечал: «То не овцы ревут, то нашего барина черти дерут!» — «Врешь, старая! С ума спятила».— «Я опять сказала: «Никак коровы ревут?» А ты: «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». А как стали подъезжать к деревне, мне почудилось, что волки ревут; а ты сказал: «Какие волки! То нашего барина черти дерут...» Барин слушал-слушал, осерчал и ну толкать в шею старуху. После того старуха недолго жила, а старик взял за себя молодую жену, накупил товаров и стал жить-поживать да в городе торговать.

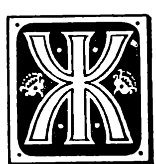
442

ил старик со старухою; сбили они на реке заезочек[1] и заложили по мордочке. Пошли домой; на дороге увидала старуха клад и давай всем рассказывать. Что с ней делать? Вздумал старик пошутить над старухою, пошел в поле, поймал зайца и отправился на реку морды смотреть; вынул одну — а в ней щука попалась. Он щуку-то взял, заместо ее посадил в морду зайца, а рыбу в поле понес и положил в горох. Воротился домой и зовет старуху горох крючить[2]. Вот собрались и поехали. Дорогою старик начал сказывать: «Люди говорят, что ныне рыба в полях живет, а в водах зверь поселился».— «Что ты, старик!» Приехали в поле. «Вот правда и есть! — закричал старик.— Погляди, старуха, щука-то в горох заползла!» — «Лови ее!» Старик взял щуку, положил в пестерёк[3]: «Пойдем-ка теперь на реку, не попалось ли чего в морды?» Достал морду: «Ах, старуха, ведь люди-то правду сказывают! Погляди, заяц попал!» — «Держи его крепче, а то, пожалуй, опять в воду нырнет!» Взял старик зайца: «Ну, говорит, поедем клад добывать». 238а, вар.

Забрали все деньги и поехали домой. Дорогою усмотрела старуха, что в стороне медведь корову рвет, и говорит: «Эй, старик, погляди-ка, медведь корову рвет».— «Молчи, жена! Это черт с нашего барина шкуру дерет». Приехали ко двору; старик пошел деньги прятать, а старуха побежала рассказать соседке; соседка рассказала дворецкому, а дворецкий барину. Барин призвал старика: «Ты клад нашел?» — «Никак нет».— «Твоя старуха сказала».— «Да, пожалуй, ей врать не впервой!» Послал барин за старухою: «Что, старуха, нашли вы клад?» — «Нашли, батюшка!» — «Как же ты, старик, говоришь, что нет?» — «Что ты врешь, глупая баба! Ну, где мы клад нашли?» — «Как где? В поле; еще в то время щука в горохе плавала, а заяц в морду попал».— «Врешь ты, старая кочерга! Где это видано, чтобы рыба в поле жила, а заяц в воде плавал?» — «Ну вот, позабыл! Еще в то самое время черт с нашего барина шкуру драл...» Барин хлоп ее по уху: «Что ты бредишь, подлая! Когда черт с меня шкуру драл?» — «Да, таки драл, ей-богу, драл!» Барин рассердился, велел принесть розог и заставил при себе ее наказывать. Растянули ее, сердечную, и начали потчевать; а она знай себе — и под розгами то же сказывает. Барин плюнул и прогнал старика со старухою.

443

ил мужик на чужой стороне, не заработал ни копейки и пошел домой. Стал подходить к своей деревне и думает: как без денег домой показаться? Попадает ему богатый жид навстречу; мужик хватил его топором, ушиб до смерти, деньги к себе прибрал, а мертвое тело под куст стащил. Приходит домой, увидала жена деньги и ну приставать: «Где до- 238б

[1] *Заезочек* — плетень поперек реки для ловли рыбы (*Ред.*).

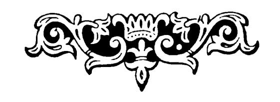
[2] Т. е. снимать с поля (Опыт обл. великорусского словаря, с. 94).

[3] Корзина, сплетенная из лык и бересты.

был такую великую казну?» Мужик и проговорись: «Встречного убил, под куст положил; смотри, жена, никому не сказывай!» Проговорился, да и сам не рад: «Ну как разболтает баба? Ведь у них волос длинен, да ум короток! Беда моя будет!»

Побежал поскорей в поле, ухватил-поволок жида в иное место и зарыл где-то в лесной трущобе, а заместо его под кустом бросил зарезанного козла; потом закупил целый четверик груш и нацеплял их на вербу; а стояла та верба как раз на дороге к барской усадьбе. День прошел — баба молчит, и другой прошел — все молчит; а на третий черт и попутал. Вишь, муж вчастую дома не живал, так баба с добрым молодцем знакомство свела; доведался мужик, что баба-то гуляет, и давай ее бить-колотить — что только силы было! «Ах ты, разбойник,— закричала она,— одного ты убил и денежки обобрал, а теперь и меня хочешь забить до смерти! Пойдем, душегуб, к барину; я на тебя все докажу...»

Пошли судиться к барину. «Стой, жена,— говорит мужик дорогою,— погляди-ка, на вербе груши выросли, давай трусить».— «Давай!» Натрусили полон мешок, снесли домой и опять собрались к барину. Вот и усадьба барская. Стала жена на мужа доказывать: «Батюшка барин! Заступись, оборони от злодея: мой муж человека сгубил, деньги обобрал, мертвое тело под куст положил».— «Что ты врешь, полоумная? Не верьте ей, добрый барин: она у меня издавна завирается. Я козла зарезал, а ей человек почудился». Барин поехал сам осматривать; глянул под куст — зарезанный козел лежит. «Что ж ты клепишь, глупая баба?» — «Нет, барин,— отвечает баба,— я не клеплю, а говорю сущую правду; должно быть он, мошенник, мертвое тело запрятал куда подальше, а заместо его козла подкинул».— «Ну, мужик, признавайся!» — говорит барин. «Да в чем признаваться-то, коли ни душой, ни телом не виноват? Известное дело — баба: волос долог, ум короток; сдуру врет! Она, пожалуй, скажет, что груши на вербе растут,— так ей и верить?» — «Да, таки растут! Сегодня полон мешок с вербы натрусили...» — «Пошла вон, дура,— закричал барин,— ты совсем с ума спятила». Пошла баба, несолоно хлебавши; а дома мужик опять за плетку и порядком поучил ее: с неделю спина и бока болели!

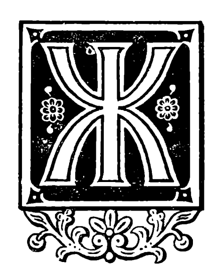
444. ГОЛОВИХА

Одна баба бойка была; пришел муж с совету, она и спрашивает его: «Чего вы там судили?» — «Чего судили-то! Голову выбирали».— «А кого выбрали?» — «Никого еще».— «Выберите меня»,— бает[1] баба. Дак что[2] муж пошел на совет (она зла была, ему хотелось ее проучить), сказал это старикам; те тотчас бабу выбрали в головы. Живет баба, судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет. 239

Пришло время подушно сбирать. Голова не успел, не мог собрать вовремя; приехал казак, стал спрашивать голову, а баба прятаться: узнала, что приехал казак, бежит скорей домой. «Да куда же я, да куда же я спрятаюсь? — говорит мужу.— Завяжи-ка меня, батюшка-муженек, в мешок да поставь вон к мешкам с хлебом-то». Тут стояло с ярицей[3] мешков пять. Муж завязал голову, поставил в середку мешков. Казак пришел да говорит: «Э, голова-то спрятался!» Давай-ка по мешку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревела: «Ой, батюшка, не пойду в головы, не пойду в головы!» Казак отхлестал, ушел, баба полно головить[4] и стала после того мужа слушать.

445. МУЖ ДА ЖЕНА

Жили муж с женой, по виду будто хорошо, да как-то жена была мудрена· уйдет муж — она весела, придет — захворает; так и старается ему дело найти, куда-нибудь с рук сбыть; нынче пошлет его туда, завтра в другое место, а без него у нее гулюшки, пирушки! Придет муж — и чисто и прибрано; сама охает, больна, на лавочке лежит. Муж верит, чуть сам не плачет. Вот раз придумала жена послать его за лекарством в Крым-град. Муж пошел. На дороге ему встрелся солдат: «Куда ты, мужик?» — «В Крым-град за лечбой!» — «Кто болен?» — «Жена!» — «Воротись, воротись безотменно; я сам дока, я пойду с тобою!» Поворотил его налево кругом, и очутился мужик опять у своего гумна. «Сядь же ты здесь,— говорит дока,— я спроведаю, какова хворая?» 240

Вошел на двор, приложил ухо к избе — там игры, там скоки, гульба! Забилась солдатская грудь, ударил в дверь, растворилась изба — хозяйка по ней лебедем носится, перед ней молодой парень вприсядку рассыпается, зелено винцо по столу разливается. Пришел солдат вовремя, вы-

[1] Говорит.
[2] Только что.
[3] *Ярица* — яровой хлеб.
[4] Быть головою.

Баба яга и мужик. Лубок из собрания Д. Ровинского

пил чарку и пошел вприсядку; полюбился хозяйке: что за солдат, что за детина! Угодлив, догадлив, словно век тут жил! Поутру надо пирожки печь. «Солдат, сходи на гумно, принеси соломки вязаночку».

Солдат пошел; набрал соломы, завернул туда мужа, скрячил[1] веревкой, вскинул за плечи и принес к хозяйке. Хозяйка рада, затянула песенку: «Пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить! Туда ему не доехать и оттуда не приехать!.. Солдат, подтягивай мне!» Солдат начал свою песню: «Чуешь ли, солома, что деется дома?» — «О, твоя нехороша, моя лучше; давай вместе: пошел муж во Крым-град зелья купить, жене зельем живот лечить». Она поет громко, а солдат еще громче: «Чуешь ли, солома, что деется дома? Плеть висит на стене, а быть ей на спине!» Солома почуяла, затряслась, веревка лопнула, вязанка распалась — и выскочил муж, схватил плетку и давай стегать хозяйку. Как рукой сняло — вылечил жену.

[1] *Крячи́ть* — скручивать веревку палкою при связывании ноши.

7 Заказ № 207

446. ВЕЩИЙ ДУБ

Тошно молодой жене с старым мужем, тошно и старику с молодой женой! В одно ушко влезет, в другое вылезет, замаячит — в глазах одурачит, из воды суха выйдет: и видишь и знаешь, да ни в чем ее не поймаешь! 241

Одному доброму старичку досталась молодая жена — плутоватая баба. Он ей слово в науку, она ему в ответ: «Нет тебе, старый лежебок, ни пить, ни есть, ни белой рубахи надеть!» А не стерпишь — слово вымолвишь: дело старое! Вот и придумал он жену выучить. Сходил в лес, принес вязанку дров и сказывает: «Диво дивное на свете деется: в лесу старый дуб все мне, что было, сказал и что будет — угадал!» — «Ох, и я побегу! Ведь ты знаешь, старик: у нас куры мрут, у нас скот не стойт... Пойду побалакать; авось скажет что».— «Ну, иди скорей, пока дуб говорит; а когда замолчит, слова не допросишься». Пока жена собиралась, старик зашел вперед, влез в дубовое дупло и поджидает ее.

Пришла баба, перед дубом повалилася, замолилася, завыла: «Дуб дубовистый, дедушка речистый, как мне быть? Не хочу старого любить, хочу мужа ослепить; научи, чем полечить?» А дуб в ответ: «Незачем лечить, зелья попусту губить, начни масленей кормить. Сжарь курочку под сметанкою, не скупись: пусть он ест — сама за стол не садись. Свари кашу молочную, да больше маслом полей; пущай ест — не жалей! Напеки блинцов; попроси, поклонись, чтоб их в масло макал да побольше съедал — и сделается твой старик слепее кур слепых».

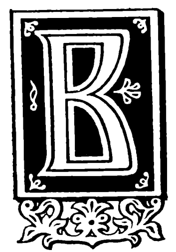
Пришла жена домой, муж на печке кряхтит. «Эх ты, старенький мой, ай опять что болит, ай опять захирел? Хочешь: курочку убью, аль блинцов напеку, кашку маслом полью? Хочешь — что ль?» — «Съел бы, а где взять?» — «Не твоя печаль! Хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко!.. На, старинушка, ешь, кушай, пей — не жалей!» — «Садись и ты со мною».— «Э, нет, зачем? Мне б только тебя напитать! Сама я тамсям перекушу — и сыта. Ешь, голубчик, помасляней ешь!» — «Ох, постой, жена! Дай водицы хлебнуть».— «Да вода на столе».— «Где на столе? Я не вижу».— «Перед тобою стоит!» — «Да где же? Что-то в глазах темно стало».— «Ну, полезай на печку».— «Укажи-ка, где печь? Я и печь не найду».— «Вот она, полезай скорее». Старик сбирается головой в печь лезть. «Да что с тобой? Ослеп, что ли?» — «Ох, согрешил я, жена! Сладко съел, вот божий день и потемнел для меня. Ох-хо!» — «Экое горе! Ну, лежи пока; я пойду, кое-что принесу».

Побежала, полетела, собрала гостей, и пошел пир горой. Пили-пили, вина не хватило; побежала баба за вином. Старик видит, что жены нету, а гости напитались и носы повесили; слез с печи, давай крестить — кого в лоб, кого в горб; всех перебил и заткнул им в рот по блину, будто сами подавилися; после влез на печь и лег отдыхать. Пришла жена, глянула — так и обмерла: все други, все приятели как боровы лежат, в зубах блины торчат; что делать, куда покойников девать? Зареклася баба гостей собирать, зареклася старика покидать. На ту пору шел мимо

дурак. «Батюшка, такой-сякой! — кричит баба.— Нá тебе золотой, душу с телом пусти, беду с нас скости!» Дурак деньги взял и потащил покойников: кого в прорубь всадил, кого грязью прикрыл и концы схоронил.

447. ДОРОГАЯ КОЖА

В одном селе жили два брата — Данило и Гаврило. Данило 242
был богатый, а Гаврило бедный; только и живота было у Гаврилы, что одна корова, да и тому Данило завидовал. Поехал Данило в город закупить кое-что и, воротясь из городу, пришел к брату и говорит: «Что ты, брат, держишь корову? Я был сегодня в городе и видел: там коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять дают». Гаврило поверил ему, заколол корову и приел говядину, после дождался рынку и отправился в город. Приехал в город и поволок продавать кожу. Увидел его кожевник и спрашивает: «Что, любезный, продаешь кожу?»— «Продаю».— «Что просишь?» — «Двадцать пять рублей».— «Что ты, безумный! Возьми два с полтиной». Гаврило не отдал и волочил кожу целый день; никто ему не дает больше. Наконец, поволок ее мимо гостиного ряду; увидал его купец и спрашивает: «Что, продаешь кожу?» — «Продаю».— «Дорого ли просишь?» — «Двадцать пять рублей».— «Что ты, шальной! Где слыхал про такие дорогие кожи? Возьми два с полтиной». Гаврило подумал-подумал и сказал: «Так и быть, господин купец, уступлю тебе! Только поднеси мне хоть водки стакан».— «Хорошо, об водке ни слова!» Отдал ему купец два с полтиной да вынимает из кармана платок и говорит: «Ступай вон в тот каменный дом, отдай хозяйке платок и скажи, что я велел тебе поднесть полон стакан вина».

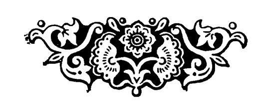
Гаврило взял платок и пошел; приходит в дом, хозяйка его и спрашивает: «Ты зачем?» Гаврило ей говорит: «Так и так, сударыня, продал я твоему хозяину за два с полтиной кожу, да еще вырядил полон стакан вина; дак он меня сюда послал, велел тебе платок отдать да сказать, чтобы ты винца поднесла». Хозяйка тотчас налила стакан, только немного не полон, и поднесла Гавриле; он выпил и стоит. Хозяйка спрашивает: «Что ж ты стоишь?» Гаврило говорит: «У нас была ряда — полон стакан вина!» А в то время сидел у купчихи полюбовник, услыхал он эти слова и говорит: «Налей ему, душа, еще!» Она налила еще полстакана; Гаврило выпил и все стоит. Хозяйка опять спрашивает: «Теперь чего дожидаешься?» Отвечает Гаврило: «Да у нас ряда была — полон стакан, а ты полстакана подала». Любовник велел поднесть ему в третий раз; тогда купчиха взяла графин с вином, стакан отдала Гавриле в руки и налила его так, что через край побежало. Только Гаврило выпил, а хо-

зяин на ту пору домой грядет. Она не знает, куда полюбовника девать, и спрашивает: «Куда ж я тебя спрячу?» Любовник забегал по горнице, а Гаврило за ним да кричит: «Куда я-то денусь?» Хозяйка отворила западню и пихнула обоих туда.

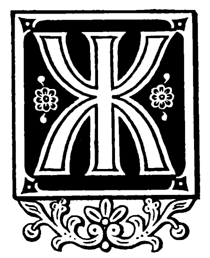
Хозяин пришел и привел еще с собой гостей. Когда они подпили, то начали песни запевать; а Гаврило, сидя в яме, говорит своему товарищу: «Как хочешь — это любимая батюшкова песня! Я запою».— «Что ты, что ты! Пожалуйста, не пой. На́ тебе сто рублей, только молчи». Гаврило взял деньги и замолчал. Немного погодя запели другую; Гаврило опять говорит товарищу: «Как хочешь, а теперь запою; это любимая песня матушкина!» — «Пожалуйста, не пой! На́ тебе двести рублей». Гавриле то на руку — уже триста рублей есть; спрятал деньги и молчит. Вскоре запели третью песню; Гаврило говорит: «Теперь хоть четыреста давай, дак запою». Любовник его всячески уговаривать; а денег больше нет. Хозяйка услыхала, что они там ерошатся, отперла западню и спросила потихоньку: «Что вы там?» Любовник потребовал пятьсот рублей; она живо вернулась, подала пятьсот рублей, Гаврило опять взял и замолчал.

Как-то попалась тут Гавриле подушка и бочонок смолы; он приказал товарищу раздеться. Когда тот разделся, он окатил его смолой; потом распорол подушку, рассыпал пух и велел ему кататься. Вот как тот выкатался в пуху, Гаврило растворил западню, сел на товарища верхом, едет, а сам кричит: «Девятая партия из здешнего дому убирается!» Гости увидали и кинулись по домам; думают, что то черти явилися. Так все и разбежались, а купчиха стала говорить своему мужу: «Ну вот! Я тебе говорила, что у нас чудится». Купец сдуру-то возьми да и поверь, и продал свой дом за бесценок.

Гаврило пришел домой и послал своего старшего сына за дядей Данилом, чтоб пришел к нему деньги пересчитать. Сын пошел, стал звать своего дядю; а тот ему смеется: «Да что у него считать-то? Али Гаврило двух с полтиной сосчитать не может!» — «Нет, дядя, он много принес денег». Тогда жена Данилова стала говорить: «Подь, сходи! Что, тебе не охота? Хоть посмеешься над ним». Послушался Данило жены и пошел. Вот как Гаврило высыпал перед ним кучу денег, Данило удивился и спрашивает: «Где ты, брат, взял столько денег?» — «Как где? Ведь я корову заколол да кожу в городе продал за двадцать пять рублей; на те деньги сделал оборот: купил пять коров, заколол да кожи опять продал по той же цене; так все и перебивался». Данило услыхал, что брат его так легко нажил богатство, пошел домой, заколол всю свою скотину и стал дожидаться рынку; а как время было жаркое, то говядина у него вся испортилась. Повез продавать кожи, и дороже двух с полтиной никто ему не дал. Так-то ему дался барыш с накладом, и стал он жить беднее Гаврилы; а Гаврило пошел на выдумки, да и нажил себе большое богатство.

448. КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК 243

ил себе дворник. Он имел у себя жену, которая страсть как любила сказки, и запретила она пущать к себе в постойщики тех, кто не умел сказки сказывать. Ну, разумеется, мужу то убыточно, он и думает: «Как бы мне жену отучить от сказок!» Вот однажды в зимнюю пору, поздно ночью, идет себе старичок, весь иззяб, и просится переночевать. Муж выбегает к нему: «А что,— говорит,— умеешь ты сказки сказывать? Жена не велит пущать никого, кто не умеет сказки сказывать». Мужик видит — дело плохо, от холода чуть не мерзнет. «Умею»,— говорит. «А долго будешь сказывать?» — «Да всю ночь».

Ну, вот хорошо. Впустили мужика. Муж говорит: «Ну, жена, вот мужик посулился всю ночь сказывать сказки, да только с тем, чтоб поперечки[1] ему не делать и не перебивать». Мужик говорит: «Да, поперечки не делать, а то сказывать не буду». Вот поужинали, легли спать; мужик и начал: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду; летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» И пошел твердить все одно и то же: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» Хозяйка слушала, слушала, да и говорит: «Что ж это за сказка, все одно и то же твердит!» — «Так для чего же ты меня перебиваешь? Ведь я говорил, чтобы мне поперечки не делать; ведь это так уж сказка сказывается вначале, а там пойдет другое». Вот муж, услыхамши это, а ему то и нужно было, скочил с лавки и давай жену колотить: «Тебе сказано, чтоб ты не поперечила! И сказку не дала кончить!» Уж он бил-бил, бил-бил, так что жена возненавидела сказки и с тех пор зареклась сказки слушать.

449. ЛУБОК

ув собі в однім пустім місці хутор невеличкий. В хуторі 241
жила сім'я одна, і невеличка: був там старесенький дід да син його жонатий — звався він Нечипір, да ще не дуже великий син од Нечипора. Дід був зовсім без мощі: ходючи він згинався уже дуже, голова у його була біла-біла, мов молоком облита, а робити — дак зовсім нельзя було йому, бідному. Нечипору се було дуже не по нутру; йому усе хотілося, щоб батько що-небудь да робив. Надумався Нечипір да й каже: «Згублю я батька, годі йому жити! Мені і так приходиться гірко жити да хліб добувати».

[1] От глагола: *перечить* — возражать.

Прийшла зима. Нечипір достав з гори предовгий да широкий луб, узяв свого сина да й каже батькові старому: «Ходімо, тату, в поле; годі тобі жити! Ні сам не будеш мучитись, ні нас не будеш мучити». І повели старого батька. Почувши річ таку, батько тільки заливався гіркими слізами — більш нічого. Довіз Нечипір діда до дуже глубокого яру, посадив його, старесенького, на лубок, щó приніс з собою, спустив на нім батька у самий низ да й каже: «Прощай тепер, тату! Не поминай нас лихом!» І вже хотів іти додому, аж внучок того діда і каже батькові: «Тату! Возьми ж лубочок з собою».— «А нащо він? Нехай там зостається».— «Як нащо? Адже як будеш і ти такий старик, як дід мій, то й я тебе посадив би на той лубок та й спустив би».

Тоді Нечипір хопився за висок: «Дурний, дурний я! Що зробив! Спасибі ж тобі, сину, що ти дурного батька на ум та на разум наставив!» І швидче кинувся у яр, взяв батька старого з собою, попросив у його опрощення і став кормити до самісінької смерти, щоб і його діти не покидали.

450. КРЕСТ — ПОРУКА

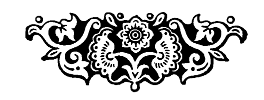
В одном было городе — жили два купца по самый край речки: 245
один русский, а другой татарин; оба были богатые люди. Только русский по каким-то торговым делам обанкрутился, так что у него не осталось ничего из пожитков; всё описали и обобрали. Нечего было делать русскому купцу — остался гол как сокол; пошел к своему приятелю татарину и просит у него взаймы денег. Татарин говорит: «Давай поручителя!» — «А кого ж я тебе дам, когда у меня нет никого? Ну да постой, вот тебе порука — на церкви животворящий крест!» — «Хорошо, друг! — говорит татарин.— Я кресту вашему поверю; для меня все равно, что ваша вера, то и наша». И дал русскому купцу пятьдесят тысяч рублей. Русский взял деньги, распростился с татарином и отправился опять торговать по разным местам.

Через два года на эти пятьдесят он нажил сто пятьдесят тысяч рублей, и случилось ему с товаром плыть по Дунай-реке из одного места в другое; вдруг поднялась буря, так и хочет судно потопить. Тут купец и вспомнил, что брал деньги и давал в поручители животворящий крест, а долгу не заплатил: так, верно, оттого и буря поднялась! Только подумал это, как стала буря утихать. Купец взял бочонок, отсчитал пятьдесят тысяч рублей, написал к татарину записку, положил ее вместе с деньгами в бочонок и бросил тот бочонок в воду, думая про себя: «Когда я давал в поручители крест, так он и доставит!»

Бочонок тотчас же на дно пошел; все так и думали, что деньги потеряются. Что же сталося? Жила у татарина русская стряпка. Вот од-

нажды случилось ей идти на́ реку за водой; приходит и видит — плавает бочонок; побрела по воде и давай его хватать — не тут-то было! Она к бочонку, а бочонок от нее; она от бочонка к берегу, а бочонок за ней плывет. Так она билась-билась немалое время, пошла домой и рассказала про то своему хозяину. Он сначала было ей не поверил, а потом сам решился идти на́ реку и посмотреть, что за бочонок такой там плавает. Приходит туда — бочонок, точно, плавает, и недалеко от берега. Татарин снял с себя одежду, зашел в воду, и только что побрел, как бочонок сам к нему подплывает; взял татарин бочонок, принес домой и раскупорил; заглянул, а в бочонке деньги лежат, наверху денег записка виднеется. Взял он — прочитал записку, а в ней вот что говорилось: «Любезный друг! Возвращаю тебе пятьдесят тысяч рублей, которые когда у тебя занимал, то давал тебе в поручители животворящий крест».

Татарин прочитал и удивился силе животворящего креста; пересчитал деньги: все ли налицо? Деньги оказались все сполна. Меж тем русский купец, поторговавши лет с пяток, нажил порядочный капиталец; приезжает в свое место и, думая, что бочонок его пропал, за первый долг поставил рассчитаться с татарином; приходит он к нему и отдает занятые деньги. Тогда татарин рассказал купцу все, что было, и как он поймал на реке бочонок с деньгами и с запиской; показал ему эту записку и спросил: «Точно ли это твоей руки?» Тот отвечал: «Точно, моей». Все подивились чудному явлению, и татарин сказал: «Так мне, брат, не нужно с тебя других денег получать; неси-ка их назад». Русский купец отслужил богу благодарственный молебен; а татарин на другой же день крестился со всем своим семейством. Русский купец был у него крестным отцом, а стряпка — крестною матерью. После того жили они оба долго и счастливо; прожили до глубокой старости и скончались в мире.

451. ОБ ОТЦЕ НИКОЛАЕ

В одном городе был вороватый человек, и наделал уже много 24
бед. Однажды случилось ему обокрасть богатого человека; дело это подметили и послали за ним погоню. Долго он бежал лесом, а впереди того леса была чистая степь верст по крайней мере на десять. Как пробежал весь лес, остановился и не знает, что ему делать. Если бежать по степи, то сейчас поймают, потому что версты на две все видно, а погоня, слышит, уже близко. Тогда-то он начал молиться: «Господи! Прости мою душу грешную; батюшка отец Николай, сокрой меня — я тебе гривенную свечку поставлю».

Вдруг ниоткуда взялся — предстал человек пожилых лет и спрашивает вора: «Что ты теперь говорил?» Вор отвечает: «Вот что я говорил:

«Батюшка отец Николай, сокрой меня в этой глуши». И обещался ему свечу поставить». Тут он покаялся старичку в своем грехе. Старик ему сказал: «Если хочешь, полезай в это падалище!» А тут неподалеку лежала падаль. Нечего было делать вору, надо было лезть в падаль, потому что пойману быть не хочется. Залез он туда, а старичок в ту же минуту невидим стал. Тот старичок был сам отец Николай.

Вот приближается погоня; выехали люди на степь, отъехали с полверсты — никого не видать, и воротились обратно; а вор лежит в падалище, еле дышит — такой гнилой дух! Когда проехала погоня мимо, он вылез оттуда и видит опять того же старичка — стоит неподалечку да сбирает воск. Вор подходит к нему, благодарит за избавление; тогда старичок снова спросил: «А что ты обещал отцу Николаю, когда искал убежища?» Вор отвечает: «Я обещался сменить гривенную свечу».— «То-то и есть! Как тебе было душно лежать в падалище, так и отцу Николаю было бы душно от твоей свечи». И дал ему старичок наставление: «Никогда не проси господа бога и святых его угодников на злые дела, потому что господь не благословляет злых дел. Да смотри же, помни мои слова, да и прочим скажи, чтоб никогда не просили бога в худых делах!» Сказал это и скрылся из глаз.

452. СКРЯГА

Жил-был богатый купец Марко — скупей его не было! Раз 247
как-то пошел он гулять; идучи дорогою, увидал нищего: сидит старец и просит милостыни: «Подайте, православные, Христа ради!» Марко Богатый прошел мимо. Следом за ним шел на ту пору бедный мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку. Стыдно показалось богатому, остановился он и говорит мужику: «Послушай, земляк, дай мне взаймы копеечку; хочется убогому подать, да мелких нету!» Мужик дал ему и спрашивает: «А когда за долгом приходить?» — «Завтра приходи!» На другой день бедный идет к богатому за своей копейкою. Пришел на его широкий двор: «Что, Марко Богатый дома?» — «Дома! Тебе что надо?» — спрашивает Марко. «За копеечкой пришел».— «Ах, брат, приди после; ну, право, мелких нет». Бедный поклонился и назад. «Я,— говорит,— приду завтра». Наутро приходит — опять то же: «Мелких денег вовсе нет, коли хочешь, давай с сотенной сдачи... а не то приходи через две недели». Через две недели снова идет бедный к богатому, а Марко Богатый увидал его в окно и говорит жене: «Слушай, жена! Я разденусь догола и лягу под святые; а ты покрой меня полотном, сиди и плачь словно над мертвым. Когда придет мужик за долгом, скажи ему, что я сегодня помер».

Вот ладно, как муж приказал, так жена и сделала: сидит да горючими слезами заливается. Приходит мужик в горницу, она его и спрашивает: «Тебе что?» — «За должком к Марку Богатому»,— отвечает бедный. «Ну, мужичок, Марко Богатый приказал долго жить; сейчас только помер».— «Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему — хоть грешное тело обмою». С этим словом ухватил чугун с горячей водою и давай Марка Богатого кипятком ошпаривать. Марко еле терпит, морщится да ногами дрыгает. «Дрыгай не дрыгай, а копейку подай!» — говорит бедный. Обмыл, снарядил как надо. «Ну, хозяйка, покупай гроб да вели в церковь выносить; я стану над ним псалтырь читать». Положили Марка Богатого в гроб и вынесли в церковь; а мужик стал над ним псалтырь читать.

Наступила темная ночь. Вдруг открывается окно и лезут в церковь воры-разбойники; мужик за алтарь спрятался. Воры влезли и начали меж собой добычу делить; все поделили, остается золотая сабля — всякий к себе тащит, никто не уступает. Бедный как выскочит, как закричит: «Что вы спорите? Кто мертвецу голову отрубит, того и сабля будет!» Марко Богатый вскочил сам не свой. Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бежать. «Ну, мужичок,— говорит Марко,— давай деньги делить». Разделили поровну; много досталось и тому и другому. «Что ж копеечку?» — спрашивает бедный. «Эх, брат, сам видишь — мелких нет!» Так-таки и не отдал Марко Богатый копеечки.

453—527

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ

453

Їхав Остап з Ромна, а Федір — у Ромен, і зустрілись [1]. Остап і пита у Федора: «Звідкіля?» [2] — «З Ромна»,— кає [3] Федір. «А що?» — «Вола».— «А як?» — «Тридцять».— «Гум!..» — «Ге!» І роз'їхались собі. 249a

454

Йшов москаль по селу ніччю, а ніч була місяшна. Бог його святий зна, кудись місяць і сховавсь [1]; пани кажуть, що то було якеєсь-то лунне затміння. Москаль подививсь, що нема на небі місяця, да й пита у якогось мужика, котрий йому навстріч [2] йшов: «А што энто на небе делается?» — «Да я не здєшний, господин служивый,— кає мужик,— спросіть у тутешніх». 249b

455

«Де се ти був,— пита Нечипір [1] Степана,— що тебе так довго не було видно?» — «Ге, де? У татарви!» — «У татарви! Чого?» — «Воювати ходив».— «А чи зрубав хоть єдиного татарюгу?» — «А тож і ні!» — «А як же ти його зрубав?» — «Да такечки: іду собі полем і брязкочу шаблюкою [2], аж зирк [3] — під вербою лежить здоровенний татарюга і руки розкидав. Ото і підкрався да із-за верби йому єдну руку і відтяв [4] шаблюкою, а він лежить; я йому і другу відтяв, а він усе лежить!» — «Е, дурний [5] же ти, Степане! — кає Нечипір. — Ти б йому голову перш [6] відтяв». — «Ге,— каже, — я і сам так думав, да голови не було́». 249c

[1] Встретились.
[2] Откуда.
[3] Говорит.
[1] Спрятался.
[2] Навстречу.
[1] Никифор.
[2] Саблею.
[3] Глядь.
[4] Отсек, от глагола: *тяти, тнути* — сечь, бить.
[5] Глупый.
[6] Наперед.

456

«Що то за суш така! — казав пан писар пану голові. — Колиб-то до- 249d
щик зпризнув — то усе б полізло із землі». — «Ковінька [1] тобі на язик, пане писарю! — кає голова.— Уже ж там у мене три жінки, да не дай же то боже, як вони вилізуть!»

457

Заснув мужик на возі да і наїхав на верству́; коні стали, мужик і прос- 249e
нувся да й кає: «Оце бісова тіснота! Да що то за розумні люди були: не знали, де постановити верству́!»

458

Продав Грицько борошно [1] в губернії [2] і купив собі добрі шкапові [3] чо- 249f
боти [4], вимазав їх добрим дьогтем і напився губернської горілки [5] всмак [6], так що ледве [7] виліз з губернії. Далі вже не міг іти, упав на шляху [8] да і заснув, а москалі шли да і зняли чоботи. На другий день уранці їде мужик з того села, з якого був і Грицько. Ото він, бач — той, що їхав, підходе до Грицька да і буде його: «Вставай, кажу, Грицько!» — «Да ще рано», — кає Грицько. «Да яке тобі рано?» — «Геть [9], кажу тобі!» — кає Грицько, розсердившись. «Бач, ще й гнівається! Прийми хоч ноги з шляху, дай проїхати». Глянув Грицько на свої ноги і баче, що нема чобіт, да і кає: «Се не мої, мої в чоботах!»

459

«Що це з тобою робиться? — кає батько свому синові. — Чи у тебе ли- 249g
хоманка, чи що, що ти нічого і не їси? Чи їв ти сьогодні що?» — «Ні, — кає син, — мати уранці дала краюшку хліба, да черству, я хотів в ведро обмочити, да не влізла, дак я і сухую згриз; більш [1] нічого не їв».

460

Сів Охрім з своєю жінкою Солохою на великопісні запуски [1] запускати. 249h
Солоха чи що з'їла, чи не з'їла, а Охрім усе поїв, і печене, і варене, да ще он цілу макитру [2] гречаних вареників вм'яв [3], і не здужа, сердега, вже встати з покуття да й кає жінці: «Солоха, Солоха! Ке [4] лишень сюда подушки».—

[1] Закорючка.
[1] Муку.
[2] В губернском городе.
[3] *Шкаповый* — яловый, то есть сапоги из телячьей кожи.
[4] Сапоги.
[5] Водки.
[6] Всласть.
[7] Едва.
[8] На дороге.
[9] Прочь.
[1] Больше.
[1] Великопостное заговенье.
[2] Большая глиняная ендова, сосуд.
[3] Умял, съел.
[4] Дай.

«На що тобі? Хіба на примосці місця мало?» — «Ох, лишечко ж мені!» — гвалтує Охрім. «Да що там таке з тобою?» — «Ох, голубочко ж моя Солоха! Скажи ж мені: чи усі миряне сьогодні їли вареники?» — «А як же, усі!» — «Про-о-пали ж теперічки усі миряне!»

461

Зібралися з нашого села хлопці, може їх там було із семеро або й більш. 249i
Да пішли в губернію на ярманок. Ходять собі по ярманку да й думають, щоб то губернське купити, да таке, щоб усім було в диковину. Аж зирк, москаль несе фузію [1]! «А що, браця, — кає коваль [2], — чи не купимо фузію у москаля?» — «А що ж, — гукнули [3] хлопці, — коли куповать, то й купимо!» Ото й купили фузію, купили маку — се то бач, пороху купили і шроту [4], да й пішли додому. Ідучи дорогою, один хлопець кає: «А що, браця, трельнимо [5] з фузії!» — «Коли трельнимо, то й трельнимо!» — «А хто буде триляти?» — питає один. «Да хто ж, — гукнули усі, — як не коваль, се вже звісно!» Ото коваль узяв фузію, усипав в неї жменю [6] маку да і хотів уже триляти. «Тривай [7], тривай! — гукнули хлопці. — А ще ми не сипали маку». — «Ну, сипте і ви» — кає коваль. Хлопці повну фузію насипали маком да й кажуть: «От теперечки триляй, а ми з боків станемо да будемо дивитись [8], як вона пальне» [9]. — «А куди триляти?» — питається коваль. «Да туди, на татарву», — гукнули хлопці. Коваль трельнув — і фузію упустив і сам упав, а після як очунявся [10] да поглядів, що вся у нього морда в пасоці [11], а хлопці — де який без очій, а де який зовсім мертвий лежить, аж жах [12] його пройняв. А далі і кає: «Оце бісова фузія! Скільки тут людей побила! Чого ж вона наробила [13] у татарви?»

462

«Прохоре! — кає Омелько. — А на шо оце у тебе висе рушниця [1], хіба 249k
ти умієш триляти?» — «От таке! — каже Прохір, — атож і не умію? Ластівку кулею [2] так і зчешу». — «Еге, а зіб'єш кулею у мене з голови шапку?» — «Зіб'ю».— «Ні, не зіб'єш!» — «Ні, зіб'ю».— «А шо?..» — «Кварту горілки». — «Добре!» Ото і пішли Прохір і Омелько у поле; сів Прохір на пні, а Омелько відміряв [3] п'ятнадцять ступенів да й ціле прямісенько в Прохорову кучму [4], а Прохір тільки зна натягує шапку, шоб не збив її Омелько. Трельнув Омелько. Прохір як сніп покотився. «А шо, — кає Омелько сам собі, — не збив, пропала кварта горілки!» А далі як підійшов

[1] Ружье.
[2] Кузнец.
[3] Закричали, воскликнули.
[4] Дроби.
[5] Стрельнем.
[6] Горсть.
[7] Погоди.
[8] Смотреть.
[9] Выпалит.
[10] Очнулся.
[11] В крови.
[12] Ужас, страх.
[13] Наделала.

[1] Ружье.
[2] Пулею.
[3] Отмерил.
[4] *Кучма* — особенный род крестьянской шапки.

да побачив, шо Прохір зовсім умер, зняв з його кучму — аж куля наскрізь голову пробила. «Еге, — сказав сам собі, — оце я понизив!»

463

Купив собі мужик нові шкапові чоботи, жінці накупив каблучків[1], 249l
а дочці сережки. Прийшов празник, ото усі і понадівали свої обновки. Мужик сів на покуття, виставив ногу і човга[2], щоб то бачили його чоботи, і кає жінці: « А чому се у нас хата не метена?» Жінка виставила поперед себе руки, розтопирила пальці, щоб то бачили її каблучки, да й каже: «Чи я ж не казала!» А дочка замотала головою, так що сережки зателипались[3], да кає: «Ото лихо, скількі її разів на день мести?».

464

Накинув Грицько ко́ня арканом да й тягне на гору, а кінь тягне під 249m
гору; аркан хоть і дуже кріпкий був, да порвавсь, а кінь сторч[1] головою покотивсь. Баче Грицько, що кінь перевертнем чеше, да й каже: «Оце бісова скотина, яка сильна! Бач, новий аркан як перегорів!» А Никита і пита у Грицька: «Яка ж скотина, чи та, що перевернулась, чи та, що стоїть?»

465

Продав мужик товар да пішов дьогтю купити, да увійшов в таку, бач, 249n
лавку, де фиги-миги продають і всякі ласощі[1]. Ввійшо́в, поставив мазницю біля чобота да і дивиться. Купець його і пита: «Чого се тобі надобно?» — «Я дивлюсь, — кає мужик, — що тутечки продається?» Купець і розсердився на мужика да й закричав: «Дураки, дураки, дураки!» — «Оце да й розход на них великий, — кає мужик, — оце ти тільки один і зоставсь!»

466

«Дивись, тату[1], від чо́го се: інший колосок, як поглянеш, так до землі 249o
і припада́, а інший як стовбур[2] стоїть?» — «Гай, гай! — кає батько, — бачу, що ти ще нерозумний, і того не втелепав, з дуба виріс, а ума, бачу, не виніс! Ото котрий повний, то так до землі і припада, а котрий пустий, то так до гори і дереться». — «От тепер же то я, тату, й догадавсь — від чо́го се наш писар Іван Гургуня так до гори ніс дере!»

467

«Хто там до тебе приїздив учора, — питає пан у свого мужика, — шо 249p
ти до мене прибігав за самоваром?» — «Да якійсь пан». — «Да який же, як його прозвище?» — «Оце й забув. Такось як на птаха скидається; є птах

[1] Колец, перстней.
[2] Колышет, качает.
[3] *Телипаться* — болтаться.
[1] Торчмя.

[1] Лакомства.
[1] Отец.
[2] Обрубок каменный или деревянный.

такий».— «Сорочинський?» — кає пан. «Ні».— «Гороб'євський?» — «І то ні!» — «Синицький?» — «Да ні. О, шоб його! От на умі вертиться, да не згадаю...[1] Вербицький, Вербицький, пане! Насилу згадав». — «Ти же казав, що його прозвище на птаха скидається?» — «Ге! Да шо, хіба птах на вербі і не сидить?»

468

Приходе мужик до пана, ввійшо́в у горницю да й став, а у пана був попугай, котрий тільки і умів казати: «Дурак мужик!» Мужик стоїть у порога, а попугай усе кає: «Дурак мужик!» А мужик усе йому кланяється, а далі і каже: «Звините, ваше благородіє! Я думав, що ви птиця». 249q

469

«Чого се ти дома сидиш, — казала жінка мужикові, — чому се ти не поведеш вола в Москву? Там, кажуть, хороші гро́ші дають за волі́в». — «Оле! І то правда, спасибі, що нагадала». Ото і повів мужик вола в Москву продавать, і стріча[1] його у Москві москаль і кає: «Здоров, хахол!» — «Будте здорові, москалю!» — «Што, брат, продаешь козла?» — «Якого козла?» — «Што ведешь за рога». — «Да се віл!» — «Што ты, безмозглый хахол, дурачить, што ль, пришол?» — «Да біг з вами, се віл!» — «Да бог с тобою, хахол, это козел, тебя ешшо поколотят, как будешь говорить, што это вол».— «Одчалюйте[2], одчалюйте, москалю! Я бачу, що у вас не усі дома». — «Погоди, отчалит хто-нибудь тебя!» Мужик повів вола далі, а москаль перевулками побіг да зно́ву йому навстріч йде. «Здоров, хахол!» — кає москаль. А мужик і не втелепав[3], що то той самий москаль, що перше здоровкався, да й кає: «Здорові були!» — «Не продаешь ли козла?» Мужик глядить на москаля да й дума: «Чи вони подуріли, сі москалі, що на вола кажуть козел!» — «Ну, што вылупил глазища? Тебя спрашивают, не продаешь ли козла?» — «Да який се козел, се віл». — «Где вол?» — «Да оце!» — «Вот тебе, проклятый хахол, штоб не дурачил людей!» — і дзвизнув[4] москаль мужика по потилиці[5] і пішов собі. «Оце лихо!» — дума мужик; уж сам собі, сердега, не віре. «Може, се манія[6] яка! Побачу, що буде далі, а то й брошу — цур йому!» Повів вола далі, а москаль — що то за хитрий був! — побіг да надів вже мундер да й знов іде навстріч мужикові, щоб то, бач, зовсім з пантелику збити[7]. «Эй ты, лоботряс! Што заплатил за козла?» Злякавсь[8] бідний мужик: «Оце лихо! — дума сам собі. — Я й казав, що се манія яка, а не віл!» — да уже зрадовавсь, що москаль озвався. «Цур йому, щоб я за собою манію водив!.. Я його продаю», — кає москалю. «А што просишь?» — «Да десять карбованців».— «Што-о! Ах ты, мужицкая твоя харя! Да где же ты слышал, штобы за коз- 249r

[1] Не вспомню.
[1] Встречает.
[2] Отчаливайте.
[3] Не признал, не смекнул.
[4] Ударил.
[5] По затылку.
[6] Призрак, привидение.
[7] С разуму сбить.
[8] Испугался.

ла платили по десяти цалковых?» — «Да не серчайте бо, господин служивый! Ви кажіть, що даєте». — «Цалковый». — «Накиньте хоть що-небудь!» Москаль баче, що мужик зовсім здурів, ну торговаться, і виторговав вола за два карбованця.

Пішов мужик додому, ввійшов у хату, кинув на піл батіг і шапку, став да й дивиться на жінку. «Ну що, — питає його жінка, — продав вола?» — «Якого вола?» — «Да бурого, що в Москву повів». — «Ге, вола! Був віл, да зкозлятивсь [9]!»

470

Не про́дав мужик вола в губернії і веде додому, закинув йому ланцюг [1] на роги; а москалі відрізали ланцюг да прив'язали свого брата москаля, а вола повели знов на ярманок у губернію. Ото прив'язаний москаль як смикне [2] за ланцюг, мужик і оглянувся і баче, що замісць [3] вола прив'язана служба [4]. «Що се таке?» — кає сам собі. А москаль кає йому: «Пусти меня, мужичок! За што ты меня привязал, ведь я тебе ничаво не сделал». Мужик спугався да і ланцюг упустив, а москаль тим часом взяв да утік [5]. Вернувся знову мужик в губернію і баче, що його вола москалі вже продають на ярманці, а знакомий чоловік з їх же села торгує того вола; ото він підійшов до нього да й кає: «Эй, брате, не купуй сього вола! Се не віл, а манія: от тепер він зовсім як віл, а виведеш за губернію, то й стане служба!» 249s

471

Приїхав Грицько у Москву і став біля дзвониці [1] Великого Івана да галкі й щита, а на ту біду йде москаль да й пита Грицька: «Што ты, хахол, делаешь?» — «Галки́ щитаю, господа служба!» — «Как, што? Га́лки считаешь?» — «Еге!» — «Как же ты смеешь казенные галки считать, а?» — «Хіба ж вони справді казьонні?» — «А ты, безмозглой, и энтаво не знал! Пойдем в полицию». — «Да за що, господа служба, в поліцію?» — «Как за што? За галки». — «Да помилуйте!» — «Што тут с тобою толковать, пойдем, говорят; а не то за шиворот потащу!» — «Да помилуйте-бо! Може, вам грошей треба?» — «А сколько ты галок насчитал?» — «Да усього тільки два десятка». — «По гривне за штуку!» — «Да зводьте ж, тільки помилуйте!» Поліз у кишеню [2] Грицько, достав мідяків пригош [3], відщитав москалеві два рублі, да мерщій [4] від нього, прибіг до своїх да й сміється. «Чого се ти смієшся?» — питаються його хлопці. «Ких, ких, ких! Оце обдурив москаля; кажуть, що москаля не обдуриш; я нащитав гало́к може сотні з дві, а сказав йому тільки двадцять!» 249t

[9] Окозлятиася.
[1] Цепь, обороть.
[2] Дернет, потянет.
[3] Вместо.
[4] Солдат.
[5] Убежал.
[1] Колокольни.
[2] В карман.
[3] Пригоршня, горсть.
[4] Скорее.

472

Біжить мужик, а навстріч йому іде москаль; мужик і пита у москаля: «Москалю, москалю! Чи не находив ти торбинки[1], а в торбинці виторопок[2] да дві паляниці?» — «Што?» — «Чи не находив ти торбинки, а в торбинці виторопок да дві паляниці?» — «Нет, я нашел мешок, а в мешке заяц да две ляпешки».— «Ні,— кає мужик,— се не моє». 249u

473

Москаль побачив, що у мужика на горищі[1] вісе сало, да тихесенько й поліз, щоб то, бач, його зняти. Зняв сало, да вмісці з салом як загуркотить[2], бо стеля[3] була у хаті уже трухлява[4]. Ото він і впав у хату, а у хаті чоловік з жінкою да з дітками вечеряли[5]. Шо тут робити москалеві? Він зараз скочив на ноги да і пита у мужика: «А што, брат, не были ль здеся наши колядники[6]?» — «Ні, не було́». — «А коли не были, так прощай!» І з сим словом москаль вибіг з хати. «Оце лихо! — кає жінка чоловікові[7],— мені здається, що у москаля було наше сало?» — «І то бач, — кає мужик,— а полізь лишень на горище да погляди». Полізла жінка, побачила, що нема сала, да й кає: «Нема, чоловіче!» — «Оле! Ну вже ж хоч москаль і вкрав сало, зато ж і сам страху набрався!» 249w

474

Йшов мужик з поля; підходе до своєі хати, зирк в вікно, а у хаті москаль цілує його жінку. Мужик мерщій у хату, а москаль примітив мужика да мерщій на покуття, вкрився — нібито спить. Мужик шасть у хату і баче, що москаль спить, а жінка порається біля пічки[1]. «Хіба ж то я нічо́го й не бачив!» — кає мужик. «А що ти там бачив?» — пита його жінка. «Як, що, бісова дочка!» — «За що ти лаєшся, вражий сину?» — «Як за що! Хиба ж я не бачив, як тебе москаль цілував». — «Коли?» — «Як колй! Господа служба! Господа служба! — кає мужик москалеві. — Бач, нібито й спить! Оце лихо, в очі обдурюють!» — «Што за шум!» — кає москаль, придиряючи очі, — бач, хоче показати, що спав. «Як що за шум! А на що ви мою жінку цілували?» — «Када?» — «Як коли! Да зараз». — «Што ты, ошалел, што ли? Я к начальству пойду, пожалюсь, што ты мне покою не даешь; на ученье был, устал...» — «Да таки і підіть, господа служба! — кає жінка. — Пожалуйтесь на його. Се йому від п'янства так вздрілося»[2]. — «Оце лихо! — кає мужик. — Далебі[3] що сам бачив». — «Да што ты, одурел, што ли?» Мужик здвигнув плечима і дума: «А може мені й показалося». — «Как же ты 249x

[1] Мешка.
[2] Заяц.

[1] На чердаке.
[2] Громко застучать; здесь: провалиться с шумом.
[3] Потолок.
[4] Дряблая, гнилая.
[5] Ужинали.
[6] Те, кто славят по дворам на праздник коляды.
[7] Мужу.

[1] Возится, убирается около печи.
[2] Показалося.
[3] Ей, поистине.

видел?» — пита його москаль. «Да у вікно», — кає мужик. «А постой, я пойду погляжу».

Пішов москаль да і глядить у те саме вікно, у которе глядів і мужик, да і каже: «Вот и ты цалуешь!» — «Да ні, господа служба! Далебі-то що ні». — кає мужик, дивуючись. «Нет, брат, цалуешь!» — «Оце оказія! — кає мужик.— А ідіть ви, служба, у хату, а я ще піду подивлюсь». Москаль ввійшов у хату да знов став жінку цілувати, а мужик дивиться у вікно да кає: «Цілуєте, господа служба, далебі що цілуєте!» — «Вот я тебе говорю, што это окно так показывает!» — «А і справди, се вікно непевне [4], мороче воно нас з вами! — кає мужик, вхо́дючи у хату. — Треба забити його, господа служба! Бачите, що воно зачаровано».

475

Прийшов москаль на квартеру да й кає хазяйці. «Хазявка! Нету ли чаво 249у
поесть?» — «Є», — кає хазяйка. «Ну так давай!» Ото й постановила Хівря перед москалем повнісіньку макитру вареників — дума собі, що москаль повної не з'їсть. Почав москаль пораться біля вареників, упоравсь так, що тільки на донечку трошки [1] зосталось. Баче москаль, що вже трохи вареників в макитрі, да й пита Хіврю: «Хазявка! А как называется евта еда?» Хівря дуже розсердилась на москаля за вареники да з серцем йому й кає: «Жри мовчки [2]!» — «А славные жримочки! — кає москаль. — Нельзя ли еще подложить евтих жримочков?»

476

Приїхав з київської бурси син зажиточного мужика Петра Дренчика, 249г
хлоп'я мале, да що то розумне да прерозумне, таке що забуло — як з нами і говорють і як зоветься плуг, або потилиця, усе по письменському раздобарює: потилиця, кає, не потилиця, а затилок. Ото ходе він за батьком по двору і баче, що лежать граблі, він і пита батька: «Тату, як воно зоветься?» Да й наступив на зубці. Ще батько і не відвітив йому, як граблі вченого панича вчистили по мармизі так, що іскри з очий посипались. «Ай, бісові граблі!» — заскиглив [1] панич, а батько й каже: «Так тобі й треба, сину! Вчись, да розуму не провчи [2]; скоро ти забудеш, як і мене звати».

477

Їхав Омелько з губернії додому, а школяр тож біг додому. Баче школяр, 249ай
що на дорозі велика калюжа [1], да й почав прохати Омелька, щоб він його перевіз, а Омелько й кає: «Ти, братику, вчений, перейдеш, як захочеш».— «Е, коли ж так, — кає бурсак, — то я ж тобі зроблю штуку». Тільки що Омелько в'їхав в калюжу, а бурсак вбіг за ним, да й сів верхи на коня, да й відрізав гужи у хомуті і переїхав через калюжу; а Омелько зоставсь у

[4] Необыкновенное.
[1] Немножко.
[2] Молча.
[1] Жалобно запищал.
[2] Проучи.
[1] Лужа.

калюжі. Що тут робити Омелькові? Треба злазити з воза да ловити коня, що бурсак, переїхавши, бросив на тім боці [2], а сам узяв да й утік. Приймав Омелько коня, запріг, як пришлось, у самій калюжі і приїхав додому. Входе у хату і баче, що бурсак сидить на покутті в його хаті. Омелько і рот раззявив да й пита жінку: «Що се? Як се?» — «Да ночувати попросився»,— кає жінка. «Гу! — кає Омелько. — Добре, спасибі, жінко, що пустила! От тепер же ж то я з тобою, бісове дитя, розтурбуюсь [3]». Що тут робити бурсакові? Утік би, да Омелько і хату защепнув і сам став біля дверей. Ото і кає Омелько бурсакові: «А ходи лишень сюда, вчений паничу!» Бурсак підійшов. «А що се таке?» — пита Омелько і показує на огонь. «А що ж, дядюшка, — кає бурсак, — як не огонь?» — «Ні, брешеш», — кає Омелько да як згарбав школяра за чуприну, да круте, круте, да приговорює: «Брешеш, се не огонь, а чистота!» Аж моторошно [4] стало бурсакові, да нічого робити. А далі велів Омелько жінці принести кухлик [5] воды да знов пита у бурсака: «Що воно є?» — «Вода», — кає бурсак. «Ні, брешеш, — кає Омелько, — се не вода, а благодать!» — да знов згарбав бурсака за чуприну і ну крутити, аж сльози як горох сиплються із очий у бурсака, а Омелько його круте за чуприну да приговорює: «Се не вода, а благодать!» — «Ну, а се що?» — пита знов Омелько у бурсака і показує на стелю. «Стеля, дядюшка!» — кає бурсак. «А, бач, ти вчений, да не знаєш, що се висота!» — да знов почав за чуба крутити; крутив, крутив, аж іскри посипались із очий у бурсака; сердега бурсак аж упав! Тоді Омелько сказав: годі [6]!

Після сього Омелько з жінкою повечеряли, а бурсакові не дали, да й лягли спати. Ліг і бурсак, да не спиться йому: почув, що мужик з жінкою захропіли, тихесенько відсунув заслінку у печі, достав огню і вийшов з хати да й підложив той огонь під стріху; хата мужикова і загорілась, а бурсак відсунув віконечко да й кричить мужикові: «Дядюшка, а дядюшка! Встаньте да погляньте, що воно робиться!» — «А що там таке?» — кає Омелько. «Як що? Хіба ж ви не бачите, що чистота побігла на висоту. А ви, дядюшка, мерщій беріть благодать да йдіть хату заливать!»

478

Йшов москаль чи в домовий одпуск, чи що, а його догоня конем Грицько з нашого села — чоловік усім знакомий, той, що у цвинтарі [1] в великий пост стоїть з каламаром [2] да проскури [3] підписує, бо був собі чоловік письменний. Його звали по батюшці Максимович. Ото він догнав москаля, а москалю захотілося під'їхати, бо дуже утомився сердега. Москаль і гукнув [4] Грицьку: «Здоров, Хахол Максимович!» Грицько не розчухав [5], як його москаль назвав по йменню, а тільки почув, що по батющі так улу- 249bb

[2] На той стороне.
[3] Расправлюсь; *турбовать* — беспокоить кого, трогать.
[4] Жутко.
[5] Кувшин.
[6] Довольно.

[1] В церковной ограде.
[2] С чернильницею.
[3] Просвиры.
[4] Закричал.
[5] Не расслышал.

чив[6]; опинив[7] коня, глядить на москаля, потилицю чеше і сам сміється. «Што, — кає москаль, — аль не познал, што ли?» — «Ні», — кає Грицько. «Вот те на! Нешто забыл, как мы стояли в вашей деревне?» — «Да чи не Іван ви, господа служба?» — «Насилу вспомнил, Максимыч! А брат твой али сват, как бишь его — тот, што водочку тово...» — «Се Іван, да він мені дядько доводиться; нема вже його, господа служба!» — «Да где же он?» — «Вмер». — «Ой ли! А славный был мужик, царство небесное!» Москаль взяв да й перехрестивсь. «Да ви, бачу, усіх наших знаєте; сідайте лишень на віз я вас підвезу». Москалю тільки того і хотілось. Сів москаль на віз, да як переговорив усе, що було, а мовчки сидіти не хотілося, і кає Грицькові: «Максимыч! Давай, брат, рифмы говорить». — «Як се то рихми?» — «Да так, штоб было до ладу». — «А що ж, давай». — «Вот, например, как твоего деда звали?» — «Кузьмою». — «Я твоего Кузьму за бороду возьму». — «Ні, се не звичайно[8]; мій дід був чоловік всіми поважаємий, за що його за бороду брати?» — «Эх, брат, не знаешь ты дела! Ну, как твоего дядьку звали?» — «Хіба ж ти не знаєш, що Іван!» — «Твой дядько Иван большой болван». — «Бач, бісова служба, ще й лається! А як же тебе зовуть?» — «Леонтий». — «Е, коли Леонтій, то злізай з воза». — «Да эвто не рифма». — «Да що, хоть не рихма, а ти геть пішов з воза!»

479

Ходив якійсь пан по охоті з лягавою собакою, зовсім як треба, а мужик 249cc
ще до схід сонца встав да може де яку й десятину зорав[1] і сів собі снідати хліб да сало. Ото пан і підходе до нього і пита: «А що се ти робиш, чоловіче?» — «Снідаю, пане!» — «Снідаєш?» — «Еге!» — «А що ж ти снідаєш?» — «Що снідаю? Хліб да сало». — «Сало! Да і собака моя не буде їсти сала, хоть брось їй». Мужик і відрізав шматовик[2] сала і кинув собаці да й дивиться, що то з того буде, а пан щось не наше заказав собаці. Собака й дивиться на сало, а їсти боїться. Мужик поглядує то на пана, то на собаку, а далі зкинув кучму, почухав[3] потилицю і кає: «От тепер же ж то я, пане, догадавсь, від чого вона не їсть сала; бачу, що і вона єдиної з вами породи».

480

Приїхав якійсь пан у своє село; він десь в другім місці жив довго-довго, 249dd
так що мужики не знали, що там за пан у їх. Ото і приїхав да зараз виліз з карети і пішов до горниці, а його собака, чи вона мидялянська, чи або яка, з довгими ушима, зосталась у кареті. Ото єдна жінка і кає свому чоловікові: «Чоловіче! Піду лишень я побачу, що там за пан такий!» — «Іди», — кає чоловік. Ото й пішла жінка на панський двор і баче, що стоїть карета. Вона зараз до неї дивиться; подивилась і пішла собі додому. Ото й пита її

[6] Попал.
[7] Остановил.
[8] *Звычайный* — обыкновенный, вежливый.

[1] Вспахал.
[2] Кусочек.
[3] Почесал.

чоловік: «А що, жінка, чи бачила пана?» — «А як же!» — «А який же він?» — «Да який! Зовсім як наш барбос, тільки уши довші [1]».

481

Побачив Пуд у панії маленьку собачку на руках, да хорошу, да мохнату-премохнату, да й кає сам собі: «Що то за бісові глачане, чого вони не зроблять!» 249ee

482

«Що то за скусні [1] німці — казав Нестур.— Бач, обіз'яну видумали!» 249ff

483

«Чи еў ты баранкі з малаком?» — «Не, ня еў! А ты чи еў?» — «Нет, і я ня еў; а бацька відзеў, як пан еў у карчмы, кажіць — дужа сма́чны!» 249gg

484

Старуха-мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться: «Ну, курвин сын, смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!» 249hh

485

Раз зимою ехали по Волге-реке извозчики. Одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она попала в майну [1] и пошла под лед со всем возом. «Ну, моли бога, что ушла, — закричал мужик, — а то я бы нахлестал тебе бока-то!» 249ii

486

Поехал молодой мужик на промыслы, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро приеду». — «Да ра́зве я о том плачу? У меня ноги озябли!» 249kk

487

Заприметил солдат, что у хохла в сенях висело под коньком пуда два свиного сала в мешке: прорыл ночью крышу, стал отвязывать мешок, да как-то осклизнулся и упал вместе с салом в сени. Хозяин услыхал шум и вышел с огнем: «Чого тоби треба?» — «Не надо ли тебе сала?» — спра- 249ll

[1] Длиннее.
[1] Искусные.
[1] Полынью.

шивает солдат. «Ни, у мене свого богацько!» — «Ну так потрудись, навали мне мешок на спину». Хохол навалил ему мешок на спину, и солдат ушел.

488

Раз вошел хохол в церковь в шапке и стал впереди всех; другой увидал 249mm
и толкнул его: «Что ты шапки не скидаешь?» Тот оглянулся: «А шо, хиба староста здись?»

489

В одной слободе напроказил что-то дьячок. Собралась громада[1] и по- 249nn
слала за ним десятского. «Пан дьячок, иды в громаду,— сказал десятский,— щось на тебе громада рыпить[2]!» — «Сейчас приду»,— отвечал дьячок; захватил с собой кувшин с дегтем да квач[3] и пошел в громаду. «Кто тут на меня рыпит?» — спрашивает дьячок. «Та хоть бы и мы!» — крикнул старшина. Дьячок мазнул его дегтем по губам — он замолчал. «Еще кто?» Все и замолчали.

490

Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смеяться. 249oo
«Ну,— говорит он,— молите бога, что ночь была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!» — «Какую, скажи, пожалуй!» — «Я бы спрятался!»

491

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отправились в путь. 249pp
«А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» — «Ну, я хоть и дорого заплатил,— сказал один,— зато недаром!» — «А что?» — «А разве вы не приметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»

492

Какой-то мужик купил полуштоф вина, выпил зараз — ничего; купил 249qq
еще косушку — все не пьян; выпил еще шкалик — и опьянел. И начал тужить: «Зачем покупал я полуштоф да косушку? Лучше б прямо купил шкалик — с него б меня и так разобрало!»

493

Овдовел мужик, пришлось самому хлебы ставить. Вот он замесил в 249rr
деже[1] тесто и вышел куда-то. В сумерках воротился, хотел было вздуть

[1] Мирская сходка.
[2] *Рыпеть* — о людях: ворчать, гневаться; о немазаных колесах: скрипе́ть.
[3] Помазок.
[1] Квашне.

огонь, как услышал, что кто-то пыхтит; а это хлебы кисли. «Недавно,— думает себе,— ушел, а кто-то уж забрался в избу!» — и впотьмах наступил на кочергу. Она ударила его в лоб, он закричал: «Сделай милость, не дерись, ведь я тебе ничего не сделал!» — а сам ну пятиться вон из избы. На беду нога разулась, и мужик при выходе прихлопнул оборку[2] дверью и упал. «Батюшка, отпусти! Не держи меня, право слово — ничего тебе не сделаю!»

494

Мужик позвал соседа на обед и поставил на стол щи с говядиною. 249ss
Гость захватил себе весь кусок говядины и говорит: «Ну, брат, что зацепил — то и бог дал!» А хозяин похлебал, похлебал щей, да потом ухватил гостя за волосы и давай таскать: «Ну, брат, что зацепил — то и бог дал!»

495

Богатый купец часто зазывал к себе всяких людей, поил, кормил, уго- 249tt
щал: только коли кто скажет ему противное — того непременно поколотит. Раз зазвал он к себе ямщика. Тот отпряг лошадей, вошел в хоромы и после долгого угощения сказал: «Довольно, хозяин! Мне пора ехать». Купец давай его бить, так что ямщик едва вырвался и стал запрягать лошадей. Купец за ним. Ямщик нарочно начал дугу вкладывать кольцом назад. Купец закричал: «Не так вкладываешь!» А ямщик давай его бить да приговаривать: «Не твое дело указывать! Не твое дело указывать!»

496

Один мужичок охотник был драться; зазвал к себе в гости мужика, 249uu
велел хозяйке собрать на стол, велит гостю садиться за стол. Тот отговаривается: «Что ты, Демьян Ильич, беспокоишься напрасно?» Демьян Ильич ему плюху[1], да и по щеке, и говорит: «В чужом доме хозяина слушай!» Тому нечего делать, сел за стол, потчует его; он ест. Хозяин начал рушать[2] хлеба много. Мужик и говорит: «Куда ты, Демьян Ильич, столько хлеба нарушиваешь?» Демьян Ильич и другу́ ему чику[3]: «Не указывай,— говорит,— в чужом доме! Делай то, чего хозяин велит». Мужик не рад стал: ежели потчует — не ест, не слушает Демьяна. Тот его бьет да приговаривает: «В чужом дому хозяина слушай!»

На эту пору ниоткуда возьмись — другой детина, только в невзрачной лопотине[4], а парень бойкий, без спросу отворяет ворота, заезжает в ограду; а Демьян вышел на крыльцо, кланяется: «Милости просим, милости просим!» — охота и этого побить! Детина — неробкий, снимает шапку и говорит: «Извини, Демьян Ильич, я не спросился — заехал».— «Ниче-

[2] Веревку от лаптя.
[1] Затрещину.
[2] Резать.
[3] *Чикать* — бить, ударить.
[4] *Лопотина* — мужская и женская одежда.

го, ничего! Милости просим в избу». Детина вошел. Хозяин и его садит за стол, жене велит ставить еств, нести хлеба, так и потчует! А детина ест да ест, не перечит. Демьян сколько ни бился — детина ни в чем не перечит: не удалось ему ударить. Он и пошел на проделки, вынес хорошее, самое лучшее платье, говорит детине: «Скидай то, надевай вот это!» Думает сам: «Ужо-де отпираться станет, я его выколочу». Детина не прекословит, надевает. Демьян то, другое подсунет; детина все не спорит. Вывел хорошую лошадь, обседлал в лучшее седло, надел добру узду и говорит детине: «Садись на мою лошадь; твоя-то худая!» — ужо да не станет ли перечить? Детина сел. Демьян велит ехать; тот молчит, понужнул[5] лошадь, выехал из ограды и говорит: «Прощай, Демьян! Не черт пихал, сам попал!» И уехал — поминай как звали: только и было! Демьян посмотрел вслед, хлопнул руками, да и сказал: «Ну, видно, нашла коса на камень! Дурак же я — хотел побить, да лошадь и пробил!» Может, лошадь-то со сбруей-то сот полуторых стоила.

497

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе канарейку за *240и ш*
пятьдесят рублей. Случилось быть при этом мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе: «Знаешь ли что, жена?» — «А что?» — «Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку — пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?» — «Понеси!» Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит: «Купи, барин, гусака».— «А что стоит?» — спросил барин. «Сто рублей».— «Ах ты, болван!» — «Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!» Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром. «Ну, ладно,— сказал мужик,— попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит: «Кому теплы сени работать?» Барин услыхал, зовет его к себе: «Да сумеешь ли ты сделать?» — «Отчего не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо».— «Ах, братец,— сказал барин,— покажи мне этот лес поскорее».— «Изволь, покажу». Поехали они вдвоем в лес. В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколол дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защемил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» Уж он его дул, дул! Вволю натешился и сказал: «Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу». Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли да из тисков высвободили — времени и многонько ушло!

[5] Понукать, нудить.

Вот барин захворал, лежит на постели да охает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит: «Кого полечить?» Барин услыхал, зовет его: «Ты что за человек?» — «Я дохтур; всякую болезнь снимаю».— «Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!» — «Отчего не вылечить? Прикажи истопить баню». Тотчас вытопили баню. «Ну,— говорит мужик барину,— пойдем лечиться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза!» Пошли они вдвоем в баню; барин разделся. «А что, сударь,— спрашивает дохтур,— стерпишь ли, коли в этаком жару начну тебя мазью пачкать?» — «Нет, не стерпеть мне!» — говорит барин. «Как же быть? Не велишь связать тебя?» — «Пожалуй, свяжи». Мужик связал его бечевою, взял нагайку и давай валять на обе корки. Уж он валял-валял, а сам приговаривал: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» После, уходя, сказал: «Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и в третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу». Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака и двести рублей.

498

Жил-был купец; у него был сын. Вот однажды посылает он сына в 249.xx
нижние города товары закупать и на прощанье наказывает: «Смотри же, сынок, будь умен да рассудлив, с рыжим да с красным не связывайся!» Поехал купеческий сын в путь-дорогу. День-то был морозный; вот он прозяб и заехал в кабак обогреться; входит — за стойкою сидит рыжий целовальник. «Налей-ка мне,— говорит ему купеческий сын,— стакан доброй наливки». Выпил стакан наливки, и больно пришлась она ему по вкусу: «Вот наливка, так наливка! Сто рублев стоит! Налей-ка еще». Выпил в другой раз — еще лучше показалась: «Ну, брат, этот стакан двух сот стоит».— А целовальник себе на уме: какую цену сказывал купеческий сын, ту и на стенку записывал. Пришло дело до расчета. «Сколько тебе?» — спрашивает купеческий сын. «Триста рублев».— «Что ты, белены объелся? Экую цену заломил!» — «Не я заломил, ты же сам назначил, да теперь назад пятишься. Только, брат, от меня не отвертишься; коли не заплатишь — с двора не спущу!» Нечего делать, заплатил купеческий сын триста рублев, поехал дальше и думает сам с собою: «Вот она правда-то! Водись после того с рыжими да с красными! Недаром отец наказывал; родительское слово пустяшное не бывает».

На ту самую пору попадается навстречу рыжий мужик с возом. Как увидал его купеческий сын, тотчас выскочил из кибитки и сунулся ничком в снег, ажно дрожит с испугу! «Что с ним сталося? Не попритчилось ли?» — подумал встречный мужик, подошел к купеческому сыну и стал подымать его на ноги: «Вставай, брат!» — «Отвяжись от меня! Уж один рыжий надул меня, и ты надуешь».— «Полно, брат! Рыжий да красный всякий бывает: бывает плут, бывает и добрый человек. Да кто тебя обманул-то?» — «Так и так, рыжий целовальник из соседнего села».— «Воротись со мной; я с ним сделаюсь». Вот приехали они в кабак, мужик

тотчас окинул глазом всю избу, увидал: под матицей баранья лопатка висит, подошел к целовальнику, спросил рюмку водки, да тут же бьет его по плечу и говорит: «Продай-ка мне эту лопаточку!» — «Купи».— «Что возьмешь?» — «Рубль серебра». Мужик выкинул целковый; после вынул из-за пазухи широкий нож и дает купеческому сыну в руки: «На, брат, вырежь у него лопатку — мне на закуску».— «Что ты! — говорит целовальник.— Я тебе баранью лопатку продал, а не эту».— «Рассказывай! Меня, брат, не проведешь, как этого купеческого сына; не на таковского напал!» Целовальник просить да молить, чуть не в ноги кланяется. «Ну, так и быть! — сказал мужик.— Отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна». Целовальник отдал назад триста рублев; а мужик того и добивался. «Вот видишь,— говорит купеческому сыну,— рыжий да красный всякий бывает: бывает и плут, бывает и добрый человек. Поезжай теперь с богом!» А купеческий сын только и думает, как бы скорее убраться; сел в кибитку, погоняет лошадей и говорит сам с собой об мужике: «Слава богу, вырвался! Целовальник рыжий плутоват, а этот еще плутоватей; коли б с ним связался, кажись, он с меня с живого бы кожу снял!»

499

Жил-был бедный мужик; детей много, а добра — всего один гусь. Дол- 24°уу
го берег он этого гуся, да голод не тетка: до того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба».— «Ну что ж, с богом!» Приходит к барину: «Принес вашей милости гуська на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» — «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери — всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты,— говорит,— всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете — прочь улетите. А я,— говорит,— мужик глуп, мне глодать хлуп [1]!» Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял — зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» — спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов».— «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не разделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал

[1] Птичье туловище.

другого гуся двум сыновьям, а третьего — двум дочерям: «И вы теперь сам-третий!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец, так молодец! Сумел всем поровну разделить, и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон.

500

Повез бедный мужичок дрова продавать. Встречает его богатый да 249zz
чванный. «Эй, постой! Что на базар везешь?» — «Солому».— «Врешь, дурак! Какая солома — этой дрова!» — «Ну, коли сам видишь, так неча и спрашивать! У тебя глаза не вылезли!» Сказал бедный и поехал своей дорогой. На другой день идет богатый да чванный по улице с приятелем. «Так и так,— рассказывает ему,— разобидел меня бедный мужичишка!» А бедный как тут — едет опять навстречу. «Вот он — вчерашний мужик-то!» — говорит богатый. «Нет, врешь!— отвечает ему бедный.— Я не вчерашний: скоро сорок лет стукнет, как я живу на белом свете».

501

Шли проселком нищие — старик да старуха; стали подходить к дерев- 249aaa
не. Старик говорит: «Я здесь молока попрошу!» Старуха в ответ: «А я в молоко хлеба накрошу!» Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!» Пришли в деревню, а молока никто не́ дал.

502

Повезла баба в город кринку масла продавать; время-то шло к ма- 249bbb
сленой. Нагоняют ее два солдата: один позади остался, а другой вперед забежал и просит бабу: «Эй, тетка, подпояшь меня, пожалуйста». Баба слезла с воза и принялась подпоясывать. «Да покрепче подтяни!» Баба подтянула покрепче. «Нет, это туго; ослабь маленько». Отпустила послабже. «Уж это больно слабо будет: закрепи потуже». Пока завязывала баба пояс то крепче, то слабже, другой солдат успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову. «Ну, спасибо тебе, тетка! Подпоясала ты меня на всю масленицу»,— говорит солдат. «На здоровье, служба!» Приехала баба в город, хвать — а масла как не бывало!

503

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, 249ccc
божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь».— «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?»— «Где хошь, там и заночуешь».— «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» — «Да нечего, родимый!» — «Вари кашицу!» — «Да не из чего, родимый!» — «Давай

топор; я из топора сварю».— «Что за диво! — думает баба.— Дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашицу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашицу есть». Похлебали вдвоем кашицу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?»— «Да вишь, он еще не уварился,— отвечал солдат,— где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашицы поел и топор унес!

504

Купил мужик гуся к празднику и повесил в сенях. Проведали про то 249ddd
двое солдат; один взобрался на крышу гуся добывать, а другой вошел в избу. «Здорово, хозяин!» — «Здорово, служба!» — «Благослови колядовать!» — «Колядуй, добрый человек!» Солдат начал:

А в лесе, в лесе
Солдат на стреси [1];
Стреху продрал,
Гуся забрал.
Святой вечер!

А хозяину и невдогад, что солдат прямо в глаза ему смеется. «Спасибо тебе, служивый! Я,— говорит,— такой коляды отроду не слыхивал».— «Ничего, хозяин, завтра сам ее увидишь». Наутро полезла хозяйка за гусем, а гусем и не пахнет давно!

505

Дело было весною. Вынесли бабы холсты белить. «Ну, — говорят,— 249eee
теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не стибрил!» — «У меня все будет цело! — стала похваляться одна старушка.— Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!» Похвальные речи завсегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! Бывало, у людей кровь заговаривает, а у себя и соплей утереть не сможет. Вот разостлала она по́ полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат, и вздумали поживиться чужим добром. «Слушай, товарищ! — говорит один.— Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой лясы точить». Сказано — сделано. Подошел солдат к старухе: «Здравствуй, баушка!» — «Здорово, батюшка! Куда тебя господь несет?» — «Иду к начальству за тем, за сем, больше

[1] *Стреха* — крыша, кровля.

незачем».— «И-и, родимый, служба-то ваша куды мудрена!» — «А я, баушка, к тебе с запросом; вижу: ты — человек бывалый! Разреши-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно».— «Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!» — «То-то! Прозвони-ка, баушка, по-вашему».— «По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!» — «Не много разницы! У нас, баушка, звонят пореже». Тут солдат махнул своему товарищу рукою и зазвонил: «Тини-тини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст — и был таков! «Ну, служивый,— говорит старуха, а сама так и заливается со смеху,— звоны-то ваши куда чудны! Досыта насмеешься!» — «А вот ужо — так досыта наплачешься! Прощай, баушка!» — «С богом, родимый!» Вечером стали бабы холсты считать; у старухи нет одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась досыта: правду сказал солдат!

506

У мужика в сенях висел кусок сала. Один солдат взобрался на чердак; другой вошел в избу: «Здравствуй, бабушка! Скажи, пожалуйста, как у вас звонят?» — «Неужли ж ты не слыхивал?» — «Не доводилось, бабушка!» — «У нас звонят: тень-бом! тень-бом!» — «А у нас: тини-тини, по-тя-ги-вай, на сто-ро-ну по-глядывай!» — «Хорошо и этак!» — говорит баба. Ну, пока один звонил, другой (солдат) сало стащил. *240eee, вар.*

507

Пошел солдат в отпуск; шел-шел, много верст ногами измерил, и добрался к вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождем поливало, а тут изморозь пошла. Солдат крепко измочился и весь иззяб; остановился у одной избы, постучался в окно и просится ночевать! «Кто там?» — спрашивает хозяин. «Солдат».— «Откуда тебя черти принесли? Ступай туда, откуда пришел». Постучался солдат у другой и у третьей избы, всю деревню обошел — нигде не пускают; приходится на улице мерзнуть! Увидал он — на другом краю стоит еще избушка, пошел туда и говорит: «Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!» — «Пожалуй, пущу, только с тем уговором, чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки».— «Хорошо,— говорит солдат,— я стану сказывать, только чтоб никто мне не поперечил; а коли кто хоть едино слово промолвит, так уж не погневись — тому и сказки рассказывать до белого дня».— «Ладно, ладно, служивый!» Вот поужинали и улеглись на ночь: хозяин с солдатом на лавках, хозяйка на печке, а работник под печкою. «Ну,— сказал солдат,— теперь слушайте, начинается моя сказка: как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки! Как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки!» И пошел твердить одно и то же, разов сто уж повторил! Мужик слушал-слушал, разобиделся и не вытерпел: «Послушай, служивый! Ведь ты и меня заодно ругаешь, не я ль тебя в избу пустил?» Солдат вскочил с *249fff*

лавки, хлоп хозяина по уху: «Мое дело было сказывать, твое — слушать да молчать!» Пристал к нему вплотную; ничем не отвяжешься! «Полно, служивый!— говорит хозяин.— Ложись с богом. Я сам тебе стану сказку сказывать». Солдат улегся, а мужик начал: «Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу! Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разов сто повторил он эти речи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышит, что в избе все еще бормочут, и говорит: «Полно вам болтать, скоро свет, а вы всё не спите!» Мужик с солдатом вскочили и пристали к старухе: «Как ты смела перебить нашу сказку? Теперь сама рассказывай!» Нечего делать, начала старуха: «Какой,— говорит,— хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил! Какой хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!» Твердила, твердила; вот услыхал работник и отозвался под печкою: «Будет вам толковать; из пустого в порожнее переливать; добрые люди давно спят!» Тут все трое, и солдат и хозяин с хозяйкою, уцепились за работника: говори-де нам сказку! Работник начал: «Как не спали мы с вечера, так и не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти! Как не спали мы с вечера, так не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!» И говорил он эти речи до самого света. Поутру собрался солдат в дорогу: «Прощай, хозяин!» — «Ну те к бесу!»

508

Два солдата шли домой на побывку; шли, шли — дело-то было зи- *249ggg*
мою — и набрели на мерзлого человека. Один говорит: «Вот беда!» Другой ему: «Что за беда? Это бог клад дает!» Отрубил у мертвого ногу и положил ее в ранец со всем с сапогом. Пришли они в большое село, сговорились промежду себя и выпросились один у богатого мужика на ночь, другой — у его соседа. Тот, что ночевал у богатого мужика, собрался рано-рано, только светать начинало, подбросил на полати отрубленную ногу и ушел потихоньку. Погодя немного приходит его товарищ, стучится в избу и кричит: «Вставай! Солдату долго спать не приходится; пора в поход идти».— «Да его здесь нету,— говорит хозяйка,— видно спозаранку ушел».— «Вот те на, что выдумала, как же он про меня-то забыл?» Тотчас вошел солдат в избу, бросился на полати, искал-искал и нашел отрубленную ногу, вытащил ее. «А это что?» — говорит. Хозяин с хозяйкою перепугались: «Батюшка! Знать не знаем, ведать не ведаем; ни душою, ни телом не виноваты».— «Врете вы, воры! Польстились на солдатские деньги, да и зарезали: вот так-то вы нашего брата прохожего обираете да свои карманы набиваете — с того и богатеете! Да что с вами много разговаривать! Пойду к сотскому и заявлю; пускай это дело суд разбирает». Мужик чуть не в ноги кланяется солдату: «Служивый! Батюшка! Нельзя ли как помириться?» Принес ему штоф водки, потчует, а сам все упрашивает. Солдат как выпил, еще пуще зашумел. «Не погуби, родимый!— просит мужик.— Хочешь полсотни взять?» — «Как бы не так! С убитого ты, чай, целую тысячу заграбил; давай пятьсот, в убытке не будешь! Коли

дашь — все шито да крыто, а не дашь — на себя пеняй!» Нечего делать, заплатил ему мужик пятьсот рублев. «Давай еще на придачу лошадь с телегой». Мужик и на том не постоял. Вот солдат сел в повозку и поехал в путь-дорогу; нагнал своего товарища, что вперед-то ушел, и говорит: «Здорово, земляк! Не подвезти ли?» — «Что, как дело?» — «Да ведь я ж тебе говорил, что бог клад дает».

509

Сидели старик со старухою на печи. Старуха смотрит в окошечко на 249hhh
поле и говорит: «Что, старик, кабы был у нас сынок Иванушка, да была дочка Аленушка, вот бы сынок вспахал тут да посеял хлеба, хлеб-то бы вырос, а дочка сжала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою созвала бы, а твоих не позвала б!» —«Нет, моих позови, а своих не надо!» — говорит старик. «Нет, своих позову, а твоих не надо!» Старик вскочил и ну таскать старуху за косу; таскал-таскал и с печи столкнул.

Старик поехал в лес за дровами, а старуха бежать собралась; напекла пирогов да хлебов, уложила в большой мешок и пошла к соседке прощаться. Узнал как-то про это старик, воротился домой, повынул из мешка все, что баба на дорогу заготовила, отнес пироги да хлебы в клеть, а сам сел в мешок. Старуха пришла домой, подняла мешок на спину и ударилась в беги. Сделала верст пять или шесть, остановилась и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» А старик из мешка кричит: «Вижу-вижу, слышу-слышу!» — «Ах, проклятый, он, пожалуй, догонит!» — думает старуха и пустилась дальше. Опять верст шесть отошла и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» — «Вижу-вижу, слышу-слышу!» — кричит старик. Она опять бежать; много верст отсчитала и так-то приустала, не пивши, не евши, что и сил больше не хватает. «Чтó будет — не будет, остановлюся здесь,— думает старуха,— отдохну маленько да закушу». Глядь — а в мешке-то муж. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! Николи вперед не стану бегать». Старик ее простил, и пошли вместе домой.

510

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидал под кустом зайца, об- 249iii
радовался и говорит: «Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинушку, она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька, шибко людей на работу не туганьте [1], видно, сами бедно не живали!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал!

[1] Не понуждайте.

511

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки; захотелось к празднику гостей зазвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался: «Жена! — говорит он своей бабе.— Муки-то я украл, да боюсь — узнают, спросят: отколь ты взял такую белую муку?» — «Не кручинься, мой кормилец, я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных». 249kkk

512

«Куда, добрый человек, идешь?» — «Да вон в соседнюю деревню».— «Что ж, там родня у тебя?» — «Да из нашей деревни отдана туда девка замуж».— «Так зачем же ты идешь?» — «Да либо пива напиться, либо подраться». 249lll

513

Пришла в кабак баба и спрашивает о своем муже: «Не был ли здесь мой пьяница?» — «Был». — «Ах, подлец, ах, разбойник! На сколько он выпил?» — «На пятак».— «Ну так давай мне на гривну». 249 mmm

514

Выдали девку замуж; она сидит и воет: «Свет-то моя крашенина, у матушки на печи осталась!» — «Какая крашенина? Много ли аршин?» — «Да я в квасу хлеба накрошила густо-нáгусто, и с лучком и с маслицем!» 249nnn

515

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты, моя защита и оборона!»— «Как, я ощипана ворона? Ах ты, такая-сякая!» — и отколотил жену. «Что ты, глухой черт! — закричала баба.— Разбойник, обидчик этакой!» — «Вот давно бы так!» — сказал муж. 249ooo

516

Давно было. Не стало на селе попа. Согласились мужики избрать попа миром, выбрали и пошли к дяде Пахому. «Пахом,— говорят ему,— а Пахом! Будь ты у нас на селе попом». Пахом и стал попом, да то беда: ни службы не знает, ни петь, ни читать не умеет. Вот однажды собрались миряне в церковь, а в тот день был большой у бога праздник. Пахом выносит книгу и спрашивает: «Православные! Знаете ли вы эту книгу?» — «Знаем, батька, знаем. Еще покойный поп все, бывало, ее читал».— «Ну, коли знаете, нечего вам ее и читать». Выносит другую: «Православные! А эту книгу знаете?» — «Нет, батька, этой не знаем».— «Ну, так что ж вам ее и читать!» 249ppp

517

Повез мужик в город три четверти ржи продавать. Подъезжает к заставе. Обступили его мошенники: «Стой! Как тебя зовут?» — «Егором, родимые!» — «Эх, брат! Недавно у нас четыре Егора церковь обокрали; троих-то нашли, а четвертого всё ищут! Смотри ж, коли где тебя спросят: как зовут? — говори: без четверти Егор; а не то свяжут да в тюрьму посадят».— «Спасибо, родимые, спасибо, что научили!» Приехал мужик на подворье, хватился, а четверти ржи как не бывало! На заставе стащили. 249qqq

518

Жил-был мужик Иван да жена Арина. Послал он ее в поле рожь жать. 249rrr
Вот Арина пришла на полосу, выжала такое местечко, чтоб можно было одной улечься; улеглась, выспалась хорошохонько и отправилась домой, будто и впрямь потрудилась-поработала. «Что, жена,— спрашивает муж,— много ли сегодня выжала?» — «Слава тебе господи, одно местечко выжала».— «Ну, это хорошо! — думает мужик.— Одна полоса, значит, покончена». На другой день опять пошла Арина в поле, выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день — то же самое, и на четвертый — то же самое; так всю неделю и проволочила. Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать; приезжает — а рожь стоит вся нежатая; кое-где, кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечься. Стал жену искать и видит: лежит она на одном местечке да так-то храпит! Мужик сейчас домой, захватил ножницы, патоки и пуху; воротился на жниву, остриг свою бабу наголо, вымазал ей голову патокой и осыпал пухом; сделал все это и воротился на деревню. Вот Арина спала-спала, да, наконец, и проснулась; хватилась рукой за голову и говорит сама себе: «Чтой-то попритчилось! Кажись, я — Арина, а голова не моя! Пойду домой: коли собака залает, так я, значит,— не Арина». Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком: «Что, ваша Арина дома?» Муж смекнул и говорит ей: «Дома!» Тут вылезла из-под ворот собака, не признала хозяйки и бросилась на нее словно на чужую; так за полы и хватает. Арина бегом да бегом, как бы только живой от своего дома уйти! И пошла она бродить по́ полю; целые сутки ничего не пила, не ела. После того мужик сжалился, простил ее, и с той поры стала Арина жать бесхитростно.

519

Доселева одинокий был Мартынко, задумал жениться и пошел сва- 249sss
таться к попу; вот и сватает девку Устинью. Поп ему и бает: «Ой, Мартынко, отдал бы, да как станешь жить-то? Ведь Устя уросливая [1] такая!» Мартынко отвечает ему: «Батюшка! Я один, а с ней будем двое, не на кого будет сердиться, не с кем будет браниться». Поп согласился отдать

[1] Капризная.

Устю за Мартынка. Вот они и свенчались. Мартынко увез Устю к себе домой; она спрашивает: «Коли ты осердишься, что делаешь?» Он сказал: «Когда осержусь, с воды пьян бываю!» Потом спросил Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что делаешь?» — «Коли я сердита, тогда стану сидеть на печи к углу лицом и у кокошника козырек назад сделаю». На другой день утром уехал наш Мартынко на своей пегой кобыле пахать под вешну[2]. Устя после его настряпала шанег[3], понесла к нему, кричит: «Мужик, иди есть!» Он как будто не слышит, пашет себе. Устя рассердилась, ушла домой, стряпню свою съела и села на печь к углу лицом. Мартынко как приехал домой, выпил два ковша воды, взял ягненка и порвал; начал полезать на печь к жене, оборвался, пал к дверям избы на пол и захрапел. Жена тихонько слезла с печи, дверей отпереть не посмела, в окошко дров натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Он проснулся, она его напотчевала и созвала в гости к отцу. Вот Мартынко запряг свою пегую кобылу в сани — нужды нет, что весной! Поехали; дорогою кобыла-то у них не пошла, Мартынко отсек ей голову и запряг свою Устю. Подъезжает к дому тестя: увидела попадья с дочерьми, что Устя Мартынка везет, выскочила встречать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляют Усте; а поп благодарит Мартынка, что так учит уросливых. Пришли в избу, Устя заказывает своим, чтобы воды нигде не было, а поили бы вином да пивом; сказывала: когда Мартынко воды напьется — беда сердит! На другой день как-то одна стряпка оставила в сенях ведро с водою; он и напился воды, задурел как пьяный, приказывает Усте запрягаться, а она дрожит да все попа просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартынко уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя поди-кось какая послушная стала!

520

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистый! Как 249ttt
сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох посматривает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и полезут вон из-за стола голодные. А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек. Вот однова́ отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра: «Такой-де лютый, ненавистный! Жить нельзя! Совсем есть не дает, все ругается: ненаеды вы этакие!» — «Хорошо,— говорит ей отец,— я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки». И погодя денек-другой пришел он к старику вечером. «Здорово, сват!» — «Здорово!» — «Я к тебе в гости; рад ли мне?» — «Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!» — «Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?» — «Ништо, живет себе!» — «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет». Сели за стол; старик нарезал хлеба, сам не ест — сидит,

[2] Под яровую.
[3] Ватрушек, сдобных хлебов.

8 Заказ № 207

все на снох глядит. «Эх, сват! — говорит гость.— Это не по-нашему; у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал — и то поел. Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!» После ужина стали спать укладываться. «Ты, сват, где ляжешь?» — спрашивает хозяин. «Я лягу на кутничке».— «Что ты! Я тут завсегда сплю»,— говорит старик; вишь, в куте́ у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе, он украдкою встанет и наестся вдоволь. Сват это дело заприметил. «Как хочешь,— говорит,— а я лягу на кутничке». Вот улеглися все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в залавок — скрип! А гость еще с вечера припас про него большой ремённый кнут; как вытянет свата раз, другой, третий — сам бьет да приговаривает: «Брысь, окаянная, брысь!» Пришлось старику не евши спать. Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил на́долго себя помнить. Проводил его старик, и с тех пор полно — перестал у снох во рту куски считать.

521

Послала хохлушка в город мужа — продавать кадку масла да купить очипок[1], и накрепко ему наказала по сторонам не зевать, а смотреть, чтобы не стащил кто кадки. Приехал хохол на базар, поставил свою кадку и уселся на ней. «Что, хохол, продаешь?» — «Масличко».— «Покажи».— «Ни, вкрадешь!» И это говорил он всякому, кто только хотел торговать у него масло. Так без толку и просидел на базаре до самого вечера; а тут пришли два солдата. «Знаешь что, хохол? — сказал ему один,— ведь с вашего брата набор, тебя, пожалуй, в солдаты возьмут. Не хочешь ли помериться? Может, ты и не годишься...» Хохол встал и пошел в меру становиться; солдат примерил его и говорит: «Ну, счастлив твой бог! Ты, брат, не годен». А тем временем другой солдат уж успел стащить у него кадку с маслом. Приходит хохол назад, смотрит — масло украдено; потужил он, потужил и поехал домой. Только в двери, а жена спрашивает: «Що, человиче, купив очипок?» — «Ни».— «А масличко продав?»—«Ни».— «Сгубив?»—«Ни».— «Вкрали?» — «Ни».— «Де ж воно?» — «Ге! Усе утро стояв — не вкрали, повдень стояв — не вкрали, та насилу-насилу вже к вичеру вкрали!» 249иии

522

Шел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!» — «Ну что ж, садись за стол, гость будешь!» Солдат снял тесак да ранец, помолился образам и уселся за стол; а хозяин налил стакан горького и говорит: «Отгадай, служба, загадку — стакан вина поднесу; не отгадаешь — оплеуха тебе!» — «Изволь, сказывай загадку».— «А что значит *чистота?*» Солдат подумал-подумал и вымолвил: «Хлеб чист, значит он и чистота». Мужик хлоп его по щеке. «Что ж ты дерешься? Нас бьют да вину ска- 249и и ю

[1] Головной убор.

зывают».— «Чистота, брат, кошка: завсегда умывается! А что значит *благодать?*» Солдат опять подумал-подумал и говорит: «Знамое дело, хлеб — благодать!» Мужик хлоп его в другой раз: «Врешь, брат, служба! Благодать — вода. Ну, вот тебе последняя загадка: что такое *красота?*» Солдат опять свое: «Хлеб,— говорит,— красота!» — «Врешь, служба; красота — огонь; вот тебе и еще оплеуха! Теперь полно, давай ужинать». Солдат ест да про себя думает: «Сроду таких оплеух не видал, и на службе царской того не было; постой же, я тебе и сам удружу; будешь меня помнить!»

Поужинали и легли спать. Солдат выждал ни много, ни мало времечка; видит, что хозяева заснули, слез с полатей, поймал кошку, навязал ей на хвост пакли, паклю-то зажег да кошку на чердак погнал: бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому; вмиг загорелась изба, и пошло драть! Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать. «Что ты, служивый?» — «Прощай, хозяин! Иду в поход».— «Ступай с богом!» — «Да вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати! Отгадывай!» — сказал солдат и пошел со двора. Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок. «Воды! Воды!» — кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгинуло. «Ну, правду солдат загадал: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати!» Отольются кошке мышиные слезки!

523

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы[1]. Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка, покажи-ка мне образ Временной Пятницы!» Вместо того показывает он ей Егория Храброго. «Дядюшка! Да отчего же она, матушка, на коне?»— Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь, конь-то так копытища и задирает!» 21)xxx

524

Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш: «Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!» 249yyy

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал стращать: «Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!»

После того баба ставила по свечке и Егорию и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает? «Да как же, родимые! ведь незнамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!»

[1] «Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится в пятое» («Русские простонародные праздники» И. Снегирева, I, 188).

525

Орал мужик в поле, выорал самоцветный камень. Идет домой, а навстречу ему сосед, такой стародревний. Показал ему камень: «Кому гож?» — «Неси,— говорит,— к царю». Понес; приходит во дворец и повстречал генерала. Поклонился ему до земли: «Батюшка! Доведи до царя».— «Зачем тебе нужно?» — «Несу из деревни подарок».— «Ну, мужичок, чем царь тебя наградит, отдай мне половину; а не хочешь — вовек не дойти тебе до царя». Мужик согласился. Вот генерал довел его до самого царя. «Благодарю, мужичок! — говорит царь.— Вот тебе в награду за то две тысячи рублей». Мужик пал на колени: «Не надо мне, царь-государь иной награды, кроме пятидесяти стежей в спину». Возжалел его царь и приказал дать ему пятьдесят стежей легонько. А мужик зачал считать; как дали двадцать пять, он и закричал: «Полно, будет с меня; другая половина посулена тому, что довел меня до вашего царского величества». Ну, того позвали и сполна отсчитали половину награды, как следовало; только он не рад был такой награде! Царь поблагодарил мужичка и подарил ему целых три тысячи. *249s, прим.*

526

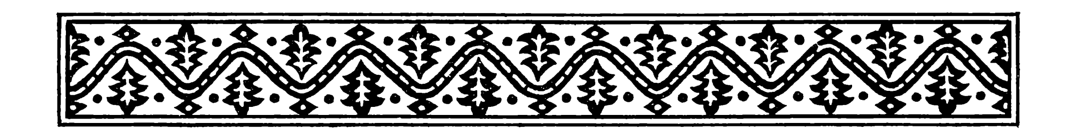
В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил с своей руки именной перстень. Тотчас же приказал он публиковать в газетах: кто найдет и доставит к нему перстень, тому будет большая награда деньгами. И посчастливилось найти тот перстень одному простому солдату. «Как теперь быть? — думает солдат.— Коли в полку объявить, то дело пойдет по начальству — от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальонного командира к полковнику, а тот к бригадному: этак не скоро конца дождешься! Дай-ка я лучше пойду прямо к королю». Приходит во дворец; увидал его дежурный. «Ты зачем?» — «Я,— говорит,— королевский перстень нашел».— «Хорошо, братец! Я об тебе доложу королю, только с тем уговором: какую тебе даст король награду, из той награды половину мне». Солдат задумался: «Вот в кои-то веки счастье попалось, да и тем поделись! — Хорошо,— говорит дежурному,— только дайте расписку, что вам половина и мне половина». Дежурный дал расписку и доложил про него королю. Король похвалил солдата за находку: «Спасибо тебе, молодец! Я тебе пожалую за это две тысячи!» — «Нет, ваше королевское величество, это не солдатская награда; солдатская награда — двести палок».— «Дурак же ты!» — сказал король и велел принести палок. Стал солдат раздеваться, расстегнул пуговицы, и выпала у него расписка. «Это что за бумага?» — спросил король. «А это, государь, расписка, что из теперешней награды только половина моя, а другая следует дежурному». Король засмеялся, позвал дежурного и велел отсчитать ему сто палок. Вот по тому приказу и принялись угощать его палками; как скоро начали отсчитывать последний десяток, солдат подошел к королю и сказал: «Ваше величество, когда он такой жадный, что ему много надобно, то я, так и быть, жертвую ему и свою полови- *248s, прим.*

ну».— «Вишь какой добрый!» — сказал король и велел дать дежурному и другую сотню. С той награды дежурный еле на карачках домой дополз; а солдата отпустил король в чистую отставку и при отпуске пожаловал ему на житье-бытье три тысячи рублей.

527

Был в одной помещичьей деревне управляющий-немец, праздников наших не почитал и завсегда заставлял мужиков работать. Приходит к нему однажды староста и говорит: «Завтра у нас праздник, работать нельзя».— «Какой там праздник выдумал?» — «Да святого Николы, батюшка!»— «А где он? Покажь мне его!» Староста принес образ. «Ну, это доска! — говорит немец.— Мне она ничего не сделает, и сам буду работать, и вы не ленитесь». Вот мужики и придумали сыграть с немцем шутку; опять приходит к нему староста: «У нас, батюшка, завтра праздник».— «Какой праздник?»— «Да преподобного шерстня».— «А где он? Покажь!» Староста привел его к старому дуплу, где шерстни водились: «Вот он!» Немец стал заглядывать в щели, а шерстни так и гудят! «Ишь,— говорит немец,— как песни-то распевает! Али водочки хлебнул? Ну, да я его не боюсь, все-таки прикажу работать». Пока немец рассуждал, шерстни вылетели и давай его жалить. «Ай-ай! — закричал он во всю мочь.— Право слово — не велю работать, и сам не стану; пускай мужики хоть всю неделю гуляют». *248, прим.*

528—532
ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

528

Жили-были два братца, два братца — кулик да журавль. Накосили 250a
они стожок сенца́, поставили среди польца́. Не сказать ли сказку опять с конца?

529

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец[1], тут 250b
и сказке конец.

530

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; 250c
не сказать ли с начала?

531

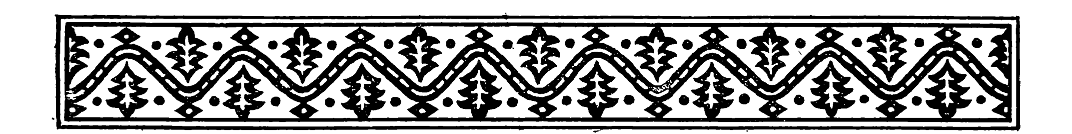
«Сказать ли тебе сказку про белого бычка?» — «Скажи».— «Ты ска- 250d
жи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?» — «Скажи».— «Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да докуль это будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?» [1]

532

«Рассказать ли тебе докучную сказочку?» — «Расскажи».— «Ты гово- 250d,
ришь: расскажи, я говорю: расскажи; рассказать ли тебе докучную ска- сар.
зочку?» — «Не надо».— «Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; рассказать ли тебе докучную сказочку?» — и т. д.

[1] Рыба.

[1] И так далее, пока не наскучит одному спрашивать, а другому отвечать.

533—553

ПРИБАУТКИ

533

«Государь ты наш Сидор Карпович, много ли тебе от роду лет?» — 251a
«Семьдесят, бабушка, семьдесят, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ты умирать будешь?» — «В среду, бабушка, в среду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ж тебя хоронить будут?» — «В пятницу, бабушка, в пятницу, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем тебя поминать будут?» — «Блинами, бабушка, блинами, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, во что после тебя позвонить будет?» — «В сковороду, бабушка, в сковороду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, много ли у тебя детушек?» — «Семеро, бабушка, семеро, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем после тебя поить-кормить будет?» — «По миру, бабушка, по миру, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — зима студена!» — «В лапотках, бабушка, в лапотках, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — собаки съедят!» — «С палочкой, бабушка, с палочкой, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — не во что милостыню класть!» — «В сумочку, бабушка, в сумочку, Пахомовна!»

534

«Куда, миленький, снаряжаешься?» — «Не скажу».— «Скажи, мой до- 251b
рогой, куда снаряжаешься?» — «В город на ярманку».— «Миленький, возьми меня с собой!» — «Не возьму».— «Возьми, мой дорогой, меня с собой».— «Садись на самый краешек».— «Что у тебя, миленький, в возу?» — «Не скажу».— «Что, мой дорогой, в возу?» — «Яблоки».— «Дай мне, миленький, яблочко».— «Не дам».— «Дай, дорогой, яблочко».— «Возьми одно».— «Где мы, миленький, ночуем с тобой?» — «Не скажу».— «Скажи мой дорогой, где ночуем с тобой?» — «В большой деревне, у попа в пелевне [1]».

[1] *Пелевня* — сарай для соломы, пуня.

535

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» — «Коней пасла».— 251c
«А кони-то где?» — «Николка увел».— «А Николка-то где?» — «В клеть ушел».— «А клеть-то где?» — «Водой унесло».— «А вода-то где?» — «Быки выпили».— «А быки-то где?» — «В гору ушли».— «А гора-то где?» — «Черви сточили».— «А черви-то где?» — «Гуси выклевали».— «А гуси-то где?» — «В вересняк[1] ушли».— «А вересняк-то где?» — «Девки выломали».— А девки-то где?» — «Замуж выскакали».— «А мужья-то где?» — «Все примерли».

536

«Галка-копалка, ты куды, галка, летала?» — «На дедину полянку».— 251d
«Чего делают на дединой полянке?» — «Грамоту пишут, на девицу здышут»[1].— «Девица, девица, сходи за водицей!» — «Рака боюся!» — «Рак на болоте, рубахи колотит, в цветном платье; трои сани с козырями, трои с вычурами».

537

Гуси-лебеди летели, в чисто поле залетели, в поле банюшку доспели. 251e
Воробей дрова колол, таракан баню топил, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася[1]; бела гнида подхватила, на рогожку повалила; сера блошка подскочила, ножку подломила, в передбанок вошку выносила...

538

Кот на печи сухари толчет, кошка в окошке ширинку[1] шьет, свинья 251f
в огороде овес толчет, курочка в сапожках избушку метет; вымела избушку, положила голичок под порожичок.

539

Ходит курочка в сапожках, выронила перышко, из перышка-то ядрыш- 251g
ко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановом селе-то собачка на лычке потявкивает, медведь на цепочке порывается, господин на печке обувается, госпожа за печкой оладьи печет, сухари толчет.

540

Слеталися птицы стадами, садилися малыми рядами, пели они — вос- 251h
певали, жалобно причитали: кто у нас на море бо́льшим? Кто на синем-то меньше? На море орел царем, на море орлица царица, его голубушка

[1] Можжевельник.
[1] По девице вздыхают.
[1] Устала.
[1] Платок.

перепелка, русский гусь торговый, сера утка попадья, воробышек дьячок, малые чирята крылошане, дикие гуси дворяне, на море филин водовозом, на море журавль перевозом: то-то ли долгие ноги, то-то ли короткое платье! Журавль по бережку ходит, людей перевозит, цветно платье не мочит; галочки черноваты, малиновки штуковаты[1], синички молодицы, касаточки красны девицы; малая птица синица сенушко косить не смогает, по корму скотинушку пускает; жаворон[2] воспевает, слышит весну красну, слышит лето тепло: стала мать-рожь на колос метаться, скотинушка в лес убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, летом ворона по суслонам[3], зимой ворона по дороге, каждого следу перегребает, каждого братом называет; сорока-то гостиная жена, хочет щепотко[4] ходити, с денежки на денежку ступать, рублем ворота отпирать, полтиною замечать, без калача исть не сядет, без водки не изопьет.

541

Лежит зайка под кустом; охотники за ним взорят, зверя малого ловят. *251i*
Скочил зайка на ноги: «Вы, охотнички, идите — на мой хвостик посмотрите!»

«Заинька серенький, где ты был-спобывал?» — «Был я, побывал в огороде-ельничке, в амбарчике-спальничке».— «Кого видел-сповидал?» — «Видел я, повидал три девчины хороши, три любчины пригожи; Анюшенька черноброва, черноглаза лучше всех».— «Заинька серенький, они звали ли тебя?» — «Звали-звали, позывали: Катюша на часок, Марьюша на денек; Анюшенька уда́ла на недельку позвала».— «Заинька серенький, кормили ли тебя?» — «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Анюшенька уда́ла кашу с маслом поднесла».— «Заинька серенький, поили ли тебя?» — «Катюшка-то пивцом, Марьюша-то винцом; Анюшенька уда́ла стакан меду налила».— «Заинька серенький. положили ли тебя?» — «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Анюшенька уда́ла подушечку подала».— «Заинька серенький, не били ли тебя?» — «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Анюшенька уда́ла за ушеньки подрала».— «Заинька серенький, провожали ли тебя?» — «Катюша-то на сенец, а Марьюша на крылец; Анюшенька уда́ла за ворота провела».

542

Тень-потетень, выше города плетень; на поли́це трубица гороховая, *251k*
на печи калачи, как огонь горячи, с печки упали, в горшочек попали. Кушайте, бояре, пова́рных щей. Тетка-божатка[1], сошей-ка рубашку, тоне́ньку, беле́ньку, косой вороток. Поеду я жениться, на сивке, на бурке, на соловой кобылке. Кобылка, кобылка, не сдерни овина; в овине Арина

[1] Хитры.
[2] Жаворонок.
[3] *Суслон* — несколько снопов, складенных в кучу.
[4] Чисто. бсгато.
[1] Крестная мать.

ткет полотно, перетыки-то[2] кладет, да недотыкивает. Шапка-татарка поехала по лавкам; бей в доску́ да поминай Москву. Как на Вологде вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка, для ча долго не жила? Я боялась типуна. А типун-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дети хотят улетети за Иванов город. Они по грамотке пишут, на девицу дышут. Девица, девица, поди по водицу! На дороге-то волки горох молотили, поповы ребята попу-то сказали, попадья-то с печи обломала плечи. Сём-пересём на лопатке испечен; мужик песню спел, на капустник сел, съел три короба блинов, три костра пирогов, заулок рогулек, заход калачей, маки́нницу сул́ою[3], овин киселя, поваренку щей!

543

Ну-тка, дядюшка Корнило, запрягай-ка ты кобылу, у Макарья на 251l
песку приразмычь горе-тоску: стоит бражка в туеску[1], бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражку порняй[2] выпивай!..

544

Пошел полковник погулять, поймал птичку-перепелочку; птичка пере- 251m
пелочка пить похотела, поднялась-полетела, пала-пропала, под лед попала, попа поймала, попа-поповича, Петра Петровича.

545

Однажды говорила о себе репа: «Я, репа, с медом хороша!» — «Поди 251n
прочь, хвастунья! — отвечал ей мед.— Я и без тебя хорош».

546

Была репа важная, дивилась старуха кажная; одним-днем кругом не 251o
обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину другую неделю; корку навалили да кобылу надсадили и телегу обломили. Вот какая была мудрость недавно утресь[1]!

547

Стоит град пуст, а во граде куст; в кусте сидит старец да варит из- 251p
варец; и прибежал к нему косой заяц и просит изварец. И приказал старец безногому бежать, а безрукому хватать, а голому в пазуху класть.

[2] *Перетыки* — особенного рода нить, затканная в полотно.

[3] *Сулóй* — мутный квас и густое сусло, из которого варят ржаной кисель.

[1] *Туес* — берестяный бурак.

[2] *Порно* — крепко, скоро, прытко.

[1] Утром.

548

Теща про зятя пирог пекла, творила[1] да вмесила три осьмины муки, 251q
соли да крупы на четыре рубли, масла да яиц на́ восемь рублей, окорок свиной да поросенок годовой. Этого пирожка семерым не снесть, а хоть семеро подымут, так десятком не съесть. А зятек сел, в присядку[2] все съел. Теща по полу похаживает, ско́са на зятя поглядывает: «Милый зять, не одуло ли тебя?» — «Ласкова теща, не прибавишь ли еще хоть сито блинов, решето пирогов?» — «Что тебя, зятюшка, не ро́зорвало?» Вот зять идет дорогой, а брюшина стороной; навстречу ему прохожий — спрашивает: «Что это за диво? Где я ни бывал, нигде не видал!» — «Какое это диво — зятева брюшина!»

549

«Бабушка Арина, куда ты ходила?» — «В новую деревню».— «Ну что 251r
в новой деревне?» — «Утка в юбке, селезень в кафтане, корова в рогоже — нет ее дороже». Это присказка, сказка будет впереди. Кудель, кудель, куда ты летела, на кусточек села, на кусточек села — соловьем запела? У нас не так, как у вас: и кудель поет соловьем!

550

Наташка, Наташка, сладенька кулажка[1], сладка медовая, в печи не 251s
бывала, жару не видала. Заиграли утки в дудки, журавли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

551

Меж долами, меж горами сидит баба с пирогами, недорого продает, 251t
все по денежке пирог. Она век-от свой торгует, ходит босиком: чулки новы, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базар везти.

552

Курошинским-то ребятам ныне по́жилось, прибогатилось; они с торгу 251u
муку брали, муку на́ солод меняли, часто пивушко варили, бражку пьяненькую, бражку хмельненькую. Они пили пировали, сами все проистощали, кошелечки нашивали и пестери наплели, по дворам побрели.

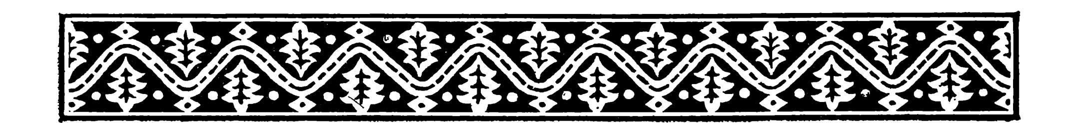
553

Не белая березонька в поле шатается, шелудивый с плешивым счи- 251w
тается: «Хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

[1] Существительное «творило» от глагола *творить* — разводить муку на теплой воде.

[2] За присест.

[1] *Кала́га* — солод ржаной, смешанный с ржаною же мукою и сваренный в печке.

554—579
СКАЗКИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АФАНАСЬЕВА

554. КАЗКА ПРО КОЗЛА И БАРАНА

Був собі чоловік та жінка; мали вони козла й барана. «Ох, жінко! — каже чоловік. — Проженемо [1] ми цього барана і козла, а то вже вони у нас дурно хліб їдять. А вбирайсь, козел і баран, собі з богом, шоб ви не були у мене і в дворі!» Пошили вони собі торбу, та й пішли. Ідуть та ідуть. Посеред поля лежить вовча голова. От баран дужий, та не сміливий, а козел сміливий, та не дужий. «Бери, баране, голову, бо ти дужий». — «Ох, бери ти, козле, бо ти сміливий». Узяли вдвох і вкинули в торбу. Ідуть та ідуть — коли горить вогонь. «Ходимо й ми туди! Там переночуємо, щоб нас вовки не з'їли». Приходять туда, аж то вовки кашу варять: «А, здорові, молодці!» — «А, драстуйте, братці, драстуйте, ще каша не кипить, мясо буде з вас». От тут баран уже злякавсь [2], а козел давно уж злякавсь. Козел і одумавсь: «А подай лишень [3], баране, отую вовчу голову!» От баран і приніс. «Та не цю, а подай більшу!» — каже козел. Баран знов цупить [4] ту ж саму. «Та подай ще більшу!»

От тут уже вовки злякались; стали вони думати-гадати, як би відціля удрати. «Славная, братці, кумпанія і каша гарна кипить, та нічим долить; піду я пó воду». Як пішов вовк пó воду: «Хай вам абищо з вашою кумпанією!» Як зачав другий того дожидати, став думати-гадати, як би й собі видтіля удрати: «Е, вражий син! Пішов та й сидить, нічим каши долить. Ось візьму я ломаку та прижену його, як собаку!» Як побіг, так і той не вернувся. А третій сидів, сидів: «Ось піду лишень я, так я їх прижену!» Як побіг, так і той рад, що втік. «Ох, нум [5], брате, скорійше хвататься, щоб нам оцю кашку поїсти та з куреня убраться!» От як одумавсь вовк: «Е, щоб нам троїм та козла і барана боятся! Ось ходім ми їх поїмо, вражих синів». Прийшли, аж тії добре шатались, уже з куреня убрались; як побігли, та й на дуба зібрались. Стали вовки думати-гадати, як би козла та барана нагнати. Як стали йти, і найшли їх на дубі. Козел сміліший, ізліз на самий верх, а баран не сміливий — так нижче. «Ох, лягай, — кажуть вовки ковтуноватому [6] вовкові, — ти старший! Та й ворожи, чи не побачимо їх». Як ліг вовк до-гори і зачав ворожити. Баран сидить на гіллі [7] та так дрижить: як упаде, та на вовка. Козел сміливий не став зівати, а як закричить: «Подай мені ворожбита!» Вовки як схватились та насилу відтіля убрались.

[1] Прогоним.
[2] Испугался.
[3] *Лишень* — усилительная частица (*ка, же*).
[4] Тянет, тащит.
[5] Станем.
[6] С шерстью, сбившейся от грязи в комья.
[7] На ветке.

555. КАЗКА ПРО КРАВЦЯ І ВОВКА

Як був у попа кравець [1] і пішов на село робити, а в той час безщасному вовкові не послав біг корму. Він зліз на гору да й просе бога: «Дай, господи, їсти, а то вмру!» — «Ох, іди ж, — каже, — вовче! Шо нападеш попове, то й їсти тобі готове». От іде вовк — ходе кобила: «Здорова була, кобило, а чия ти єсть?» — «Ох, вовче, я попова». — «Ти ж мені їсти готова!» — «Ох, подивися ж, — каже, — вовче! Я була в городі, принесла бумаги». Став вовк дивиться в бумаги, кобила як стрибнула! Оглянулась, так і вовка не вздріла. От іде вовк та й думає: «Який я дурень єсть! Чи я пан, чи я письменний, шо ще мені в бумаги дивиться?» Іде вовк, аж ходить баран: «Здоров був, баране! А чий ти єсть?» — «Поповий». — «Ти ж мені їсти готовий!» — «Ой, стань же ти, вовче, в долині, а я піду на гору; роззяв ріт, так я сам тобі влечу». Як розігнавсь баран, як дав йому в лоб, дак трохи не заснув вовк. От іде вовк та й думає: «Який я дурень! Чи я пан, чи шо, шо ще захотів легкого хліба?» Стрів вовк свúні: «Здорові були, свúні! А чії ви єсть?» — «Попові!» — «Ви ж мені їсти готові!» — «Ох, вовче-братику! Зволь же нам хоть пісню заспівать». Поти свині вовка манили, пока люди взгляділи вовка да й прогнали.

От іде вовк і стрічає кравця: «Здоров, був, кравче! А чий ти єсть?» — «Поповий!» — «Ти ж мені їсти готовий!» — «Ох, вовче-братику! Дозволь же мені хоч умиться на последній дорозі, от дай же ще й хвоста втертись». От кравець у хвіст руки як умотав, як одпустив три аршини, так вовк там трохи й не гигнув...[2] От кравець як одумавсь; як побіг, та на дуба і сховавсь. Став вовк думати-гадати, як би того кравця здогнати; зібрав собі молодців і підійшов як раз під того дуба. «Онде, братці, сидить кравець на дубі. Ох, нумте, братці, як би його достати...» От ліг безхвостий на споді, а ті всі на його зверху; от уже одному вовку стати і кравця достати. Той кравець каже: «Понюхаю хоч на послідній дорозі табаки!» Понюхавши: ахчи! А вовк думав, шо кричить: «Аршин!» Як пирсне відтіля, як посиплються вовки, як вхопили того вовкà, розірвали — і пропав бідний!

556. ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Пришел Лещ на Ерша подал челобитну, а в челобитной пишет тако: «Господам моим от рыб великому Осетру и Белуге и Белой рыбице. Бьем челом на лихого Ерша, что он владеет насильством нашими вотчинами. Собою он мал, а щетины у него как острые рогатины, и где он ни попросится ночевать и кто его не ведаючи пустит,— и он хочет хозяина вон выжить. А мы хотим быть оправлены вами, праведными судиями». Судья спросил Леща: «Чем, Лещ, Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его истинною правдою; да есть у меня рыбы добры, зовут их Сиг и Ладога, на них я шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на

[1] Портной.
[2] Чуть не умер, не успев крикнуть.

Сига и на Ладогу?» Ерш сказал: «Сиг и Ладога рыбы велики, а мы рыбы малые; а се они с Лещом хлеб-соль водят вместе, и они правды не скажут». Судьи спросили Леща: «Еще чем Ерша уличаешь?» Лещ сказал: «Уличаю я его общею правдою, да есть у меня еще рыба добрая, зовут ее Сельдь переславская; на ту я еще шлюся». Судьи спросили Ерша: «Шлешься ли ты на общую правду — Сельдь?» Ерш сказал: «То общая правда; на ту и я шлюся».

Судьи послали по Сельдь пристава Окуня. Окунь пошел, взял в понятые Сома, и Сом с большим усом сказал, что-де я в понятые не гожусь, имею брюхо велико, ходить не могу, глазами вдоль не вижу. И Окунь отпустил Сома и взял в понятые Язя, и поставили Сельдь перед судьями. Судьи спросили Сельдь: «Чье Ростовское озеро, исстари ли Ершово? и знают ли Ерша на Москве все богатые, покупают ли его для похмелья дорогою ценою и с похмелья им оправляются?» Сельдь переславская сказала, что Ростовское озеро исстари Лещево, а тот-де Ерш где ни попросится ночевать, кто его не ведаючи пустит, — и он хочет хозяина выжить, а знают его все богатые, у кого одна полушка есть, — и на ту ершов много купит: столько не съедят, сколько расплюют его! Судии приговорили: истца Леща оправить, а ответчика Ерша обвинить, и в соль осолить, и против солнышка повесить. И как Ерш сие услышал, вильнул хвостом, ушел в хворост: только Ерша и видели! И всему тому конец.

Послали миром Першу заложить вершу; пришел Богдан, Ерша бог дал; пришел Устин, опять Ерша упустил; пришел Иван, опять Ерша поймал; пришел Потап, стал Ерша топтать; пришел Давид, стал Ерша давить; пришел сусед, бросил Ерша в сусек; пришел Лазарь, по Ерша слазил; пришел Назар, понес Ерша на базар: недорог! Пришел Константин, дает за Ерша шесть алтын: уступи, Назар! Пришел Мартын, дает Константину барыша алтын; пришел Анос и даром Ерша унес; пришел Копрон, сустиг на коне; пришел Павел, котел поставил; пришел Ерема, принес дров беремя; пришел Селиван, воды в котел наливал; пришел Обросим, Ерша в котел бросил: пусть попреет, к ужину поспеет! Пришел Перша, посыпал перцу; пришел Лука, покрошил луку; пришел Савва, положил полтора пуда коровьего сала; пришел Глеб, принес хлеб; пришел Пахом, хлеба напахал; пришел Логин, принес ложек; пришел Вавила, поднял Ерша на вила; пришел Филипп, стал Ерша пилить; пришел Демид, стал Ерша делить; пришел Мина, мякнул Демида в рыло; пришел Тит, только походя бз..; пришел Андрей, Тита по плеши огрел; пришел Яков один Ерша смякал, сам убежал, только ножки показал! Пришел Елизар, только котла полизал, а Ерша и в глаза не видал; пришел Данила да сестра его Ненила, только по Ерше голосом повыли и конец ему сотворили.

557. ДЕВУШКА И МЕДВЕДЬ

Было три сестры, младшая — дурочка. Летом собирали они в лесу ягоды; старшая сестра заблудилась, шла, шла и пришла к хатке на куриной лапке. Вошла в хатку и стала сестер закликать: «Кто в лесу, кто в

бору, приди ко мне ночевать!» — «Я в лесу, я в бору, приду к тебе ночевать,— отвечал огромный медведь, входя в дверь,— не бойся меня, влезь в правое мое ушко, вылезь в левое — у нас всего будет!» Де́вица влезла медведю в правое ухо, вылезла в левое и нашла у себя за пазухой ключи. «Теперь приготовь ужин!» Она приготовила ужин. Сели за стол; мышь подбегает и просит у де́вицы кашки. «Кто с тобой разговаривает?» — спрашивает медведь. «Мышка каши просит».— «Ударь ее по лбу!» Она ударила. «Теперь стели мне постель — ряд поленьев да ряд каменьев, ступу в головы, а жерновом накрыться». Постель приготовлена; медведь лег, а де́вице велел целую ночь бегать по комнате да звенеть ключами. Она бегает, ключами побрякивает, а медведь лежал, лежал и бросил в нее жернов. «Жива еще!» — закричала мышка; медведь бросил ступу. «Жива еще!» — опять отозвалась мышка, и вслед за ступой полетело полено. Убил медведь красную де́вицу и высосал из нее кровь. В другой раз заблудилась середняя сестра, и с нею случилась та же самая беда. Вздумала меньшая — дурочка — пойти поискать своих сестер и попала в ту же хатку. Медведь велел ей приготовить ужин и постлать постель. Сели они за стол, прибежала мышка и стала просить каши. Де́вица дала ей. «Кто с тобой разговаривает?» — спросил медведь. «Никто!» Вот когда медведь улегся, мышка сказала красной де́вице: «Дай мне ключики, я стану за тебя бегать!» Медведь бросил жернов, мышка закричала: «Не жива!» Медведь вскочил, стал искать убитую, не нашел и побежал в лес. Тогда мышка рассказала де́вице про старших сестер, дала ей ключики, у которых что ни попроси — всё дадут, и проводила ее домой.

558. ТРИ СЕСТРЫ

В одной деревне жили три замужние сестры. Раз мужья их куда-то уехали. В это время приходит к старшей сестре ведьма попросить заступа, но когда та пошла за заступом и воротилась, то не нашла в избе ни ведьмы, ни ребенка своего. Побежала она по дороге и спрашивает у рябины: «Рябинка, рябинка, не видала ль ты ведьмы с ребенком?» — «Очисти меня, подбери меня, тогда скажу».— «Нету времени!» — с досадой сказала крестьянка и пустилась дальше. То же случилось и при расспросах, обращенных к яблоне, груше, корове, колодцу и квашне. Яблоня и груша просили очистить их, корова — выдоить ее, колодец — накрыть его, квашня — замесить в ней тесто; крестьянка всем отказала и прибежала, наконец, к маленькой избушке; входит в нее, а там сидит старая ведьма, в печи на огне кипит смола, а на припечке лежит ребенок. «Зачем кипит смола?» — спрашивает несчастная мать. «Хочу сварить твое дитя»,— отвечает ведьма. Мать стала молить и просить. «Почеши мне голову»,— сказала ведьма. Крестьянка повиновалась, но только расправила ей волосы, как смола побежала через край горшка. «Отставь горшок!» — говорит ведьма; мать схватывает горшок со смолою, бросает его на ведьму, потом берет своего ребенка и убегает. Кот продрал ведьме глаза, и она пустилась в погоню; квашня, колодец, корова, груша, яблоня и рябина указали

ей дорогу, ведьма догнала и разорвала ребенка на части. На другой день то же несчастье постигло среднюю сестру, а на третий день ведьма посетила младшую сестру-дурочку и похитила у нее ребенка. Сестра-дурочка исполнила требования рябины, груши, яблони, коровы, колодца и квашни; от деревьев получила за то плоды, от коровы кринку молока, от колодца бутыль воды, от квашни хлеб. Она залила ведьму смолою, но, убегая, бросила коту все полученные ею припасы. «Кот, продери очи!» — кричала ведьма. «Постой, съем хлеб!» Съел хлеб; ведьма опять кричит: «Кот, продери очи!» — «Подожди, съем молоко»,— и так далее. Когда он собрался продирать ведьме очи, мать с ребенком была уже дома.

559. СКАЗКА О ЗОЛОТОМ, СЕРЕБРЯНОМ И МЕДНОМ ЦАРСТВАХ

В некотором было царстве, в некотором государстве жил царь с супругою своею, и имели они у себя трех прекрасных сыновей, из которых называли большого Василий-царевич, а среднего Федор-царевич, а меньшого Иван-царевич. В один день царь прогуливался в саду, и с супругою своею. Вдруг поднялся вихорь и унес царицу из глаз его, о чем царь весьма был печален, долгое время соболезнуя о своей супруге. Старшие его два сына испросили у печального отца своего благословение и отправилися в путь свой искать матери своей. Едучи с своими людьми долгое время, заехали они в дикую степь, раскинули палатки и ожидали не увидят ли кого, кто бы указал им дорогу; однако чрез три года никого не видали, а между тем подрос меньшой брат Иван-царевич. И тот также, испрося у отца своего благословение и простясь, отправился в путь. По долговременном путешествии увидел он вдали палатки и поехал к ним и как стал подъезжать ближе, то и узнал, что это были его братья. Приехавши, сказал он: «Что вы, братцы, в какой дикой степи остановились? Отпустимте своих людей в наше государство и поедем лучше одни искать своей матери». Братья по его совету учинили и поехали в путь, и ехали они долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро-то сказка сказывается, а дело-то не скоро делается, и усмотрели вдали дворец хрустальный, обнесен такою же стеною вокруг, и приехали к оному. Тогда Иван-царевич, найдя ворота, взъехал на двор и, подъезжая к крыльцу, увидел столб, в котором было два кольца: одно золотое, другое серебряное. Продевши повод в оба кольца, привязал он своего коня богатырского, потом пошел на крыльцо. И встречает его сам король, и по довольном разговоре король узнал, что он был ему племянник, и повел его в покои, куда и братьев Ивана-царевича пригласил. Погостили они недолгое время и получили от короля в подарок волшебный шар, который покатя перед собою — доехали до высочайшей горы, где и остановились. Крутизна горы была столь высока, что на нее взлезть им никак было не можно.

После того Иван-царевич нашел скважину, где попались ему на руки и на ноги железные когти, помощью коих взошел он на самый верх горы. Уставши, сел он под дуб для отдохновения, и лишь только снял с себя

когти — вдруг оные исчезли. Вставши, увидел он вдали палатку, сделанную из самого тонкого батисту, на коем изображалось медное государство, а на верху оной палатки поставлен был шар медный. При входе оной лежали два превеликие льва, которые не допускали войти в палатку. Иван-царевич, увидя стоявшие при них тазы пустые, налил воды и утолил их жажду, и они дали свободный вход в палатку. По входе в оную увидел он на софе сидящую прекрасную царевну, а в ногах у ней спал змей трехглавый, которому, он одним махом все три головы отсек,— за что царевна его благодарила и подарила ему яйцо медное, сокрывающее в себе медное государство. Итак, царевич, простясь с нею, отправился в путь и, шедши долгое время, увидел вдали палатку, сделанную из самого тонкого флеру и привязанную к кедровым деревьям серебряными шнурками, у коих кисти были изумрудные, а на палатке изображено серебряное государство, и на верху был поставлен серебряный шар. При входе оной палатки лежали два превеличайшие тигра, которых жажду от солнечного зноя утолил водою и сделал себе свободный вход в палатку. И как вошел туда Иван-царевич, то увидел на софе сидящую весьма богато убранную царевну, красотою превосходнее первой. У ног ее лежал шестиглавый змей и вдвое против прежнего больший, которому он за один раз отрубил все головы,— за что царевна, видя его силу и неустрашимость, подарила ему серебряное яйцо, сокрывающее в себе серебряное государство. Простясь и с этой царевной, пошел Иван-царевич далее и достиг, наконец, до третьей палатки, которая была сделана из самого чистого каротку(?), на коем было вышито золотое государство, а на палатке был шар из самого чистого золота; она была прикреплена к лавровым деревьям золотыми шнурками, у коих были привешены алмазные кисти. При входе оной лежали два великие крокодила, которые от великого жару испущали огненное пламя. Царевич, видя их жажду, наполнил их пустые тазы водою и тем учинил себе свободный вход в палатку. И там увидел царевич на софе сидящую царевну, красотою превосходнее прежних; у ног ее лежал двенадцатиглавый змей, которому с двух раз все головы отрубил. Царевна за сие подарила ему золотое яйцо, содержащее в себе золотое государство, а с яйцом вручила ему свое сердце и по довольном разговоре указала ему, где живет его мать, и желала ему счастливо предприятие окончить.

По довольном путешествии достиг Иван-царевич до великолепного дворца и в нем прошел многие покои и не нашел ни одного человека. Напоследок пришел в пребогато убранную залу и увидел мать свою в царской одежде, сидящую в креслах, и по нежных между ими ласкательствах и учтивых разговорах объявил ей, что он с братьями многие лета странствовал. Вдруг мать почувствовала Духа и сказала Ивану-царевичу: «Спрячься под мою одежду, и как Вихорь прилетит и станет меня ласкать, то старайся ухватиться руками за его волшебную палицу; он подымется на воздух — ты не страшися, а как опустится на землю и рассыплется на мелкие части — ты все собери и сожги, а пепел развей по полю». Лишь только мать успела сказать и спрятать Ивана-царевича под свою одежду, ту минуту Вихорь прилетел и начал ласкаться к царице. Тогда

царевич, по совету матери своей, ухватился за волшебную палицу. Вихорь, осердясь на царевича, поднялся на высоту, потом опустился на землю и рассыпался на мелкие части. Царевич, все части подобрав, сжег, а пепел развеял по полю и овладел волшебною палицею. Взявши мать свою и трех царевен, Иван-царевич пришел к дубу, где всех по полотну спустил книзу. Братья его, как Иван-царевич один остался на горе, обрезали полотно и уехали с матерью и царевнами в свое государство и велели им клясться, что отцу скажут, будто они найдены старшими царевичами. А Иван-царевич, оставшись один на горе́, не смел спуститься с оной, видя, что полотна обрезаны, и ходил по горе, перекидывая палицу с руки на руку. Как вдруг предстал перед него человек, который снес его с горы и поставил на площади его государства, где Иван-царевич и встретился с одним башмачником, у коего нанялся он в работники. Хозяин, накупя кож довольное число, напился пьян и лег спать. Иван-царевич, видя, что в хозяине проку мало, призвал Духа, который снес его с горы, и приказал ему к утру сделать башмаки; Дух по приказу его все учинил. Поутру Иван-царевич, разбудя хозяина, послал с товаром в город, где тот и продал башмаки купцу, который рекомендовал его знатным господам. Наконец сам царь, увидя его работу, приказал ему носить к себе во дворец; а между тем находившаяся тут золотого государства царевна, приметя, что сия работа золотого государства Духа, приказала призвать к себе сапожника. А как скоро он пришел, то и приказала ему, чтобы завтрашнего дня поутру пред сим дворцом поставил дворец золотого государства, а от него золотой мост до самого царского дворца, покрытый зеленым бархатом,— и с тем от него пошла. Хозяин пришел домой весьма печален и сказал все то работнику, а сам с горя так напился пьян, что и сам себя не помнил, только и говорит: «Теперь хотя голову руби, так и нужды нет!» Царевич, услыша сие, приказал Духу, чтоб немедленно к завтрему поставил дворец и золотое государство, сокрывающееся в золотом яйце; Дух по приказанию все исполнил и поутру рано перенес туда Ивана-царевича, который, изготовясь для встречи отца своего и матери, послал по них великолепные колесницы, а по братьев самые срамные телеги, прося притом всех откушать. Царь, услыша, что сын его меньшой Иван-царевич жив и здравствует, весьма обрадовался и сел с царицею и с тремя царевнами в присланную для них пребогато убранную колесницу, а детей своих насильно приказал посадить в срамные телеги, говоря притом, что вы по вине своей и того не заслуживаете. Иван-царевич встретил их великолепно и простил братьям своим их вину; потом назначил Василью-царевичу в супруги серебряного государства царевну Елену, а Федору-царевичу медного государства царевну Земиру, а себе взял золотого государства царевну Плениру и отдал братьям серебряное и медное яйца, сокрывающие в себе оные государства. На другой день совершен был брак всех братьев, к великой радости подданных. И так обладали они своими подданными и всеми государствами, которые были поставлены на одном море.

560. СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ ЗОЛОТОЙ КОСЕ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСЕ И ОБ ИВАНЕ-ГОРОХЕ

Жил-был царь Светозар. У него, у царя, было два сына и красавица дочь. Двадцать лет жила она в светлом тереме; любовались на нее царь с царицею, еще мамушки и сенные девушки, но никто из князей и богатырей не видал ее лица. А царевна-краса называлась Василиса золотая коса; никуда она из терема не ходила, вольным воздухом царевна не дышала; много было у ней и нарядов цветных и каменьев дорогих, но царевна скучала: душно ей в тереме, в тягость покрывало! Волосы ее густые, златошелковые, не покрытые ничем, в косу связанные, упадали до пят, и царевну Василису стали люди величать: золотая коса, непокрытая краса. Но земля слухом полнится: многие цари узнавали и послов присылали царю Светозару челом бить, царевну в замужество просить. Царь не спешил; только время пришло, и отправил он гонцов во все земли с вестью, что будет царевна жениха выбирать, чтоб цари и царевичи съезжались, сбирались к нему пировать, а сам пошел в терем высокий сказать Василисе Прекрасной. Царевне на сердце весело; глядя из окошка косящатого, из-за решетки золотой, на сад зеленый, лужок цветной, захотела она погулять; попросила ее отпустить в сад — с девицами поиграть. «Государь батюшка! — она говорила.— Я еще свету божия не видала, по траве, по цветам не ходила, на твой царский дворец не смотрела; дозволь мне с мамушками, с сенными девушками в саду проходиться».

Царь дозволил, и сошла Василиса Прекрасная с высокого терема на широкий двор. Отворились ворота тесовы, очутилась она на зеленом лугу пред крутою горой; по горе той росли деревья кудрявые, на лугу красовались цветы разновидные. Царевна рвала цветочки лазоревые; отошла она немного от мамушек — в молодом уме осторожности не было; лицо ее было открыто, красота без покрова... Вдруг поднялся сильный вихрь, какого не видано, не слыхано, людьми старыми не запомнено; закрутило, завертело, глядь — подхватил вихорь царевну, понеслась она по воздуху! Мамки вскрикнули, ахнули, бегут, оступаются, во все стороны мечутся; но только и увидели, как помчал ее вихорь! И унесло Василису золотую косу через многие земли великие, реки глубокие, через три царства в четвертое — в область змея лютого. Мамки бегут в палаты, слезами обливаются, царю в ноги бросаются: «Государь! Неповинны в беде, а повинны тебе; не прикажи нас казнить, прикажи слово молвить: вихорь унес наше солнышко, Василису-красу золотую косу, и неведомо — куда». Всё рассказали, как было. Опечалился царь, разгневался, а и в гневе бедных помиловал.

Вот наутро князья и королевичи в царские палаты наехали и, видя печаль, думу царскую, спросили его: что случилося? «Грех надо мною! — сказал им царь.— Вихрем унесло мою дочь дорогую, Василису косу золотую, и не знаю — куда!» Рассказал все, как было. Пошел говор меж приезжими, и князья и королевичи подумали, перемолвились, не от них ли

царь отрекается, выдать дочь не решается? Бросились в терем царевны — нигде не нашли ее. Царь их одарил, каждого из казны наделил; сели они на коней, он их с честию проводил; светлые гости откланялись, по своим землям разъехались. Два царевича молодые, братья удалые Василисы золотой косы, видя слезы отца-матери, стали просить родителей: «Отпусти ты нас, государь-отец, благослови, государыня-матушка, вашу дочь, а нашу сестру отыскивать!» — «Сыновья мои милые, дети родимые,— сказал царь невесело,— куда же вы поедете?» — «Поедем мы, батюшка, везде — куда путь лежит, куда птица летит, куда глаза глядят; авось мы и сыщем ее!» Царь их благословил, царица в путь снарядила; поплакали, расстались. Едут два царевича; близко ли путь, далеко ли, долго ль в езде, коротко ли — оба не знают. Едут год они, едут два, проехали три царства, и синеются-виднеются горы высокие, между гор степи песчаные: то земля змея лютого. И спрашивают царевичи встречных: не слыхали ли, не видали ли, где царевна Василиса золотая коса? И от встречных в ответ им: «Мы ее не знали; где она — не слыхали». Дав ответ, идут в сторону. Подъезжают царевичи к великому городу; стоит на дороге предряхлый старик — и кривой и хромой, и с клюкой и с сумой, просит милостыни. Приостановились царевичи, бросили ему деньгу серебряную и спросили его: не видал ли он где, не слыхал ли чего о царевне Василисе золотой косе, непокрытой красе? «Эх, дружки,— отвечал старик,— знать, что вы из чужой земли. Наш правитель лютый змей запретил крепко-накрепко толковать с чужеземцами; нам под страхом заказано говорить, пересказывать, как пронес мимо города вихрь царевну прекрасную». Тут догадались царевичи, что близко сестра их родимая; рьяных коней понукают, к дворцу подъезжают. А дворец тот золотой и стоит на одном столбе на серебряном, а навес над дворцом самоцветных каменьев, лестницы перламутровые, как крылья в обе стороны расходятся-сходятся.

На ту пору Василиса Прекрасная смотрит в грусти в окошечко, сквозь решетку золотую, и от радости вскрикнула — братьев своих вдалеке распознала, словно сердце сказало. И царевна тихонько послала их встретить, во дворец проводить; а змей лютый в отлучке был. Василиса Прекрасная береглася, боялася, чтобы он не увидел их. Лишь только вошли они, застонал столб серебряный, расходилися лестницы, засверкали все кровельки, весь дворец стал повертываться, по местам передвигиваться. Царевна испугалась и братьям говорит: «Змей летит, змей летит, оттого и дворец кругом повертывается. Скройтесь, братья!» Лишь сказала, как змей лютый влетел, и он крикнул громким голосом, свистнул молодецким посвистом: «Кто тут живой человек?» — «Мы, змей лютый! — не робея, отвечали царевичи.— Из родной земли за сестрой пришли».— «А, это вы, молодцы! — вскрикнул змей, крыльями хлопая.— Незачем бы вам от меня пропадать, здесь сестры искать; вы братья ей родные, богатыри, да небольшие!» И змей подхватил на крыло одного, ударил им в другого и свистнул и гаркнул. К нему прибежала дворцовая стража, подхватила мертвых царевичей, бросила обоих в глубокий ров! Залилась царевна слезами, Василиса коса золотая, ни пищи, ни питья не принимала, на свет бы глядеть не хотела; дня два и три проходит — ей не умирать стать, уме-

реть не решилася — жаль красоты своей, голода послушала, на третий покушала. А сама думу думает, как бы от змея избавиться, и стала выведывать ласкою. «Змей лютый! — сказала она.— Велика твоя сила, могуч твой полет, неужели тебе супротивника нет!» — «Еще не пора! — молвил змей.— На роду моем написано, что будет мне супротивник Иван-Горох, и родится он от горошинки».

Змей в шутку сказал, супротивника не ждал. Надеется сильный на силу, а и шутка находит на правду. Тосковала мать прекрасной Василисы, что нет весточки о детях; за царевною царевичи пропали. Вот пошла она однажды разгуляться в сад с боярынями. День был знойный, пить царица захотела. В том саду из пригорка выбегала струею ключевая вода, а над ней был колодезь беломраморный. Зачерпнув золотым ковшом воды чистой, как слезинка, царица пить поспешила и вдруг проглотила с водою горошинку. Разбухла горошинка, и царице тяжелешенько; горошинка растет да растет, а царицу все тягчит да гнетет. Прошло несколько времени — родила она сына; дали ему имя Иван-Горох, и растет он не по годам, а по часам, гладенький, кругленький! Глядит, усмехается, прыгает, выскочит, да в песке он катается, и все прибывает в нем силы, так что лет в десять стал могуч богатырь. Начал он спрашивать царя и царицу, много ли было у него братьев и сестер, и узнал, как случилось, что сестру вихрь унес — неведомо куда; два брата отпросились отыскивать сестру и без вести пропали. «Батюшка, матушка,— просился Иван-Горох,— и меня отпустите; братьев и сестру отыскать благословите».— «Что ты, дитя мое! — в один голос сказали царь и царица.— Ты еще зеленехонек-молодехонек; братья твои пошли да пропали, а ты как пойдешь — пропадешь!» — «Авось не пропаду! — сказал Иван-Горох.— Я братьев и сестры доискаться хочу». Уговаривали и упрашивали сына милого царь с царицею, но он просится, всплачет, взмолится; в путь-дорогу снарядили, со слезами отпустили.

Вот Иван-Горох на воле, выкатился в чистое поле; едет он день, едет другой, к ночи в лес темный въезжает. В лесу том избушка на курьих ножках, от ветра шатается, сама перевертывается. По старому присловью, по мамкину сказанью — «Избушка, избушка,— молвил Иван, подув на нее,— стань к лесу задом, ко мне передом». И вот повернулась к Ивану избушка, глядит из окошка седая старушка и молвит: «Кого бог несет?» Иван поклонился, спросить торопился: «Не видала ли, бабушка, вихря залетного? В какую он сторону уносит красных девиц?» — «Ох-ох, мóлодец! — отвечала старуха, покашливая, на Ивана посматривая.— Меня тоже напугал этот вихрь, так что сто двадцать лет я в избушке сижу, никуда не выхожу: неравно налетит да умчит! Ведь это не вихорь, а змей лютый!» — «Как бы дойти к нему?» — спросил Иван. «Что ты, мой свет, змей проглотит тебя».— «Авось не проглотит!» —«Смотри, богатырь, головы не спасти; а если вернешься, дай слово из змеиных палат воды принести, которою всплеснешься — помолодеешь!» — промолвила она, через силу шевеля губами. «Добуду — принесу, бабушка! Слово даю».— «Верю на совесть твою. Иди же ты прямо, куда солнце катится; через год дойдешь до Лисьей горы, там спроси — где дорога в змеиное

царство».— «Спасибо, бабушка!» — «Не на чем, батюшка!» Вот Иван-Горох пошел в сторону, куда солнце катится. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошел он три государства, дошел и до змеиного царства. Перед городскими воротами увидел он нищего — хромого, слепого старика с клюкой, и, подав милостыню, спросил его, нет ли в том городе царевны, молодой Василисы косы золотой. «Есть, да не велено сказывать!» — отвечал ему нищий. Иван догадался, что сестра его там; добрый мо́лодец смел, прибодрился и к палатам пошел.

На ту пору Василиса-краса золотая коса смотрит в окошко, не летит ли змей лютый, и приметила издалека богатыря молодого, знать об нем пожелала, тихонько разведать послала: из какой он земли, из какого он рода, не от батюшки ли прислан, не от матушки ль родимой? Услышав, что пришел Иван, брат меньшой (а царевна его и в лицо не знавала), Василиса к нему подбежала, встретила брата со слезами. «Беги поскорее,— закричала,— беги, братец! Скоро змей будет, увидит — погубит!» — «Сестрица любезная! — отвечал ей Иван.— Не ты бы говорила, не я бы слушал. Не боюсь я змея и всей силы его».— «Да разве ты — Горох,— спросила Василиса коса золотая,— чтоб сладить с ним мог?» — «Погоди, друг-сестрица, прежде напой меня; шел я под зноем, приустал я с дороги, так хочется пить».— «Что же ты пьешь, братец?» — «По ведру меду сладкого, сестрица любезная!» Василиса коса золотая велела принести ведро меду сладкого, и Горох выпил ведро за один раз, одним духом; попросил налить другое. Царевна приказать торопилась, а сама смотрела-дивилась. «Ну, братец,— сказала,— тебя я не знала, а теперь поверю, что ты Иван-Горох».— «Дай же присесть немного — отдохнуть с дороги». Василиса велела стул крепкий придвинуть, но стул под Иваном ломается, в куски разлетается; принесли другой стул, весь железом окованный, и тот затрещал и погнулся. «Ах, братец,— вскричала царевна,— это стул змея лютого».— «Ну, видно, я потяжеле!» — сказал Горох, усмехнувшись, встал и пошел на улицу, из палат в кузницу. И там заказал он старому мудрецу, придворному кузнецу, сковать посох железный в пятьсот пуд. Кузнецы за работу взялись-принялись, куют железо, день и ночь молотами гремят, только искры летят; через сорок часов был посох готов. Пятьдесят человек несут — едва тащат, а Иван-Горох взял одной рукой бросил посох вверх — посох полетел, как гроза загремел, выше облака взвился, из вида скрылся. Весь народ прочь бежит, от страха дрожит, думая: когда посох на город упадет, стены прошибет, людей передавит, а в море упадет — море расхлестнет, город затопит. Но Иван-Горох спокойно в палаты пошел, да только сказать велел, когда посох назад полетит. Побежал с площади народ, смотрят из-под ворот, смотрят из окон, не летит ли посох? Ждут час, ждут другой, на третий задрожали, сказать прибежали, что посох летит. Тогда Горох выскочил на площадь, руку подставил, на лету подхватил, сам не нагнулся, а посох на ладони согнулся; Иван посох взял, на коленке поправил, разогнул и пошел во дворец.

Вдруг послышался страшный свист — мчится змей лютый, конь его вихорь стрелою летит, пламенем пышет; с виду змей — богатырь, а голо-

ва змеиная. Когда он летит, еще за десять верст весь дворец начнет повертываться, с места на место передвигаться; а тут дворец с места не трогается. Видно, седок есть! Змей призадумался, присвистнул, загаркал; конь-вихорь тряхнул черною гривою, размахнул широкие крылья, взвился, зашумел; змей подлетает ко дворцу, а дворец с места не трогается. «Ого! — заревел змей лютый.— Видно, есть супротивник; не Горох ли в гостях у меня?» Скоро пришел богатырь. «Я посажу тебя на ладонь одною рукою, прихлопну другою — костей не найдут!» — «Увидим!» — молвил Иван-Горох; с посохом выходит, а змей с вихря кричит: «Расходись, Горох, не катайся!» — «Лютый змей, разъезжайся!» — Иван отвечал, посох поднял. Змей разлетелся ударить Ивана, взоткнуть на копье — промахнулся; Горох отскочил — не шатнулся. «Теперь я тебя!» — зашумел Горох, пустил в змея посох и так огорошил, что змея в куски разорвал, разметал, а посох землю пробил, ушел через два в третье царство. Народ шапки вверх побросал, Ивана царем величал; но Иван тут, приметя кузнеца-мудреца, в награду, что посох скоро сработа́л, старика подозвал и народу сказал: «Вот вам голова! Слушайте его, на добро радея, как прежде на зло слушали вы лютого змея». Иван добыл и живомертвой воды, спрыснул братьев; поднялись молодцы, протирают глаза, сами думают: «Долго спали мы; бог весть, что сделалось!» — «Без меня и век бы вы спали, братья милые, други родимые!» — сказал им Иван-Горох, прижимая к ретивому сердцу. Не забыл он взять и змеиной водицы; корабль снарядил по реке лебединой с Василисой-красой, золотою косой поплыл в земли свои через три царства в четвертое; не забыл и старушки в избушке, дал ей умыться змеиной водицей: обернулась она молодицей, запела-заплясала, за Горохом бежала, в пути провожала. Отец и мать Ивана встречали с радостью, с честью; гонцов разослали во все земли с вестью, что возвратилась дочь их родная, Василиса коса золотая. В городе звон, по ушам трезвон, трубы гудят, бубны стучат, самопалы гремят. Василиса жениха дождалась, а царевичу невеста нашлась. Четыре венца заказали, две свадьбы пировали, на веселье на радостях пир горой, мед рекой! Деды дедов там были, мед пили, и до нас дошло, по усам текло, в рот не попало; только ведомо стало, что Иван по смерти отца принял царский венец, правил со славой державой, и в роды родов славилось имя царя Гороха.

561. СКАЗКА О СЕМИ СЕМИОНАХ, РОДНЫХ БРАТЬЯХ

Был-жил старик со старухой, и жили они несколько лет, а детей у них не было, и уже к великой старости приходили, как начали молить бога, чтоб даровал им детище, которое б было в старости их помогою в работе. И молятся они год, другой, молятся третий и четвертый, молятся пятый и шестой, а не вымолят ни единого детища; однако через семь лет старуха понесла и после родила вдруг семь сынов, которых всех назвали Семионами. И когда старик со старухою умерли, то остались Семионы

сиротами, и были они тогда все по десятому году, и пахали свое поле уже сами, и не уступали своим соседям. В некое время случилось мимо той деревни ехать царю Адору, который был самодержавец всей той области, и увидел работающих на поле семь Семионов. Он весьма удивился, что такие малые ребята — и пашут и боронят свою пашню, чего ради и послал к ним старшего своего боярина, чтоб спросить, чьи они дети? Боярин, пришедши к Семионам, спрашивал: для чего они, такие малые ребята, работают такую тяжелую работу? На то ему ответ держал старший Семион, что они сироты и что за них работать некому, и притом сказал, что всех их зовут Семионами. Боярин пошел от них и сказал о том царю Адору, который весьма удивился, что столько ребят-братьев называются одним именем,— для чего и послал к ним того ж боярина, чтоб их взять с собою во дворец. Боярин государев приказ исполнил и взял всех Семионов с собою. Когда царь приехал во дворец, тогда собрал он к себе всех своих бояр и думных дьяков и спрашивал у них совет таковыми словесами: «Господа мои бояра и думные дьяки! Вы видите сих семь сирот, которые не имеют у себя никаких родственников; я хочу сделать их такими людьми, чтоб после они меня благодарили, для чего и требую у вас совета: в какую науку или художество мне их отдать должно учиться»? На сие отвечали все так: «Милостивейший государь! Как теперь они уже на возрасте и в разуме, то не рассудите ли за благо спросить их каждого особливо, кто в какую науку или художество пожелает пуститься».

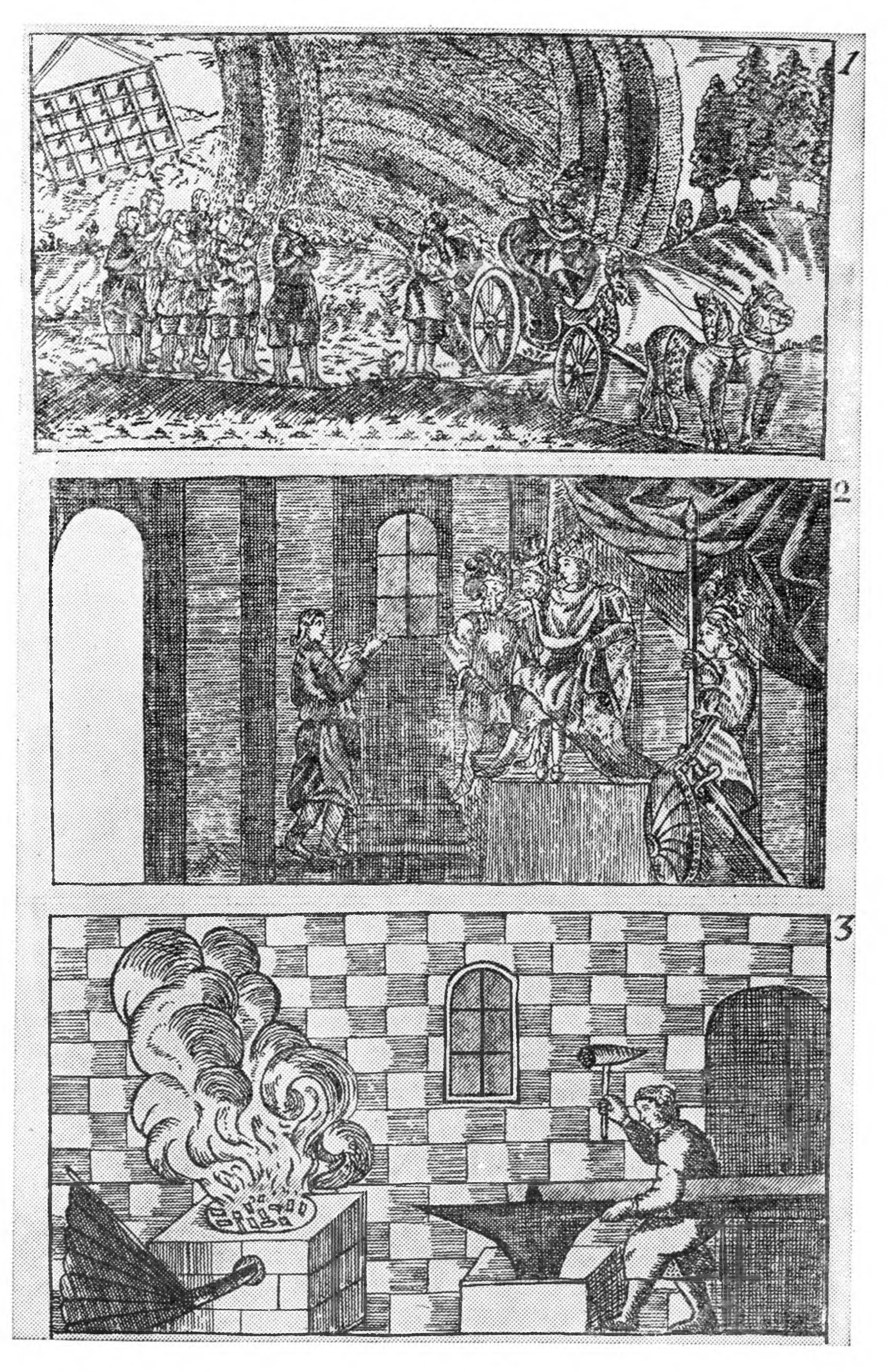
Царь принял сей совет с радостию и начал большего Семиона спрашивать: «Слушай, друг мой, в какую науку или художество пуститься желаешь, то в такую я тебя и учиться отдам». Семион на то ему отвечал: «Ваше царское величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не желаю; а ежели бы вы приказали посреди вашего царского двора построить кузницу, то сковал бы я вам столб до самого неба». Царь увидел, что этого Семиона учить не для чего, потому что он и так уже кузнечное ремесло довольно искусно знает; однако не верил, чтоб он мог сковать столб до самого неба, и потому приказал в скором времени посреди своего царского двора построить кузницу. Потом спрашивал другого Семиона: «А ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь, в такую я тебя и отдам». На сие Семион ему сказал: «Ваше величество! Я ни в какую науку, ни в художество пуститься не хочу; а ежели большой мой брат скует железный столб до неба, то я по тому столбу взлезу на самый верх и стану смотреть во все государства и буду тебе сказывать, что в котором государстве делается». Царь рассудил, что и того Семиона учить не надобно, потому что он и так мудрен. После спрашивал третьего Семиона: «Ты, мой друг, какой науке или художеству учиться желаешь?» Семион на то ему сказал: «Ваше величество! Я никакой науке, ни художеству учиться не хочу; а ежели бы мой большой брат сковал мне топор, я тем топором тяп да ляп — тотчас бы сделал корабль». Король на то ему сказал: «Мне корабельные мастера надобны, и тебя ничему иному учить уже больше не должно». Потом спросил он четвертого Семиона: «Ты, Семион, какой науке или художеству учиться

желаешь?» — «Ваше величество! — сказал он на то ему.— Я никакой науке учиться не желаю, а ежели бы мой третий брат сделал корабль и когда бы тому кораблю случилось быть в море и напал бы на него неприятель, то б я взял корабль за нос и повел бы его в подземельное государство, и когда бы неприятель ушел прочь, то тогда б я опять корабль вывел нá море». Царь удивился таким великим четвертого Семиона чудесам и сказал ему: «И тебя учить не надобно!» Потом спросил пятого Семиона: «А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Я ничему учиться не желаю, ваше величество! — сказал Семион.— А ежели большой мой брат скует мне ружье, то я тем ружьем, ежели увижу птицу — хотя за сто верст, то ее подстрелю».— «Ну, так ты исправный будешь у меня стрелец!» — сказал ему царь. После спросил шестого Семиона: «Ты, Семион, в какую науку вступить желаешь?» — «Ваше величество! — сказал ему Семион.— Я ни в какую науку, ни в художество вступить не желаю, а ежели мой пятый брат подстрелит птицу на лету, то я ее до земли не допущу и, подхватя, принесу к тебе».— «Великий искусник! — сказал ему царь.— Ты у меня вместо легавой собаки в поле можешь служить».

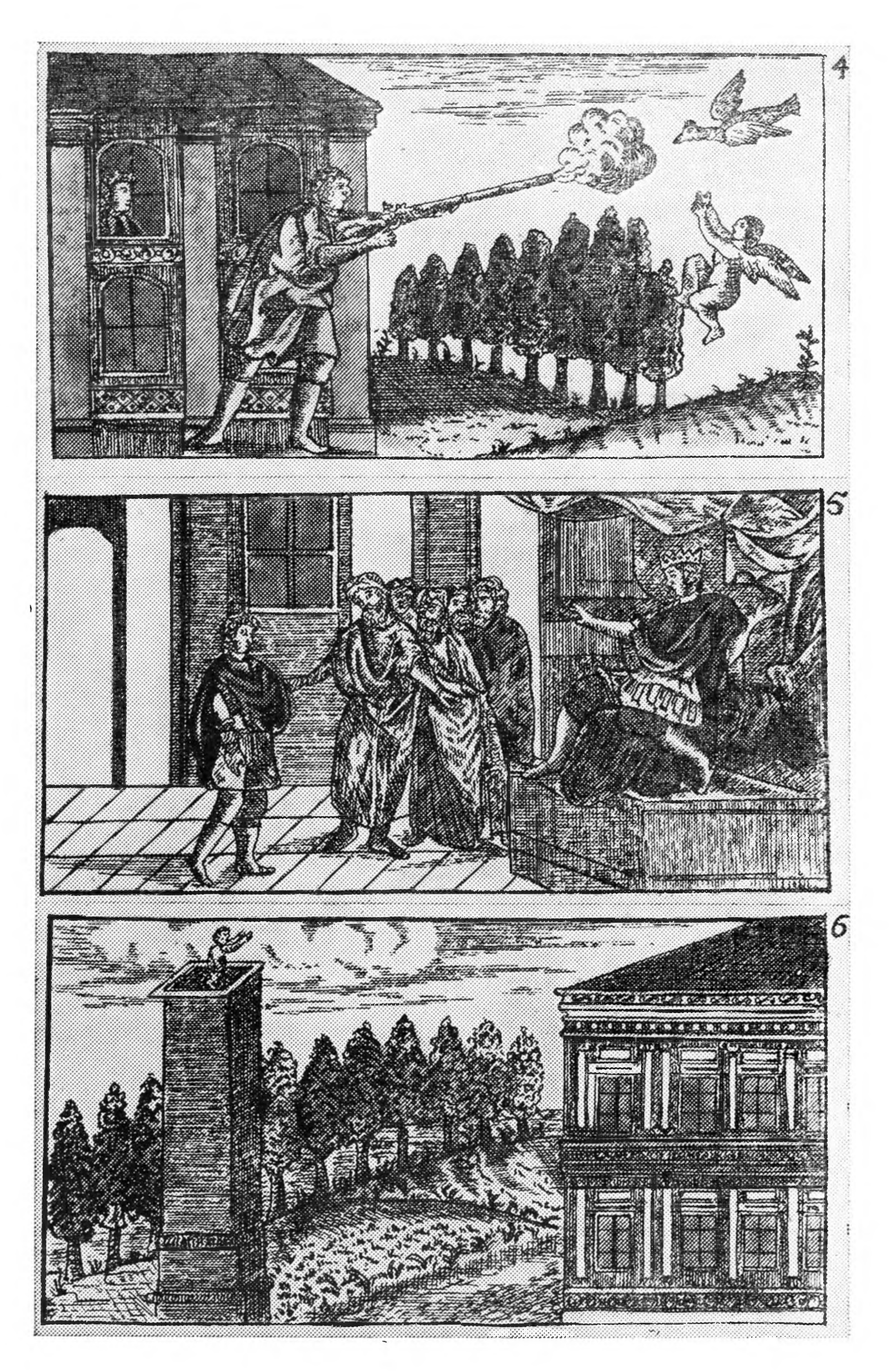
После спросил царь последнего Семиона: «А ты, Семион, какой науке или художеству учиться желаешь?» — «Ваше величество! — отвечал он ему.— Я никаким наукам, ни художествам учиться не желаю, потому что я и так ремесло имею предорогое!» — «Да какое ж ты имеешь ремесло? — спросил его царь.— Скажи мне, пожалуй!» — «Я хорошо умею воровать,—сказал ему Семион,— и так, что никто против меня не сворует». Царь весьма осердился, услыша о таком дурном его ремесле, и говорил потом к своим боярам и думным дьякам: «Господа мои! Чем присоветуете мне наказать сего вора Семиона, и скажите, какою казнию казнить его должно?» — «Ваше величество! — сказали ему все они.— На что его казнить? Может быть, он вор с именем, и такой, который в случае будет надобен».— «Да почему это?» — спросил царь. «А вот потому, что ваше величество уже десятый год как достаете себе в супруги царевну Елену Прекрасную, а достать не можете, и притом много силы и войска потеряли и множество казны и прочего издержали; и этот Семион-вор, может быть, царевну Елену Прекрасную вашему величеству как-нибудь украдет». Царь на то им сказал: «Друзья мои, вы правду мне говорите!» Потом обернулся он к Семиону-вору и сказал ему: «Что, Семион, можешь ли ты съездить за тридевять земель в тридесятое государство и украсть мне царевну Елену Прекрасную, а я в нее весьма крепко влюблен; и ежели ты мне ее украдешь, то я тебе сделаю великое награждение».— «Это наше дело, ваше величество,— отвечал седьмой Семион,— и я вам ее, ежели только прикажете, украду».— «Не только чтобы тебе приказывать,— сказал ему царь,— но я еще о том и прошу; и теперь не медли больше при дворе моем и бери себе силы-войска и золотой казны, сколько тебе надобно».— «Мне ни силы, ни войска, ни золотой казны не надобно,— отвечал он.— Отпусти нас всех братьев вместе, и я тебе царевну Елену Прекрасную достану».

Царю не хотелось со всеми Семионами расстаться, однако, хотя то и жалко ему было, но принужден был отпустить их всех вместе. Между тем кузница на царском дворе была устроена, и большой Семион сковал железный столб до самого неба, а другой Семион взлез по тому столбу на самый верх и смотрел в ту сторону, где было государство отца царевны Елены Прекрасной, и после закричал он с вершины столба царю Адору: «Ваше величество! Вижу, за тридевять земель в тридесятом государстве царевна Елена Прекрасная сидит под окошечком, и у ней из косточки в косточку мозжечок переливается». Тогда царь еще больше красотою ее прельстился и потом вскрикнул к Семионам громким голосом: «Друзья мои, отправьтесь в путь как можно скорее, ибо я не могу жить без прекрасной царевны Елены!» Почему большой Семион сковал третьему Семиону топор, а пятому сделал ружье; и после того взяли с собою несколько хлеба на дорогу, а Семион-вор взял с собою кошку, и потом пошли в путь свой. Кошку ту Семион-вор так к себе приучил, что она везде за ним бегала, как собака, и ежели он останавливался на дороге или в ином каком месте, то кошка становилась на задние лапы, а потом терлась около него и мурлыкала. И так шли они путем-дорогою несколько времени и, наконец, пришли к морю, чрез которое надо было им переехать, а не на чем. Они ходили долго по морскому берегу и искали какого-нибудь дерева, чтоб сделать себе судно, и после нашли один дуб превеликий. Третий Семион взял свой топор и срубил тот дуб по самый корень, а потом по нем же тяп да ляп — сделал тотчас корабль, который был оснащен, а в корабле очутились разные дорогие товары. Все Семионы сели на тот корабль и поплыли в путь и чрез несколько месяцев прибыли благополучно в то место, в которое им надобно было. Как скоро въехали они в корабельную пристань, то тотчас бросили якорь.

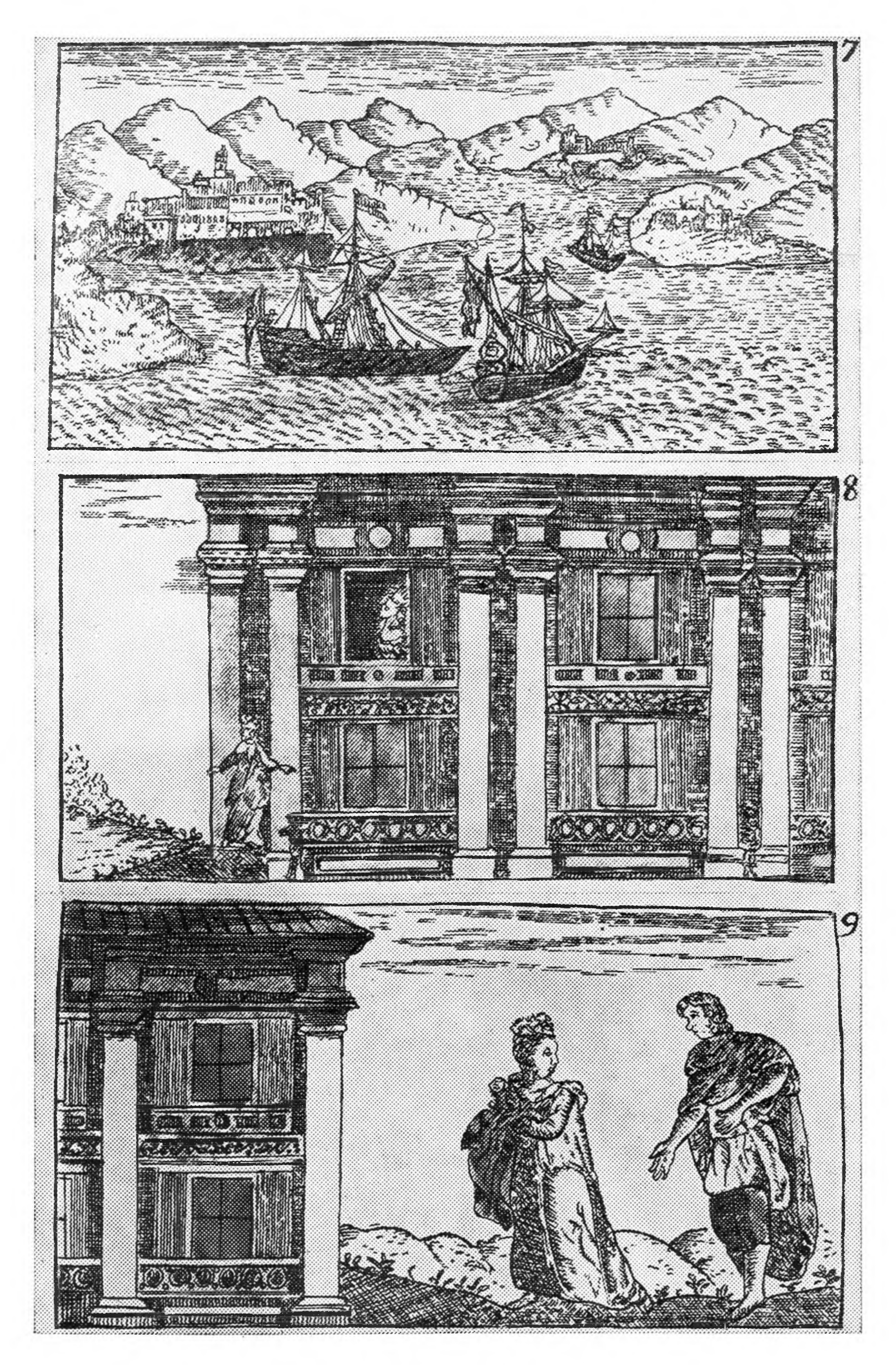
На другой день Семион-вор взял свою кошку, и пошел в город, и пришедши к царскому двору, остановился против окон царевны Елены Прекрасной; в то ж самое время кошка села на задние лапы, а потом начала тереться и мурлыкать. Надобно знать, что в том государстве совсем не знали и не слыхали, что́ есть за зверь кошка. Царевна Елена Прекрасная в то самое время сидела под окошечком и, увидя кошку, тотчас послала своих нянюшек и мамушек, чтоб спросить у Семиона, что то был за зверек, не продаст ли он его, и ежели продаст, то какую за него просит цену? Нянюшки и мамушки тотчас выбежали на улицу и спрашивали Семиона: какой это у него зверек и не продаст ли его? Семион на то им отвечал: «Государыни мои, извольте доложить ее высочеству Елене Прекрасной, что этот зверек называется кошкою и что я его не продаю, а ежели она пожелает этого зверька иметь у себя, то оного дарю ей без всякой платы». Нянюшки и мамушки тотчас побежали в палаты и донесли о том ей, что от Семиона слышали. Царевна же Елена Прекрасная обрадовалась чрезвычайно, и выбежала сама из палат, и спрашивала Семиона: не продаст ли кошки? Семион ей сказал: «Ваше высочество! Я сей кошки не продаю; а если она вам угодна, то вам ее дарую». Царевна, взяв кошку к себе на руки, пошла в палаты, а Семиону приказала идти за собою. Когда они пришли в палаты, царевна пошла к своему батюшке

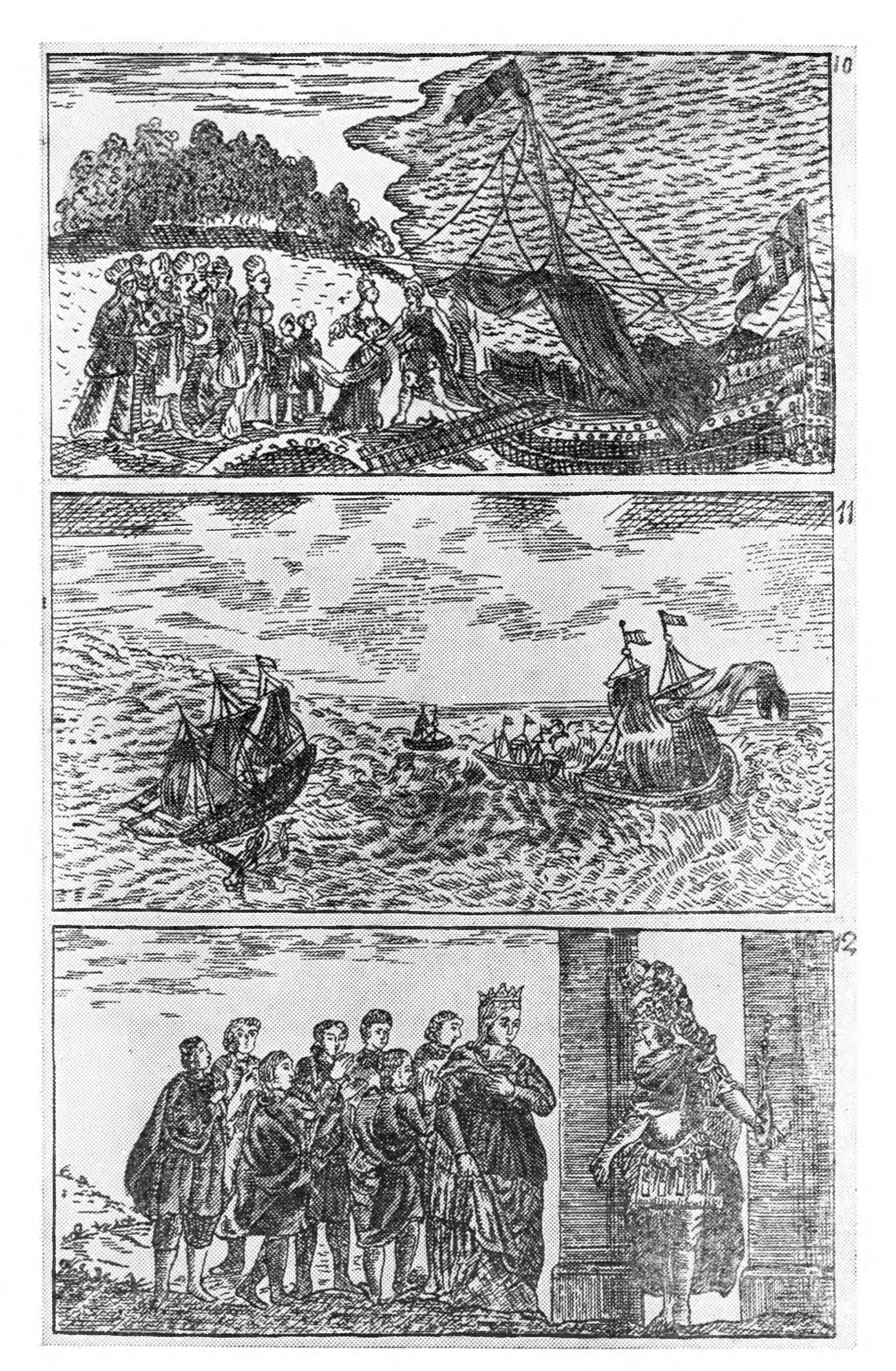
Лубочная сказка: О семи Семионах.

Лубочная сказка: О семи Семионах.

***Лубочная** сказка: О семи Семионах.*

Лубочная сказка: О семи Семионах.

царю Саргу, и показала ему кошку, и объявила, что ей подарил некий чужестранец. Царь, увидя такого чудного зверька, весьма обрадовался и приказал призвать к себе Семиона-вора, и когда он к нему пришел, то царь хотел его наградить казною за кошку, но как Семион не хотел принять от него, то сказал ему: «Друг мой! Живи покуда в моем доме, и между тем временем кошка при тебе лучше может привыкнуть к моей дочери». На сие Семион также не согласился и сказал царю: «Ваше величество! Я бы с радостию великою мог жить в вашем доме, когда бы не было у меня корабля, на котором я в ваше государство приехал и который препоручить мне некому; а ежели прикажете мне, то я буду ходить к вашему величеству всякий день и стану кошку приучать к вашей любезной дочери». Итак, царь приказал Семиону, чтоб ходил он к нему всякий день. Семион начал ходить к царевне Елене Прекрасной, и в некоторый день он ей сказал: «Милостивая государыня! Я уже давно к вам хожу, а вижу, что вы никуда прогуливаться не изволите; хотя бы ко мне на корабль пожаловали; я бы показал вам такие дорогие парчи, которых вы никогда еще не видывали». Царевна тотчас пошла к своему батюшке и начала проситься погулять на корабельную пристань. Царь ее отпустил и сказал, чтоб она взяла с собою нянюшек и мамушек, и пошла с Семионом.

Как скоро пришли они на корабельную пристань, то тотчас Семион просил царевну на свой корабль, и когда она на оный вошла, то Семион-вор и прочие его братья начали царевне показывать разные дорогие парчи. После того Семион-вор сказал Елене Прекрасной: «Ваше высочество! Теперь извольте приказать своим нянюшкам и мамушкам сойти с моего корабля, потому что я хочу вам показать такие дорогие товары, которых не должны они видеть». Царевна тотчас приказала своим нянюшкам и мамушкам сойти с корабля, и как скоро они сошли, то в то же самое время Семион-вор велел тихонько своим братьям отрубить якорь и пуститься в море на всех парусах; а сам между тем начал царевне показывать дорогие товары, из которых и подарил ее некоторыми. Прошло уже часа с два времени, как он показывал царевне свои товары; наконец она ему сказала, что ей время уже и домой идти, потому что царь, ее отец, будет дожидаться ее обедать. Потом вышла она из каюты и видит, что корабль на ходу и что берегов уже не видно. Тогда она ударила себя в грудь и вдруг оборотилась лебедем и полетела. Пятый Семион взял тотчас свое ружье и подстрелил лебедя, а шестой Семион и до воды ее не допустил и принес ее опять на корабль, где царевна стала по-прежнему девицею. Нянюшки же и мамушки, которые стояли на корабельной пристани, увидя, что корабль отвалил от берега с царевною, тотчас бросились все к царю и пересказали ему о том Семионовом обмане. Царь тогда ж нарядил целый флот за ними в погоню, и когда тот флот начал нагонять Семионов корабль гораздо близко, тогда четвертый Семион взял свой корабль за нос и увел его в подземельное государство. Когда же корабля совсем стало не видимо, то начальники флота, увидя, как он ушел на дно, думали, что корабль потонул и с царевною Еленою Прекрасною, почему и возвратились назад и донесли царю Саргу, что Семио-

нов корабль и с Еленою Прекрасною потонул. Семионы же благополучно в свое государство прибыли, вручили царевну Елену Прекрасную царю Адору, который за такую великую Семионов услугу отпустил их всех на волю и дал им довольно злата, и серебра, и драгоценного каменья, а сам женился на Прекрасной Елене и жил с нею многие лета благополучно и мирно.

562. СКАЗКА О СИЛЬНОМ И ХРАБРОМ НЕПОБЕДИМОМ БОГАТЫРЕ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО СУПРУЖНИЦЕ ЦАРЬ-ДЕВИЦЕ

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь по имени Ахридей, и тот царь жил с своею супругою Дарьею много лет, а детей не имел. Уже приходили они к старости, и начали богу молиться, чтобы даровал им детище. Скоро после того царица Дарья обеременела, и чрез обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую назвали Луною; чрез год родила она другую дочь — еще краше и лучше первой: назвали ее Звездою. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то в некое время пошли они в зеленый сад гулять с своими нянюшками и мамушками и гуляли там долгое время. Вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен. Нянюшки и мамушки испугались, побежали к царице Дарье и сказали ей про ту беду. Царица Дарья чуть не умерла с той горькой ведомости, а царь Ахридей начал клич кликать: кто сыщет царевен, за того отдам любую из них замуж. Ни один богатырь не вызвался. Царь собрал волхвов, стал у них выспрашивать: не знают ли, где его дочери? Но и те отреклись от этого дела.

Вот царь Ахридей потужил немалое время и напоследок начал опять просить бога, чтобы даровал ему при старости наследника, и роздал великие и щедрые милостыни на бедных и по церквам и по монастырям. Бог услышал молитву, даровал ему сына, Ивана-царевича. Иван-царевич рос не по годам, а по часам, так, как пшеничное тесто на опаре киснет, и когда пришли его совершенные лета, то обучился разным наукам. И проведал Иван-царевич, что были у него две сестры родные, да без вести пропали, и вздумал проситься у отца своего, у матери, чтоб позволили ему идти в дальние государства и проведать о сестрах; пришел к своему родителю, и поклонился до земли, и стал говорить: «Милостивый батюшка! Я пришел к тебе не пир пировать, не совет советовать, не крепкую думу думать, а пришел просить у тебя благословения; хочу я идти в дальние государства и проведать о моих любезных сестрицах, что без вести пропали!» — «Ох ты гой еси, младой юноша Иван-царевич! — сказал ему царь Ахридей.— Куда тебя бог несет и в какую пойдешь ты сторону? Ведь ты еще млад и к дорожным трудам непривычен». Но Иван-царевич просил так неотступно и со слезами, что отец не выдержал — отпустил его. Царевич богу помолился, на все на четыре стороны поклонился, с отцом, с матерью попрощался и пошел один, как перст, без провожатого.

Идет царевич путем-дорогою несколько месяцев, и случилось ему в некое время идти чрез густой, дремучий лес. Услыхал он в стороне большой шум, направился на тот шум с великим тóропом и увидел, что дерутся промеж себя два лешие. Подошел к ним. «Послушайте,— спрашивает,— за что вы деретесь? Скажите-ка мне, я вас помирю». Отвечал ему один леший: «Добрый человек! Рассуди, пожалуй, нашу ссору; вот посмотри, шли мы двое дорогою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерь-самобранку: стоит только развернуть скатерть, тотчас выпрыгнут из нее двенадцать добрых молодцев да двенадцать красных девиц, принесут разных кушаньев и напитков и начнут потчевать. Из этой находки сапоги да шляпу беру я себе, а скатерть отдаю моему товарищу; а он хочет всем овладеть и для того вступил со мной в драку».— «Хорошо,— сказал Иван-царевич,— я ваше дело разберу, только дайте и мне долю». Лешие согласились. Тогда Иван-царевич сказал им: «Бегите по этой дороге изо всей мочи, и кто кого на трех верстах опередит, тому и достанется вся находка». Оба лешие с радостью побежали по указанной дороге, и скоро совсем из виду скрылись; Иван-царевич надел на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взял под мышку и пошел дальше. Когда лешие воротились назад, то не нашли ни Ивана-царевича, ни своих находок и бросились искать его по лесу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видеть, потому что на нем была надета шляпа-неведимка.

Избегавши попусту весь лес, они напоследок разошлись по своим местам; а Иван-царевич шел несколько дней и увидел: стоит на дороге малая избушка к лесу передом, а к нему задом; подошел к ней и молвил: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне обернись передом». Вдруг избушка обернулась к лесу задом, а к нему передом. Царевич вошел в избушку; там на полу сидела баба-яга, ноги в потолок уперши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала: «Фу-фу-фу! Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а нынче русский дух воочью совершается. Зачем ты, добрый мóлодец Иван-царевич, сюда зашел, волею или неволею? Я здесь живу уже сорок лет, а никакой человек мимо меня не прохаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а ты как сюда забрел?» — «Ох ты, глупая старая баба! — в ответ сказал Иван-царевич.— Ты прежде меня, доброго мóлодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай». Яга-баба тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила царевича и в бане выпарила и стала опять спрашивать: «Как ты сюда зашел, добрый молодец, волею или неволею?» Ответ держал Иван-царевич: «Сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моих родных сестриц Луну и Звезду; а где их сыскать — сам не ведаю».— «Добро, Иван-царевич! — молвила баба-яга.— Молись богу и ложись спать: утро вечера мудренее». Царевич лег спать и от дорожного труда заснул крепко. Поутру, чуть только на дворе рассветать стало, яга-баба начала его будить: «Добрый мóлодец! Пора тебе в путь идти». Встал царевич, умылся, оделся, помолился, на все четыре стороны поклонился и начал с ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала: «Что ж ты, царевич, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебе

9 Заказ № 207

надобно — в какую сторонушку? Ступай-ка ты, добрый мо́лодец, вот по этой дороженьке и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех палатах живет твоя большая сестра Луна. Только трудно тебе взять ее, потому что живет с нею нечистый дух; приходит он в палаты медведем, а как войдет — тотчас оборачивается человеком».

Царевич простился с ягою, надел на себя сапоги-самоходы и пошел в путь. На третий день увидел он в чистом поле белокаменные палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступил в спальню к любезной своей сестрице, прекрасной царевне Луне. В то время царевна Луна лежала на кровати и опочивала крепким сном. Царевич подошел к кровати, начал ее будить и скинул с себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась: «Кто ты таков и зачем сюда пришел?» — «Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! — отвечал царевич.— Я твой брат единоутробный Иван-царевич; принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей Дарьи: они вельми по тебе и по сестрице Звезде сокрушаются». Прекрасная царевна Луна тотчас вскочила с постели и во слезах начала обнимать царевича; долгое время они целовалися, миловалися, а после того царевна сказала: «Любезный мой братец! Я несказанно рада, что вижу тебя; но опасаюсь, чтоб не пришел Медведь и не съел бы тебя».— «Не крушись о том,— молвил ей царевич,— я этого не боюсь!»

Скоро поднялся сильный вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу в великом страхе: «Любезный братец Иван-царевич! Скоро Медведь прибежит; спрячься куда-нибудь, не то съест тебя».— «Не бойся!» — сказал ей царевич, потом надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Медведь вошел в комнату и закричал человечьим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет».— «Ах, мой свет,— сказала Луна,— тебе стыдно о том и говорить; откуда здесь быть русскому духу? Ты по Руси бегаешь и там русского духу набрался; так тебе и здесь то же чудится».— «Да не пришел ли брат твой Иван-царевич? — спросил Медведь.— Ведь он давно уж родился».— «Я сроду брата не видела и того, есть ли у меня брат, не ведаю. А что если бы брат пришел, ведь ты бы съел его?» — «Нет,— отвечал Медведь,— я никогда того не сделаю. Ведь я знаю, что он тебе мил; а по тебе и мне мил».— «Поклянись прежде!» — «Изволь, клянусь тебе, чем сама хочешь».— «Когда так,— сказала царевна Луна,— то брат мой здесь и сидит возле тебя».— «Что ты! Как же я его не вижу?» — сказал Медведь, встал, ударился о сырую землю и сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и молвил: «Иван-царевич! Не прячься от меня; я для тебя не злодей, ничего тебе худого не сделаю».

Тут царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Медведю. Медведь разговаривал с царевичем ласково, потчевал его всякими кушаньями и напитками. Иван-царевич попробовал того-другого и говорит Медведю: «Не хочешь ли моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Луну и Медведя потчевать. Мед-

ведь удивился такому чудному делу и спрашивал у Ивана-царевича, откуда он взял такую скатерть? Он про все ему рассказал. Вот таким-то образом жил царевич у Медведя три месяца, а потом собрался в путь и стал спрашивать про меньшую свою сестру, царевну Звезду, где она проживает. «Она живет не очень далеко,— сказала царевна Луна,— только, братец, не чаю, чтоб ты ее увидал, потому что живет она с Морским Чудовищем в медном замке, а вокруг того замка стоит стража великая — всё водяные черти; они тебя убьют до смерти».— «Что делать! Хоть сам помру, а сестрицу увижу». Простился Иван-царевич с прекрасною царевною Луною и с Медведем и пошел в путь.

На другой день увидел он медный замок, подошел в воротам; у ворот стоят два водяных черта, на плечах пушки держат, никого в замок не пропускают. «Пропустите меня,— сказал царевич,— ведь я нарочно пришел всех вас с караула сменить».— «Нет, брат, обманываешь! Если хочешь, полезай через каменную стену, а в ворота ходить не приказано. Да смотри, полезай осторожнее: по ту стороны стены подведены струны: если чуть-чуть до струны дотронешься, то пойдет гром по всему замку и пó морю. Морское Чудовище услышит, выйдет из моря и тебя жива не оставит!» Царевич ничего не устрашился и полез в сапогах-самоходах чрез каменную стену; не задел за струны ни рукою, ни ногою, только платьем слегка зацепил — и в ту ж минуту раздался великий гром по всему замку. Царевич вошел с тóропом в палаты, нашел прекрасную царевну Звезду в постели и разбудил ее от крепкого сна. Она проснулась и закричала: «Кто ты и зачем пришел?» — «Любезная сестрица, прекрасная царевна Звезда! — отвечал царевич.— Я твой брат родной Иван-царевич, принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей царицы Дарьи; она вельми по тебе сокрушаются».

Прекрасная царевна Звезда вскочила с постели, начала его целовать, миловать и потом говорит: «Любезный братец, спрячься куда-нибудь! Скоро придет сюда Морское Чудовище и как тебя увидит — тотчас съест».— «Не крушись,— молвил царевич,— я не боюся!» Надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Вошел Морское Чудовище и закричал человеческим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет. Кто у тебя, царевна, в гостях?» — «Ах, мой свет,— отвечала царевна Звезда,— кому у меня быть? Да русский и зайти сюда не может. Сам ты по Руси бегаешь, набрался там русского духу, так он тебе и здесь чудится!» — «Полно, не пришел ли брат твой Иван-царевич? Ведь он давно уж родился».— «Я сроду никакого брата не видала, и есть ли у меня брат — и того не ведаю. А что если б Ивану-царевичу случилось зайти сюда, ведь ты бы съел его?» — «Нет,— отвечал Чудовище,— я никогда того не сделаю. За что я его съем? Ведь он мне ничего худого не сделал. Знаю и то, что он тебе мил; а по тебе и мне мил».— «Нет, я по тех пор не поверю, покуда ты клятвы не дашь».— «Изволь! Клянусь тебе всем, чем сама хочешь».— «Когда так,— молвила царевна Звезда,— то брат мой здесь и сидит против тебя».— «Что ты врешь? — сказал Морское Чудо.— Как же я его не вижу?» — «Он, право, здесь!» — отвечала

Звезда. Тогда Чудовище ударился о сырую землю и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и закричал: «Иван-царевич, не прячься! Я тебе не злодей, ничего худого не сделаю и завсегда рад тебя гостем видеть».

Царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривал с ним ласково, потчевал всякими питьями и кушаньями. Царевич попробовал того-другого и говорит Чудовищу: «Не хочешь ли ты моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Звезду и Морское Чудо потчевать. Чудо подивился той скатерти, и спрашивал у Ивана-царевича, где он взял ее. Иван-царевич обо всем ему рассказал, и когда они напились и наелись, то царевич свернул свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потешаться. Прожил царевич у меньшой сестры своей близ года. Когда Чудовища не было дома, стал он говорить царевне Звезде, чтоб она ушла с ним к отцу к матери. «Что ты, братец! — отвечала она,— Морское Чудо нагонит нас, лютой смерти предаст».— «Как же мне тебя и сестру нашу выручить?» — «Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Там есть широкая река, через реку калиновый мост, под тем мостом живет двенадцатиглавый змей; не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает. Кому удастся убить двенадцатиглавого змея, за того Царь-девица замуж выйдет; а с ее помощью можно и меня и сестру выручить». Царевич выслушал эти речи, простился с сестрою и пошел за тридевять земель.

Он надел сапоги-самоходы и в три дня поспел к калиновому мосту. Зашел в кузницу и велел сковать себе меч-кладенец и палицу боевую в сорок пуд; кузнецы сковали ему и меч и палицу. Царевич заплатил за работу и пошел к мосту со змеем биться. Змей тотчас выбежал, бросился на царевича — хочет совсем проглотить его; но царевич приостерегся, махнул палицей и за один раз отсек змею три головы. Змей опять на него бросился, царевич вторично ударил его палицею и сшиб шесть голов. Тут змей испустил из себя пламя огненное — хочет сжечь царевича; царевич быстро увернулся, ударил змея мечом и рассек его надвое, потом наклал костер дров, зажег и положил все змеиные головы и туловище на огонь, а сам пошел через мост на другую сторону.

Видит он — вылетело из градских ворот двенадцать голубиц; прилетели они к калиновому мосту, ударились о сырую землю и сделались красными девицами. Разделись красные девицы донага и стали купаться; а царевич надел шляпу-невидимку, любуется на их красоту и ждет, что после будет. Девицы выкупались и оделись; Иван-царевич скинул с себя шляпу, подошел к ним, поклонился и сказал: «Честные де́вицы, скажите мне, кто этим царством владеет?» — «Этим царством владеет прекрасная Царь-девица; а ты, добрый мо́лодец, как сюда зашел?» — «Я пришел чрез калиновый мост,— отвечал царевич,— и по ту сторону убил змея о двенадцати головах». Только выговорил он эти слова, как двенадцать девиц подхватили его под руки и сказали: «Если ты убил двенадцатигла-

вого змея, то должен быть нашим государем!» — и повели его к Царь-девице. Царь-девица вышла встречать царевича, принимала его за белые руки, сажала за столы дубовые, за скатерти браные и разговаривала полюбовно; в тот же день царевич на ней и женился.

Прошло несколько дней после свадьбы, начал царевич просить свою супругу, чтоб освободила его сестер, царевен Луну и Звезду. Царь-девица закричала громким голосом: «Приведите ко мне проклятого духа, что сидит в темном погребе». Приводят к ней того заключенника — ростом превеликий, собой страшный! Говорит ему Царь-девица: «Достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звезду; если сослужишь мне эту службу — на волю тебя выпущу, а не сослужишь — навек тебя заключу в темном погребе». Проклятый дух тотчас помчался буйным вихрем и в скором времени принес обеих царевен; Царь-девица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звезду отправила к отцу, к матери, а сама стала жить с Иваном-царевичем в любви и совете.

563. СКАЗКА О ТРЕХ КОРОЛЕВИЧАХ

В некотором царстве, в некотором государстве жил король; у него было три сына: Василий-королевич, Федор-королевич и Иван-королевич. «Любезные дети! — говорил им отец.— Вы видите, что я стар; а слышно, что за тридевять земель в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве есть живая и мертвая вода и яблонь, на которой растут такие яблоки, что и старому можно от них сделаться молодым. Как бы добыть этой воды и этих яблок?» Василий-королевич приказал оседлать себе коня и поехал в путь; ехал он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и заехал в такие горы и пропасти и леса непроходимые, что стал опасаться потерять дорогу; воротился назад и сказал отцу, что подсолнечного государства нигде не нашел. Поехал Федор-королевич, и с ним случилось то же.

Тогда вздумал попытать счастия меньшой брат, Иван-королевич; он поехал по новой дороге, ехал-ехал и видит: стоит избушка на курьих ножках, а в избушке баба-яга. Спрашивает его яга-баба: куда едет и волею али неволею? «Сколько неволею,— отвечал Иван-королевич,— а вдвое того своею охотою!» — и рассказал ей, куда и зачем путь держит. Яга-баба дала ему нового коня и послала к своей сестре; эта тоже переменила ему коня и послала к третьей сестре, которая, узнавши в чем дело, повела королевича в конюшню и сказала: «Вот тебе конь; поезжай на этом, а своего оставь у меня. А вот и дорога, что ведет в государство, в котором есть живая и мертвая вода и моложавые яблоки. Туда нельзя проехать иначе, как ночным временем. Там увидишь ты высокую стену, перескочи ее и поезжай прямо к садовым воротам; в саду найдешь яблонь, на которой растут моложавые яблоки, и подле два колодезя с живою и мертвою водою. Да как поедешь назад, берегись, чтобы конь твой не зацепил ни за одну струну из тех, что проведены к стене».

Иван-королевич так все и сделал; перескочил через стену и въехал в сад, нарвал моложавых яблок и налил в склянки живой и мертвой воды,

да как стал ворочаться — не уберегся: прыгая через стену, конь его зацепил за струны, и от того поднялся во всем городе колокольный звон, барабанный бой и пушечная пальба; все встревожилось. Царь-девица, которой принадлежали и моложавые яблоки, и живая и мертвая вода, приказала оседлать коня и тотчас же пустилась за Иваном-королевичем в погонь; но не догнала. Иван-королевич брал у каждой бабы-яги по свежей лошади; а царь-девица как приехала к первой яге и стала о нем спрашивать: «Не видала ль где, баба-яга, такого-то человека?» — «Не видала»,— отвечала яга, а сама стала просить царь-девицу, чтоб побыла у нее и успокоилась от такого дальнего пути. Царь-девица пробыла у ягибабы целый день и целую ночь; то же случилось и у других двух сестер яги-бабы. Когда царь-девица стала нагонять Ивана-королевича, он въехал уже в свое государство. «Счастлив ты, королевич,— сказала царь-девица,— что не попался в мои руки; но постой, я буду к тебе в гости!»

Иван-королевич приехал домой, вынул склянки с живой и мертвой водою, положил на блюдо моложавые яблоки и все это поднес своему отцу. Король весьма обрадовался, съел несколько яблок и помолодел. Стали они себе жить да веселиться. Раз вздумал король взглянуть в окошко и увидел в заповедном своем лугу раскинутую палатку; тотчас же послал он осведомиться, кто таков осмелился раскинуть свою палатку в королевском заповедном лугу? А в палатке была царь-девица, и говорила она: «Приехала-де я за тем, чтоб король выдал мне из своих сыновей виноватого; а не выдаст — я весь город разорю». Пошел к ней Иван-королевич. «Что мне с тобой делать? — сказала она.— Коли ты был столько смел, что похитил у меня чудесную воду и моложавые яблоки, то хочу быть твоею женою». Королевич женился на царь-девице и поехал жить в ее государство.

564. О ИВАНУШКЕ-ДУРАЧКЕ

Был-жил старик, у него было три сына: двое умных, а третий Иванушка-дурачок. Умирая, отец приказал им три ночи сряду ходить по очереди на его могилу и ночевать там. Когда умер старик и его похоронили, большому брату не захотелось идти на отцовскую могилу. «Дай дураку пирог,— сказал он своей жене,— пусть пойдет за меня, ночует на могиле». Дурак взял пирог, положил на плечо дубину и пошел на отцовскую могилу. В самую полночь вдруг свалился с могилы камень, земля раскрылась, встал старик (он был колдун) и спросил: «Кто пришел ночевать?» — «Я, батюшка, твой сын дурак».— «Ну, дурак, коли ты пришел, подарю тебе за то подарок».

После того старик свистнул-гаркнул богатырским посвистом, молодецким покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышет; и как прибежал, то и стал перед стариком как вкопанный. «Вот тебе конь,— сказал отец,— владей по смерть свою»; потом показал ему весь прибор: копье, палицу боевую и меч-кладенец, и как скоро пропели петухи — свалился в могилу. Поутру пошел дурак

домой. «Что тебе привиделось ночью?» — спрашивали его братья. «Ничего,— отвечал он,— я проспал до рассвета». На другую и на третью ночь опять ходил дурак на отцовскую могилу, и оба раза случилось то же.

В это время один царь велел отвесть лобное место и на том месте поставить двенадцать венцов и кликать клич: кто перескочит на коне все двенадцать венцов, тот получит в жены прекрасную царевну. Стали собираться короли и королевичи, цари и царевичи и сильные, могучие богатыри; поехали и братья Иванушки-дурачка. «Братцы, возьмите и меня с собою!» — сказал Иванушка-дурачок. «Куда тебя, дурака, нелегкая несет! — закричали братья.— Оставайся дома да лежи на печи». Только они уехали, дурак слез с печи и говорит своим невесткам: «Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду да грибов наберу». Невестки дали ему лукошко; дурак пошел в чистое поле, положил лукошко под кустик, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Прибежал конь и стал как вкопанный.

Дурак в одно ушко коню влез, напился там, наелся, хорошенько нарядился, а в другое вылез, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Сел на коня и поехал прямо к городу; нагнал своих братьев, поравнялся и начал их бить плетью, чтоб посторонились и дали ему дорогу. И как приехал к лобному месту, ударил коня по крутым бедрам. Его конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, и перепрыгнул шесть венцов. Тут закричали: «Держи, держи!» Но Иванушка поворотил назад, ускакал в чистое поле, влез свому коню в одно ушко, разрядился, вылез в другое и стал по-прежнему дурак дураком. Взял свое лукошко, пошел по лесу, набрал мухоморов и всяких грибов, что никуды не годятся, и принес домой. Невестки рассердились. «Что ты, дурак! — говорили они.— Разве тебе одному есть эти грибы!» А дурак сказал: «Вот еще! Поди набери грибов, да и то не угодишь».

Воротились домой братья и стали рассказывать о молодце, что нагнал их дорогою, да такой озорник — больно прибил за то, что они не посторонились. Дурак, сидя на печи, говорил: «Полно, не я ли вас бил, братцы?» — «Что ты врешь, дурак!» — закричали на него братья. В другой раз Иванушка-дурачок перепрыгнул на своем коне десять венцов, а в третий раз и все двенадцать венцов; царевна в ту ж минуту влепила ему в лоб алмазную звезду, а сама закричала: «Держи, лови, лови его!» Но дурак ускакал. Завязал себе голову тряпицею и засел на печи. Царь велел всем собираться к себе на пир, и как собрались, стала царевна обносить всех напитками; подошла к дураку и спросила: «Что у тебя лоб-то завязан?» — «Ходил я,— говорит дурак,— в лес за грибами, упал да зашибся». Царевна развязала тряпицу, и вдруг осветилась вся палата. Дурак женился на царевне.

После того услышал царь, что в его заповедных лугах бегает олень золоторогий, и приказывает зятьям своим поймать его. Иванушка-дурачок взял вместо доброго коня коростовую кобылу, сел на нее задом к голове, а передом к хвосту, взялся за хвост и поехал с царского двора; выехал

в чистое поле, содрал с лошади кожу, повесил на шест, а сам закричал: «Сбегайтесь, серые волки! Слетайтесь, сороки, воро́ны! Вот вам гостинец от царя». Свистнул и призвал сивку-бурку, клал на коня седельцо черкасское, двенадцать подпруг шелку шемаханского: шелк не рвется, булат не трется, аравитское золото в грязи не ржавеет; поскакал, как птица, и добыл оленя золоторогого. После того добыл дурак свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и ветку с золотой сосны, что растет за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, а ветки на ней серебряные, и на тех ветках сидят птицы райские, поют песни царские; да подле сосны стоят два колодца с живою водою и мертвою.

565. СМИРНЫЙ МУЖ И ДРАЧЛИВАЯ ЖЕНА

Мужичок некий жил с своею женою в великой скудости. Он был так смирен, как теленок, а жена его так зла, как змея лютая; она мужа своего всегда ругала и била за самую малую безделицу. В некое время злая жена выпросила у соседа на один хлебец ржи и послала своего мужа, чтобы пошел он к мельнику смолоть рожь. Мельник пустил его, ради бедности, на свою мельницу и дал ему смолоть рожь. Смоловши, пошел мужик домой. Вдруг сделался такой сильный ветер, что в одну минуту сдунул всю муку из чашки, в которой нес ее мужик. Пришел мужик домой и сказал о том своей жене; а жена, услыша то, начала его бранить и бить немилосердно, и била до тех пор, покуда устала, а потом стала посылать его к Ветру, который развеял у него муку, чтобы взять с Ветра за муку деньги или столько же муки, сколько в чашке было.

Мужик, претерпев от жены своей толикие побои, пошел, заплакавши, из своего дома и шел не зная куда; зашел он в дремучий лес и ходил по тому лесу дремучему. Попалась ему навстречу старуха и спросила мужика: «Добрый человек! Куда идешь, куда путь держишь? Как тебя занесло в сию сторонушку? Ведь сюда мало птица залетает и редко зверь забегает».— «Матушка старушка! — отвечал он.— Завела меня сюда неволя. Ходил я на мельницу рожь молоть, и, смоловши, высыпал муку в чашку, и пошел домой; на ту пору вдруг подул такой сильный ветер, что всю мою муку из чашки сдунул. Я пришел домой без муки и сказал о том своей жене; а она прибила меня и послала к Ветру, чтоб он отдал мою муку или заплатил за нее деньги. Теперь же я хожу, ищу Ветра и не знаю, где его найтить».— «Поди за мною,— сказала ему старуха,— я мать Ветрова, но у меня их четыре сына: первый — Ветер Восточный, второй — Полуденный, третий — Западный, а четвертый — Полуночный. Так скажи же мне теперь, который Ветер раздул муку?» — «Полуденный, матушка!» — молвил мужик.

Старуха повела старика в лес далее и привела его в небольшую хижину и сказала: «Вот, мужичок, я здесь живу. Полезай же ты на печь и окутайся хорошенько, как можно; мои дети скоро будут».— «Для чего же мне кутаться?» — спросил мужик. «Для того,— сказала старуха,— что сын мой, Полуночный Ветер, очень холоден; он зазнобит тебя скоро». После

Смирнои мужикъ и драчливая жена
мужичокъ некій жилъ своею женою въ великой скудос-
ти онъ былъ такъ смиренъ якъ теленокъ а жена его такъ
зла какъ змея лютая она мужа своего всегда ругала бра-
нила и била и все то за самую безделицу такое время на-
да жена его выпросила у соседа надниъ хлеба ржи и посла-
ла мужа своего чтобъ пошелъ онъ к мелнику смолоть ро-
жь на его мелнице мелникъ по бедности его пустилъ на
свою мелницу и далъ ему рожь смолоть мужикъ смоловши
рожъ пошелъ домой на дороге зделался такой силной ветеръ
что из чашки в которой онъ несъ муку всю здулъ во одну
минуту онъ пришедъ домой сказалъ о томъ жене своей
жена услыша то начала его бранить и бить немилосердно
мужа побивши до техъ поръ покуда устала стала посылать
его к ветру которой у него муку развеялъ чтобъ взять съ
ветра за муку денги или столкоже муки сколко у него в ча-
шке было мужикъ претерпевъ от жены своей толико побои
пошелъ заплакавши изъ своего дома и шелъ незная куда
и самъ изашелъ онъ въ дремучій лесъ и ходитъ од-
инъ по томъ дремучемъ лесу

и попалась ему навстречу старуха и спросила мужика до-
брой человекъ куда идешь куда путь держишь какъ те-
бя занесло въ сию сторонушку нить сюда мало и птица
залетаетъ и редко зверь забегаетъ матушка старушка
отвечалъ онъ завела жена худая неволя ходилъ я на мел-
ницу рожъ молоть не смоловши высыпалъ муку в чашку и
понесъ домой и на ту пору вдругъ подулъ такой силной
ветеръ что всю мою муку из чашки здунулъ и пришедъ до-
мой без муки сказалъ о томъ жене своей а она за это прибила
меня и послала к ветру чтобъ онъ отдалъ мою муку
или за нее заплатилъ денги теперь же я хожу ищу ве-
тра и не знаю где его найти поди за мной сказала ему
старуха я мать ветрова и у меня их четыре сына пе-
рвой ветръ восточной второй полуденной третій запа-
дной а четвертой полуночной такъ скажи же мне теперь
которой ветръ у тебя муку раздулъ полуденной матуш-
ка молвилъ мужикъ старуха повела старичка в лесъ
даже и привела его в жеданную хижину и сказала вотъ му-
жичокъ а здесь живу полезай же ты на печь скута-
йся хорошенко мои дети скоро будутъ

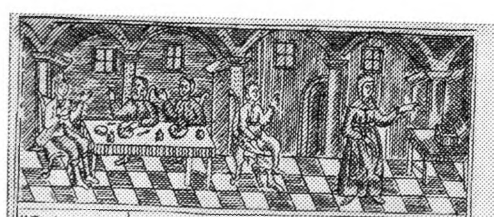

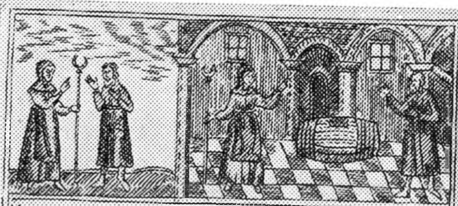
для чего же мне кутатся спросилъ мужикъ для того с-
казала старуха что сынъ мой полуночной ветеръ очень холо-
денъ то онъ заморитъ тебя скоро после того старухины
дети стали собиратся и когда пришелъ полуденной ве-
тръ то старуха кликнувъ с печи мужика стала говорить
своему сыну сынъ мой любезной полуденной ветерочикъ
на тебя есть жалоба зачемъ ты бедныхъ людей обижа-
ешь ты у сего мужичка муку развеялъ которую онъ
несъ в чашке теперь заплати ему за муку хоть денгами
или чемъ хочешъ хорошо матушка сказалъ ей ветръ я
ему за его муку заплачу ветръ кликнулъ к себе мужика и
сказалъ слушай мужичокъ возми ты себе эту коробочку
в ней все есть что только вздумаешь и когда что тебе
захочется денегли хлеба ли кушанья ли какого сно-
тали питья ли или что тебе вздумается то скажи
только коробочка дай мне вотъ это и это то она том
часъ тебе и дастъ поди же теперь домой въ это тво-
е платежъ за твою муку мужикъ поклонясь
ветру и поблагодаривъ его за коробочку пошелъ
домой принесши же коробочку домой

отдалъ ее жене своей и сказалъ вотъ тебе жена коробочка в
ней все есть что тебе надобно только лишь попроси у не-
е жена его взявъ коробочку сказала коробочка дай мне хо-
рошей муки и коробочка тотчасъ ей дала сколко на-
добно было она попросила у коробочки еще кое что а коро-
бочка ей все дала в ту же минуту через несколко д-
ней случилося мимо мужиковой избы ехать знатному
помещику и увидевши его жена мужикова сказала
своему мужу поди и зови его к себе в гости и еже-
ли не зазовешъ его то я тебя прибью до полусмерти
мужикъ убоясь побои от жены своей пошелъ звать дворя-
нина к себе на пиръ а жена его в то время набрала у коро-
бочки всякаго кушенья и напитковъ и собравъ на столъ
села под окномъ сложивши руки дожидалась к себе въ
домъ пришествия дворянина котораго мужикъ на-
шедъ на дороге сталъ звать его к себе на пиръ и онъ у-
дивяся такому зову лишь смеялся и не хотелъ к нему е-
хать приказалъ своимъ людемъ которые были при
немъ ехать к мужику и после расказать какъ о-
ни ихъ угостятъ люди поехали къ мужику

Лубочная сказка: Смирный мужик и драчливая жена

Лубочная сказка: Смирный мужик и драчливая жена

того старухины дети стали собираться. Когда пришел Полуденный Ветер, то старуха, кликнув с печи мужика, стала говорить своему сыну: «Сын мой любезный, Полуденный Ветерочек! На тебя есть жалоба. Зачем ты бедных людей обижаешь? Ты у этого мужика муку развеял, которую он нес в чашке; теперь заплати ему за муку хоть деньгами или чем хочешь».— «Хорошо, матушка! — сказал ей Ветер.— Я ему заплачу за муку».

Ветер кликнул к себе мужика и сказал ему: «Слушай, мужичок! Возьми себе эту коробочку; в ней все есть, что только вздумаешь. И когда тебе что захочется: денег ли, хлеба ли, кушанья ли, питья ли какого, скота ли или что тебе вздумается — то скажи только: «Коробочка, дай мне вот то и то-то!» Она тотчас тебе и даст. Поди же теперь домой; вот тебе платеж за твою муку». Мужик, поклонясь Ветру и поблагодарив его за коробочку, пошел домой. Когда он принес коробочку домой, то отдал ее своей жене и сказал: «Вот тебе, жена, коробочка! В ней все есть, что тебе надобно, только лишь попроси у нее». Жена, взяв коробочку, сказала: «Коробочка! Дай мне хорошей муки на хлебы». Коробочка тотчас ей дала, сколько надобно было. Она попросила у коробочки еще кое-что, а коробочка все ей давала в ту же минуту.

Чрез несколько дней случилось мимо мужиковой избы ехать знатному помещику. Увидевши его, жена мужикова тотчас сказала своему мужу: «Поди и зови его к себе в гости, а ежели не зазовешь его к себе в гости, то я прибью тебя до полусмерти». Мужик, убоясь побой от жены своей, пошел звать дворянина к себе на пир; а жена его в то время набрала у коробочки всякого кушанья и напитков и, собрав на стол, села под окном; сложивши руки, дожидалась она к себе в дом пришествия дворянина, которого мужик нагнал на дороге и стал звать к себе на пир. Удивясь такому зову, он лишь смеялся и, не хотя к нему ехать, приказал своим людям, которые при нем были, ехать к мужику и после рассказать, как он угостит их. Люди поехали к мужику в гости и, приехав туда, весьма удивились, что, судя по хижине, должно быть ему весьма бедным человеком, а по кушанью, которое поставлено на столе,— знатным господином. Кушанья и напитков было поставлено на столе великое множество. Они сели за стол, пили, и ели, и прохлаждались, и приметили, что мужикова жена — в чем имела надобность, то просила у коробочки, и коробочка ей все то давала.

Не выходя из избы, они послали одного из товарищей, чтоб заказал сделать точно такую же коробочку в самое короткое время, которую бы немедленно принесли к ним так, чтобы ни мужик, ни жена его того не приметили. Посланный побежал тотчас и велел сделать такую же коробочку, и как ее принесли, то гости сии взяли тихонько мужикову коробочку, а свою поставили на ее место, и потом все поехали от мужика и рассказали, как мужик их потчевал. Жена же мужикова в тот день к вечеру и выбросила все кушанья вон — затем, чтоб на другой день наварить свежего. Наутро пришла к коробочке и стала у нее просить того, что ей было надобно, и, видя, что коробочка ничего больше ей не дает, призвала своего мужа и сказала: «Старый хрыч! Какую ты принес мне

коробочку? Она, видно, служила нам только на время. Поди опять к Ветру и проси у него, чтоб отдал нашу муку, а не то так я прибью тебя до смерти!»

Бедный мужик пошел опять к Ветру и, пришедши к старухе, его матери, жаловался на свою жену. Старуха сказала ему: «Подожди моего сына; он скоро будет». Вскоре пришел Полуденный Ветер, и мужик начал ему жаловаться на свою жену, а Ветер ему сказал: «Жаль мне тебя, старика, что жена у тебя так зла; однако я тебе в том помогу, и жена тебя бить больше не станет. Возьми эту бочку, и когда придешь домой, а жена твоя будет тебя бить, то стань позади бочки и скажи: «Пятеро из бочки, бейте мою жену!» А когда они ее поколотят довольно, то скажи: «Пятеро опять в бочку!» Мужик, поклонясь Ветру, пошел домой и, пришедши, сказал жене: «Вот тебе, жена, вместо коробочки бочка!» Жена осердилась на своего мужа и сказала: «Что мне в твоей бочке? Для чего не принес муки!» И выговоря сии слова, ухватила ухват и хотела бить своего мужа. Мужик тотчас стал за бочку и сказал: «Пятеро из бочки, бейте мою жену хорошенько!» Вдруг выскочили из бочки пять молодцов и стали бить мужикову жену. Мужик, видя, что поколотили ее довольно и она стала просить его, чтоб помиловал ее, сказал: «Пятеро опять в бочку!» С тех пор жена его стала посмирнее.

Потом мужик стал помышлять о своей коробочке и начал подозревать гостей своих, не подменили ль они его коробочки. Он начал советоваться с своею женою о том, как бы им опять достать свою коробочку. Жена ему на то сказала: «Когда теперь у тебя есть такая диковинная бочка, что можешь ты не только с одним человеком, но даже и с великими тысячами управляться, то поди — вызови дворянина на поединок и требуй, чтобы он велел отдать тебе коробочку!» Мужик принял сие за хороший совет, пошел к дворянину и, пришедши к нему, стал вызывать его на поединок. Он же смеялся мужикову дурачеству, не хотел ему в том отказать, а вздумал над ним посмеяться и для того приказал мужику выйти в поле.

Мужик взял свою бочку, пошел и дожидался господина, который собрал с собою много людей и поехал к мужику, и как скоро к нему подъехал, то приказал служителям, чтоб его будто шуткой хорошенько поколотили. Мужик, видя, что над ним смеются, да уже и бить стали, осердился на дворянина и на его людей и молвил: «Эй, барин! Вели отдать мою коробочку, а не то худо всем будет!» Но, видя, что бить его не перестают, он закричал: «По пяти на каждого из бочки, бейте хорошенько!» Тотчас выскочили из бочки на каждого человека по пяти молодцов и стали бить всех немилостиво. Дворянин, убоясь, чтоб его не убили, закричал во весь голос: «Мужичок! Перестань бить, я велю отдать твою коробочку». Мужик, услышав то, крикнул: «Эй, эй, молодцы! Ступайте все в бочку». Тотчас все молодцы перестали бить и ушли в бочку. Дворянин же приказал своим людям отдать коробочку, что по повелению его и учинено. А мужик, взяв свою коробочку, принес домой и стал жить с своею женою в великом удовольствии и тишине.

566. СКАЗКА ПРО ПЕРСТЕНЬ О ДВЕНАДЦАТИ ВИНТАХ

Жил-был себе в одном селе сын с матерью, а мать была у него старая-престарая старуха, и звали этого сына Иван-дурак. Жили они в убогой избенке об одном оконце и в великой бедности: такая бедность была, что окромя хлеба черствого, почитай, и не едали ничего, а иной раз и того еще не было. Мать сидит, пряжу прядет, а Иван-дурак на печи сидит, в золе копается да знай сопит себе. Вот только мать и говорит ему: «Что ты, Иванушка, сидишь да сопишь себе на печи-то в золе? Шел бы ты куда, к корчме, что ли; авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя к себе в батраки — все хоть какой-нибудь кусок хлеба был! А дома-то кормиться нам нечем».— «Ну, ладно, я пойду!» — говорит дурак; взял и пошел себе к корчме. Навстречу ему человек попадается: «Куда идешь, Иван-дурак?» — «В службу иду наниматься».— «Ступай ко мне служить: вот тебе столько-то я жалованья положу и все прочее». Согласился Иван, пошел к нему в службу. А у того человека сука была, и ощенилася эта сука; Иванушке очень уж понравился один щенок, и вы́ходил он этого щенка. Проходит год, пора и к расчету за службу. Дает хозяин Ивану деньги, благодарит его, а Иван и говорит ему: «Не надо мне ваших денег, а дайте вы мне лучше того щеночка, что я у вас вы́ходил». Тот и рад, что денег-то платить не надобно, отдал ему щенка.

Пришел Иван домой; мать как узнала, давай на него плакаться: «Все люди, как люди, один ты у меня дурак! И то есть было нечего, а теперь еще одна лишняя душа — чем кормить собаку-то будем?» Иван-дурак ничего себе не отвечает, сидит себе на печи, сам сопит да знай только в золе копается; и собачка его с ним. Проходит мало ли, много ли времени, опять мать говорит ему: «Что сидишь-то без толку? Шел бы к корчме, авось-либо добрый человек какой попался, взял бы тебя в батраки».— «Ну, ладно, я пойду!» — говорит дурак, взял собачку свою и пошел. Навстречу другой хозяин ему: «Куда идешь, Иван-дурак?» — «В службу,— говорит,— наниматься».— «Ступай ко мне служить!» — «Ладно!» Договорились они, и пошел дурак опять в батраки. А у хозяина у этого кошка была; вот она и окотилася. Полюбился дураку один котеночек, он и вы́ходил его. Приходит время к расчету. Иван-дурак и говорит хозяину: «Не надо мне ваших денег, а отдайте мне того котеночка».— «Изволь!» — говорит. Вот пришел дурак домой, мать еще пуще того стала плакаться: «Все-то люди, как люди, один ты у меня дурак уродился! И то есть было нечего, а теперь еще две лишних души кормить надобно».

Горько стало Ивану слушать это, взял он свою собачку да кошечку и пошел себе в поле. Видит посеред поля костер горит и большущий костер такой — пребольшущий! Как подходит он ближе к этому самому костру, видит: в нем змея корчится и горит на каленых угольях. Сама горит, а сама кричит ему человеческим голосом: «Эй, Иван-дурак, спаси ты меня! Я тебе большой выкуп дам за свою душу». Взял Иван палицу и палицей той выкинул змею из костра. Как выкинул он ее, глядит — а перед ним

не змея, а красная девица стоит и сама говорит ему: «Ну, спасибо тебе, Иванушка! Сослужил ты мне великую службу, сослужу я тебе еще и больше того! Пойдем,— говорит,— к моей матери; будет она тебе давать медные деньги — ты не бери, потому это уголье, а не деньги; будет давать серебряные — также не бери, то будут щепки, а не серебро; будет выносить тебе золото — и того не бери, потому что вместо золота там будет черепье да кирпич; а проси ты у нее в награду перстень о двенадцати винтах: тяжело ей будет отдать, одначе ты не сумлевайся, потому что она за меня отдаст его». Вот все так и случилось. Хоть и важно озлилась старуха, только отдала ему перстень.

Вот идет Иван полем и думает себе: «Что же я теперь с этим перстнем буду делать?» Только глядит, догоняет его эта самая дочка и говорит: «Ты, Иван, чего ни пожелаешь только,— все это тебе будет; стань ты только вечером на пороге, отвинти все двенадцать винтов — и явятся перед тобою двенадцать тысяч человек, что захочешь, то им и приказывай,— все тебе будет исполнено!» Пришел Иван домой, ничего не сказал матери, а сам сел себе на печь, сопит да в золе копается. Вот пришел вечер, легли они спать; Иван выждал время, выходит на порог, отвинтил в перстне все двенадцать винтов — и явились перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» И говорит им Иван: «Сделайте вы мне, чтобы на этом самом месте стоял дворец, какого и в свете нет, и чтобы я спал на золотой кровати, на лебяжьей перине, и мать моя то же само, и чтобы кучера, и форейторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди ходили бы у меня по двору и служили бы мне».— «Ложись себе с богом,— говорят ему люди,— все будет по слову твоему исполнено».

Просыпается Иван-дурак наутро и даже сам испугался; смотрит: спит он на золотой кровати, на лебяжьей перине, и стоят тут высокие хоромы и такие богатые, что даже и у царя-то ихнего нет таких, а по двору ходят кучера, и форейторы, и лакеи, и всякие сильные и важные люди и служат ему. Подивился дурак, думает: «Ладно!» Глянул в зеркало — самого-то себя не узнать: стал таким красавцем, что ни пером описать, ни в сказке сказать; как след (следует), по хоромам и господин! Вот только просыпается тем часом и царь (а в том месте царь ихний жил), смотрит он: стоят супротив его дворца высокие хоромы, и стоят они — сами словно жар горят золотом. Посылает царь проведать: «Чьи такие? И пускай, мол, ко мне приедет показать себя, каков он такой есть». Докладывают Ивану. «А сказать ему,— говорит,— что Ивана-царевича хоромы; а коли хочет видеть меня, так не велик господин, пускай сам приедет!» Нечего делать, поехал царь к Ивану-дураку; познакомились они, и опосля этого поехал и Иван-дурак к царю-то. А у царя распрекрасная дочка-королевишна была. И она, эта дочка, угощения Ивану подносила, и тут больно уж полюбилась ему. Стал просить царя, чтобы замуж за него отдать.

Вот теперь и царю в свой черед тоже поломаться захотелось: «Отдать-то,— говорит,— отчего и не отдать; только ты, Иван-царевич, сослужи мне прежде того службу. Дочь моя роду не простого, и потому

венчаться ей надо как ни на есть лучше во всем народе. Сделай ты мне, чтоб от твоего дворца до моего дворца золотая дорога легла; а через реку чтобы был у меня мост, да не простой, а такой, чтобы одна сторона была золотая полоса, а другая сторона — серебряная полоса, и на реке чтобы плавали всякие птицы редкие, гуси и лебеди; а по ту сторону реки пускай церковь стоит, да не простая, а вся восковая, и вокруг нее пускай зацветают восковые яблони и спелые яблоки родят. Коли ты мне,— говорит,— сделаешь все это, быть дочери за тобою, а не сделаешь — на себя пеняй!» Думает царь, что ну вот теперь уже вволю насмеялся над Иваном, а Иван и в ус себе не дует. «Ладно,— говорит,— извольте; готовьте к завтрему свадьбу!» С тем и уехал.

Вечером, как все спать улеглись, стал он на пороге, отвинтил в перстне все двенадцать винтов — встали перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» — «Так и так,— говорит,— нужно мне то-то и то-то».— «Ладно,— говорят,— ложись себе с богом». Просыпается царь наутро, подходит к окну, а глаза ему так и ослепило — ажно отскочил на три сажени: это, значит, мост-то, одна полоса серебряная, другая золотая, так и горит и светится; на реке гуси и лебеди и всякая птица редкая, а на том берегу церковь белая восковая, и вокруг церкви яблони стоят, только без листьев, голые прутья торчат. — «Ну,— думает царь, дело-то неладное, надо снаряжать дочку к венцу». Снарядили и поехали. Выехали из дому, а на яблоньках почки проступили; едут по мосту, а яблоньки листвою одеваются; подъезжают к церкви, а на яблоньках белые цветочки распускаются; как только что время выходить им от венца, а тут встречают их слуги и всякие люди и на золотом блюде подают спелые яблоки. Так они и стали свадьбу справлять и пиры да балы задавать, и был там пир у них три дня и три ночи.

После того мало ли, много ли времени прошло, стала королевишна приставать к Ивану: «Скажи ты мне, супруг мой любезный, как ты все это делаешь, что и мост в одну ночь строишь и церковь восковую ставишь?» Иван-дурак долго не хотел говорить ей; одначе так как уж очень ее любил и очень она у него просила, так он и сказал ей, что у меня-де перстень о двенадцати винтах и так-то вот надо обходиться с ним. Ну, вот так и живут они; только на беду полюбился королевишне один лакей ихний, из себя видный, здоровый и красивый такой; она с ним и сговорилася, чтобы обокрасть мужа своего и перстень у него унести, а самим уйти бы жить зá море. Вот только как пришел вечер, вынула она потихоньку перстень, стала на пороге, отвинтила все двенадцать винтов — и явились перед нею двенадцать тысяч человек: «Ты — наша госпожа, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» Она говорит им: «Возьмите вы этот дворец и как есть со всем перенесите его зá море, а на сем месте пускай станет прежняя избушка с моим муженьком Иваном-дураком».— «Ложись себе с богом,— говорят ей люди,— все будет по слову твоему исполнено».

Наутро Иван просыпается — смотрит: лежит он на рогожке, дырявым зипуном покрыт, а хорóм и следа нет. Горько восплакался он и пошел к

царю, своему тестюшке, приходит во двор, просит доложить, что пришел-де зять. Тот как увидал его: «Ах, ты, такой-сякой, беспорточный! Какой ты мне зять? У меня зятья в золотых хоромах живут, в серебряных каретах катаются. Взять его и замуровать в каменный столб?» Сказано — сделано: взяли и замуровали Ивана в каменный столб; а собачка с кошечкой от него не отстают, тут же сидят вместе с ним, и прорыли они себе лазейку и через нее поесть ему пищу приносят.

Только вот раз и вздумали они себе: «Что ж это мы с тобою, собачка, сидим здесь сложа руки! Сбегаем-ка мы за́ море да достанем перстень». Как надумали они себе это, так и сделали. Переплыли через море, видят: стоит ихний терем, и королевишна с тем лакеем по́ саду гуляет, мужа своего судачит. «Ну, собачка, пообожди ты пока здесь, а я проберуся в терем да кольцо достану»,— говорит кошечка и пошла себе. «Мяу-мяу!» — под дверью. Услыхала королевишна: «А, это кошка того мерзавца,— говорит,— впустите да накормите ее!» Вот ее впустили и накормили, а она все ходит по комнатам да высматривает перстня, только и видит, стоит печка, а на печке стеклянная банка, а в банке той перстень. Обрадовалась кошечка. «Ну,— думает,— слава богу! Теперь только бы дождаться ночи, а там достану перстень — и домой». Только как все улеглись, она вскочила на печку и свалила оттуда банку, банка упала и разбилась, а кошечка подхватила перстень в рот и притаилася под дверью. В доме все проснулись, сама королевишна встала; увидала, что банка-то разбита. «Ах,— говорит,— это, верно кошка того мерзавца разбила; выгнать ее вон!» Выгнали кошечку вон, а она и рада, бежит к собачке: «Ну, брат собачка, достала перстень! Теперь только поскорей бы домой».

И поплыли они через море; плывут-плывут себе, долго плывут. Коли устанет собачка — сядет она на кошечку, а коли кошечка устанет — сядет на собачку; так они и обходятся. Уж недалеко и до берега им осталось, только собачка стала изнемогать; кошечка видит это и говорит ей: «Садись ты на меня, ты уж устала!» Как сказала она это, а перстень-то изо рта у ней бултых в воду! Что тут делать? Доплыли до берегу, ходят себе да слезно плачут, а сами уж тем часом и проголодалися. Собачка бегает по́ полю, ловит птичек-воробышков, и кошечка ходит по берегу, ловит мелкую рыбицу, которую волной выбивает; тем они и кормятся. Только вдруг кошечка и кричит: «Ой ты, собачка, ступай скорее ко мне! Я-то ведь перстень нашла! Поймала рыбку, стала ее есть, а в рыбке-то и был этот перстень». Ну, вот обрадовались они сильно, побежали к Ивану и принесли ему перстень.

Иван дождался вечера, отвинтил все двенадцать винтов — и явились перед ним двенадцать тысяч человек: «Ты — наш господин, мы — твои люди; приказывай нам, чего душа пожелает!» — «Разнесите,— говорит,— сейчас же этот каменный столб, чтобы и праху от него не осталось, а из-за моря перенесите мои хоромы со всеми, кто там есть и как кто там спит, и поставьте их на прежнее место!» Тотчас же все так и случилось. Наутро едет Иван к своему тестю-царю. Тот его встречает, на первое место сажает: «Где, любезный зятюшка, побывать изволил?» — «Я,— говорит Иван,— был за́ морем».— «То-то,— говорит,— за́ морем!

Видно, по спешному делу, что к тестю и проститься даже не заехал... А тут без тебя приходит ко мне какой-то голоштанник и называется моим зятем; я его приказал в каменный столб замуровать, там он,— говорит,— и сгинул, верно! Ну, а ты, любезный зятюшка, где побывать изволил, какие виды видывал?» — «А видывал я,— говорит,— разные виды; за́ морем одно такое дело было, что никто не знает, как и рассудить».— «Какое ж такое это дело?» — «А вот какое! И коли ты теперича умный человек, так вот и рассуди по своей царской мудрости: была у мужа жена, от живого мужа завела себе душеньку, обокрала с этим душенькой мужа-то и ушла было с ним за́ море, а теперь спит с ним на одной кровати. Что по-твоему надо сделать с такою женой?» — «По своей царской мудрости я,— говорит,— скажу такое слово: взять их обоих, привязать к конским хвостам и пустить в чистое поле: тут им и казнь!» — «Ну коли так, так ладно же! — говорит Иван.— Поедем ко мне в гости, я тебе покажу другие виды и другое диво». Поехали они, входят в спальню: а там королевишна, обнявшись с тем лакеем, спит на золотой кровати, на лебяжьей перине, и знать ничего не знает. Ну, уж тут нечего делать — по царскому слову взяли привязали их к конским хвостам и пустили жеребцов в чистое поле: тут им и казнь была! А Иван опосле женился на той красной девице-раскрасавице, которую он из огня спас, и стали они жить да поживать да добра наживать.

567. СКАЗКА О БЕССЧАСТНОМ СТРЕЛКЕ

Жил-был стрелок. Когда ни случалось, что в лес он пойдет стрелять птиц, все не было удачи, возвращался в свой дом с пустым мешком и прозван был Бессчастным стрелком. Дошло до того у стрелка, что не осталось ни хлеба в суме, ни гроша в котоме. Бедный Бессчастный трое суток не ел, по лесу бродя; дрожал от холода, и пришло ему хоть умирать с голода. Лег он на траве, сбираясь нацелить ружье себе в лоб; но перекрестился, остановился, отбросил ружье, и вдруг он услышал шорох при ветерке, шепот невдалеке. Шепот выходил, казалось, из густой лесной травы. Встал стрелок и подойдя к тому месту, наклонился; увидел, что трава закрывала глубокую пропасть, из той пропасти высунулся камень, а на камне кубышечка лежала. Тут стрелок услышал слабый голос: «Добрый человек прохожий! Освободи меня».

Тот голос выходил из кубышечки, и стрелок, неустрашимо с камня на камень ступая, над пропастью сам очутился: взял он кубышечку тихо и слышит — в кубышечке голос, словно кузнечик, стрекочет: «Освободи ты меня! Я тебе послужу».— «Кто ты, дружок?» — спросил Бессчастный стрелок и слышит шепот в ответ: «Мне имени нет, и меня глаза не видят, а кличь, если хочешь: Мурза! Чудодей-чародей посадил меня в эту кубышку и, запечатав Соломоновым перстнем, бросил сюда, и лежал я здесь семьдесят лет, пока ты не пришел».— «Хорошо,— сказал Бессчастный стрелок,— выпущу тебя на волю; посмотрю, как исполняешь, что ты обещаешь». Стрелок сорвал печать и раскрыл кубышку, но в ней ничего не видал. «Эй, где ж ты, приятель?» — спросил Бессчастный

стрелок. «Возле тебя»,— кто-то ему отвечал. Стрелок оглянулся вокруг, но возле него нет никого! «Эй, Мурза!» — «Что прикажешь? Я слуга тебе на три дня и все, чего хочешь, доставлю; молви только: поди туда — не знаю куда и принеси то — не знаю что!» — «Хорошо,— сказал стрелок,— видно, ты лучше знаешь, что надобно; поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!»

Лишь только молвил Бессчастный стрелок, как глядит — откуда ни взялся стол на лугу, тарелки и блюда из травы налетели, всяким кушаньем по края полны, как будто бы с царского пира. Стрелок сесть за стол спешил, голод утолил, встал, помолился, на обе стороны поклонился и молвил: «Спасибо!» Стол исчез, как не бывало; а стрелок свой путь продолжал. Дорогою стрелок приустал, а на ту пору шел через лес плутоватый цыган и коня продавал. «Вот если бы деньги, купил бы я лошадь,— подумал Бессчастный стрелок, — хорошо бы, когда б не был тощ кошелек. Дай скажу приятелю... Мурза!» — «Что угодно?» — «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!» Не прошло минуты, как стрелок послышал бренчанье денег в суме своей; невидимо откуда в нее золото сыпалось. «Спасибо на слове без обмана!» — сказал стрелок и стал торговать коня у цыгана. Купив коня, начал отсчитывать деньги; а цыган разинув рот, дивовался, сколько в суме у стрелка было золота.

Отъехав от стрелка, плутоватый цыган зашел в лес и свистнул. На свист не отвечали. «Видно, спят!» — подумал цыган и вошел в пещеру, в которой разбойники отдыхали, на разостланных кожах лежали. «Что, братцы, спите? Шевелитесь, встряхнитесь,— крикнул он,— а не то прозеваете сокола; сам-один в лесу, а сума набита золотом. Вставайте скорей!» Разбойники на коней и за стрелком поскакали. Слышит топот Бессчастный стрелок, видит он, что скачут на него со всех сторон, и крикнул: «Мурза!» — «Я здесь!» — услышал он возле себя. «Поди туда — не знаю куда!» И вот смотрит стрелок — в лесу зашумело и на разбойников что-то налетело из-за деревьев: одного взбросит, другого вскинет; а кто нападает — никого не видать! Разбойники попадали с коней, не могли и подняться с земли; а стрелок дальше поехал, песню напевая да присвистывая, из темного леса в чистое поле и добрался полем до города.

Под городом шатры раскинуты, стоит в шатрах дружина ратная. На вопрос стрелку отвечали, что под город тогда подступала татарского хана несметная сила; сватался хан за царевну Миловзору Прекрасную; рассердясь за отказ, пришел под царство с татарами. Бывало, Бессчастный стрелок на охоте видал Миловзору; царевна на статном коне скакала с копьем золотым; колчан, полный стрел, за плечами блестел; а откинет с лица покрывало, то солнышком вешним сияла — очам светло и душе тепло! Стрелок призадумался, кликнул: «Мурза!» И вмиг очутился в наряде богатом, сукно стало бархат, кафтан облит златом, с плеча епанча, колпак — шишаком, с шишака развеваются перья страуса-птицы, а прикреплены запонкой, в той запонке яхонты, вкруг яхонтов жемчуги. И стрелок во дворец, стоит пред царем и сам весть подает, что пришел отразить силу вражескую, если царь согласится выдать за него царевну Миловзору Прекрасную.

Царь удивился, отказать не решился и спросил незнакомца об имени, роде и владеньях его. «Я называюсь Бессчастный стрелок, повелитель Мурзы невидимого». Царь подумал: не рехнулся ль молодец, хоть и с виду удалец? Но придворные видали Бессчастного и сказали царю, что пришлец незнакомый походит лицом на Бессчастного стрелка, но неведомо, откуда дался ему клад. Тогда царь сказал стрелку: «Слышишь, что говорят? Если лгал предо мною, то простись с головою. Посмотрю я, как с невидимкой Мурзой ты начнешь с неприятелем бой».— «Царь-надежа! — стрелок отвечал.— Я лишь слово скажу — все готово!» — «Поглядим,— молвил царь,— если правду сказал, отдам тебе дочь, или голову прочь». А стрелок себе гадал: либо пан, либо пропал, и шепнул: «Мурза! Поди туда — не знаю куда, сделай то — не знаю что».

Прошло несколько минут, ничего не было ни слышно, ни видно. Стрелок побледнел, гневный царь повелел заковать стрелка в цепи, как вдруг раздались пред дворцом и пальба и стрельба; царь и придворные на крыльцо побежали. Не четыре реки вытекали, а с правой и с левой руки шли полки со знаменами строем, отдавали честь боем; все красой удивляло, войска такого и у царя не бывало. Царь не верил глазам. «Нет тут ошибки, это полки невидимки!» — молвил Бессчастный стрелок. «Пусть же прогонят врагов, чтоб силы противной не осталось следов!» Стрелок махнул платком, воины налево кругом; марш походный заиграл; поднялся туман, полки вскачь летят, а очистился туман — как и не было их! Позвали стрелка к обеду, в царскую беседу, и расспрашивал царь о Мурзе-невидимке. Лишь обед начался, за второй сменой блюд весть пришла, что неприятель бежит, наголову разбит; татары от города, как птицы от холода, в страхе летели, шатры опустели. Царь стрелка благодарил, дочери объявил, что нашел ей жениха. Миловзора, услышав, смутилась, покраснела, в лице изменилась, слезки из глаз побежали, же́мчугом падали, алмазом сверкали; стрелок, сам не свой, что-то шептал про себя... Бросились придворные слезки подбирать — всё алмазы да жемчуги! Миловзора рассмеялась и руку стрелку подала; сама она — радость, в глазах ее — ласка. Тут пир начался, и кончилась сказка.

568. НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

Жил в Заонежье старик со старухою, кормился охотою, и была у него собака — цены ей нет! Раз попался ему навстречу хорошо одетый человек. «Продай,— говорит,— собаку, а за расчетом приходи завтра вечером на Мянь-гору». Старик отдал собаку, а на другой день пошел на́ гору. Поднялся на верх горы — стоит большой город, где живут лембои[1]; пришел в дом того, что купил собаку; тут гостя накормили, напоили, в бане выпарили. Парил его мо́лодец и, покончив дело, пал ему в ноги: «Не бери, дедушка, за собаку денег, а выпроси меня!» Дед послушался: «Отдай,— говорит,— мне добра мо́лодца; заместо сына у меня будет».— «Много просишь, старик, да делать нечего, надо дать». Пришли домой,

[1] Карельское слово, означающее — черти.

и сказывает мо́лодец старику: «Ступай ты в Новгород, отыщи на улице Рогатице такого-то купца». Старик пошел в Новгород, попросился к купцу ночевать и стал его спрашивать: «Были ль у тебя дети?» — «Был один сын, да мать в сердцах крикнула на него: «Лембой те возьми!» Лембой и унес его».— «А что дашь, я тебе ворочу его?» Добрый мо́лодец, которого вывел старик от лембоев, и был тот самый купеческий сын. Купец обрадовался и принял старика со старухою к себе в дом.

569. СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ И НАЛИВНОМ ЯБЛОЧКЕ

Жил мужик с женою, и у них были три дочери: две — нарядницы, затейницы, а третья — простоватая, и зовут ее сестры, а за ними и отец и мать, дурочкой. Дурочку везде толкают, во всё помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на все готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уточек кормит. Кто что ни спросит, все дура приносит: «Дура, поди! За всем, дура, гляди!» Едет мужик с сеном на ярмарку обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: «Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан»; другая дочь просит: «Купи мне алой китайки»; а дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь; жаль отцу — и ее спросил: «Чего тебе, дура, купить?» Дура усмехнулась и говорит: «Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко».— «Да на что тебе?» — сестры спросили. «Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать, которым научила меня старушка — за то, что я ей калач подала». Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуре серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показывает. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу — приговаривает: «Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!» Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки́ на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звезды в хоровод собираются — так все красиво, на диво — что ни в сказке сказать, ни пером написать. Загляделись сестры, а самих зависть берет, как бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не променяет.

Злые сестры похаживают, зовут, подговаривают: «Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдем, земляничку сберем». Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сестрами бродит, ягоды сбирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сестры заступ схватили, дурочку убили, под березкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: «Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, ее не нашли, видно волки съели!» Жалко отцу — хоть дура, да дочь! Плачет мужик

по дочери; взял он блюдечко и яблочко, положил в ларец да замкнул; а сестры слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идет по леску овечку отыскивать, видит он бугорок под березкой в стороне, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, и — диво дивное, чудо чудное — дудочка сама поет-выговаривает: «Играй, играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». Люди слышат — сбежались, вся деревня за пастухом оборотилась; пристают к пастуху, выспрашивают, кого загубили? От расспросов отбою нет. «Люди добрые! — пастух говорит.— Ничего я не ведаю, а искал в лесу овечку и увидал бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку, сама дудочка играет-выговаривает».

Случился тут отец дурочки, слышит пастуховы слова, схватил дудочку, а дудочка сама поет: «Играй, играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко».— «Веди нас, пастух— говорит отец,— туда, где срезал ты тростинку». Пошел за пастухом он в лесок на бугорок и дивится на цветы прекрасивые, цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто убил-загубил ее? А дудочка сама играет-выговаривает: «Свет мой батюшка родимый! Меня сестры в лес зазвали, меня бедную загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского». Две сестры завистницы затряслись, побледнели, а душа как в огне, и признались в вине; их схватили, связали, в темный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

Скоро́ ли, долго ли — прибыл в тот город. К дворцу он приходит; вот с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Возговорит царь-надежа: «Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживет, представь ее нам с блюдечком, яблочком, с лиходейками-сестрами». Старик радуется, в землю кланяется и домой везет скляницу с живою водою; бежит он в лесок на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он спрыснул водой — встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались, наплакались. Поехал старик в престольный город; привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко, видит старика с тремя дочерьми: две за руки связаны, а третья дочь — как весенний цвет, очи — райский свет, по лицу заря, из очей слезы катятся, будто жемчуг падают. Царь глядит, удивляется; на злых сестер прогневался, а красавицу спрашивает: «Где ж твое блюдечко и наливное яблочко?» Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает: «Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки́ ль твои храбрые, корабли ли на́ море, чудные ль звезды на́ небе?»

Покатила наливным яблочком по серебряному блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки́ собираются со знаменами, со пищалями, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами, десятники перед десятнями; и пальба, и стрельба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке все небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звезды в хоровод собираются. Царь удивлен чудесами, а красавица льется слезами, перед царем в ноги падает, просит помиловать. «Царь-государь! — говорит она.— Возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестер моих, за меня не губи ты их». Царь на слезы ее сжалился, по прошенью помиловал; она в радости вскрикнула, обнимать сестер бросилась.

Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?» — «Царь-государь! — отвечает красавица.— Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я скажу». Отец в землю поклонился, послали за матерью — мать благословила. «Еще к тебе слово,— сказала царю красавица,— не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сестры мои». Тут сестры ей в ноги кланяются. «Недостойны мы!» — говорят они. «Все забыто, сестры любезные! — говорит она им.— Вы родные мне, не с чужих сторон, а кто старое зло помнит, тому глаз вон!» Так сказала она, улыбнулась и сестер поднимала; а сестры в раскаянье плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел. Пир во дворце! Крыльцо все в огнях, как солнце в лучах; царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит: «Здравствуй,— кричат,—на многие века!»

570. СКАЗКА О ЛЯГУШКЕ И БОГАТЫРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил король: у него было три сына. Раз он призвал к себе сыновей и сказал: «Любезные дети! Вы теперь на возрасте, время вам подумать о невестах. Сделайте себе по стрелке, ступайте в заповедные луга и выстрелите в разные стороны. В какой дом попадет чья стрела, в том и возьмет себе невесту». Королевичи сделали себе по стрелке, вышли в заповедные луга и выстрелили: большой брат в правую сторону, средний в левую, а меньшой, что назывался Иван-богатырь, пустил свою стрелу прямо. После того пошли они в разные стороны искать свои стрелки. Большой брат нашел свою стрелку у министра, а середний у генерала; королевичи и поженились на их дочерях-красавицах.

А Иван-богатырь долго не мог найти своей стрелки и был весьма печален; целые два дня ходил он по лесам и по горам, а на третий день

зашел в болото и увидал большую лягушку, которая держала во рту пущенную им стрелу. Иван-богатырь хотел было бежать и отступиться от своей находки, но лягушка закричала: «Ква-ква, Иван-богатырь! Поди ко мне, возьми свою стрелу; не то вечно не выйдешь из болота». Промолвив эти слова, лягушка перекувырнулась — и в ту ж минуту явилась раскрашенная беседка; Иван-богатырь вошел в беседку. «Я знаю,— сказала лягушка,— что ты третий день ничего не ел; не хочешь ли поесть?» Тут лягушка снова перекувырнулась — и тотчас явился стол со всяким кушаньем и напитками. Иван-богатырь сел за стол, наелся, напился. «Слушай,— сказала ему лягушка,— стрела твоя попала ко мне, ты должен взять меня замуж; а не возьмешь за себя — не выйдешь из этого болота!» Иван-богатырь опечалился и не знал, что делать: подумал и взял с собой лягушку и принес ее в свое государство. Братья и невестки стали над ним смеяться.

Наступил день, в который Иван-богатырь должен был жениться; он поехал в карете, а лягушку понесли во дворец на золотом блюде. Когда настала ночь, и жених с невестою пошли в свои комнаты, лягушка сняла с себя лягушечью кожурину и сделалась красавицею, а днем опять стала лягушкою. Иван-богатырь жил с нею благополучно и счастливо. Чрез несколько времени приказал как-то король призвать к себе сыновей и сказал им: «Любезные дети! Вы теперь все трое женаты; желалось бы мне износить от ваших жен, а моих невесток, по рубашке». Дал им по куску полотна и говорил, чтобы рубашки поспели к завтрему. Большие братья принесли полотно к своим женам; а те стали кликать нянюшек, мамушек и сенных красных девушек, чтоб помогли им сшить по рубашке. Тотчас нянюшки их и мамушки прибежали и принялись за работу: которая кроила, которая шила.

Меж тем послали невестки девку-чернавку посмотреть, как лягушка станет шить рубашку. И как девка-чернавка пришла к Иван-богатырю в комнаты, в то время принес он полотно и с опечаленным видом положил его на стол. «Что ты, Иван-богатырь, так печален?» — говорила лягушка. А он ей отвечал: «Как мне не печалиться? Батюшка приказал из этого полотна сшить себе к завтрему рубашку».— «Не плачь, не тужи,— сказала лягушка,— ложись да засни, утро вечера мудренее,— все будет исправно!» Схватила ножницы, изрезала все полотно на мелкие лоскутки, потом отворила окно, бросила их на ветер и сказала: «Буйные ветры! Разнесите лоскуточки и сшейте свекору рубашку». Девка-чернавка пошла и рассказала королевнам, что лягушка все полотно изрезала на маленькие лоскуточки и кинула за окошко. Они смеялись над лягушкою и говорили: «Что-то завтра принесет ее муж к королю!»

На другой день Иван-богатырь проснулся, лягушка подала ему сорочку: «Вот, любезный Иван-богатырь, отнеси-ка эту сорочку своему батюшке». Иван-богатырь взял сорочку и понес к своему отцу; принесли свои сорочки и старшие братья. Сперва поднес королю большой брат; король посмотрел и сказал: «Эта рубашка сшита так, как обыкновенно шьют». Посмотрел у другого сына и сказал, что и эта рубашка сшита не лучше. А как подал ему меньшой сын сорочку, то король не мог довольно нади-

виться: в сорочке нельзя было приметить ни одного шва,— и сказал: «Эту рубашку подавайте мне в самые большие праздники».

В другой раз призвал король сыновей и говорил им: «Любезные дети! Мне хочется знать, умеют ли ваши жены шить золотом и серебром; возьмите себе шелку, серебра и золота, и чтобы к завтрему было сделано по ковру». Жены старших королевичей начали кликать нянюшек, мамушек и сенных девушек, чтоб пособили им вышивать ковры. Тотчас нянюшки, мамушки и сенные красные девушки пришли и начали вышивать ковры — кто серебром, кто золотом, а кто шелком. Девку-чернавку опять послали посмотреть, что станет делать лягушка. Иван-богатырь принес к себе золото, серебро и шелк и был весьма печален. Лягушка, сидя на стуле, говорила: «Ква-ква-ква! Что ты, Иван-богатырь, так запечалился?» — «Как мне не печалиться? — отвечал он.— Батюшка велел к завтрему вышить из этого серебра, золота и шелку ковер».— «Не плачь и не тужи,— сказала лягушка,— ложись-ка спать, утро вечера мудренее!» — А сама взяла ножницы, весь шелк изрезала, серебро и золото изорвала, бросила за окошко и сказал: «Буйные ветры! Принесите тот ковер, которым мой батюшка окошки закрывал». Невестки, выслушав все это от девки-чернавки, вздумали и сами так сделать. Долго ожидали они, но, видя, что ветры ковров им не приносят, послали купить серебра, золота и шелку и стали вышивать ковры по-прежнему.

Поутру, как только встал Иван-богатырь, лягушка подала ему ковер. Вот все три брата принесли свои ковры к отцу; он взял прежде от старшего, посмотрел и промолвил: «Этот ковер годится от дождя лошадей покрывать». Посмотрел у середнего и сказал: «Этот ковер можно в передней комнате постилать, чтоб обтирали об него ноги». Потом принял ковер от меньшого сына, вздивовался и сказал: «А этот ковер в самые торжественные дни постилать ко мне на стол». Ковер Иван-богатыря приказано спрятать и беречь, а другим сыновьям отдал король ковры назад. «Отнесите их,— сказал король,— к своим женам и скажите, чтоб берегли для себя!»

В третий раз говорил король своим сыновьям: «Теперь, любезные дети, хочу я иметь по хлебу, испеченному руками ваших жен». Как услышали о том от своих мужей королевны, они тотчас послали девку-чернавку посмотреть, как будет делать лягушка. В то время Иван-богатырь пришел в свои комнаты весьма печален. «Ква-ква-ква! Что ты запечалился?» — спросила его лягушка. «Как мне не печалиться? Батюшка приказал, чтоб ты испекла хлеб».— «Не плачь, не тужи, все сделаю!» — и велела принести квашню, муки и воды; всыпала муку в квашную, влила воду, растворила раствор, вылила в холодную печь, и заслонила заслонкой, и сказала: «Испекись, хлеб, чист, рыхл и бел, как снег!» Девка-чернавка воротилась к невесткам и сказала: «Не знаю, за что король так хвалит лягушку; она ничего не умеет делать!» Выслушав все, невестки вздумали и сами так же сделать, как лягушка, растворили муку на холодной воде и вылили в холодные печи; но, видя, что растворы их расплылись, они приказали принесть еще муки, замесили свои хлебы на горячей воде и посадили в топленные печи. Они боялись не поспеть и так спешили, что у

одной хлеб пригорел, а у другой вышел совсем сырой; лягушка же вынула свой хлеб из печи и чист, и рыхл, и бел, как снег.

Пришли братья к отцу и принесли свои хлебы. Король принял от большого сына хлеб, посмотрел и сказал: «Такой хлеб можно есть только от нужды!» Принял от середнего сына и промолвил: «Этот хлеб не лучше!» Потом взял от меньшого сына и велел, чтобы этот хлеб подавали ему за стол, когда будут у него гости. «Любезные дети! — продолжал король.— Жены ваши сделали для меня все, что я приказывал, и потому прошу вас вместе с женами приехать завтра во дворец на обед». Королевичи пошли к женам.

Иван-богатырь очень печалился и думал: «Как повезу я с собой лягушку?» А лягушка, сидя на стуле, спрашивает: «Ква-ква-ква! О чем, Иван-богатырь, ты так запечалился?» Иван-богатырь отвечал: «Как мне не печалиться? Батюшка приказал всем нам завтрашний день приехать к нему во дворец с женами; как я тебя повезу?» — «Не плачь, не тужи,— сказала лягушка,— утро вечера мудренее, ложись да спи!»

На другой день Иван-богатырь собрался и поехал во дворец; а невестки послали опять девку-чернавку смотреть, в чем поедет лягушка. В то время лягушка открыла окно и кликнула громким голосом: «Ох вы, буйные ветры! Полетите в мое государство и скажите, чтоб приехала богатая карета со всем прибором, с лакеями, гайдуками, скороходами и вершниками». После того она хлопнула окошком и села на стул. Все уж съехались во дворец, дожидались только лягушки — и вдруг увидели, что бегут скороходы, скачут вершники[1] и едет пребогатая карета. Король подумал, что едет к нему какой-нибудь иной король или королевич, и пошел встречать. «Не трудитесь, батюшка! — говорит Иван-богатырь.— Это, знать, моя лягушонка тащится в коробчонке».

Подъехала карета, и вышла из нее жена Иван-богатыря такою красавицей, что все дивиться стали. Сели за стол; лягушка чего не допьет, то за рукав льет, а кости за другой кладет. Другие невестки увидали и стали то же делать: чего не допивали, то за рукав лили; чего не доедали, то за другой клали. Как встали из-за стола, заиграла музыка, и лягушка пошла танцевать: махнула одним рукавом — вдруг на аршин высоты стала вода, махнула другим рукавом — поплыли по воде гуси и лебеди, что видя, все не могли надивиться ее хитрости; а как перестала она танцевать — все исчезло: и вода, и гуси, и лебеди. Тогда пошли танцевать другие невестки и как махнули своими рукавами — то всех облили, обрызгали и костями чуть глаз не выбили! Тут Иван-богатырь пошел домой, схватил лягушечью кожу и тотчас сжег ее. Приехала его жена и бросилась искать своей кожуринки, не нашла и говорит: «Ну, Иван-богатырь, коли ты не мог потерпеть малое время, то ищи теперь меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, и знай, что зовут меня Василиса Премудрая». Сказала и вмиг исчезла.

Иван-богатырь заплакал неутешно и пошел искать Василису Премудрую; шел он долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка

[1] Верховые (*Ред.*).

сказывается, да не скоро дело делается, и пришел к избушке, которая стояла на курьих ножках и сама повертывалась. Иван-богатырь сказал: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом!» — и по его речам избушка остановилась. Иван-богатырь вошел в избушку и увидел, что в переднем углу сидела баба-яга; говорит она сердитым голосом: «Доселева русского духу слыхом не слыхивано и видом не видывано, а нынеча русский дух в очах проявляется! Что ты, Иван-богатырь, волею али неволею?» Иван-богатырь отвечал, что сколько волею, а вдвое того неволею, и рассказал все, как было. «Жаль мне тебя,— сказала баба-яга,— изволь, я тебе услужу, покажу тебе Василису Премудрую: она каждый день прилетает ко мне отдыхать. Как прилетит она, ты старайся поймать ее зá голову, и как поймаешь — она начнет превращаться лягушкой, жабой, змеею и прочими гадами, а после всего превратится в стрелу. Ты возьми эту стрелу и переломи надвое: тогда она будет вечно твоя. Только смотри, как поймаешь свою жену — не выпускай ее!»

Потом баба-яга спрятала королевича, и только успела его спрятать, как прилетела Василиса Премудрая. Иван-богатырь подошел к ней тихонько и схватил ее зá голову; она стала оборачиваться лягушкою, жабою и, наконец, змеею. Иван-богатырь испугался и отпустил руку; Василиса Премудрая в ту ж минуту пропала. А баба-яга сказала ему: «Когда не умел ты удержать, то больше никогда не увидишь ее здесь; а коли хочешь, ступай к моей сестре; к ней Василиса Премудрая также летает отдыхать». Иван-богатырь отправился к другой бабе-яге, и тут не удержал он Василисы Премудрой; пошел он к третьей сестре, бабе-яге. «Если теперь упустишь Василису Премудрую,— сказала она,— то уж больше никогда ее не найдешь». Как ни оборачивалась Василиса Премудрая, Иван-богатырь не выпускал ее из рук; наконец оборотилась она стрелою, Иван-богатырь взял стрелу и переломил надвое. В ту ж минуту явилась перед ним Василиса Премудрая и сказала: «Ну, Иван-богатырь, теперь отдаюсь я в твою волю!» Баба-яга подарила им ковер-самолет, и они полетели на ковре-самолете в свое государство; через три дня на четвертый опустился ковер прямо на дворец. Король встретил своего сына и невестку с великою радостию, сделал большой пир, а после сделал вместо себя королем Ивана-богатыря.

571. СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-БОГАТЫРЕ, КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ

В некоеи деревне был крестьянин не весьма богатый, и тот крестьянин жил со своею женою три года, а детища у них не было. На четвертое лето жена его понесла и родила сына, которого назвали Иваном. Когда Ивану минуло пять лет, а ходить он не мог, потому что был сидень, то отец его и мать стали кручиниться и просили бога, чтоб дал сыну их здоровые ноги; однако сколько они ни молилися, а сын их не мог ходить и сидел сиднем тридцать лет и три года.

В некое же время пошел крестьянин со своею женою к обедне, и в то же время подошел под окно их избы нищий и стал у Ивана кресть-

янского сына просить милостыню. Иван крестьянский сын на то ему сказал: «Я бы подал милостыню, да встать с места не могу». Тогда ему нищий молвил: «Встань и сотвори мне милостыню; ноги твои здоровы и исцелены». Иван крестьянский сын тотчас встал с места и несказанно обрадовался, что ноги его совсем стали здоровы и невредимы. Он кликнул нищего в избу и накормил. Тогда нищий попросил у него пива напиться, а Иван тотчас пива принес; однако нищий пива не пил, а велел ему всю ендову[1] выпить, и он в том не отрекся и выпил. Тогда нищий спросил: «Что, Иванушка, много ли ты теперь в себе силы чувствуешь?» — «Много»,— отвечал ему Иван. «Прости же теперь»,— молвил нищий и, проговоря сии слова, стал невидим, а Иван остался в великом удивлении.

Вскоре после того пришел его отец с матерью и, увидя сына своего здрава всем, весьма удивились и стали его спрашивать, как он исцелился от болезни. Тогда Иван пересказал обо всем ясно, и старики подумали, что приходил к нему не нищий, а некий святой человек исцелил его от скорби, и начали пировать. А Иван пошел силу испытывать; вышедши в огород, он взял в руки кол, воткнул посредине огорода и повернул его так сильно, что вся деревня с колом повернулась.

После вошел он в избу и начал с стариками своими прощаться и просить у них благословения. Старики стали плакать горькими слезами и просили его, чтоб он пожил у них хотя малое время; но Иван, несмотря на их слезы, сказал: «Ежели вы меня не отпустите, то я и так от вас уйду». Тогда старики его благословили. И стал Иван крестьянский сын молиться, на все четыре стороны кланяется, с отцом и с матерью прощается; и сошел с своего двора, повернул на правую сторону, пошел куда глаза глядят. И шел он ровно десять суток и пришел в некое государство. И лишь только что вошел в него, то поднялся вдруг крик и гам великий, от чего царь смутился и вельми бысть ужасен и велел клич кликать: ежели кто уймет тот крик и гам, тому отдаст он дочь свою в супруги и половину своего государства в приданое за нею.

Иванушка, услыша о том кличе, пошел на царский двор и, пришедши туда, велел о себе доложить царю, что он хочет унять тот крик и гам. Привратник, услыша от него те слова, пошел в царю и сказал ему о слышанном. Царь повелел тотчас призвать пред себя Ивана крестьянского сына; и как он к нему пришел, то царь ему говорил: «Друг мой! Правда ли то, чем ты хвалился привратнику?» — «Точно, я тем хвалился,— молвил ему Иван крестьянский сын,— и за то ничего больше от тебя не потребую, только отдай мне этот шум и гам». Тогда царь сказал ему, рассмеявшись: «Пожалуй, возьми, когда тебе надобно». Иван крестьянский сын поклонился царю и пошел от него, пришел к привратнику и потребовал сто человек рабочих людей; привратник дал ему работников.

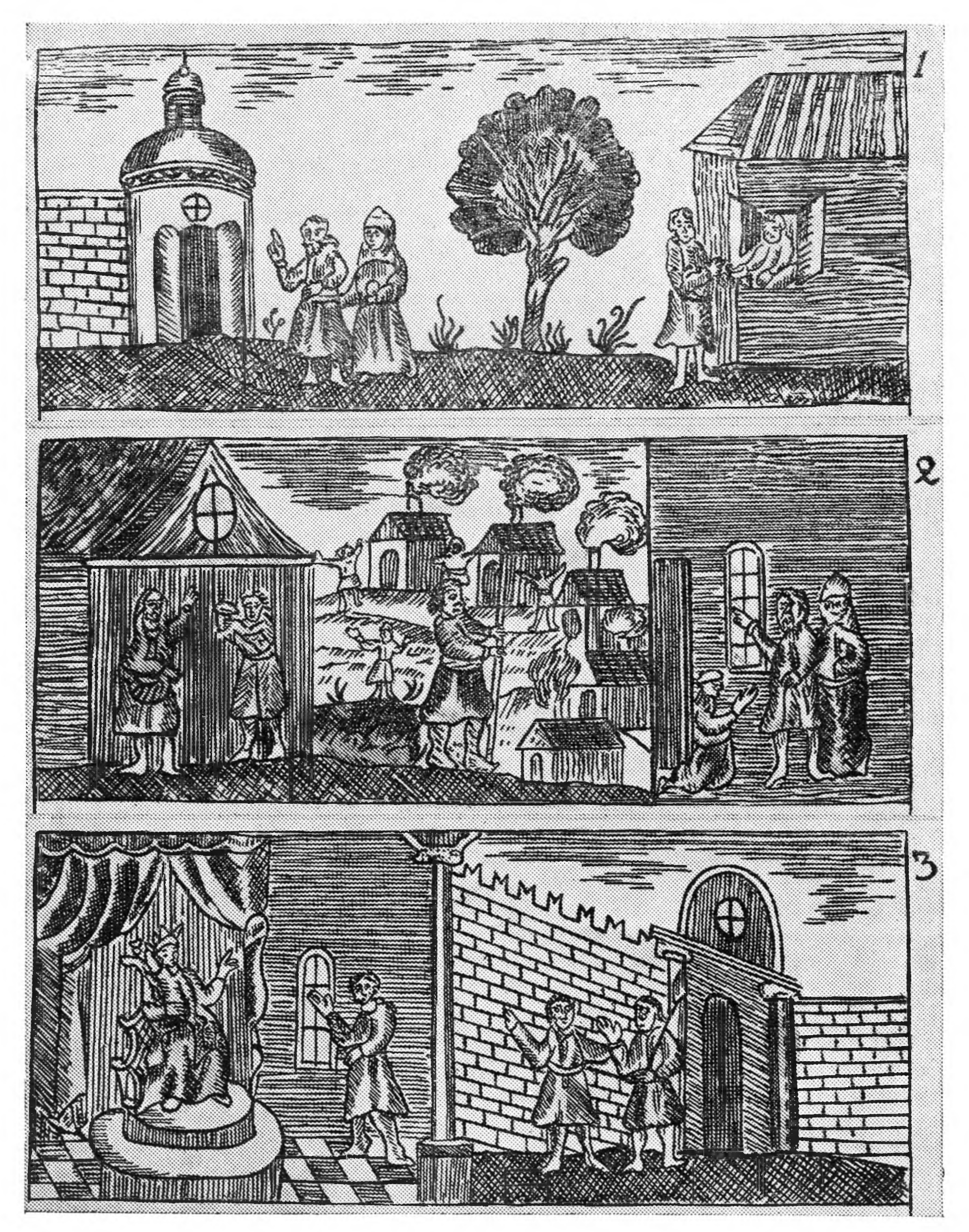
Тогда Иван крестьянский сын привел их пред царский дом и велел рыть землю. Работники, рывши землю, увидели железную дверь с медным кольцом. И ту дверь Иван крестьянский сын одною рукою отломил и от-

[1] *Ендова* — чаша (*Ред.*).

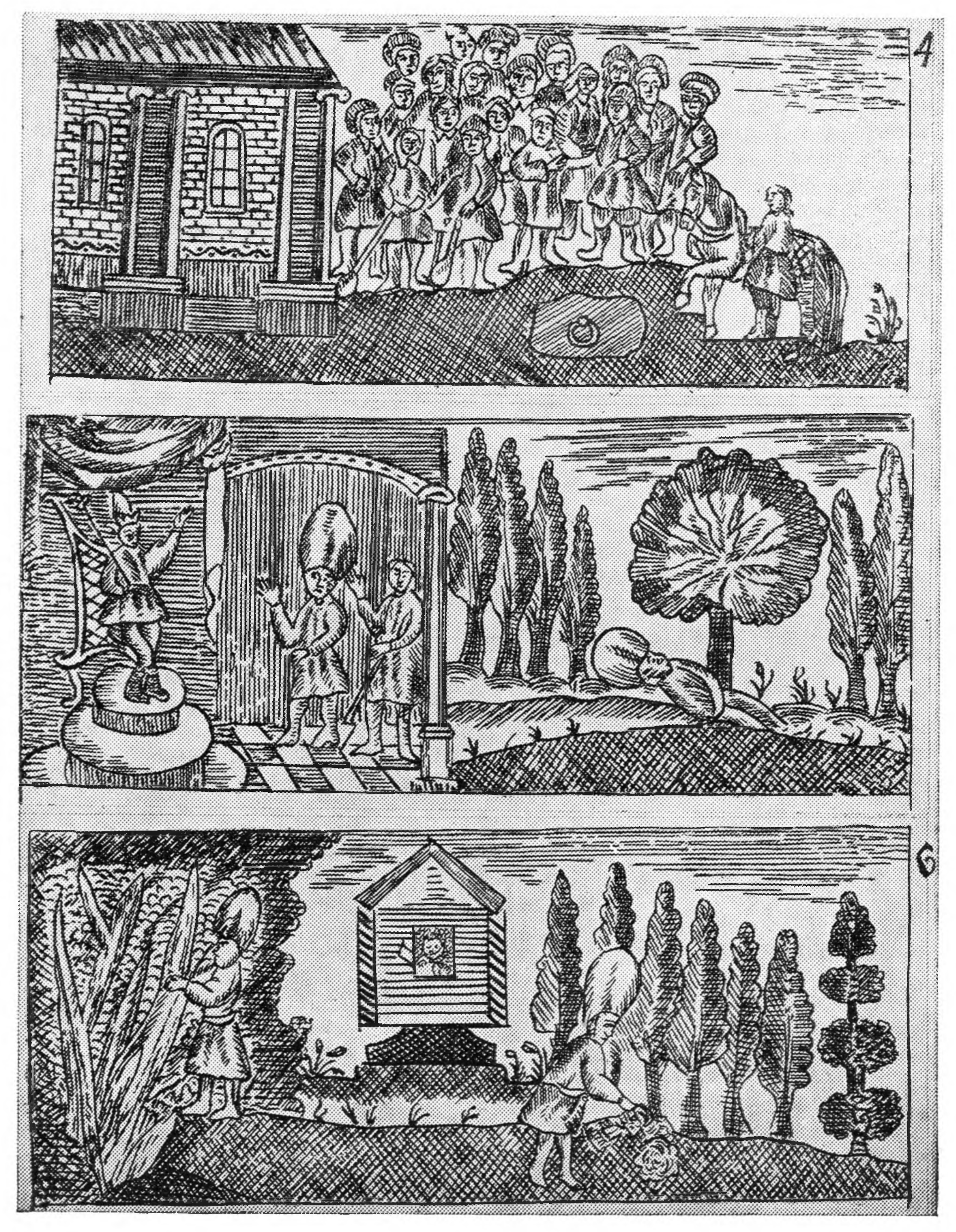
туда выбросил и увидел там доброго коня богатырского со всею сбруею и доспехами богатырскими. Конь увидел по себе седока, пал пред ним на колени и промолвил человеческим голосом: «Ох ты гой еси, добрый мо́лодец, Иван крестьянский сын! Засажен я здесь сильным и храбрым богатырем Лукопером, и сижу здесь леты несметные, и ждал сюда тебя ровно тридцать лет и три года, и насилу дождался. Садись на меня и поезжай куда тебе надобно; я служить тебе буду верой и правдою, как служил Лукоперу — сильному богатырю». Тогда Иван крестьянский сын седлает того доброго коня, надевает на него уздечку тесмённую, накладывает седелечко черкасское и подтягивает двенадцать подпруг шелку шемаханского; садится на доброго коня и бьет его по крутым бедрам, и тот конь осержается, от земли подымается выше леса стоячего, что пониже облака ходячего, долы и горы между ног пускает, великие реки хвостом устилает, из ушей своих выпускает густой дым, а из ноздрей кидает пламя великое.

И тогда Иван крестьянский сын попал в незнакомую сторонушку, и ехал он ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал в китайское государство; слез с своего доброго коня и пустил его в чистое поле гулять, а сам пошел в город, купил себе пузырь, и надел на́ голову, и ходит около царского двора. И спрашивают его, откуда он пришел, и какого рода человек, и чьего отца и матери сын? А Иван крестьянский сын на все их вопросы отвечал только: «Не знаю». Тогда все почли его дураком и сказали о нем царю китайскому. И царь велел его к себе привесть и стал его спрашивать: кто он, и откуда пришел, и как его зовут? Однако и царю отвечал: «Не знаю». Тогда царь повелел его согнать со двора; но прилучился на ту пору царский садовник и стал просить царя, чтоб того дурака ему отдал для садовой работы, и царь ему в том не отказал. Садовник взял его и повел в царский сад и стал ему приказывать, чтобы он сад чистил, и, отдавши ему такой приказ, ушел от него. Иван крестьянский сын лег под древо и усну́л малое время, а после встал ночью, и начал деревья ломать в саду, и переломал все до единого. Поутру пришел в сад садовник, испугался крайне и стал Ивана крестьянского сына бранить, и журить, и спрашивать, кто переломал деревья. А он ему отвечал на то только: «Не знаю».

Садовник боялся о том царю сказать, дабы тем не прогневать его; однако царская дочь усмотрела то из окна своего и подивилась тому немало, спрашивала садовника, кто переломал в саду деревья. Садовник ей на то отвечал, что Незнайко все дорогие деревья исковеркал; просил царевну, чтоб не сказывала отцу своему, и обещался сад развести лучше прежнего в скором времени. На другую ночь Незнайко не спал нимало, а все носил из колодца воду и поливал те ломаные деревья — и к утру те деревья стали вырастать, и как скоро взошло солнышко, то распустилися они и выросли еще лучше прежнего. Садовник пришел в сад, подивился тому немало и уже не хотел спрашивать Незнайку — затем что от него никогда не мог добиться толку. Царевна же, проснувшись и встав от ложа своего, увидела в окно сад свой в наилучшем против прежнего порядке, почему и велела опять призвать садовника и спрашивала его, каким образом сад исправлен в такое малое время. Садовник ей отвечал, что он

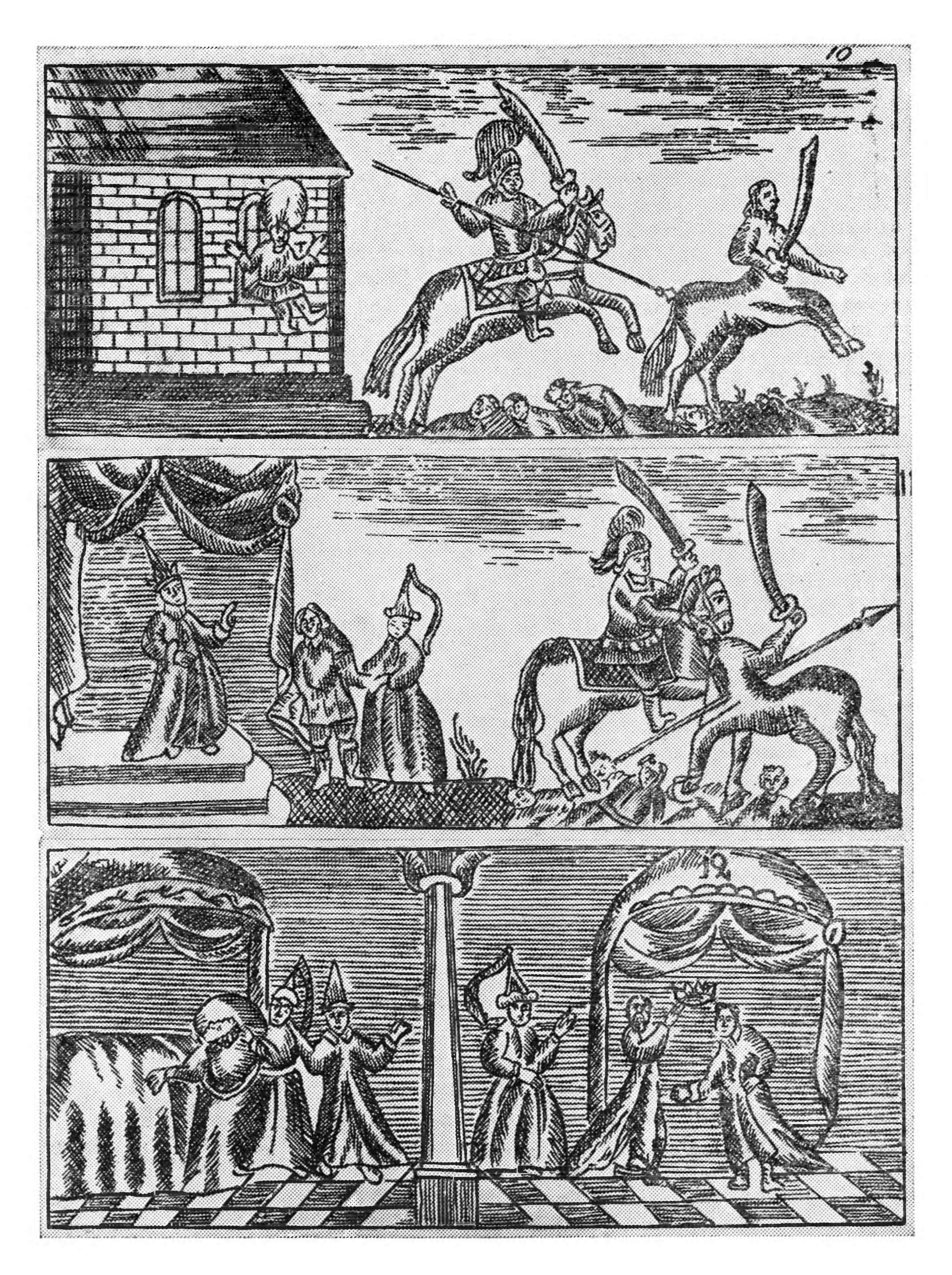
Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын

Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын

Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын

Лубочная сказка: Иван, крестьянский сын

совсем о том не знает, отчего так скоро исправлен; почему царевна познала великую мудрость в Незнайке и с тех пор стала его любить паче самой себя и посылала ему ествы всегда с своего стола.

У царя китайского было три дщери, прекрасные собою: бо́льшая называлась Дуазою, средняя Сиасою, а меньшая, которая полюбила Ивана крестьянского сына, называлась Лаотою. Царь призвал тогда всех дочерей и говорил им: «Вселюбезнейшие мои дщери, прекрасные царевны! Уже приспело время вам сочетаться брачным союзом, и для того я вас велел призвать пред себя, дабы о том сказать вам. И вы избирайте себе в женихи царевичей или королевичей, кто вам по мысли». Две большие выбрали себе по жениху царевичей, а меньшая стала просить своего родителя со слезами, чтобы отдал ее замуж за Незнайку. Царь изумился, услыша о том от своей дочери, и сказал: «Никак ты, дочь, в уме помешалась, что хочешь выйти за Незнайку-дурака, который и говорить-то не умеет!» — «Пусть он дурак,— отвечала она ему,— однако я прошу вас, государя моего родителя, чтобы выдать меня за него».— «Если так хочешь,— сказал ей царь с великим огорчением,— то, пожалуй, ступай за него замуж».

Вскоре повелено было от царя послать к тем царевичам, коих две царевны выбрали себе в женихи, указы, дабы приехали они в Китай для сочетания с его дочерьми браком. Как скоро получили они те указы, тотчас с великою поспешностью прибыли в Китай; а по прибытии туда и сочетались браком с царевнами; также и царевна Лаота с Иваном крестьянским сыном. Большие ее сестры смеялись, что меньшая сестра выбрала себе мужа дурака.

По некоем времени подступила под Китай-град сила великая, и требовал Полкан от царя любезную его дочь, прекрасную Лаоту, себе в замужество с великими угрозами и с наказом: ежели не отдаст дочь свою ему в супруги, то государство его огнем пожжет, а войско мечом посечет, а царя и с царицею засадит в темницу, а дочь их возьмет неволею. Царь, услыша такие угрозы от Полкана-богатыря, весьма испугался и велел собрать все свое войско. И как оное было собрано, то и вышло против Полкана-богатыря под начальством царевичей, и начали два войска сражаться, как две тучи грозные, и Полкан-богатырь побивал войско китайское. В то время пришла царевна к своему мужу Ивану крестьянскому сыну и говорила ему: «Вселюбезнейший мой друг Незнаюшка! Ведь меня хотят у тебя отнять; подступил под наше государство неверный Полкан-богатырь и уже побивает наше войско грозным мечом своим».

Иван крестьянский сын велел царевне оставить его в покое, а сам выскочил в окно, и пришел в чистое поле, и крикнул своим богатырским голосом: «Гей ты, сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит — земля дрожит, из ушей дым столбом, из ноздрей пламя пышет. Иван крестьянский сын влез в ушко, наелся, напился, нарядился и в другое ушко вылез: стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и, севши на своего коня, поехал на рать Полкана-богатыря, стал его войско рубить и прогнал его от своего государства. Тогда царь китайский подъехал к

10 Заказ № 207

Ивану крестьянскому сыну и, не узнав его, стал просить его к себе во дворец. А он ему отвечал: «Я не твой слуга и не тебе служу!» — и, проговоря сии слова, уехал от него и пустил своего коня в чистое поле, а сам пошел к царскому дому, влез в окно и лег спать, надевши на голову пузырь. Царь от той великия радости сотворил пир великий на несколько дней.

Опять подступил под его царство Полкан-богатырь и просил дщерь его себе в супруги с прежнею угрозою. Царь тотчас велел собрать свое войско и послал против Полкана сражаться. И Полкан опять стал побивать китайское войско. В то самое время Лаота опять пришла к крестьянскому сыну и говорила, что Полкан хочет у него отнять ее себе в жены. Тогда Иван крестьянский сын паки[1] выслал ее от себя, а сам выскочил в окно и, пришедши в чистое поле, кликнул своего коня. Сел на коня, поскакал на войско Полканово, и начал его рубить, и вскоре прогнал от своего государства. Царь опять подъехал к Ивану крестьянскому сыну и стал его просить во дворец; однако он не поехал, а поскакал от него прочь, отпустил своего коня и пошел спать. Царь паки стал торжествовать победу свою над Полканом, хотя и не знал, какой был то кавалер, который вступался за его государство и побивал Полканово войско.

По некоем времени подступил Полкан в третий раз под его государство и просил Лаоту-царевну себе в жены с пущими угрозами. Тогда царь велел собрать свое войско и послать против Полкана, и как сразилися обе рати весьма крепко — начал Полкан побивать силу китайскую. В то самое время приходит царевна к своему мужу и со слезами говорит, что Полкан хочет ее у него отнять. Иван крестьянский сын, удалясь с поспешностью, выскочил из окна и прибежал в чистое поле; кликнул своего коня, сел на него и поскакал на рать Полканову. Тогда конь проговорил человечьим голосом: «Ох ты гой еси, Иван крестьянский сын! Теперь-то пришла и мне и тебе служба великая; обороняйся от Полкана и стой против него крепко, а не то — так ты и все войско китайское погибнет». Иван крестьянский сын разъяряет своего доброго коня, и въезжает в рать-силу великую Полканову, и начал то войско рубить.

Полкан, увидя, что силы его уже много побито, осержается и нападает на Ивана крестьянского сына, словно лютый лев. И сразилися два сильных богатыря, и все войско им подивилося; они билися долгое время, и ранил Полкан Ивана крестьянского сына в левую руку. Тогда Иван на Полкана осержается и направляет острое копье — прободал ему сердце, а после срубил ему голову и все войско Полканово прогнал от Китая прочь. Тогда подъехал он к царю китайскому, и царь стал ему кланяться до лица земли и просил его к себе во дворец, Лаота-царевна увидела у него кровь на руке, обвязала рану своим платком и начала его просить в царский дом. Однако Иван крестьянский сын не послушался, ускакал от них и отпустил своего доброго коня, а сам пошел — лег спать. Тогда царь повелел великий пир сотворити.

[1] Снова, опять (*Ред.*).

В то самое время царевна пришла к своему мужу по приказу своего отца и стала его будить, однако разбудить не могла; и увидела царевна у него на главе златые власы и подивилась тому; а после увидела свой плат, которым завязала его руку: тогда узнала она, что это он трикраты победил Полкана и напоследок умертвил его. Тотчас побежала к отцу и привела его к своему мужу, сказав: «Вот, государь батюшка, вы мне говорили, что я вышла за дурака; поглядите пристальнее на него, осмотрите его волоса и ту рану, что получил от Полкана». Царь узнал тогда, кто защищал его государство от Полкана, и пришел от того в великую радость. Как скоро Иван крестьянский сын проснулся, то царь принял его за белые руки, повел в свои чертоги и благодарил за защиту от Полканова нападения; а как царь уже был в престарелых летах, то и возложил венец свой на главу Ивана крестьянского сына. Иван принял престол, начал управлять Китаем и стал жить со своею супругою весьма любовно и мирно — и скончали век свой благополучно.

572. ЛИХО

Жил да был человек и не знал, что то есть на свете лихо; слышит — люди часто его поминают, и решился во что бы то ни стало увидеться с ним. Взял сумку на плеча и пошел. Шел-шел, под лесом стоит железный за́мок, кругом частокол из человечьих костей, черепа воткнуты сверху. Подходит к за́мку. «Чего надо?» — «Лиха; его́ ищу!» — «Лихо здесь». Вошел в горницу, а там лежит громадный и тучный великан; голова на покути, ноги на печке; ложе под ним — людские кости. Это Лихо, а вокруг него сидят Злыдни и Журба. Подало ему Лихо человечью голову и потчует, а само Лихо *слепое*. Взял гость голову да под лавку. «Что, скушал?» — спрашивает Лихо. «Скушал».— «А где ты, головка-мотовка?» — «Под лавкою». Жаром и холодом обдало гостя. «Скушай, голубчик, ты сам вкусней для меня будешь». Он взял голову и спрятал за пазуху. А Лихо: «Где ты, головка-мотовка?» — «Подле желудка».— «Значит, съел,— подумало Лихо.— Ну, теперь твоя очередь». Гость улучил годину[1] да бегом. Дверь железная заскрипела; Лихо узнало побег и закричало: «Двери, держите, уйдет!» Но он уже был за дверью; только правую руку не уберег, в дверях оставил, да тут и сказал: «Оце лыхо!»

573. ЛЮДСЬКА ДОЛЯ

Посилав пан козака з листом, і йому випала дорога через ліс, і він їхав тим лісом, та надибав святого Миколая, що він в'язав лика — єдно добре, а друге кепське. Але святий Миколай показався йому в постаті старого діда. Де той козак, приїхавши близько св. Миколая, і дивиться на тоє і повідає: «Що то ви, дідуню, ото робите?» А св. Миколай відзивається до нього: «А що ж? Ти бачиш добре, що я роблю;

[1] Час.

лика в'яжу».— «Та я, дідуню, бачу, що ви лика в'яжете; іно не знаю, нáщо?» — «Ото так, козаче! Тії лика, которії я в'яжу докупи, то вони свідчать людськую долю!» — «А чого ви в'яжете єдно лико добре, а друге кепське?» — «Бо так треба; бо і люди такі на світі: єсть добрії і недобрії, то треба їх так вінчати, щоб були злі з добрими, а добрі зо злими».— «А то для чого?» — «Для того, бо як би се звінчали самі злі, то вони би не могли в світі жити; а як би се повінчали добрі, обоє робучії, то вони б з великого добра забули за бога».

574. НУЖДА

Богатый брат выстроил новый дом, задумал сделать влазины[1] и позвал к себе в гости и бедного брата с женою. «Куда нам, баба, с богатыми знаться!» — говорит бедный жене. «Что ж, давай сходим, нам от этого бесчестья не будет!» — «Да ведь на влазины надо гостинцы несть, а мы что понесем? Разве занять у кого, да кто нам поверит?» — «А Нужа-то! — сказала баба с горькой усмешкою.— Ужли она выдаст? Ведь мы с нею век в ладу живем». Отвечает тут Нужа из-за печки: «Возьмите-ка праздничный сарафан да продайте, на те деньги купите окорок и отнесите брату». Переглянулись мужик с бабою, не знают, что и подумать; посмотрели за печь — не видать никого. «А давно ли ты, Нужа, живешь с нами?» — спросил мужик. «Да с тех самых пор, как ты с братом разделился».— «И привольно тебе со мною?» — «Благодаренье богу, живу помаленьку!» — «Отчего ж мы тебя никогда не видали?» — «А я живу невидимкою». Мужик продал сарафан, купил окорок и явился с женою к богатому брату на влазины. Скоро наехали туда важные гости и мало-помалу вытеснили их совсем из избы. Идет бедный к своему двору и думает: «Понесла же нас нелегкая!» Глядь — стоит поперек дороги лошадь с двумя большими сумками, через спину накинутыми; ударил мужик ее рукавицею — лошадь вмиг исчезла, и остались на земле две сумки — полнехоньки золотом. Дался бедному брату большой клад; забрал он золото, пришел домой и спрашивает бабу: «Ты где спать ляжешь?» — «Я в печь залезу».— «А ты, Нужа, где уляжешься?» — «В корчаге, что на печи стоит».— «Ну, ладно!» Мужик, выждавши время, опять спрашивает: «Баба, ты спишь?» — «Нет еще!» — «А ты, Нужа, спишь?» — Та и голосу не подает — заснула. Мужик взял последний женин сарафан, завязал корчагу и забросил ее вместе с Нуждою в прорубь. (Окончание такое же, как в сказке о Горе.)

575. СКАЗКА О СИЛЕ-ЦАРЕВИЧЕ И ОБ ИВАШКЕ БЕЛОЙ РУБАШКЕ

Жил-был царь, по имени Хотей; у того царя было три сына. Меньшего звали Сила-царевич. Старшие братья стали проситься у отца поехать погулять в иные государства, людей посмотреть и себя показать; царь дал

[1] Новоселье.

им по кораблю и отпустил. И Сила-царевич пришел к отцу и стал проситься со слезами отпустить и его вместе с братьями. Царь сказал: «Сын мой возлюбленный, Сила-царевич! Ты еще млад и к дорожным трудам не обычен; оставайся лучше дома». Но Сила-царевич так неотступно просился у отца, что царь дал ему корабль и отпустил в дорогу. Сели царевичи на свои корабли, отвалили от берега и поплыли по морю; старший брат впереди, за ним средний, а Сила-царевич позади. Плывет им навстречу гроб обитый железными обручами; старшие братья пропустили его мимо, а Сила-царевич приказал корабельщикам спустить лодку, перенять тот гроб и взять на корабль. Так и сделано. На другой день поднялся великий ветер, сбил корабль Силы-царевича с пути, занес его в незнаемую сторону и прибил к берегу. Съехал царевич на тот берег и зарыл гроб в землю; потом наказал корабельщикам дожидать его год, и два, и три, а сам пошел куда глаза глядят, один-одинешенек.

Шел он путем-дорогою целых три дня, никого впереди себя не видывал, а сзади никто его не обганивал; на четвертый день слышится ему — бежит за ним кто-то. Оглянулся царевич и видит: нагоняет его человек в белой одежде; нагнал, бросился ему в ноги и начал благодарить за свое избавление. «За что челом бьешь?» — спрашивает царевич. «Ох гой еси, младой юноша Сила-царевич, как мне тебя не благодарить? Ведь я лежал в том гробе, что ты перенял и велел похоронить; если б не ты, я, может статься, вечно бы плавал по морю».— «Да как же ты в гроб попал?» — «Я называюсь Ивашка белая рубашка, великий еретик; мать прокляла меня, велела сделать гроб и, положив меня туда, закрыть наглухо крышкою и набить железные обручи, а потом бросила в море. Два года плавал я по морю, никто меня не взял; один ты сжалился. Бью челом за мое избавление и буду тебе верным слугою. Если желаешь жениться, то я знаю прекрасную королевну Труду». Сила-царевич сказал: «Коли та королевна собою хороша, то готов на ней жениться».

После того пошли они вместе путем-дорогою, и шли близко ли, далеко ли, наконец очутились у того царства, где жила королевна; кругом стояли тычинки, как бы палисадом обнесено, и на всякой тычинке воткнуто по богатырской голове: только одна стояла незанятая. Сила-царевич ужаснулся и спросил, что б это значило? «Это всё головушки тех богатырей, что сватались за прекрасную королевну Труду,— сказал Ивашка белая рубашка,— но ты не бойся, ступай смело». Сила-царевич пошел во дворец, и как скоро увидал его король — сейчас сам вышел навстречу, принимал его за руки белые, повел в палаты каменные и стал расспрашивать: «Ох ты гой еси, добрый молодец! Откуда пришел ты, из какого государства, которого отца сын и как тебя по имени зовут?» — «Я сын царя Хотея, а зовут меня Сила-царевич, и пришел к тебе свататься за твою дочь, прекрасную королевну». Король обрадовался такому жениху, собрал князей и бояр и обвенчал Силу-царевича на своей дочери; потом сели все за столы дубовые, за скатерти браные, пили-ели, прохлаждалися. Время молодым в камору идти. Ивашка белая рубашка отозвал царевича и сказал ему: «Слушай, Сила-царевич, как будешь с своею супружницею опочив держать, станет она тебя целовать, миловать, крепко к сердцу прижи-

мать, а ты с нею ничего не твори — или пропадешь, и голова твоя на последней тычинке будет торчать! А как наложит она на твою грудь свою руку и сделается тебе тяжело — вскочи с постели и бей ее палкою изо всех сил; ведь королевна-то любится с нечистым духом: каждую ночь прилетает он к ней по воздуху в виде шестиглавого змея и перекидывается человеком. А я буду стоять у дверей на карауле».

Сила-царевич выслушал эти речи, пошел с своею прекрасною супружницею в камору и лег на постелю. Начала его королевна целовать, миловать, крепко к сердцу прижимать; а Сила-царевич не хочет сотворить обычную любовь с нею. Королевна наложила на него свою руку и так давнула, что он насилу опомнился. Вскочил царевич с постели, схватил палку и стал бить королевну, и бил ее до тех пор, пока не упала она замертво. Вдруг поднялся вихрь — прилетел шестиглавый змей и хочет пожрать Силу-царевича, а Ивашка белая рубашка взял острый меч и начал с тем змеем сражаться. Бились они ровно три часа; Ивашка срубил у змея две головы — и змей улетел прочь. Поутру послал король проведать зятя, и когда принесли весть, что он жив и здоров,— король весьма возрадовался: это еще первый избавился от неминучей смерти. И целый тот день король с зятем веселилися, пили-ели, прохлаждалися. На другую ночь случилось то же; Ивашка белая рубашка срубил змею еще две головы. На третью ночь опять царевич бил королевну, а Ивашка сражался с лютым змеем; срубил ему две последние головы и сжег змеиное туловище вместе с головами, а пепел развеял по чистому полю.

Прошел год, и Сила-царевич просится у короля, чтоб отпустил его с родителями повидаться. Король отпустил. Сила-царевич и поехал в путь-дорогу вместе с королевною. На половине пути остановились и разбили палатки. Ивашка белая рубашка набрал костер и зажег, выхватил меч и рассек королевну надвое. Царевич заплакал горькими слезами. «Не плачь, опять будет жива!» — сказал Ивашка. Как скоро рассек он королевну — из чрева ее поползли всякие гады. «Видишь, какая нечистота! Все это злые духи зародились в твоей супружнице»,— сказал Ивашка белая рубашка. Пожег всех гадов, потом сложил тело королевны и спрыснул живою водою: в ту ж минуту она ожила и сделалась столько же кроткою, сколько прежде была злою. «Ну, теперь прощай, Сила-царевич! Ты меня больше не увидишь»,— сказал Ивашка и стал невидим. А Сила-царевич поехал к морскому берегу, сел на свой корабль и приплыл в свое государство вместе с прекрасною королевною.

576. О ГОРЕ-ГОРЯНИНЕ, ДАНИЛЕ-ДВОРЯНИНЕ

Горе-горянин, Данило-дворянин — жил он у семи попов по семи годов. не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошел он в новое[1] царство лучшего места искать. И палася[2] ему навстречу бабка голубая шапка: «Куды,— говорит,— Горе-горянин,

[1] Иное.
[2] Попалася (*Ред.*).

Данило-дворянин, путь-дорогу держишь?» Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин: «Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил».— «Что дашь от добра? — говорит ему бабка голубая шапка.— Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли,— говорит,— поить-кормить, при смерти в зыбке качать?» — «Буду, — говорит Данило-дворянин,— кормить-поить, при смерти в зыбке качать». И пошли они вместях, и довела она его до места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живет одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу. «Эка, Настасья-царевна! Какая ты,— говорит,— хорóша-пригожа, а живешь ты одна!» — «Как быть бабушка! — говорит Настасья-царевна.— Уж так привелось; нет никого, так живешь и одна; что делать?» —«Вот,— говорит бабка голубая шапка,— я тебе привела мóлодца; поглянется ли?» Сейчас в околенку[1] брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

Вот она с ним живет долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру: «Зови его в тысяцкие[2], жену его Оброксу в сватьи; надоть,— говорит,— нам с тобой обвенчаться». Вот он сейчас обувался-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу. Вот он и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи, надоть нам с ней обвенчаться». У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему: «Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его такую службу, чтоб ему ввек не сделать».— «А какую же,— говорит,— накину я на него службу?» — «А такую,— говорят,— чтобы к утру выстроил церковь».

Вот он и пошел домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя,— говорит,— дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет,— говорит Горе-горянин, Данило-дворянин,— и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а енаралы на меня службу накинули».— «А какую,— говорит,— службу?» — «А такую службу: приказали к утру церковь изготовить».— «Не твоя печаль, не тебе и качать! — говорит Настасья-царевна.— Молися спасу, ложися спать; утро

[1] *В околенку* — намеком, невзначай (*Ред.*).

[2] Почетный начальник свадебной церемонии (*Ред.*).

вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на круто́ красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки. няньки, верны служанки! Кто деревйны вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела». Вот как словом, так и делом; сейчас церковь готова. Вот она и встает утром ранешенько: «Ставай,— говорит,— Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться: церковь готова»

Вот он и ставал утром ранешенько, умывался, обувался, одевался скорешенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот он и прибежал туда; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь готова». Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру: «За экого чужестранного человека ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь,— говорят,— на его службу такую, чтобы ему ввек не сделать». Вот он и говорит: «А какую-такую я на его службу накину? Совсем я никакой не знаю».— «А такую,— говорят,— службу накинь, чтобы к утру, к свету, мост он сострoил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздьём прибитые, по краям были бы перилы то́чены, головушки позолочены; на кажной головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели».

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, оченно кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет,— говорит,— и бранным словом не нашел и питьем царским не обошел; а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы».— «Какую же службу накинули на тебя?» — спрашивает его Настасья-царевна. «А такую,— говорит он,— велели мост к утру, к свету, построить — мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздьём прибитые, по краям были бы перилы то́чены, головушки позолочены; на кажной бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися: не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на круто́ красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырех сторон; кто мостовины вези, кто теши́, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади». Вот и сделался такой шум, гром, визгото́к, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, подумал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом сострoили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит: «Ставай, Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в

сватьи; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов — хоть царю по нем кататься, так не стыдно!»

Вот он ставал ранешенько, одевался скорешенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов — хоть царю кататься по нем, так не стыдно!» Гости енаралы опять говорят: «За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его службу такую, чтоб ему не сделать и ввек».— «А какую же я накину на его службу?» — «А такую,— говорят,— вели ему шубу сшить из со́рока со́роков черных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита».

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет,— говорит,— и царским питьем не обошел и бранным словом не нашел, а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы».— «А какую же?» — говорит Настасья-царевна. «А такую,— говорит,— велели сшить шубу из со́рока со́роков черных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно круто́ крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита». Вот сейчас служки, няньки, верны служанки только тряхнули — шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его. «Ставай,— говорит,— Горе-горянин, Данило-дворянин, в божью церковь к заутрене!» — и подала ему три золотые яичка: первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром. «А третье береги,— говорит,— чем жить!»

Вот он и приходит в божью церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пущают его: «Бодёр очень!» — говорят. Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул — народу лежит две улицы; он прошел наперед, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала: «Поди,— говорит,— спроси: что это за человек, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?» Вот енарал пришел перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился, да и рассмеялся: «Вот,— говорит,— брюханьё! Не узнали же — службу-то прежде накидывали». Вот приходит время христосоваться; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по бу́еву[1]

[1] Ограде церковной.

Гришка фурлатильный[2], черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он Горе-горянин, Данило-дворянин третье яичко выхватил, годи́л[3] в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал? «Первым яичком,— говорит он,— с попом похристосовался, вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца; я шиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал».— «Ну и черт с ним! Так ему и надоть!» — говорит Настасья-царевна. Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала — похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру — звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: «Надоть нам с тобой обвенчаться».

Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу: «Милости просим,— говорит,— к Настасье-царевне — тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загони́ть». Вот он и сказал: «Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай,— говорит,— домой, сряжайся да обряжайся». Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, ни пива́ варить, ни вина курить — все готово! Веселым пирком да и за свадебку; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало; дали мне колпак — стали в шею толкать, дали мне шлык — я в подворотню и шмыг!

577. РАССКАЗ О МЕРТВЕЦЕ

Ехал мужик по́ полю мимо кладбища, а уж стемнело. Нагоняет его незнакомый в хорошем полушубке и в красной рубахе. «Остановись! — говорит.— Возьми меня в попутчики».— «Изволь, садись!» Приезжают они в село, подходят к тому, к другому дому; хоть ворота и настежь, а незнакомый говорит: «Заперто!» Вишь, на тех-то воротах были кресты выжжены. Подходит к крайнему дому, ворота на запоре, и замок в полпуда висит; но креста нету — и ворота сами собой отворилися. Вошли в избу; там на лавке сидят двое: старик да молодой парень. Незнакомый взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине — и тотчас полилась из него алая кровь; нацедил полное ведро крови и выпил. То же самое сделал он и с стариком и говорит мужику: «Уж светает, пойдем-ка теперь ко мне». В один миг очутились они на кладбище. Упырь обхватил было мужика руками, да на его счастье петухи запели — и мертвец сгинул. Наутро смотрят: и молодой парень и старик — оба померли; тотчас разыскали могилу, разрыли — а упырь весь в крови лежит! Взяли осиновый кол, да и всадили в него.

[2] *Фурлатильный* — дурашливый (*Ред.*).
[3] Метил.

578. СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ ВОЯНСКОМ

Мужичок-простачок пахал пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трех слепней, а комаров без счета. Простачок-мужичок думать стал. «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трех молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет!» Голем мужичок назывался; смотришь — и Голь взвеличался, выпряг свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сел верхом, выехал на большую дорогу, срубил дерево стояростовое и поставил столб с надписью: «Здесь проехал богатырь Голь Воянской, встретился с силой бусурманской, тридцать трех богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй».

Голь взобрался на клячу и в путь поплелся наудачу. Немного спустя едет мимо столба Чурила Пленкович, надпись прочитал — подивился, Голя нагнать торопился; такого имени и не слыхивал, а видно, могуч богатырь, так надобно с ним подружиться. Чурила скачет во весь опор, нагоняет Голя и спрашивает: «Не проезжал ли богатырь Голь Воянской?» — «Я,— сказал Голь,— а ты кто?» — «Чурила Пленкович»,— отвечал молодой богатырь, поклонясь, а сам думает: «Что за чудеса? Мужичонка невидный, и ехать с ним стыдно; сам он шарашится, а кляча чуть тащится».— «Ступай в науку, поезжай по левую руку!» — сказал Голь, и Чурила в раздумье поехал возле него, на Воянского богатыря посматривая и на клячу поглядывая. Между тем едет Еруслан Лазаревич мимо столба с надписью, прочитал и ну- гнать коня за Голем Воянским. Догнал и, увидя знакомого Чурилу, спросил, не видал ли он Голя? Чурила указал на товарища. Еруслан Лазаревич поклонился, а сам подивился. «Погоняй в ряду по правую руку!» — сказал ему Голь. На ту пору нагоняет их еще богатырь, Бова королевин сын; надпись на столбе прочитал и коня погонял отыскивать Голя Воянского, победителя бусурманского; видит мужичка на клячонке, тащится потихоньку, а по сторонам его едут два славные богатыря Еруслан Лазаревич и Чурила Пленкович, говорят с ним почтительно, а тот отвечает: «Рад вам, товарищам!» Поклонился Бова королевин сын Голю да об имени спрашивал. «Голь Воянской, сам себе большой,— отвечал простачок,— а ты кто?» — «Я Бова королевин сын»,— отвечал богатырь. «Милости просим на подвиги,— сказал Голь,— ни поздно, ни рано; поезжай возле Еруслана!»

Едут богатыри, куда Голь едет, и подъехали к заповедным лугам царь-девицы богатырки. «Тут заказан путь»,— сказал Еруслан. «Не беда!— молвил Голь.— Много Русь обижала, путь не нам заказала. Пускайте коней на луга!» — «Голь Воянской! — сказал Еруслан.— У королевны сила великая: двадцать два богатыря да Зилант Змеуланович, Тугаринов брат».— «С меня мало,— сказал Голь,— будет ли на долю твою? Я всех как мух перебью».— «Ну, ин быть так! — сказал Еруслан.— Поедем в заповедные луга тешиться, силами богатырскими переведаться». Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят белый пустой шатер, пустили ко-

ней на траву, а сами вошли в шатер, сели да поглядывают; один Голь лег отдыхать и, чтоб не было жарко, снял с себя кафтан, занавесил шатер от солнышка, а сам захрапел. «Голь надеется на себя!» — сказал Бова королевин сын.

Между тем во дворце королевны поднялась тревога; в колокола звонят, в трубы трубят, и выехала из города дружина воинов да три богатыря в латах. Чурила будит Голя: «Вставай! Силы много на нас». Голь встал и, спросонья зевая, сказал: «Что это? Три богатыря — три слепня, а сила вся — комары: не дадут уснуть до поры. Ступай, Чурила, переведайся с ними, оставь одного и пошли к богатырке да вели ей сказать: за меня шла бы замуж!» Чурила поехал, долго бился-рубился и перерубил всех, одного послал к королевне. Но вместо ответа выслали из города шесть богатырей с тремя дружинами. Опять разбудили заснувшего Голя. «Эге! — сказал Голь.— Что за сила? Одной рукой махнуть — пришибу! Королевин сын! Поди справься один, да оставь одного послать к королевне». Сказав, пошел спать. Посчастливилось королевину сыну высланных богатырей победить, одного за другим перебить, а дружины их разбежались. Но королевна высылает еще более силы: двенадцать богатырей, с ними шесть дружин. Скачут, трубят и мечами машут. «Ого, сколько высыпало! — сказал Голь, вставая.— Туча лихая! Двенадцать слепней, а комаров без счета. Еруслан! Будет с тебя? А не то — мы пособим». Еруслан сел на коня, пустился соколом, мечом-кладенцом наотмашь рубит — вправо и влево, богатырей разметал, дружины погнал.

Королевна видит беду неминучую, высылает Зиланта Змеулановича. Загремел Зилант, выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях. Несется Зилант как стрела на орла, зовет как трубой переведаться в бой. «Видно, мне очередь!» — сказал Голь. «Нечего делать,— подумал он,— ехать на смерть; тут мне и конец, зато богатырская честь, а делу венец!» Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку, зажмурил глаза, а сам топором что есть силы машет. Зилант заревел, увидя издалека Голя, и думает: не на смех ли послали? А Голь шепчет про себя: «Отцы и братия, поминай как звали!» — и, ожидая смерти, опустил голову на шею своей лошаденки, которая бежала на трех ногах, а четвертой прихрамывала. У Зиланта запрыгали глаза во лбу. «Нет ли тут умысла? — думал он.— Мужичонка прилег к лошаденке,— что за богатырь? Пальцем щелкнуть — на сажень отлетит». Зилант оглядывается, нет ли тут хитрости, и к седлу наклонился, а Голь приподнял голову и вдруг прибодрился, с топором наскочил да так оглушил, что Зилант на песок повалился. Тут Голь, не дав Зиланту опомниться, стал рубить его, как сосну в щепы, машет да рубит топором, сдернул шелом и поехал к товарищам.

Тогда королевне забота, принуждена приказать отпереть городские ворота, просить богатырей на пир, заключить с ними мир. Увидела Голя, дивится, в ком богатырская сила, и сама подошла к нему, руку на плечо наложила и так придавила, что Голь едва повернулся, выбился из-под руки, отшатнулся, а королевна ему говорит: «Рада я витязю славному, храбрость всегда почитала». Тут она Голю руку пожала; Голь вспрыгнул,

и зубы он стиснул, боясь их разжать, закричать. «Защищай мое царство! — королевна сказала.— Тебе нас стеречь». А Голь поклонился и думал, как бы голову свою уберечь. Королевна велела в беседу принесть крепкого меду, думала гостей испытать, но Голь не хотел пировать, за кубок не брался, а молвил: «Кончив труды, ничего я не пью, кроме богатырской воды!» — «У нас есть в запас вода богатырская»,— сказала королевна. «А много ль ее?» — спросил Голь. «Бутыль полна»,— отвечала королевна. «Да такая ль она, как у нас? — спросил Голь.— Иная бутыль склянки не стоит».— «Отведай»,— сказала королевна и велела принести бутыль с богатырской водой и ковш золотой. Голь налил ковш, выпил, сила в нем прибывала, а королевна знать желала, какова вода. «Еще вкуса не доберусь»,— сказал Голь; налил другой ковш, и разом он выпил еще три ковша. «Полно, полно! — закричала королевна. Ты и мне воды не оставишь».— «Славная водица! — молвил Голь, расходясь, руками размахивая.— Какова-то теперь сила моя?» Тут велел он принесть большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлею, из конюшни королевниной вывесть коня богатырского. Сел на него, разъехался, вскочил в петлю головою и порвал канат.

С той поры Голь богатырствовал, приосанился, на королевне женился; от ней у него были две дочери: Смета да Удача. Голь на них глядя, величался, и никто не сомневался, чтобы он не одолел тридцать трех богатырей одним разом.

579. ХИТРИЙ ЧОЛОВІК

Один чоловік найшов гроші да й хитрує, як би поступить із жінкою, щоб вона кому не сказала; бо він знав, що жінки дуже нетерплячі — зараз розбрешуть, як тілько що почують. От він пійшов на двір да з надвору і уносить яйце у хату. «Жінко, — каже чоловік, увійшовши у хату, — оце́, як бачиш, я яйце ізніс». Жінка його аж об себе ляпає — дивується, що чоловік яйце ізніс. Після того пійшов чоловік на базар, накупив там бубликів, розвішав їх уночі перед вікнами на лісі, на колках, да й каже жінці уранці: «Жінко! Ти не чула, що сю ніч було?» — «Ні, не чула, — каже жінка, — а що ж там?» — «Бублишна туча летіла; я тебе будив, да ти не чула. Ось ходім лишень на двір да подивимось, чи не зачепилась котора в'язка». Пійшли, дивляться. Жінка дивується, що на лісі зачепились бублики, думає, що се їй сниться. «Збирай, жінко, щоб хто не побачив да не сказав пану сотнику; бо йому як скаже хто про сі бублики, дак він звелить їх до себе принести». Після сього чоловік якось і каже жінці: «Ось, жінко, іще буде куряча туча летіть, дак ти заховайся у погреб; я тебе там накрию, а сам сховаюсь, куда сам знаю». От узяв зачинив жінку у погреб, да там і накрив її лубком; на лубок посипав гречки, напуска туда курей: вони і давай клювать собі тую гречку. Жінка ж сидить там да й не поворохнеться вже. Поїли кури гречку, а чоловік і питає жінку: «Чи ти, жінко, тут?» — «Тут, да ізлякалась дуже! Що, пролетіла куряча туча?» — «Пролетіла!» — «Що ж, багато курей наловив?» — «Еге! Насилу свої вдержав». Недовго після сього чоловік ходив кудись, да прийшовши додому і каже жінці: «Оце́, жін-

ко, був я на базарі і щось там бачив, да боюсь тобі казать, щоб ти не сказала кому». — «Ні, не бійсь, не скажу!» — «Бачив я, жінко, як пана сотника водили по базару, начеплявши йому на шию потрохів за те, що у кражі піймали». — «Оце́! Чи можна ж то було сподіваться сього от його? Дивно!..»

Наробивши таких штук, чоловік на що хотів, на те й тратив гроші ті, що ізнайшов. А жінка бачить, що чоловік її набрав десь багато грошей, да й питає його: «Де се ти грошей набрав, Іване?» — «Мовчи, жінко, да не кажи нікому; се я ізнайшов їх». — «Коли же се ти іх ізнайшов? Чому ж ти мені й досі не сказав?» — «Да за клопотами не вспів». — «Да коли ж ти он таки ізнайшов, скажи мені теє время?» — «А тоді, як яйце ізніс да тобі уніс; да тоді, як бублишна туча летіла; да тоді, як пана сотника водили по базару». Жінка й мовчала, да недовго; чоловік якось побив її, от вона й побігла до сотника жаловаться: «Пане сотнику! Я тобі щось хочу сказать».— «Кажи, кажи, молодичко!» — одказує сотник. «Отак, пане сотнику! Мій чоловік ізнайшов гроші, просив мене, щоб я нікому не казала, да тепер іще бить мене начав, дак я оце́ прийшла тобі сказать».— «А, так ось як! — каже сотник.— Ну, погуляй же тут, підожди; ось я за їм зараз пошлю кого-небудь». Скоро прийшов і чоловік. Сотник і питає його: «Чому се ти не кажеш мені, що гроші ізнайшов? Га?» — «Ні,— каже чоловік,— грошей я ніяких не находив. А ось я прийшов сказать, що моя жінка щось не при собі, мов». — «Еге, дак ось як! — закричала жінка. — Ты ізнаходиш гроші. а жінка твоя дуріє?» — «Да коли ж я гроші ізнайшов?» — «А тоді, як яйце ізніс; забув?» — «Ну дивися ж сам, пане сотнику, що се вона каже! Чи можна ж таки чоловіку яйце знести? Я тобі казав, що вона щось не теє!» — «Е, сякий-такий! А як куряча туча да бублишна летіли; іще й се, може, скажеши, що не правда?» — «Вона, як сам, пане, бачиш, не при собі!» — «Не при собі! А те забув, що ти іще і тоді гроші ізнайшов, як пана сотника водили по базару, навішавши на шию потрохів йому? Ага, попавсь!» — «Ну, пане, воля твоя, вона зовсім надурила». А сотник, почувши, що каже на його жінка, велів її добре вибить, щоб не давала язику волі. «Бач, жінко, що то значить не держать дурного свого язика на привязи!»— сказав чоловік, як вернулись додому.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. СКАЗКИ, ИЗЪЯТЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ИЗ СБОРНИКА «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»

1. О ХИТРОСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

До рождества Христова все умершие — грешные и праведные сидели в аду. И Анна-пророчица была тут же и все пророчила, что родится Исус Христос и выведет всех праведных из аду. А праведные давно ждут и дождаться не могут избавления и говорят:

«Вот ты, Анна, пророчишь, пророчишь, а все ничто не сбывается, только нас морочишь!» Анна их уверила, что вправду все то сбудется, что она пророчила.

Вот и родился Исус Христос и начал с апостолами ходить по земле; зашел и в ад. Ад затрещал, Сатанаил закричал: «Аде, крепися!» Нет, ад все трещит. Господь повел из аду всех с собою, а царя Соломона оставил. Соломон и говорит: «Что же ты, господи, всех выводишь из аду, а меня одного покидаешь?» Господь сказал: «Ты сам хитёр-мудёр, дак выходи на свои мудрости!»

Вот Соломон остался в аду и начал размеривать ад да приговаривать: «Вот тут будет церква, тут престол, а тут часовня». Сатанаил его остановил: «Соломон, что ты делаешь?» А он отвечает: «Да вот хочу здесь церкву строить, а вот тут часовню».— «Что ты, царь Соломон! У меня и прежде тесно было. Я рад, что избавился назойливых жильцов, а ты опять меня теснишь».— «Ну, Сатанаил, вот тебе три аршина в уголку — будет с тебя и этого места!»

Сатанаил рассердился и вытурил (выгнал) царя Соломона из аду вон. Соломон и пошел к царству небесному. Стучится у ворот и спрашивает: «Братие! Скажите, пожалуйста, которое житие лучше — старое ли в аду или новое в царстве небесном?» — «Нет,— говорят,— новое в царстве небесном лучше».— «Покажите-ка мне ваше житье хоть немножко! Я бы посмотрел на вас». Отворили ему дверь немножко, чтобы можно было за-

глянуть. Он смотрел, смотрел и засунул ногу. Стали рай затворять и прижали ему ногу-то. Он и закричал: «Ногу прижали! Ногу прижали!» Вот как отворили шире, Соломон и проскочил в царство небесное — да в уголок. Тут и остался, а не на пéреде, где заняли место первые.

2. ХРИСТОВ КРЕСТНИК

В старое время было так: жил-был бедный крестьянин, и у того у крестьянина было немалое семейство — ровно шесть сыновей. Родился у него еще седьмой сын. Надо было младенца крестить. Жена и посылает своего мужа искать крестного. Мужик на первый же день обошел всех богатых поселян, только никого не мог найти, кто захотел бы принять младенца. Все отказались, потому что к бедному не так-то охотно идти. На другой день жена опять посылает своего мужа искать кума. Тот опять никого не сыскал, идет да сам плачет. Вдруг попадается ему навстречу незнакомый человек, и тот человек был сам господь. Спрашивает он мужика: «О чем плачешь, старичок?» Тот отвечает: «Да вот родился у меня сын. Надобно его окрестить, да никто не идет ко мне в крестные, потому что беден».— «Не тужи, я твой кум. Пускай несут младенца в церкву. Я сейчас там буду». Мужик обрадовался, что нашел кума. Воротился домой и посылает бабушку с младенцем в церкву. Бабушка взяла ребенка и пошла. Приходит в церкву, а муж уже там. Вот как окрестили младенца, стала бабушка звать к себе кума хлеба-соли откушать. Кум отказался: — «Мне,— говорит, некогда!»

Прошло немало времени — эдак лет шесть, или семь. Мальчик порядочный вырос. Настает пасха Христова. Соседние ребятишки бегают по улице и говорят: «Завтра мы пойдем к своим крестным христосоваться, они нам по яичку дадут». Тот мальчик с ними же бегал. Услыхал такие слова, прибежал домой и давай спрашивать у матери: — «Кто у меня крестный?» Мать и говорит: «Спрашивай у отца! Он, бестолковый, кого-то созвал и нам не показал, что за человек такой был».— «Ну да молчи, мама! Я завтра пойду в церкву и стану высматривать крестного. Может и найду».

Приходит к заутрене. Становится прямо против образа Спасителя и усердно молится, чтобы показал ему бог крестного. По отходе утрени все вышли из церкви, а он остался и видит: выходит в царские врата неведомый человек, манит его к себе и дает два яичка. Одно велит отнести отцу, другое матери. — «А сам, — говорит, — опять приходи в церкву. Тогда я тебе еще яичко дам». Мальчик с радостью побежал домой. Прибегает, отдает отцу-матери по яичку и говорит: — «Мне тятенька крестный дал, велел вам отдать, а мне наказал еще прийти».

Приходит к обедне и опять становится на то же место. По окончании службы невидимой силой подняло его до третьего неба. Сперва несли его двухкрылые ангелы, а потом шестикрылые серафимы подняли его до шестого неба, в предивную палату, где он узрел лик ангелов, праведников и пророков. Господь посадил его на престол, вручил скипетр и державу и оставил вместо себя. Тогда он увидел всю подвселенную. Сидит и смот-

рит: вон плывет корабль, а на тот корабль наступают разбойники. Он и подумал: «Лучше б тому кораблю потонуть, нежели быть разграблену!» Корабль тотчас и потонул со всеми людьми и товарами. Потом увидел он, что в такой великий праздник не хотела жена с своим бедным мужем обед разделить, а ушла в чужие люди и стала с чужим мужиком пировать и любодейничать. Мальчик подумал: «Лучше бы тому дому сквозь землю провалиться, нежели такое распутство зреть!» — И дом провалился сквозь землю. В третий раз видит он, как разбойники под монастырь подкапываются, и опять подумал: «Как же у этих разбойников руки поднимаются на божие храмы? Лучше бы тому монастырю опрокинуться да задавить их!» Монастырь сейчас опрокинулся и задавил разбойников.

Господь, видя такое нетерпение, удалил его с престола, дал ему яичко и велел ангелу отнести его на землю. Ангел понес его к отцу и на пути сказал ему: «Как будешь ты дома, то разговейся этим яичком и удались в пустыню. Там тебе будет спокойнее». Он так и сделал — разговелся и удалился в пустыню. Пробыл в ней двенадцать лет, потом преставился. Тело его было похоронено ангелом в той самой церкве, где это чудо совершилося.

3. РИЗА НА ИКОНЕ

Жил в одном городе богатый человек, ездил в Нижний на ярмарку за разными товарами. Однажды случилось ему плыть с товаром по Волге. Плывет день и два — хорошо, а на третий поднялась сильная буря и потопила у него судно с людьми и с товарами,— только сам кое-как мог спастись на одной дощечке. Приплескало его к берегу, он очувствовался, вышел нá берег и пошел домой пешком.

Приходит домой, рассказывает жене о своей беде. Жена плачет не столько о муже, сколько о богатстве. Вот этот бедняк не знает, как и пропитанье себе найти. Потому что жил он прежде богато, привык к роскоши, работать ему совсем не под силу. Стал он ходить в церкву, стал просить помочи у иконы божьей матери. Просит раз, другой и третий — икона все не дает помочи. Он осердился и говорит: «А когда так!..» И вздумалось ему: «Дай-ка я сниму с нее серебряную ризу». Улучил время, когда в церкви никого не было, и снял с образа ризу, смял ее в комок и продал серебреннику. На те деньги опять стал торговать, и расторговался в пять лет так, что лучше прежнего стал жить. Как-то и вспомнил: «Что ж я — снял с божьей матери ризу, а новую-то не сделал!»

Заказал серебреннику ризу на образ и дал ему мерку. Серебренник скоро ее изготовил, принес, отдает купцу. Тот взял ризу, пошел в церкву, и никто не заметил, как он одел ее на икону. А риза-то оказалась гораздо лучше прежней. Собираются прихожане в церкву, видят: риза не та. Сказали священнику, и тот удивляется:— «Как же это могло случиться?» А во все время, когда икона стояла без ризы, никто того не видел; всем казалось, что она стоит в окладе; иные даже к ней прикладывались и ничего не замечали. Только тогда все и открылось, как появилась на иконе новая риза и как сам купец покаялся перед священником.

II. СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ» И РУКОПИСИ «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»

ПРЕДИСЛОВИЕ К «РУССКИМ ЗАВЕТНЫМ СКАЗКАМ» ЖЕНЕВА, 1872[1]

«Honny soit qui mal y pense»
[Пусть будет дурно тому, кто плохо подумает].

Издание наших «Заветных сказок» в том виде и последовательности, в которых мы предлагаем их любителям русской народности, едва ли не единственное в своем роде явление. Легко может быть, что именно поэтому наше издание даст повод ко всякого рода нареканиям и возгласам не только против дерзкого издателя, но и против народа, создавшего такие сказки, в которых народная фантазия в ярких картинах и нимало не стесняясь выражениями развернула всю силу и все богатство своего юмора. Оставляя в стороне все могущие быть нарекания собственно по отношению к нам, мы должны сказать, что всякий возглас против народа был бы не только несправедливостью, но и выражением полнейшего невежества, которое по большей части, кстати сказать, составляет одно из неотъемлемых свойств кричащей prudrie *. Наши «Заветные сказки» — единственное в своем роде явление, как мы сказали, особенно потому, что мы не знаем другого издания, в котором бы в сказочной форме била таким живым ключом неподдельная народная речь, сверкая блестящими и остроумными сторонами простолюдина.

Литературы других народов представляют много подобных же «заветных» рассказов, и давным-давно уже опередили нас и в этом отношении. Если не в виде сказок, то в виде песен, разговоров, новелл, farces, soties, moralités, dictions ** и т. п., другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, так же мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. Кто сомневается в том, что игривые рассказы Боккаччо не почерпнуты из народной жизни, что бесчисленные французские новеллы и facéties *** XV, XVI и XVII вв.— не из того же источника, что сатирические произведения испанцев, Spottlieder **** и Schmähschriften ***** немцев, эта масса пасквилей и разных летучих листков на всех языках, являвшихся по поводу всевозможных событий частной и общественной жизни — не народные произве-

[1] В этом разделе прим. Афанасьева помечены цифрой со звездочкой (*Ред.*).

* Показной добродетели (*франц.*).

** Фарсов, соти, моралите, поговорок (*франц.*).

*** Фацетии (*франц.*).

**** Насмешливые песни (*нем.*).

***** Поносные сочинения (*нем.*).

дения? В русской литературе, правда, до сих пор есть еще целый отдел народных выражений не печатных, *не для печати*. В литературах других народов издавна таких преград народной речи не существует. Не восходя к классической древности, разве «Ragionamenti» P. Aretino, «Capitoli» Franc. Berni, Giov. dela Casa, Molza, «La Rettorica delle puttane» Pallavicini, «L'Alcibiade fanciullo» a scola * и произведения других итальянских писателей, далее книга Меурсия — «Elegantiae latini sermones» **, целый ряд известных во французской литературе: «Joyuesetez» facéties et folastres imaginations [1*] ***, знаменитый «Recueil de pièces choisies par le soins du Cosmopolite ****, разве весь этот поток «Flugschriften» *****, о которых говорит ****** Schade: «die damals wie eine Fluth übers Land führen [2*] не доказывают ясно, что печатное слово не считало нужным прикрываться дымкой стыдливой pruderie и виноградным листом цензурного письма? Нужно ли при этом упоминать о макаронических произведениях, пользующихся такою честию от великолепного Лаврентия Медичиса и до Медичисов нашего времени? Нужно ли, наконец, заметить, что не одним только библиофилам известны целые отделы, предмет которых описывают специальные библиографии, вроде «Bibliotheca Scatologica» (Scatopolis, 5850) ******* отделы, известные в книжном мире под именем: «Singularités», «Curiosa», «Erotica», «Ouvrages sur l'amour», «...sur la galanterie» ******** и т. д.

Итак, обвинение русского народа в грубом цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами,— само собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире, иронии. Сказки наши передаются в том безыскусственном виде, как они вышли из уст народа и записаны со слов рассказчиков. Это-то и составляет их особенность: в них ничего не тронуто, нет ни прикрас, ни прибавок. Мы не будем распространяться о том, что в разных полосах широкой Руси одна и та же сказка рассказывается иначе. Вариантов таких, конечно, много, и большая часть их, без сомнения, переходит из уст в уста, не будучи еще ни подслушана, ни записана собирателями.

* «Беседы» П. Аретино, «Капитоли» Франч[еско] Берни, Джов[анни] Делла Каза, Мольцы, «Риторика девок» Паллавичини, «Мальчик Алкивиад» (*итал.*).

** «Изящные латинские разговоры» (*лат.*).

*** «Потешки», фацетии и забавные выдумки (*франц.*).

[1*] См. Réimpressions par Caron, Montaran, Techener, Veinant. J. Gay и других [Переиздания Карона, Монторана, Тешнера, Дж. Гея (*франц.*)].

**** «Сборник избранных отрывков для развлечения всего света» (*франц.*).

***** «Листовок» (*нем.*).

****** Шаде: «Которые тогда летали над землей подобно целой стае» (*нем.*).

[2*] Sie Kennzeichnen sich fast alle durch ein scharfes satirisches Element, beispiellosen Freimuth, mitunter durch grosse Derbheit u. s. w. (Satiren u. Pasquille von Oskar Schade). [Они почти все отличаются острым сатирическим элементом, беспримерной свободой, иногда большой грубостью и т. д. («Сатиры и пасквили» Оскара Шаде)] (*нем.*).

******* «Скатологическая библиотека» (Скатополис, 5850) (*лат.*).

******** «Странности», «Курьезы», «Эротика», «Произведения о любви», «Руководство к ухаживанию» (*франц.*).

Приводимые нами варианты взяты из числа наиболее известных или наиболее характеристичных почему-либо.

О последовательности, в какой являются наши сказки, мы считаем даже излишним распространяться. Заметим только по этому поводу, что та часть сказок, где действующие лица животные, как нельзя более рисует всю сметливость и всю силу наблюдательности нашего простолюдина. Вдали от городов, работая в поле, в лесу, на реке, он везде глубоко понимает любимую им природу, верно подсматривает и тонко изучает окружающую его жизнь. Живо схваченные стороны этой немой, но красноречивой для него жизни сами собой переносятся на его собратий — и полный жизни и светлого юмора рассказ готов. Отдел сказок о так называемой народом *«жеребячей породе»*, из которых пока мы приводим только небольшую часть, ярко освещает и отношение нашего мужичка к своим духовным пастырям и верное понимание их.

Любопытны наши «Заветные сказки» помимо многих сторон и в следующем отношении. Важному ученому, глубокомысленному исследователю русской народности они дают обширное поле для сравнения содержания некоторых из них с рассказами почти такого же содержания иностранных писателей, с произведениями других народов. Каким путем проникли в русские захолустья — рассказы Боккаччо[3*], сатиры и фарсы французов XVI столетия, как переродилась западная новелла в русскую сказку, в чем их общая сторона, где и, пожалуй, даже с чьей стороны следы влияния, такого рода сомнения и заключения из очевидности подобного тождества, и т д. и т. д.

Предоставляя решение всех этих и иных вопросов нашим патентованным ученым, мы и без того надеемся, что наши читатели помянут добрым словом труды почтенных собирателей этих сказок. Мы же, со своей стороны, издавая это редкое собрание с целью спасти его от гибели, равно чужды, смеем думать, как хвалы, так и порицаний.

Таким образом, не принимая лицемерно ученой наружности, книга наша является случайным и простым сборником той стороны русского народного юмора, которому до сих пор не было места в печати. При диких условиях русской цензуры, ее кривом понимании нравственности и морали, книга наша тихо печаталась в той отдаленной от треволнений света обители, куда еще не проникла святотатственная рука какого бы то ни было цензора. Мы не можем при этом не высказать одного из наших задушевных желаний: да последуют и другие тихие уголки нашей отчизны примеру нашей обители. Пусть разовьется в них, чуждое всякой цензуры, благородное искусство книгопечатания,— и да выйдут из рук трудящейся братии, сойдут с заветных станков их всякое свободное слово, всякая заветная речь, к какой бы стороне русской жизни ни относились они.

Прибавим в заключение, что впоследствии мы намерены также издать: «Русские заветные пословицы» и продолжение «Русских заветных сказок». Имеющиеся в наших руках материалы приводятся в порядок. Изданием

[3*] См., например, сказку № LXXVII — Купеческая жена и приказчик [в наст. томе сказка № 39, с. 339].

их мы надеемся оказать услугу как вообще делу изучения русской народности, так и в особенности нашим собратиям — истинным любителям и знатокам всего заветного, меткой, о́бразной русской речи и ее светлого юмора.

Филобибл.

1. СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ

Был-жил поп да попадья. У них был казак[1], по имени Ванька; только житье у них казаку было не очень-то хорошее: больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено, верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостину и давай за ними бегать; прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе докончили работу и поехали домой. Было темно. «Ванька,— сказал поп,— не лучше ли нам ночевать в деревне хоть у Гвоздя: он — мужик добрый, да у него и двор-то крытый».— «Хорошо, батюшко»,— отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился богу, поклонился хозяину и сказал: «Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: садитесь, все крещеные; а если скажешь попу: садись, отец духовный, то он рассердится на тебя и не сядет ужинать; он не любит, когда его так называют». Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал: «Садитесь все крещеные, ужинать». Все сели, кроме попа; он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, ан то и не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа: «Что, отец Михаил, не садился с нами ужинать?» А поп отвечал: «Мне не хочется есть».

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было потеплее, чем в избе. Поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, окромя квашни с раствором. Поп стал будить казака: «Что, батюшка, надобно?» — «Казак, мне есть хочется».— «Ну, так что не ешь? В квашне тот же хлеб, что и на столе,— сказал Ванька и сам сошел с полатей, наклонил квашню и говорит: — будет с тебя». Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул.

В это время отелилась на дворе корова и стала мычать. Хозяйка услыхала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу; а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком; схватил рукою теленка и стал будить казака. «Что опять понадобилось?» — сказал Ванька. А поп: «Ванька! Ведь у меня на печи-то теленок, и не знаю: откуда он явился?» — «Вот еще что выдумал, сам родил теленка, да и говорит: не знаю, откуда взялся».— «Да как же это

[1] Батрак.

так могло статься?» — спрашивает поп.— «А вот как: помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! вот теперь и родил теленка!» — «Ванька, как бы сделать, чтобы попадья не узнала?» — «Давай триста рублев, все сделаю, никто не узнает». Поп согласился. «Смотри же,— говорит казак попу,— ступай теперь тихонько домой, да надень вместо сапогов мои лаповики[1]».

Только что ушел поп, казак к хозяину: «Ах вы, ослы! Ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги. Ступайте посмотрите». Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтоб обделать дело так, чтоб никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит: «Батюшка, теленка-то хозяин хочет привести к попадье, да сказать, что ты его родил». Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько. «Ступай себе, все сделаю»,— сказал казак и поехал опять к мужику: «Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет». Этот простофиля дал казаку еще сотнягу: «Только обмани попадью, да никому не сказывай».— «Хорошо, хорошо!» — сказал казак; приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать.

2. КАКОВ Я!

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик, такой плутоватый, что боже упаси! Стибрил где-то сотню рублев и убежал из своей деревни. Шел-шел и выпросился переночевать у попа: «Ступай,— говорит поп,— ты у нас места не пролежишь». Пришел мужик, разделся и лег на лавке. Вздумалось ему пересчитать деньги, вынул и давай считать. Поп увидал, что мужик считает деньги — а на это они чутки — и думает: «Ишь, ходит оборванцем, а денег какая пропасть. Дай-ко напою его пьяным да и оберу». Вот поп немного погодя подошел к мужику и говорит: «Пойдем, свет, к нам ужинать». Мужик обрадовался: «Спасибо, батюшка!» Сели ужинать; поп поставил вина и давай его наливать: так поштует — просто отдыха не дает. Мужик напился пьян и свалился на пол, поп сейчас вытащил у него из кармана деньги, припрятал к себе, а мужика уложил на лавку.

Наутро проспался мужик, глядь, а в кармане пусто; смекнул в чем дело, да что возьмешь: коли просить на попа — так станут спрашивать: откуда деньги взял и сам откуль пришел; еще беды наживешь. Так мужик и ушел, таскался кое-где месяц, другой и третий, а там и думает себе: «Чай поп теперь меня позабыл; оденусь-ка так, чтобы не признал меня, да пойду к нему за старое отплатить». Пришел к попу в избу; а попа на ту пору дома не случилось, одна попадья сидела. «Пусти, матушка, переночевать к себе».— «Пожалуй, иди». Он вошел в избу и уселся на лавке. «Как зовут, свет? Откуда идешь?» — «Какофием, матушка, иду издалеча на богомолье».

[1] *Лаповики* — обноски лаптей (*Ред.*).

На столе у попа лежала книга. Вот мужик взял, переворачивает листы да губами бормочет, будто читает, а потом как заплачет. Попадья и спрашивает: «О чем, свет, плачешь?» — «Как мне не плакать? В Святом-то писании писано, что кому за какие грехи будет, а мы грешные столько творим нечестивого, что не ведаю, матушка, как еще бог грехам-то терпит?» — «А ты, свет, научен грамоте?» — «Как же, матушка, насчет этого дела я не обижен от бога».— «А петь по-дьячковски умеешь?» — «Умею, матушка, умею. С малых лет учился: весь церковный устав знаю».— «А у нас, свет, дьячка нету; уехал отца хоронить; не поможешь ли батьке завтра обедню отслужить?» — «Хорошо, матушка! Отчего не помочь?»

Приехал поп, попадья ему все рассказала. Поп тому и рад, угостил мужика как можно лучше. Наутро пришел с мужиком в церковь и начал служить обедню. Только мужик стоит на крылосе и молчит себе. Поп закричал на него: «Что же ты стоишь молча, а не поешь?» А мужик ему: «Пожалуй, я и сяду, коли стоять не велишь». И сел... Поп опять кричит: «Что же ты сидишь, а не поешь?» — «Пожалуй, я и лягу». И развалился на полу. Поп подошел и выкурил его из церкви, а сам остался обедню доканчивать. Мужик пришел к попу на двор. Попадья спрашивает: «Что, отслужили обедню?» — «Отслужили, матушка!» — «А где же батька?»— «Он в церкви остался: надо хоронить покойника. А меня послал к тебе взять новый тулуп, сукном крытый, да бобровую шапку, идти далеко, дак он хочет потеплей одеться». Попадья пошла за тулупом и шапкою. А мужик зашел в избу, снял свою шапку, ... в нее и положил на лавку, а сам взял поповский тулуп с бобровою шапкою и драла.

Поп отслужил обедню и приходит домой. Попадья увидала, что он в старом тулупе, и спрашивает: «Где ж новый тулуп-то?» — «Какой?» Ну тут рассказали друг дружке про мужика и узнали, что мужик-то их обманул. Поп сгоряча схватил шапку, надел на голову и побежал по деревне искать мужика, а из шапки так и плывет по роже: весь обгадился. Подбежал к одной избе и спрашивает хозяина: «Не видал ли Какофья?»— «Вижу, батюшка, каков ты! Хорош!» Кого ни спросит — все ему одно отвечают. «Какие дураки,— говорит поп,— им одно толкуешь, а они тебе другое!» Бегал, бегал, всю деревню обегал, а толку не добился. «Ну, думает, что с воза упало, то пропало»... Тем сказка и кончилась.

3. В-ЧЕМ-Я?

Жил-был старик со старухою; у них был сын Иван-дурак. Пришло время — старик со старухой умерли. Иван-дурак и говорит: «Что мне жить одному дома, лучше идти на божий путь бурлачить». Вот он и пошел. Ему навстречу попал поп. Поп говорит Ивану-дураку: «Ты куда пошел?» Иван-дурак отвечает: «Да вот отец и мать у меня умерли, так я пошел бурлачить».— «Наймись ко мне в строшны[1]». «Пожалуй». «Тебя как зовут?» — «Зовут меня: В-чем-я».

[1] *Строшной* — работник, батрак (*Ред.*).

Вот поп нанял строшного. После и спрашивает у него: «Ты учен грамоте?» — «Учен».— «Ну, пойдем,— говорит поп,— обедню со мной служить».— «Пожалуй, пойдем». Они зашли в церковь. Поп надевает на себя ризу, а Иван-дурак спрашивает: «А мне чего надеть-то?» — «Где-то был куль рогожный,— сказывает поп,— надень хоть его». Иван-дурак принес куль, спрашивает: «Как же надевать его? Куда голову запихать-то?» Поп говорит: «Где-то был нож?», принес его, перерезал в куле дыру: «Пихай вот сюда».

Иван надел куль и стал служить за дьякона. Поп учит его: «Говори: благослови, владыко».— А Иван ему: «А тебя, батько, можно повесить на лыко». Поп взял и выгнал его из церкви. Иван-дурак побежал к попадье: «Давай, попадья, четыреста рублев, поп деревню купил». Она и отдала ему четыреста рублей. В поповой избе стояла квашня с раствором; Иван взял да и вылил раствор попу в шляпу, поставил ее на стол и закрыл платком, а сам убежал.

Приходит поп от обедни домой. Попадья спрашивает; «На какую деревню просил ты четыреста рублев денег?» — «Что ты, вздурела? Когда я просил?» — «Да строшной приходил за ними, говорит: батько деревню купил; я ему сама отдала».— «Что ты, подлая, наделала? Ведь он обманул тебя!»

Схватил поп шляпу с раствором-то, надел на себя: «Побегу,— говорит,— нагоню его». Вот и побежал догонять; бежит себе, а мужик навстречу дрова везет. Поп спрашивает у него: «Не видал ли, свет, В-чем-я?» — «Да, кажись, в растворе, батюшка». Поп побежал дальше, увидал другого мужика, спросил и этого; он то же сказал. Поп пустился еще дальше, увидел третьего мужика, рубит в лесу дрова. «Дядюшка,— спрашивает его,— скажи, не видал ли ты В-чем-я?» — «Да ты, батько, весь в растворе. Оглянись на себя — сам увидишь».

Поп осмотрелся, а по нем из шляпы так и ползет раствор-то. Поп вернулся домой, весь морщится. «Что, поп, морщишься? Али гриб с корешком съел?» — спрашивает попадья. Поп осерчал, выбил попадью и пошел с горя в кабак, да пропил себе рясу.

4. СУД О КОРОВАХ

В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, у мужика была только одна, да хорошая. Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться, да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!» Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви: «Послушайте, миряне! А еще кто подарит своему духовному пастырю одну корову — тому бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!»

Мужик услыхал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове? На всю семью и молока нехватает. Сделаю-ка я по Писанию, отведу корову к попу. Может, и впрямь бог смилуется». Как только отошла обедня,

мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу: «Здравствуй, батюшка!» — «Здорово, свет, что хорошего скажешь?» — «Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в Писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро. Вот я, батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову».— «Это хорошо, свет, что ты помнишь слово божее! Бог тебе воздаст за то седьмерицею. Отведи-ка, свет, корову в сарай и пусти к моим коровам». Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать: «Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду что ли нам пропадать, как собакам?» — «Эка ты дура,— говорит мужик,— разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семь: тады[1] похлебаем молочка досыта!»

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны. Стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню; пошли все коровы по своим дворам, а корова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину; семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидел в свое окошко и говорит своей бабе: «Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: божие слово завсегда сбывается. А ты еще ругалась. Будет у нас теперича и молоко и говядинка». Тотчас побежал, загнал всех коров в хлев и накрепко запер.

Вот поп видит: уж темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику и говорит: «Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?» — «Поди ты с богом! у меня чужих нет, а есть свои, что мне бог дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька, сам ты читал на празднике в церкви».— «Врешь ты, сукин сын! это мои коровы».— «Нет, мои». Спорили-спорили. Поп и говорит мужику: «Ну, черт с тобой. Возьми свою корову назад; отдай хоть моих-то».— «Не хошь ли кляпа собачьего?»

Делать нечего, давай поп с мужиком судиться. Дошло дело до архиерея. Поп подарил его деньгами, а мужик холстом, архиерей и не знает, как их рассудить. «Вас,— говорит им,— так не рассудишь. А вот что я придумал: теперь ступайте домой, а завтра из вас кто придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся». Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье: «Ты, смотри, пораньше меня разбуди завтра утром». А мужик не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался к архиерею под кровать. «Здесь,— думает себе,— пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь — так попу коров-то и не видать».

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архиерей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает: «Кто такой?» — «Я, игуменья, отче!» [*Лежа под кроватью, мужик слышит разговор архиерея с игуменьей; на другой день, опасаясь разоблачений мужика, архиерей присуждает ему коров*]. Так поп и остался ни при чем, а мужик зажил себе припеваючи.

[1] Тогда (*Ред.*)

5. ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет срамить: «Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится».

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился. «Послушай, проклятый,— говорит ему,— откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?» — «Помилуй, батюшка, где я больше возьму? что есть, то и даю!» — «По б..... да по кабакам носить, небось, есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! ты про эдакий случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси, что подобает; заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит». И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди. «И не приходи ко мне без гривенника».

Солдат пошел прочь и думает; что мне с попом делать? Глядит, а около крылоса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка. «Дай-ка,— говорит сам себе,— попробую эту шапку утащить». Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу. «Ну, что, принес гривенник?» — спросил поп,— «Принес, батюшка».— «А где взял, свет?» — «Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник». Поп взял этот гривенник и говорит: «Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю».

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к крылосу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает: «Что угодно, батюшка?» — «Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?» — «Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит».— «А из которого места ты ее стащил?»— «Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого крылоса»,— «Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!» — «Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили».

6. ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ

Пришел великий пост: надо мужику итить на исповедь к попу. Завернул он в кулек березовое полено, обвязал его веревкой и пошел к попу. «Ну, говори, свет, в чем согрешил? А это у тебя что такое?» — «Это, батюшка, белая рыбица, тебе на поклон принес!»— «Ну, это дело хорошее! Чай замерзла?» — «Замерзла, все на погребе лежала».— «Ну, когда-

нибудь растает!» — «Я пришел, батюшка, покаяться: раз стоял за обеднею да...» — «Что это за грех! Я и сам один раз в алтаре... Это ничего, свет! Ступай с богом».

Тут начал поп развязывать кулек, смотрит, а там березовое полено. — «Ах, ты.., проклятый! Где-же белорыбица-то?!.»

7. АРХИЕРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ

Был у барина продувной слуга Ванька. Убежал от него и принялся воровать да плутовать. Идет он по рынку, видит: мужик свинью продает. «Что, продаешь, свинью?» — «Продаю».— «А сколько просишь?»— «Пять карбованцев».— «Ну, вези за мной на архиерейский двор; нам архиерей не приказывал торговаться». Приехали на архиерейский двор.

А Ванька знал, что архиерей нечистых из людей выгоняет, отчитывает. Сейчас бросился к нему: «Святой владыко! Беда случилася: в моего батюшко нечистый вселился; нельзя ли отчитать?» — «Веди его сюда». Ванька воротился к мужику. «Ступай,— говорит,— к преосвященному за деньгами, да как прийдешь — нагни голову пониже; он наперед молитву прочитает». Старик прошел в горницу и нагнул голову, а владыко взял книгу и давай отчитывать.

Тем временем Ванька сел на телегу и уехал по-добру, по-здорову, и лошадь украл, и свинью увез. Мужик стоял-стоял, согнувшись, инда тошно стало — шея заболела, а архиерей знай себе читает. Надоело старику. «Буде, владыко, пора деньги за свинью платить!» — «Ах, окаянный, и впрямь в тебе бес сидит,— говорит архиерей,— вишь про свинью поминает».— «Что ты, владыко, али деньги зажилить хочешь? Коли так, я лучше свинью назад повезу»..

Бросился на двор — ни повозки, ни свиньи. Ванька уж давно все это спустил, куда надобно, и идет себе как ни в чем не бывало. Шел, шел да в лошадиное дерьмо и попал. Слегка ногою коп — выскочил поп. «Ты откуда, долгогривый, взялся? Как сюда попал?» Ванька еще покопал, на два дьякона напал; взял палочку да тычком — выскочил пономарь с дьячком.

8. ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп; нанял себе работника, привел его домой: «Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю». Пожил работник с неделю, настал сенокос. «Ну, свет,— говорит поп,— бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено».— «Хорошо, батюшка».

Дождались они утра; встали рано. Поп и говорит попадье: «Давай-ка нам, матка, завтракать; мы пойдем на поле, косить сено». Попадья собрала на стол, сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику: «Давай, свет, мы и пообедаем за один раз, и будем косить до самого полдня без роздыху».— «Как вам угодно, батюшка. Пожалуй и пообедаем».— «Подавай, матка, на стол обедать!» — приказал поп жене. Она подала им и обед. Они по ложке, по другой хлебнули и сыты. Поп

говорит работнику: «Давай, свет, за одним столом и пополуднуем; и будем косить до самого ужина».— «Как вам угодно, батюшка, полудновать, так полудновать». Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой и сыты. «Все равно, свет,— говорит поп работнику,— давай заодно и поужинаем, и заночуем в поле — завтра раньше на работу поспеем».— «Давай, батюшка!»

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон. «Куда ты, свет?» — спрашивает поп. «Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться». Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника зараз завтраком, обедом, полдником и ужином.

9. ПАХОМ

Помер в селе поп, оставался один дьякон; худо ему стало без попа, доходу нет ни копейки, а жить надо; и задумал он поставить какого-нибудь мужика за попа. В одно время пошел он искать, не согласится ли кто на селе быть попом. Идет дорогою, повстречался с ним мужик.

«Здравствуй, мужичок!» — «Здорово, дьячок!» — «Как тебя звать?» — «Пахом». — «Ну, ты будешь у нас попом».— «Да я грамоте не умею»— «Ничего, я тебя научу, что говорить надобно».

Мужик согласился. Пришли они в село; дьячок объявил его прихожанам: «Вот-де вам поп новый поставлен». Дождались праздника, зазвонили к обедне. Мужик оделся в поповские ризы и затянул в алтаре нараспев: «Во время оно шел дьячок, навстречу ему мужичок.— Здравствуй, мужичок! — Здравствуй, дьячок! — Как тебя звать? — Меня зовут Пахом!— Ну, будь у нас ты попом!» А дьячок знай подхватывает: «Господи, помилуй!» Православные слушают да поклоны бьют.

Вот так-то и пошло дело у них на лад. Только через год, через два случилось в то село заехать архиерею; приказал он попу служить обедню и певчих своих на крылосе поставил. Пахом оделся в ризы и затянул попрежнему: «Во время оно шел дьячок, навстречу его мужичок.— Здравствуй, мужичок! — Здравствуй, дьячок! — Как тебя звать? — Меня зовут Пахом! — Ну, будь ты попом! — Я грамоте не учен! — Не в грамоте дело; говори: архиерею будет четверня лошадей, а певчим пятьсот рублей». Архиерей услыхал, что ему сулят лошадей, да всю обедню и прослушал молча; а как отошла обедня, взял четверню и пятьсот рублей на певчих и уехал куда надо, а мужика Пахома похвалил за усердие: он и теперь еще служит.

10. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял — повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля,

пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес, забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам: «Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески; коли не станете за ним ходить да не будете его кормить — я с вами по-своему разделаюсь». Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески. А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет, а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всей церемонией; взял он пять тысяч и пошел к попу: «Батюшка, у меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду».— «Ну, это хорошо, свет, только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу». Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками, в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков, мало им дал; вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронили кобеля по-христиански. Архиерей позвал к себе попа на суд: «Как ты смел,— говорит,— хоронить нечистого пса?» — и посадил его под арест. А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать. «Ты зачем?» — спрашивает архиерей. Так и так, отвечает мужик: «Помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять».— «Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды».— Взял архиерей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

11. ПОХОРОНЫ КОЗЛА

Жил старик со старухой; не было у них ни одного детища, только и был что козел; тут все и животы!.. Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало — куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним из дому.

Вот однажды случилось старику идти в лес за лыком, и козел за ним побежал. Пришли в лес: старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям да траву щиплет; щипал-щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему — и увидал золото; несказанно возрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги и домой. Рассказал старухе обо всем. «Ну, старик,— говорит старуха,— это нам бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие».— «Нет, старуха,— отвечал ей старик,— эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловьим, теперича надо нам жалеть и беречь козла пуще себя».

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя! Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе — поживают, никакого горя не знают.

Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухою, что делать: «Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и людьми грешно, потому что все счастие наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу его похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят». Собрался старик, пришел к попу и кланяется: «Здравствуй, батюшко!»— «Здорово, свет! Что скажешь?» — «А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбою, у меня на дому случилось большое несчастие — козел помер. Пришел звать тебя на похороны».

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, схватил старика за бороду и ну таскать по избе: «Ах ты, окаянный, что выдумал, вонючего козла хоронить!» — «Да, вить, этот козел, батюшка, был совсем-таки православный; он отказал тебе двести рублей».— «Послушай, старый хрен,— сказал поп,— я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине; может, он у тебя уж давно помер».

Взял поп с мужика двести рублей и говорит: «Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтоб приготовлялся: сейчас пойдем козла хоронить». Приходит старик к дьякону и просит: «Потрудись, отец-дьякон, приходи ко мне в дом на вынос!» — «А кто у тебя помер?» — «Да вы знавали моего козла, он-то и помер!». Как начал дьякон хлестать его с уха на ухо. «Не бей меня, отец-дьякон,— говорит старик,— ведь козел-то был, почитай, совсем православный; как умирал — тебе сто рублей отказал за погребение».— «Эка ты стар да глуп,— сказал дьякон,— что же ты давно не известил меня о его преславной кончине; ступай скорей к дьячку; пущай прозвонит по козловой душе!»

Прибегает старик к дьячку и просит: «Ступай, прозвони по козловой душе». И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать. Старик кричит: «Отпусти, пожалуй! Вить козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал».— «Что же ты до этих пор копаешься, надобно было пораньше сказать мне; следовало бы давно прозвонить!» Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и стали похороны отправлять; положили козла во гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что поп де козла похоронил по-христиански. Потребовал архиерей к себе на расправу старика с попом: «Как вы смели похоронить козла? Ах вы, безбожники!» — «Да, вить, этот козел,— говорит старик,— совсем был не такой, как другие козлы — он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей!» — «Эка ты, глупый старик, я не за то сужу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал!..» Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

12. ПОП-ВОРОЖЕЙКА

Жил-был поп, по прозванию Жаворонок; а при нем дьячок находился: оба горькие пьяницы. Овдовел и поп, овдовел и дьячок, и начали еще больше прежнего пить горькую. Пропили сначала дьячково имение, а после промотали и батьково. Не на что стало опохмелиться. Говорит поп дьячку: «Возьми, свет, с крылоса церковные книги; заложим в кабак, а после, как поправимся — назад выкупим». Дьячок сейчас сграбастал книги, заложил в кабак и кутнули с попом на славу. Наутро голова трещит, надо бы опохмелиться — да опять не на что! Как быть? Откуда достать? «Погоди, свет,— говорит поп,— что ни будет, а я свои ризы заложу, дак еще с тобой погуляем». Заложили ризы и тут же пропили с дьячком все деньги.

Вот так-то они в две недели все церковные вещи обработали; все в кабак пошло.

Приходит воскресенье, а попу и обедни отслужить нельзя: нет ни одной книги, ни одной ризы — не во что и одеться. «Что нам делать, дьяче?» — «Не знаю, батюшка. Что вам угодно, то и делайте; ведь с вас, не с меня спросят» — «Ну, я вот больным скажусь; пускай люди знают, что оттого обедни нет, что поп заболел».

Прошло одно воскресенье, и другое, и третье, а до церкви все не звонят. Люди поговаривают: «Батько крепко болен. Нельзя же нам быть без службы божией, станем просить себе другого попа». Услыхал про то поп: «Ну, думает, это дело неладно. Еще, черт возьми, коли наедет иной священник да увидит, что у нас в церкви дочиста обработано, так мне за это достанется; неровен час и в Сибирь угодишь. Надо выдумывать, как бы поправиться». Призывает поп дьячка: «Что, свет, дело-то наше плохо. Умели мы гулять, надо суметь и поправиться». Дьячок в ответ: «Мое дело сторона, я ничего не ведаю, что хотите, то и делайте».— «Да ты слушай, что я стану сказывать».— «Сказывайте, батюшка».— «Вот что, дьяче. Ты ступай воровать, а я буду ворожить. Коли что украдешь — мне прямо и сказывай, где спрячешь, а я буду отгадывать. Вот мы и поправимся».— «Ну, хорошо».

На их счастье в ту же ночь гнали через село гурт быков: дьячок отшиб одну пару и загнал в лес; приходит к попу: «Ну, батюшка, я пару быков украл».— «Куда ж девал?» — «А вот за селом в лесу к сосне привязаны».— «Ладно, свет. Завтра, когда станут быков, искать, посылай ко мне ворожить».

Утром рано хватился купеческий приказчик быков, ходит по селу — везде ищет — нет нигде. «Что ты ищешь?» — спрашивает его дьячок.— «Да беда приключилась; нынешней ночью пропала из гурта пара лучших быков. Не могу отыскать».— «Эх, почтенный! Да вы ступайте к нашему попу: он сейчас выворожит и вашему горю поможет. Хоть он теперь болен, ну, да коли вы получше заплатите, так ничего,— авось для вас потрудится. Он — старик добрый».— «Да я сотни рублев не пожалею, только бы пропажа нашлась».

Пошел приказчик к попу: «Здравствуйте, батюшка!» — «Здравствуй, свет! Что скажешь?» — «Я к вашей милости. Потрудитесь, батюшка, пособите моему горю».— «Какому, свет?» — «Пропала у меня пара быков, так поворожите».— «Ах, свет! Я теперича слаб, хвор, не знаю, что и делать-то?» — «Сделайте милость! Вот вам, батюшка, за труды сто рублев».— «Ну, так и быть. Становись, свет, перед образом на колени да молись богу: авось откроет». Купеческий приказчик встал перед образом на колени и давай лбом поклоны бить, а поп взял старую книгу, книгу читает, а сам воздыхает. Битый час читал, приказчик аж вспотел. «Ну, свет,— говорит поп,— пропажа твоя нашлася, открыл господь. Ступай за село, там есть лесок, а в том лесу твои быки к сосне привязаны; только иди скорее, а то мошенники дальше уведут».

Приказчик бегом в лес пустился и как сказал поп — так и вышло: стоят быки к сосне привязаны. Воротился приказчик в деревню, благодарит попа и говорит между слов: «Батюшка, мне бы хотелось узнать, кто это спроворил — моих быков увел?» — «Ну, свет, этого нам не дано знать». После того призывает поп дьячка: «Теперь, брат, поправимся. Сто рублев в кармане. На первый раз выкупим ризы да книги; а там посмотрим».—Выкупили ризы и книги.

Два дня спустя сказывает поп дьячку: «Поди-ка, свет, к нашему барину, сведи с конюшни любимого его жеребца; тогда совсем поправимся». Дьячок дождался ночи и забрался на барский двор; на его счастье кучера были пьяные, он вывел жеребца из стойла да в чистое поле, завел в овраг и привязал около пня. Воротился к попу: «Ну, батюшка, барский жеребец в наших руках».— «Хорошо, свет! Где же ты его спрятал?» — «В овраге».

Поутру просыпаются кучера, смотрят в стойло — нет барского любимого жеребца: где искать? Доложили барину: жеребца де нету.— «Как нету? Где же вы были, чего смотрели? Вот я вас всех передеру, всех в солдаты отдам, коли не сыщете!..» Искали, искали — не нашли — нечего делать, посылает барин за попом, чтобы непременно к нему явился. Пришел поп: «Здравствуйте, барин».— «Здравствуй, поп!» — «Что вам надобно?» — «А вот что, отец, в прошлую ночь у меня воровство случилось: пропал с конюшни жеребец, что ни есть самый лучший; я за него три тысячи заплатил».— «Да, это дело нехорошее».— «То-то и есть. Потрудись, поворожи, а я тебе за хлопоты триста рублев жертвую».— «Надо для вашей милости потрудиться; прикажите мне отвести особую комнату».

Барин приказал отвести ему особую комнату. Поп взял старую книгу, стал у образа и начал читать; битый час читал, а после выходит к барину: «Господь,— говорит,— открыл вашу пропажу мне, грешному, нашелся жеребец».— «Где, батька?» — «А вот в таком-то овраге у пня привязан: скорей поезжай на то место, а то мошенники вечером уведут дальше». Барин нашел жеребца, воротился домой и отдал попу триста рублей с великою благодарностью: «Спасибо, отец, за твои труды».

Поп выкупил на те деньги и остальные церковные вещи и начал опять служить в церкви, да еще порядком осталось — было на что погулять с дьячком, не день, не два, а почитай с целый месяц, коли не больше. Как только узнали прихожане, что поп может ворожить, так все к нему и бро-

сились: у кого курица али поросенок пропадет, тот сейчас к попу и тащится. «Поворожи, батюшка!» — «Подите вы, окаянные, с эдакими пустяками лезете; стану я курицею да поросенком богу надоедать».

Пошла о попе слава по всему околодку. Вот у одного знатного князя пропала как-то из кабинета шкатулка с деньгами, а денег-то было тысяч со сто; свои люди утащили. Князь приказал заложить карету и ехать за попом, чтоб непременно к вечеру его представить. Приехали за попом. «Собирайся,— говорят,— к князю, у него деньги пропали, ворожить надо». Поп думает: «Что ж это дьячок мне ничего про то не сказывал?» Призывает к себе дьячка: «Что же, свет, молчишь? Куда деньги спрятал?» — «Какие деньги? Я ничего не знаю».— «Как не знаешь? Ведь у князя деньги пропали, требует меня ворожить».— «Да я в его вотчине сроду не бывал».— «Боже мой, что делать-то? Что я князю-то скажу; ведь он меня кнутом засечет».— «Что хотите, то и делайте. Мое дело сторона».

Поп — нечего делать — взял свою старую книгу, сел в карету и поехал на княжеский двор. «Здравствуй, батька!» — «Здравствуйте, ваше сиятельство!» — «Ну, слушай; я ведаю, что ты большой мастер ворожить; поворожи-ка мне, у меня пропала из кабинета шкатулка с деньгами, тысяч сто будет. Ежели воротишь — половину тебе дарю».— «Рад потрудиться для вашей милости; только не знаю, как господь откроет».— «Да неужели ж я грешнее того барина, у которого жеребец пропадал? Ты — я вижу, батька, постараться не хочешь».— «Никак нет, ваше сиятельство! Прикажите отвести комнату, стану трудиться. Авось господь милостив — и откроет».

Отвели попу особую комнату; зажег он свечу перед образом, положил свою книгу на стол, читает, а сам думает: «Какой ответ дам я князю? Лучше дождусь глухой полночи и как только пропоют третьи петухи, убегу куда глаза глядят и домой не явлюся». Стоит у стола и книгу читать перестал, дожидается, когда улягутся все спать, да петухи пропоют.

А шкатулку-то князеву украли три его камердинера; сошлись они меж собой и говорят: «Что, братцы, как этот ворожейка-поп да нас узнает, ведь все в Сибирь пойдем. Он, проклятый, теперь книгу читает. Чего доброго, пожалуй, и вычитает. Давайте подслушивать у дверей: коли вычитает — так станем его просить, чтоб на нас князю не доказывал». Пошел один и стал у дверей подслушивать. Вдруг петухи запели, а поп перекрестился и говорит: «Слава тебе господи, один уже есть; остается двух ждать».

Лакей прибежал к своим товарищам: «Ах, братцы! Одного вычитал; только я к двери, а он и кричит: слава тебе господи, один есть». Пошел другой подслушивать; запели вторые петухи. А поп крестится: «Слава богу, и два есть».— «Эх, братцы, и меня вычитал; только я к двери — сейчас узнал». Третий говорит: «Ну, коли и меня помянет, то пойдем к нему прямо, бросимся в ноги и станем просить, чтобы не выдавал барину». Пошел подслушивать третий, а петухи опять запели. Поп перекрестился: «Слава тебе господи, все три есть!» Схватил книгу подмышку да в дверь бежать, а лакеи ему навстречу — бросились в ноги: «Батюшка, голубчик, не погуби, прости, не сказывай князю, что мы деньги-то унесли».— «Знаю, светы, что унесли; да где спрятали?» — «В саду, батюшка, в озеро, по ка-

11 Заказ № 207

нату спущены!» — «Знаю, что в озере, да в коем месте?» — «У такого-то дуба». — «Ну, ладно, ложитесь спать, не бойтесь — не выдам».

Утром призывает князь попа: «Что, батька, твои дела?» — «Слава богу! Господь открыл вашу пропажу». — «Где ж шкатулка?» — «Да в саду—в озеро по канату опущена». — «Кто же затащил ее туда?» — «Известно кто — нечистый!» Сейчас вытащили шкатулку, принесли в горницу. Князь отомкнул ее, высыпал на стол золото и разделил на две части: «Ну, поп, бери свою кучу!» Поп стал загребать деньги, а у самого на уме — кабы поскорей удрать домой. Князь не пускает: «Пообедай, батька, у меня; а после обеда велю тебя домой отвезти».

А самому князю жалко стало денег. Вот он изловил молодого жаворонка, принес в горницу и посадил под блюдо, и говорит попу: «Ну-ка, ворожея, отгадай, что под этим блюдом? Коли отгадаешь, твоя будет и другая куча золота, а не отгадаешь, — и прежнюю назад возьму». Поп вздохнул и проговорил про себя: «Вот когда попался, Жаворонок». Князь плюнул: «Ну, батька, твоя взяла. Забирай и остальные деньги». Поп взял и другую кучу. Приехал домой и говорит дьячку: «Вот когда поправились — так поправились; в целую жизнь не пропьешь. Одначе полно ворожить, а то еще в беду попадешь. Давай-ка этой ночью сожгем книгу».

Как скоро стемнело, поп выбрал из дому все деньги и зажег свою избу. Набежали на пожар люди. Поп орет: «Православные, помогите; книгу-то, книгу-то вытащите». Нет, не вытащили. Поп выстроил себе новый каменный дом и зажил с дьячком богато, в свое удовольствие, а ворожить перестал: «Не могу, — говорит, — книга сгорела».

13. ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

Попадья попу говорила: «Поп, что нам Северная пчела принесет?» — «Вестимо, не смолу, а мед; к нам не прильнет — размешаем мы с кутьей да съедим с тобой, любезною попадьею». — «Да нет, поп! Я тебе говорю не задор». Поп рассердился, попадье в шею сунул, пошел полосьмушки клюнул. Не проспится поп ни ночью, ни днем; повезли попа на прием. Поп возопил: «Прощай, моя питательная кутья; оставайся, моя горемышная попадья! Будешь теперь ты ни матушкой, ни маткой, а навеки солдаткой!» Попал поп в солдаты, говорит себе: «Наполню теперь водою манерку, забуду до веку пить горелку; насыплю в ранец сухарей — я солдат, не иерей. Может, заслужу чин генерала, а покамест хоть дойти до капрала».

14—15. ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

14

Жил-был поп да пападзья, дзьякон да дзьяконица. Тольки и случись так, што попадзья-то полюби дзьякона, а ни попа. У папа был казак[1], такой парень работсяга. А йон и узнай, што пападзья-то любит не папа,

[1] Батрак (*Ред.*).

а дзьякона; только и думаит, как бы эдак отучить дзьякона ат пападзьи, а пападзью ат дзьякона. Вот ланно! Аннóй парóй поехали яны с папом на пустыш. Пападзья и блиной, и пирагов напекла, а сама атпустила сваво папа с коркай хлеба. Казак смикнул, што яна настряпала для дзьякона. «Постой-ка,— баит,— я те дам знатсь!»

Лишь только поп с казаком уехали, а дзьякон и шмык к пападзьи и ну угащатсьцы. Дзело приходит к вечиру. Поп, параработавши, стал ложитьцы спать, а казак: «Пусти-ка,— баит,— батя, я схожу на беседки к дзевкам, а на зари — баит,— опятьсь приду к тебе работатсь».— «Што дзелатсь,— баит поп,— ступай погуляй, да матри приходзи раньше».— «Нешто», баит казак и ушол. Только не к дзевкам, а к пападзьи — посмотреть, што яна дзелает.

Пришел да пад акном[2] и слушает. А дзьякон сидзит у пападзьи да и гаварит: «Ну што,— баит,— если поп или казак придет таперичка, куда мне будзет дзеватьця?» — «Я тя,— баит пападзья,— спрятаю так, што ни каторый из них не найдзет; вот матри: тольки лишь стукнет к нам в окно каторый нибудзь, ты скорея под печку». Только лишь яна этое молвила, казак стук в окно. «Хто тама?» — «Я»,— баит. «Зачем ты?» — «Черт бы вас драл с папом-та: день работай, да и ночью покою нет! Откутай-ка»[3].— «Ну што?» — «Вишь,— баит,— поп велел завостринныя кольи пад печку пакидать, штобы яны тама высохли».— «Ланно,— баит пападзья,— ступай атдыхай; я сама пакидаю».— «Да черт знает, каво из вас слушатсь! Мне батька велел, так я сам перекидаю. Посто-ка. Што это так, как ровна мешает?» — «Эта камни»,— баит пападзья.— «Ну, так ланно! прощай покаместо; я опять пойду к папу на пустыш».

Еще гдзе да зари, а уж казак будзит папа: «Ставай,— баит,— батюшка, пара на работу!» Поп скочил и ну работатсь. Весь день бенной работал — не линился. Приходзит ночь. «Пусти-ка, батя, опять меня на беседки; мне нешто полюбилось!» — «Ступай,— баит поп,— да матри, приходзи завстра нонешней порой».— «Нешто!» Пашол, да вместо посидзелок к пападзьи.

Падашол под окно да и слухат. А дзьякон-та тама так все и гостил. «Ну што,— баит,— если апятсь тот азарник придзет, куды мне дзеватьцята?» — «Вот уж таперичка знаю,— баит пападзья,— я тебя спрятаю туды, што йон уж никогда не найдзет. Матри, как тольки йон стукнитцы пад акном, ты вота в этот мешок, што с рожью-та, и садись, а я тее[4] завяжу».— «Ланно,— баит,— дзело будет».

Только лишь успела это вымолвить, а казак как тут да и стучитцы пад акном. Наш дзьякон как прыснет, развязал мешок и сел в нево, а пападзья завизала да и кричит: «Хто там?» — «Я»,— баит казак. «Зачем ты?» — «Вишь поп-та покою мне не дает: день работай, ночью на мельницу поезжай!» — «Экой какой! Да так и быть,— баит пападзья,— отдыхни ночь-та, а на мельницу-та съездзишь и завтра, а не то и после-

[2] Окном (*Ред.*).
[3] Отвори-ка (*Ред.*).
[4] Тебя (*Ред.*).

завтра; а то што теперь за езда! Ступай, ступай, атдахни».— «Да ведь черт знает, каво из вас слухать! Мне што велено, то я и дзелаю». Взял мешок, поднял на плечо. «Ох,— баит,— что-та дюжа грузна». Да как с плеча-та фуркнет. Дзьякон тольки тама здыхат. Вот йон апятсь да и апятсь: поднимит да кинит, поднимит да кинит. «Ну,— баит,— измучился... Черт с ним, што хочет, то и дзелает, а теперичка ни за што ни паеду на мельницу; и без таво устал. Прощай, матушка».

Паутру ранешинько, а уж казак апятсь на работи. Папу ничево ни баит а вчорашнем, работаит сибе. Апятсь вечир на дворе. Наш казак папрежнаму проситцы у папа пагулятсь. «Ступай, братец, да матри приходзи раньши!» — «Небось». Пашол опятсь туды жа, стал пад акном да и слухат. А дзьякон весь избитай, абвязавшись сидзит в переднем углу да охает: «Ох,— баит,— как меня ваш казак изувечил. Беда, как апятсь придзет!» — «Вот уж таперичка,— баит пападзья,— амману́ — так амману́».— «А как?» — «Тольки лишь йон стукнитцы пад акном, ты,— баит,— скарея и пабегай в клев[5], разденься да распусти волас-та, да и ходи на карачках».

Тольки лишь успела яна вымолвить, как тут казак и стучитцы; а дзьякон уж давно тама. «Што скажешь?» — «Черт вас дзери и с папомта! измучился, а он йешщо велел напоить телят».— «Ланно,— баит пападзья,— я сама напою».— «Йевота! я сам пойду; гдзе плетсь-та? Все ли телята дома?» — «Все». — «Ну так ланно».

Вашол в хлев, поставил пойво; тппррось, тппррось, тппррось! Теляте все падашли, только адзин стоит в углу прижавшись. «Тппрруся, бог с тобой, тппрруся!» — не идзет. Вот йон и плетсью йиво — нейдзет. Вот йищо, йищо да и йищо. Дзьякон видзит дзела неланно, стал на ноги. «А, отсец дзьякон! эта ты? Как так?» — «Малчи, брат,— баит дзьякон,— ни гавари папу; вот тси[6] сто рублев».— «Ланно, ланно, отсец дзьякон,— баит казак,— так и быть — никаму не скажу. Только матри к пападзьи не ходзить!» Пришол дамой в избу с дзьяконам; а пападьзя йиму: «Батсюшка, вот тси двестси рублев, ни гавари никому».— «Так и быть, хазяюшка, никому ни скажу; тольки матри дзьякона не любитсь!»

Наш работник прожил летсину у папа, взял йищо с ниво дзенежек за работу, и стал жить да поживать, да йих паминать.

15

Жил себе поп. Нанимается к нему в батраки дурак. «Что же с меня,— говорит поп,— возьмешь?» Батрак отвечает: «День работать, а ночь на улицу гулять». Поп тому и рад. Вот он день работал с попом в поле; ночь приходит — батрак на улицу пошел. Вернулся домой, стучит в воротах; встречает его попадья. «Что ты, батрак, зачем?» — говорит.— «Да вот день паши, а ночью опять работай на вас,— говорит батрак,— поп велел под печь колья класть — сушить». Приносит батрак колья и начал под

[5] Хлев (*Ред.*).
[6] Тебе (*Ред.*).

печку пхать; а под печкой-та сидит любовник попадьи — дьякон; все ему бока исколол. Дьякон жался, жался, не в мочь стало — лезет из-под печки. «Батрак, молчи, пожалуйста, не сказывай, что был у попадьи».

Батрак смолчал; приходит он опять к попу в поле работать. «Ну что, батрак, хороша ли улица была?» — «Эх, батюшка, славная!» Настает вечер, поп опять отпускает его на улицу. Приходит батрак домой, слушает под окном, что попадья разговаривает с дьяконом. «Ну, как дурак опять придет? куда тебе спрятаться?» — «Да куда! В закуту к овцам». Вот батрак стучится: «Отворитя ворота!» — «Что ты?» — спрашивает попадья.— «То-та, у вас день-то паши, а ночью иди скотину пой!» — «Сама поила».— «Да не знаю: не то поила, не то нет; батька велел напоить».

Батрак выгнал скотину, а дьякон с овцами на четвереньках ползет; боится, чтоб как его не признал. Скотина пьет, а дьякон уперся — не идет в реку. Вот батрак его раз десять дубиной огрел. «Что ж ты, скотина, нейдешь?» Дьякон жался, жался, да домой бежать. Батрак вернулся в избу и давай сажу обметать. «На что это, батрак?» — спрашивает попадья.— «Я не знаю; так попу захотелось». Намел кошву большую сажи, поставил на полати, а сам пошел к попу в поле пахать.

Вот опять настал вечер — батрак на улицу идет. Слушает опять под окном: дьякон тут, али нет? Дьякон спрашивает: «Куды-то мне спрятать ся будет?» — «Лезь в кошву[1] с сажею — на полатях стоит; авось дурак не догадается»,— отвечает попадья. Батрак застучал в ворота. Попадья спрашивает: «Кто это?» — «Это я, матушка!» — «Зачем ты, батрак?» — «Вот тогда увидишь зачем». Схватил веретье[2], идет в избу, накрыл кошелку с сажею, где дьякон сидел, увязал-упутал, вынес на телегу и повез со двора. «Куда ты? погоди, не езди, поужинай».— «Некогда».

Вот едет он мимо одной мельницы, а навстречу ему помещик. «Что ты, мужик, везешь?» — «Черта везу».— «Покажи, пожалуйста, чтой-то за черт? Я сроду не видал!» Отвечает батрак: «Нет, он уйдет; показать нельзя».— «Что же он тебе стоит?» — «Сто рублев».— «Покажи».— «Да ведь уйдет!» — «Я тебе плачу сто рублев за эвто». Батрак развязал и говорит дьякону: «Смотри же, беги прямо в речку». Как выскочит дьякон, как бросится — бултых в воду! Барин ужаснулся: «Эх, жаль,— говорит,— ведь взаправду ушел». Отдает барин батраку деньги, а он, получимши сто рублев, поехал к попу в поле. «Что ж, батрак, хороша ли улица была?» — «Еще какая знатная!»...

Целой день они работали; настает ночь, батрак опять на улицу просится. Приходит, слушает под окном, дьякон опять говорит попадье: «Экая шельма! Как он меня осрамил. Ну,— говорит,— завтра я сам в поле поеду — пахать стану».— «А я тебе,— отвечает попадья,— наварю каши, нажарю поросятинки, лепешек наделаю, полуштоф вина припасу да все и принесу. Да как тебя найтить?» — «Я буду по дороге стружки стругать; по тем стружкам прямо ко мне придешь. А лошадь у меня, сама знаешь, пегая — не то, что у попа, вороная».

[1] *Кошва* — телега для возки дров, снопов и т. п. (*Ред.*).

[2] *Веретье* — полотнище из грубой ткани (*Ред.*).

Вот поутру встает попадья и принимается обед готовить, а батрак уже давно к попу воротился. Стали пахать. Пахали, пахали. «Что, батрак,— говорит поп,— а не пора ли обедать?» — «Нет, ище рано. Погоди маленько, нам попадья принесет славной обед».— «Эх, батрак, она сродясь не нашивала».— «Небось, батюшка, принесет». Тут батрак взял — скинул с себя белые портки и навязал на свою лошадь, а стружки уж он давно перетаскал к себе на дорогу. Вот попадья несет обед по стружкам. «Батька! Смотри-ка, вон попадья идет, обед несет».— «И то никак она». Попадья увидала, что не туда попала, хотела было назад воротиться, а батрак во все горло кричит: «Сюда, сюда неси, матушка». Нечего делать, пошла прямо; поп обрадовался, бежит к ней, гриву растрепав: «Ай да мать! Право слово умница». А батрак стоит без портков. «Прости,— говорит,— матушка, что без порток пахал, вишь какая жара».

Вот сели они обедать; попадья глядь-глядь по сторонам: «Это кто там пашет?» — «Отец дьякон»,— говорит поп. «Позови, поп, дьякона, а то скажет: вишь, не позвал».— «Батрак, поди позови». Батрак пришел к дьякону и говорит: «Ну, отец дьякон, поп узнал, что ты с его попадьею живешь, хочет топором тебя срубить. Нарочно затем и зовет тебя». Дьякон не пошел. Батрак приходит и говорит попу: «Нейдет — не хочет». Попадья говорит: «Эй, поп, поди сам, позови». Поп пошел. Батрак и кричит ему: «Захвати, батюшка, топор, у него собаки злы». Поп захватил топор.

Вот дьякон увидел, что поп идет с топором, да скорее бежать с пашни; поп за ним. «Что ты, дьякон, постой, постой!» — Нет, тот все улепетывает. Попадья за ними вслед. Батрак подобрал все съестное-та, вышел на большую дорогу, сел, поедает да водочку попивает.

Наезжает на него помещик с борзыми и гончими собаками. «Не видал ли ты, мужик, каких зверей тут?» — «Э, да вон тут побежал в яругу волк, за волком медведь, за медведем лисица». Помещик кинулся в яругу, распустил всех гончих и видит: поп бежит за дьяконом, попадья за попом... Плюнул и поехал куда ему надобно.

16. ПОП У БАБЫ И БАТРАК

Жил мужик (хохол) да баба; у них был работник — хитрый, молодой. И повадился к той бабе поп ходить; как только услышит, что мужа дома нет, сейчас и прибежит к ней. Работник это заметил. Вот дело было в самый сенокос — собрался мужик вечером ехать к морю за песком, запряг лошадей и выехал на улицу. «Послушай, хозяин,— говорит работник,— не езди нонче за песком, воротись потихоньку назад,— увидишь, как твоя жена с попом гуляет».— «Как же мне это сделать?» — «А вот как». Взял работник лошадей, поворотил назад в сарай и говорит хозяину: «Вот тебе нож и мешок; садись в мешок, я тебя завяжу, а вот как хозяйка пошлет меня за щепками — я тебя и принесу в избу. Тогда сам узнаешь, как твоя жена с попом прохлаждаются. Станут они пить, гулять и меня с собой посадят, а после заставят петь песни. Ты хорошенько слушай, что я запою — так ты и делай».

Завязал мужика в мешок и пошел в избу. «Что, проводил хозяина?» — спрашивает работника баба.— «Проводил».— «Ну, ступай скорей — позови попа». Работник сбегал за попом; сели они за стол, стали угощаться. «Ну, работник, садись с нами; ведь ты, чай, совсем управился».— «Совсем, хозяюшка! только вот щепок надо принести — завтра печь топить по утру».— «Ну, ступай,— принеси». Работник побежал в сарай, притащил в избу мешок и положил под печку. Принялись они пить, гулять, песни затягивать. Поп порядком-таки подкутил и говорит работнику: «Спой-ка, свет, ты нам песенку».— «Нет, пускай прежде хозяюшка споет». Хозяйка затянула: «Ой, поiихав мой Григорий! Да поiихав вин до моря! Ой, бог знае — ой, бог висть, чи буде вин дома!» Потом запел работник: «Да чи чуешь ты, Григорий, што твоя жена говорить? Возьми нож, мех пореж; бери швидче макогон[1], давай жинки перегон — жинку раз, попа два... трантата-трантата» — «Славная песня, — говорит поп, — вот тебе за нее стакан водки! Спой-ка еще разок».

Работник запел в другой раз; мужик разрезал мешок, выскочил из-под печки, ухватил макогон и давай лупить бабу — раз, попа — два. Поп насилу выбрался; в окно улизнул.

17. ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ

В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окне, что мимо двора его идет молодка — сейчас высунет голову и заржет по-жеребячьи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была оченно хороша собой. И ходила она кажный день за водою мимо поповского двора; а поп только усмотрит ее — сейчас высунет в окно голову и заржет. Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика: «Муженек, скажи, пожалуй, отчего это; иду я за водой мимо попова двора,— а поп на всю улицу ржет по-жеребячьи».— «Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет. А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребячьи: иго-го! — ты ему и сама заржи тонким голосом: иги-ги! Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его и замани; вот мы попа-то и обработаем: пусть не ржет по-жеребячьи».

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидел ее из окошка и заржал на всю улицу: «иго-го! иго-го!». А баба в ответ ему заржала: «иги-ги, иги-ги». Поп выскочил, надел подрясник, выбежал из избы к бабе: «Что, Марьюшка, нельзя ли того...» — «Можно, батюшка! вот муж сбирается в город на ярманку, только лошадей нигде не добудет».— «Ты давно бы сказала! присылай его ко мне — я дам свою пару лошадей и с повозкой: пусть себе едет». Воротилась баба домой и говорит мужу: так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет. «Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадей на ярманку съездить».— «Изволь, изволь, свет!» Запряг мужик поповых лошадей в повозку, при-

[1] *Макогон* — деревянный пест, которым толкут мак (*Ред.*).

ехал домой и говорит жене: «Ну, хозяйка, я выеду за деревню, постою немножко, да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь, да застучу в ворота, он испугается и станет спрашивать: где-бы спрятаться? Ты и спрячь его в энтот сундук, что с голанской сажей стоит; слышишь?» — «Ладно!»

Сел мужик в повозку и поехал за деревню. Поп увидел и сейчас бросился к бабе: «Здравствуй, Марьюшка!» — «Здравствуй, батюшка, теперь нам своя воля — погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки». Поп выпил рюмку и не терпится ему: поскидал с себя рясу и сапоги... Вдруг как застучат у ворот. Поп испугался и спрашивает: «Кто это, Марьюшка, стучится?» — «Ах, батюшка, ведь это мой муж домой приехал, кажись что-то позабыл».— «Куда ж мне-то, свет, спрятаться?» — «А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда». Поп полез в сундук и прямо попал в сажу; улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок.

Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает: «Что воротился?» — «Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярманке-то купят. Пособи-ка на повозку снести». Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы. «Отчего он такой тяжелый, — говорит хозяин, — кажись совсем порожний, а тяжел?» А сам тащит-тащит, да нарочно об стенку или об дверь и стукнет. Поп катается в сундуке и думает: «Ну, попал в добрый капкан». Втащили на повозку; мужик сел на сундук, и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней постегивать, помчались они во весь дух.

Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею: «Поди, останови этого мужика, да спроси — куда так шибко гонит?» Лакей побежал и кричит: «Эй, мужичок, постой, постой!» Мужик остановился. «Барин велел спросить, что так шибко гонишь?» — «Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню».— «Что же, мужичок, поймал хоть одного?» — «Одного-то поймал, а за другим гнался, а вот ты помешал. Теперь за ним не угонишься». Лакей рассказал про то барину; так и так, одного черта мужик поймал. Барин сейчас к мужику: «Покажи, братец, мне черта; я с роду их не видывал». — «Дашь, барин, сто рублей — покажу». — «Хорошо», — сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп весь избитый да вымазанный сажею, с растрепанными патлами. «Ах, какой страшный,— сказал барин,— как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глазища так и вылупил». Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город. Приехал на площадь, где была ярманка, и остановился. «Что, мужик, продаешь?» — спрашивают его. «Черта», — отвечает он. — «А что просишь?» — «Тысячу рублей» — «А меньше как?» — «Ничего меньше. Одно слово тысячу рублей». Тут собралось около мужика столько народу, что яблочку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке. «Мужик, продай черта!» — «Купите».— «Ну что цена будет?» — «Тысяча рублев, да и то за одного черта без сундука, сундук-то мне нужен: коли еще поймаю черта, чтоб было куда посадить».

Купцы сложились и дали ему тысячу. «Извольте получить!» — говорит мужик; открыл сундук. Поп как выскочит — да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнется от него в разные стороны... Так поп и убежал. «Экой черт! К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь!» — говорят купцы промеж себя. А мужик воротился домой, отвел к попу лошадей. «Спасибо,— говорит,— батюшка, за повозку; славно торговал, тысячу рубликов зашиб!»

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, увидала попа, и ну ржать: иги-иги-иги! «Ну,— сказал поп,— муж твой славно меня угигикал!» С тех пор перестал поп ржать по-жеребячьи.

18. МУЖ ДА ЖЕНА

Жил мужик да баба; она была больно востра, не любила мужика, полюбила попа; сама не работала, да и мужу не давала, все больной прикидывалась, да посылала в разные места за лекарствами: хочется как-нибудь да извести мужа. Вот посылает его раз в Ревель[1] за лекарем. Муж пошел, повстречался с мужиком. Тот спрашивает: «Куда идешь?» — «Да жена больна, иду приискать лекаря».— «Давай, я вылечу».— «Пойдем, батюшка! Помоги Христа ради, замучилась бедная».

Вот вернулись, стали подходить к избе; лекарь и говорит: «Погодит-ко на дворе, дай я наперед посмотрю, что с ней деется?» «Заглянул в окно — она с попом гуляет, харчей, вина и браги — всего вдоволь. Он и просится: «Хозяюшка, пусти ночевать». Она было не хотела, да поп говорит: «Пусти, ведь он не знает: ни кто ты, ни кто я».

Пустила его в избу и накормила-напоила, мужик говорит: «Хозяюшка, мне бы соломки надобно».— «Пойди в пелевню[2], возьми сколько надобно». Он пошел, завернул хозяина в солому и принес в избу. После ужина баба с попом заплясала. «Мужичок,— говорит,— спой песенку».— «Прежде ты спой, а потом я спою». Она пляшет и поет: «Пошел мужик до Ревеля, пошел мужик до лекаря; ему дома не бывать, жены не видать». А мужик запел: «Слышишь ли, солома, что деется дома? Кнут висит на стене, быть ему на спине». Мужик выскочил из соломы и ну дуть попа да хозяйку. Важно отдул. Перестала хворать.

19. ХИТРАЯ БАБА

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожилися. И говорит жена мужу: «Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить».— «А как поправиться?» — «Уж я придумала, только не ругай меня».— «Ну, делай, коли придумала».— «Спрячься-ка,— говорит жена,— да выжидай; а я пойду приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем».— «Ну, хорошо!» Вот взяли они короб,

[1] Таллин (*Ред.*).
[2] Пелевня — сарай для мякины (пелевы) (*Ред.*).

насыпали сажею и поставили на полатях. Муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралася и вышла на улицу, да и села подле окошечка — такая нарядная.

Немного погодя едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит: «Что, молодушка, нарядилася, али у тебя праздник какой?» — «Какой праздник, с горя нарядилася: теперь я одна дома».— «А муж где?» — «На работу уехал».— «Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно; пусти-ка меня к себе в гости, так и не будешь одна ночь коротать».— «Милости просим, батюшка!» — «Куда ж лошадь девать-то?» — «Веди во двор. А я велю батраку прибрать ее».

Вот вошли они вдвоем в избу. «Как же, голубушка, надо наперед выпить; вот целковый — посылай за вином». Принес батрак им целый штоф водки; они выпили и закусили. «Ну, теперь пора и спать ложиться»,— говорит поп... Поп только улегся на кровать, как муж застучал шибко-нашибко. «Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб!» Поп вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается: «Что ты, мать твою разъедак! Дверь долго не отворяешь!»

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком. Едет мимо дьякон. С ним то ж случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый догола, чебурах в короб с сажей и прямо попал на попа: «Кто тут?» — «Это я,— говорит поп шепотом.— А ты, свет, кто?» — «Я, батюшка, дьякон».— «Да как ты сюда попал?» — «А ты, батюшка, как? Уж молчи, чтоб хозяин не услыхал, а то беда будет».

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка дьячка. Очутился и он в коробе с сажей; ощупал руками попа и дьякона: «Кто здесь?» — «Это мы, я и отец дьякон,— говорит поп,— а ты, кажись, дьячок?» — «Точно так, батюшка». Наконец пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук, он бултых в короб: «Кто тут?» — «Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?» — «Так точно, батюшка».— «Ну, свет, теперь весь причт церковной собрался».

Муж вошел и говорит жене: «Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят».— «Пожалуй, продавай,— говорит жена,— на полатях целый короб стоит». Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге. Едет барин: «Сворачивай!» — кричит во всю глотку.— «Нельзя, у меня черти на возу» — «А покажи»,— говорит барин.— «Дай пятьсот рублей!» — «Что так дорого?» — «Да коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут». Дал ему барин пятьсот рублев: как открыл он короб — как выскочил оттуда весь причт церковный да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные.

20. ХИТРАЯ ЖЕНА

Жил-был бедняк чеботарь[1], ничего за душой не было, и пошел он на выдумки; попросил товарищей придти с утра на свой пустырь с лопатами да носилками и обещал им за то выставить на последние деньги ведро водки, и начали они на улице рвы копать. Увидал то богатой купец и стал спрашивать бедного: «Что он делает?» А парень в ответ: «Хочу дом каменный ставить, так вот рвы копаю».

Купец поверил. На другой день посватался парень за купеческую дочь. Купец обрадовался: «У него, вить,— думает,— деньги есть». И выдал за него свою Машу. А Маша была куда хитра. Видит, что у мужа нет ничего, и вздумала поправиться; оделась в цветные платья и пошла гулять по городу; подходит к монастырю, видит — стоит у ворот монах. Она к нему под благословение. Монах благословил, да и позарился на бабу: «Зачем,— говорит,— милая, сюда зашла?» — «Да что от вас, отец святой, утаишь, а от бога-то нет; по правде сказать, погулять хочется...» — «Ну, это ничего. Хочешь ли со мной познакомиться?» — Маша ответила, что не прочь с ним знакомство свести, коли даст за то сто рублев, объявила ему свою квартиру и велела приходить вечером. Воротившись домой, рассказала про все мужу, села под окошечко и дожидается гостя.

Как только стемнело, а монах уж тут. «Ах, это вы, душенька! — встречает его Маша.— Пожалуйте сюда!» Впустила его в комнату. Монах снял свой клобук и рясу, взял Машу, посадил к себе на колени.— «Постойте,— говорит Марья Гавриловна,— отдайте наперед, ваше преподобие, рядные деньги». Монах вынул деньги и отдал сто рублев. Хозяйка взяла, а муж подошел тут к двери и давай кричать сердито: «Эй, шкура! Отпирай двери!» Монах испугался: «Что такое?» — «Ах, милушка, ведь это мой хозяин пришел, да никак еще пьяный».— «Ох, куда ж я-то деваюсь?» — А у чеботаря стояла большая кадка, в которой мочил он кожи; Марья Гавриловна посадила туда монаха и закрыла крышкою; потом, отперла дверь и впустила мужа. Он вошел и закричал: «Что, курва, намочила ль кожи?» — «Намочила, голубчик!» — «Врешь».— «Да хоть сам посмотри». Он поднял крышку, заглянул в кадку и заревел. «Это что за черт сидит?» — Ухватил монаха за волосы, вытащил из кадки и ударил об пол, да таково крепко, что из него и дух вон. Что тут делать? Взял мертвое тело и положил пока в подполье.

На другой день Маша нарядилась и пошла опять прогуляться, дошла до монастыря, встретила иного монаха и того к себе на ночь подговорила. Пришел святой отец в гости и только было хотел разговеться, как муж в дверь застучал. Монах с испугу под печь схоронился, где лежали старые колодки. Вошел муж в избу: «Ну, что, шкура, нашла мои колодки?» — «А я тебе что за слуга! Ищи сам, коли надо». Он взял свечку, заглянул под печку, увидал монашьи ноги: «Это что за ноги?» Ухватил монаха, вытащил, ударил об пол и убил до смерти, а убивши, спрятал в подполье.

[1] Сапожник (*Ред.*).

На те деньги, что жена взяла с гостя, купили они вина и закусок и пировали себе, как ни в чем не бывало.

На третий день Марья Гавриловна подговорила третьего монаха, взяла с него сто рублев и запрятала в печь. Муж вошел в избу, и просит у жены поесть. А она говорит: «Что есть в печи, то и на стол мечи!» Чеботарь открыл заслонку и закричал: «Это что за гусь в печи?» Вытянул монаха за длинные космы, ударил об пол, убил до смерти и бросил в подполье. После того думает он себе: «Куда ж я их деваю?» Взял три рубля денег и пошел в кабак, а там на ту пору пьяница Тимошка Кавардак. Стали они вместе пить да гулять; выпили целый штоф. Тимошка просит приятеля: «Возьми еще полштофа».— «Как же? За что тебя поить-то?» — «Всем заслужу! Только прикажи». Чеботарь купил ему полштофа, вывел его в сени и говорит: «Надо-де снести мертвого монаха; залез ко мне в голбез[2], да там и окачурился».— «Ишь его леший занес куда! Да ладно,— говорит,— все сделаю».

Пошли они домой; ночью взвалил Тима монаха на плечи и понес в воду; прилучилось ему идти мимо монастыря; около ворот стоит придверник и окликает: «Кто идет?» — «Черт»,— отвечает Тима. «Кого несет?» — «Монаха!» — «Ахти, какая беда! Да куда ж он несет?» — «В воду». Придверник побежал к настоятелю с докладом: «Ваше преподобие, черт-де монаха унес!» Настоятель оградил себя крестным знамением: «Что ты, дурак, бредишь!» — и прогнал его вон. Тима успел уже бросить одного мертвеца в воду и воротился к чеботарю. «Ну,— говорит,— обработал дело, снес монаха».— «А это что?» — отвечает ему чеботарь и показывает на другого монаха; он вытащил его из подполья. Тима давай пихать мертвеца ногами: «Ах ты, дьявол длинногривый, прежде меня успел назад прибежать!»

Схватил его за плечи и потащил опять тою же дорогою. Монастырский привратник опять спросил Тимошку, получил прежние ответы и побежал снова с докладом к его преподобию. Настоятель диву давался и велел пересчитать монахов. Пересчитали — трех как есть недостает. Настоятель крепко смутился, взял крест в руки, велел монахам поднять иконы и обходить монастырь крестным ходом. Надо же отстаивать себя от нечистой силы. Пока все это готовилось, Тиме пришлось стащить в воду третьего мертвеца: «Ишь — говорит Тима,— ты все из воды бегаешь? Так я же ухитрюсь, свяжу тебя веревкою по рукам и по ногам, авось в омуте останешься».

Спутал мертвецу руки и ноги, стянул крепко-накрепко, выпил стакан-другой вина и понес к реке. Идет мимо монастыря, а навстречу ему сам настоятель и иноки, с крестами, образами и хоругвиями, тянутся вереницею и поют псалмы: «Кто идет?» — спрашивает опять привратник.— «Черт!»— «Что несет?» — «Монаха!» — «Куда?» — «В омут!» Монахи испугались, побросали кресты и образа и пустились — кто куда попало. А Тима им вдогонку: «Вот я до вас доберусь! Лови их! Держи их!» Тем дело и кончилось.

[2] *Голбез* — голбец.

21—22. НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ

21

Жил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень, Тереха Гладкий. Опознал про то старик и говорит жене: «Хозяйка, я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел: о чем его ни попросишь — то и дает тебе». А сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и залез к ней в дупло.

Вот баба его напекла пирогов, колобов да масляных блинков и пошла в лес молиться Миколе Дуплянскому. Пришла к сосне, увидала старика и думает: «Вот он, батюшка, Микола Дуплянский-то!» — Давай ему молиться: «Ослепи, батюшка Микола, моего старика». А старик отвечает: «Ступай, женка, домой и будет твой старик слеп; а зобенку[1] с пирогами оставь здесь». Баба оставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой.

Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобов и блинков, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой. «Что ты, старичок,— спрашивает его жена,— так тихо ползешь? Разве не видишь?» — «Ох, женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу». Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. В вечеру того ж дня пришел к ней дружок, Тереха Гладкий. «Ты теперича ничего не бойся,— говорит ему баба,— ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколе Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намедни домой и уж ничего не видит».

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принялся их уписывать на обе щеки. «Смотри, Тереха,— говорит хозяйка,— не подавись блинами, я схожу, масла принесу». Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернул блин комом, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый. «Говорила тебе, не ешь без масла, а то подавишься, так не послушал: вот теперь и помер». Взяла его, сволокла под мост и легла одна спать.

Не спится ей одной-то, и ну звать к себе старика; а старик говорит: «Мне и здесь хорошо». Полежал-полежал старик и закричал ровно во сне: «Жена, вставай! У нас под мостом Тереха лежит мертвый».— «Что ты, старик? Тебе во сне привиделось». Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужику, увидал у него бадью с медом, поставил около бадьи Тереху и дал ему в руки лопаточку, будто мед колупает. Смотрит мужик, кто-то мед ворует, подбежал, да как ударит Тереху по голове, тот на землю и повалился, аки мертв. А старик выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот: «За что ты парня убил?» — «Возьми сто рублей, только никому не сказывай!» — говорит мужик.— «Давай

[1] Корзину (*Ред.*).

пятьсот, а то в суд поволоку». Дал мужик пятьсот рублей. Старик подхватил мертвеца и поволок на погост; вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал вожжи к рукам и пустил по погосту. Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жеребец от попа да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого об перекладину, он упал и покатился на земь. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду: «За что убил парня? Пойдем-ка в суд». Делать нечего, дал ему поп триста рублей, только отпусти да никому не сказывай, а Тереху похоронил.

22

Жил-был поп с попадьей; завела попадья себе любовника. Батрак заметил то, и стал ей всячески помеху творить. «Как бы избыть его?» — думает попадья и пошла за советом к старухе-знахарке, а батрак с ней давно сделался. Приходит и спрашивает: «Родимая, бабушка, помоги мне, как бы работника с попом извести».— «Поди,— говорит старуха,— в лес; там явился Никола Дуплянский, его попроси — он тебе поможет».

Побежала попадья в лес искать Николу Дуплянского. А батрак выпачкался сам весь и бороду свою выпачкал мукой, влез на ель и кряхтит. Попадья глядь — и увидала: сидит на ели белый старец. Подошла к ели и давай молить: «Батюшка Никола Дуплянский! Как бы мне извести батрака с попом?» — «О, жено, жено,— отвечает Никола Дуплянский,— совсем извести грех, а можно ослепить. Возьми завтра напеки побольше да и масляней блинов; они поедят и ослепнут; да еще навари им яиц: как поедят, так и оглохнут».

Попадья пошла домой и давай творить блины. На другой день напекла блинов и наварила яиц. Поп с батраком стали собираться в поле; она им и говорит: «Наперед позавтракайте!» И стала их потчевать блинами да яйцами, а масла так и поливает — ничего не жалеет. «Кушайте, родимые, маслянее. Мокайте в масло-то, поскусней будет». А батрак уж и попа научил, пошли они и стали говорить: «Что-то темно стало». А сами прямо-таки на стену лезут. «Что с вами, родимые?» — «Бог покарал, совсем ослепли».

Попадья отвела их на печь, а сама позвала своего дружка и стала с ним пить-гулять и веселиться... Тут поп с батраком слезли с печи и ну их валять со всего маху: важно отдули.

23. МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ

В одном городе было два монастыря, вот хоть бы так, как у нас в Питере: Невский да Смольный. В одном монахи, в другом монашенки. Вот хорошо. Повадился один молодой монах ходить к монашенке, а чтоб не узнали, всегда наряжался в женское платье. Бороды у него еще не было, а волосы у попов да у монахов все такие ж по-бабьему положению. Видят все, что к монашенке часто гостья жалует, ну да что за беда! А она уж брюхата стала. Дали знать про то игуменье. Игуменья дает приказ: «Коли кто придет к той монашенке, тотчас доложить».

Вот на другой день приходит монах к своей полюбовнице. Увидели его келейницы и побежали к матушке-игуменье. «Пришла-де какая-то женщина в гости». Игуменья приказала вытопить баню и всем, кто только есть в монастыре, идтить париться. Нечего делать, собрались все монашенки. Повели и гостью с собой. Пришли в баню и стали раздеваться. Монах разделся да поскорее на полок, забился в уголке и не знает, как ему быть? У него на шее висел крест на тесемке. Отвязал... [крестом, который ниже пояса повесил, «стыд» прикрыл]. Вот игуменья надела очки, взяла в руки свечку и стала обходить всех монашек да осматривать, нет ли кого между ними... Стала игуменья к монаху приглядываться, подошла поближе, нагнулась... [тут тесемка и оборвалась, крест нательный отлетел в сторону] да прямо игуменье в левый глаз попал.— «Ай господи! С нами пресвятая богородица!» — закричала игуменья и схватилась за левый глаз. А глаза как не бывало — совсем-таки вышиб! Пока что — монах уже выскочил из бани и убежал голый. Игуменья осталась кривою.

Прошло время — монашенка родила. Я и на крестинах был, только не разобрал: кого бог дал — мальчика или девочку?

24. РАЙСКАЯ ДУДКА

Жили-были три брата: двое умных, а третий Иван-дурак. Вырыл дурак яму. «Стану,— говорит,— волков ловить». Вот в первую же ночь попал в яму серый волк. Дурак пошел и выпустил его на волю. Приходит домой, братья и спрашивают: «Что, поймал?» — «Нет, братцы, попалась в яму попова собака, я ее назад выпустил». — «Какая собака?» — «Да, такая серая, большущая, глаза так и светятся.» — «Да ведь это волк».— «Ну, пусть в другой раз попадет; ни за что не выпущу».

На другую ночь попала в яму лисица. Дурак пошел и ту выпустил. «Что, поймал?» — спрашивают опять братья. «Нет, братцы, попалась попова кошка с большим пушистым хвостом».— «Эх ты, дурак, ведь это лиса».— «Ну, пускай в другой раз попадется — от меня не увернется».

На третью ночь попала в яму какая-то деревенская баба. Дурак пошел. «Ага,— говорит,— попалась!» Взял дубину, убил ее до смерти и волочит домой. «Дурак, где взял мертвую бабу?» — спрашивают братья.— «Какая баба? Это лисица — в яму попала, я ее поленом и доконал!» — «Ах ты, бестолочь эдакая! С тобой беды наживешь». И задумали умные братья бросить дурака и бежать от него — в иное место жить. Сговорились и собрались бежать ночью; только дурак подслушал их уговор, взял ступу и побежал вслед за ними. Братья в лес, и он в лес. Так и не ушли от дурака. Что тут делать? Время ночное, пришлось в лесу ночевать. Вот они влезли все трое на деревья, уселись на ветках и сидят себе.

На ту пору ехали мимо купцы-разносчики. «Что нам плутать-то ночью? — говорят меж собой.— Остановимся у этого дерева, отдохнем до утра, а как станет светать, тогда и в путь поедем». Остановили возы, распрягли лошадей и сели под тем самым деревом, где дурак спрятался, развели костер и давай варить кашицу. [*Следует неудобный для печати эпизод, как дурак напугал купцов*]. Купцы всполошились да — бежать,

и ушли в разные стороны, весь товар покидали. Братья слезли наземь и поделили меж собой. Умные взяли себе красный товар, а дурак — целый воз ладану.

Сейчас положил его в кучу, зажег и пустил хвалу к богу. Только прилетает к нему ангел божий и говорит: «Ну, мужичок, за то, что ты не пожалел целого воза ладану и пустил такую хвалу богу, сказывай, чего ты желаешь? Все тебе дано будет».— «Дай мне,— говорит дурак,— что́ у бога в раю за дверьми висит». Ангел полетел и принес ему дудочку.

Вот дурак взял райскую дудочку, пошел к попу и нанялся в работники — лошадей пасти. И что же? Как только пригонит дурак лошадей в поле, то и зачнет играть на своей дудочке, а лошади в пляс пойдут. Так целый день — он на дудочке играет, а лошади пляшут да пляшут — исхудали бедные. Спрашивает поп работника: «Что у тебя животные-то исхудали, на какой траве пасешь их?» — «На хорошей, батька; лучше нигде не сыскать».— «Дай сам погляжу»,— думает поп.

На другой день дурак погнал лошадей в поле, а поп собрался да следом за ним и залез в терн. Дурак пригнал поповские животы[1], сел под кустик, вынул дудочку и принялся наигрывать. Стали лошади плясать. Схватился поп трепака откалывать; уж он плясал-плясал, весь-то ободрался, искололся, и до тех пор выделывал ногами всякие штуки, пока дурак играл. Измаялся поп, еле ноги тащит, прибрел кое-как домой и говорит попадье: «Ну, матка, у нашего работника есть такая дудка, что коли заиграет, то и мертвый распляшется, а живому и удержу нет».— «Ах, батька, как бы мне послушать?» — «Сама проси, а с меня уж будет; я и слушать не стану».

Вечером, только работник пригнал лошадей, попадья и просит: «Заиграй, пожалуйста!» — «Хорошо»,— говорит дурак. Поп услыхал, живо побежал на чердак и спрятался в сундук, а попадья на ту пору квашню месила. Вот дурак достал дудочку и заиграл — пошла попадья по избе плясать вместе с квашнею, а поп, сколько ни крепился, не мог выдержать: выскочил из сундука и ну по чердаку отжаривать, и до тех пор плясал, пока с чердака упал, да работник играть перестал. Смотрит поп, а попадья до того доплясалась, что язык высунула. «Ах, матка,— говорит поп,— наняли работника себе на беду, на горе. Давай, убежим из дому!» — «Убежим, батька!»

Вот они с вечера наклали целый мешок книжек и поставили в угол. Дурак потихоньку выбрал из мешка все книжки и залез в него сам. Ночью поп проснулся и будит попадью: «Вставай, матка, бежать пора». Подняли они мешок и пошли из дому. Шли, шли, вдруг работник как закричит из мешка: «Что ж ты, батько, возьми и меня с собою!» — «Ах, проклятый! Гонится за нами следом; побежим скорей, матка». И припустили бежать, сколько силы хватило. Бежали-бежали, уморились и стали было опять шажком идти, тут работник как закричит: «Батько, возьми меня с собою!» Они опять принялись бежать; так, наконец, измаялись, что и ноги не держат. «Ну, что будет — то будет, а остановимся здесь отдохнуть»,—

[1] Лошадей (*Ред.*).

говорит поп. Бросил мешок на земь, глядь — лезет оттуда работник. «Не стыдно ль тебе, батюшко, сам пошел с матушкой, а про меня и забыл».

Вот все трое подошли к реке и остановились ночевать на бережку. Поп положил работника с край реки и говорит попадье: «Как только заснет батрак, ты его и столкни в воду». Работник подслушал эти речи и не спит, ворочается; прошло не много, не мало времени, уснули и поп и попадья; он сейчас перетащил попа на свое место, а сам на его место лег. Попадья проснулась да как толкнет попа в воду. Пошел на дно рыб считать. Наутро проснулась. «Где поп?» — «Черти с водяным утащили».

После того попадья пошла замуж за своего работника, и стал Иван-дурак за попа, хоть ни читать, ни обедни служить не умеет. А с той попадьей еще допрежде жил архиерей. Вот однова собрался архиерей и поехал подначальные церкви смотреть да попов судить. Приезжает в то самое село, где Иван-дурак в попы угодил, и прямо в церковь. Что делать? Надо обедню служить; вот Иван-дурак нарядился в ризу, взял в руки книгу и давай читать: «Братие! Был архиерей, гулял с моей попадьей; милости прошу и теперь с ней гулять, и ныне, и присно, и во веки веков!» И твердит все одно да одно. Архиерей слушал-слушал и говорит: «Много церквей я объехал, а такого умного попа нигде еще не видывал: всю службу церковную знает!»

25. ПОП-ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ

В одном селе жил-был поп-толоконный лоб, по имени Ерема; у него был малый сынок Петрушка, такой прихотливый да балованный: уж если чего захочет, так в ту же минуту давай; не то — заревет так, что святых выноси. Да все, что под руку попадется, начнет бить-кромсать, на куски ломать. Хоть летами мал, а ноготок востер: не раз случалось — попу с попадьей глаза подбивал. А батракам просто житья не было: ни один еще не оставался больше дня у попа-толоконного лба.

Вот поп Ерема пустился на выдумку, вздумал наперед уговор делать с каждым наемщиком. Однова сидел поп под окном и смотрел, пригорюнясь, в огород: надо бы гряды полоть, да некому. На ту пору идет по улице мужик с лопатою и кричит: «Кому поработать? Кому поработать?» Поп тотчас схватился, накинул свой подрясник, выбежал за ворота, кликнул мужика и говорит: «Ступай ко мне в батраки; за деньгами спору не будет. Только, мужичок, я с тем уговором нанимаю: если ты на меня рассердишься, то я вырежу из твоей спины ремень пальца в два ширины, а если я рассержусь на тебя — тогда ты вырезывай из моей спины».

Мужик согласился и пошел к попу в батраки. «За что,— думает,— стану я на попа сердиться». Принялся за работу и проработал до самого обеда. Приходит в избу и только было сел за стол, Петрушка заревел во все горло: «Я гулять хочу!» — «Батрак,— говорит поп,— веди сынка погулять». Батрак взял поповича за руку и повел на улицу. Часа два протаскался с ним без толку; воротился в избу, а уж поп с попадьей давно пообедали и спать завалились. Остался батрак с голодным брюхом.

На другой день опять то же, а на третий батрак не выдержал. «Нет, батька, черт с тобой и с твоим потрохом, а я больше не хочу у тебя ни жить, ни работать!» — «Что ж ты сердишься?» — сказал поп. Вырезал у него по уговору ремень из спины и отпустил, не заплатив ни копейки.

У того мужика был меньшой брат Иван; по всей деревне дураком слыл. Видит дурак, что брат его на печь залез да все охает, и спрашивает: «Что ты, аль спина болит?» — «Поживи-ка у попа, так сам узнаешь». Иван взял лопату и отправился в путь. Пришел в то же село и нанялся к попу-толоконному лбу Ереме. Поп и ему говорит: «Слушай, Иван, у меня за деньгами остановки не будет; только соблюдешь ли уговор? Если кто из нас двоих рассердится, у того из спины ремень вырезать».— «Ладно, батько,— отвечал Иван,— только ты не сердись, а мне не за что!»

Взялся батрак за работу, целое утро за двоих работал, пришло время обедать, только сели за стол, Петрушка и ну кричать: «Гулять хочу!» — «Батрак,— говорит поп,— поведи моего сына прогуляться да присмотри, пожалуйста, чтоб не убился где».— «Хорошо, батько». Повел батрак Петрушку и прозевал обед. «Плохо,— думает,— надо за ум браться». На другой день опять только за обед, а Петрушка гулять хочет, Иван схватил со стола кулебяку и повел поповича. Пока тот играл, батрак кулебяку убирал. Воротился в избу, а поп с выговором: не годится-де так делать; зачем кулебяку унес? А батрак в ответ: «Никак ты, батько, осердился? Подставляй-ко спину, я ремень вырежу».— «И, что ты? Я вовсе не сержусь, так только пошутил с тобой...» — «То-то же, смотри», — говорит Иван.

На третий день Петрушка опять за свое: «Гулять хочу». Батрак ухватил целую ногу жареной баранины и пошел с ним на улицу. Пока Петрушка гулял да играл, батрак баранину уплетал. Поп и сам не рад своей затее; иной раз и поругал бы батрака, так тот сейчас ему в ответ: «Никак ты осерчал, батько? Подставляй-ко спину!»

Вот как-то был на селе праздник; попадья напекла и нажарила всего вдоволь. Сели было обедать; батрак думает: «Вот когда нажруся, упьюся!» По губам уж слюнки текут. Не тут-то было, веди Петрушку гулять. Иван повел его в огород, да с досады посадил его на кол, а сам в избу воротился и уселся за стол. «А Петрушка где?» — спрашивает попадья.— «Да с ребятишками играть остался». На дворе давно стемнело, а Петрушка все не ворочается. Пошла попадья искать, смотрит, а он на колу торчит: совсем-таки окоченел. Поп с попадьей обмыли его, поплакали и похоронили, а выговаривать батраку бояться: пожалуй еще до спины доберется.

Стали они думать, как бы от него избавиться, целых три дня думали. На четвертый день зовет поп Ивана и приказывает: «Сослужи мне великую службу, съезди на Чертово озеро да спроси у нечистых: почему давно оброка не платят? Чтобы сейчас весь заплатили».— «Изволь,— отвечает Иван,— для чего не сделать такой безделицы?» Запряг лошадь в телегу и поехал на Чертово озеро. Поп возрадовался: «Ну, попадья, авось его черти возьмут!» Батрак ехал лесом, надрал лык полную телегу и приехал

на озеро, сел на берег и принялся веревку вить. Был день и прошел, а Иван все веревку вьет. Вдруг выпрыгнул из воды чертенок. «Батрак, что ты делаешь?» — «Сам, чай, видишь: веревку вью».— «А зачем тебе веревка?» — «Как зачем? Хочу озеро морщить да вас, чертей, корчить».— «Что ты, батрак? За какую вину?» — «А за такую, зачем попу Ереме оброку не платите?» — «Подожди немножко, не морщи озера, я пойду своему дедушке скажу»,— сказал чертенок, и пырь в воду.

Иван тем временем вырыл глубокую яму, накрыл ее шапкою, а в шапке-то загодя дыру прорезал. Чертенок выскочил и говорит батраку: «Дедушка спрашивает, много ли оброку надо?» — «Вот эту шапку полную серебра насыпать». Чертенок бултых в воду, передал ответ дедушке; жаль стало старому черту с деньгами расставаться; велел наперед внуку померяться с батраком силами: стоит ли отдавать ему деньги? Чертенок ухватил дедушкину па́лицу и говорит Ивану: «Ну, батрак, кто из нас выше бросит?» — «Бросай ты прежде».

Чертенок бросил па́лицу так высоко, что за щепочку показалась, а назад упала — земля ходенем пошла. Теперь очередь стала за батраком; взял он па́лицу за один конец и видит, что не только бросить вверх, да и поднять не может. Пустился на хитрости: взвел глаза на небо и начал пристально присматриваться. «Что же ты попусту глазеешь?» — «А вот поджидаю, когда пойдет облачко; хочу на него забросить твою па́лицу».— «Что ты! — закричал чертенок,— не бросай, а то дедушка прибрани меня».— «Ишь, чертово племя, жалко небось. Ну, завяжи свои зенки-то, не то лопнут, как я па́лицу брошу!» Чертенок завязал глаза, а Иван понатужился, приподнял па́лицу, да его по лбу; едва он опомнился. Нечего делать, стал мешки с серебром таскать да шапку насыпать; долго таскал, насилу с батраком расплатился.

Тогда Иван склал все серебро на телегу и повез попу Ереме. «Бери, батько! Взыскал с чертей весь оброк дочиста». Поп и деньгам не рад: «Коли с чертом сладил, до нас с попадьей еще скорей доберется; надо бежать». И уговорились поп с попадьей уйти от батрака...

(*Конец тот же, что в сказке под № 24*).

26. ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА

Жил-был мальчик крестьянский, у него была чудесная дудочка да скотины всего одна свинья с тремя поросятами. Выгонит он свинью в поле пасти, сядет на пенечке да заиграет в дудочку. Свинья с поросятами знай пляшет перед ним. Была у царя дочь — прекрасная царевна. Узнала, что у этого-то мальчика свинка с поросятами пляшет, и вздумала купить хоть поросеночков.

Приезжает в поле. Мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья пляшет с поросятами. Говорит царевна: «Продай мне поросяток!» — «У меня они не продажные, а заветные».—«Сколько у тебя завету?» — «Показать свое тело по колена». Царевна показала ему свое белое тело по колена, он ей и отпустил поросяток. Привезла их домой,

созвала музыкантов. Музыканты взыграли, а поросята со страху врозь разбежались, визг на весь дом подняли. «Верно без матки скучают,— подумала царевна,— сем поеду да матку куплю».

Приезжает она в поле; мальчик сидит на пенечке, играет в дудочку, а свинья перед ним пляшет. «Продай мне свинку, поросята без матки скучают».— «Она не продажная, а заветная».— «А сколько завету?» — «Показать все свое тело наголо». Нечего делать, показала ему свое белое тело наголо; мальчик ей и свинку отдал. Привозит царевна свинку, собрала музыкантов. Музыканты взыграли; нет, не пляшут ни поросята, ни свинка, туды-сюды бросаются да визжат. Поехала царевна покупать дудочку. [*Следует неудобное для печати третье требование мальчика, после чего царевна получает дудочку*].

Узнал отец и выдал ее замуж за того пастуха. Сделался крестьянский парень царевичем и зажил себе во дворце без хлопот, без дела. Поехал он однажды на охоту, и попался ему на дороге поп. Увидал поп названного царевича, поклонился ему. «А ты, батька, куда идешь?» — спрашивает его царский зять. И пошли у них разговоры: «Я иду с требою, а вы куда изволите?»— «А я на охоту выехал».— «Ах ваше высочество, застрелите мне вот ту птичку».

На ту пору, как нарочно, прилетела малая пташка и села в кустах шиповника да репейника, а кругом кустов грязная лужа стоит. «Хорошо, застрелю; только, батька, сам доставай». Царский зять застрелил пташку, а поп полез доставать; только пошел в кусты, а хитрый царевич вытащил свою дудочку и заиграл в нее. Поп плясать пустился: так и скачет, так и прыгает, весь-то он в кустах изодрался, ноги, руки, лицо в кровь исцарапал, весь-то он в луже измазался. Перестала дудочка играть, а поп еле дух перевести может. Вылез усталый, избитый, испачканный; рассердился и пошел к царю жаловаться: «Твой-де зять избил меня всего, а за что — не знаю; ехал на охоту, напал на меня и давай тузить; чуть-чуть не убил, насилу убежал».

Гневен стал государь, разослал слуг во все стороны, чтобы тотчас же привели к нему зятя. Приехал царевич домой, царь захотел судить его перед всем народом, велел собрать и вельмож, и войско, и купцов, и чернь; по тому приказу живо все сошлись на площадь и стали супротив царского крыльца. Царь вышел на свое высокое крыльцо и говорит зятю: «Показывай по сущей правде, как дело было?» Царевич вынул свою дудочку; поп, как увидел ее, побледнел со страху, лихорадка так его и трясет, и начал просить, чтобы взяли его да покрепче к каменному столбу привязали. Тотчас явилась стража с веревками, скрутила ему руки и накрепко притянула к столбу. «Косу-то, косу-то привяжите!» — кричал поп. Привязали и косу.

Тут царевич заиграл в дудочку, и, боже мой, весь народ, все войско, и сам царь с придворными пустились вприсядку отжаривать, а поп головой о каменной столб бьет, ногами всякие шутки выделывает, а сам что есть мочи орет да в грехах кается. Перестал царевич играть, и все затихло. Царь узнал, в чем было дело, прогнал попа со своих светлых глаз, зятя простил и после того долго-долго смеялся его шутке.

27. НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ

Как у нас на селе подралась попадья с дьяконицей; маленько поноровя, черт треснул пономоря; поп затужил и обедни не служил. Собрались сельски, деревенски, господски, посадски, собралось семьдесят семь нищих; плели они лычный колокол о сто пудов, повесили на крапивный сук, ударили в соборе не рано; услыхали люди не мало; Филька да Илька, Савка да Ванька. Приносили они нищим пищу: куричьи сливки, свиные рожки, бараньи крылья. Пошел Ванька в кладь, взял кусок железа, сковал себе топор — ни мал, ни велик — с комарье плечо. Пошел с ним в чистое поле пресвятое дерево рябину рубить; впервые тюкнул — пошатилась, вдругорядь тюкнул — повалилась. Он рубил-рубил, ничего не срубил, только у себя как-то ногу отсек. День лежал и ночь лежал, никто не спознал; спознали комар да муха, зеленое брюхо; посадили его на колеска, повезли на небеска. На небесах стоит церковь — из пирогов складена, шаньгой покрыта, калачом заложена. Ванька на это хитер бывал: взял — калач переломил, да и двери отворил. В церкви-то все не по-нашему: паникадило репяное, свечи морковны, образа — пряничны; стоит поп железный, пономарь оловянный, жестяная просвирня. Он у них спросил: «Когда у вас бывает репно заговенье?» Они ничего ему на то не сказали, а Ванька осерчал, по щелчку им дал, да с неба упал.

28. СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ

Солдат идет в отпуск, садится около ручья на отдых и играет на скрипке. Приходит черт, зовет его к себе в гости. Солдат проводит три года, как три дня, и боится вернуться в полк. Черт делает его попом. Поп служит в праздник обедню. Черт приходит и заставляет его играть на скрипке. Поп играет. Его берут и сажают в острог. Черт его освобождает из темницы.— «Что ты обробел,— говорит нечистый,— я тебя теперь архиереем сделаю».

Приводит солдата в иное государство и выдает его за архиерея. Король взял его к себе и дал место в своем столичном городе. А у этого короля были три прекрасные дочери. Настал великий пост, и вздумали они говеть. Пришло время — надо исповедоваться. Вот пошла старшая королевна к архиерею на исповедь, покаялась в своих грехах. И дает ей архиерей крест целовать. Вдруг является к нему нечистый и на ухо шепчет: «Что она совсем исповедолась?» — «Совсем!»— «Ну, теперь возьми ее, поцелуй».— «Как можно,— я за это могу пострадать!» — «Ничего не бойся,— целуй смело». Архиерей взял да и поцеловал ее. Она пошла от него и думает: «Видно так по закону следует».

Приходит на исповедь середняя королевна. Покаялась. Дает ей архиерей крест целовать. В ту же минуту опять шепчет ему на ухо нечистый: «Совсем ли исповедалась?» — «Совсем!» — «Ну, возьми ее ... за груди».— «Ах, что ты! Король меня за это смерти предаст».— «Ничего, хватай смело за груди». Он взял... потрогал и отпустил от себя. Королевна пошла, думает, что так по закону и следует.

Наконец приходит меньшая королевская дочь. Отисповедовал ее архиерей и дает крест целовать. Вдруг является нечистый и опять шепчет: — «Что кончил исповедь?» — «Кончил!» — «Ну теперь сотвори с ней грех».— «Нет, ни за что не сделаю. Король меня непременно на казнь отдаст».—«Делай, что говорю,— все равно тебе пропадать. Если не сотворишь с нею греха, я всем объявлю, что ты беглый солдат, а не архиерей». Архиерей,— делать нечего, ...[послушался нечистого]. И эта королевна пошла и думает: «Видно так по закону велено!» С того самого часу младшая королевна забрюхатела.

Прошло несколько месяцев. Отец заметил... и стал ее спрашивать: — «Что это с тобой? Отчего...?» — «Оттого, батюшка, что как ходила я к архиерею на исповедь...» Король приказал архиерея посадить в крепость и нарядил над ним суд. На том суду приговорили его повесить.

Сидит архиерей один с кручиною в темнице и смотрит в окно. А перед окном уже релю[1] ставят.— «Что вы строите?» — спрашивает он у рабочих.— «Что, ан, не знаешь? Ни для кого другого — для тебя трудимся. Это, брат, виселица!» Еще больше задумался бедный солдат: «Связался я на свою беду с чертом!» В ту же минуту явился к нему нечистый.— «Не кручинься,— говорит,— я тебя выручу...»

Вот повели архиерея на виселицу. Народу собралось великое множество. Надели на него петлю... Подняли его на виселицу, а черт невидимо подбросил ему под ноги свою голову. Все думают, что он мертвый, а он как ни в чем — живехонек! Народ разошелся и разъехался в разные стороны, а дьявол оборвал веревку, освободил солдата от смерти и пошел с ним в другой город.— «Что, хочешь быть опять архиереем?» — спрашивает нечистый.— «Нет, спасибо, и так страху набрался».

Черт делает солдата купцом, а сам уходит в тридесятое царство — мучить царевну. Солдат пробирается туда же, выдает себя за лекаря. Заказывает кривые клещи и садится во дворце перед царевниной спальней. Приходит дьявол, поздоровался с ним, спрашивает: «Что это за штука?» — «Это клещи, кривые пальцы выпрямлять, чтоб лучше на скрипке играть».— «Выправь мне». Солдат сжимает его руки в тиски, бьет, освобождает царевну и делает затем уговор с чертом, чтоб ему не подходить к царевнину дворцу за сто верст, а солдату не выходить из дворца дальше тридцати верст. Если выйдешь дальше, да попадется нечистому — тот его задушит!

Женился солдат на царевне, сделался сам царем, позабыл уговор и поехал в загородный сад. Тут попался он черту. Черт позволил ему напоследок только с женой проститься. «Ну жена! — говорит царь,— принимай стыд ради меня... Разденься и ложись на траву». А нечистый подошел.., увидел... Вдруг как закричит: «Ах ты проклятый! Опять клещи привез!» — и бросился от него бежать сколько сил было.

Так беглый солдат избавился от черта и остался царствовать в своем государстве.

[1] Виселицу (*Ред.*).

29. СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, где мы живем, жил-был царь. У того царя поселился во дворцовой палате черт — не дает никому отдыху! Вот царь и пообещал отдать свою дочь за того замуж, кто переночует ночь в этой палате и жив останется. Много находилось охотников, только все наутро помирали — поминай, как звали! Уж и охотников больше не стало. Тут приходит к царю отставной солдат. «Здравствуй, служба! Что скажешь?» — «Хочу, ваше величество, с чертом померяться».— «Ну что ж, ночуй себе во дворце — мне все едино за кого не выдать дочь — только б молодец был».

Вот солдат взял скрипку, два штофа водки, топор, бритву да железную палицу и пошел в палату, где черт поселился. Сел за стол и попивает себе водочку да орехами закусывает. Вдруг выскочил нечистый. «Что ты русский солдат здесь делаешь?» — «Водку пью» — «Дай и мне!» — «Изволь».

Нечистый взял штоф, да весь сполна и осушил. И порядком его поразбрало. Подгулял дьявол, хоть и плясать — так готов! А солдат тотчас за скрипочку и давай комаринскую отжаривать. Нечистый плясал, плясал, уморился и говорит: «Важно, русский солдат, ты играешь! Поучи-ка меня».— «Хорошо, кому ж и играть, коли не тебе, добру молодцу».

Взял топор, расколол одну перекладину и забил в нее здоровенный клин. «Ну,— говорит нечистому,— лезь на стул да клади в щель лапы».— «А зачем?» — «Затем, что такова наука».

Нечистый просунул в щель свои лапы, взял скрипку и смычок, а солдат в ту же минуту и клин вытащил, и стул принял — так и приплюснуло дьявольские лапы, и сам-то черт так и повис на перекладине! Солдат тотчас за бритву, поднял нечистому хвост, обрил ему... Потом ухватил железную палицу и давай угощать по голой... Бьет да все приговаривает: «Живей смычком води! Чаще пальцами перебирай!» — «Отпусти, русский солдат,— кричит нечистый.— Не хочу на скрипке учиться!» — «Нет, брат, врешь. Кому и музыканту быть, коли не тебе, добру молодцу». А сам знай лупит по бритой... Только к утру его отпустил. Черт вырвался да бежать.

Видит царь, что солдат справил свое дело, и выдал за него дочь свою, царевну. Женился солдат, взял свою молодую жену и поехал домой. А черт давно его стережет: «Отплачу,— думает,— за обиду — задушу русского солдата». Как только поехал солдат с женою в путь-дорогу, он и пустился догонять его. Видит солдат: дело нехорошее! Снял царевну с повозки... и давай ее тело брить. Черт как увидел это, сейчас назад. Прибежал в пекло, словно в лихорадке трясется: «Что ж ты задавил русского солдата?» — «Да погоди-ка, задави его! Он царевну учит на скрипочке играть, уж... бреет».

30. СОЛДАТ И ЧАСЫ

Был на свете царь, у него была любимая дочь Анна-царевна, на возрасте, красоты неописанной, и сидела она в белокаменных палатах, в высоких теремах за двенадцатью дверями; и у каждых дверей стояла на карауле стража великая, никого кроме царя да придворных нянюшек-матушек к ней не пускала. Не токмо человек, муха туды не пролетит.

Случилось в некое время стоять во дворце на часах одному бравому солдату, стоит он и вслух сам с собой разговаривает: «Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был». Услыхал эти речи царь, осерчал и говорит: «Слушай ты, умная голова, коли ты не хвастаешь, то вот тебе сроку три месяца, бери себе денег сколько надобно, гуляй сколько хочешь, только ухитрись — сотвори грех с моей дочерью. Если это не сделаешь, велю тебя за твою похвальбу словно пса повесить!»

Вот солдат месяц гуляет, и другой гуляет; а как сотворить грех с царевною — не ведает, даже к теремам ее подойти боится. Уж и третий месяц на исходе, пошел он в кабак, спросил штоф водки, пьет, а сам слезно плачет: «Пропадай,— говорит,— моя жизнь молодецкая!» Подошел к нему горький пьяница, ярыга кабацкая: «О чем, брат, плачешь?» — «Эх, лучше не спрашивай. Пропадаю за свою похвальбу!» — «Поднеси мне стакан, я твое горе рассужу». Солдат поднес ему стакан водки и рассказал, как было дело. «Это еще не беда,—говорит горький пьяница,— есть у тебя деньги?» — «Еще бы не быть: мне царская казна не заказана, сколько хошь — бери».— «Ну, пойдем на взморье; там приехали чужестранные купцы, привезли с собой штуки разные, затейливые».

Побежали на взморье; зашли на купеческий корабль. Стали разные товары высматривать и выбрали славные стенные часы, в большой футляр вделаны; с музыкой, с барабанами и всякими немецкими хитростями. Тотчас солдат сторговался, заплатил за те часы чистым золотом; сам в футляр залез и приказывает: «Ну, купцы-торговцы, отнесите часы во дворец да бейте царю челом, чтоб на двор принял». Купцы принесли часы во дворец и били челом государю; царь принял подарок, как увидел он, что часы-то с музыкой и с барабанами, тотчас велел иноземным гостям торговать безданно-беспошлинно, а часы поставить в спальню к царевне, пускай де тешится.

Ну, солдату того и надобно. Царевна сильно возрадовалась, заставила часы играть, а сама в танцы пустилась; весь день проплясала. Приходит ночь. Легла она усталая и крепко-крепко уснула. [*Солдат приходит ночью к царевне, называет себя ангелом с небес и получает от нее перстень*]. Солдат взял перстень, спрятался опять в футляр и нарочно испортил музыку. Наутро стала царевна заводить часы — нет, не играют, испорчены. Как тут быть? Сейчас послала за иноземными купцами, приказали взять часы и исправить музыку. Купцы увезли часы в починку, отворили футляр и выпустили солдата. А уж срок совсем вышел; царские слуги бегают да ищут того солдата, увидали и повели: «Пойдем,— говорят,— Варвара, на расправу!» Вот привели его к царю. «Здравия желаю, ваше

величество».— «Здорово, умная голова! Ну, что, сделал свое дело?» — «Сделал, ваше величество!» — «Врешь ты, каналья?» — «Извольте сами спросить у царевны: прилетал ли к ней ангел и что она пожаловала ему на память?» — «Позвать царевну!» — закричал царь.

Позвали. «Говори, дочка, кто у тебя был севодняшнюю ночь?» [*Царевна говорит, что прилетел ангел с небес, и она ему именной перстень пожаловала*]. Солдат вынул царевнин перстень и подал государю. «Ну, хитер же ты, служивый,— сказал царь,— ступай домой с богом, денег сколько знаешь возьми, только помни, никому не хвались, что с моей дочерью сделал, не то прикажу казнить». С той поры стал солдат при деньгах. Живет себе да служит, ни о чем не тужит.

31. БЕГЛЫЙ СОЛДАТ

Беглый солдат залез ночью к одному мужику в ригу и залег на сене спать. Только стал засыпать, слышит — кто-то идет. Солдат испугался и залез под самую крышу. Вот пришла туда девка, а за нею парень, принесли с собой вина, разных закусок, поставили в угол, разделись... и давай целоваться, да любоваться ... Девка говорит: «Ах, милый друг, коли бог даст, да рожу я ребенка — кто за ним присмотрит, кто его выходит?» А парень отвечает: — «Тот, кто над нами!»

Как услыхал эти речи солдат, не вытерпел и закричал: — «Ах вы, подлые!.. Я за вас отвечать буду?!» Парень тотчас вскочил да бежать. Девка тоже — давай бог ноги! А солдат слез наземь, забрал их одежу, вино и закуски и пошел своей дорогой.

32. СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА

Стояли в деревне солдаты, и бабы были к ним очень привычны. Дело-то, знаешь, было не без греха: хозяин на заработку, а хозяйка ... с солдатом! Вот у одного мужика была жена больно гульливая: много раз заставал он ее и с мужиками-то, и с солдатами, а все она права оставалась. В одно время застал ее мужик с парнем в сарае: «Ну, ... что теперь станешь говорить?» А она ... как встала да прибежала в избу — сейчас бросилась к свекрови и давай плакать. Пришел муж и говорит: «Ну, матушка! Я людям не верил, а теперь сам застал жену с парнем в сарае». А баба со слезами: «Видишь, матушка, какую терплю я напраслину!» — «Ах ты..., проклятая! Вить я сейчас поднял тебя!..» — «Врешь, подлец! Ну-ка скажи, куда я головой лежала?» Мужик задумался и сказал: «А черт тебя знает, куда ты головой лежала?» — «Вот вишь, матушка, как он врет-то на меня!» Мать накинулась на сына и давай его ругать. «Хорошо,— говорит мужик,— я тебя, голубушку, опять скоро поймаю!»

Прошло несколько времени, связалась та баба с солдатом, и пошли они вместе в сарай... Хозяин-то и подметь, пришел в сарай и захватил солдата... «Их, брат служивый! Это нехорошо».— «Черт вас разберет! —

отвечает солдат,— она говорит — хорошо, а ты нехорошо. На вас не угодишь!» — «Я, брат служивый, пойду на тебя просить!» — «Ну, ты ступай, еще проси, а я уж выпросил».

33. СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину, в год — за сто рублей; помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, словом сказать — не дает ему отдыху ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет: «О чем вы, сударь, плачете?» — «Да денег жалко!» — «Экой ты барин! Ведь я тебе целый год прослужил; если бы ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал».— «Три дня — немного»,— думает барин.

Пошел советоваться с барыней. Она говорит: «Что ж, отслужи три дня!» А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу; ему — не мне плохо будет». Барин согласился. Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит: «Эй!» Помещик входит. «Подавай сапоги; я хочу одеваться!» Помещик хвать — сапогов нету, и запорол горячку. Спрашивает солдата: «Где твои сапоги?» — «Ах ты, сукин сын, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно и не чистил их!» — да хвать его по уху, да по другому. Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет. «Подайте палок!» — закричал солдат и давай дуть помещика, до того промял, что он не рад и деньгам. «Не хочу,— говорит,— тебе служить, возьми свои деньги, черт с тобой!»

34. ВОР

Живал-бывал Микулка вор. Услыхал про него барин, что Микулка хоть что — так украдет; призывает его и говорит: «Укради из-под меня с барыней пуховик; коли украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей».— «Идет!» отвечает Микулка. «Когда ж воровать придешь?» — «Нынче ночью». — «Ладно!»

Барин лег спать с барыней, а Микулка еще спозаранок забрался к нему под кровать, выждал, когда все уснули, да и напакостил промеж барина с барыней. Барин с барыней проснулись, стали друг на друга сваливать, подняли шум, никто не переспорит. Встали оба, ухватились за перину, да никак не стащут; принялись звать человека.

Тут откуда ни взялся Микулка и потащил перину на двор. Барин думает, что это ихний слуга. «Смотри же,— приказывает,— хорошенько вытряси, чтоб чисто было». Микулка унес перину к себе. А барин с барыней ждали — так и не дождались; кого ни спрашивали — никто ничего не знает. Утром приехал Микулка на барский двор и перину привез: «Принимай, барин, да плати сто рублей!» — «Возьми хоть двести, только никому не сказывай, что мы с барыней опакостились».

Через неделю зовет барин Микулку: «Украдь,— говорит,— у меня жену; украдешь — сто рублей, не украдешь — сто плетей».— «Изволь, барин!» Воротился Микулка домой и велел купить водки и закусок разных, а сам пошел попа в гости звать. Поп тому и рад. Известное дело, у попа глаза завистные, рад на чужой счет нажраться, напиться. До тех пор поп тянул водку, пока с ног свалился.

Микулка раздел его чуть не до грешного тела, нарядился в поповскую рясу и пошел на барский двор; смотрит: кругом стоят сторожа с дубинами, все барыню берегут. Вошел Микулка в хоромы: «Здравствуйте, батюшка!» — говорит барин. «А я мимо вашего двора шел,— сказывает облыжный поп,— смотрю — стоят везде сторожа с дубиною; дай, думаю себе, зайду да разузнаю, что такое?» — «Знаете ли вы, батюшка, Микулку вора?» — «Как не знать? Такой плут, каких еще не бывало, давно бы повесить пора».— «Вот он самый и похвалялся украсть нынешнюю ночью мою барыню».— «Не ладно дело. От него, хоть втрое больше поставь сторожей, все не убережешься».— «Да что же мне делать-то?» — «А вот что: отошлите-ка свою барыню (да потихоньку, чтоб никто не знал) к моей попадье, пусть вместе ночь проведут. Хоть Микулка и придет воровать, так барыни не найдет».— «И то правда. Спасибо вам, батюшка, что надоумили».— «Я, пожалуй, сам и провожу барыню».

Повел Микулка барыню только не к попу на двор, а прямо к себе. Наутро посылает барин к нему [попу] за женой, а тот еще спит с похмелья. Попадья и говорит: «Никакой барыни у нас не было, да и муж с самого вечера, как притащили пьяного от Микулки, никуда не выходил из дому, лежит словно убитый — и не ворохнется». Нечего делать, пришлось барину выручать свою жену от Микулки. Заплатил ему сто рублей, взял барыню и пошел домой, только в затылке почесывается.

Случилось попу быть у барина в гостях; зашла речь про Микулку, что вор-де вор — такой хитрый: с живого штаны сымет. А поп говорит: «Кому как, а мне Микулка не страшен: я и сам хитер».— «Ну, батька, не хвались, прежде богу помолись». И приказывает барин своим холопьям позвать Микулку: «Поп-де не верит твоей удали, так покажи ему».— «Отчего не показать? Рад стараться». «А ну,— говорит поп,— украдь у меня сто рублей?» — «Украду».— «Да как же ты украдешь, когда я их повешу на шею себе?» — «Про то мне знать».

Поп как приехал домой от барина, сейчас вынул из сундука сто рублей, завернул в лоскутье и повесил на шею. Уж на дворе давно темно. Поп все не спит, боится, как бы вор не явился да не отобрал денежек. Микулка подвязал себе крылья, взял большой кошель, собрался и полез к попу в окно. Поп видит, крылатый человек у окна и принялся читать заклятие: «Сгинь, пропади, дьявольское наваждение».— «Я не бес,— говорит Микулка,— я — ангел с небес».— «Почто ты ко мне прилетел?» — «Господь велел взять тебя на небо, садись в кошель».

Поп сел в кошель. Микулка поднял его и понес на колокольню; начал было подниматься по лестнице, остановился и говорит: «Отче, или согрешил или при тебе есть что мирское, больно тяжело тебя нести. Покайся наперед в грехе и сбрось с себя все мирское». Поп вспомнил, что у него

на шее сто рублей привешено, снял их и отдал вору. Микулка втащил его на самый верх, привязал к перекладине и давай отзванивать во все колокола. Стал народ просыпаться, что за звон такой? Побежали все на колокольню — нет никого (Микулка уж успел улизнуть с поповскими деньгами), только мешок на перекладине болтается. Сняли мешок, распутали, а в нем поп сидит.

35. ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин, да еще был мужик, такой бедный, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит: «Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь и взять с тебя нечего. Ступай ко мне и живи за долг три года».

Прожил у него мужик год и другой и третий. Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает: какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить: «Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле, да смотри, чтобы все были целы! А то опять оставлю при себе на три года». Только погнал мужик зайцев в поле — они все у него разбежались в разные стороны.— «Что делать,— думает он: теперь пропал я!» Сел и плачет. Откудова ни возьмись — явился старик и спрашивает: «О чем, мужичок, плачешь?» — «Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались. Теперь беда мне неминучая!» Старик дал ему дудочку и говорит: «На тебе дудочку. Когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут».

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее — как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой. Барин, пересчитал зайцев и говорит: «Все целы!» — «Ну что нам делать? — сказал барин своей барыне,— какую вину на мужике сыскать?» — «А вот что, душенька: когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца». — «Ну, хорошо!»

Наутро погнал мужик зайцев в поле, и только подошел к лесу — они тотчас все разбежались в разные стороны. А мужик сел на траву и начал плести лапти. Вдруг едет барыня. Остановилась — подошла к нему и спрашивает: «Что, мужичок, здесь делаешь?» — «Скотину пасу».— «Какую скотину?» Мужик взял дудочку и заиграл — все зайцы сбежались к нему.— «А, мужичок! — сказала барыня — продай мне одного зайчика».— «Никак нельзя, ведь это господские зайцы, а барин у меня оченно строг. Он, пожалуй, меня совсем заест!» Барыня стала к нему приставать: «Пожалуйста, продай!» Мужик видит, что ей очень хочется зайчика и говорит: «У меня, барыня, завет положен».— «Какой завет?» — «Кто даст... что потребую, тому и зайца уступлю».— «Возьми лучше деньгами, мужичок!» — «Нет, мне больше ничего не надо!» Барыня — делать нечего — согласилась... Подал ей зайца: «Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь».

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку — этот заяц услыхал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику. Приехала барыня домой. «Ну, что купила зайца?» — «Купила-то купила, только как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел».

На другой день опять поехала барыня к мужику. Подходит к нему и спрашивает: «Что делаешь, мужичок?»— «Лапти плету да господскую скотину пасу».— «Где ж твоя скотина?» Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца. «У меня положен завет».— «Какой?» — «Дай...» Барыня опять согласилась ... и получила за то зайца. А как мужик заиграл — заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день переоделся и поехал сам барин. «Что, мужичок, делаешь?» — «Скотину пасу».— «Да где ж твоя скотина?» Заиграл мужик в дудочку — сбежались к нему зайцы. «Продай мне одного!» — «За деньги не продам. У меня положен завет».— «Какой завет?» — «Кто захочет на кобылу влезть..., тому и зайца отдам». Барин влез на кобылу... Мужик подал ему зайца и говорит: «Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь». Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку — заяц услышал и ушел от него к мужику. Видит барин, что ничего не возьмешь и отпустил мужика жить на волю.

36. ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН

Жил-был богатый купец, у него был молодой приказчик. Купец нагрузил корабль дорогими товарами, дал приказчику много золота и серебра и отправил торговать в иные города. Вот приказчик приплыл в чужестранное государство, в столичный город. Зашел в трактир пообедать и услыхал, что в этом городе была у генерала жена такая красавица, каких во всем свете мало родится, и задумал, как бы ее увидать. Только генерал держал свою жену взаперти, никуда не выпускал и к себе никого не принимал: на такую красавицу кто не позарится.

Приказчик насыпал блюдо серебра и золота и пошел к генералу в дом. «Что тебе надобно?» — спрашивает слуга. «Хочу генералу поклониться». Слуга доложил генералу, а он был куда на деньги падок. «Коли с деньгами пришел, так пусти его». Приказчик вошел в комнату, блюдо с серебром и золотом на стол поставил. Спрашивает генерал: «Какая у тебя нужда?» — «Ах, ваше превосходительство! Во всех городах только и молвы, что про красоту вашей жены. Нельзя ли посмотреть ее?» Генерал подумал и согласился. Тотчас подошел к дверям и крикнул: «Эй, жена, подай нам водки!» Генеральша вынесла на подносе графин с водкою и две рюмки, поставила перед мужем и ушла в свою комнату.

Приказчик как увидел такую красавицу, тотчас и влюбился в нее; чуть ли с ума не сходит. На другой день насыпал он другое блюдо серебра и золота и опять понес к генералу; поклонился ему, поставил блюдо на стол и говорит: «Позвольте, ваше превосходительство, еще разок взглянуть на вашу супругу!»— «Эй, жена, подай нам водки!» — закри-

чал генерал. Приказчик увидал ее в другой раз и еще больше прельстился. С того времени почал каждый день ходить к генералу, все деньги, товары и самый корабль, все спустил, и сделался чист молодец. Сидит в трактире и не знает, что ему делать.

В это время прибыл в тот город какой-то купеческий сын с тремя кораблями, зашел в трактир и заказал себе хороший обед. Подали ему водки и разных кушаньев; только было принялся он есть, вдруг подходит к нему оборванный и общипанный приказчик, не спрося, выпил водки и стал закусывать. Закусил и не думает за чужую хлеб-соль благодарствовать. «Это что за теребень? вишь какой обдерганный!» — говорит купеческий сын. Отвечает ему теребень: «Коли узнаешь, так сам таков будешь». Взяло купеческого сына любопытство, стал к нему приставать: «Расскажи, пожалуйста». Тот ему рассказал: «Вот,— говорит,— теперь и остался ни при чем; хожу обдерганный».

Захотелось и купеческому сыну посмотреть на генеральшу. «Слушайся меня,— сказал ему теребень,— мы сыграем с генералом такую шуточку, что долго не забудет. Рядом с генеральской квартирой отдается внаймы другая; найми ее и сделай тайный ход к нему в спальню». Купеческий сын так и сделал.

Вот генерал уехал в свое время к государю с докладом, а жену в спальне запер; купеческий сын напустил смелость и тотчас тайным ходом к его жене. Генеральша увидела, что больно хорош собою... А после и говорит: «Ах, купеческий сын, освободи меня от мужа; мне эта каторжная жизнь наскучила».— «Хорошо,— говорит,— можно». Взял у нее мужнину трость и поехал на площадь, где государь развод делал. Ходит да тросточкой помахивает; генерал увидал свою трость, подскочил к нему: «Эта трость моя!» — «Помилуйте, ваше превосходительство, что вы на честного человека клеплете! А я на вас пойду в суд с жалобой».

Генерал сел в дрожки и поспешил домой, а купеческий сын еще скорей его приехал домой и через тайный ход отдал трость генеральше. Генерал отпер жену и спрашивает: «Где моя трость?» — «А вон в углу стоит».— «Ах, ведь я понапрасну поклепал купеческого сына». На другой день купеческий сын взял у генеральши кольцо, генерал опять пристал к нему и точно так же должен был признаться, что напрасно его поклепал. На третий день просит купеческий сын генерала: «Посватайте за меня невесту — рядом с вашей квартирой живет». Генерал рад ему услужить, чтобы только на него за напрасные поклепы не жаловаться; собрался и пошел в соседнюю квартиру. А там уже все готово: сидит какая-то старуха. Генерал посватал купеческого сына за ее дочь. Старуха говорит: «Хорошо, я согласна, надо у дочери спросить». Зовет дочь — выходит к ней генеральша и сказывает: «Я, маменька, согласна». Генерал глаза вылупил: точь-в-точь моя жена. Да побоялся в третий раз вклепаться. Вернулся домой — жена его дома. «Ну,— думает,— хорошо, что остерегся».

Наутро обвенчался купеческий сын на генеральше; сам генерал их посватал и от венца домой проводил да спать уложил. После того приходит он домой — хватился — жены-то нет. Туда-сюда — нет да и только.

Куда делась — никто не знает. Утром бросился к купеческому сыну: «У меня,—говорит,—жена пропала».—«Да, ведь вы, ваше превосходительство, выдали ее за меня замуж!» Генерал рассердился, поскакал к царю; царь разобрал это дело, посмеялся и сказал: «Ну, брат, ты сам ее отдал, так пенять не на кого, оставайся-ка без жены».

37. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король. У этого короля был сын Иван-королевич. Понравилась королю [королевичу] одна из придворных фрейлин — очень собою хороша была! Спознался он с нею и дал ей свой именной перстень. Ни много, ни мало прошло времени,— родила эта фрейлина сына. Король тотчас узнал про все ихнее дело. Приказал ее вместе с ребенком посадить в бочку и пустить в море. Бочка плавала-плавала, остановилась у одного острова и развалилась. Мать с сыном вышла на берег и осталась тут жить.

Вот сын ее рос-рос, да и вырос. В одно время говорит он: «Любезная государыня матушка! Дай мне свое благословление, я поеду службы искать».— «Поезжай с богом». Вот он приехал в тот город, где отец его Иван-королевич царствовал (король-то старый давно помер). Идет по улице и повстречал одного купца. «Господин купец! Возьми меня к себе в приказчики».— «Да ты чей?» — «Я сирота — нет у меня ни отца, ни матери». А собой он был писаный красавец и тотчас же полюбился купцу. «Ну,— говорит,— коли ты сирота, ступай ко мне в приемыши. У меня своих детей нету». Стал купеческий приемыш торговать в лавках, и пошло дело словно по маслу. Старые приказчики только дивуются,— откуда у него такая сметка: барыши сами к нему в карман так и просятся.

В ту самую пору Иван-королевич задумал жениться на одной купеческой дочери — такая красавица была, что люди по десять тысяч за один посмотр давали. Стала купеческая дочь готовиться к свадьбе и послала свою служанку закупать в лавках разных материй. Служанка входит в лавку к купеческому приемышу, а он сидит да игрою на гуслях забавляется. И как хорошо играет! Век бы слушать — не наслушался. Служанка слушала, слушала и забыла, что ей невеста наказывала. Воротилась домой и говорит купеческой дочери: «Простите, сударыня! Так и так, позабыла, зачем меня посылали?»

Захотелось купеческой дочери самой послушать этой чудесной музыки. Оделась и поехала в лавку. А приказчик сидит себе да на гуслях поигрывает. Только что вошла она в лавку, как усмотрела молодца,— тотчас по уши в него влюбилась. А он бросил свои гусли, встал и спрашивает: «Чего вам, сударыня, угодно?» Тут она набрала всяких товаров на несколько тысяч и говорит приказчику: «Со мной теперь денег нет, а ты приходи ко мне вечером попозднее — я тебе дома заплачу».— «Хорошо, приду».

Вечером приказчик запер лавку и пошел к купеческой дочери. Она тотчас повела его в свою комнату, положила на стол острую саблю и

говорит ему: «Коли хочешь жить,— полюби меня, а не станешь любить — сниму с плеч твою буйну голову!». А он и сам непрочь с нею знаться. Скоро они поладили и переспали ночь вместе. «Ну, милый,— говорит ему купеческая дочь,— сделай ты теперьча от своей лавки к моим покоям подземный ход, освети его фонарями и ходи ко мне кажную ночь, чтобы тебя никто из людей не видал. А то, коли королевич узнает, беда нам!»

Приказчик простился с нею, пришел домой и, долго не думая, нанял сейчас работников и вырыл подземный ход от лавки до покоев купеческой дочери. С той поры и начал он к ней похаживать да в свайку поигрывать.

Меж тем Иван-королевич говорит отцу своей невесты: «Батюшка! Пора нам свадьбу играть».—«Да я готов хоть сейчас. Вот что дочка скажет?» А дочка притворилась больной и просит обождать до ее выздоровления. Ждали месяц, и другой, и третий — она все кажет себя больною. Запало королевичу сомнение: «Уж нет ли у нее кого другого, что за меня выходить не хочет». Поставил он везде часовых, чтобы строго смотрели: не ходит ли кто к его названой невесте. Но куда часовым усмотреть, когда ход такой устроен?

Видит королевич, что дело-то неладно. Нарядился в солдатскую шинель и пошел поздним вечером по городу: не проведает ли чего сам? Шел-шел и усмотрел — в лавке огонь светится. «Зачем бы в такое время в лавке огню быть?» Постучался в дверь. «Чего тебе, служба, надобно?» — спрашивает купеческий приемыш.— «Пусти, добрый человек, ночь переночевать. Даром нигде не пускают, а денег нет. Я пришел издалеча». Жалко его стало приказчику. «Ну, говорит, иди!» Ровно в двенадцать часов собрался он к купеческой дочери в гости. Встал потихоньку и пошел подземным ходом. А королевич не спит — все видит. Поднялся, да вслед за ним. Вот таким-то случаем и узнал он, что к его невесте ходит подземным ходом купеческий приемыш, что кажную ночь они пьют-гуляют и спят на одной постели...

На другой день солдат простился с приказчиком и ушел. Приказчик ничего не ведает. А тут вдруг нагрянула стража и королевский указ принесла: велено его взять и в тот же день повесить на торгу на виселице. Народу сбежалось видимо-невидимо. Сам королевич приехал. Только повели купеческого приемыша вешать, а он просит последнее слово сказать: «Есть-де у меня именной перстень, от моего батюшки достался, возьмите его и перешлите на такой-то остров к моей родной матери». Королевич взглянул на перстень и тут же спознал, что этот приемыш его сын. Тотчас велел остановить казнь, обнял его крепко и стал расспрашивать, как и что с ним делалось. После того королевич обвенчал этого молодца на купеческой дочери, а сам женился на его матери.

38. СНЫ

Жил-был бедный мужик, с женой и детьми; в одну ночь приснился ему такой сон: будто под печкою в ихней избе лежит большой медведь. Поутру стал рассказывать свой сон жене; она говорит: «Ах, хозяин, ведь и мне такой же сон был». Дети говорят: «Ах, батюшка, ведь и мы то же самое во сне видели». Задумался мужик: «Недаром всем одно приснилось — сон вещий, да что он пророчит: к беде, али к счастью?» Думал, думал и решил ехать к колдуну Асону, который один на все царство сны судит.

Едет он деревнею, а навстречу ему мальчик: «Дяденька, покатай меня».— «Проваливай! не до тебя!» — «Дяденька, покатай, я тебе доброе слово скажу. Ведь я знаю, куда ты едешь. Ты едешь к Асону посудить сону». Мужик удивился: «Вишь,— говорит,— какой хитрый народился. Садись на телегу!» Посадил мальчика на телегу, прокатил его по деревне, выехал за околицу и спустил наземь. «Спасибо, дядюшка!» — сказывает мальчик,— смотри же: будет у тебя Асон торговать твой сон, не продавай ему дешево: бери сто тысяч. А спросит: кто тебя научил — ты молчи, на меня не показывай».

Вот приехал мужик к Асону: «Так и этак,— говорит,— приснилось мне ночью, будто под печкою лежит большущий медведь, рассуди, что этот сон значит?» Колдун бросился смотреть по своим книжкам, посмотрел и затрясся от радости: «Послушай мужичок, продай мне этот сон!» — «Пожалуй, отчего не продать?» — «Что тебе дать за него?» — «Давай сто тысяч».— «Ах ты, сукин сын,— закричал на мужика Асон и ногами затопал,— что мне в твоем сне — много ли корысти? Хочу пособить тебе при бедности; а он, дуралей, вишь какую цену заломил!» — «Как знаешь, а меньше ни единой копейки не возьму».

Спорили-спорили, ругались-ругались; нечего делать, видит колдун, что мужика не переспоришь, да и цена-то средняя: хоть и сто тысяч заплатить, все другое сто в барышах останется. Насыпал мужику два больших воза деньгами; а наутро приехал к нему на деревню с четырьмя возами. Разломал печь, а там серебра да золота видимо-невидимо. Еле-еле на четырех подводах уложил. Стал в путь собираться и говорит хозяевам: «Послушай, мужичок, скажи, кто тебя научил запросить за твой сон так дорого? Ведь сам ты ни за что б не догадался?» — «Нет, брат, этого не скажу».— «Скажи, вот тебе пять тысяч на прибавку». Мужик тотчас польстился на деньгу и выдал мальчика. После попрощались; колдун домой поехал, а мужик разбогател и зажил себе припеваючи — по-купечески.

На другой день Асон нарядился словно барин, запряг заводских лошадей, сел в коляску и катит прямо на двор к родителям того мальчика, что мужика научил. Приезжает и говорит: «Нельзя ли отдохнуть маленько?» — «Отчего нельзя, отдыхай». Вошел в избу, пошли те, другие разговоры. «Это чей мальчик спит?» — «Мой сын»,— говорит старик. «Послушай, старик, мне твой сынок полюбился. Вижу я — ты живешь при бедности, а у меня и золота, и всякого имения, чего только душа про-

12 Заказ № 207

сит — всего вдоволь. Только детей бог не дал. Отдай мне мальчика, я ему вместо отца буду, в люди выведу, и тебя со старухой награжу деньгами и хлебом». Старик со старухой помялись, помялись и согласились, продали сына за десять тысяч.

Асон взял его сонного, положил в повозку и повез к себе. Приехал домой; мальчик проснулся, смотрит, где это он очутился? «Что глаза-то вылупил? Чай, знаешь, зачем привез тебя...» — «Как не знать,— отвечает мальчик,— затем, чтобы с молодой женой твоей спать». — «Вот, брат, не угадал!» — сказал колдун, зло улыбнулся и крикнул: «Позвать ко мне повара». Повар пришел; он и говорит ему на ухо: «Возьми этого мальчишку, зарежь, вынь из него сердце, изжарь и принеси ко мне». Повар привел мальчика на кухню, достал широкий нож и принялся точить на камне. «Эх, дядя,— говорит мальчик,— ведь я знаю, для чего ты нож точишь». — «А для чего?» — «Да хочешь меня зарезать». — «Правда твоя!» — «Послушай, дядя, пожалей меня — отпусти на волю: тебя бог наградит». — «Я б отпустил тебя, да ведь хозяин у меня хитер; сейчас узнает». — «Не бойся, не узнает. Есть у вас на дворе супоросая свинья, поди-ка, спроси у хозяина сколько она поросят принесет? Он и этого не разгадает».

Повар пошел к Асону, спросил про свинью, воротился и говорит: «Хозяин сказывает, что двенадцать поросят будет» — «Вот и не узнал: ваша свинья уже опоросилась — принесла тринадцать». Повар побежал, справился: как раз тринадцать. «Правда твоя»,— говорит мальчику. «Ну, так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину». Повар так и сделал. Понес поросячье сердце, только переступил порог — и уронил блюдо. Кобель подхватил и съел сердце. «Ну, пес его бери!» — сказал колдун.

А мальчик вышел на большую дорогу и, долго ли, коротко ли, пришел в столичный город. Остановился у гостиных рядов, да на знатные заморские товары любуется. Увидал его купец и взял к себе за приказчика. С того самого времени пошла у купца торговля широкая, покупатели так и валят в лавку, просто отбою нет. Успевай только деньги брать. Время идет, мальчик растет да растет, вырос и сделался таким молодцем да красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

В один день поехала молодая Асонова жена в гостиные ряды за покупками; зашла в самую богатую лавку, увидела этого приказчика и сразу влюбилась в него. Набрала целый ворох всяких товаров и говорит: «Послушай, добрый молодец. Со мной денег не случилось; потрудись сегодня вечером ко мне в дом побывать, я там-то живу». — «Извольте, сударыня». Вечером приехал к ней за деньгами; она тотчас ухватила его за белые руки, повела в свою спальню, стала целовать-миловать, нежно к сердцу прижимать; уложила его на мягкую постель вместе с собой: «Ну,— говорит,— придвинься ко мне плотней, будет нам теплей!» Тут они и слюбилися, и стали часто друг к другу наезжать, вместе ночи коротать.

Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край

выломился. Встал царь поутру и думает: что бы этот сон значил? Сейчас посылает он за колдуном Асоном. «Ну-ка, Асон, рассуди мой сон!» Колдун бросился смотреть по своим книгам, искал-искал — нет, не может разгадать царского сна. Царь рассердился и назначил ему три дня сроку: «Коли не разгадаешь, прикажу тебя казнить». Три дня прошло, повели Асона на площадь и повесили на виселице.

После того разослал царь указы по всей земле: «Коли кто разгадает этот сон, тому пожалует половину своего царства». Услыхал про то молодой приказчик, явился к царю поздним вечером и говорит: «Ваше величество! я могу ваш сон разгадать».— «Ну, разгадай. Скажешь правду — половину царства пожалую, а соврешь — то мой меч, твоя голова с плеч».— «Есть,— говорит, у вашего величества три дочери; скажите, которую царевну вы больше любите, больше жалуете?» — «Все три,— отвечает царь,— мне дороги, а больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет ее на свете дороже».— «Ну, так пойдемте к ней в спальню — там будет разгадка». Пришли к царской спальне, смотрят, дверь заперта. Царь постучался: «Отопри-ка, дочка».— «Ах, батюшка! Я уж спать легла».— «Ничего, отопри».— «Да я не одета».— «Отопри, не то велю дверь выломать!»

Царевна отперлася: входит царь с приказчиком в спальню. Приказчик тотчас подбежал к мамке. Оказывается мамка — мужчина. Царь отдал этому приказчику половину своего царства, царевну наказал, мамку казнил, а о том, что было, велел втайне хранить, лишнего никому не говорить. Приказчик сделался сам царем, женился на Асоновой вдове, разбогател и стал жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

39. КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК

Жил-был купец, старый хрыч, женился на молоденькой бабенке, а у него было много приказчиков. Старшего из приказчиков звали Потапом; детина он был видный, зачал к хозяйке подбираться, так у них дело и сладилось. Стали люди примечать, стали купцу сказывать. Вот купец и говорит своей жене: «Послушай, душенька, что люди-то говорят, будто ты с приказчиком Потапом живешь».— «Что ты, бог с тобой, соглашусь ли я. Не верь людям; верь своим глазам».— «Говорят, он к тебе давно подбирался. Нельзя ли как-нибудь испытать его».— «Ну что ж,— говорит жена,— послушай меня, нарядись в мое платье и пойди к нему в сад — знаешь, где он спит, да потихоньку шопотом и скажи: я-де к тебе от мужа пришла. Вот и посмотришь тогда, каков он есть».—«Ладно»,— сказал купец.

А купчиха улучила время и научила приказчика: как придет муж, хорошенько его поколоти, чтобы он, подлец, долго помнил. Дождался купец ночи, нарядился в женино платье с ног до головы и пошел в сад к приказчику: «Кто это?» — спрашивает приказчик. Купец отвечает шопотом: «Я, душенька!» — «Зачем?» — «От мужа ушла, да к тебе пришла».— «Ах ты, подлая! И то про меня говорят, что я к тебе хожу. А ты

хочешь, чтоб я совсем опостылел хозяину». И давай колотить купца по шее, по спине, да в поволочку: «Не ходи, мерзавка, не срами меня! Я ни за что не соглашусь на такие пакости».

Кое-как купец вырвался, прибежал к жене и говорит: «Нет, милая, теперь никому в свете не поверю, что ты живешь с приказчиком. Как принялся он меня ругать, срамить да бить — насилу ушел».—«Вот видишь, а ты всякому веришь!» — сказала купчиха и с того времени стала жить с приказчиком без всякого страху.

40. «НЕТ!»

Жил-был старый барин, а у него была жена и молода, и собой хороша. Случилось этому барину куда-то уехать далеко. Он боится, как бы жена его не стала с кем... и говорит: «Послушай, милая! Теперь я уезжаю надолго от тебя, так ты никаких господ не примай к себе, чтоб они тебя не смутили, а лучше вот что: кто бы тебе и что бы тебе ни сказывал — отвечай все: «Нет!» да «Нет!» Уехал муж, а барыня пошла гулять в сад. Ходит по саду. А мимо на ту пору проезжал офицер. Увидал барыню такую славную и стал ее спрашивать: «Скажите, пожалуйста, какая это деревня?» Она ему отвечает: «Нет!»

«Что бы это значило, — думает офицер, — о чем ее ни спросишь, она все: нет да нет!» Только офицер не будь промах: «Ежели,— говорит,— я слезу с лошади да привяжу ее к забору — ничего за это не будет?» А барыня: «Нет!» — «А если взойду к вам в сад, вы не рассердитесь?» — «Нет!» Он вошел в сад. «А если я с вами стану гулять, вы не прогневаетесь?» — «Нет!» Он пошел рядом с нею. «А если возьму вас за ручку,— не будет вам досадно?» — «Нет!» Он взял ее за руку.— «А если поведу вас в беседку — и это ничего?» — «Нет!» Он привел ее в беседку.— «А если ..., вы не станете противиться?» — «Нет!»... [Потом он опять спрашивает]: — «Вы теперь довольны?» — «Нет!» — «Ну когда нет...» Еще раз спрашивает: — «А теперь довольны?» — «Нет!» Он плюнул и уехал. А барыня встала и пошла в хоромы.

Вот воротился домой барин и говорит жене: — «Ну что, все ли у тебя благополучно?» — «Нет!» — «Да что же?..» — «Нет!» Что ни спросит, она все: нет да нет. Барин и сам не рад, что научил ее.

41. ЖЕНА СЛЕПОГО

Жил-был барин с барыней. Вот барин ослеп, а барыня загуляла с одним подьячим. Стал барин подумывать ..., и шагу не даст ей без себя сделать. Что делать? Раз пошла она с мужем в сад, и подьячий туда же пришел ... Вот муж-то слепой у яблони сидит, а жена ... с подьячим. А сосед ихний смотрит из своего дома, из окна в сад, увидал, что там строится... и сказывает свой жене: «Посмотри-ка, душенька, что у яблони-то делается. Ну что как теперя откроет бог слепому глаза да увидит он — что тогда будет? Ведь он ее до смерти убьет».— «И, душенька! Вить и нашей сестре бог увертку дает!» — «А какая тут увертка?» — «Тогда узнаешь».

На тот грех и открыл господь слепому барину глаза: увидел он ...— «Ах ты!.. Что ты делаешь, проклятая!» — А барыня: «Ах как я рада, милый мой! Ведь сегодня ночью приснилось мне: сделай грех с таким-то подьячим, и господь за то откроет твоему мужу глаза. Вот оно и есть правда: за мои труды бог дал тебе очи».

42. ДВЕ ЖЕНЫ

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец говорит другому: «Послушай, брат! Давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит».— «Давай. Да как пробу-то сделать?» — «А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая жена пуще станет плакать, та больше и мужа любит». Вот собрались в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается, а другая прощается и сама смеется.

Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой.— «Ишь как тебя жена любит,— говорит один,— как она плакала на прощанье, а моя стала прощаться, а сама смеется!» А другой говорит: «Вот что, брат! Теперя жены нас проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают».— «Хорошо!»

Воротились к ночи и вошли в город пешие. Подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье горько плакала. Смотрят в окошко. Она сидит с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит: «На, милая, выпей!» Она выпила и говорит: «Друг ты мой любезный! Теперь я твоя».— «Вот какие пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!» Она оборотилась к нему задом и говорит: «Вот ему... — один зад!» Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает: «Подаждь, господи, моему сожителю в пути всякого возвращения!» «Ну вот,— говорит один купец другому,— теперь поедем торговать».

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо: такая задача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж домой. Стали собираться и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на ее зад: «Вить мой только зад! Так мне только пол-аршина и надобно — я свою жену не хочу паскудить!» Приехали и отдали женам гостинцы. «Что же ты купил эдакой лоскут?» — говорит жена с сердцем.— «А ты вспомни..., как сидела ты с любовником и говорила, что мой у тебя только зад,— ну, я свою часть и снарядил. Нашей парчу на него да и носи».

43. ЖЕНА ХИМКА

Жил муж Филя, у него жена была Хима — беспечная, сонливая, нерадивая. Раз в летний день пошла она рожь жать; жать не жала, легла в поле и заснула. Приходит Филя, взял ей остриг голову, обмазал тестом, обсыпал пухом и ушел домой. Вот Хима проснулась, схватилась за голову и говорит: «Что б это значило? По уму-то я Хима, а по голове, кажется, нет. Постой, пойду в деревню; узнаю ли свой двор?»

Идет она по деревне, считает дворы, подходит к своему двору и говорит: «Вот наш двор!» Спрашивает хозяина: «Филя, а Филя! Дома ли твоя Хима?» — «Дома». Вот она и пошла прочь от окна. «Постой,— думает,— суну-ка я в подворотню голову; если узнает меня собака, так я Хима, а не узнает — значит не Хима». Сунула голову в подворотню; собака залаяла.

Тут бедная баба совсем поверила, что она не Хима, и пошла к вечеру на большую дорогу. Попадаются ей навстречу воры. Она и просит: «Возьмите меня с собой; я знаю богатого мужика, обворуем его».— «Пойдем». Пошли воровать. Проломали в клети крышу и опустили туда Химу: «Подавай, а мы брать станем». Она набрала себе орехов, а им подала мешок с золою. Воры осерчали: «Черт с ней,— говорят,— бросим ее, пусть сидит там!» Хима услыхала это, навязалась сама на веревку и кричит им: «Тащите, вот добро, так добро». Воры ее и вытащили.

Пошли искать иного места; идут мимо кладбища. «Ну, Химушка, ты посиди пока тут, а мы пойдем к дьякону баранов красть». Воры ушли, а Хима села на могиле, сидит да орехи щелкает. Вышел дьякон помочиться и видит на могиле эдакое чудище. Побежал к попу: «Вставай, батюшка, покойник из могилы вылез, зубами щелкает!» Поп был нездоров, позвал еще дьячка и велел нести себя на носилках: «Пойду,— говорит,— мертвеца отчитывать». Вот дьякон с дьячком несут попа, а Хима думает, что то воры и закричала: «Что, несете?» Дьякон говорит: «Несем!» — «Жирного?» — «Жирного!» — «Ну, скорей давайте, я есть хочу». Дьякон думает: «Что ж, я-то жирнее попа, пожалуй, за меня хватится!» Испугался, бросил попа на земь, да бежать; дьячок за ним, а поп так головой о могильный камень пришелся, что еле-еле к рассвету опомнился. Поутру шел народ на работу, увидел Химу и отвел к мужу.

44. ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА

Жил мужик с бабою; звали его Фомкою, был он большой дурак и трус. Только смеркается, то и на двор побоится выйти. А баба — известное дело, как при таком муже не завести любовника — и таки завела. Один раз Фомка пришел домой пьяный да веселый; еще никогда таким не бывал. Поужинал, снял портки и лег с женой спать. А ночь была темная-темная, дождь как из ведра поливает.

На ту пору постучался к бабе любовник, собака и залаяла. Фомка услыхал, что собака на дворе лает, и давай тюкать: «Тю-тю, тю-тю».—

«Молчи,— говорит жена,— а то волки по деревне ходят, овец режут, пожалуй, к нам зайдут».— «Невжли ты боишься?» — «А ты разве не боишься?» — «Я-то? Да ты знаешь, какой я смельчак? Хочешь: сейчас окно отворю да начну тюкать?» — «А ну, Фомушка, отвори да потюкай». Фомка отворил окно и кричит спьяна: «Тю-тю».— «Ах, Фомушка, затвори окно, не то волки в избу залезут да нас поедят».— «Я ничего не боюсь».— «Экой ты смелый!» — «Э, ты еще меня не знаешь! Хочешь, я выйду в сени да в сенях начну тюкать?» — «А ну, выйди да потюкай в сенях»,— говорит жена, а сама на уме держит, как бы поскорей его на двор выпихнуть.

Фомка вышел в сени и опять: «Тю-тю, тю-тю!» Баба идет сзади да подхваливает: «Ох, Фомушка, какой ты небоязливый! А я думала, что ты побоишься».— «Э, дура, разве не знаешь, какой я хватюга? Я еще отворю двери на двор да еще громче начну тюкать!» — «А ну, попробуй, попробуй, Фомушка!» Фомка отворил двери, высунул на двор голову и снова кричит: «Тю-тю!» Тут баба как толкнет его в шею, выпихнула на двор и заперла двери засовом, а любовника в окно впустила и легла с ним на постель.

Фомка ходит без порток, вокруг избы, намок весь, стучится в окно да просится со слезами в избу. «Какой леший там стучится?» — спрашивает хозяйка.— «Это я»,— говорит Фомка.— «А ты кто?» — «Фома!» — «Какой Фома? Ты — Мора, а не Фома. Мой Фома со мной на постели лежит». А сама шепчет любовнику: «Откликнись ему». Любовник и закричал: «Кой черт там около избы бродит? Вот только выйду на двор, так дам себя знать: так шею накостыляю, что долго не забудешь!»

Бедный Фомка не знает, что и делать. «Видно,— думает,— я пьяной к чужой избе подошел». И начал себя поверять — считает избы. «Вот эта — кумова изба, а это — братова, а эта — Кондратова, а четвертая моя». Постучал опять в окно; а его все не пускают, беда да и только. Пошел к куму, постучался. «Кто там?»— «Это я, кум».— «Чего тебе?» — «Да видишь, кум, я немножко выпивши, не могу до своей избы дойти; проводи меня, пожалуйста». Кум оделся, вышел, смотрит — Фомка без порток в одной рубахе стоит, перезяб, трясется. Провел его до двора и стучится: «Кумушка, ты спишь?» — «Нет, кум, еще не сплю, а что там?» — «Да вот возьми своего Фому, он совсем пьяный».— «Какой там Фома? Это Мора — всю ночь около избы таскается, не дает нам спокою; мой муж давно дома». На ее речи и любовник отозвался. «Что ты, кум, я давно дома; это у тебя Мора. Брось ее к черту!»

Кум испугался, бросил Фому и убежал домой. Что делать Фомке? На дворе холодно, а в избу не попадешь. Принужден был забраться к свиньям в хлев, там и переночевал до утра. На другой день приносит баба свиньям корм, увидала мужа и говорит: «Это ты, Фомушка? Каким манером сюда попал? А я тебя всю ночь проискала».— «Молчи, жена, я и сам себя с похмелья не помню. Видно меня пьяного черти таскали».— «То-то, Фомушка, говорю тебе, не напивайся».

45. ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА

Жила-была старуха, у ней была дочь — большая неряха. За что ни возьмется, все у ней из рук валится. Пришло время — нашелся дурак, сосватал ее и взял за себя замуж. Пожил с нею год и больше и прижил сына. Пришла один раз она к матери в гости. Эта ну ее угощать да потчевать. А дочь ест да сказывает: «Ах, матушка! Какой у тебя хлеб скусный, настоящий ситный, а у меня такой, что и проглотить не хочется,— настоящий кирпич». «Послушай, дочка! — говорит старуха,— ты верно нехорошо месишь квашню, оттого у тебя и хлеб не скусен. А ты попробуй квашню вымесить так, чтобы у тебя... была мокрая! Так и дело будет ладно».

Пришла дочь домой, растворила квашню и начала месить. Помесит-помесит, да подымет подол и пощупает — мокрая ли... Часа два так месила, всю... выпачкала, а узнать не может, мокрая ли у ней или нет? Мальчик посмотрел и говорит: — «Эге, матушка, у тебя все в тесте». Тут она полно месить квашню и спекла с того теста хлебы такие скусные, что, если б знали, как она месила,— никто б и в рот не взял.

III. ПРЕДИСЛОВИЯ А. Н. АФАНАСЬЕВА К «НАРОДНЫМ РУССКИМ СКАЗКАМ»

а) К 1-МУ ВЫПУСКУ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

Между разнообразными памятниками устной народной словесности (песнями, пословицами, поговорками, причитаниями, заговорами и загадками) весьма видное место занимают *сказки*. Тесно связанные по своему складу и содержанию со всеми другими памятниками народного слова и исполненные древних преданий, они представляют много любопытного и в художественном и в этнографическом отношениях. Важное значение народных сказок как обильного материала для истории словесности, филологии и этнографии давно сознано и утверждено даровитейшими из германских ученых. Они не только поспешили собрать свои народные сказки и легенды (Märchen und Sagen), но еще усвоили в немецкой литературе в прекрасных переводах почти все, что было издано по этому предмету у других народов. Конечно, нигде не обращено такого серьезного внимания на памятники народной словесности, как в Германии, и в этом отношении заслуга немецких ученых действительно велика, и нельзя не пожелать, чтобы благородный труд, подъятый ими на пользу народности, послужил и нам благим примером. Пора, наконец, и нам дельней и строже заняться собранием и изданием в свет простонародных сказок, тем более что, кроме поэтического и ученого достоинств подобного сборника, он может с пользою послужить для первоначального воспитания, представляя занимательные рассказы для детского чтения. Разумеется, предпринимая издание с этою последнею целью, необходимо допустить строгий выбор, но такой выбор легко будет сделать. Увлекаясь простодушною фантазиею народной сказки, детский ум нечувствительно привыкнет к простоте эстетических требований и чистоте нравственных побуждений и познакомится с чистым народным языком, его меткими оборотами и художественно верными природе описаниями. Мысль эту разделяли лучшие из наших поэтов: Жуковский и Пушкин, познакомившие публику с некоторыми народными сказками, передавая их простое содержание в прекрасных стихах. Жуковский под конец своей жизни думал исключительно заняться переводом сказок различных народов; а Пушкин в одном из неизданных своих писем говорит о себе: «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

Цель настоящего издания объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на ученое и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок.

Мы не раз уже говорили о доисторическом сродстве преданий и поверий у всех народов индоевропейского племени. Такое сродство условливалось: во-первых, одинаковостью первоначальных впечатлений, возбужденных в

человеке видимою природою, обожание которой легло в основу его нравственных и религиозных убеждений, в эпоху младенчества народов; во-вторых, единством древнейшего происхождения ныне столько разъединенных народов. Разделяясь от единого корня на отдельные ветви, они вынесли из прошлой своей жизни множество одинаковых преданий и доказательства своего изначального родства затаили в звуках родного слова. Доказано, что тою же творческою силою, какою создавался язык, создавались и народные верования и верная их представительница — народная поэзия; образование слова и мифа шло одновременно, и взаимное воздействие языка на создание мифических представлений и мифа, на рождение слова не подлежит сомнению [1]. Теперь, если мы припомним, что народные сказки древнейшей первичной формации сохранили в себе много указаний и намеков на седую старину доисторического периода, что они суть обломки древнейшего поэтического слова — эпоса, который был для народа хранилищем его верований и подвигов,— для нас будет понятно и то удивительное с первого взгляда сходство, какое замечается между сказками различных народов, живущих на столь отдаленных одна от другой местностях и столь разною историческою жизнию. Особенно такое сходство замечается между сказками народов, состоящих в наиболее близком племенном родстве, например между сказками славянскими и немецкими. Читатели убедятся в этих высказанных нами мнениях из подробного сличения народных сказок, на котором мы, с надеждою пояснить многие старинные предания, основываем наши примечания к издаваемому теперь выпуску. При сравнении народных сказок мы пользовались следующими превосходными изданиями:

a) Kinder und Hausmärchen, gesammelt durch die Brüder Grimm. Grosse Ausgabe. Göttingen, 1850, 2 части.

b) Deutsche Sagen, herausgegeben von den Brüdern Grimm. Berlin, 1816.

c) Norwegische Volksmärchen, gesammelt von P. Asbjörnsen und Sorgen Moe. Deutsch von Friederich Bresemann. Berlin, 1847, 2 части.

d) Zeitschrift für Deutsche Mythologie und Sittenkunde herausgegeben von J. W. Wolf. Göttingen, 1853—1854; т. I (4 выпуска) и т. II (2 вып.).

e) Der Pentamerone oder: Das Märchen aller Märchen von Giambattista Basile. Aus dem Neapolitanischen übertragen von Felix Liebrecht. Breslau, 1846, 2 тома.

f) Walachische Märchen, herausgegeben von Arthur und Albert Schott. Stuttgart und Tübingen, 1845.

g) Српске народне приповиjетке, скупио их и на свиjет издао Вук Стеф. Караджич. У Бечу 1853.

h) Два сборника, изданные г. Боричевским: «Повести и предания народов славянского племени. СПБ. 1840» и «Народные славянские рассказы. СПБ. 1844». Г-н Боричевский воспользовался здесь некоторыми эпическими песнями сербов и сборником Войницкого: Klechdy, czyli starožytne podania narodu Polskiego i Rusi. 1836, 2 тома. (Сказки или старинные поверья наро-

[1] См. мою статью «О соотношении языка с народными поверьями» (Акад. извест. по отд. Русск. словесн., 1853) и статью «О мифической связи понятий: света, зрения, огня» и пр. (во 2-й половине II тома Архива, издав. г. Калачовым).

да польского и Руси — именно: Красной Руси, Галиции, Подолии и Волыни.) Из этого последнего издания были переведены также две сказки в «Русском вестнике» 1842 года, № 5 и 6 (в статье: «Казимир Владислав Войницкий», стр. 112) и три сказки в «Москвитянине» того же года № 1 (Смесь, стр. 49). «Народные славянские рассказы», кроме отдельного издания, были напечатаны еще в «Маяке» 1844 года.

Собственно, у нас нет до сих пор ни одного сколько-нибудь полного и удовлетворительного издания народных сказок. Изо всех печатных сборников сказок заслуживают внимания только: а) «Русские народные сказки, собранные Богданом Броницыным. СПБ., 1838. Книжка I, в 16 д.л.». В этой книжке помещено *пять* сказок, записанных, по свидетельству издателя, «со слов хожалого сказочника, крестьянина из подмосковной, которому рассказывал старик, отец его. В них замечателен склад рассказа, представляющего по большей части сбор разномерных русских стихов». б) «Русские народные сказки», издание г-на Сахарова (СПБ., 1841, ч. I). Здесь напечатано *шесть* сказок с отчетливо записанных рукописей XVIII столетия. Если к этим одиннадцати сказкам прибавим еще несколько разбросанных по периодическим изданиям и одну, записанную со слов и напечатанную в 1-м выпуске «Этнографического сборника», издаваемого Русским географическим обществом (с. 247: «Надзей папов ўнук»), то пред нами — все, что сделано для народной русской сказки! Другие сборники сказок, изданные в разное время, не много дадут любителю народной словесности; составлялись они и печатались людьми, мало приготовленными к этому делу, и с целями вовсе не археологическими и не литературными. В сказках видели одну *забаву*, достойную низшего слоя общества или детского возраста, и потому всякий считал за собою полное право переделывать их по-своему. Книжная торговля наша наводнялась и до сих пор продолжает наводняться множеством серых, неприятных, обильных опечатками изданий, в которых под именем народных сказок печатаются столь искаженные, что в них трудно доискаться не только следов народности, но и самого смысла. Здесь допущены и переводы, и переделки, и присочинения — плод собственной досужей фантазии издателей, а меткая и выразительная народная речь заменена бесцветною и не всегда правильною прозою. Упреки наши вполне могут быть отнесены к изданиям сказок Попова, Чулкова и многих других. (См. предисловие к «Русск. нар. сказкам» г-на Сахарова, с. XXXIII—LXXI.) Впрочем, из некоторых печатных сборников [2] можно выбрать несколько сказок не совсем испорченных, но такой выбор требует большой осторожности и достаточного знакомства с сказками, живущими в устах поселян [3].

Существуют у нас еще так называемые *лубочные* сказки, издаваемые грамотниками из простонародья и украшенные грубыми картинками их

[2] «Веселая старушка, забавница детей, рассказывающая старинные были и небыли»; «Дедушкины прогулки, содержащие в себе десять русских сказок»; «Старая погудка на новый лад, или полное собрание древних простонародных сказок»; «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или вторая часть настоящих русских сказок»; «Собрание старинных русских сказок».

[3] То же должно сказать о переделках народных сказок, разбросанных в разных периодических изданиях.

собственного изделия. Начало лубочных изданий относят к XVII столетию (см. «Русск. нар. сказки» г-на Сахарова, с. LXXI и далее); но когда появились в этом виде сказки, решить трудно; по всему вероятию, им принадлежит не очень значительная давность. На лубочных сказках нельзя не заметить очевидного влияния тех печатных сборников, о которых мы сейчас говорили; в содержании их попадаются такие же искажения, а в расположении фраз явственны следы книжного языка. Сверх того, наряду со сказками, в складе и содержании которых, несмотря на некоторую попорченность текста, обнаруживается народный тип,— наряду с такими сказками в лубочные издания попали и повести, не имеющие ни малейших следов народности, таковы: а) «Сказка (полная и краткая) о Бове Королевиче»; повесть эта встречается в рукописях XVII и XVIII веков [4]; она переделана из старинного рыцарского романа [5], б) «История о принце Одольфе Лападийском и о острове вечного веселия»— повесть, тоже занесенная из чужи, о принце Адольфе, который попал на счастливый остров и прожил там более трехсот лет, не стареясь; но когда он оставил остров, Время нагнало его и предало смерти, в) «Повесть о благородном князе Петре, златых ключах и о благородной королевне Магилене»— заимствованная из романа: «Pierre de Provence et la belle Maguelone, fille du roi de Naples». См. «Corps d'extraìts de romans de chevalerie par M. le comte de Fressan, de l'Académie Françoise, à Paris. MDCCLXXXII», т. I, с. 382—442, г) «Сказка полная о славном, сильном и храбром богатыре Добрыне Никитиче, служившем при князе Владимире»— перепечатанная из 1-й части сказок Чулкова: это собственное сочинение Чулкова, наполненное самыми странными и грубыми вымыслами, д) «Сказка о купцовой жене и приказчике» и е) «Сказка о воре и о бурой корове»— обе в стихах: заимствованы из книги «Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были».

В рукописных сборниках сказок (XVII и XVIII столетий) мало сохранилось народных памятников. Г-н Сахаров заимствовал из этого источника только шесть сказок, да еще указал на восемь, в которых, судя по заглавиям и по шести изданным сказкам, должно признать чисто народные произведения [6]. К ним должно присоединить сказку об Илье Муромце и, может быть, сказки о бражнике и о богатыре Еруслане, встретившиеся нам в рукописных сборниках XVIII столетия. Большею же частию сборники эти наполнялись переводными повестями и романами, как, например, «Сказание о королевиче

[4] В собрании рукописей, принадлежавших М. П. Погодину: №№ 1287, 1289 и 1296; в библиотеке графа Ф. А. Толстого, №№ 215 и 415 (Моск. телегр., 1830, № 22, с. 162).

[5] См. Моск. телегр., 1830, № 22, с. 160—162, в статье Макарова «Догадка об истории рус. сказок»: «тут без труда находишь имена Анконы (Антона города), Гвидо (Гвидона), Бовье (Бовы), Дьедоно (Дидона), Марк Брюно (Малкобруна), Амико (Дружевну) и пр.». См. Совр., 1854, № 12, ст. Пыпина, с. 93—97.

[6] «Змей Горынчища», «Соловей сын гостиной Иванович», «Иван гостиной сын», «Алексей Попович», «О чудных и зело умильных гуслях-самогудах», «Емеля-дурачок», «Шемякин суд», «О жар-птице и Иване-царевиче». Последние три попадаются и в лубочных изданиях, а сказка о гуслях — в печатных сборниках. Упоминаемая же г-ном Сахаровым сказка «О семи мудрецах и о юноше» заимствована из чужи и не составляет народного произведения (см. «Дедушкины прогулки»).

Брунсвике», «Повесть о Дракуле Мутьянския земли воеводе» и мн. др.[7] Между этими переводными произведениями попадаются и повести русского состава, издание которых было бы весьма важно и полезно для истории русской словесности [8].

Для предпринятого нами издания «Народных русских сказок» главным материалом послужат сказки, записанные прямо со слов, с сохранением по возможности местных, областных оттенков языка. Кроме сказок, записанных лично мною, в настоящее издание войдет богатый запас памятников этого рода, записанных в разных местах империи и доставленных в императорское Русское географическое общество вместе с другими этнографическими сведениями. По благосклонному содействию своему Общество (в заседании Совета 23 февраля 1852 года) разрешило передать в мое распоряжение имеющееся у него собрание народных сказок (См. «Вестн. Русск. геогр. общ.», 1852 г., кн. 2, с. 61 Приложений). Это прекрасное собрание представляет много в высшей степени любопытного. Многие из этих сказок записаны превосходно, с удержанием всех особенностей народного говора; другие хотя и записаны языком более книжным, нежели простонародным, и не всегда грамотно, но чужды всякого произвольного, нарочно придуманного искажения. Печатая первые, я буду в точности следовать доставленным спискам; относительно же последних решаюсь дозволить себе исправление слова и грамматических ошибок. Под всякою сказкою будет означено: где и кем она записана, исключая только те случаи, когда в присланном списке фамилия доставителя или вовсе не показана, или не могла быть разобрана. Печатными сборниками и лубочными изданиями сказок мы воспользуемся не более как пособием, заимствуя из них варианты там, где это покажется почему-либо интересным, и пополняя собрание устных сказок теми из печатных и лубочных, которые, не противореча народным преданиям, обращают на себя внимание некоторыми указаниями и подробностями; при этом сообщим и несколько изображений, представляющих (в лубочных изданиях) мифических героев: Змея Горыныча, леших и др.

В первый выпуск нашего издания вошло двадцать четыре сказки; из них только две перепечатаны с лубочных изданий; одна заимствована из

[7] См. «Рукописи Слав. и Росс., принадлежащие И. Н. Царскому» — «Библ. Общ. Истор. и Древн. Росс.». Образцы подобных повестей напечатаны в «Русск. вестнике» 1842 года за январь: «Слово о Акире премудром» и «Повесть о Басарге-купце» (с. 54 — 74).

[8] Таковы: повесть о Фроле Скобееве, напечатанная в «Московитянине» 1853 года (№ 1) и «Повесть зело предивная бысть в древние времена града Великого Устюга купца Фомы Грутцына о сыне его Савве, како он даде на себе диаволу рукописание и како избавлен бысть милосердием пресв. Богородицы казанския». («Библ. Общ. Истор. и Древн. Росс.», № 223, с. 106. Погодинск. собр. № 183—1291). Это повесть о Савве Грутцыне, жившем при царе Михаиле Феодоровиче, и история его любви. Приведем любопытную выписку о волхве: «Бысть во граде том (Орле) волхв некий, волшебством своим сказуя, кому какая скорбь приключится или умереть. Гостинник же и жена его... не малое попечение имеют о юноше (Савве), и призва волхва тайно, хотят уведати, какая скорбь приключалась юноше. Волхв же, посмотрев на юношу и (в) волшебные свои книги, и сказа им истину, ако у него нет никакия скорби; только напущена тоска, и тужит по баженниковой жене».

рукописи XVIII столетия, остальные же записаны со слов и по преимуществу заимствованы из материалов, собранных Русским географическим обществом.

Народные русские сказки раскрывают пред нами обширный мир. Поверья и предания, встречаемые в них, говорят о старинном доисторическом быте славянских племен; олицетворенные стихии, вещие птицы и звери, чары и обряды, таинственные загадки, сны и приметы — все послужило мотивами, из которых развился сказочный эпос, столько пленительный своею младенческою наивностью, теплою любовью к природе и обаятельною силою чудесного. Позднее сказка, верная народной жизни, отразила в своих богатырских повестях черты из эпохи великой борьбы христианских идей с языческими. Рядом с богатырями, сражающимися против языческих обрядов, «законных обедов» и чар, стоят богатыри-кудесники, защитники священной для них старины, напоминающие нам летописные рассказы о волхвах XII столетия. Между этими богатырями-кудесниками некоторые сохранили весьма яркие следы древнейшей связи своей с различными силами и явлениями обоготворенной природы. Эти могучие силы и поразительные явления, признанные в эпоху язычества за богов, вследствие обычного развития древних верований воплотились в антропоморфические образы и, сблизившись мало-помалу с человеческими формами и свойствами, снизошли, наконец, с своей недосягаемой высоты на степень *героев*, доступных людским страстям и житейским тревогам, и породили богатырские легенды, повествующие о их чудесных подвигах. Таковы все герои финской поэмы Калевалы и греческие полубоги; таков наш Змей Горыныч, который в «былинах» является уже богатырем, хотя и сохраняет все атрибуты огненного змея (молнии); таковы в народных сказках великаны и богатыри, удержавшие даже свои стихийные названия: Вихорь, Гром и др. Эти сказочные герои удержали за собой то страшное могущество, какое принадлежит силам природы, получили громадные, соответственные этому могуществу размеры и по самому значению своему остались представителями темных начал язычества. Но богатыри-кудесники не могли выдержать борьбы и пали пред всесокрушающим светом возвышенного христианского учения. Сражаясь против языческой старины, христианские витязи наших эпических сказаний выносят еще на своих крепких плечах беспрестанные и беспощадные битвы и с *погаными* азиатскими кочевниками и отстаивают независимость и государственные основы родной земли. Любопытно, что народное предание богатырей-кудесников, представителей своего собственного доисторического быта, делает защитниками басурманства и таким образом смешивает две различные эпохи.

Еще позднее — и народная сказка, свидетельствуя нам о некоторых чертах древнего новгородского быта (см. Русс. нар. сказки Сахарова), вводит читателя в мир действительных событий и через то сближает его с чисто историческим эпосом Слова о полку, малороссийских дум и народных песен о Грозном, Петре Великом и других знаменитых деятелях.

Составляя вместе с «былинами» отрывки старинного эпоса, сказки уже по тому самому запечатлены прочным художественным достоинством. В доисторическую эпоху своего развития народ необходимо является поэ-

том. Обоготворяя природу, он видит в ней живое существо, отзывающееся на всякую радость и горе. Погруженный в созерцание ее торжественных явлений и таинственных сил, народ все свои убеждения, верования и наблюдения воплощает в живые поэтические образы и высказывает в одной неумолкаемой поэме, отличающейся ровным и спокойным взглядом на весь мир.

Народные русские сказки проникнуты всеми особенностями эпической поэзии: тот же светлый и спокойный тон; то же неподражаемое искусство живописать всякий предмет и всякое явление по впечатлению, ими производимому на душу человека; та же обрядность, высказывающаяся в повторении обычных эпитетов, выражений и целых описаний и сцен. Раз сказанное метко и обрисованное удачно и наглядно — уже не переделывается, а как будто застывает в этой форме и постоянно повторяется там, где это признано будет необходимым по ходу сказочного действия. Оттого, несмотря на неподдельную красоту языка, народные сказки поражают однообразностью, тем более что и темы рассказов, и действующие лица, и чудесное — в большей части подобных произведений повторяются, с небольшими отступлениями. Народ не выдумывал; он рассказывал только о том, чему верил, и потому даже в сказаниях своих о чудесном — с верным художественным тактом остановился на повторениях, а не отважился дать своей фантазии произвол, легко переходящий должные границы и увлекающий в область странных, чудовищных представлений.

При всем однообразии, замечаемом в народных сказаниях, в них столько истинной поэзии и трогательных сцен! С какой поэтической простотой, например, передана в сказке встреча Федора Тугарина с Анастасией Прекрасною.

Поехал Федор странствовать. Едет, едет и на пути видит: лежат три рати-силы побитые. «Кто здесь живой,— окликает странствующий герой,— скажи: кто побил эти рати?» В ответ ему слышится голос: «Подай воды напиться». Подает Тугарин воды раненому и узнает от него, что победила все три рати Анастасия Прекрасная, а сама отдыхает теперь в шатре. Приехал Тугарин к шатру Анастасии Прекрасной, привязал своего коня, вошел в палатку, лег сбоку девицы и заснул. Анастасия Прекрасная проснулась прежде; разбудила незваного гостя и сказала: «А что — станем биться или мириться?» Отвечал ей Тугарин: «Коли кони наши станут биться, тогда и мы попробуем силы!» — и спустили они своих коней. Кони обнюхались, стали лизать друг друга и пошли дружно пастись вместе. Тогда Анастасия Прекрасная сказала Федору Тугарину: «Будь ты мне мужем, я тебе — женою!»

Как ото всех народных произведений, от сказок веет поэтическою чистотою и искренностию; с детскою наивностию и простотою, подчас грубою, они соединяют честную откровенность и свои повествования передают без всякой затаенной иронии и ложной чувствительности. Мы говорим о сказках древнейшего образования. В позднейшем своем развитии и сказка подчиняется новым требованиям, порожденным развитием дальнейшей жизни, является послушным и прочным орудием народного юмора и сатиры и утрачивает первоначальное простодушие (см. сказки о Ерше Ершовиче сыне

Щетинникове, о Шемякином суде и др.). Но всегда сказка, как создание целого народа, не терпит ни малейшего намеренного уклонения от добра и правды; она требует наказания всякой неправды и представляет добро торжествующим над злобою. Напечатанная в настоящем выпуске сказка «О Правде и Кривде» задает практический вопрос: как лучше жить — правдою или кривдою? Здесь выведены два лица, из которых каждый держится противоположного мнения: правдивый и криводушный. Правдивый — терпелив, любит труд, без ропота подвергается несчастию, которое обрушилось на него по злобе криводушного, а впоследствии, когда выпадают на его долю и почести и богатство, он забывает обиду, какую причинил ему криводушный, вспоминает, что некогда они были товарищами, и готов помочь ему. Но чувство нравственное требует для своего успокоения полного торжества правды — и криводушный погибает жертвою собственных расчетов. На таком нравственном начале создалась бо́льшая часть сказочных интриг.

Несчастие, бедность, сиротство постоянно возбуждают народное участие. Целый ряд сказок преследует нелюбовь и ненависть мачехи к падчерицам и пасынкам и излишнюю, зловредную привязанность ее к своим собственным детям. Этот характер мачехи, выставляемый народными сказками, составляет одно из самых характерных указаний на особенности патриархального быта и вполне оправдывается и древним значением сиротства и свадебными песнями о судьбе *молодой* среди чужой для нее семьи. Мачеха, по народным сказкам, завидует и красоте, и дарованиям, и успехам своих пасынков и падчериц, особенно если сравнение с этими последними ее собственных детей, безобразных и ленивых, заставляет ее внутренне сознаваться в том, чему так неохотно верит материнское сердце. Мачеха начинает преследовать бедных сирот, задает им трудные, невыполнимые работы, сердится, когда они удачно выполняют ее приказания, и всячески старается извести их, чтобы не иметь перед глазами постоянного и живого укора. Но несчастия только воспитывают в сиротах трудолюбие, терпение и глубокое чувство любви ко всем страждущим и сострадания ко всякому чужому горю. Это чувство любви и сострадания, так возвышающее нравственную сторону человека, не ограничивается тесными пределами людского мира, а обнимает собою всю разнообразную природу. Оно одинаково сказывается при виде раненой птицы, голодного зверя, выброшенной на берег морскою волною рыбы и больного дерева. Во всем этом много трогательного!.. Нравственная сила спасает сироту от всех козней; напротив, зависть и злоба мачехи подвергают ее наказанию, которое часто испытывает она на родных своих детях, испорченных ее слепою любовью и потому гордых, жестокосердных и мстительных.

С этой точки зрения особенно интересною представляется нам роль младшего из трех братьев, действующих в сказке. Бо́льшая часть народных сказок, следуя обычному эпическому приему, начинается тем, что у отца было три сына: два — умные, а третий — *дурень*. Старшие братья называются умными в том значении, какое придается этому слову на базаре житейской суеты, где всякий думает только о своих личных интересах; а младший — глупым в смысле отсутствия в нем этой практической мудрости: он

простодушен, незлобив, сострадателен к чужим бедствиям до забвения собственной безопасности и всяких выгод. Согласно с этим слова́ *хитрый* и *злой* в областных говорах значат: ловкий, искусный, умный, острый [9]. Народная сказка, однако, всегда на стороне нравственной правды, и по ее твердому убеждению выигрыш постоянно должен оставаться за простодушием, незлобием и сострадательностью меньшого брата. Очевидно, что эпическая поэзия истинно разумным признает одно добро, а зло хотя и слывет таковым между людьми, но вводит своих поклонников в безвыходные ошибки и нередко подвергает их неизбежной гибели; следовательно, оно-то и есть истинно неразумное. В сказке: «Норка-зверь» три брата отправляются искать этого чудного зверя; им предстоят многие опасности. Старшие братья обнаруживают при этом всю слабость духа и отстраняют от себя трудный подвиг, но когда третий брат смелостью преодолевает все опасности — они замышляют завладеть добытым им счастием и посягают на самую жизнь этого добродушного дурня. На возвратном пути из стран подземного мира он готов был уже подняться на Русь по нарочно опущенному канату, но братья обрезывают канат и лишают его последней надежды возвратиться когда-нибудь в родную семью. В такой беде его спасает то высокое чувство любви, которое не допускает в сердце бедняка ни малейшего ожесточения даже после столь горестного обмана. Оставленный в подземном царстве, младший брат заплакал и пошел дальше. Поднялась буря, заблистала молния, загремел гром, и полился дождь. Он подошел к дереву с надеждою укрыться под его ветвями от непогоды; смотрит, а на том дереве сидят в гнезде маленькие пташки и совсем измокли от дождя. Сострадательный дурень снял с себя одежу и накрыл птичек. Вот прилетела на дерево птица, да такая огромная, что затмила собой дневной свет, и как увидала своих детей накрытыми — спросила: «Кто покрыл моих пташек? Это — ты! Спасибо тебе: проси от меня чего хочешь!» — и, по просьбе бедняка, выносит его на своих могучих крыльях на Русь.

Таково в немногих словах значение народной сказки. Нет сомнения, что в ней найдется многое, что не может удовлетворить нашим образованным требованиям и взглядам на природу, жизнь и поэзию; но если в зрелых летах мы любим останавливать свой взгляд на детских играх и забавах и если при этом невольно пробуждаются в нас те чистейшие побуждения, какие давно были подавлены под бременем вседневных забот, то не с той ли теплою любовью и не с теми ль освежающими душу чувствами может образованный человек останавливать свое внимание на этой поэтической чистоте и детском простодушии народных произведений [10].

Александр Афанасьев.

1 декабря 1854 г.

[9] Отеч. зап., 1852. Критика. Ноябрь, с. 16.

[10] Считая издание наше далеко не излишним в русской литературе, мы обращаемся ко всем любителям народного слова с покорнейшею просьбою о доставлении нам имеющихся у них собраний русских народных сказок, записанных со слов (с означением места, где сказка записана) или заимствованных из старинных рукописных сборников (с означением времени, к которому должно относить рукопись). Обещаемся напечатать эти материалы с указанием имен доставителей, если только они не пожелают скрыть своей фамилии.

6) К ПРИМЕЧАНИЯМ 2-ГО ВЫПУСКА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

Самый важный, любопытный, но вместе и самый трудный вопрос, рождающийся при издании памятников устной народной словесности,— это вопрос о их древности. Памятники эти, оставаясь весьма долгое время незаписанными и сберегаясь в народе простою передачею на словах от одного поколения к другому, необходимо подвергаются самым разнообразным влияниям. В течение целых столетий каждое поколение налагает на них свою печать, подчиняя изменениям и язык и самое содержание произведения. Указать исторический ход подобных изменений не легко и едва ли возможно при современном состоянии русской филологии. Все это прилагается и к народным сказкам даже более, нежели к другим произведениям устной словесности. Пословицы и поговорки, ради самой краткости своего выражения и ради постоянного применения их к житейским случаям, а песни ради стихотворного своего склада, живее сохраняются в памяти и подвергаются сравнительно меньшим переделкам. Сказка не представляет таких счастливых условий: свои эпические повествования она передает в прозаической форме, более доступной произволу рассказчика. «Сказка — складка,— говорит простолюдин,— а из песни слова не выкинешь». Чем ранее приступили бы к записыванию народных сказок, тем ближе были бы эти списки к первоначальным образцам. Но и теперь записанные народные сказки хотя и носят на себе явные признаки позднейших влияний, содержат много полезных и любопытных указаний. В языке сказочном довольно уцелело старинных оборотов и форм, которыми в свое время необходимо воспользуется историческая грамматика; что же касается содержания — нужно заметить, что сказка народная может быть весьма нова по языку и заключать в себе предания глубочайшей древности; даже ее основа и все подробности рассказа могут принадлежать, как не раз было указываемо исследователями, эпохе доисторической. Исключать подобные сказки издатель считает делом неизвинительным.

Вот почему я не мог решиться при издании народных русских сказок различать их, по мере давности, на древнейшие и позднейшие и положительно причислять к тому или другому столетию; такая задача выходила бы из пределов возможного. Чтобы удовлетворить строгости ученых требований, можно бы разделить сказки по наречиям: великорусскому, белорусскому и малорусскому, распределив каждый из этих отделов по губерниям; с другой стороны, можно бы печатать рядом сказки одинакового содержания, но разных редакций, дабы таким образом нагляднее показать, как один и тот же сказочный мотив варьируется в различных местностях. Но такое систематическое издание — в настоящее время труд несколько ранний. Надо наперед собрать и подготовить для того все необходимые материалы, которые достаются не разом, а исподволь, понемногу. Не располагая еще собранием материалов, достаточным для издания строго систематического, я не хотел, в ожидании новых, не всегда верных присылок, отложить дело в сторону на весьма неопределенный срок и, сообщая народные русские сказки по мере их накопления в моих руках, думал вызвать через то и других к

собранию этих столько интересных памятников народного слова. Когда материалы будут собраны, сличены и объяснены, тогда нетрудно будет приступить к новому изданию и еще легче будет распределить их в том или другом порядке. Теперь же при каждом новом выпуске моего сборника буду прилагать и варианты к напечатанным уже сказкам, по вновь получаемым мною спискам.

в) К 4-МУ ВЫПУСКУ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ

В настоящем выпуске «Народных русских сказок» напечатаны сказки, собранные В. И. Далем. Свое богатое собрание народных сказок он передал, по моей просьбе, мне для издания этих любопытных материалов в свет, что теперь отчасти и выполняется. Собрание В. И. Даля заключает в себе более тысячи списков. Само собою разумеется, что в этом числе довольно попадается и таких, которые записаны весьма слабо, неотчетливо и по содержанию своему указывают на заимствование из печатных книг (например, из «Тысяча одной ночи») или вовсе не представляют ничего занимательного (таковы некоторые солдатские рассказы). Вообще относительно языка собранных г-ном Далем сказок следует заметить, что очень немногие переданы с соблюдением местных грамматических форм. Несмотря на то, собрание это весьма важно. Оно, во-первых, содержит в себе много в высшей степени интересных сказаний и легенд: это можно видеть уже из напечатанных в настоящем выпуске сказок, и еще более оправдываются слова наши при издании дальнейших выпусков. Оно, во-вторых, весьма обильно вариантами, и если это обстоятельство значительно уменьшает численное количество входящих в его состав сказок, то, с другой стороны, этим самым дана возможность поверять один список другим и хотя приблизительно восстановить народный рассказ в его первоначальной простоте. От лица науки и любителей русской народности приносим здесь искреннюю благодарность просвещенному собирателю, который с такою живою любовью и так много трудов посвятил на пользу народного слова.

В заключение прибавим, что некоторые очень любопытные сказки из собрания В. И. Даля, к сожалению, не могут быть допущены в печать, ради нескромности своего содержания: героем подобных рассказов чаще всего бывает *попов батрак*. Здесь много юмору, и фантазии дан полный простор.

IV. ЗАМЕТКА АФАНАСЬЕВА О СКАЗКЕ «ЕРУСЛАН ЛАЗАРЕВИЧ»

Сказка о славном и сильном витязе Еруслане Лазаревиче одна из наиболее любимых у грамотного простонародья; она распространена во многих рукописных сборниках (XVII и XVIII столетий), в лубочных листках и картинах и в серых изданиях вроде «Лекарства от задумчивости и бессонницы» (Москва, 1819) и «Собрания старинных русских сказок» (Москва, 1830).

При изучении устной народной словесности нельзя не обратить на нее внимания, потому что, несмотря на встречающиеся в ней чуждые нам имена (Еруслан, царь Картаус, вещий конь Араш) и на очевидное влияние на ее состав приемов письменной литературы, в сказке об Еруслане есть много прекрасных эпических выражений и тех обычных сказочных мотивов, какие составляют исконную принадлежность всех индоевропейских народов. На эти-то сказочные мотивы и намерены мы указать в настоящей заметке. Но для этого необходимо изложить самое содержание сказки, что мы и делаем по тексту, напечатанному в «Летописях русской литературы и древности» (1859, кн. IV, стр. 100—128), пользуясь отчасти и тем списком, который помещен в «Памятниках старинной русской литературы» (вып. II, стр. 325—339): оба означенные текста взяты из рукописей XVII века и в несомненной свежести сохранили чистоту народного языка и эпического предания.

Был некий царь Картаус (Киркоус), а у него дядя князь Лазарь Лазаревич; у того Лазаря родился сын Еруслан Лазаревич. Как было Еруслану десять лет, стал он ходить на улицу и шутить шутки не гораздо добры: кого возьмет зá руку — у того руку вырвет, кого зá ногу — тому ногу выломит. Царь приказал выслать его из царства вон. Еруслан о том не тужит, а тужит об одном, что нет у него коня по мысли: ни один конь его поднять не может. Вот выстроили ему каменную палату у синя моря и выслали из царства. Учал Еруслан гулять по лукоморью и стрелять по тихим заводям гусей-лебедей: как натянет лук да выстрелит — ино как из тучи гром грянет, а по чему стрéлит — того не грешит (не промахнется).

Однажды подъехал к нему человек, сошел с своего сивого коня, ударил челом низко и промолвил: «Дай-де бог здравие государю нашему Еруслану Лазаревичу!»— «Ты меня почему знаешь?» — «Как мне не знать тебя! Я, господине, отца твоего старой конюх, гораздой стрелец, сильной борец: стерегу стада уже тридцать лет, а зовут меня Ивашко». Еруслан ему признался: «Тужу-де я, что нет у меня коня по мысли». Ивашко молвил: «Есть, господине, в отцове стаде жеребец третьим летом; ни у кого еще в руках не бывал, а тебе, чаю, по мысли будет». Когда пригнал он стадо на водопой, Еруслан накинул на того жеребца тесмяную узду и дал ему имя вещий Араш; а был жеребец величиной мало не с палатою равен. Сел богатырь на коня, поскакал в чистое поле и наехал на рать-силу Данила князя Белого, который пришел под царство Картаусово и похвалялся все это царство

разорить, самого царя и двенадцать богатырей его в полон взять. Еруслан хочет с Данилою в бой вступать; говорит ему отец: «Ты еще молод, ратное дело тебе не за обычай!» — «Государь батюшка! — отвечал сын.— Не учи ты гоголя по воде плавать, не учи нас, богатырей, на ратное дело ездить».

Напускался он на своем добром коне на рать-силу Данила Белого и стал побивать ее. Много было воинства вражьего — ни в которую сторону не объехать, ни оком обозреть! Еруслан все порешил, сколько побил, а вдвое того от его зычного голоса наземь попадало и смертью померло; самого Данилу отпустил он на слове, чтобы впредь ему не приходить больше под государство Картаусово. Совершив такой подвиг, отправляется Еруслан в путь-дорогу; едет он много дней и видит — в чистом поле великая рать побита: кликнул богатырским голосом: «Есть ли в этом побоище жив человек?» Отозвался ему жив человек, и спросил его Еруслан: «Чья это рать побита: и кто побил ее?» — «Это рать Феодула-змея, а побил ее Иван русский богатырь, и не одну эту рать, а много побил он: хочет у змея понять за себя дочь-царевну».

Поехал Еруслан искать Ивана русского богатыря; близко ли, далеко ли — стоит в чистом поле шатер с золотою маковкою; у шатра богатырской конь встреножен. Рядом с тем конем Еруслан своего поставил к белоярской пшенице, и вошел в шатер; а там лежит Иван-богатырь и крепко спит. Еруслан лег возле и сам уснул. Пробудился Иван русский богатырь, посмотрел на гостя и ужаснулся; выглянул из шатра — ажно вещий Араш отбил его доброго коня от корму прочь. Емлет Иван острой меч и хочет отсечь Еруслану голову, да помыслил в уме своем: «Не честь убить сонного человека! Сам он приехал в тé поры, как я спал богатырским сном, и воля ему была убить меня сонного, и он меня не убил, а живот дал». Разбудил он Еруслана, и выехали они силы пробовать Еруслан ударил Ивана-богатыря тупым концом копья против сердца и свалил его на сырую землю; а вещий Араш наступил ему копытом на ожерелье. Еруслан дал побежденному живот; тут они назвались братьями: Еруслан большим, а Иван младшим.

Вся эта прекрасная сцена богатырского великодушия целиком встречается в сказке об Иване-царевиче и Белом Полянине (№ 96) [1], из которых последний долгие годы сражался с бабой-ягою, желая доступить ее прекрасную дочь. Еруслан помогает своему названному брату в войне с Феодулом-змеем, и когда змей в бегство ударился — он поскакал за ним в погоню. У обоих у них были жеребцы быстрые — родные братья, рожденные от тех славных водяных (морских) коней, о которых не раз упоминают народные сказки; словно соколы летели они чистым полем и по озеру скакали поверх воды, словно пó мосту. Еруслан настиг-таки Феодула-змея и рассек его, а дочь Феодулову, прекрасную царевну, отдал Ивану русскому богатырю. Лег Иван с своей красавицей опочив держать и стал спрашивать: «Душечка моя, свет красная царевна! Доставал я тебя и добром и лихом, скажи-ка мне правду: есть ли где тебя краше, а брата моего Еруслана удалее?» Отвечала царевна: «Чем я красна и хороша? Есть, господине, в поле —

[1] В настоящем издании — № 161 (*Ред.*).

кочуют две царевны, и у тех царевен краше меня девки, что им на руки воду подают; а брата твоего Еруслана есть удалее Ивашко Белая Поляница (вариант: Белая Епанча), индейского царя сторож; стоит он на украйне, и мимо его никаков человек не проедет».

Услыхал эти речи Еруслан Лазаревич и захотел ехать посмотреть на тех царевен и с Ивашком Белой Поляницей переведаться; а наперед того вздумалось ему побывать у отца, у матери и ударить им челом. Приезжает в царство Картаусово, а оно совсем пусто, только и нашел одного человека и узнал от него, что третий год тому, как Данило Белой повоевал все царство, царя Картауса, князя Лазаря и двенадцать богатырей в полон взял, выкопал у них очи и посадил в своем городе в крепкую темницу, а достальных людей мечом высек. Еруслан поскакал в государство Данилово, перебил у темницы всю стражу и навестил пленных. Сказал ему князь Лазарь: «Сыне мой! Только хочешь послужить великому царю Картаусу и мне, своему отцу, и двенадцати богатырям, и ты поезжай за тихие воды, за теплое море, к вольному царю Огненному Щиту, Пламенному Копью; убей его и добудь из него желчи». Еруслан отправился искать вольного царя, и наехал на кряковистый дуб добре велик посеред поля, и остановился под ним, не ведая, какой дорогою ехать.

Ровно в полдень летит великое стадо птиц-хохотуней, сели кругом дуба и учали изметоваться красными де́вицами. Еруслан поймал одну девицу. «У вас,— говорит,— крылья; вы летаете по многим землям и царствам; не слыхали ли, где живет вольный царь Огненный Щит?» — «Есть такой царь, да никаков человек его видеть не может».— «Не говори того, а лучше поставь меня в его царство; не то не быть тебе живою, и отпуску от меня не жди!» — «Господине Еруслан, зажмурься, и я поставлю тебя куда надобно». Еруслан зажмурился да ступил трижды на своем добром коне — и очутился как раз в чистом поле под государством вольного царя Огненного Щита. На том поле, знать, побоище великое, посреди побоища лежит богатырская голова добре велика.

Говорит голова Еруслану: «Есть-де подо мною меч таков, что опричь того меча никакое железо не возьмет вольного царя. И я с тем мечом выехал было против царя Огненного Щита, чаял убить его: а он выехал на осьминогом коне, да, не допущаючи, сжег меня, и я, падая с лошади, кинул свой меч себе под голову. Супротив вольного царя ничем нельзя взять, как только хитростью». Послушался Еруслан головы и решился: где нельзя одолеть силою, там взять хитростию. Приехал он к вольному царю Огненному Щиту, попросился к нему на службу и вызвался добыть ему из-под головы великана чудодейный меч. Голова сама скатилась и отдала ему меч с таким наказом: «Не секи царя больше одного разу; ударишь в другой — тебе самому не быть живым». Как скоро въехал он на царский двор, царь Огненный Щит, не ожидая измены, бросился к нему навстречу; а Еруслан подпустил его близко, ударил мечом и рассек надвое. Падая наземь, вольный царь молвил: «Секи вдругорядь!» — «Дважды богатыри не секут!» — отвечал Еруслан, вспорол у царя Огненного Щита могучую грудь, вынул желчь (вариант: взял в вощаночку кровь горячую и печень свежую) и положил в сумку. После поехал к голове великана и

помазал ее желчью — и тот богатырь стал жив. Тут они поцеловались и отправились каждый в свою сторону. Воротившись к Картаусу, Еруслан помазал ему, отцу своему Лазарю и двенадцати богатырям глаза желчью — и они тотчас прозрели; а Данила Белого за его обман и ложную клятву предал смерти.

Этот рассказ в высшей степени интересен и целиком принадлежит мифологии. Вольный царь — Огненный Щит, Пламенное Копье, сожигающий своих противников, а сам ни в огне не горит, ни в воде не тонет, — и есть олицетворение солнца, которому в заговорах придается эпитет привольного и которое у древних поэтов и в мифологических преданиях различных народов изображается под видом щита и колеса. Вуотан, по древним германским сказаниям, имел один глаз (солнце), который назывался и щитом и колесом; одинокий глаз циклопов также уподоблялся щиту. Солнечный луч, равно как и молния, был сближаем метафорически с стрелою и копьем; удар этого копья рассеивает темноту ночи и заволакивающих небо туч. По скифскому преданию, от Солнца родилось три сына-героя: один из них Щит (Hleipoksais), другой Стрела (Arpoksais). (См. «Летописи русск. литературы и древности», кн. I, с. 134). В одной народной русской сказке (№ 60[2]) баба-яга, преследуя добрых молодцев, палит огненным щитом на все на четыре стороны. Царь Огненный Щит выезжает на восьминогом коне, подобно скандинавскому Одину, у которого был превосходный конь Слепнир о восьми ногах. Поезды Солнца на чудесных конях и в золотой колеснице известны во всех мифологиях.

Далее: царь Огненный Щит живет зá морем, что совпадает с общераспространенным языческим представлением о погружении солнца в океан, представлением, которое породило поэтический миф о купанье солнца после дневного странствования его в небесных пространствах. Сияние солнца и блеск золота производят то же впечатление желтого цвета, как и желчь, и это послужило основанием их лингвистической и мифической связи. Слова: *желтый, желчь*, в Остромировом евангелии *злъчь, зълъчь*, чешское *zluty* — *золотой, злато* — филологически тождественны; *злато* в зендском *зара* филологи сближают со словами *заря, зреть* и *зрак* (у нас — око, у сербов — солнечный луч). Все атрибуты древнего божества солнца представлялись золотыми; народная поэзия дает один постоянный эпитет и солнцу и золоту: *красное*. О связи понятий света и зрения смотри подробное исследование, помещенное во II кн. Архива г. Калачова (2-я половина). В санскрите *агни* означало: огонь, божество огня, желчь и золото («Материалы для сравнительн. словаря и грамматики», т. II, с. 242). Если зрение понималось как свет, а слепота приравнивалась тьме, то и выражения: *возвратить зрение, избавить от слепоты* могли употребляться для обозначения солнца, прогоняющего ночную тьму или выходящего из-за туч; с другой стороны, свет солнца сближался с желчью и назывался ее именем.

Очевидно, что и в приведенном сказании об Еруслане под желчью, дающей зрение, надо понимать именно солнечный свет, без которого нельзя ничего видеть, ибо тогда все скрывается во мраке. Из одного источника с

[2] В настоящем издании — № 105 (*Ред.*).

этою любопытною баснею возникли и обряды, до сих пор известные в народной медицине: так, во время кори и оспы *глаза* больного нарочно обводят *золотым кольцом* (*кольцо* и *колесо* одного корня) — с тою целью, чтобы болезнь не повредила зрению; во время же болезни глаз обыкновенным и лучшим лекарством почитается желчь (см. выдержки из старинного лечебника XVII века, советующие в таком случае употреблять желчь совы, лебедя, козы или коровы — в «Пермск. сборнике», кн. II, с. XXXIII). Подобный рассказ занесен и в народную русскую сказку, напечатанную нами под № 119-а[3]. Иван-царевич едет к Огненному Царю, который на тридцать верст огнем палит; добывает из-под убитого богатыря-великана меч-кладенец, этим мечом поражает Огненного Царя и находит у него живую и мертвую воду, с помощью которой оживляет мертвого великана, точно так, как Еруслан делает это желчью. Самое изображение царя Огненного Щита, Пламенного Копья весьма характеристично.

Заслуживает внимания и та особенность, что убить его можно только чудодейственным мечом и хитростью и что удар должен быть нанесен один раз; тот же совет не ударять дважды дается и другим сказочным героям, направляющим свои силы против различных мифических лиц: Вихря, бабы-яги и др. (см. № 95, № 71 и № 81[4]). От огненного змея чаровник может отделаться, поразив его сонного, но для того должен ударить его со всего размаху один раз; если же ударит его в другой, то змей оживет («Могилевск. губерн. ведомости», 1851, № 19).

Девы-птицы, с которыми встречается Еруслан на пути к вольному царю, часто упоминаются в сказках у всех индоевропейских народов (см. примечание к № 125[5]). Впрочем, эпизод этой встречи внесен только в ту редакцию сказки, какая напечатана в «Летописях» г. Тихонравова; в других же списках нигде его не находим.

Возвратив царю Картаусу свободу и земли, Еруслан отправился в дальние страны доезжать хваленых царевен. Прибыл к ним в шатер, взял старшую на постель и стал выспрашивать: «Есть ли где вас, царевен, краше, а меня удалее?» Отвечала царевна: «Есть, господине, у индейского царя красная царевна; мы ей обе в ногу не судны. А тебя удалее Ивашко Белая Поляница». Еруслан рассердился, сшиб ей голову и взял к себе меньшую сестру. На сделанный ей вопрос она отвечала: «Есть Ивашко Белая Поляница, индейского царя сторож — тот силен, а ты, господине, удал же; обоих вас бог ведает, кто из вас удалей будет». Еруслан оставил ее живою и поехал в индейское царство; ехал, ехал, и видит — на рубеже того царства спит человек на коне, копьем подперся. Еруслан разбудил его и сказался, кто он таков. «Слыхал про тебя,— отвечал Ивашко,— да два богатыря в поле не живут!» Стали силами мериться: Еруслан сбил его с коня и говорит: «Пожалел бы тебя, да за то убью, что тобой девки хвалятся!» И проколол его копьем. Приезжает он в индейское государство, а там беда приключилася: стало выходить из озера чудо (змей) о трех головах

[3] В настоящем издании — № 206 (*Ред.*).
[4] В настоящем издании — №№ 160, 128—130, 142 (*Ред.*).
[5] В настоящем издании — №№ 219—226 (*Ред.*).

и емлет всякой день по человеку: уже дошла очередь до царевны. Еруслан вызвался защитить ее от чуда, а царь обещал отдать ему за то дочь в супружество и с ней половину царства. Повели царевну к озеру, и Еруслан поехал: «Не бойся! — говорит он девице.— Молись богу да смотри на озеро: как учнут волны являться — разбуди меня». А сам уснул крепко. Начали подыматься волны — стало чудо показываться, царевна его будит и не может никак разбудить, вынула нож и поколола его в стегно. Еруслан проснулся, и началась битва. Чудо дает ему за свою жизнь выкуп великий — камень самоцветный. Еруслан камень взял, а врага убил. Вся эта сцена с теми же подробностями о крепком сне богатыря перед битвою составляет обыкновенный, часто повторяемый мотив в сказках арийских племен (см. примечание к № 68 [6]). Женился Еруслан на царевне и стал ее спрашивать, есть ли кто ее краше, а его, мóлодца, удалее? «Чем я, господине, красна и хороша? Есть *на море солнечный град, а в том городе царствует царевна* (или: *в девичье царстве, в солнечном граде* есть девица — сама царством *владеет*), *а служащие у нее все девки;* и та царевна в седмь седмериц краше меня, а я несудна тем девкам, которые у нее служат, красотою и хорошеством. А тебя удалее и сильнее никого нет!» Спал с нею Еруслан единую ночь, а поутру встал, дал ей самоцветный камень и молвил: «Милая красная царевна! Родится у тебя после меня сын, и ты возложи ему самоцветный камень нá руку; а родится у тебя дочь, и ты ей из того камня серьги доспей». Сам Еруслан уехал в солнечный град, где царствует девица, краше которой на всем свете нет, и учал с нею жить в любви много лет. Эта царевна солнечного града напоминает собою царь-девицу русских сказок (см. любопытные предания об ней в примечаниях к №№ 93 и 104 [7]).

Пока Еруслан наслаждался любовью несказанной красавицы, жена его — индейского царя дочь — родила сына, назвала его Еруслановичем и дала ему нá руку самоцветный камень. Вырос он, почуял в себе богатырскую мощь и поехал искать отца. Подъезжает к солнечному граду, остановился по конец моста и свистнул богатырским посвистом; в то время отец его исполошился: «Не простой то человек свистнул, а сильномогучий богатырь!» Сел на своего вещего Араша, и вот начинается борьба между отцом и сыном, не узнающими друг друга. Сын ударил отца тупым концом копья, и мало Еруслан Лазаревич с коня не упал — удержался за седельную луку. Съехались богатыри вдругорядь; отец ударил сына тупым концом и сшиб его с коня наземь, а вещий Араш наступил на его ожерелье. Жаль Еруслану убить паробочка, потому что добрé молод; а юноша в сердцах под Еруслановым рвет у отца копье булатное, и оттого оголилась у него рука. Еруслан Лазаревич усмотрел на его руке самоцветный камень, опознал своего сына и учал спрашивать: «Скажи мне, брате, какой ты человек?» Тут все объяснилось и добром покончилось; Еруслан покинул солнечный град навсегда и вместе с сыном воротился к своей жене. Этот эпизод принадлежит к числу общеизвестных эпических сказаний в литературах как восточных, так и европейских народов. Так, Илья Муромец сражался с

[6] В настоящем издании — № 125 (*Ред.*).
[7] В настоящем издании — №№ 156—158 и 171—178 (*Ред.*).

своим сыном сокольником (или Збут-Борис-Королевичем); долго они водилися, по колена в земле приобмялися; Илья изнемог, и сокольник насел на его белые груди. Молитва спасла старого; с земи метал он противника в высь небесную, сам на него насел и стал спрашивать о роде, о племени. «Вот как бы я на тебе сидел, то не стал бы спрашивать, а спорол бы тебе, старому, белые груди!» — отвечал побежденный. Наконец Илья узнает сына и отпускает его к матери. Тот же сюжет встречается в песнях кельтских бардов, в готской поэме о Гильдебранде и в персидской поэме о Рустеме и Зорабе, известной у нас по переводу Жуковского; у сербов «Предраг и Ненад» — Серб. песни (см. Песни Киреевского, вып. I, с. 2—14; Песни Рубникова, I, стр. 75—85, II, с. 345—351; Буслаева: Русск. богатырский эпос — в «Русск. вестнике», 1862 г., № IX, с. 68—69).

Текст сказки об Еруслане Лазаревиче, напечатанный в «Летописях», оканчивается так: «И захотел (сын Еруслана) отведати плеча своего богатырского и захотел прославиться во многие орды своею удачею; а отцом своим жити не похотел. Захотел свою честь получити и славу захотел свою пустити во многие орды». В лубочном издании это простое краткое указание уже распространено. Еруслан Ерусланович, приняв от своих родителей благословение, едет в путь-дорогу, пять лет странствует, и, наконец, встречается ему мал стар человек (напоминающий собою карликов немецких сказок — ein altes schwarzes, graues Männlein, ein kleines Männlein): стоит на дороге и не дает проезду. Богатырь хочет раздавить его, а мал-стар человек насмехается: «За что ты меня, старого-малого, убить хочешь? С меня нечего снять!» Еще пуще богатырь разгневался, поднял меч-кладенец и кинулся на старого; а тот приклонился и дунул на Еруслана Еруслановича, да таково сильно, что он и на коне не усидел — пал на сырую землю что овсяный сноп! Тогда мал-стар человек сжалился над витязем и пропустил его домой.

Из приведенных нами указаний и сближений очевидно, что составитель любопытного сказания о Еруслане Лазаревиче воспользовался несколькими отдельными эпизодами, принадлежащими различным эпическим произведениям народной фантазии, и всех их соединил вместе, связав с именем одного славного богатыря.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АА — *Андреев Н. П.* Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

Азадовский. Ск. о боге — Народные сказки о боге, святых и попах. Русские, белорусские и украинские/Сост. М. К. Азадовский, подг. текст Н. И. Савушкина, ред. и вступ. статья Л. М. Пушкарева. М., 1963.

Адрианова-Перетц. Сатира XVII в. — Русская демократическая сатира XVII века/Подг. текстов, статья и комм. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, дополн. М.: Наука, 1977.

Арайс-Медне — *Arajs K., Medne A.* Latviešu Pasaku tipu Raditajs. Riga, 1977.

Башк. творч. — Башкирское народное творчество. Сказки. Уфа, 1976—1983, кн. I—V (Тексты на башкирском, комментарии на русском языках).

Бессонов. Башк. ск. — Башкирские народные сказки/Запись и пер. А. Г. Бессонова, под ред. Н. К. Дмитриева. Уфа, 1941.

Бронницын — *Бронницын Б.* Русские народные сказки. СПб., 1838, кн. I.

ВГО — Всесоюзное географическое общество (см. *РГО*).

Данилов — Сказка перед судом цензуры 1870 года.— Родной язык в школе, 1924, кн. 6.

ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.

Завет. ск. — [*Афанасьев А. Н.*]. Русские заветные сказки. Валаам: Типарским художеством монашествующей братии. Год мракобесия. Отпечатано единственно для археологов и библиофилов в небольшом количестве экземпляров [Женева, 1872].

Казах. ск. — Казахские народные сказки в трех томах, т. I—III. Алма-Ата, 1971.

Курганов — *Курганов Н.* Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку с седмью присовокуплениями разных учебных и полезных вещей. Во граде св. Петра, тип. Морск. кад. корпуса, 1769.

Левшин — [*Левшин В. А.*]. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочия, оставшиеся чрез пересказывания в памяти приключения. Ч. 1—10. Унив. тип. у Н. Новикова, 1780—1783.

Лекарство... — Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки. СПб., печ. у Вильковского и Галченкова. 1786 (переиздания: 1793, 1815, 1819, 1830).

Молдавский — *Молдавский Д.* Русская сатирическая сказка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.

Осет. ск. — Осетинские народные сказки/Собрал Г. А. Дзагуров. М.: Наука, 1973.

Погудка... — Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. Издана для любителей оных иждивением московского купца Ивана Иванова. Ч. I—III. М., тип. А. Решетникова, 1795.

Похожд. Ивана — Похождение Ивана, Гостиного сына, и другие повести и сказки. СПб., 1785—1786, ч. I—II.

Похожд. россиянина — Похождение некоторого россиянина, истинная повесть, им самим писанная. Содержащая в себе историю его службы и походов, с приключениями и слышанными им новостями. М., тип. А. Решетникова, 1790, ч. II.

Пропп. Кум. ск. — *Пропп В. Я.* Кумулятивная сказка.— Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976.

Ровинский — Русские народные картинки/Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881, кн. I—V.

Садовников — Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым (Записки *РГО*. СПб., 1884, т. XII).

Смирнов — Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества. Вып. I—II. Издал А. М. Смирнов (Записки РГО, Пгр., 1917, т. XLIV).

Соколов. Поп и мужик — *Соколов Ю. М.* Поп и мужик. М.; Л., 1931.

Спутник — Спутник и собеседник веселых людей, или Собрание приятных и благопристойных шуток, острых и замысловатых речей и забавных повестей, выписано из лучших сочинений, а на русский язык переведено московским мещанином Хрсфрм Дбрсрдвм [Христофором Добросердовым]. На иждивении книгопродавца и университетского переплетчика Християна Рыдигера. Ч. I—IV. М., 1774—1791.— Первое изд.— М.. тип. Моск. унив., 1773—1776.

Страпарола. Приятные ночи — Джованфранческо Страпарола Да Караваджо Приятные ночи/Изд. подготовили: А. С. Бобович, А. А. Касаткин, Н. Я. Рыкова. М.: Наука, 1978.

Сумцов. Разыскания — *Сумцов Н. Ф* Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Харьков. 1898.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка/Сост. Бараг Л. Г., Березовский И. П., Кабашников К. П., Новиков Н. В. Л., 1979.

Тат. творч.— Татарское народное творчество. Казань, 1977—1981, т. I—III (на татарском языке).

Удмурт. ск.— Сто сказок удмурдского народа/Сост. Н. Кралина. Ижевск, 1960.

Узбек. ск.— Узбекские народные сказки в двух томах/Сост. М. Афзалов, Х. Расулев, З. Хусаинова. Ташкент, 1960—1961, т. I—II.

Худяков — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова/Изд. подг. В. Г. Базанов и О. Б. Алексеева. Отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л., 1964 (первое изд. в трех вып. М., 1860—1862 гг.).

Чувашск. ск.— Чувашские легенды и сказки/Сост. Е. Сидорова. Чебоксары, 1979.

Чудинский — *Чудинский Е. А.* Русские народные сказки, прибаутки и побасенки. М., 1864.

Шейн. Вел.— Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п./Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898, т. 1, вып. 1.

Шейн. Материалы — Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1893, т. II.

Элиасов — Бурятские сказки/Сост., вступ. статья и прим. Л. Е Элиасова. Улан-Удэ, 1959.

Этногр. обозр.— Этнографическое обозрение. Издание Этнографического Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

AT — The types of the folktale. A classification and bibliography. «Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen» translated and enlarged by Sfith Thompson. Second revision. Helsinki, 1964.

Bédier — *Bédier Joseph.* Les Fabliaux Etudes de littérature populaire et d'histoire du moyen âge. Paris, 1893.

Chauvin — *Chauvin V.* Bibliographie des ouvrages arabes ou relatifs aux arabes, publiés de 1810 à 1885. Liege, 1892—1922, I—XII.

FFC — «F. F. Communications. Edited for the Folklore Fellows».

Federowski — *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. T. I—III. Kraków, 1897—1903.

Krzyżanowski — *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w ukladzie systematycznym. Wrocław — Warszawa—Kraków. Wyd. 2. 1962—1963, t. I—II.

Krzyżanowski Par.— *Krzyżanowski J.* Parallele. Z pogranicza literatury i folkloru. Warszawa, 1941.

Liungman — *Liungman W.* Die schwedischen Volksmärchen. Berlin. 1961.

Novelline — Novelline populari sammarinesi/Anderson W. Tartu, 1927—1929. 1933. I—III.

Pauli — *Pauli J.* Schimpf und Ernst/Hrsg. J. Bolte. Berlin, 1924.

Rotunda — *Rotunda D. P.* Motif-Index of the italian Novella. Bloomington, 1942.

Wesselski — *Wesselski A.* Märchen des Mittelalters. Berlin, 1925.

ПРИМЕЧАНИЯ

319—320. ШЕМЯКИН СУД
(с. 5–10)

319(184a) В первом издании этот текст отсутствовал, напечатан Афанасьевым с лубочного издания (Ср.: *Ровинский*, I, № 55, текст XVIII в.).

AT 1534 (Шемякин суд). В *AT* наряду с вариантами на европейских языках учтены турецкие и индийские. Русских вариантов — 21, украинских — 11, белорусских — 8. Творческая история и устное распространение новеллистического сюжета связаны с древними литературными памятниками Востока, например, с тибетским сборником «Дзанглуна», и западноевропейской средневековой литературой — с немецким стихотворением «Правда Карла Великого» (XV в.), итальянскими новеллами и русской «Повестью о Шемякином суде» второй половины XVII в., которая в отличие от восточных и западных вариантов сюжета, повествующих о мудром суде, имеет социально-обличительный характер, направлена своим сатирическим острием против неправедного суда, воспроизводит форму русского судебного процесса и имеет близкое отношение к традиционным русским бытовым сказкам о бедном и богатом братьях, на что обратил внимание Афанасьев. Он в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 467) впервые поставил вопрос: «Овладела ли народная фантазия книжным рассказом и стала его варьировать по-своему, или самая книжная редакция есть только обработка устного народного рассказа, принадлежащая перу старинного грамотника?» По поводу замечания Афанасьева исследователь нашего времени В. П. Адрианова-Перетц говорит: «...ответить окончательно на этот вопрос нелегко. И все же более вероятным представляется переделка книжником сказочного сюжета. В противном случае трудно объяснить полное исчезновение в устных пересказах всяких следов того, что в повести связано с судебной практикой XVII в., всяких элементов книжного языка, весьма ощутительных в повести» (*Сатира XVII в.*, с. 174). В XVIII в. повесть о Шемякином суде была переложена силлабическими стихами (там же, с. 19—25). Лубочный текст XVIII в., перепечатанный Афанасьевым, является сокращенным изложением повести XVII в., некоторые эпизоды повести здесь опущены. Несмотря на архаический книжный стиль, русская бытовая и фольклорная основа сказочного повествования вполне ощутима. Сказка о Шемякином суде в обработанном Н. А. Полевым виде была напечатана в 1832 г. в прибавлениях к «Московскому телеграфу» (№ 21—24). О ней упоминает в Примечаниях Афанасьев. Дополнительно к названной монографии В. П. Адриановой-Перетц отметим следующие исследования: «*Буслаев Ф. И.* Перехожие повести.— Сб. «Мои досуги». М., 1886; *Сухомлинов М. И.* Повесть о суде Шемяки. СПб., 1873; *Ольденбург С. Ф.* Шемякин суд (Библиографический обзор различий версий).— Живая старина, 1891, № 3, с. 183—185; *Лапицкий И. П.* Демократическая сатира XVII века и русское народное творчество (Повесть «Шемякин суд»).— Уч. зап. ЛГУ, 1954, № 173, серия филол. наук, вып. 20, с. 328—374.

320(184b) Место записи неизвестно. Сказка напечатана Афанасьевым без окончания.

AT 1534. От предыдущего текста данный вариант отличается живостью народного слога, острым социальным противопоставлением образов обездоленного бедняка и его богатого брата, как и в приведенном выше варианте из подстрочных примечаний Афанасьева, и своеобразными подробностями.

После слов «и повез его к праведному судие» (с. 10) Афанасьев указал вариант начала сказки: «В некотором царстве жили два брата: один — как черт

богат, другой — до того беден, что почти есть нечего; у богатого не было ни единого детища, а у бедного — девять сынов. Однажды повстречал брат брата, и говорит богатый убогому: «Послушай, тебе самому есть нечего, не токма́ детей прокормить; а я, по милости божией, ни в чем не знаю нужды; отдай мне одного сына, наделю тебя за то и хлебом и деньгами!» — «Постой, у жены опрошу; что́ скажет, так тому и быть!» Спросили у жены; она и слушать не хочет: «Черт с ним и с его добром! Я сына своего ни за какие деньги не продам». Говорит убогий богатому, что жена не согласна, не дает сына. «Ну, хоть помолись, брат, вместе со своею хозяйкой богу, чтоб даровал мне детище; коли родится у меня сын, али дочь — возьму тебя кумом и щедрой рукой наделю и хлебом и деньгами!» Пришел убогий к хозяйке, сказывает ей про то; она в ответ: «Ну что ж, родит ему жена, али нет, а богу молиться — не грех!»

За́чали они молить бога, целую ночь поклоны клали, и услышал их господь: взволновалась у богатого жена и родила ему сына. Только богатый забыл про свое обещание, взял в кумовья к себе именитого купца, назвал гостей, и пошел у них пир горой! «Ну что, много надавал тебе брат денег и хлеба?— стала говорить убогому жена его.— Пойди, хоть лошадки попроси в лес по дрова съездить». Пошел убогий; увидел его богатый и закричал грубым голосом: «Ты еще зачем?» — «Будь милостив, дай лошади в лес по дрова съездить».— «Ишь выбрал время! Разве не видишь, что у меня гости?» Поломался-поломался и дал ему старого мерина. Поехал убогий в лес; пока рубил он дрова — прибежал волк и съел мерина. Как узнал про то богатый, напустился на брата пуще ворога. «Собирайся,— говорит,— поедем в суд судиться».— «Твоя воля: что хочешь, то делаешь!»

После слов «убей наперед своего сына» (с. 10) указан вариант: «Говорит праведный судия: „Пусть убогий купит тебе новую лошадь; а ты, богатый, отдай ему сына; ведь он тебе сына вымолил, а ты его добра не попомнил"».

321—323. ЗАГАДКИ
(с. 11—13)

321(185a) Записано в Уфимском уезде.

Отчасти *AT 851* (Неразгаданные загадки). См. прим. к тексту № 239. Своеобразная разновидность данного сюжетного типа. В сказке сборника Афанасьева неясно, почему старуха пытается отравить купеческого сына.

322 (185, прим.) Записано в Архангельской губ.

Отчасти *AT 851*. К указанному сюжетному типу относится еще более приблизительно, чем предыдущий текст, с которым данный вариант сближает мотив неудавшегося отравления героя.

323(185b) Записано в Архангельской губ.

AT 921 A (Куда тратятся деньги). Сюжет учтен в *AT* в фольклоре многих народов Европы, а также в индийском и африканском материале. Русских вариантов — 19, украинских — 8, белорусских — 5. Такие сказки, сходные с русскими, встречаются в неучтенных в *AT* латышских (*Арайс-Медне*, с. 141—142), башкирских (*Башк. творч.*, IV, № 21), татарских (*Тат. творч.*, III, № 9) публикациях. Формирование сюжета связано со средневековыми апокрифами о царе Соломоне и Морольфе и с латинским сборником «Gesta Romanorum». Первые публикации подобных русских сказок в «Письмовнике» Н. Курганова» 1769 г. (№ 233) и в «Спутнике» (I, № 54). Характерной особенностью восточнославянских вариантов этого сюжетного типа является их антибарская сатирическая заостренность, яркое противопоставление умного, находчивого мужика бестолковым «боярам и генералам».

324—325 ГОРШЕНЯ
(с. 14—16)

324(186a) Записано в Чистопольском уезде Казанской губ.

Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве ВГО (р. XIV, оп. 1, № 3, лл. 1—3 об.).

*AT 921 E** («Горшеня»). В *AT* учтены только русские варианты. Русских вариантов — 7, украинских — 2. Ср. немецкий шванк «Репа Людовика XI» (*Спутник*, *I*, № 103 — из сборника Г. В. Киргофа «Wendunmuth», 1533). Известны также подобные анекдоты в Талмуде, в итальянских сборниках XIII—XIV вв. (см.: *Novelline*, 74), сборнике «Триста новелл» итальянского писателя XIV в Франко Саккетти и в других изданиях. Однако близких сюжетных параллелей к сказкам типа *921 E** в зарубежном материале нет. Старейшая известная версия этого сюжета — сказка о Иване Грозном и лапотнике, записанная в России врачом царя Алексея Михайловича Сэмюэлем Коллинзом, опубликована впервые в Лондоне на английском языке в 1667 г. в его книге «The present state of Russia in a letter to a friend at London» (гл. X. Русский перевод: *Коллинз С.* Нынешнее состояние России.— Чтения общ. ист. и древн. при Московском ун-те, 1846, № 1, с. 15). Антибоярская социальная тенденция «Горшени», по-видимому, восходит к эпохе Грозного и связана с проводившимся им политическим курсом. Одним из самых ярких сатирических вариантов «Горшени» является текст сборника Афанасьева, в котором крестьянин обличает царскую казну как самое лютое и злоедливое на свете и жестоко проучивает жадного барина. По справедливому замечанию А. Н. Веселовского, «ближе всего к рассказу Коллинза как по мотиву, так и по сознательному противоположению боярского и крестьянского сословия, сказка о «Горшене» у Афанасьева» (Собр. соч. М.; Л., 1938, т. XVI, с. 151—152). Цензор П. А. Вакар, член Совета Министерства внутренних дел, в отзыве на 2-ой том «Русских детских сказок» А. Н. Афанасьева посчитал эту сказку вредной, поскольку она изображает «историю самодурства царя Ивана Васильевича и преимущество простонародья перед дураками боярами» (Данилов, с. 58). Еще в XVIII в. сюжет народной сказки был обработан в стихотворной форме басни «Повар и портной» Василием Майковым. Но баснописцу пришлось заменить крестьянина остроумным поваром, барина — бестолковым портным, а царя — проезжим паном. Исследования: *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства, СПб., 1861, т. I, с. 512—515; *Веселовский А. Н.* Сказки об Иване Грозном (Собр. соч., т. XVI, с. 149—166 — комм. М. К. Азадовского, с. 309—312); *Алексеев М. П.* К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза.— Советский фольклор, 1936, № 2—3, с. 325—330; *Молдавский*, с. 246—249.

Текст сказки напечатан Афанасьевым с очень незначительной стилистической правкой, в частности, в нем сокращено большое количество таких многократно повторяющихся диалектных слов, как «знашь», «слышь».

325(186) Записано в Симбирской губ. Н. М. Языковым со слов крестьянина села Головина и первоначально напечатано в журнале «Москвитянин» (1842, № 1, с. 130—131).

AT 921 E+921 F** («Гуси с Руси»). Второй сюжетный тип учтен в *AT* только в русском материале. Русских вариантов — 11, украинских — 5, белорусских — 1. Сюжет «Гуси с Руси» встречается также в чувашских (Чувашские сказки/Пер. и сост. С. Г. Григорьев. М., 1971, с. 181—185), башкирских (*Башк. творч.*, IV, № 20), татарских (*Тат. творч.*, III, № 22) сказках, близких русским, а также в опубликованных казахских, уйгурских, туркменских, болгарских, македонских, румынских, еврейских, турецких, арабских, австрийских, англо-американских вариантах, которые существенно отличаются от русских. В сказке сборника Афанасьева, как и в сказке, записанной Коллинзом, повествуется о Иване Грозном. Она имеет столь же ярко выраженный сатирический характер, что и предыдущая.

326. МУДРЫЕ ОТВЕТЫ
(с. 17)

326(187) Место записи неизвестно.

AT 922 (Беззаботный монастырь). Сюжет распространен во всех частях света. Из сказок народов СССР в *AT* учтены только русские и литовские, но такие сказки есть и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 142), татарском (*Тат. творч.*, II, № 48), а также в другом национальном фольклоре. Русских вариан-

тов — 38, украинских — 11, белорусских — 4. Во многих западноевропейских вариантах вопросы аббату задает Карл Великий, Иосиф II, а в восточнославянских вопросы игумену монастыря задает Петр I; отвечает обычно подставное лицо — крестьянин или солдат, пастух, мельник, пьяница, бродяга; император (царь) ставит его начальником над монахами вместо прежнего аббата (игумена). В монографии В. Андерсона (Император и аббат, Казань, 1916, т. I); в полном, законченном виде — Kaiser und Abt. (*FFC*, N 42. Helsinki, 1923) дан обзор 428-ми фольклорных и 167-ми литературных вариантов сюжета. Его история прослеживается, начиная с сочинения арабского автора IX в. Ибн Абдель-Хакима о том, как горшечник ответил на вопросы короля (что есть бог, сколько звезд, где центр земли и т. п.), и рассказа вавилонской редакции Талмуда о состязании загадками между рабби Ишуа Бен-Хананья и мудрецом из Афин. Сказки данного типа получили в средневековой Европе наряду с устным бытованием популярность в форме новелл, фабльо, шванков (см. *Wesselski*, N 60, S. 251). Особенно широкую известность получила баллада немецкого поэта Г. Бюхнера «Император и аббат» (1784). На основе сказки братьев Гримм о короле и пастухе написано Аполлоном Майковым стихотворение «Пастух, испанская легенда» (1866). Старинная английская баллада типа «Король и пастух» была искусно переведена на русский язык С. Я. Маршаком. В варианте сказки сборника Афанасьева изменена традиционная ее композиция: обычно царь, проезжающий через «беззаботный» монастырь, сначала задает вопросы монахам (игумену), а затем, на обратном своем пути получает ответы от мнимого монаха — подставного лица, как в приведенном Афанасьевым воронежском варианте. Необычны для сказок типа *922* эпизоды заточения царем в темницу солдата и бестолковых богачей, чтобы солдат сумел у них «по перу выдернуть». Последняя часть сближается с сюжетом «Гуси с Руси» — *АТ 921 F** (ср. предыдущий текст).

Из исследовательских работ последнего времени, посвященных сюжету «Беззаботный монастырь», отметим статью: *Громов П. Т.* Из истории сказочного сюжета «Беспечальный монастырь. (Царь и аббат)».— Учен. записки Дальневосточного гос. ун-та, 1968, т. XXII, с. 17—28.

Афанасьев в сокращенном изложении привел вариант сказки, записанный в Воронежской губернии: «Царь задает хитрые вопросы и никто не берется разрешить их. Выискался один солдат, нарядился монахом и явился к царю. Тот его спросил: «Сколько капель в море?» — «Повели, государь, запереть все реки, впадающие в море, тогда я наверное скажу тебе, сколько в нем капель».— «А как велико число звезд на небе?» Солдат не затруднился ответом и сказал наобум какую-то огромную цифру, а когда царь усомнился в ее верности,— спокойно заметил ему: «Если не веришь, сочти сам». Наконец, царь спросил: «Разгадай, что я думаю?» — «Ты, государь, думаешь, что я — монах, а я напросто — солдат! Сбросив с себя клобук и рясу, сорвал бороду и стал перед царем в полной солдатской форме. Царь похвалил его и щедро наградил за ум и сметку».

327—328. МУДРАЯ ДЕВА
(с. 18—20)

327(188а) Место записи неизвестно.

*АТ 1562 В** (Скупой хозяин и хитрый работник) + *921* (Невестины загадки). Первый сюжет учтен в *АТ* только в русском материале. Русских вариантов — 3, украинских — 4. Второй сюжет имеет широкое распространение, известен в разных частях света. Русских вариантов — 22, украинских — 13, белорусских — 2. Сходные сказки имеются и в сборниках фольклора тюркоязычных народов СССР (*Тат. творч.*, III, № 10, 11; *Казах. ск.*, II, с. 223—224). Сюжет типа *921* отчасти связан со средневековыми апокрифами (диалогами) о Соломоне и Морольфе и особенно с древнерусской «Повестью о Петре и Февронии», имеющей фольклорные источники. См.: Повесть о Петре и Февронии/ Подг. текстов и иссл. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. Другие исследования: *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. I, с. 268—300; *Веселовский А. Н.* Новые отношения муромской

легенды о Петре и Февронии и Сага о Рагнаре Лодброке.— *ЖМНП*, 1871, № 4, с. 95—142; *Скрипиль М. О.* Повесть о Петре и Февронии муромских и ее отношение к русской сказке.— Труды отдела древнерусской литературы *ИРЛИ* (Пушкинский дом) АН СССР, VII. М.; Л., 1949, с. 131—167; *Померанцева Э. В.* Сказка о Петре и Февронии — Славянский сборник, II, вып. филологический. Воронеж, 1958, с. 255—265; *Юдин Ю. И.* Историко-художественная проблематика русских народных бытовых сказок о разрешении трудных задач и мудрых отгадчиках.— Научные труды Курского пед. ин-та, 1973, т. 24, с. 3—22; de Vries Jean. Die Märchen von klugen Rätsellösern (*FFC*, N 73). Helsinki, 1928; *Wesselski A.* Die Knabenkönig und kluge Mädchen. Prag, 1929; *Krzyżanowski J.* Proza polska wczesnego renessansu. Warszawa, 1954, с. 83—112.

328(188b) Записано в Саратовской губ.

АТ 875 (Мудрая девушка). Всемирно известный сюжет. Русских вариантов — 34, украинских — 29, белорусских — 11. Подобные сказки имеются в сборниках фольклора многих народов СССР (например: *Башк. творч.*, IV, № 2—4; *Тат. творч.*, III, № 29; *Элиасов*, с. 208—220). Некоторые мотивы этого сюжета отмечены в древних и средневековых литературных памятниках — «Махабхарате», «Ятаке», латинском сборнике XIII в. «Dolopothos» Иоганна де Альта Сильвы, апокрифах о Соломоне и Морольфе, латинском сборнике «Gesta Romanorum» и в русских повестях XV—XVII вв. о Петре и Февронии, о купце Дмитрии Басарге и сыне его Борзомысле. См. исследования де-Фриза, Вессельского и Дмитриевой, указанные в прим. к предыдущему тексту. В большинстве восточнославянских вариантов героиней также является семилетка, но не всегда завязкой служит спор о жеребенке, связанный с характерным для них социальным конфликтом бедняка и богача. Цензор П. А. Вакар отнес ее к числу «вредных по содержанию» и обратил внимание на то, что, решая спор о жеребенке, семилетка дерзко обращается к царю: «А ты умен?» (*Данилов*, с. 57). Задача, которую дает семилетке царь,— соткать из ниточки полотенце,— и ответ семилетки — «Чтоб нашел такого мастера, который сделал бы из этого прутика кросны» — напоминают задачу, заданную князем Петром Февронии, и ответ мудрой девы князю в древнерусской повести.

После слов «а бедный словами оправдывается» (с. 19) Афанасьевым указаны два варианта начала сказки:

«*Вариант 1*: Шел прохожий, припоздал и попросился ко вдове ночевать; у него был мерин, у вдовы кобыла. Пустила его вдова ночевать, поставила мерина вместе с своей кобылою — в один сарай. Вдова говорит: «У меня, батюшка, кобыла жерёба!» Прохожий говорит: «У меня меринок жерёб!» Ночью кобыла ожеребилась. Вдова говорит: «Мой жеребенок!» А прохожий: «Нет, мой!» — «Пойдем к старосте, он нас рассудит!» Пришли к старосте, рассказали все дело. Староста велел привести обеих лошадей, поставил их на горке, дружку от дружки врозь, а жеребенка пустил под горкой: к какой лошади подбежит, та его и матка! Жеребенок подбежал к мерину. Староста говорит: «Ну, видно, мерин ожеребился!» Прохожий взял жеребенка, а вдова пошла бить челом самому царю...

Вариант 2: У одного царя работали трое плотников. Пришло время к расчету, царь и говорит: «Отгадайте четыре загадки... Отгадаете — деньги заплачу; не отгадаете — казнить велю!» Пошли плотники домой; двое стали советоваться с своими хозяйками...

К загадке «Что всего в свете жирнее» (с. 19) дан вариант: «сытнее».

После слов «зайца догонит» (с. 19) указан вариант: «У моего мужа есть борзая собака — скорее зайца бегает».

К словам «Милее всего внучек Иванушка!» (с. 19) — вариант: «А что же всего милей мужу, как не жена».

После слов «земля питает!» (с. 19) указан вариант: «Сытней всего соль: какие кушанья ни поставь, а без соли не естся; соль всему вкус дает!»

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 476—477) к группе сказок о загадках Афанасьев приводит вариант, записанный Д. М. Петуховым в Пермском уезде: «Какой-то бурлак на возвратном пути на родину издержал все заработанные деньги. Забрел в деревушку, пристал у знакомого мужичка Пахома и выпросил

у него взаймы дюжину вареных яиц. Яйца съел за ужином, а поутру ушел в дорогу. Прошло немало времени, а бурлак долга своего не платит. Вот Пахом написал на него челобитную и подал в управу, а в той челобитной было сказано: «Занял-де бурлак у меня двенадцать вареных яиц и доселева не отдает, отчего причинил мне великие убытки. Из дюжины яиц вывелось бы у меня двенадцать цыплят; те цыплята выросли бы большими курами и каждая снесла бы мне по малой мере по сотне яиц; из тех яиц вывелись бы новые цыплята...» — и так дальше, насчитал на бурлака большую сумму. Бурлак с горя завернул в кабак; а на ту пору был там отставной приказной крючок, расспросил его про дело и вызвался помочь ему за полштофа водки. Бурлак выставил полштофа, и тотчас же вместе распили. Старшина послал звать ответчика на суд; бурлак говорит: «Я-де за себя нанял приказного, он будет на суде ответ держать». Старшина ждал, ждал, насилу дождался этого приказного и закричал на него: «Что ж ты так долго на суд не являлся?» — «Горох варил,— отвечал крючок,— хочу в огороде садить да стручьями торговать». Старшина засмеялся: «Экой дурак! Разве можно, чтобы вареный горох уродился?» — «А разве можно, чтоб из вареных яиц да цыплята выводилися?» Тут вся управа в одно слово решила отказать Пахому в его челобитье».

329. ПОПОВ РАБОТНИК
(с. 21)

329(189) Записано близ села Кадома Тамбовской губ.

*AT 1562 B** (Скупой хозяин и хитрый работник). Антипоповскую сатирическую направленность имеют также украинские варианты. В первых пяти изданиях сказок Афанасьева воспроизводились некоторые фонетические особенности местного говора (сильное эканье).

330. ЦАРЕВИЧ-НАЙДЕНЫШ
(с. 21—22)

330(190) Место записи неизвестно. Отчасти *AT 920* (Царь Соломон). Библиографические указания на литературные параллели к сказочному сюжету см. в кн.: *Веселовский А. Н.* Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе (2-е изд. Пгр., 1924). Загадка, которую в сказке решает царевич-найденыш, та же, что и загадка, решаемая семилеткой в сказках типа *AT 875.*

331. СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ
(с. 22—23)

331(191) Место записи неизвестно.

*AT 926 C** (Сосватанные дети). В *AT* учтены варианты этого сюжета только в финском (один текст) и русском фольклорном материале. Русских вариантов — 3. украинских — 1. Сюжет известен также по средневековым западноевропейским повествовательным сборникам (см.: *Wesselski,* N 7, S. 197).

После слов «то пленку назад» (с. 22) указан Афанасьевым вариант: «Поезжай в Москву; в тамошних садах я поставил сетку — так ты, сынок, или пеночку изслови, или сеточку сними».

332—334. ДОБРОЕ СЛОВО
(с. 24—28)

332(192а) Записано в Раненбургском уезде Рязанской губ. П. И. Якушкиным.

AT 910 B (Добрые советы)+отчасти *677* (В подводном царстве). Традиционная контаминация сюжетов. Первый сюжет распространен во всех частях света. Русских вариантов — 32, украинских — 19, белорусских — 2. Встречается во многих сборниках сказок неславянских народов СССР (например: *Башк. творч.,* IV, № 37, 38; *Абхазские народные сказки.*/Сост. К. С. Шакрыл. М.: Наука, 1975, № 49; *Осет. ск.,* № 51, 52, 84; Сказки адыгских народов./

Сост., вступ. статья, прим. А. И. Алиевой. М., 1978, № 51; Дунганские народные сказки и предания./Пер. и сост. М. Хасанова и И. Юсупова. М., 1977, № 32). История сюжета типа «Добрые советы» связана с древними литературными произведениями Востока, например, со «Сказкой о Нур-ад-дине и Мариам-кушачнице» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 683—894 — отчасти тип 910 В) и рассказами Талмуда (см.: *Gaster M.* The Exampla of the Rabbis, III. London—Leipzig, 1924, N 402, 446). Старейшей европейской литературной версией является исландская сказочная повесть XI в. о Хайдреке и Хакен Харiксоне (см.: *Wesselski*, № 31). В XVI в. сюжет о добрых советах литературно обрабатывали Страпарола («Приятные ночи», ночь I, сказка 1) и Г. Сакс (III, № 2). Обычно в таких сказках герой получает три добрых совета (ср. текст № 333), а не два. Сюжет типа *677* учтен в *AT* только в финском, эстонском и русском фольклорном материале. Русских вариантов — 6, украинских — 2, белорусских — 2. Сюжет имеется и в сборниках сказок других народов СССР, например, латышей (*Арайс-Медне*, с. 109—110), башкир (*Башк. творч.*, IV, № 37), татар (*Тат. творч.*, III, № 65); казахов (*Казах. ск.*, I, с. 116—120). Обычно герой решает спор морского царя с царицей, что дороже золота. Образ Судьбины в других вариантах не отмечен. История сказок о подводном царстве связана с «Тысячью и одной ночью» (ночи 941—946), см. также *Chauvin*, VIII, N 136, p. 138, 139.

333(192b) Записано в Зубцовском уезде Тверской губ.

AT 910 B+отчасти *677*. Второй сюжет дан схематично. Эпизод расправы в подводном царстве со спорящей девицей имеет частично соответствие в восточных сказках (см., например: *Башк. творч.*, IV, № 35).

После слов «три корабля подарю» (с. 26) Афанасьевым указан вариант: «Бросай жребий, кому в воду лезть? Жребий выпал на самого хозяина, а он сделал клич к своим корабельщикам и приказчикам: кто полезет за него в море, того наградит деньгами».

К словам «сидят старик и девица» (с. 26) дана сноска: «Морской царь и его дочь».

334(192c) Записано в Саратовской губ. К. А. Гуськовым.

AT 910 B. Вступительный эпизод.— Царевна против воли отца, изгнанная им, выходит замуж за несчастного — имеется и в башкирской сказке типа *910 B* (*Бессонов, Башк. ск.*, № 75). Вместо традиционного эпизода «В подводном царстве» здесь своеобразно разработан эпизод змееборства на острове.

К словам: «Без денег и разума нет!» (с. 27) Афанасьев привел вариант: «ума много да денег нет!»

335. ДОЧЬ ПАСТУХА
(с. 28—29)

335(193) Место записи неизвестно.

AT 887 (Терпеливая жена). В *AT* учтены варианты на европейских и турецком языках. В восточнославянском материале встречается редко. Русских вариантов — 2, украинских — 1. История сюжета связана с произведением англо-французской поэтессы XII в. Мари де Франс «Lais del Freisne», рассказами еврейского сборника XII в. «Мидраш» и испанского сборника XIII в. Жуана Мануэля «Принц Луканор» («El conde Lucanor»), а также с новеллой «Декамерона» Боккаччо (10-я новелла 10-го дня), сказкой Перро о Гризельде. Народные книги и народные пьесы на этот сюжет получили распространение во многих странах Западной Европы. Исследования: *Saintyves P.* Les contes de Perrault et les récits parallèles. Paris, 1923, p 537—557; *Leserstein K.* Der Griseldisstoff in der Weltliteratur. Weimar, 1926. В варианте сборника Афанасьева имеются все основные традиционные эпизоды, но изложен сюжет несколько схематично.

336—337. ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ
(с. 30—35)

336(194а) Записано в Воронежской губ.

AT 882 A (Спор о верности жены). См. прим. к тексту № 313, в котором сюжет развернут неполно.

К словам «золотой волосок» (с. 31) Афанасьев дал сноску: «небольшое пятнышко».

337(194б) Место записи неизвестно.

AT 882 A. Та же разновидность сюжета, что и в предыдущем тексте, отличающаяся вступительной частью и рядом подробностей.

338. ЦАРИЦА-ГУСЛЯР
(с. 35—36)

338(195) Место записи неизвестно.

AT 888 (Жена вызволяет мужа). В *AT* учтены ливские, литовские, исландские, датские, ирландские, испанские, немецкие, чешские, словенские и русские немногочисленные или единичные тексты. Русских вариантов — 3, белорусских — 2. История сюжета связана с немецкой балладой XV в. о графе Римском, которая входила в репертуар мейстерзингеров, и с народной книгой «Александр из Метца». Русская сказка сходна с былиной о Ставре Годиновиче.

339. ОТЕЦ И ДОЧЬ
(с. 36—37)

339(196) Место записи неизвестно.

Приблизительно *AT 781* (Детоубийца). В *AT* учтены легендарные сказки этого типа в финском, эстонском, словенском, русском, а также американском (Вест-Индия) и африканском материале. Русских вариантов — 1, украинских — 2. Обычно действие развивается следующим образом: отец или мачеха, или девушка убивают своего ребенка; юноша узнает язык птиц; птица поет; останки находят под деревом.

340. СОЛДАТ И ЦАРЬ В ЛЕСУ
(с. 38—40)

340(197) Место записи неизвестно.

AT 952 (Солдат и царь). В *AT* учтены только тексты на европейских языках. Русских вариантов — 17, украинских — 18, белорусских — 4. В большинстве восточнославянских вариантов царь именуется Петром I. Старейший текст — немецкий шванк XIV—XV в. о мяснике, который спас от разбойников знатного дворянина.

После слов «и бежал из полку» (с. 38) Афанасьев в сноске указал вариант начала сказки: «Был солдат Горе; двенадцать лет послужил в полку, и за все это время не выдалось ни единого дня, чтоб его палками не дули. Больно зол на него фельдфебель был и терпел солдат всякие нападки, всякие придирки. Вздумал он и пошел жаловаться ротному командиру. «Хорошо, брат Горе,— сказал ротный командир.— завтра в роту прийду, твою обиду рассужу». На другой день явился в роту и присудил Горю сто палок. Солдат пошел с жалобой к майору; тот присудил ему двести палок; пошел к полковнику — тот дал ему триста палок. Видит Горе, что жалобой ничего не возьмешь, и вздумал бежать...»

341. СОЛДАТ И РАЗБОЙНИК
(с. 40—41)

341(198) Место записи неизвестно.

*AT 955 A** (Помощь молитвы). В *AT* учтен только данный текст. Дополнительно: *Садовников*, № 108г. Это легендарный рассказ, а не сказка.

342—343. РАЗБОЙНИКИ
(с. 41—45)

342(199) Записано в Бобровском уезде Воронежской губ., вероятно, самим А. Н. Афанасьевым.

АТ 956 В (Девушка и разбойники) + отчасти *1685* (Дурак женится). Сюжет о девушке и разбойниках учтен в *АТ* только в вариантах, записанных на европейких и турецком языках. Русских вариантов — 21, украинских — 16, белорусских — 6. В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 481—482) Афанасьев сослался на сюжетные параллели из литовского и румынского сказочного материала и отметил: «Подобных преданий о разбойниках еще довольно слышится в простонародье; несмотря на сказочную обстановку, в преданиях этих нельзя не заметить отголосков суровой старины». Сюжетные параллели имеются и в некоторых сборниках фольклора тюркоязычных народов СССР (*Башк. творч.*, IV, № 99; *Тат. творч.*, III, № 40).

В Примечаниях Афанасьев привел другой вариант сказки: «Узнавши, что поп уехал, разбойники вздумали окрасть его; положили в гроб одного разбойника, приехали к попу на двор и спрашивают: «Дома ли батюшка? Надо похоронить покойника». Поповна говорит: «Нету дома: он будет дня через три».— «Куда же девать нам мертвеца-то? Мы поставим его у вас в избе».— «А мне что! — говорит поповна.— Поставьте». Разбойники поставили гроб и уехали. Попова дочь стала рассматривать гроб, заметила в гробу отверствие, поусомнилась и положила подле себя на ночь саблю. Все подруги ее заснули, а она не спит; вот разбойник, когда всё утихло, встал из гроба и стал против солнца (вариант: справа налево) обводить уснувших мертвою рукою, чтобы спали беспробудно; а сам пошел в чулан. Тут поповна улучила время и отрубила ему голову. Приехали другие разбойники; она и выбросила в окно отрубленную голову. Один из разбойников бросился было за нею в окно; поповна и этому отхватила голову саблей. Разбойники подобрали убитого и уехали. Немного спустя приехали разбойники к попу, сосватали его дочь и повезли с собой в лес; привезли к большому каменному дому (а в доме-то везде золото да серебро) и заперли под стражу; на другой день положили бросить ее в горячую смолу. Сторожа ночью заснули; поповна отрубила им головы, а сама думает, как бы уйти. Вот увидел ее седой старик — а этого старика взяли с дороги разбойники и оставили жить у себя,— и говорит ей: «Беги ты глухими дорогами и берегись погони; разбойники ездят с собакою, которая по следам сыскивает человека». Поповна убегает и спасается от погони, один раз взлезая на высокое ветвистое дерево, а в другой раз закапываясь в воз сена, с которым ехал мужик в город. Сказка оканчивается гибелью разбойников: стан их был разорен, а награбленные деньги розданы по церквам».

343 (199, прим.) Записано в Воронежской губ. *АТ 956 В.*

После слов «а сама поскорей вон бежать» (с. 44) Афанасьевым указан вариант: «Привезли разбойники девицу, а у них была мать да малая девочка-сестрица. Увидела эта девочка, бежит к матери и говорит: «Матушка, матушка! Братцы привезли девушку, да такую пригожую, заперли ее в хлев, а сами ножи точат, зарезать хотят!» — «Молчи, дитятко! Мы ее выпустим». Разбойники сели пить да гулять, а старуха потихоньку в хлев — и выпустила девицу: «Скорее беги! Будут на дороге три колодца — взгляни в них, что́ делается». Девица побежала, в один колодец взглянула — ничего не видать, в другой заглянула — и там ничего, а как посмотрела в третий — и видит, что за ней погоня послана, и влезла на дерево».

344. КОРОЛЕВА И РАЗБОЙНИКИ
(с. 45—46)

344(200) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым. Язык белорусский.

АТ 955 (Жених-разбойник). В *АТ* учтены варианты на европейских языках, записанные не только в Европе, но и в Америке. Русских вариантов — 27,

украинских — 15, белорусских — 6. Сюжет сформировался, вероятно, в средние века на западноевропейской культурной почве. Намек на данную «старую сказку» есть в одной из реплик Бенедикта, героя шекспировской комедии «Много шуму из ничего» (см.: *Liungman*, S. 248). Сказочный сюжет послужил основой баллады А. С. Пушкина «Жених» (1825, напеч. в 1827 г.). Об ее источниках высказывались в научной литературе разные суждения. Л. Лотман и А. Кукулевич в статье «Источники баллады Пушкина «Жених» (Студенческие записки филологического факультета, ЛГУ, 1937, с. 90—111), обратив внимание на близость баллады сказке бр. Гримм «Жених-разбойник», предположили, что именно гриммовская сказка была творчески использована Пушкиным. Р. М. Волков в книге «Народные истоки творчества А. С. Пушкина. Баллады и сказки» (Черновцы, 1960) стремился доказать, что пушкинская баллада имела своим непосредственным источником русскую устную сказку, хотя ее записи среди рукописей поэта нет. Несколько раньше баллады Пушкина была создана на основе того же сказочного сюжета пьеса Г. Х. Андерсена «Разбойник и девушка» (1822). В отличие от других вариантов в белорусском варианте сборника Афанасьева героиней является не купеческая или крестьянская дочь, а королевна, к которой сватались двенадцать разбойников, а не один разбойник.

В Примечании (кн. IV, 1873, с. 485—486) к сказке Афанасьев привел сокращенный вариант: «Жил богатый именитый купец, у него была дочь-красавица. Прослышали про нее двенадцать разбойников, свели с купцом знакомство, стали навещать его, пить-гулять с ним и веселиться. Раз и зовут они к себе в гости купеческую дочку, рассказали ей дорогу; вот она и пошла. Пришла в густой да темный лес, а там стоит большой дом. Входит в двери, в доме светло, везде огни горят, на столе всего наготовлено вдоволь — и пить и есть, а нет ни одной души. Пошла в другую горницу; там лежат все убитые и зарезанные, на кольях торчат девять девичьих голов, а десятый кол стоит пустой. На девицу напал страх. Вдруг раздался крик, шум, гам, она взяла да и спряталась под кровать. Приехали разбойники и привезли с собой красную девицу, посадили ее за стол и говорят: «Не пей, не ешь, а за ужин почитай!» И стали сами есть, пить, прохлаждаться и над девицею разные насмешки насмехать. (Затем следует рассказ об отрубленном пальце и о кольце, поднятом купеческой дочерью). На другой день купеческая дочь прибежала домой, с лица совсем переменилась. Отец начал спрашивать: «Что с тобою? Где пропадала?» Она ему все рассказала. Вот приехали к купцу разбойники, сели за стол; купеческая дочь и говорит: «Позвольте я вам сказку расскажу».— «Ну, расскажи!» Она стала рассказывать им свое приключение. «Полно,— прерывают ее разбойники,— сказка хороша, оставь на другой раз!» А она все себе знай продолжает (конец обычный)».

345. МУДРАЯ ДЕВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ
(с. 46—50)

345(201) Записано в Пермской губ. А. Сергачевым.

AT 676 (Два брата и сорок разбойников). В *AT* учтены варианты, записанные в Европе, Африке, Азии (Турции, Индии, Китае) и в Северной, Южной Америке (записи на французском и испанском языках). Русских вариантов — 10, украинских — 9, белорусских — 3. Сюжет встречается и в сборниках фольклора других народов СССР (например, *Башк. творч.*, IV, № 101). Международное распространение получил благодаря переводам «Рассказа про Али-Бабу и сорок воров и невольницу Марджану» (См. Халиф на час. Новые сказки из книги «Тысяча и одна ночь»/Пер. М. А. Салье. М., 1961, с. 297—319). Сказка стала популярной в Европе после издания «Тысячи и одной ночи» во французском переводе Галлана (1712) и неоднократно служила основой для драматических произведений: «Али-Баба» Гильбера де Пексерекура (1822) и либретто опер — Крюзеля (1824), Керубини (1833), И. Штрауса (1871), Лекока (1887) и др. В XIX—XX вв. сказка об Али-Бабе выдержала много русских лубочных изданий. Начальные и заключительные эпизоды сказки сборника Афанасьева восходят к другим сюжетам «Тысячи и одной ночи»— это эпизоды продажи женой бедняка Али золы, в которой им были спрятаны

чужие деньги (ср. аналогичный эпизод в следующем тексте — № 346). При всей зависимости сюжетной схемы русской сказки от «Тысячи и одной ночи», она отличается русским бытовым колоритом, живостью разговорного русского слога и своеобразной трактовкой некоторых мотивов, образов (например, девушки, губящей разбойников).

346. СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ
(с. 51—52)

346(202) Записано в Новогрудском уезде Гродненской губ. учителем М. А. Дмитриевым. Язык белорусский.

AT 736 (Счастье и богатство). Варианты учтены в *AT* в эстонском, ирландском, чешском, польском, русском, украинском, турецком, франко- и испано-американском, арабском (см.: *Chauvin*, VI, N 202, p. 31—32) материале. Русских вариантов — 3, украинских — 9, белорусских — 5. Международное распространение сюжета связано со сказочной повестью о Ходже Гасане Альгаббале из «Тысячи и одной ночи», на которую в качестве параллели сослался в Примечаниях Афанасьев (кн. IV, 1873, с. 487—488). Многие ее эпизоды, однако, не имеют никакого соответствия в белорусской и других подобных восточнославянских сказках, а другие имеют лишь неполное сходство. Обычно в сказках типа *736* рыбак достигает счастья, поймав рыбу с драгоценным камнем в желудке, а не рыбу, заставляющую смеяться. Женские образы Счастья и Несчастья необычны для сказок этого типа и напоминают сюжет о двух долях (*AT 735*).

347. УБОГИЙ
(с. 52—53)

347(203) Записано в Зубцовском уезде Тверской губ.

*AT 750**. (Скупые хозяева: не приглашают странников к ужину; дом проваливается, остается одна печь с рукавицами нищего). Учтенные в *AT* наряду с русскими, финская, финско-шведская, и шведская легенда существенно отличается от русских и не учтенных в *AT* и подобных белорусских легендарно-сказочных повествований. Русских вариантов — 4, белорусских — 3. В научной литературе отмечалось частичное сходство таких сказок с рассказом младшей «Эдды» о странствовании Тора (см. *Liungman*, S. 211). Образ ловкого бедняка Нестерки характерен для русских и белорусских сказок типа *790** («Золотое стремячко»), встречается и в сказках на разные другие сюжеты о ловких людях. Вступительная рифмованная формула «Жил-был Нестерка, было у него детей шестерко...» является для русских и белорусских сказок о Нестерке традиционной.

348—350. БЕССТРАШНЫЙ
(с. 54—60)

348(204a)

Записано в Моршанском уезде Тамбовской губ. Алексеем Добровольским.

AT 326 (Мальчик учится страху). Кроме многочисленных текстов на европейских языках, записанных в Европе и в Северной, Южной Америке (от американских индейцев, негров и американцев европейского происхождения), в *AT* учтены также турецкие и индийские. Русских вариантов — 4, украинских — 8. Из не учтенных в *AT* следует отметить польские (*Krzyżanowski*, I, S. 104—106) и латышские (*Арайс-Медне*, с. 52—53). Старейшая литературная обработка сюжета — итальянская — относится к середине XVI в. (Страпарола, «Приятные ночи», ночь IV, сказка 5). От западноевропейских значительно отличаются сказки восточнославянских и некоторых других восточноевропейских народов: искатель страха не пугается мертвеца на виселице, привозит его к разбойникам и устрашает их, борется с мертвецами и, наконец, узнает страх, когда его неожиданно окатили холодной водой или когда ему, спящему, положили за пазуху живую рыбешку. В некоторых русских и украинских сказках типа *326* имеется также эпизод встречи бесстрашного с привидениями на колокольне. Первая русская публикация — *Погудка...*, II, № 6, с. 3—11.

После слов «и попрятались — кто куда» (с. 54) указан вариант: ««В лесу бесстрашный капрал наезжает на избушку. «Остановимся-ка здесь да переночуем!» — говорит он товарищу. Вошли в избушку, а в избушке никого нет — только гроб на столе стоит, на том гробу двенадцать железных обручей набито. «Я боюсь!» — говорит капралу его товарищ. «Да чего ты боишься?» — «Да страшно!» — «Да чего тебе страшно?» — «Да боюсь!» Бесстрашный плюнул и лег на скамейке, а боязливый на печку забился. В глухую полночь пошел гул по лесу — лопнул железный обруч на гробе, за ним — другой, а там — третий; так все двенадцать и развалились! Встает из гроба мертвец и давай тащить капрала за ноги. Тот проснулся и говорит: «Как ты смеешь будить меня? Я богу и великому государю двадцать пять лет прослужил да капральский чин выслужил!» Мертвец не слушает, знай тащит да зубами скрипит. Капрал осерчал, вскочил с лавки, схватил мертвеца и выкинул вон из избы.

Долго мертвец в избу стучался, пока петухи не запели, а как закричали петухи — так наземь и грохнулся. Капрал положил его в повозку и поехал с товарищем дальше; ехали, ехали и наезжают на разбойников — вокруг огня сидят да кашицу хлебают. Те увидали их и говорят: «Вон гуси сами к нам летят, не надо и на добычу ехать». Капрал соскочил с повозки: «Здравствуйте, добрые люди!» — «Нет, брат, не узнал; мы — те, что́ добрых людей на дороге подбирают!» Капрал выхватил у атамана ложку из рук и давай кашицу уписывать; разбойники только рты разинули, глядя на такого смельчака. «Что ж вы, ребята! — говорит капрал. — Про гуся поминали, а гусем-то вовсе и не пахнет. Гей, Терёха! Подай сюда гуся!» Тереха притащил мертвеца. Капрал отрезал у мертвого икру с правой ноги, понюхал и сказал: «Немножко протух! Гей, Терёшка! Бери свежего!» — «Которого прикажешь?» — «Да вот с краю-то, рыжего!» Разбойники было бежать да капрал ухватил атамана за ноги и давай им направо-налево помахивать: всех до единого перебил, а деньги их себе забрал».

349(204b) Записано в Саратовской губ. К. А. Гуськовым.

*АТ 326 В**. Сказки этого типа отличаются от сказок типа *326* лишь тем, что их герой не стремится найти, испытать страх. В *АТ* варианты отмечены в литовском и русском фольклорном материале, но встречаются и в польском (*Krzyżanowski*, I, s. 104—106), латышском (*Арайс-Медне*, с. 53). Русских вариантов — 14, украинских — 4, белорусских — 7. Старейшая русская публикация относится к XVIII в. (*Левшин*, 1, с. 221). Текст сборника Афанасьева своеобразен развитием некоторых мотивов: бесстрашный избивает Смерть и сатану, спасает царевну от нечистых.

350(204c) Место записи неизвестно.

*АТ 326 В** (Бесстрашный). Из своеобразных мотивов отметим: бесстрашный изгоняет чертей из дворца, очищает от них зеленый луг.

351—362. РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ
(с. 60—70)

351(205a) Записано в Воронежской губ. и доставлено Афанасьеву Н. И. Второвым.

АТ —. Данная быличка (легендарный рассказ) примыкает своим содержанием к сказкам о Бесстрашном (*АТ 326, 326 В**), которые испытали влияние быличек о мертвецах, сблизились отчасти с быличками и в свою очередь оказали на них воздействие.

После слов «Вот она взяла саван, приходит домой» (с. 61) Афанасьев указал два варианта:

«*Вариант 1:* Хозяйка хвастает: «Я ничего не боюсь! Хоть сейчас пойду к церкви». — «Ну пойди!» Вот идет она к церкви и видит: стоят покойники. Девка сотворила вслух молитву, покойники расступились и дали ей дорогу. Подошла она к церкви, взялась за веревку и ударила в колокол; стала назад идти, сорвала с одного покойника саван и прибежала в избу.

Вариант 2: На деревенских посиделках полюбил один парень красную девку, полюбила и она его крепко; а была она сирота бедная, так жила в чужом доме в работницах. Раз у ее хозяина засиделись долго гости; после надо закуски, посуду убрать, вот и опоздналась красная девица. На дворе полночь,

а на посиделки хочется. «Чего бояться? Побегу, хоть минутку на милого погляжу!» Побежала, а дорога-то шла мимо кладбища. Глядь — на дороге покойник стоит, весь в белом. Девка думает, что то ее парень — испугать хочет, подбежала к нему, обхватила и говорит: «Ах, милый мой! Я тебя не боюсь». Мертвец исчез, а в руках девицы осталась белая рубаха. Отнесла ее домой и спрятала в укромное место. Ночью стучится мертвец. «Кто там?» — спрашивает хозяин. «Отдай мою рубаху!» — «Какую рубаху?» — «Твоя работница знает; спроси её...»

Даны два варианта окончания сказки:

«*Вариант 1:* Отец с матерью благословили свою дочь отнести саван на кладбище. Вот идет она на кладбище — стоят покойники, один совсем голый; стала надевать на него саван — тут её покойники схватили и разорвали на мелкие части!

Вариант 2: Пошла бедная девка на кладбище и пропала. Наутро стали осматривать могилы — одна как будто недавно взрыта; разрыли, а в ней лежит мертвец с тою девицей, крепко-накрепко охватил ее руками — костлявые пальцы так и впились в белое тело! Лежит она мертвая, русая коса в горло втиснута. Взяли их розняли: девицу похоронили с честью, а тому мертвецу осиновый кол вбили».

352(205b) Записано в Моршанском уезде Тамбовской губ. Алексеем Добровольским.

АТ —. Ср. *АТ 760 А*:* бесстрашный заставляет мертвеца поведать его тайну (например, текст № 370). Относится к быличкам о мертвецах. Нередко героем подобных восточнославянских быличек выступает бесстрашный солдат,— он, выпытав тайну у упыря, оживляет умерщвленных тем молодых людей.

После слов «где был и что делал?» (с. 61) Афанасьевым указан вариант: «Мертвец уходит из могилы: мужик занимает его место. «Выходи из моей могилы!» — кричит мертвец, воротясь назад.— «Не пойду, пока не скажешь, куда уходил!» — «Вот под таким-то камнем спрятаны мои деньги; ходил посмотреть: все ли цело?» — «А как добыть твои деньги?» — «Ну, это трудно! Только мизинный палец с моей руки может поднять камень». Тут запели петухи, мертвец грохнулся наземь; мужик вылез из могилы, отрезал у него мизинец, поднял камень и завладел всем богатством».

353(205c) Место записи неизвестно.

АТ —. Отчасти напоминает сюжетный тип *АТ 365* (Жених-мертвец): человек, завлеченный мертвецом в гости, спасается бегством. Относится в основном к быличкам. Сюжет о женихе-мертвеце устно бытует в Европе в форме сказки, былички и (в некоторых странах) в песенной балладной форме. В *АТ* учтены, наряду с прозаическими текстами на европейских языках, турецкие. Русских вариантов — 15, украинских — 15; белорусских — 7, в том числе и варианты, занимающие в жанровом отношении промежуточное положение между сказками и быличками. История сюжета о женихе-мертвеце связана с итальянской новеллой XII—XIII вв., с балладами Г. А. Бюргера («Lenore», 1773), В. А. Жуковского («Людмила», 1808, «Светлана», 1811, «Ленора», 1831), П. А. Катенина («Ольга», 1816). Из многочисленных исследований отметим: *Дестунис Г. С.* Сказание о брате-мертвеце или женихе-мертвеце. СПб., 1886; *Созонович И.* «Ленора» Бюргера и родственные ей сюжеты. Варшава, 1893; *Huska M. A.* Medzilovanske paralele lenorskeho cyclu.— Národopisný sbornik, Praha, 1943, roč. 4, s. 227; *Peuckert W. E.* Lenore. (*FFC*, N 158). Helsinki, 1955.

354(205d) Записано в Моршанском уезде Тамбовской губ. Алексеем Добровольским.

АТ —. Вариант, традиционный для восточнославянской солдатской былички, замечателен яркой разработанностью сюжета.

355(205e) Место записи неизвестно.

АТ —. Вариант того же сюжета, что и в предыдущем тексте. Записана быличка от умелого рассказчика.

После слов «и будут здравы и невредимы» (с. 65) Афанасьевым указаны два варианта:

«*Вариант 1:* Надо у черной коровы надоить молока в чистую тарелку да отыскать такой старый гвоздь, который уж ржавчина переела; после раздеть

молодых — будет у них на груди по три синих пятна; тогда взять тот старый гвоздь, обмочить в молоко и капать на синие пятна; сейчас оживут.

Вариант 2: «Ну, так и быть,— сказал колдун,— молодые спят смертным сном. У самых дверей воткнул я в стену гороховое зерно: если его вырвать да приложить к голове жениха или невесты — они тотчас проснутся».

После слов «Будет с тебя и этого!» (с. 65) дан вариант: «Приехал колдун со свадьбы и говорит солдату: «Ну, внучек, теперь я тебя съем!» — «Эх, дедушка, сегодня ты и так много ел; оставь меня на завтра — все равно от тебя не уйду».— «Ладно!» — отвечает колдун; вышел из избы, стал у дверей и слушает, что будет внучек говорить. А солдат-то приметил и говорит сам себе: «Ведь когда-нибудь умирать надо! Так уж лучше пускай меня дедушка съест, чем могильные черви». Колдун поверил и ушел...»

356(205f) Место записи неизвестно.

АТ —. Эта характерная солдатская быличка отчасти напоминает сюжет типа *АТ 326 (326 В*)* — о бесстрашном, поборовшем колдунов-мертвецов, нечистую силу.

357(205g) Место записи неизвестно.

АТ —. Нравоучительная быличка, не имеющая отношения к традиционным сказочным сюжетам.

358(205h) Место записи неизвестно.

АТ 470 (В гостях у мертвецов: человек следует за умершим другом на тот свет и проводит там триста лет, думая что был в гостях совсем недолго). В *АТ*, кроме европейских (итальянских, румынских, словенских, чешских, польского, русского) и франко-американских, учтены варианты на турецком и китайском языках. Русских вариантов — 1, украинских — 10, белорусских — 2. Восточнославянские варианты имеют легендарный колорит, тяготеют к жанру былички-побывальщины. Сюжет литературно обрабатывался на Западе в средние века и имеет родственную связь с легендой о Дон Жуане и Каменном госте. Как отмечено в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 434), некоторые подробности русского варианта точно воспроизводят легенду из сербского сборника «Беседы» Матвея Дивковича (1610). Сюжетному типу *470* посвящены специальные исследования: *Wesselski*, S. 241; *Mackay D.* The Double Invitation in the Legend of Don Juan. Stanford University, 1943; *Petzold L.* Der Tote als Gast. Volkssage und Exempel (*FFC*, N.200). *Helsinki*, 1968.

359(205i) Место записи неизвестно.

АТ 760 (Мертвец за грехи не имеет покоя в могиле: брат добывает ему прощения проклявшей матери) + *507 В* (Благодарный мертвец). Первый сюжет учтен *АТ* в финском, финско-шведском, лопарском, датском, испанском, немецком, сербохорватском и русском фольклоре. В опубликованном русском материале текст сборника Афанасьева является единственным. Варианты сюжетного типа *507* учтены *АТ* в литовском, итальянском, румынском, греческом, русском и индийском фольклоре. Русских вариантов — 2. О средневековых сказках типа «Благодарный мертвец» см.: *Libjeblad S.* Tobiasgeschichte und andere Märchen mit toten Helfern. Lund, 1927; *Wesselski*, S. 200—202; *Пропп. Ист. ск.*, с. 134—136. Восточнославянские варианты сюжетов о беспокойном мертвеце-грешнике и благородном мертвеце не обладают значительной устойчивостью и носят не столько сказочный, сколько легендарный характер.

360(205k) Место записи неизвестно.

АТ —. Сходный с данной традиционной быличкой эпизод бегства от преследующего мертвеца встречается в ряде восточнославянских вариантов сюжетного типа *АТ 365* (Жених-мертвец). Ср. *Садовников*, № 72 б.

361(205l) Место записи неизвестно.

АТ —. Афанасьев в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 490) указал на сходные былички о приходе умершей матери к своему младенцу кормить его грудью.

362 (205, прим.) Записано, как указал Афанасьев, в одной из западных губерний.

АТ —. Легендарный сюжет о том, как мертвецы преследовали грабителя и, поставив гроб на гроб, взбирались на церковные хоры, получил международное распространение. Афанасьев в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 490) привел подобный украинский рассказ из «Записок о Южной Руси» П. Кулиша (т. II,

СПб., 1857, с. 42—44) и подобные же русские рассказы. Белорусские рассказы записаны и опубликованы М. Федеровским (*Federowski*, I, N 185, 202; II, N 183, 205). Встречается сюжет о лестнице из гробов в польском материале («Wisla», III, 1889, с. 730), а также в английском, немецком, датском, греческом, албанском, сербском, болгарском (см.: *Веселовский А. Н* История эпоса. СПб., 1886. ч. 1, вып. 2, с. 119—120), армянском (см.: Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1898, вып. XXIV, отд. 2, с. 102—104). Отмечалась (например, в комментарии М. К. Азадовского к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. I, с. 435) связь сюжета с песней «Эдды» о Жельчи и Смурне и средневековой христианской нравоучительной литературой. К легендарному сюжету о нападении мертвецов в церкви на грабителя относится стихотворение Гете «Totentanz» («Танец мертвецов»).

363. УПЫРЬ
(с. 70—73)

363(206) Место записи неизвестно.

АТ 363 (Жених-упырь) + *407* (Девушка-цветок). Первый сюжет учтен в *АТ* в финском (54 текста), финско-шведском, эстонском, ливском, норвежском, датском, ирландском, испанском, итальянском, чешском, сербохорватском, польском, русском и турецком материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 59), украинском, белорусском. Русских вариантов — 2, украинских — 2, белорусских — 2. В некоторых вариантах, более подробных, жених-упырь, или муж-упырь пожирает трупы в трех церквах, является к невесте в облике ее отца, матери. Этот сюжет, напоминающий сказку о Сиди Нумане и его жене-колдунье из «Тысячи и одной ночи» (*АТ 449*), обрабатывался датским писателем и фольклористом С. Х. Грундтвигом (См.: *Lunding A*. The System of Tales in the Folklore Collection of Copenhagen, N 85). Контаминация сюжетных типов *363* и *407*, *365* (Жених-мертвец) и *407* встречается в сборниках восточно- и западнославянских сказок неоднократно и особенно характерна для репертуара карпатской и закарпатской Украины, а также словацкого Закарпатья. Ю. Поливка высказал предложение о том, что слияние сюжетов о женихе-мертвеце (упыре) и девушке-цветке произошло на карпатской культурной почве. В *АТ* сюжетный тип *407* учтен в балтском, германском, балканском, славянском, а также индийском, китайском материале. Русских вариантов — 2, украинских — 6 (записаны в Закарпатье), белорусских — 2. Тема упыря, как отметил в комментариях к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 436) М. К. Азадовский, часто разрабатывалась на фольклорной основе в мировой романтической поэзии начала XIX в. Особенно характерны в этом отношении произведения П. Мериме, Ш. Нодье, а также поэма «Дзяды» А. Мицкевича (фольклоризму поэмы Мицкевича посвящено исследование Ю. Кшижановского «Ludowosć w «Dziadow» Częśći III»: *Krzyżanowski. Par.*, s. 350—368).

364. ИВАН-КУПЕЧЕСКИЙ СЫН ОТЧИТЫВАЕТ ЦАРЕВНУ
(с. 73—75)

364(207) Место записи неизвестно.

АТ 307 (Девушка, встающая из гроба). Сюжет распространен преимущественно в странах Восточной Европы. В *АТ* наряду со славянскими, балтскими и балканскими учтены варианты, записанные во Франции, Бельгии, Германии, Дании, Индии, Африке, Америке (на франц. яз.). Русских вариантов — 46, украинских — 31, белорусских — 14. Ср. повесть Гоголя «Вий». Данный текст носит не столько сказочный, сколько легендарный характер. Эпизод изгнания из царевны злого духа Иваном-купеческим сыном сходен с эпизодом освобождения от нечистого духа королевны Силой-царевичем в сказке, перепечатанной Афанасьевым в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 493) из сборника XVIII в. «Лекарство от задумчивости» (см. текст № 575 настоящего издания). Заключительный эпизод является традиционным и для сказок типа *307*, и для сказок типа *507*. Отражению легендарного сказочного сюжета о девушке, встав-

шей из гроба, в польской литературе посвящено исследование Ю. Кшижановского «Dziewicz-trup» (*Krzyżanowski. Par.*, s. 524—539).

После слов «На другую ночь было то же самое» (с. 74) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке Иван купеческий сын скрывается от царевны в первую ночь за царские двери, а во вторую — за престол. Царевна встает из гроба и кричит громким голосом: «Сестрицы мои голубушки! Поищите — кто здесь?» На тот зов слетаются ведьмы...»

365—369. РАССКАЗЫ О ВЕДЬМАХ
(с. 75—82)

365(208a) Место записи неизвестно.

АТ —. *СУС* — *307 H**. Русских вариантов опубликовано — 6. Былички о наказанной ведьме-людоедке встречаются в украинских и белорусских дореволюционных фольклорно-этнографических сборниках. Сюжет использован Гоголем в первой главе повести «Майская ночь, или утопленница». Сходная башкирская сказка-быличка о солдате, избавившем деревню от людоеда, который по ночам губил девушек, напечатана в кн.: *Башк. творч.*, II, № 26.

366(208b) Место записи неизвестно.

АТ 307 (Девушка, встающая из гроба). Отсутствует характерный для сказок этого типа финал: обычно юноша, разрушив колдовские чары, получает руку избавленной от чар девушки. В данном варианте, как и в «Вие» Гоголя, попович три ночи сряду читает псалтырь в церкви над лежащей в гробу девушкой-людоедкой, ведьмой, несмотря ни на какие наваждения. Но если гоголевский Хома в третью ночь погибает, сказочный попович остается жив.

367(208c) Место записи неизвестно.

Основная часть относится к типу *АТ 307*. Так же, как и предыдущий, вариант имеет сходство с повествованием Гоголя в «Вие» о том, как бурсак Хома «отчитывал» три ночи мертвую панночку. Своеобразно разработан эпизод погребения ведьмы солдатом. Во вступительной части эпизод превращения ведьмы в лошадь, верхом на которой солдат мчится по горам, по долам, близок к сюжету «Солдат и ведьма», учтенный в *СУС* под номером — *832***. Русских вариантов — 4, украинских — 1, белорусских — 3. В подробных вариантах солдат останавливается на постой в избе ведьмы, выслеживает хозяйку и, превратив ее в лошадь, ездит на ней верхом всю ночь, попадает на шабаш (к чертям); ведьма снова принимает человеческий облик, но руки и ноги оказываются подкованными; ее, изобличенную, казнят. Ср. стихотворение Пушкина «Гусар» (1833, напеч. в 1834 г.). История сюжета связана с «Золотым ослом» Апулея, «Оносом» Псевдолукиана, рассказом Талмуда о колдуне Ианнаи, «Симплициссимусом» Гриммельсгаузена и с «Гексамероном» испанского новеллиста XVI в. Л. Торквемады. Подобные рассказы имеются также в западноевропейских трактатах о колдовстве. Исследования: *Андерсон В.* Роман Апулея и народная сказка. Казань, 1914, т. I, с. 87—192; *Богатырев П. Г.* Стихотворение Пушкина «Гусар», его источники и влияние его на народную словесность.— В сб.: Очерки по поэтике Пушкина. Берлин, 1923, с. 147—195.

368(208d) Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ.

АТ —. *СУС* — *307 H**. В быличке о неверной жене-колдунье проявляется влияние сказочных мотивов и сказочного стиля. Это отчасти легендарное, отчасти сказочное повествование.

369(208e) Место записи неизвестно.

АТ —. Относится к традиционным сюжетам быличек о смерти колдуньи (или колдуна), тело которой уносят черти. Афанасьев в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 494) указал параллели из двух украинских сборчиков (*Nowosielski A.* «Lud ukraiński...». Wilno, 1857, II, № 370 и *Рудченко И.* Народные южнорусские сказки. Киев, 1869, вып. I, № 37).

370. СМЕРТЬ СКУПОГО
(с. 82)

370(209) Записано в Саратовской губ.

*AT 760 A** (Смерть скупого). В *AT* легендарный сюжет учтен в русском фольклорном материале и в испанской средневековой литературе — по каталогу Келлера (*Keller J. E.* Motif-Index of Mediaeval Spanish Exempla. Knoxville, Tennessee, 1940, N Q 272.3). Русских вариантов — 2, украинских — 5, белорусских — 4. Особенно подробную сказочную разработку и популярность получили польские сказки о ловком лакее Флерке, который с помощью черта вытряс проглоченные перед смертью паном деньги из его трупа (*Krzyżanowski*, I, s. 249—250); им близки и сказки западнобелорусского сборника (*Federowski*, II, № 252). Из не учтенных Томпсоном сказок данного типа следует также отметить латышские (*Арайс-Медне*, с. 123).

371. СКРИПАЧ В АДУ
(с. 82—84)

371(210) Записано в Зубцовском уезде Тверской губ.

*AT —. СУС — 677*** (Скрипач или гармонист у чертей, в аду) + *761 A** (Богач в аду). Традиционная для фольклора восточных славян контаминация сюжетов. Русских вариантов сюжета «Скрипач у чертей» — 12, украинских — 6 (дополнительно к учтенным в *СУС* отметим: Современник, 1856, № 11, раздел «Смесь», с. 19—22; Сб. Харьковского Историко-филологического о-ва. Харьков, 1893, т. V, вып. 1, с. 64—65 — две былички; *Даниленко И.* Этнографические сведения о Подольской губернии. 1869, с. 21, раздел II), белорусских — 8. Эпизод, в котором по желанию скрипача сами лопаются струны скрипки, напоминает игру на гуслях былинного Садко в подводном царстве. Обычно в фольклорных повествованиях о похождениях скрипача в аду (у чертей на свадьбе) герой, протерев глаза, обретает способность видеть нечистых «гостей» и «дворец» в истинном виде; он возвращается на землю в сопровождении черта, от которого потом избавляется. Русских вариантов второго сюжета — 2, украинских — 1, белорусских — 3. Ср. известную древнюю новгородскую «Повесть о посаднике Щиле», сохранившуюся в нескольких рукописных списках и получившую отражение в новгородской инокописи. Заключительный эпизод текста — «Благодарность за строительство моста» — имеет параллели в восточнославянских легендах разных типов и известен также в виде самостоятельного легендарного рассказа, былички.

372. ГОРШЕЧНИК
(с. 84—85)

372(211) Место записи неизвестно.

*AT —. СУС — 817**** (Черт-горшечник) — учтен только один русский текст. К сюжетному типу относится и «Горшечник» сборника Афанасьева, не учтенный в *СУС*. Теме «Богатство, добытое благодаря черту, до добра не доведет» посвящены разнообразные сказки и легенды. К ним относится и украинская легенда о нежданно разбогатевшем батраке, использованная Гоголем в повести «Вечер накануне Ивана Купала».

373. ВДОВА И БЕС
(с. 85)

373(212) Место записи неизвестно.

*AT —. СУС — 365 D***. Афанасьев в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 494—495) указал на аналогичные легендарные рассказы, напечатанные в «Казанских губернских ведомостях» (1859, № 7, с. 62) и в сб. Л. Семеньского (*Siemeński L.* Podania i legendy polskie, ruskie i litewskie», Poznań, 1845, s. 36—37). В «Указателе сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персо-

нажах» С. Айвазян (см.: *Померанцева Э. В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975, с. 178— Указатель) отмечены, наряду с текстом сборника Афанасьева, 13 опубликованных текстов восточнославянских быличек о черте, принявшем облик знакомого, родственника. Однако обстоятельную легендарно-сказочную трактовку сюжет о черте в облике мужа получает редко. Отметим не так давно записанную легендарную сказку о черте, который пришел к жене солдата в облике её мужа во время войны. (Сказки, легенды и предания Башкирии в новых записях на русском языке./Под ред. и комм. Л. Г. Барага. Уфа, 1975, № 21).

374. ЛЕШИЙ
(с. 86)

374(213) Место записи неизвестно.

АТ —. Относится к быличкам о лешем. Ср. *АТ 813 А* (Проклятая дочь, унесенная чертом или лешим,— тексты № 227, 228). Леший в облике старика, ковырящего лапоть при свете луны, рисуется и в других русских быличках: в Указателе С. Айвазян (см. предыдущее прим.) учтено 3 варианта.

375—377. МОРОКА
(с. 87—91)

375(214а) Место записи неизвестно.

АТ 664 В (Морока). Сказки учтены Томпсоном в европейском (балтском, скандинавском, германском, славянском, французском, фламандском, ирландском) и франко-американском фольклорном материале. Русских вариантов — 10, украинских — 1, белорусских — 1. Недавно опубликован относящийся к данному сюжетному типу хантыйский мифологический рассказ (см.: *Юдин Ю. И.* Русская бытовая сказка и хантынский мифологический рассказ.— Советская этнография, 1979, № 1, с. 124—132). Отдаленное сходство со сказками о мороке, не лишенных, как, например, текст сборника Афанасьева, юмористического оттенка, имеет рассказ индийской «Катхасаритсагара» («Сомадевы») о демонах, морочивших человека. Приведенный Афанасьевым в Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 495) рассказ из «Саратовских губернских ведомостей» (1860, № 9) относится к особой разновидности сюжета о мороке — тип *СУС — 664 С*** (см. *Чудинский*, № 24а).

В Примечаниях к сказке Афанасьев отметил:

«Морочить или отводить глаза значит: заставить всех присутствующих видеть то, чего на самом деле нет. Это чародейное искусство обыкновенно приписывается колдунам и ведьмам. Не раз приходилось нам выслушивать от простолюдинов рассказы о том, как положили колдуна или ведьму наказывать плетьми, а им и горя мало; всем кажется, что плеть бьет по голой спине, а на деле она ударяет или по земле, или по бревну. Те, которым случалось приходить на место казни позже других и глаза которым не были потому зачарованы, усматривали обман и открывали его сельскому сходу».

После слов «и побежали в чисто поле» (с. 87) Афанасьевым дан вариант начала сказки: «Пришел к старику солдат». «Пусти ночевать!» — «Иди, служба! Только, чур, всю ночь рассказывать; ведь ты человек бывалый, много видел, много знаешь!» — «А что тебе сказывать: быль или не́быль?» — «Сказывай бывальщину». Солдат рассказал про свое житье-бытье, где бывал и что видал; говорить-то больше нечего, а хозяин все не спит. «Постой,— думает,— отведу ему глаза!» — «Хозяин, а хозяин! Знаешь ли, кто с тобою на полатях лежит?» — «Кто? Вестимо — солдат».— «Нет, брат, не узнал; пощупай-ка рукою». Старик ухватил его рукою — как есть медведь лежит! И крепко он испугался. «Да ты меня не бойся, посмотри на себя: ведь и ты, брат, такой же медведь, как я!» Старик ощупал себя — кругом оброс шерстью! Вот и лежат они медведями. «Слушай, хозяин,— говорит солдат,— нам теперь лежать на полатях не приходится; чего доброго, как увидит нас народ да признает за настоящих зверей — тогда не миновать смерти! Лучше до поры до времени убраться с богом. Пойдем в лес! И побежали они в дремучий лес...»

Вариант окончания сказки: «Ох, господи!» — застонал старик. «Что с тобой? Али черти с полатей сбросили?» — говорит солдат. «А ты, служивый, разве на полатях лежишь?» — «А где ж? Ты и в самом деле думаешь, что меня охотники убили?»

376(214b) Место записи неизвестно.

*AT 664 A**. Эта разновидность сюжета «Морока» встречается только в русских сборниках — 6 вариантов. Отчасти напоминает, как отмечено в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 439), сказку о Шахабеддине из «Синбад-наме» и аналогичную сказку из «Тысячи и одной ночи» (ночи 582—584).

После слов «Покажи, как ты сделал это?» (с. 88) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке вместо матроса выведен солдат. Трактирщик доносит на него фельдфебелю, фельдфебель ротному командиру, ротный полковнику, полковник генералу, и дошло дело до самого государя. Призвал он солдата, стал допрашивать; перед царем не солжешь — признался ему солдат, умеет морочить, туман в глаза напускать. «А ну, служивый,— говорит царь,— сыграй-ка ты с нами свою игрушку». Солдат глянул в окно и закричал: «Не до игрушки, ваше величество! Того и смотри, что совсем потонем...»

После слов «собрали с мужиков деньги и стали делиться» (с. 88) дан вариант окончания сказки: «Все лето царь да солдат пасли деревенскую скотину, а настала осень — мужики заплатили им, что́ следовало деньгами да по уговору исправили им новые сапоги и полушубки. Снарядились они и пошли домой; месяца три до своей земли тащились: приходят в стольный город и идут рынком. Солдат купил пару телячьих лопаток: одну дал царю, другую сам несет. Вдруг прибежала стража: «Стойте, что у вас в руках?» Поглядели, а в руках-то вместо телячьих лопаток очутились человечьи ноги. Вот беда! Хоть кандалы надевать да в тюрьму тащить. Царь испугался; пожалел его солдат, как крикнет во все солдатское горло и в ту же минуту очнулся царь. Видит он, что по-прежнему стоит во дворцовой палате у окошка, что при нем те же самые люди, и всего-то прошло с полчаса времени; ему почудилось, будто целое лето скотину пас. «Ну, молодец ты, солдат!» — сказал царь и велел отпустить его в чистую (то есть отставку), а трактирщику заплатил за него деньги из своей государственной казны».

377(214c) Место записи неизвестно.

AT 664 A + 664 B**. Имя Аггей носит царь в «Повести о гордом царе Аггее», известной по русским рукописным сборникам XVII в. Так же именуется царь в ряде литературных обработок легендарно-сказочного сюжета о гордом царе (*AT 757*): в «Сказании о гордом Аггее» В. М. Гаршина (1886), в стихотворной украинской «Повісті про царя Аггея» В. Щурата (1894), в «Оповіданні про царя Аггея» Ивана Франко (1902), в сказке «Царь Аггей» А. М. Ремизова (1914—1917), напечатана в 1933 г.). В повествованиях о гордом Аггее он испытывает не иллюзорные злоключения, как обмороченный Иваном-бурлаком царь Агей сказки сборника Афанасьева, а такие бедствия, которые являются чудесной карой за грехи его. Последняя часть сказки, где повествуется о мнимом превращении мужика, расположившегося слушать сказку Ивана-бурлака, в медведя, сходна с небылицей о приснившихся чудесных похождениях, например «Сон-небылица» (см. *СУС — 1910**).

После слов «и полетел с полатей наземь» (с. 91) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке бурлак приходит к мужику и морочит его тем же, чем и царя: будто вся изба полнехонька водой налилась. «Это еще не большая беда,— думает мужик,— ведь я плавать умею». Бросился было плыть, да и загремел с полатей, весь живот отбил».

378. ДОКА НА ДОКУ
(с. 91—92)

378(215) Место записи неизвестно.

AT —. Характерная восточнославянская быличка о состязании сведущего в колдовстве солдата с мстительным колдуном, чинившим путем чародейства преграды на пути свадебного поезда. Рассказы о колдовских чарах, направлен-

ных во вред свадебному поезду, имеются и в неславянском фольклорном материале. Ср., например, близкий русской быличке башкирский легендарный рассказ «Мосафир» («Путник») в кн.: *Башк. творч.*, II, № 25.

379—380. ВОРОЖЕЯ
(с. 92—96)

379(216а) Записано в Тамбовской губ., близ села Кадома.

АТ 1641 (Знахарь). Сюжет распространен во всех частях света. Наибольшее количество текстов учтено в *АТ* в европейском материале. Русских вариантов — 49, украинских — 18, белорусских — 11. Вариант сборника Афанасьева является одним из наиболее полно разработанных в восточнославянском фольклоре. Истоки сюжета связаны с памятниками древней индийской литературы «Гунадхия» (I—II вв. н. э.), «Катхасаритсагара». Подобная сказка есть в древнем монгольском сборнике VII—VIII вв. «Шиди-хюр» («Волшебный мертвец», сказка «Знахарь со свиной головой»). Старейшая европейская литературная обработка — в сборнике новелл Серкамби (ок. 1400 г.). В XVI в. сюжет был пересказан Бебелем в книге «Фацеций» (сказка «Об одном угольщике») и Страпаролой в книге «Приятные ночи» (ночь XIII, сказка 6). Первая литературная обработка русской народной сказки — *Спутник*, II, № 233. Мастерским литературным пересказом сюжета является сказка А. М. Ремизова «Догадливая» из его сборника «Докука и балагурье» (СПб., 1914). Исследования: *Миллер Вс. Ф.* Восточные и западные родичи одной русской сказки.— Труды этногр. отд. Общ-ва любителей естествознания, Антропологии и Этнографии. М., 1877, кн. IV, с. 174—190; *Гордлевский В.* Обзор турецких сказок по сборнику Куноша.— Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900, с. 187—219 (Сказка № 94, с. 216—217); *Крымский А.* По поводу сюжета сказки № 94, послужившей темою первого ученого труда В. Ф. Миллера.— Там же, с. 219—224; *Polívka J.* Lidové povidky slovanské. I. Praha, 1929, s 23—86.

380(216б) Место записи неизвестно.

АТ 1641 (Знахарь).

Вместо имен воров «Брюхо» и «Ребро» (с. 95) в сноске Афанасьев указал имена «Пузо» и «Слива» — из другого варианта сказки.

381. ЗНАХАРЬ
(с. 96—97)

381(217) Место записи неизвестно.

АТ 1641 (Знахарь). Знахарь по имени Жучок, восклицающий «Что, попался, Жучок...» и тем самым случайно угадывающий, что у царя в руке зажат жучок — традиционный персонаж восточнославянских сказок. Эпизод с жучком имеет соответствие в западных вариантах сюжетного типа *1641*, так же, как и другой традиционный для восточнославянских сказок эпизод случайного угадывания, кто украл жемчуг: «Слава богу все три есть!» (ср., например, аналогичный эпизод в упомянутой сказке из сборника Бебеля — см. прим. к предыдущему тексту).

382. СЛЕПЦЫ
(с. 97—99)

382(218) Место записи неизвестно.

*АТ 1577** (Слепой и нищий). В *АТ* учтены только эстонские, словенский и турецкий варианты. Русских вариантов — 1, украинских — 2. Заключительный эпизод близок к сюжетному типу *АТ 1577* (Человек ссорит двух слепцов), отмеченному только в русском материале.

После слов «следом за ним пошел и мужик» (с. 98) Афанасьевым дан вариант начала сказки: «В некотором царстве жил-был старик со старухою в большой бедности; работать-то не в силах, а что было — то прожили. Одна коровенка осталась. Говорит старику старуха: «Веди на базар корову да про-

дай; станем жить на эти последние деньги. А как проживем, тогда делать нечего — наденем на плечи котомки и пойдем побираться по́ миру». Старик зацепил корову за рога веревкою, пошел в город и продал за десять целковых. Идет домой, а навстречу ему двое слепых. «Здравствуйте, божие люди!» — «Здравствуй, добрый человек! Откуда идешь?» — «Да, вот водил в город последнюю корову продавать».— «А за много продал?» — «За десять целковых». Слепые недолго думали, схватили его за руки и вытащили кошель с деньгами да припрятали к себе в лохмотья. «Смилуйтесь, братцы! — просит их старик.— Я сам человек бедный, самому скоро идти по миру!» — «Пошел ты к черту! Что ты на слепцов накинулся!» Идут они дорогою; а старик за ними, горько плачет, боится с пустыми руками показаться старухе...»

После слов «тащит оттудова бочонок» (с. 98) указан вариант: «Полез в подполье и вытащил оттуда кувшин — полнёхонек серебра; поставил на стол и высыпал в него из мошны собранные деньги. Мужик глядел-глядел, напустил на себя смелость и сграбастил кувшин в свои лапы».

После слов «и побежал домой без оглядки» (с. 99) указан вариант: «Не нащупал слепой кувшин и стал звать соседа (такой же слепой нищий был): «Кум, а кум! Поди поскорей!» Кум пришел с большой дубиною, расспросил как следует и говорит: «Охота в кувшине деньги держать! Вот у меня так не пропадут: всегда со мной, вся дубинка целиком набита!» Сел кум на лавку, а дубинку возле себя поставил; мужик и ее схватил да давай бог ноги!»

383—390. ВОР
(с. 99—112)

383(219а) Место записи неизвестно.

AT 1525 A (Ловкий вор) + *1525 P* (=*AA 1525 G**. Кража быка) + *1737* (Поп в мешке). Традиционная сюжетная контаминация. Первый сюжетный тип распространен во всех европейских странах и учтен *AT* в турецком, индийском, индонезийском, японском и арабском (Chauvin, VIII, p. 136) материале, английском и испанском языках в Америке. Старейшая литературная версия — в книге арабского писателя X в. Масуди (*Masudi*. Les prairie d'or, VIII). Первой известной европейской литературной обработкой сюжета является сказка о ловком воре итальянского новеллиста XV в. Манетти. В середине XVI в. подобная сказка была пересказана Страпаролой в книге «Приятные ночи» (ночь I, сказка 2). У Масуди, Манетти и Страпаролы сюжет о ловком воре контаминирован с сюжетом «Поп в мешке», как в варианте сборника Афанасьева и в ряде других восточнославянских фольклорных текстов. Сюжет «Ловкий вор» вошел также в немецкий сборник шванков И. Паули «В шутку и всерьез» (*Pauli*. «Schimpf und Ernst»), изданный впервые в 1553 г. Распространение сюжета на Западе связано и со шведской народной книгой XVII в., напечатанной в 1843 г. на норвежском языке в переложении П. К. Асбьернсена и Й. И. Му (см.: *Liungman*, S. 301—302). Первая русская обработка сюжета — *Левшин*, 2, с. 32—53 («О воре Тимоне»). Сюжет о краже быка учтен в *AT* в эстонском, литовском, русском, встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 190). Русских вариантов — 4, украинских — 2, белорусских — 5. Сюжет типа *1737*, иногда получающий самостоятельную разработку и нередко контаминируемый с сюжетом типа *1740* (Свечи на спинах раков), учтен *AT* в многочисленных вариантах, записанных на европейских языках, в Европе и Америке, а также на турецком, японском, корейском, языках народов Индии, Индонезии, Филиппин, Америки. Русских вариантов — 16, украинских — 10, белорусских — 3. Поскольку история сюжетов типа *1737* и типа *1525* связаны между собой, они рассматриваются в некоторых исследованиях как цельная композиционная структура (см. *Wesselski*, Versuch einer Theorie des Märchens. Reichenburg, 1931, S. 17—18). В варианте сборника Афанасьева отражаются нравы эпохи крепостного права (старик идет к барину бить челом на сына; барин угрожает Ивану «...— влеплю двести плетей»). Своеобразно разработан вступительный эпизод (старики не хотят кормить взрослого сына-бездельника), необычные подробности есть в эпизодах похищения Иваном барских сапог, черного быка и др. Ис-

следования: *Юдин Ю. И.* Из истории русской бытовой сказки.— Русский фольклор, XV, Л., 1975, с. 77—92.

384(219b) Записано в Малоархангельском уезде Орловской губ.

AT 1525 A+отчасти *1525 D* (Вор притворяется повесившимся на дереве). В варианте первого сюжетного типа есть ряд отсутствующих в предыдущем тексте, но традиционных для восточнославянских сказок типа *1525 A* эпизодов — испытания ловкости вора-ученика вором-учителем, кражи барыни, шкатулки. Иначе, чем в тексте № 383, но, традиционно разработан эпизод кражи коня. Сюжетный тип 1525 D, обычно в разных соединениях с другими родственными им сюжетными типами, учтен в *AT* только в вариантах на европейских и турецком языках. В опубликованном русском фольклорном материале тип *1525 E* имеет 9, в украинском 8, в белорусском — 1 вариант. Тип *1525 D* представлен в восточнославянских сборниках 36 русскими, 15-ю украинскими и 9 — белорусскими текстами. Первые русские публикации всех трех сюжетных типов — в сборниках XVIII в.: *Левшин*, 2, с. 32—53; *Погудка..*, I, № 6, с. 3—26. Имя «Климка» нередко носит герой русских сказок типа *1525* (ср. текст № 387); так же именуется герой в некоторых белорусских и украинских сказках данного типа.

После слов «у сороки яйца красть» (с. 101) указан вариант начала сказки: «Жили-были два брата родные; один — беден, другой — богат: у бедного — три сына, у богатого — ни единого. Вот все три племянника собрались и пошли к дяде: «Дядя, отчего ты богаче нас?» — «Оттого,— говорит,— что день я работаю, а ночь приворовываю».— «Возьми и нас с собой приворовывать».— «Пойдемте» Пришли они в село; стоят рыльи (рель, качели). «Дядя, это что?» — «Это славная штука: как поймают нас, так на ней повесят!» — «Если так,— говорят два старшие брата,— не хотим воровать!» А меньшой: «Ну, бабушка на́двое сказала: либо нас повесят, либо мы повесим!» — «Молодец! — говорит дядя.— Пойдем, я покажу тебе, как у сороки яйца крадут...» (Записано в Воронежской губернии)».

385(219c) Записано в Воронежской губ.; рукопись доставлена Афанасьеву Н. И. Второвым.

AT 1525 D (Ловкий вор обманывает проезжих или прохожих).

386(219d) Место записи неизвестно.

AT 1525 A (Ловкий вор) + отчасти *1525 K** (Кому должна достаться шуба или другая вещь). В развернутых вариантах типа *1525 K** (см. текст № 383) один из двух воров-сообщников забирается к сонному барину (генералу, попу) рассказывает ему о краже в виде сказки-сна, и тот определяет, кому из двух грабителей должна достаться украденная у него ценная вещь. Сюжет отмечен Томпсоном только в русском и литовском фольклорном материале, но имеется и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 190). Русских вариантов — 26, украинских — 11, белорусских — 4. В данном тексте оба контаминируемых сюжета осложнены своеобразными эпизодами (герой учится у «ночного портного», ср. текст № 388; обертывается в солому; пугает гостей генерала, загримировавшись и нарядившись чертом).

После слов «чтоб наука впрок пошла!» (с. 103) приведен вариант начала сказки: «Жила-была старуха со внучком. Остановились у них на квартире портные, и говорит она внучку: «Поди, батюшка, к ним в науку; будешь шить да стегать; станешь денежки добывать».— «И — и, бабушка! Стану шить — пальчик наколю, пальчик разболится, прочь отвалится; кто нас поить-кормить будет?» Дня через два, через три пришли на деревню плотники. Старуха опять начала говорить внучку: «Учись, батюшка, плотничать; будешь рубить да тесать, станешь денежки огребать».— «И — и, бабушка! Стану плотничать — ножку отрублю, ножка разболится, прочь отвалится; кто нас кормить-поить будет? Лучше благослови-ка меня, бабушка, на большую дорогу идти с вязовою иголкою: что ни кольну, то шуба с кафтаном, лошадь с санями да сто рублей в кармане».— «Нет, внучек, на это не будет моего благословения».— «Ну, когда не благословляешь, я и так пойду!» Вот идет он до́рогою, а навстречу ему два разбойника: «Стой, ты кто?» — «Вор».— «А ну покажь свое мастерство; вот тебе торба: повесь ее на ветку этого дерева, да так, чтоб ни один лист не пошевелился». Ба-

бушкин внучек взял торбу и так искусно зацепил за ветку, что ни один лист не шелохнулся. «Ай, да молодец! — говорят разбойники.— Пойдем воровать вместе...»

После слов «да и были таковы!» (с. 104) указан вариант: «Впустил своего учителя, оставил его замки ломать, анбары вычищать, а сам пошел в генеральскую спальню. Только генерал любил по ночам сказки слушать, и завсегда возле его кровати сидел сказочник. Вор подошел к сказочнику, дернул его за руку; тот подумал, что другой пришел ему на смену, встал и пошел спать; а на его место уселся незванный гость. «Что ж ты молчишь?» — спрашивает генерал. «Да не придумаю, какую сказку начать: разве про бабушкина внучка?» — «Пожалуй, хоть эту сказывай».— «В некотором царстве, в некотором государстве был у бабушки внучек. Пришли к ним портные; стала бабушка посылать его учиться; будешь, говорит, шить да стегать, станешь денежки зашибать. А он в ответ: «И—и, бабушка! Пальчик наколю, пальчик разболится, прочь отвалится; кто нас поить-кормить будет?» — «Экой забавный!» — говорит генерал.

В это время вор-учитель попал в кадку со смолою, а внучек услыхал беду и кричит ему из окна: «Вылезай из кафтана, поживешь — другой наживешь!» — «Что это такое?» — спрашивает генерал. «Это присказка!» — «Хах-ха-ха, какая смешная присказка! Сказывай дальше».— «Вот пришли на деревню плотники. Говорит бабушка внучку: поди, родимый, в плотники, будешь рубить да тесать, станешь денежки огребать. А он в ответ: «И—и, бабушка! ножку отрублю, ножка разболится, прочь отвалится»... Тут учитель вылез из кадки, подошел под окно и стал говорить: «Ну, чего сидишь?» — «Не на что накладывать». «А разве у богатого хозяина лошадей мало? Бери да накладывай». Генерал опять спрашивает: «Это, братец, что такое?» — «Это присказка, сказка будет впереди!»... Схватил шкатулку с деньгами, и бегом из дому. Наутро докладывают генералу: были-де ночью воры, замки поломали, анбары очистили, лошадей увели. Вспомнил генерал про шкатулку с деньгами, хватился — и той нету. «Ну,— говорит,— видно, это был бабушкин внучек!» (Ср. *AT 1525 K**).

После слов «а двух у дверей поставил» (с. 104) указан вариант: «Кому велел за хвост держать, а кому за гриву; двум конюхам за уши, четырем за ноги: если и заснут, так не уведешь».

387(219e) Записано в Курской губ.

AT 1525 A + отчасти *1525 D* (Вор бросает один сапог, потом другой) +*AA* 1525 C I* (Вор притворяется повесившимся на дереве) + отчасти *1535* (Заключительный эпизод сюжета «Дорогая кожа»: вместо бедняка-ловкача топят проезжего глупого богача. См. прим. к тексту № 447). Эпизод с продырявленной шкатулкой, в которую барин сыплет деньги, аналогичен сюжетному типу *1130* (Шляпа денег. См. текст № 150).

После слов «сторожей подразнивает» (с. 106) Афанасьевым дана сноска: «В другом списке Климка вместо того зарывает бочонок с водкою в ясли; сторожа находят и напиваются пьяны».

Вариант рассказа о похищении барыни (с. 106): «Климка-вор добыл себе кромку красную да другую черную, поднял свои балахоны и побежал кустами, шагов на сто опередил барина, зацепил себе на шею красную кромку, закатил глаза под лоб и повис на дереве, будто совсем удавился. Едет барин с барыней мимо. «Глянь, душенька,— говорит барыня,— Климка повесился!» — «Туда ему и дорога! Собаке собачья и смерть!» Поехали дальше; Климка соскочил с дерева, опять забежал вперед и повис на черной кромке. «Что за диво,— сказывает барин,— опять Климка!» — «Быть не может! — говорит барыня,— Климка позади остался, на красной кромке висит: это другой!» Спорили, спорили; вылез барин из коляски и пошел посмотреть, кто из них прав. Тут Климка прыг с дерева да на козлы, столкнул кучера, ударил по лошадям и понесся во всю прыть по дороге...» (Ср. *AT 1525 D*).

После слов «Коробочку серебра» (с. 107) указан вариант: «Что возьмешь?» — «Тысячу рублей». Прислал барин Климке тысячу рублей: Климка берет, усмехается. «Ишь,— говорит,— какие у бояр жены дорогие! Сказать было барину, не нужно ль ему еще жены? Я б свою продал ему задешево».

388(219f) Место записи неизвестно.

*АТ 1525 К** (Кому должна достаться шуба). Текст отличается своеобразным рифмованным вступлением.

389(219d) Место записи неизвестно.

АТ 1525 А (Ловкий вор). Оригинально разработана вступительная часть. После слов «из сапог подошвы повырезал» (с. 108) Афанасьев в сноске привел вариант начала сказки: «В некотором царстве, не в нашем государстве, жил да был старик; у него было три сына, последнего звали Барма-Кутерьма. Спрашивает раз отец своего старшего сына: «Сынок! Чем ты меня кормить будешь, как я состареюсь?» — «Буду землю пахать, хлеб сеять да тебя кормить».— «А ты чем?» — спрашивает среднего. «А я, батюшка, пойду в плотники, стану избы строить, да тебя кормить».— «Ну, а ты, Кутерьма?» Держал ответ Кутерьма: «Я, батюшка, ремесла никакого не знаю; стану и тебе и себе искать хлеба легкого, буду воровать да обманывать, да на больших дорогах с вязовой иголкой стоять». Отец рассердился и выгнал его из дому, с глаз своих долой. Барма-Кутерьма пошел к дяде, а тот уже давно воровством промышляет. Стали вместе жить, вместе на промысел ходить. Идут как-то лесом. «Послушай,— говорит дядя,— видишь — вон ворона в гнезде сидит; я у ней яйца повытаскиваю, так что и не услышит».— «Это что за хитрость! Как полезешь ты за яйцами, я у тебя тем временем сапог стащу — ты и не заметишь!» — «А ну попробуй!» Покудова дядя лазил за вороньими яйцами, Барма-Кутерьма не дремал, стащил с него оба сапога и ушел подобру-поздорову».

390(219h) Место записи неизвестно.

АТ 950 (Дядя и племянник). Сюжет имеет устное распространение во всех частях света. Русских вариантов — 26, украинских — 18, белорусских — 5. Встречаются сказки данного типа и в фольклоре многих других народов СССР, например, татар (из 6-ти печатных текстов отметим только последние публикации: *Тат. творч.*, III, № 44); башкир. (*Башк. творч.*, V, №№ 48—51); казахов (Казахские народные сказки/Под ред. В. М. Сидельникова. Алма-Ата, 1956, I. с. 285); узбеков (Узбекские народные сказки/Сост. М. И. Афзалов. Ташкент, 1963, с. 69); бурят (*Элиасов*, с. 285), народов Кавказа (*Dirr A.* Kaukasische Märchen. Jena, 1922, № 74). В фольклоре чеченцев и ингушей сюжет бытует не только в сказочной, но и в песенной форме (см.: *Мунаев И. Б.* Сказочные мотивы в героико-исторических песнях (илли) вайнахов.— Фольклор народов РСФСР, Уфа, 1979, с. 126—132). Нередко в сказках восточнославянских и других народов СССР сюжет осложняется мотивами сказок типа *АТ 1525* (Ловкий вор). Старейшая письменная версия в «Истории» Геродота (кн 2, раздел 121 — рассказ о сокровище фараона Рампсинита, более известного в новое время под именем Рамзеса II), относится к V в. до н. э. Геродот передал рассказ ливийца Евгаммона из города Цирены о двух братьях, сыновьях строителя здания сокровищницы фараона, которые вместе ловко обкрадывали ее, пока один из них не попался в ловушку и по его просьбе был обезглавлен братом. Литературная судьба сюжета связана с восточными сборниками «Типитака», «Катхасаритсагара», «Панчатантра» и с латинским сборником конца XII в. «Dolopothos», а также со средневековым фаблью, новеллами. Первые русские литературные обработки сюжета типа *950* в сборниках XVIII в.: *Спутник*, № 95; *Левшин*, 2, с. 32—53. Сопоставительному изучению итальянских и других вариантов сюжета типа *АТ 950* посвящена монография С. Прато (*Prato Stanislao.* La leggenda del tesoro di Rampsinite nelle varie redazioni italiane e stranier. Como, 1882). А. Н. Веселовский в своей рецензии отметил, что работа Прато, «полезная как введение к более точному анализу», не решает задачи исследования сложной истории сказки о Рампсинитовом сокровище (см.: Собр. соч. А. Н. Веселовского, М.; Л., т. XVI, 1938, с. 185—190). Эта задача не решена и поныне. Наиболее основательной из имеющихся многочисленных работ о сказках, пересказанных Геродотом, является монография В. Алю (*Aly W.* Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921). В данном тексте сборника Афанасьева начальные эпизоды напоминают сюжетные типы *АТ 1525 Д* и *АТ 1525 Е*, как и в некоторых других русских вариантах «Сокровищ Рампсинита» (ср., например: Сказки Терского берега Белого моря/Изд. подг. Д. М. Балашов. Л.: Наука, 1970, № 61),

эпизод, в котором вор помогает тетке оплакать убитого мужа, отсутствует в версии Геродота, но имеет, возможно, не менее древнее происхождение, чем мотивы, известные по геродотовой версии: не оплаканному мертвецу, согласно мифологическим представлениям, суждены в потустороннем мире беды. Эпизоды обрезания волос спящему вору и обрезания им волос встречным людям, тоже отсутствует в геродотовой версии, однако нередко встречаются в сказках этого типа разных народов.

После слов «пропал дядя ни за грош!» (с. 111) Афанасьевым в сноске указан вариант: «Чем же нам помянуть его?» — спрашивает тетка. «Погоди до вечера; я украду у царя козла-золотые рога, заколем его, сварим и дядю помянем?» Вечером украл Сенька козла, зарезал и велел тетке ужин готовить: «А голову козлиную спрячь, старая, подальше; не то беда будет!» Царь хватился — нет козла-золотые рога, нанял нищего и послал его ходить по домам да разыскивать Нищий зашел к сенькиной тетке и увидал на лавочке козлиную голову с золотыми рогами; сейчас из дому, замелил ворота и бросился к царю с доносом. Сенька Малой увидал крест на воротах и давай бранить старуху: «Ах ты, сякая-такая! Зачем козлиной головы не спрятала? Того и смотри под суд угодишь!» Побежал поскорей в лавку, купил мелу и замелил ворота по всей улице, по всем переулкам. А царь уже выехал судить вора; куда ни приедет — всюду ворота забелены; рассердился царь, разругал нищего и возвратился во дворец».

Вариант окончания сказки: «Доложили царю, что мертвое тело украдено. «Хитёр вор! — думает царь.— Как бы изловить его?» И приказал застлать всю улицу серебряными рублями, а с боков часовых поставил: пусть-де народ по улице ходит, а денег не трогает. Захотелось Сеньке поживиться казенным добром, взял свои лапти, окунул в смолу, обулся-оделся и пошел разгуливать по серебряным рублям; много серебра к подошвам налипло! Вернулся домой, деньги в карман положил, лапти на гвоздь повесил. А царь между тем приказал все дома тайно осматривать: не найдутся ли где смоляные лапти? Начали осматривать; нашли смоляные лапти у Сеньки Малого. Тут его подхватили, раба божьего, и повесили».

391. ВОРОВАТЫЙ МУЖИК

(с. 112—113)

391(220) Место записи неизвестно. *АТ 1540* (С того света) + *1540 А** (Мужик выпрашивает у барыни свинью в гости) + *1528* (Сокол под шляпой). Традиционная для восточнославянского фольклора сюжетная контаминация Первый сюжет распространен преимущественно в Европе, но в *АТ* учтены также варианты, записанные в Палестине, Индии, Индонезии и Латинской Америке. Русских вариантов — 34, украинских — 35, белорусских — 7. Сюжет встречается и в сборниках сказок других народов СССР, например, латышей (*Арайс-Медне*, с. 194), башкир (*Башк. творч.*, IV, № 125), татар (*Тат. творч.*, III, № 130), чуваш (*Чувашск. ск.*, с. 176—177). Старейшая литературная версия сюжета — латинское стихотворение, изданное в 1509 году. В XVI в. анекдотические сказки этого типа обрабатывались Бебелем и Саксом, стали основой польской интермедии XVII века «Wdowiec z usarem niebieskim». Им соответствуют восточные анекдоты о Насреддине. Исследования: *Aarne A.* Der Mann aus dem Paradiese (*FFC*, N 22). Hamina, 1915. Второй сюжет — о приглашении свиньи в гости, учтенный в *АТ* частично в русском и литовском материале. Русских вариантов 33, украинских — 10, белорусских — 6. Первые русские публикации в лубочных сборниках: *Друковцов С.* «Сова, ночная птица» (СПб., 1779, № 20) и *Хомяков Е.* «Забавный рассказчик...» М., 1791, ч. I, с. 78—87. Третий сюжет устно бытует преимущественно в странах Восточной и Южной Европы, не учтен в *АТ* и в индонезийском, латиноамериканском материале. Русских вариантов — *36*, украинских — 9, белорусских — 6. Восточнославянские сказки типа *1540 А** и типа *1528* отличаются сатирической антибарской заостренностью. В этом отношении вариант «Вороватый мужик» очень характерен.

Вариант начала сказки: «Сидит на печи старуха. Пришел солдат. «Бабушка, дай пообедать». Она дала ему пообедать. «А как тебя зовут, родимый?» —

«Я — Тихон, с того свету спихан».— «У меня там сынок — Филатушка; повести́, как он живет там?» — «Он, бабушка, свиней пасет; ну да и хлопотно ж ему: весь-то он оборвался, весь-то он обносился».— «Ах, батюшки-светы! — Ну, служивый, я с тобой к сынку гостинец пошлю: унеси к нему шубу, поддевку да целковый денег». — «Хорошо, бабушка, унесу!» Взял шубу с поддевкой да целковый рубль и ушел, куда сам знал. А старухин сын на ту пору в лес за дровами ездил; воротился он домой, старуха и говорит: «А ко мне весточка пришла от Филатушки!» — «Какая весточка?» — «Давеча приходит солдат Тихон, с того света спихан; я с ним и гостинец к Филатушке послала...».

Вариант эпизода приглашения свиньи на свадьбу (с. 113): «Увидала барыня: «Позвать ко мне мужика!» Позвали. «Здравствуйте, матушка!» — «Здравствуй! Что ты, мужичок, моей свиньи земно кланялся?» — «Свинья-то ваша пёстрая, моему сыну мать крёстная; мой сын женится, так послал попросить, не отпустите ль ее на свадьбу?» — «Изволь, мужичок, отчего не отпустить!» — «Что ж, барыня моя добрая, гнать мне ее одному — не согнать, несть мне ее — не снесть; нет ли какой лошаденки?» — «Хорошо; я сейчас прикажу запрячь баринова иноходца в парные дрожки...»

Другой вариант этого же эпизода: «Говорит мужик девке: «Ваша свинья пестра, моей жене сестра, зову на крестины; жена сына родила». Доложила девка барыне. «Пущай возьмет; что за горе!» — говорит барыня».

Вариант окончания сказки: «Мужик запрятал лошадь с дрожками в лесную чащу; сам вышел на дорогу, выбрал местечко у ручья, поскорей нагреб коровьего дерьма, накрыл своей шляпою и сидит барина поджидает. Вот катит барин в коляске: «Эй, мужичок! не видал ли ты, как провезли свинью на дрожках?» — «Видел».— «Можно догнать?» — «Отчего не догнать, только бы не заплутать!» — «А ты что за человек?» — «Охотник».— «Что ж у тебя под шляпою?» — «Заморская птица; сейчас накрыл».— «Когда ж ты ее из-под шляпы вынимать будешь?».— «А вот погоди, уснет!» — «Давай я присмотрю за твоѐю птицею, а ты садись в коляску да поймай мне того мужика, что́ свинью увез. Коли поймаешь — я тебя деньгами награжу».— «Изволь, барин! Да сумеешь ли ты над птицей приговаривать?» — «Приговаривать? Это зачем?» — «Затем, что без приговора она еще целые сутки не заснет».— «Ну, ты поучи меня».— «Приговор простой: сижу на берегу, дермо стерегу; головой качаю, прибыли не чаю!» — «Хорошо, поезжай с богом!» — Мужик влез на козлы и погнал лошадей, а барин с кучером сели сторожить заморскую птицу. Долго барин сидел да приговаривал: «Сижу на берегу, дермо стерегу; головой качаю, прибыли не чаю!» Наконец надоело ему: «Должно быть, этот мужик надул меня! По крайней мере хоть птица дорогая осталась. Ну, кучер, я стану шляпу подымать, а ты лови птицу».— «Эх, барин, у меня рука тяжела, пожалуй — задавлю ее; уж лучше ты лови, а я шляпу подыму». Стал ловить барин птицу и вымарал себе руки. (Еще в одном списке мужик сажает под шляпу ежа, барин хватает и колет свои руки)».

392—394. СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА
(с. 114—116)

392(221) Записано в Пермской губ. *АТ 1544 А*=1636* (Солдатская загадка). В *АТ* учтены финские, литовские и русские тексты, известны и латышские (*Арайс-Медне*, с. 358). Русских вариантов — 15, украинских — 6, белорусских — 4. История сюжета связана со средневековыми шванками, фацециями о странствующих монахах. См.: *Wesselski A.* Monchslatein. Leipzig, 1909, S. 119; *Dunn T. F.* The Facetiae of the Mensa Philosophica. St. Lois, 1934, N 52. Анекдот о монахе, имеющий в своей основе игру слов, трансформировался в восточнославянском и балтском фольклоре в анекдот о предприимчивом солдате.

К словам «Здравствует ли Курухан Куруханович?» (с. 114) Афанасьевым дан вариант: «царствует ли?»

393 (221, вар. 1) Записано в Оренбургской губ. *АТ 1544 А*=1636.*

394 (221, вар. 2) Место записи неизвестно.
АТ 1544 А=1636.* Вариант сюжета осложнен эпизодом продажи солдатом якобы соленого зуба от сохи (ср. анекдотические солдатские сказки типа «Каша из топора» — *АТ 1548*; см. также *СУС — 1548**. Русских вариантов — 4, белорусских — 1).

395—396. МЕРТВОЕ ТЕЛО
(с. 116—118)

395(222а) Место записи неизвестно.
АТ 1537 (Мертвое тело). В *АТ* учтены, кроме многочисленных европейских, варианты, записанные в Индии, Индонезии, от негров, индийцев, американцев европейского происхождения в Латинской Америке. Русских вариантов — 32, украинских — 15, белорусских — 15. Сюжет представлен в многих сборниках сказок народов СССР: *Тат. творч.*, III, № 74, 98; *Узбек. ск.*, II, с. 332—340; *Казах. ск.*, I, с. 205—207, 251—257, II, с. 219—223; *Удмурт. ск.*, с. 236; Сказки народов Памира/Сост. А. Грюнберг, М. Стеблин-Каменский. М., 1976, № 7. Распространение сюжета связано с «Тысячью и одной ночью» (ночь 25-я), персидским сборником VIII—IX вв. «Царь Афсханеб», многочисленными средневековыми фаблью, шванками, фацециями о трижды убитом мертвеце и подобными восточными анекдотическими рассказами о Насреддине. Сюжет получил своеобразное отражение в трагедии К. Марло «Мальтийский еврей» (1633). Первая русская литературная обработка анекдота «Мертвое тело» — «Сказка о Дурине» (М., 1794). Исследования: *Suchier H.* Der Schwank von der viermal getöteten Leiche. Halle, 1922; *Сумцов. Разыскания*, с. 48—50. Вариант сборника Афанасьева имеет характерную для восточнославянских сказок сатирическую антибарскую и антипоповскую заостренность.

После слов «а дураку ничего не дали» (с. 116) Афанасьевым указан вариант: «Померла старуха, много всякой скотинки оставила. «Давайте, братцы,— сказал старший сын,— заплетем сарай (загоны); в чей сарай пойдет скотина — того и будет». Согласились; умные братья сплели из голого хворосту, а дурак из зеленых веток. Как пришла с поля скотина, так вся и бросилась к дураку в сарай. Вот умные рассердились, отняли у дурака все начисто: живи как знаешь!»

В сноске к концу текста дан вариант (с. 117): «Жили-были два брата: умный да дурак; умного звали Тереха Гладкий, дурак слыл Иваном-болваном. Помер Тереха, дурак взял покойника и поволок к богатому мужику на двор; у того мужика остановились извозчики: везли в город кадки с медом. Дурак поставил Тереху к возу, дал в руки лопатку — точь-в-точь мед колупает. Увидали извозчики, прибежали с палками и давай колотить мертвого. Тереха упал, дурак караул закричал и взял с них за свою выдумку сто рублей откупного. Опосля́ того поволок дурак Тереху к попу на конюшню, посадил его верхом на лошадь, ноги веревками опутал и пустил лошадь по погосту гулять. Поп увидал, что Тереха Гладкий на его лошади разъезжает, схватил палку, побежал за ним следом. «Слезай,— кричит,— с чужого коня среди грязи долой! Ишь взобрался!» Тереха не слезает. Хватил его палкой раз, другой, третий — мертвец на́ бок, а дурак за попа: «Стой, батька! Пойдем в суд, почто человека убил?» Поп испугался: «Что хошь — возьми, до суда не доводи!...»

396(222б) Записано в Осинском уезде Пермской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись (*Васильев.* Этнографические сведения о России) — в архиве *ВГО* (р. XLVIII, оп. 1, № 18, лл. 1 об. — 2 об.) *АТ 1537.* В сказке, как и во многих других восточнославянских ее вариантах, дурак сам является убийцей матери. Обычно он несколько раз обвиняет встречных в убийстве его мертвой матери и берет с них деньги, здесь же он обвиняет в убийстве и вынуждает откупиться только встречного чиновника.

Сказка напечатана Афанасьевым с многочисленными стилистическими изменениями. Воспроизводим ее полностью по рукописи:

«Жил-был старый бобыль со своею старухой; у него было три сына, а младший Иван-дурак. Когда случится идти большим братьям на охоту, то дурак идет за ними; братья ево ловят зверей и птиц, приличных, а дурак крыс, мышей, стреляет сорок и ворон. Однажды посеяли они в огороде гороху, и к несчастию кто-то горох воровал. Тогда они для преследования воров оставили караулить горох Ивана-дурака. Тогда что-то нужно было сходить в огород матери их; и как она влезла в огород, то строгий сторож закричал: «А вот, вор. я тебе дам помнить!» И треснул мать свою по голове дубинкой, так что она и уснула. Братья и отец прибыли домой, узнали о несчастии, а дурак сидел на печи, перегребал сажу, сказал: «Черт ли ее несет на кражу, разве не вы заставили меня караулить». После сего отец и старшие сыновья, видя свою беду, говорили дураку: «Поезжай, убирай мясо-то». А дурак сказал: «Не ваше об этом дело, я лучше другова слажу». Взял мать свою, средил в празднишну одежду, посадил в задок, а в руки дал пяла, называя ее королевскою золотошвейкой, ехал к церкви. Дорогой попавшись ему навстречу один чиновник, но дурак с дороги не воротил, а кучер, которой воз чиновника, кричал: «Вороти, мужик!» А дурак ответствовал: «Вороти-ко, сударь, сам, я везу королевскую золотошвейку». Чиновник, видя глупость мужика, сказал кучеру: «Мни его совсем дурака». И, как скоро поверстались лошади, тут опрокинули дурака с телегой, из которой мать ево вылетела далеко, а дурак закричал: «Государи убили мою маму!». Чиновник, видя мертвеца, испугался и говорит дураку: «Что тебе надо, не хлопочи много». Тогда дурак сказал: «Сладь (уговори) попа, да мне отдай триста рублей, тогда и хлопотать не буду». Этим предложением и дело кончилось, а дурак, приезжая домой, объявил отцу и братьям свою выдумку, которые ево поступок одобрили. После сего стали жить да быть».

397—399. ШУТ
(с. 118—125)

397(223а) Записано в Шадринском уезде государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, № 32а, лл. 22—25 об.) *AT 1539* (Шут. Всемирно известный сюжет здесь является основным) + *1542 II* («Шутки дома оставил») + *1538** (Шут-невеста) + *1535* (Дорогая кожа: заключительный эпизод — героя хотят утопить). Такая контаминация сюжетов имеет русскую лубочную традицию, восходящую к сборнику «*Погудка...*» (II, № 15, с. 24—32). Контаминация сюжетных типов *1539*, *1535* встречается и в сказках неславянских народов СССР (например: *Башк. творч.*, IV, № 129). Русских вариантов типа *1539*—*55*, украинских — *23*, белорусских — 25. Многочисленными вариантами сюжеты типа *1539* и *1535* представлены и в фольклоре других народов СССР. Старейшей литературной версией первого из них является латинское стихотворение X или XI вв. «Unibos». Сказка типа «Шут» вошла в сборник XVI в. «Приятные ночи» Страпаролы (ночь I, сказка 3). Мотивы таких сказок встречаются в восточных анекдотах о Насреддине. Исследования: *Müller J.* Das Märchen vom Unibos. Jena. [1934]; *Сумцов. Разыскания*, с. 126—137. Сюжет «Шутки дома оставил» учтен в *AT* в русском, литовском, фламандском, немецком, шотландском, корейском и испано-американском материале. Старейшие литературные обработки сюжета — в средневековых повествовательных сборниках (см. *Wesselski*, комм. к № 36). Русских вариантов — 15, украинских — 13, белорусских — 3. Сюжет о шуте-невесте — учтен в *AT* также только в русских сказках. Русских вариантов — 14, украинских — 4, белорусских — 3. О сюжетном типе *1535* см. в прим. к тексту № 387. Разным восточнославянским сказкам о плутах и дураках посвящена статья: *Юдин Ю. И.* Типология героев бытовой сказки.— Русский фольклор. Л., 1979, XIX, с. 49—64.

Сказка напечатана Афанасьевым с многочисленными стилистическими исправлениями, касающимися главным образом добавлений и сокращений отдельных слов и фраз, замены одних слов и целых выражений другими перестановками слов. Вот некоторые характерные примеры:

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
118, 19—20 сн.	К тебе, свет; не сшутишь ли шутку мне?	К тебе, шут не сшутишь ли мне шутку?
17—18 сн.	дак снаряди потеплей да дай лошади съездить за нею	дак дай лошади съездить за нею
13 сн.	поехал назад	поехал
12 сн.	в ограду пустил	пустил в ограду
10—11 сн.	и воротился к попадье. Она	и поехал домой; приезжает домой, попадья
7—8 сн.	Узнал поп, каковую шутку сыграл над ним шут!	Тут-то поп узнал, каку шутку сшутил ему шут
119, 13—14 сн.	С тобой вчерась пошутил	с тобой вчера чево-то делал
120, 1—2 св.	и за свадебку. Справили все как следует. Ночью молодая говорит мужу	и свадебку. Ночью невеста говорит жениху ли, мужу
9 св.	поехал	пошел
11 св.	те-други разговоры	те разговоры, други разговоры
19 сн.	Вот едет шут, а навстречу	вдруг навстречу
18 сн.	где взял? — Где взял! Вишь	где взял? Смешно, сколь где берут!
12 сн.	Еле-еле убрались шуты	Видишь еле можахом убрались
121, 13 св.	раз пообедать. Эй, хозяйка! Давай обедать	раз пообедать. Говорит бабе ли, хозяйке ли: Давай обедать
3—4 сн.	побежали домой: только прибежали	пошли домой, только пришли
2 сн.	— ух! Стой! — закричали семеро шутов.	ухат. Они закричали: стой! стой!
1 сн.	Эх вы, дураки!	Да, дураки вы
122, 1—3 св.	коней имал. Там их много, да такие славные! Это что еще! Я дрянь взял — спереди, а там дальше вороные — вот так лошади!	коней вот этих имал, там столько лошадей, да такие ведь лошади-то! Это что еще я взял дрянь спереди, а там дальше-то вороные славные лошади
4 св.	в воду; пойдем и мы	туда, мы пойдем

К словам «в избе была козлуха» (с. 120) Афанасьевым дана сноска: «В некоторых вариантах вместо козы выведена лошадь».

Вариант окончания сказки: «Шут обманывает своих братьев; наконец они решаются утопить его, завязали в куль, принесли к реке, а сами пошли за топорами, чтоб было чем прорубь вырубить. Шут лежал, лежал и давай кричать: «Посудите, люди добрые, ни читать, ни писать не умею, а меня в головы сажают». Едет богатый мужик на тройке: «Я,— говорит,— и читать и писать умею; пусти меня в куль». Выпустил шута и залез в куль. Пришли братья, сделали прорубь и потащили его в воду. Мужик ну кричать: «Я хочу! Я хочу!» — «Ну коли хочешь, не о чем и спорить! Нам того и надобно». Взяли и сунули его в прорубь...»

398(223ᵇ) Место записи неизвестно. *АТ 1539 + 1542 II + 1535.* Из своеобразных подробностей варианта сюжета «Шут» отметим: шут топит лошадь попа, и тот вместе с шутом тянет увязшую в болоте лошадь за хвост, отрывает его и па-

дает. К словам «Пошути мне!» (с. 122) Афанасьевым указан вариант: «Хоть ты и мудер и хитер, а попадья хитрее тебя! Попробуй-ка, пошути над ней!»

После слов «тянут в разные стороны» (с. 122) дана сноска: «В другом варианте поп раздевается и лезет в воду, а Фомка-шут уносит тем временем его одежду».

399(223c) Записано в Тверской губ. писателем И. И. Лажечниковым.

*AT 1539 + 1535 + 1538***. Необычными для сказок о шуте являются эпизоды поджога поповского дома и кражи у попа улья.

400—401. ИВАНУШКА-ДУРАЧОК
(с. 126—128)

400(224a) Записано в Вологодской губ. *AT 1681 A* (Дурак делает покупки) + *1691* (Дурак домовничает) + *1535*. Первые два сюжета о дураке контаминируются в восточнославянских сказках нередко. Первый сюжет учтен в *AT* только в русском, венгерском и испанском фольклорном материале. Русских вариантов — 21, белорусских — 3. Известны также подобные варианты в сборниках сказок других народов СССР (например, *Тат. творч.*, III, № 137, 139, 140). Второй сюжет распространен преимущественно в северо-восточной части Европы. Русских вариантов — 17, украинских — 11, белорусских — 8. История таких сказок связана с сочинением Бебеля «Opscula nova» (1514) и с итальянскими новеллами XIII—XVI вв., о дураке, делающем все невпопад (см. *Novelline*, № 109, 110). Первая русская публикация — *Погудка..*, I, № 5, с. 17—31.

К словам «Эх,— думает,— ребята-то без шапок» и т. д. (с. 126) Афанасьевым дан вариант: «Братцы ро́дные, что ж вы без шапок стоите? Дождь пойдет — вымочит».

После слов «Разве задаром я мешок соли высыпал» (с. 127) указан вариант: «Дело было осенью; дорога — скользкая, лошаденка — некована, шаг сделает да оступится. «Что ты все спотыкаешься? — говорит дурак.— Постой, вот я маслицем копыта смажу». Вылил полон бочонок масла, а лошадь еще больше спотыкается.— «Что ж ты, волчье мясо, разве задаром я масло сгубил?» Стал дурак поить лошадь... потом догадался: «Али ей неловко, до воды далеко!» Взял и обрубил ей ноги по колена».

401(224b) Записано в Черноярском районе Астраханской губ. Рукопись, находящаяся в архиве *ВГО*, опубликована Афанасьевым неполностью. В полном виде текст напечатан в сб.: *Смирнов*, № 256. Недостающий у Афанасьева конец перепечатан в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 448—449) и состоит из двух эпизодов: братья пытаются бежать от дурака (*AT 1132*), дурак рассказывает им небылицы (*AT 1920 P*).

AT 1681 + 1691.

402. ДУРАК И БЕРЕЗА
(с. 128—129)

402(225) Место записи неизвестно.

AT 1643 (Дурак и береза) + *1600* (Дурак-убийца). Традиционная контаминация сюжетов. Первый сюжет: русских вариантов — 17, украинских — 15, белорусских — 5. Второй сюжет: русских вариантов — 26, украинских — 10, белорусских — 2. Ареал бытования сюжета о дураке и березе в основном ограничен европейскими странами; сюжет о дураке-убийце, кроме Европы, распространен на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке. История сказок типа *1643* связана с «Пентамероном» Базиле (I, № 4), история сказок типа *1600* — с «Тысячью и одной ночью» и западноевропейскими сборниками эпохи средневековья, а также более поздними, например, «Gesta Romanorum», «Pentameron» (см. *Novelline*, № 39). Исследования: *Сумцов. Разыскания*, с. 137—142; *Пельтцер А.* Происхождение анекдота в русской народной словесности.— Сб. Харьковск. Ист. Филол. О-ва, 1898, XI и отд., с. 96—99.

После слов «Вдруг попадается им навстречу дьячок» (с. 129) Афанасьевым

указан вариант: «Дурак подбирает деньги... Шел мимо поп, увидал и ну приставать: «Дурак, поделись со мной деньгами!» — «Отойди, батька, голову отрублю!...»

403—404. НАБИТЫЙ ДУРАК
(с. 130)

403(226a) Записано в Тамбовской губ.

AT 1696 (Набитый дурак). Сюжет бытует во всех частях света. Русских вариантов — 31, украинских — 4, белорусских — 10. Сказка встречается и в фольклоре других народов СССР (*Тат. творч.*, III. № 136; *Осет. ск.*, № 91). Распространение таких сказок связано с известными литературными памятниками народов древнего Востока — «Цапао-панг-кинг» и «Типитака», а также с «Тысячью и одной ночью». На западноевропейской культурной почве история сюжета прослеживается по литературным памятникам, начиная с XVII столетия. Сюжет поэтически обрабатывался С. Я. Маршаком (стихотв. «Не так»). Старейший русский текст — песенный — «Про дурня» сборника Кирши Данилова. Известны и другие восточнославянские песенные варианты (*Шейн. Вел.*, № 966; *Доленга-Ходаковский З.* Українські народні пісні. Київ, 1974, с. 563—564. Исследования: *Сумцов. Разыскания*, с. 113—119; *Haavio M.* Kettenmärchen (FFC, № 88); *Пропп. Кум. ск.*, с. 255; *Юдин Ю. И.* Типология героев бытовой сказки.— Русский фольклор. Л., 1979, XIX, с. 49—64. Текст сборника Афанасьева состоит из трех эпизодов: дурень буквально выполняет совет «около людей потереться да ума набраться»; говорит при виде похоронной процессии: «Носить вам, не переносить»; говорит при виде свадебного кортежа: «Канун да ладан». Первый эпизод встречается в сказках редко, два других — часто.

404(226b) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ.

AT 1696. От предыдущего данный вариант сюжета отличается большим количеством традиционных для восточнославянских сказок эпизодов («молотить три дня и намолотить три зерна»; «возить вам не перевозить»; «канун да ладан»; дурак пляшет при виде пожара, заливает водой свинью, которую палит мужик). Последний эпизод сближается с сюжетом о дурне, делающем все невпопад — *AT 1691.* Приведенный Афанасьевым в сноске вариант начинается эпизодом сватовства дурака. Этот эпизод относится к сюжетному типу *AT 920 C* — Выбор жены с помощью загадочных вопросов и высказываний. В *AT* учтены только средневековые немецкие, испанские, итальянские и еврейские шванки, новеллы. Вариант, записанный в Бобровском уезде Воронежской губ., больше соответствует восточным анекдотам о сватовстве и женитьбе мудреца на мудрой девушке, не уступавшей ему остроумием, например, казахским анекдотам о Жиренсе, киргизском Джээренче, башкирскому об Ерэнсэ-сэсэне (*Башк. творч.*, IV, № 4, 6, комм., с. 350—351). Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 8—9 об.; 1848).

Сказка напечатана Афанасьевым со следующими стилистическими исправлениями:

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
130, 12—13 сн.	стала смотреть за ним, как за малым ребенком.	и взяла его на особое попечение: стала смотреть за ним, как за ребенком.
130, 8—9 сн.	и намолотить три зерна!	и три зерна намолотить.
6—7 сн.	Мужики его за такие слова колотили хохла!	Они его за таковые слова колотили хохла без жалости
5 сн.	на гумне	на нем
131, 1—4 св.	и намолотить три зерна Они за то меня и прибили	и три зерна вымолотить! — И они за то меня прибили

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
131, 3—4 св.	Обрадовался дурак, пошел на другой день	И рад дурак, что ума нет. На другой день пошел дурак
5 св.	наставление	наставление матери
6—7 св.	Опять отдули его! Дурак воротился	Они и отдули его. Дурак возвратился
9 св.	На другой день опять пошел он бродить по селу	На следующий день дурак опять пошел по селу бродить
10—11 св.	как только свадьба	Как только она
12 св.	пошел	опять пошел
15 св.	Спасибо тебе, матушка моя!	О, матушка моя! Спасибо тебе!
15—16 св.	да взял	взяв
18—19 св.	да играть в свою дудочку. И тут дурака отколотили	и играть в дудочку свою. И тут дурака отколотили за неприличное веселье.
20 св.	побили. Мать ему сказала	прибили. Мать сказала ему
21—22 св.	Через три дня, как зажили у дурака бока, пошел он бродить	Через три дня, пока зажили у дурака бока, дурак опять пошел бродить
22—27 св.	Дурак схватил у мимошедшей бабы с коромыслом ведро с водою, побежал туда и начал заливать огонь. И тут дурака порядком поколотили. Опять воротился он к матери и рассказал, за что его били. Мать заклялась пускать его по слободе, и с тех пор дурак и поныне кроме двора своего	дурак, схватив с коромысла ведра с водою у бабы, не далеко от него шедшей — побежал туда и начал заливать огонь; а хозяин на этот раз отлучился куда-то. Увидав дурака, брат хозяина довольно поколотил его. Дурак опять возвратился к матери. И мать заклялась пускать его по слободе. С тех пор дурак и поныне, кроме печи и двора

В сноске приведен вариант сказки, записанный Афанасьевым в Бобровском уезде Воронежской губернии «Жила себе вдова; у ней был сын дурень. «Матушка,— просится он,— я пойду свататься»,— «И, дурачок, кто за тебя пойдет?» — «Уж я знаю: есть на примете девка хорошая!» Вот это он отпросился и пошел. Приходит во двор невестин, да так-таки тихо, что ни одна собака его не слыхала; влез в избу — и богу не помолился. А девка и говорит: «Глух двор, глухая изба!» Поставила она на стол еду и покормила дурня. Вот это он ел-ел: зараз брал куска по три, а как понаелся — стал брать зараз по два куска, а там и по одному куску; а сам дурень смотрит на бревенчатую стену и спрашивает у девки: «Чай, этого бревна лошадь не довезет?» А девка говорит: «Как была одна лошадь голодна — везла и три бревна, а посытней стала — и одно возить перестала».

Ну, эта свадьба не сошлась, и пошел дурень дальше; смотрит по дороге везут мужики хлеб. Он и говорит им: «Царство вам небесное!» Мужики его били-били... Пришел дурень домой и плачет: «Меня, дурня, били, меня колотили, за волосы драли, за ус подергали»,— «За что?» — спрашивает мать. «Так и так, матушка!» — рассказывает дурень. «Экой ты дурень! Ты бы сказал: дай вам, боже, носить — не переносить, возить — не перевозить».— «Хорошо, я вперед так и скажу». Пошел дурень, видит — несут мертвого. Он и сказал:

«Дай вам, боже, носить — не переносить, возить — не перевозить». Опять его уж били, били!...»

405—406. ЛУТОНЮШКА
(с. 131—133)

405(227а) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 12 об.— 14; 1848).

АТ 1450 (Плач о беде, которая еще не случилась) + *1384* (Человек ищет и находит людей глупее своих родителей или жены) + *1210* (Корову тащат на крышу пастись) + *1214** (Вгоняют лошадь в хомут) + *1263* (За каждой ложкой сметаны отдельно ходят в погреб). Первый сюжетный тип почти всегда контаминируется в восточнославянских сказках со вторым, который встречается и в иной контаминации (см., например, текст № 406). Кроме вариантов на европейских языках, записанных в Европе и Америке, в *АТ* учтены турецкие варианты; старейший литературный текст — стихотворение Генриха Гёттинга «Умная Эльза» (1585); старейший русский литературный текст, представляющий контаминацию сюжетных типов 1450 и 1384,— сб.: *Друковцев С.* Сава, ночная птица. СПб., 1779, № 20. Русских вариантов типа 1450 — 16, украинских — 6, белорусских — 3. Близкие им варианты — в сборниках сказок неславянских народов СССР (*Тат. творч.*, III, № 130; *Чувашск. ск.*, с. 204—206). Сюжет типа *1384*, бытующий преимущественно на европейских языках в Европе и Америке, учтен *АТ* также в записях на турецком и африканских языках. Русских вариантов — 29, украинских — 24, белорусских — 5. Этот сюжет встречается и в сборниках сказок неславянских народов СССР (*Тат. творч.*, III, № 133; *Чувашск. ск.*, с. 204—206). Сюжет типа 1210 учтен в *АТ* в вариантах на европейских и турецком языках. Русских вариантов — 21, украинских — 14, белорусских — 6. Старейшая русская литературная обработка сюжета — *В. Березайский*. «Анекдоты, или веселые похождения древних пошехонцев» (СПб., 1798). Сюжет типа *1214** учтен только в русском материале. Русских вариантов — 7. Сюжет типа *1263* учтен в *АТ* в финском, эстонском, литовском, итальянском и русском, а также африканском фольклоре, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 169—170). Русских вариантов — 7, белорусских — 2. Первая русская публикация (литературная обработка) — *Погудка..*, II, № 9, с. 17—28. О подобных данной и следующей сказках о глупцах — см. *Сумцов. Разыскания*, с. 23—33.

Сказочный образ Лутони получил своеобразное творческое развитие в комедии-сказке В. Курочкина «Принц Лутоня» (1860), проникнутой революционно-демократическим пафосом.

Сказка напечатана Афанасьевым со следующими стилистическими исправлениями:

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
131, 12 сн.	со старухой; был у них сынок	с старухой и был у них еще сынок
9 сн.	уронила его	и уронила оное
8 сн.	услыхал крик	услыхав необыкновенный крик
7 сн.	старуху	старуху свою
132, 1 св.	я бы его, ведь, ушибла	я бы его ушибла, ведь
1—2 св.	вместе с нею кричать	кричать вместе с нею о сем
4 св.	Лутоня	их Лутоня
6—7 св.	старуха убила бы его поленом; оно	я бы убила его поленом, которое
8—9 св.	Если я найду кого глупее вас	если я глупее вас найду

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
132, 9 св.	и	то
15 св.	Мужики ужасно тому	Те ужасно сему
16 св.	сказал	отвечал
18—19 св.	Вот в одном селе увидел он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут, и палками вгоняют в этот хомут лошадь	Тут — в одном селении увидал он толпу мужиков у одной избы: мужики эти привязали хомут в воротах и палками вгоняют в оный лошадь
22 св.	И эти мужики с дива	И эти с дива
22 сн.	Остался он у них	остался у них
20 сн.	устал	и от усталости
12 сн.	Лутоня	и Лутоня
11 сн.	дале	далее

406(227b) Записано в Тамбовской губ.

АТ 1541 (Весна-красна) + *1384* (Человек ищет людей глупее своей матери) + *1244* (Растягивают бревно) + *1202* (Топят серп, приняв его за червяка или змею) + *1293 В** (Привязанный за ноги к бревну переворачивается в воде) + *1204* (Глупая женщина бьет курицу за то, что не дает молока цыплятам) + *1287* (Не могут сосчитаться). Первые два сюжета контаминируются очень часто. Сюжет типа 1541 учтен в *АТ* в многочисленных вариантах на европейских языках, а также в записях, сделанных в Турции, Индии, у американских индейцев и негров. Русских вариантов — 9, украинских — 1, белорусских — 1. Старейший зафиксированный текст итальянский — относится к концу XIV—началу XV в.: *Serkambi.* Novelle (Ed. Renier, 1889, № 69). Сюжет типа *1244* учтен в *АТ* в финском, эстонском, литовском, саамском, французском, испанском, немецком, венгерском, сербохорватском и русском материале, встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 169). Русских вариантов — 6, украинских — 1, белорусских — 2. Сюжет типа *1202* учтен в *АТ* в финском, эстонском, ливском, испанском и испано-американском, немецком и русском материале, встречается и в польском (*Krzyżanowski*, II, s. 27), латышском (*Арайс-Медне*, с. 167 — только архивные тексты). Русских вариантов — 10, украинских — 5, белорусских — 3. Первые русские литературные обработки сюжета — Погудка..., II, № 9. с. 17—28 и «Анекдоты, или веселые похождения древних пошехонцев» В. Березайского. Сюжет типа *1293 В** учтен в *АТ* только в русских сборниках. Русских вариантов — 6, белорусских — 2. Сюжет типа *1204* учтен только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 3, украинских — 14, белорусских — 2. Сюжет типа *1287* учтен в многочисленных европейских, а также в индийских, индонезийских, англо-американских вариантах. Русских вариантов — 3, украинских — 2, белорусских — 2. Первые русские публикации те же, что и сюжета *1202*.

407—409. МЕНА
(с. 134—138)

407(228а) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 6, лл. 1—1 об.; 1848). Сказка напечатана Афанасьевым без изменений.

АТ 1415 (Мена). В *АТ*, кроме многочисленных европейских, учтены варианты, записанные в Индии, Индонезии и Латинской Америке. Русских вариантов — 11, украинских — 12, белорусских — 3. Формирование сюжета связано с китайским сборником конца V в.—«Типитака». Старейший европейский литературный текст относится к XIII в. (исландская «Cautreks-saga»). В XIX в. сюжет разрабатывал Андерсен («Что делает отец, все правильно», 1861). Мо-

тивы мены золотой тетерки, полученной от царя за кисель из одного зерна, на коня и т д. отмечен только в русских сказках. Исследования: *Пропп. Кум. ск.*, с. 252.

408(228b) Место записи неизвестно. *АТ 1415.*

409(228c) Сказка украинская, передана Афанасьеву М. А. Максимовичем.

АТ 1960 G (=АА 1960 G, 1960 G I)*. Горох до неба (см. прим. к тексту № 19 первого тома) + *1415* (см. прим. к тексту 407). Второй сюжетный тип является здесь основным.

410—411. СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВ ФОМУ И ЕРЕМУ (с. 138—139)

410(229a) В первом издании не было. Записано в Архангельской губ. А. Харитоновым.

*АТ 1716** (Фома и Ерема). Сюжет, имеющий песенное происхождение и нередко сохраняющий в сказке особенности формы шуточной песни,— например, в данном тексте,— встречается преимущественно в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 31, украинских — 4. В *АТ* наряду с русскими учтены немногочисленные ливские и сербохорватские фольклорные тексты. Кроме сказок и песен о нелепых похождениях двух глупцов — Фомы и Еремы, известны посвященные им старинные русские рукописные повести (6 списков XVIII в.), а также лубочные картинки (см. например, *Ровинский*, I, № 188, 189, 205). Последнее лубочное издание «Фомы и Еремы» («Из народных былей и небылиц» — 6 картинок) вышло в 1896 г. в Москве. Повествования о Фоме и Ереме неустойчивы. В них своеобразно проявляются способности народных рассказчиков к творческой импровизации. Исследования: *Аристов Н. Я.* Повесть о Фоме и Ереме.— Древняя и новая Россия, т. I, 1876, № 4, с. 365 и след.; *Адрианова-Перетц. Сатира XVII в.*, с. 151—152, 186—189; *Богатырев П. Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971, с. 401—421. В приложении к работе П. Г. Богатырева «Импровизация и нормы художественных приемов на материале повестей XVIII века, надписей на лубочных картинках, сказках и песен о Ереме и Фоме» дана обширная библиография русских источников. Сюжет народной сказки поэтически обработан С. Я. Маршаком («Фома и Ерема, Сказка про двух лодырей»).

411(229b) В первом издании не было. Место записи неизвестно.

*АТ 1716**. Ритмичность данного варианта связана с песенным происхождением сюжета. Один из трех эпизодов («вздумали торговать») в предыдущем тексте отсутствует.

412—417. ХОРОШО, ДА ХУДО (с. 140—143)

412(230a) Записано в Болховском уезде Орловской губ. Из собрания П. В. Киреевского; вероятно, запись П. И. Якушкина.

Начало (первые четыре вопроса барина, на которые отвечает мужик) относятся к типу *АТ 1702 С* (=АА* 2014 II.* Комические ответы). В основном *АТ 2014 А (=АА 2014.* «Хорошо, да худо»). Первый сюжетный тип учтен *АТ* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов таких «Комических ответов», опубликовано 7 (из них 4 в сборнике Афанасьева), украинских — 12, белорусских — 10; им свойственна сатирическая заостренность. Тип *2014 А* учтен *АТ* в эстонском (7 вариантов) и в русском материале, но встречается и в латышском (см. *Арайс-Медне*, с. 239).

Русских вариантов — 15, украинских — 3, белорусских — 7. Данный текст имеет близкие совпадения с рядом восточнославянских вариантов типа *2014 А*. Исследования: *Пропп. Кум. ск.*, с. 257.

413(230b) Записано в Малоархангельском уезде Орловской губ. П. И. Якушкиным.

*АТ 1702 С**. Тексты, близкие варианту.— *Шейн. Материалы*, № 155, с. 319—320; № 163, с. 324—325, № 164, с. 325—327.

14 Заказ № 207

414(230c) Место записи неизвестно.

Отчасти *АТ 2040* («Все благополучно») + *2014 А* («Хорошо, да худо»). Вопрос и ответ, богаты ли мужики, напоминает небылицу «Богатые люди» — *АТ 1930 А**. Анекдотический сюжет типа *2040* учтен в *АТ* в литовском, английском, испанском, венгерском, сербохорватском, русском, индийском и англоамериканском материале. Русских вариантов — 12, украинских — 1, белорусских — 3. В *АТ* отмечены латышские варианты. Известны также восточные сказки-анекдоты о Насреддине. Старейший западноевропейский литературный вариант сюжета «Все благополучно» — в латинском сборнике XIII века «Exempla» Жака де Витри. Аналогичные анекдоты встречаются в нескольких средневековых сборниках (см.: *Wesselski A.* Monchslatrein. Leipzig, 1909, S. 20.) Исследования: *Пропп. Кум. ск.*, с. 257. Этот и особенно другой, более полный сюжет типа *2040* (текст № 217), замечательны яркой антипомещичьей направленностью. Они вообще характерны для восточнославянских анекдотических сказок о том, как мужик доложил барину о «благополучии» в его имении. Ср. имеющий ту же анекдотическую основу фарс о разоренном помещике.— «Голый барин» (*Ончуков Н. Е.* Северные народные драмы. СПб., 1911, с. 124—133).

К словам «Ах, дурак, ты мне лошадь извел!» и т. д. (с. 141) Афанасьевым дан вариант «Ты никак, Афонька, глух?» — «И без того свели коня в луг».

Вариант окончания сказки: «А в низовых городах был?» — «Был».— «Видел моих любимых птичек?» — «Видел».— «Какие они?» — «Зелененькие».— «Как поют?» — «Ква-ква-ква!» — «Дурак, да то лягушки!»

415(230d) Записано в Тверской губ.

АТ 1931 («Как дела в Ростове?»...) + *2014 А*. Второй сюжет является основным. Первый сюжет небылицы учтен в *АТ* в финском, эстонском, литовском, шведском, итальянском и русском фольклорном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 237). Русских вариантов — 5 (первая публикация в «Собрании русских народных сказок». М., 1820, с. 1—24).

416(230e) Место записи неизвестно.

Отчасти *АТ 1702 С** (Комические ответы) + *2014 А*.

417(230f) Записано в Пермской губ. Д. М. Петуховым.

АТ 2040 («Все благополучно») + *1930 В** (Похвальба приданным). Первый сюжетный тип, разработанный подробно, отличается своеобразными деталями,— см о нем в прим. к тексту № 414. Второй тип учтен только в русском материале. Русских вариантов — 8, в том числе два лубочных (см. *Ровинский*, I, № 143, 144). В примечаниях к сказке Афанасьев приводит вариант, из «Пословиц русского народа» Даля (1862, с. 1094). Приходит староста к помещице и на ее вопрос, все ли в усадьбе благополучно, отвечает: «Все, матушка, слава богу, только любимый ваш ворон объелся падали».— «Да где ж он ее нашел?» — «Да жеребец вороной пал».— «Как так?» — «А усадьба горела, так на нем воду возили, да загнали».— «Отчего ж пожар сделался?» — «Да как хоронили матушку вашу со светочами (факелами), так невзначай подожгли».

418—427. НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ
(с. 144—155)

418(231a) Записано в Липецком уезде Тамбовской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XL, оп. 1, № 36, лл. 3 об.—6; 1848).

*АТ 1920 Н** (Огонь и обмен на небылицы) + *1889 Р* (Человек сшивает две половинки лошади) + *1889 К* (=*804 А*. Человек влезает на небо по дереву и спускается на ремнях. См. примечания к тексту № 18) + *1900* (Волк вытаскивает человека из болота). Первый сюжет служит здесь обрамлением трех сюжетов небылиц; он учтен в *АТ* в русском, греческом и турецком материале. Русских вариантов — 31, украинских — 27, белорусских — 6. Небылицы о награждении за ложь, о вытаскивании волком человека из болота и о влезании на небо по дереву встречаются и в фольклоре неславянских народов СССР (*Тат. творч.*, III, № 77, 145, 146, 147). История первого сюжета связана с древними восточными повествовательными сборниками; старейшие западноев-

ропейские литературные тексты небылиц относятся к XII—XIII вв. (см. *Mann O.* Die Mundarten der Lur Stämme im südlichen Persien. Berlin, 1910, S. 5—12). Сюжетный тип *1889 P* учтен в *AT* в русском и немецком фольклорном материале. Русских вариантов — 19, украинских — 17, белорусских — 3. Ср. «Удивительные приключения, путешествия и военные подвиги барона Мюнхгаузена», в первом русском переводе Н. П. Осипова — «Не любо — не слушай, врать не мешай», СПб., 1791. Сюжетный тип *1900* учтен в *AT* в эстонском, словенском, англо-американском и в русском (наибольшее количество текстов) материале, встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 236). Русских вариантов — 34, украинских — 9, белорусских — 3. История небылицы связана со сборниками шванков и фацеций XVI—XVII вв. Исследования: *Федорова В. П.* Небылицы.— В кн.: Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1975, вып. I, с. 90—95; *Левина Е. М.* Прозаическая небылица (К вопросу о границах жанра).— Фольклор народов РСФСР, 1981, с. 79—86.

Сказка напечатана Афанасьевым со следующей стилистической правкой:

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
144, 13 св.	И приходит	Вот и приходит
22 св.	сам за огнем	сам дурак за огнем
20 сн.	насупротив	наспротив
18 сн.	к солнцу лысиной	к солнцу своей лысиной
18 сн.	Дурак	Вот дурак
15 сн.	сидел я	я сидел
11—13 сн.	Ну, слушай, дед! — говорит дурак, а сам его голицею по лысине щелк! — Слушаю, свет! — Вот я на передке	Ну, слушай, дед! — Слушаю свет, а сам — дурак — его голицею по лысине щелк! Вот я на передке
10 сн.	ходит он	он ходит
8—9 сн.	Слушай, дед! — А сам опять голицею по лысине его щелк! — Слушаю, свет!	Слушай, дед! — Слушаю свет, отвечал старик, а сам опять голицею по лысине его щелк!
7 сн.	высокий дуб	дуб высокий
6 сн.	увидел я	я увидал
5 сн.	мухи дóроги, взял	мухи там дороги. Я взял
4 сн.	взвалил их	взвалил я их
4 сн.	вскарабкался опять	вскарабкался я опять
144—145 *4* сн., *1* св.	Сложил кули и стал раздавать грешным людям	Сложивши кули, я стал раздавать оные грешным людям
145, 3 св.	погнал я скотину, пригнал я к тому месту	погнал я их, пригнал я их к тому месту
4 св	дуб-то подсекли	дуб этот подсекли
6 св.	перерезал я всю скотину, сделал	я перерезал всю скотину и сделал
8—9 св.	Слушай, дед! А сам голицею по лысине его щелк!— Слушаю, свет!	Слушай, дед! — Слушаю, свет, а сам голицею по лысине его щелк
9 св.	на мое счастье	к моему счастию,
10 св.	летит вверх	вверх летит

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
145, 12 св.	оторвалась у меня веревка из половы	и оторвалась у меня из половы веревка
13—14 св.	вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо.	На моей голове свила утка гнездо: вылесть мне хочется, а нельзя.
15—16 св.	из тины руку	руку из тины
16 св.	как стоял он подле	который стоял подле
17—18 св.	Слушаешь, дед? А сам голицею его по́ лбу щелк! — Слушаю, свет!	Слушаешь, дед! — Слушаю, свет, а сам голицею по лбу его щелк!
19 св.	Видит дурак	Дурак видит
19—20 св.	свое слово, не перебивал его; чтобы раздразнить старика, начал дурак	свое слово. Чтобы раздражить старика, дурак начал
22 св.	перебил сказку старик	сказал старик, перебив сказку дурака
24 св.	к своим братьям	к братьям своим

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 513) Афанасьевым приведен вариант: «Жил-был старик; у него было три сына: один слепой, другой ничего не видел, а третий ощупью ходил. Вот и пошли они уток стрелять; один взял палку лутоховую, другой яроховую, а третий такую, с чего лыки дерут. Приходят они к реке и видят: утки плавают. Первый кинул в них палку — и не докинул, второй кинул — и перекинул, а третий не кидал, да всех уток побил. Вот они все троя стоят и думают, как бы им этих уток достать? — и на свое счастье находят три лодки; одна худая, другая без дна, а на третьей ехать нельзя; вот они взяли да в эту лодку, что ехать нельзя, сели и поехали за утками. Достали уток и думают, как бы их сварить? А огня нету. Вот один из них влез на дуб посмотреть, не видно ли где огня? и увидел, что у одного старика огонь горит. Они и послали к нему за огнем меньшого брата; тот пришел к старику и говорит: «Дедушка, а дедушка! дай огоньку». А старик говорит: «Спой песню».— «Не умею».— «Ну, попляши».— «Не горазд».— «Скажи сказку!» — «Не учился».— «Ну, так поди же,— сказал старик,— да пришли кого постарше себя». Тот пошел и послал среднего брата просить у старика огня. Старик приказывает ему спеть песню, поплясать и сказать сказку. «Не умею, не горазд, не учился!» — отвечает средний брат. «Ну, так пришли кого постарше себя». Вот идет самый старший брат и просит огня; а старик говорит: «Спой песню!» — «Не умею»,— отвечает слепой.— «Ну, попляши!» — «Не горазд!» — «Ну, скажи сказку!» — «Хорошо, а стану говорить тебе сказку, только, чур, не перебивать, а перебьешь — сто рублей с тебя и огоньку...»

419(231b) Место записи неизвестно.

AT 1881. (Журавли на веревке) + *1895 C** (Лошадь пролезает сквозь хомут) + *1910* (Медведь в упряжке). Первый сюжет бытует у народов северной части Европы, у всех восточнославянских народов, встречается в англо-американском и изредка в сербохорватском, японском фольклорном материале. Русских вариантов — 7, украинских — 10, белорусских — 5. Подобные небылицы есть и в фольклоре неславянских народов СССР (*Тат. творч.*, III, № 145). Сюжет типа *1895 C** отмечен только в данной сказке и в белорусской сказке сборника Федеровского (*Federowski*, III, № 217). Сюжет типа *1910* учтен в *AT* в финском, эстонском, литовском, украинском, русском, французском, франко-американском и англо-американском фольклорном материале. Русских вариантов — 9, украинских — 1, белорусских — 2.

Распространение небылиц такого типа связано с «Удивительными приключениями барона Мюнхгаузена».

420(231c) Записано в Тверской губ.

*AT 218 B** (Небесная избушка: человек попадает в нее, поднявшись по

стеблю из горошины на небо. См. прим. к тексту № 18) + *1889 K* (=*804 A*. Человек спускается с неба на веревке и попадает в болото) + *1900* (Человек выбирается из болота, ухватившись за хвост волка). Первый сюжет разработан подробно.

421(231d) Записано в Архангельской губ.

AT 1920 H (О сюжетном обрамлении данного типа см. в прим. к тексту № 418) + *1887** (Человек переплывает через море на рогоже и перебрасывает оттуда коров) + *1889 K* (=804). Тип *1887** учтен в *AT* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 13, украинских — 2, белорусских — 1

Афанасьевым после слов «больших быков» (с. 148) дан вариант: «за слепня — быка».

422(231e) Место записи неизвестно.

AT 1920 H + 1960 M (Большой шмель дерется с медведем) + *1889 P* (Человек сшивает две половинки лошади) + *СУС 1960 L** (Из одного гнезда человек набирает полную лодку яиц) + *AT 1886* (Человек пьет из собственного черепа) + *1889 K* (=*804*). Тип *1960 M* учтен в *AT* в англо-американском материале. Русских вариантов — 3, украинских — 7, белорусских — 2. Тип *1889 P* учтен в *AT* в немецком и русском материале, известен по «Удивительным приключениям барона Мюнхгаузена». Русских вариантов — 19, украинских — 15, белорусских — 3. Тип *1960 L** представлен в опубликованном материале только текстом сборника Афанасьева. Тип *1886* учтен в *AT* лишь в русских сборниках. Русских вариантов — 2, украинских — 6, белорусских — 1.

423(231f) Место записи неизвестно.

*AT 1930 A** (Богатые люди) + *1889 P* + *1889 K* (=*804*) + *1900* (Человек выбирается из болота, ухватившись за хвост волка). Небылицы о богатых людях, относящиеся к типу *1930 A**, учтены в *AT* в русском материале, но встречаются и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 237). Русских вариантов — 12, белорусских — 4. Ироническое изображение «богатства» бедняков-молодоженов, близкое к текстам небылиц, приведенным Афанасьевым в примечаниях, дано в стихотворении Некрасова «Молодые» (1866). Эпизод угощения пивом (жижей) имеет соответствие в сказке сибирского сказочника Терентьича, пересказанной в статье К. Авдеевой «Воспоминания об Иркутске» (Отечественные записки, 1848, т. LIX, с. 132—135).

В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 514) Афанасьев привел приговор дружки на свадьбе, напоминающий начало этой сказки: «Пожалуй, сватушко и свахонька, к новобрачному князю хлеба кушать; у нас двор-от под окошком, а изба-то у ворот; у нас-то рогатые скотины — таракан да жужелица, а медные-то посуды — крест да пуговица; а хлеба-то у нас про вас три сусека; в первом сусеке мак, в другом точно так, а в третьем растянись да и ляг. А пива-то у нас про вас наварено три пива: пиво киснет, а другое на крюке виснет, третье пьем — ковшик поднесем да за волосы потрясем, об пол грянем да топком прибавим, да об лавку лбом; только, сват, с этого пива у нас по трое суток с похмелья лежат. (*Я. Крживоблоцкий*, Костромская губерния, с. 506)».

После слов «насилу выпили» (с. 150) даны два варианта начала этой сказки:

«*Вариант 1*: Жили мы с дедушкой богато: от наготы и босоты ломились шесты. Было у нас медной посуды — крест да пуговица, рогатой скотины — петух да курица; было у нас денег — сто без девяноста, класть было не во что, а купить мешка не на что; было у нас сто ульев да пятьдесят пчел: которая пчела в поле летит — хвостом вертит, а с поля летит — корову тащит. Лошадка была у дедушки иноходь, а не на чем было выехать: с горы-то сам сойди, а в гору пешком побеги; одной рукой погоняй, другой слезы утирай! Ты впрягать, она лягать; ты орать, она играть! На глади хоть не клади, а в грязи хоть сам повези! Сварили мы с дедушкой два пива: одно пожиже, а другое что вода; выпьешь бурак, станешь как дурак, а стакан поднесешь да четвертным поленом оплетешь — так всяк идет да спотыкается.

Вариант 2: Жили мы богато; было у нас скота рогатого много: десять кошек дойных, два кота езжалых, один кот-виноход. Паханой земли еще больше:

печь да полати, да настольные лавки. Посеяли мы на печи-то просо, на полатях семя. Выросло наше просо в косую сажень; мы с дедушкой просо сжали, на печном столбе склали. Кот-виноход увидал мышь да крысу, шмыг за ними, и свалил зерно в корыто. Дедушка просо собирал, бабушка шелуху сдирала. А бабушка была куда резва, на печь три года лезла, да оттуда сорвалась, натрое разодралась; дедушка взял лычко и сшил ее, так она еще десять лет жила. Было у нас пчел много, и что за пчелы! Одна подымает козла, а которая сильна — та свинью да кабана».

424(231g) Записано в Костромской губ.

В основном *AT 1930 A* + 1890* (Ружье стреляет нечаянно и убивает тетерева). Вступительный рассказ о драке невестки с золовками имеет соответствие в скоморошине «Агафонушка» сборника Кирши Данилова, «Древние российские стихотворения» и ее вариантах (они указаны А. М. Астаховой в комментариях к второму тому «Былин Севера», М., Л., 1951, с. 787 и дополнительно в комм. А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путилова в кн. Сборник Кирши Данилова. М., 1977, с. 445). В скоморошинах, пародирующих стиль героической былины, повествуется о драке свекра со снохой или о бое женщин. Исследования: *Федорова В. П.* Небылицы. В кн. Проблемы изучения русского устного народного творчества. М., 1975, вып. I, с. 90—95.

После слов «киселя-горюна» (с. 152) — «шаньги да блины». К словам «Уродилась у нас гречиха предобрая» (с. 152) дан вариант: «Нынче хлебу не род, а прежде дородно рос: три пуда колос тянул, три фунта зерна. Коли в одно место собирать, надо по семи лошадей под сноп запрягать...»

425(231h) Место записи неизвестно.

AT 1932 (Страна обетованная). Сюжет учтен в *AT* только в литовском фольклорном материале. Русских вариантов — 22, украинских — 5, белорусских — 3. Польские варианты — см. *Krzyżanowski*, II, s. *161*. Своеобразным является эпизод съедания попа толоконного лба. Небылица типа *1932* генетически связана с сюжетом *AT 1930* («Страна чудес»), пародирующим предания о золотом веке. Они известны не только по многочисленным западноевропейским фольклорным, но и по литературным вариантам (Боккаччо. Декамерон, день 8-й, новелла 3; «Удивительные приключения... барона Мюнхгаузена»).

К словам «блином накрыта» (с. 153) Афанасьев в сноске указал вариант: «Шаньгой, ватрушкою».

426(231i) Записано в Шенкурском уезде Архангельской губ. Борисовым. *AT—СУС — 1930 D** (=*AA 1931 C**. Подпоясался топором: увидел на утке озеро, корова бабу доит и т. п.). Русских вариантов — 14. Афанасьев опубликовал текст, передающий некоторые фонетические особенности местного говора.

427(231k) Место записи неизвестно.

AT 1920 C (Барин награждает за ложь. Рассказ, обрамляющий ряд сюжетов небылиц) + *1882 A* (Человек сам вырубает себя из дупла; идет домой за топором и проч.) + *1886* (Человек пьет из собственного черепа. См. прим. к тексту № 422) + *1889 K* (=*804*. Человек влезает на канате, свитом из пыли-копоти). Сюжетный тип *1920 C* учтен в *AT* в целом ряде вариантов на европейских языках и в записях на турецком языке. Русских вариантов — 22, украинских — 7, белорусских — 6 (ср. *Тат. творч.*, III, № 77). Сюжет типа *1882 A* учтен в *AT* в венгерском и русском фольклорном материале; встречается также в польском (*Krzyżanowski*, II, с. 155) и латышском (*Арайс-Медне*, с. 235). Русских вариантов — 13, украинских — 15, белорусских — 6. Слова «...зашел я по конец моря, взял да зажег...» отчасти напоминает небылицы типа *1930 C** — «Чудо чудное».

К словам «пришел я к морю» (с. 154) Афанасьевым указан вариант: «к озеру».

После слов «по белу свету разгуливать» (с. 154) указан вариант: «Кинул топором раз — недокинул, в другой — перекинул. Топор-то плавает, топорище тонет. Зажег я озеро с конца; оно трещит да горит; как вода совсем выгорела — яйца испеклись. Я был смел — те яйца съел».

После слов «у моей лошаденки брюхо прорвали» (с. 155) указан вариант:

«Взялся за топор дрова рубить, глядь — бежит семеро волков: шесть куцых, седьмой без хвоста. Я думал: то серые волки, ан бирюки! Прибежали да мою кобылу разорвали».

428. БАЙКА ПРО СТАРИНУ СТАРОДАВНЮЮ
(с. 155—156)

428(232) Записано в Архангельской губ. А. Харитоновым.

Скоморошина-небылица, пародирующая былинный стиль и соответствующая второй части «Агафонушки» из сборника Кирши Данилова, относится к сюжетному типу *АТ 1930 С** (Чудо чудное: море горит, по поднебесью медведь летит и пр.). Ср. текст № 424. Небылицы о «Чуде чудном» учтены в *АТ* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 7, белорусских — 1.

Вместо «кутюшка» (с. 155) Афанасьевым в сноске указано: «курочка».

429. УДАЛОЙ БАТРАК
(с. 157)

429(233) Записано в Енотаевском уезде Астраханской губ. священником Григорием Рышкиным.

АТ 1875 (На хвосте у волка) + *1970* (Волк или медведь в упряжке). Первый сюжет учтен в *АТ* во многих вариантах на европейских языках. Русских вариантов — 10, украинских — 6, белорусских — 4.

430. ИВАН-ДУРАК
(с. 158—159)

430(234) Записано в Шадринском уезде Пермской губ. государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, оп. 1, № 32а, лл. 3 об.— 6; 1850), ей соответствует печатный текст сборника Афанасьева.

АТ 1640 (Мнимый богатырь). В *АТ* учтены, кроме европейских, сказки, записанные в Юго-Восточной Азии и Африке. Русских вариантов — 24, украинских — 11, белорусских — 5. Сходные тексты встречаются в сборниках фольклора восточных народов СССР (например, *Башк. творч.*, II, № 59; *Тат. творч.*, III, № 61; *Удмурт. ск.* № 75). Формирование сюжета связано с древними индийскими, китайскими и монголо-ойратскими сборниками — «Ятака» (III в.), «Типитака» (V в.), «Шиди-хюр» (VII—VIII вв.),— с итальянскими новеллами (см. *Novelline*, № 56), и с «Schwankenbücher» М. Монтана). Широкую литературную известность получила в переводах сказка бр. Гримм «Хитрый портняжка». Первая русская литературная обработка сюжета — *Бронницын*, № 2 — перепечатана в примечаниях Афанасьева (см. ниже текст № 578). Исследования: *Polivka J.* Pohádkoslovne studie (статья «Udatný krejči»). Если в западных вариантах обычно тщедушный портной случайно становится победителем великанов, то в вариантах Афанасьева и других восточнославянских сказках Иван-дурак или захудалый крестьянин (крестьянский сын) Фома Беренников (Фома, широкая борода), убивший много мух или пауков и объявивший себя победителем многих противников, становится спутником могучих богатырей и побеждает, вместо них, страшных врагов. Традиционный заключительный эпизод женитьбы мнимого богатыря на царевне в текстах сборника Афанасьева отсутствует.

431—432. ФОМА БЕРЕННИКОВ
(с. 160—164)

431(235а) Записано в Чекалинском уезде Тульской губ. П. И. Якушкиным.

АТ 1640. Слог данного варианта отчасти близок былинному.

432(235b) Место записи неизвестно.

АТ 1640. Начало напоминает сюжет «Кто боязливее зайца?» — *АТ 70*. Заключающая сказку присказка о возвращении сказочника со свадебного пира на восковой таявшей кобыле (ср. тексты № 146, 147) относится к сюжету типа *1880*. Русских вариантов — 21, украинских — 3, белорусских — 6.

После слов «и полетела голова с плеч долой» (с. 163) Афанасьевым указан вариант: «Сел Фомка на клячу, выехал навстречу и говорит сам себе: «Дай лучше глаза завяжу: все не так страшно будет лютую смерть принимать!» Завязал глаза платком и прилег к лошаденке. Великан смотрит. «Вот,— думает,— вояка! Глаза завязал — значит, на себя надеется! Да ведь я не хуже тебя, и сам то же сделаю!» Только завязал он глаза и прилег к своему богатырскому коню, а уж Фомке наскучило ждать, глянул Фомка, смекнул, в чем дело, выхватил у великана меч-кладенец и тем мечом срубил ему голову».

433—437. СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНЕ
(с. 164—170)

433(236a) Записано в Череповецком уезде Новгородской губ. Н. Чернышевым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись («Быт крестьян в Череповецком уезде Новгородской губернии») — в архиве ВГО (р. XXIV, оп. 1, № 5, лл. 12—13; 1848).

АТ 1164 (Злая жена в яме). Сюжет учтен в *АТ* преимущественно в записях, сделанных в Европе и Америке на европейских языках; отмечены также немногочисленные турецкие и индийские варианты. Башкирская сказка, сходная с русской, записана в 1903 г. на русском языке писателем Н. А. Крашенинниковым (Научный архив Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, ф. 3, оп. 22/61, с. 15—21). Подобные сказки народов СССР имеются и в опубликованном материале (*Тат. творч.*, III, № 101; Азерб. ск./Сост. Н. Сеидов. Баку, 1960, с. 124; Чувашские легенды и сказки/ Сост. Е. Сидорова, Чебоксары, 1979 г., с. 201—204). Русских вариантов — 35, украинских — 18, белорусских — 11. Формирование сюжета связано с индийским сборником XII—XIV вв. «Шукасаптати» («Семьдесят рассказов попугая»), переведенным с санскрита на другие восточные языки и подвергшимся обработкам. Одной из восходящих к древнеиндийской литературе обработок сюжета о женщине, устрашившей демона, является вариант рассказа турецкого средневекового сборника «Сорок везирей». Из европейских писателей XV—XVI вв. сюжет использовали Н. Макиавелли (новелла «Бельфагорархидиавол» — о черте, посланном богом ада Плутоном на землю жениться, прожить там десять лет и убедиться, правду ли говорят души грешников, что были замучены злыми женами; он убеждается, что это правда), Г. Сакс (стихотворный шванк «Как черт женился на старухе»), Страпарола («Приятные ночи», ночь II, сказка 4). Басня Лафонтена «Бельфагор» (1678—1679), имеющая своей основой сюжет новеллы Макиавелли, переводилась с французского на другие европейские языки. Еще раньше сюжет подвергался обработке в драматической форме — первая постановка «Бельфагора» на сцене состоялась в 1602 году в Англии (пьеса Дж. Уилсона). В новое время был создан ряд пьес о Бельфагоре (Брауна, Леграна, Дюмануара, Вернье), которые шли на английской и французской сценах. Из прозаических литературных обработок народных сказок типа *1164* писателями XIX и XX вв. назовем польские — Л. Семеньского («Вечорницы») и К. Тетмайера («Как баба одолела черта»). Исследования: *Axon W.* The Story of Belfagor in Literature and Folk-Lore («Transactions of the Royal Society of Literature». London, 1902); *Krzyżanowski, Par.*, s. 430—432. Вступительная часть данной и следующей сказок сборника Афанасьева соответствует сюжетному типу *СУС — 1365 А** (наперекор мужу жена прыгает в яму), а финал — сказке Страпаролы.

В рукописи имеется введение, которое Афанасьев опустил: «Я был в избе у больного крестьянина, он страдал, несчастный, горячкой, и хотя я не доктор, но утешал его в болезни, предлагал ему средства для излечения, означенные в «Сельском лечебнике». В это время мать этого крестьянина Авдотья рассказы-

вала детям сказку, которую я записал, пришедши домой и удержал все ее произношения». (л. 12).

В печатном тексте Афанасьев пытался более последовательно провести некоторые местные фонетические произношения в написании, например, таких слов, как жена и жона, она и ёна.

434(236b) Записано в Землянском районе Воронежской губ. бургомистром Рышковым.

АТ 1164. Вариант сюжета о злой жене, брошенной в яму, здесь неполный. Начало ср. с анекдотом типа *1365 А* и *А** — о жене, всегда поступавшей наперекор мужу.

435(236c) Записано в Тульской губ. Мясоедовым.

АТ 1164. Данный вариант отличается обстоятельностью изложения. Своеобразно разработаны, например, эпизоды ссоры супругов, выполнения Антипом обязанностей жены (ср. *АТ 1408*), изгнания им беса из домов откупщика и боярина, смерти Антипа от запоя.

После слов «Полетела в ямище и не пикнула» (с. 166) Афанасьевым указан вариант: «Сокрушила баба мужика; не знает, что с ней делать, как поступать? Случилось зимою, на самое таки крещение — был мороз градусов в тридцать, подает ему баба корзину и говорит: «Слушай, негодяй, что ты все на печке сидишь, а того не знаешь, что скоро жрать нечего! Что сама достану, то и есть! Ступай сейчас в лес да набери грибов!» Вот какова была ехидная! Бедный мужик встал, оделся, взял корзину и ушел с глаз долой. Идет да думает: «Куда теперь за грибами идти? На дворе мороз трещит, а у ней чтоб грибы росли! Ведь навязалась же этакая злая жена на шею! Пойду лучше к куму!» Пришел к куму, занял у него медных грошей да пятаков пригоршни две и пустился в лес — прямо к провалищу, где черт проживал; давай сыпать деньгами: здесь грош, там другой, а где и пятак. Воротился домой: «Жена моя, государыня! На наше с тобой счастье бог вместо грибов послал клад большой: нашел я в лесу, как раз у провалища, много всяких денег; вот немножко с собою захватил».— «Что ж ты, подлец, не все забрал?» — «Жена моя, государыня! Озяб крепко; погреюсь маленько и опять пойду». Баба напустилась ругать его: «Озяб!.. Небось, не взял бы черт тебя — остался бы жив! Пожалуй, теперь кто другой пойдет, да все и сграбастает! Веди меня, негодяй, на то самое место; я и сама соберу!» Накинула шубенку и побежала в лес; мужик едва за ней поспевает. Как увидела разбросанные деньги — от радости себя позабыла, суетится около провалища да все в подол собирает. Вот мужик стал позади бабы, приноровился потихоньку да как хватит ее коленом под сиденье. Загу́ла баба, провалилася, на старого черта навалилася, ухватила его за бороду, и ну со злости таскать во все стороны; только клочья летят!»

После слов «без бабы пирушки в аду!» (с. 168) в сноске Афанасьева отмечено: «В другом списке мужик приходит в боярские хоромы, а следом за ним прибегает собака — и ну царапаться в двери. «Кто там за тобою пришел?» — спрашивает бесенок. «Разве не слышишь? Жена в двери скребется, сейчас за тебя, брат, возьмется!»

436(236d) Место записи неизвестно.

*АТ 1378 В** (Жена хочет взять верх над мужем) + *1164*. («Злая жена в яме»). Вариант типа *1164* сборника Афанасьева имеет своеобразную концовку: муж, испугавшись жены, которую пытается вытащить из ямы, нечаянно роняет ее, «и загремела косая баба по-прежнему в ад». Сюжет типа *1378 В** учтен в *АТ* только в финском и русском материале. Русских вариантов — 6, украинских — 1, белорусских — 2. Мотив «Муж объявляет жене, что будто бы по царскому указу жены получили власть над мужьями» встречается также в варианте сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1908, № 62) и развивается там подробно.

437(236e) Вариант к тексту № 433. Записано в Череповецком уезде Вологодской губ. *АТ 1164*.

438—440. ЖЕНА-СПОРЩИЦА
(с. 170—171)

438(237a) Записано в Ливенском уезде Орловской губ. К. О. Александровым-Дольником.

AT 1365 F (=*AA 1365* Д*. Упрямая жена: с досады притворяется мертвой и дает похоронить себя). В *AT* сюжет учтен только в русском материале (7 вариантов).

439(237b) Записано в Малоархангельском уезде Орловской губ. П. И. Якушкиным. Из рукописного собрания П. В. Киреевского.

AT 1365 A (Упрямая жена: падает в реку, муж ищет ее труп вверх по течению). Кроме многочисленных европейских вариантов, в *AT* учтен текст, записанный в Индии. Русских вариантов — 18, украинских — 4, белорусских — 1. Формирование сюжета прослеживается с V в. (сб. «Типитака»). Старейшая европейская версия в «Speculum exemplorum» Жака де Витри (XIII в.). Анекдот вошел также в «Speculum magnum exemplorum» (первое голландское издание 1481 г.), переведенный в XVI в. на польский, а в XVII в. на русский языки («Wielka zwierciadło» — «Великое зерцало»). Сюжет известен и по европейским новеллам, шванкам, фабльо, фацециям эпохи средних веков и Возрождения (см., например, Rotunda, индекс *T 255*. 2; Pauli № 142), а также по восточным анекдотам о Насреддине. К сюжетному типу *1365 A* относится басня Лафонтена «Утопленница» и стихотворение Адама Мицкевича «Żona uparta» (1840), которое, очевидно, является переложением белорусского или польского народного анекдота.

440(227c) Записано в Черноярском уезде Астраханской губ. волостным писарем О. Л. Волконидиным. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не указан. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. II, оп. 1, № 93, лл. 10 об.; 1857).

AT 1365 B (Кошен-стрижен: жена наперекор мужу утверждает, что луг не кошен, а стрижен, и, когда брошенная в реку тонет, показывает,— стрижен). В *AT* учтены многочисленные варианты только на европейских языках, записанные в Европе и Америке. Русских вариантов — 2, украинских — 3, белорусских — 5. История сюжета прослеживается с V в. (сб. «Типитака»). Старейшая европейская литературная версия — «Муж и жена-спорщица», средневекового латинского сборника «Расширенный Ромул» (см. Басни Эзопа. Пер., статья и комм. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1968, с. 212). Анекдот встречается в сборниках французских фабльо и в других повествовательных сборниках XII—XVII вв. (Мари де Франс, Жака де Витри, Паули, Монтаня и др.). На его сюжет написана притча А. П. Сумарокова «Спорщица» (изд. 1762 г.) и стихотворение Адама Мицкевича «Golono-stryżona» (1840), последнее имеет, вероятно, белорусскую или польскую фольклорную основу.

В записи О. Л. Волконидина анекдотическая сказка передается таким образом:

«Некто из мущин, обривши бороду, позвал жену и говорит: «Смотри-ка, жена, как я чисто обрился». Ж., посмотревши, отвечала: «Да разве это брито? Это так только стрыжено». М.: «Врешь, каналья, говори: брито». Ж.: «Нет стрижено». М.: «Я тебя изобью — говори брито». Ж.: «Нет стрижена». М., побивши ее, опять начал принуждать: «Говори: брито, а то утоплю!» Ж.: «Что хочешь делай — а стрижена!». М. повел ее топить и, введши в воду, закричал: «Говори: брита!» Ж.: «Нет стрижена!». М. ввел ее в глубину и, погрузив в воду, толкает в голову: — «Скажи: брито!» Ж. уже не может и говорить в воде, выказала руку и двумя пальцами утверждает, что стрижена; тогда М., выбившись из сил, освободил жену. Избави боже всякого от этаких жен!»

441. ЖЕНА-ДОКАЗЧИЦА
(с. 172—175)

441(238a) Место записи неизвестно.

AT 1381 (Жена-доказчица). Кроме довольно многочисленных вариантов на европейских языках, в *AT* учтены турецкие и индийские варианты. Русских

вариантов — 24, украинских — 23, белорусских — 9. Сюжет восточного происхождения (см. *Chauvin*, VIII, № 184, p. 168) отразился, в средневековых французских фаблью (см. Bédier, p. 196, 466). Первая русская публикация (литературная обработка народной сказки) — *Погудка*.., III, № 7, с. 23—34. В данном и следующих вариантах, как и во многих других восточнославянских сборниках, отражаются черты быта эпохи крепостного права. Мотив «Барина черти дерут», играющий существенную роль в развязке сюжета, встречается в целом ряде восточнославянских сказок о жене-доказчице. Цензор Вакар усмотрел в сказке недозволенные изображения жестокости помещика.

К словам: «щуку повесил на дерево» (с. 172) Афанасьев в сноске привел вариант: «щуку в тенета положил».

442 (238а, вар.) Записано в Уфимском уезде.

АТ 1381. Обычно старик сам находит клад, а не вместе со старухой. Своеобразно разработан заключительный эпизод расправы барина над старухой, упорно утверждающей, что «черт с нашего барина шкуру драл».

443(238b) Место записи неизвестно.

АТ 1381 + отчасти *1660* (Дурак-убийца). Необычное соединение мотивов различных сюжетных типов. Основным является сюжет о жене-доказчице.

444. ГОЛОВИХА
(с. 176)

444(239) Записано в Шадринском уезде Пермской губ. государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (разд. XXIX, № 32 а, л. 35 об.; 1850).

*АТ 1378 В** (Жена хочет взять верх над мужем). Вариант отличается развитием мотива «Бабу проучивают, выбрав старостой». Сходное изложение сюжета имеется в еще одной русской сказке (*Смирнов*, № 118).

Афанасьев опубликовал запись с сохранением ее своеобразной орфографии и с очень незначительной стилистической правкой.

445. МУЖ ДА ЖЕНА
(с. 176—177)

445(240) Записано в Курской губ.

АТ 1360 С (Муж в мешке и притворно больная жена). В *АТ*, кроме вариантов, записанных в Европе и Америке на европейских языках, учтены турецкие и индийские варианты. Русских вариантов — 28, украинских — 20, белорусских — 6. История сюжета прослежена в исследованиях: *Сумцов Н. Ф.* Песни о госте Терентии и родственные им сказки.— Этногр. обзор. 1892, № 1, с. 106—119; Bédier, p. 261, 406—407; *Anderson W.* Der Schwank vom alten Hieldebrandt. Dorpat, 1931). Если все русские сказки типа *1360 С* восходят к песенной (былинной) традиции «Гостя Терентия», то некоторые западные белорусские и украинские варианты соответствуют польскому фольклорному материалу в большей мере, чем русскому. В отличие от былины-скоморошины в сказке действуют безымянные персонажи; обманутый муж-крестьянин, нет упоминания о Новгороде (жена посылает мужа за лекарством в «Крым-град»); солдат играет в сказке роль, подобную роли веселых скоморохов в былине-скоморошине, но поет не он, а неверная жена, пирующая с любовником — молодым парнем. В ряде восточнославянских сказочных вариантов данного сюжета любовником неверной жены является поп (см. ниже *Завет. ск.*— тексты № 16, 18). Эпизоды завертывания мужа-рогоносца в солому и пения весельчаком, принесшим эту солому в его дом, песни «Чуешь-ль, солома, что деется дома?..» в данной и одноименной «заветной» сказке Афанасьева не имеют параллелей в западных вариантах сюжетного типа *АТ 1360 С* и в былине-скоморошине, но характерны для восточнославянской сказочной традиции. В ней отражаются в трансформированном виде детали колядных, маслиничных и других календар-

ных обрядов, бытовавших еще недавно в народной восточнославянской среде. Сравнительному анализу сибирских сказочных вариантов «Гостя Терентия» и местных обрядовых действ, связанных с ними песен, посвящена статья Н. В. Соболевой «Обрядовые реминисценции в русской бытовой сатирической сказке Сибири (на примере сюжета «Гость Терентий»).— В кн.: Русский фольклор Сибири. Исследования и материалы.— Новосибирск: Наука, 1981, с. 40—54.

446. ВЕЩИЙ ДУБ
(с. 178—179)

446(241) Место записи неизвестно.

АТ 1380 (Никола Дуплянский). Сюжет имеет устное распространение во всех частях света. Русских вариантов опубликовано 28, украинских — 9, белорусских — 4. Ср. ниже Завет. ск.— тексты № 21, 22. Варианты встречаются в фольклоре неславянских народов (например.: *Тат. твор.*, III, № 98, *Узбек. ск.*, с. 351—359). Старейшая литературная версия этого сюжета относится к III—IV вв.— «Панчатантра» (кн. III, рассказ 17). Аналогичный рассказ в другом санскритском сборнике «Сиддахапати» (в переводе на пехлеви — «Синбад-наме», VI в.; в переводе на русский яз.— «История о семи мудрецах», XVII в.). Первая европейская литературная обработка этого сюжета — новелла Симона Пруденция из Орвета (лат. яз.), относится к IV в. Позднее сюжет был обработан Дж. Боккаччо («Декамерон», 10-я новелла 3-го дня) и Г. Саксом (стихотворный шванк). Исследования: *Померанцева Э. В.* К вопросу о национальном и интернациональном началах в народных сказках.— В кн.: История и фольклор славянских народов. V Международный съезд славистов. 1963 г.— М.; Л., 1964, с. 386—414. Обычно в таких сказках жена после того, как муж притворился ослепшим, зовет любовника, а не гостей, и муж с ним расправляется. В отличие от многих восточнославянских вариантов, имеющих яркую социальную окраску и сатирическую антипоповскую направленность, данный текст сборника Афанасьева лишен социальной заостренности.

447. ДОРОГАЯ КОЖА
(с. 179—180)

447(242) Записано в Пермской губ. Д. М. Петуховым.

АТ 1535 (Дорогая кожа) + *1358 А* (Любовник в виде черта). Традиционная сюжетная контаминация. Всемирно известный сюжет о «дорогой коже» обычно завершается эпизодом: плута хотят бросить в мешке в воду, он заманивает на свое место другого — ср. тексты № 387, 397. Русских вариантов типа *АТ 1535*—74, украинских — 31, белорусских — 20. Древнейший зафиксированный текст сказки о том, как человек, сидевший в завязанном мешке, заманил на свое место другого и тот был утоплен вместо него, находится в сборнике «Типитака». Современным сказкам типа *1535* довольно близко соответствует латинское стихотворение X или XI в. «Unibos» и новелла итальянского писателя XIV — начала XV в. Серкамби. Наиболее известной литературной обработкой сюжета является «Маленький Клаус и большой Клаус» Андерсена (1835). Исследования: *Wesselski*, S. 216—217; *Müller J.* Das Märchen vom Unibos, Jena [1934]. Сюжет типа *1538 А* учтен *АТ* в литовских, русских и в редких японских, английских вариантах, встречается также в латышских (*Арайс-Медне*, с. 176—177). Русских вариантов — 23, украинских — 13, белорусских — 8. Сказка типа *1358 А* вошла в кн. *Башк. творч.*, IV, № 77.

448. КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК
(с. 181)

448(243) Записано в Ливенском уезде Орловской губ. К. О. Александровым-Дольником.

АТ 1376 А* (Муж отучает жену от сказок). Сюжет учтен в *АТ* только в русском, но встречается также в латышском фольклорном материале (*Арайс-*

Медне, с. 179). Опубликовано 3 русских варианта; из них 2 — в сборнике Афанасьева (ср. текст № 507).

449. ЛУБОК

(с. 181—182)

449(244) Место записи неизвестно. Язык украинский.

АТ 980 А (Дедушка и внучек). Кроме текстов, записанных на европейских языках в Европе и Америке, учтены японские и китайские варианты. Русских вариантов — 3, украинских — 10, белорусских — 3. Из них восточнославянских текстов в *АТ* только один — из сборника Афанасьева; не учтены в нем же польские (см. *Krzyżanowski*, I, S. 287) и латышские (*Арайс-Медне*, с. 151) тексты. Сюжет встречается и в татарском фольклорном материале (сб.: Веселая россыпь. Татарский народный юмор/Сост. Г. Баширов. М., 1974, с. 95). История сюжета связана с древнееврейскими притчами (см. *Gaster M.* The exampla of the Rabbis. London; Leipzig, 1924, III, p. 117, 267) и с нравоучительными французскими фаблью (см. *Bédier*, p. 463—464), испанскими новеллами (см. *Keller J. E.* Motifindex of Mediaeval spanish Exempla. Knoxville, Tennessee, 1949), немецкими шванками (*Pauli*, № 436, 760). Русский литературный пересказ сказки вошел в сборник С. Друковцева «Бабушкины сказки» (М., 1778, № 31) — пересказ схематичен, дан как притча в обращении к сыну старика-отца, заключающем повествование о том, как сын спровоцировал избиение отца встречным солдатом. Исследования: *Paudler F.* Die Volkserzählung von der Abschafung der Altentötung (FFC, N 121). Helsinki, 1937; *Кисляков Н. А.* О древнем обычае в фольклоре таджиков.— Сб. Фольклор и этнография. Л., 1970, с. 70—82. См. также указанную выше монографию Бедье, который ошибочно полагал, что ареал распространения сюжета ограничен Западной Европой, и утверждал западное его происхождение.

450. КРЕСТ — ПОРУКА

(с. 182—183)

450(245) Записано в Пермском уезде Д. М. Петуховым.

*АТ 849** (Крест или икона — порука). В *АТ* отмечены только русские варианты. Русских вариантов — 14, украинских — 9, белорусских — 4. Наряду с данной разновидностью легендарного сюжета (брошенные в бочонке в воду деньги сами приплывают к заимодавцу) встречается в восточнославянских сборниках другая: купивший икону добивается счастья с помощью святого. В слоге заметно книжное влияние.

451. ОБ ОТЦЕ НИКОЛАЕ

(с. 183—184)

451(246) Записано в Пермском уезде Д. М. Петуховым.

*АТ 848** (Вор и св. Николай). Легендарный сюжет, в *АТ* учтен лишь в русском фольклорном материале. Кроме него известен еще один опубликованный текст (*Смирнов*, № 53).

452. СКРЯГА

(с. 184—185)

452(247) Записано в Новгородской губ.

АТ 1654 (Разбойники в часовне). В *АТ* учтены, кроме европейских, варианты, записанные в Индии, Африке и на испанском языке в Латинской Америке. Русских вариантов — 12, украинских — 11, белорусских — 6. Первая русская публикация в лубочном сборнике *Похожд. россиянина* (с. 7—23). Вариант сборника Афанасьева имеет характерную социальную заостренность.

453—527. НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ
(с. 186—213)

453(249a) *AT 1702 A**. Варианты не отмечены.

454(249b) *AT 1334*. В *AT* учтены итальянские, сербохорватские, греческие, индийские варианты, а также текст сборника Афанасьева — украинский. Опубликованы еще два украинских варианта. Известны подобные восточные анекдоты о Насреддине.

455(249c) *AT —. СУС — 2083**. Язык украинский. Опубликован также один русский вариант (*Чудинский*, с. 139 i).

456(249d) *AT —. СУС — 2061**. Язык украинский. Варианты не отмечены.

457(249e) *AT —. СУС — 2062**. Язык украинский. Варианты не отмечены.

458(249f) *AT 1288**. Язык украинский. Кроме данного в *AT* учтен финский вариант. Опубликован еще один украинский анекдот в сб. Веселий оповідач. Упоряд. Б. Грінченко, Київ, 1913, № 122.

459(249g) *AT —. СУС — 2064**. Варианты не отмечены.

460(249h) *AT —. СУС — 1446**. Язык украинский. Варианты не отмечены.

461(249i) *AT 1228*. В *AT* учтены варианты в балтском, балканском, германском и русском материале. Русских вариантов — 5, украинских — 3, белорусских — 2.

462(249k) Отчасти *AT 1228*.

463(249l) *AT —. СУС — 2084**. Украинских вариантов — 2, белорусских — 1.

464(249m) *AT —. СУС — 2052**. Язык украинский. Варианты не отмечены.

465(249n) *AT —. СУС — 1618**. Отмечен украинский вариант.

466(249o) *AT —. СУС — 2053**. Язык украинский. Варианты не отмечены.

467(249p) *AT —. СУС — 1687*** (=*AA* 2081*). Язык украинский. Отмечен белорусский вариант (*Шейн. Материалы*, № 157, с. 320).

468(249q) *AT —. СУС — 2066**. Язык украинский. Варианты не отмечены.

469(249r) Отчасти *AT 1539* (Шут) — начало. См. прим. к тексту № 397.

470(249s) *AT 1529* (Подмена вола или лошади, осла). Язык украинский. В *AT* учтены записи на европейских языках, сделанные в Европе и Америке, а также турецкие, филиппинские варианты. Русских вариантов — 2, украинских — 13, белорусских — 3.

471(249t) *AT 1683**. В *AT* учтены только русские тексты. Русских вариантов — 2 (Данный текст отнесен к русскому материалу условно), украинских — 2.

472(249u) *AT 1699 B*. Язык украинский. Анекдоты типа «Не поняли друг друга» учтены в *AT* в литовском, испанском, английском и русском материале. Русских вариантов — 1, украинских — 9, белорусских — 8.

473(249w) *AT 1525 M** (Кража сала). Текст украинский. Сюжет, учтенный в *AT* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 1, украинских — 8, белорусских — 3. Анекдот о краже сала вошел эпизодом в роман «Симплициссимус» Гриммельсгаузена, где получил ироническую трактовку, и известен по ряду литературных сборников, интермедиям, песенкам XVI—XVII вв., преимущественно немецким.

474(249x) *AT 1423* (Чудесное окно). Язык украинский. В *AT* учтены многочисленные фольклорные тексты на европейских и турецком языках. Русских вариантов — 1, украинских — 3, белорусских — 1. Сюжет получил широкое международное распространение в литературе. Он известен, например, по «Декамерону» Боккаччо (9-я новелла 7-го дня) и в обработке других итальянских новеллистов (см. *Rotunda*, индекс *K 1518*) и по французским фаблью (см. *Bédier*, p. 468), а также по арабским литературным памятникам (см. *Chauvin*, VI, № 332, p. 175; VIII, № 69, p. 98).

475(249y) *AT 1570**. Данный диалектный текст отнесен не к украинскому, а к русскому материалу условно. Другие варианты не отмечены. Украинских вариантов — 1.

476(249z) *AT 1628* (Ученый сын). Язык украинский. В *AT* учтены литовские, шведские, немецкие, итальянские, словенские, сербохорватский, французский (записанный в Канаде) и текст сборника Афанасьева. Украинских вариантов — 10, белорусских — 4. Сюжет встречается также в латышском материале (*Арайс-*

Медне, с. 204—205). Старейшие литературные тексты — средневековые немецкие шванки.

477(249aa) *AT 1562 A*. Чистота, красота, высота. Язык украинский. В *AT* учтены варианты, записанные на европейских языках не только в Европе, но и в Северной, Южной Америке (от негров и американцев европейского происхождения). Русских вариантов — 17, украинских — 8 (в том числе текст № 522 — ниже), белорусских — 4. В восточнославянских сказках этого типа основными персонажами чаще всего выступают крестьянин и солдат, остановившийся на ночлег, а в западнославянских и других европейских — крестьянин и школяр-бурсак (студент), как в варианте сборника Афанасьева и в некоторых других украинских и белорусских вариантах. Истоки сюжета связаны с древними литературными памятниками Востока (см. *Chauvin*, VIII, № 187, p. 172), но сформировался он на западноевропейской культурной почве. Известны старинные итальянские новеллы (см. *Novelline*, № 8). Ряд статей о таких сказках указан в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. (с. 466). Основное исследование: *Padoán L.* La fiaba di Domine-Domine. Verona, 1925.

478(249bb) *AT —. СУС — 2057**. Анекдотический разговор в рифму — см. *Fedorowski*, III, № 265.

479(249cc) *AT 1867₁*. В опубликованном восточнославянском материале варианты не отмечены.

480(249dd) *AT 1867₂*. Язык украинский. Русских вариантов — 2, украинских — 2.

481(249ee) *AT —. СУС —. AA* 2068.*

482(249ff) *AT —. СУС —. AA* 2068.*

483(249gg) *AT —. СУС — 2069**. Записано в Белоруссии. Украинских вариантов — 3, белорусских — 2.

484—495. Анекдоты под этими номерами записаны в Черноярском уезде Астраханской губ. писарем О. Л. Волконидиным. Рукописный источник их в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. II, оп. 1, № 93; 1857). Кроме трех сказок, опубликованных Афанасьевым (№ 27—28, 118, 401), в нее входят приметы, загадки, прибаутки, рассказы о кладах, а также 24 анекдота (в рукописи они образуют отдел «Басни», лл. 8—13 об.), из которых Афанасьев отобрал для печати 12 (плюс один анекдот опубликовал в разделе сказок — текст № 440).

Анекдоты в записи О. Л. Волконидина Афанасьев подвергал сравнительно небольшой правке. Об ее характере можно судить хотя бы по текстам №№ 485, 487, 491, 494, которые ниже мы воспроизводим по рукописи.

484(249hh) *AT —. СУС —. AA* 2070 A.*

485(249ii) *AT —. СУС — 2070 B*.*

Рукопись: «Однажды зимою на реке Волге ехали извощики: одному пришлось подогнать отставшую лошадь; лишь только он погнался за ней и хотел ударить, как она бросилась в сторону и, попавши в майну, пошла под лед вместе с возом. Извощик закричал: «Ну, моли богу, что ушла, а то я бы нахлестал тебе бока-то».

486(249kk) *AT —. СУС — 2079**. Варианты не отмечены.

487(249ll) *AT 1525 M**. См. прим. к тексту № 473.

Рукопись: «Один солдат (кажется, не Мишка ли?) заметил у малороссиянина в сенях под коньком висевшее сало свиное в мешке пуда два, почему ночью прорывши крышу, начал отвязывать и как-то нечаянно осклизнулся и упал во внутрь сеней вместе с салом; хозяин, услыхав, тотчас вышел со свечкой и, увидавши солдата, спросил: «Чего тебе треба?» Солдат, нисколько не испугавшись, отвечал: «Не надо ли тебе сала?» Хозяин: «Ни, у меня своего богацко». Солдат: «Так потрудись: навали мне мешок на спину». Хозяин исполнил просьбу, и солдат ушел спокойно с добычей».

488(249mm) *AT —. СУС — 2072**. Варианты не отмечены.

489(249nn) *AT —. СУС — 1825 Д*** (=AA* 1825 I)*. Варианты не отмечены.

490(249oo) *AT —. СУС — 2071*. Варианты не отмечены.

491(249pp) *AT —. СУС — 2075**. Варианты не отмечены.

Рукопись: «Трое прохожих в каком-то городке отобедали на постоялом дворе, отправились в путь, разговаривая между собой: «А что, ребята! вить мы,

кажется, дорого заплатили за обед?» Один из них сказал: «Я хоть и дорого заплатил, за то уж недаром!» — «А что?» — спрашивали другие. «Да разве вы не заметили? Только лишь хозяин засмотрится, а я схвачу из солоницы горсть соли да в рот». Что повторял несколько раз».

492(249qq) *AT 1295*. В *AT* учтены немецкие и русские варианты. Текст сборника Афанасьева является единственным в опубликованном русском материале. Украинских вариантов — 6.

493(249rr) *AT 1318*. В *AT* учтены финские, литовские, эстонские, шведские и русские варианты. Русских — 6, украинских — 2, белорусских — 1.

494(249ss) *AT 1572 B***. В *AT* учтен только данный русский текст. Белорусских вариантов — 1.

Рукопись: «Товарищ товарища позвал на обед, где, между прочим, поданы были щи с говядиной. Кусок говядины, хотя и был разрублен, но не совсем и потому гость вместо одного кусочка зацепил весь в свою тарелку, говоря: «Ну, брат, что за чепив, то и бог дав!» Хозяину остались одни щи; он хлебнул несколько ложек, потом встал и, ухвативши гостя за волосы, давай толкать, говоря: «Ну, брат, что зачепив, то и бог дал!»

495(249tt) *AT 1572 C***. В *AT* учтен только данный русский текст. Русских вариантов — 2, украинских — 2.

496(249uu) Записано в Шадринском округе Пермской губ. государственным крестьянином А. Н. Зыряновым. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись — в архиве *ВГО* (р. XXIX, № 32а, лл. 17об.— 18об.; 1850). Афанасьев опубликовал запись Зырянова с сохранением ее своеобразной орфографии и с очень незначительной правкой.

*AT 1572 D***. В *AT* учтен только этот текст. Старейшая русская публикация анекдота о ловком госте в сб. Похожд. Ивана, № 2, с. 5—14. Другие варианты не отмечены.

497(249ww) Записано в Новгородской губ.

AT 1538 (Мужик мстит барину). Этот сюжет учтен в *AT* в скандинаво-балтском, славянском, романском, англо-американском, испано-американском и турецком фольклорном материале. Русских вариантов — 13, украинских — 5, белорусских — 4. Формирование таких сказок связано с французским плутовским романом XIII в. «Труберт» (*Trubert*. Altfranzösischer Schelmroman de Douin Lowesne Herausgegeben von V. Ulrich. Dresden—Halle, 1903). Восточнославянские сказки типа *1538* отличаются острой антикрепостнической и антибарской социальной направленностью. В этом отношении характерна и сказка сборника Афанасьева.

После слов «попомнишь ты этого гусака!» (с. 199) указан вариант: «Однажды мужик поехал с сыном; попадается ему навстречу барин: «Ей, мужик, вороти, давай мне дорогу».— «Нет, барин! ты вороти; я с возом еду, а ты порожняком; да притом твои кони кормны, а моя кляча и то чуть бредет». Барин не стал его слушать, столкнул вон с дороги и уехал. Долго провозился мужик с возом, насилу поправился, и стал думать: как бы отплатить эту обиду...»

После слов «и накрепко защемил ему руку» (с. 199) указан вариант: «Приехали в лес. «Барин! — говорит мужик,— выбирай дерево потолще, чтоб в два обоймища было». Барин выбрал дерево и стал его мерить; тем временем мужик вытащил из-за пазухи веревку, захватил ее в руки и привязал-прикрутил к дереву...»

498(249xx) Записано в Оренбургской губ.

*AT 1588*** (Рыжий и красный). В *AT* учтены только литовские и русские (данный) варианты. Однако сюжет встречается также в латышском (*Арайс-Медне*, с. 202). Русских вариантов — 2 (старейшая публикация в сб. *Похожд. россиянина*, с. 7—23), украинских — 2, белорусских — 1. Напоминает известный эпизод из «Венецианского купца» Шекспира. Сюжет получил отражение в романе Матвея Комарова «Неведимка, история о Фецском королевиче Аридесе и брате его Полумедесе...» (М., 1790).

499(249yy) *AT 1533* (Дележ гуся).

В *AT* учтены, кроме целого ряда европейских, индийские и филиппинские варианты анекдотического сюжета. Русских вариантов — 21, украинских — 11,

белорусских — 5. Сюжет встречается и в сборниках сказок неславянских народов СССР (см. например, *Башк. творч.*, IV, № 115). История сюжета связана с древнееврейским мидрашем «Эха раббати» (VII в.), норвежской «Магус-сагой» (конец XII — нач. XIII в.), итальянскими средневековыми фацециями, новеллами (см. *Rotunda*, индекс H 601), немецкими шванками сборников Сакса и Паули (XVI в.), польскими фацециями XVI—XVII вв., их литературными обработками XIX в. и рассказом русского рукописного сборника «смехотворных повестей», переведенного в XVII в. с польского (см. «Памятники древней письменности», СПб., 1878—1879, с. 108). Первая русская публикация подобной народной сказки в кн. *Похожд. Ивана*, № 2, с. 5—14. В обработке Л. Н. Толстого сказка о дележе гуся вошла в его «Третью книгу для чтения». На Востоке сюжет бытует как один из рассказов о похождениях Насреддина. В восточнославянских сказках типа *1533*, нередко, как и в варианте сборника Афанасьева, действуют два мужика — бедняк и неудачно подражающий ему завистливый богач. О литературной истории сказок типа *1533* см. *Wesselski*, S. 229—230; *Krzyżanowski. Par.*, s. 449—463.

После слов «раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» (с. 201) указан вариант: «Хорошо, мужичок! Умел ты меня подарить, сумей теперь гуся разделить; коли разделишь без обиды — награжу тебя деньгами, а не разделишь — велю накормить березовой лапшою».

500(249zz) *АТ* —. *СУС* — *2051**. Русских вариантов — 3, белорусских — 1.

501(249aaa) Отчасти *АТ 1430 А* (Мечты о счастье). В *АТ* отмечены варианты в немецком, румынском, русском и арабском материале (*Chauvin*, II, № 209, p. 118). Русских вариантов — 2.

502(249bbb) *АТ* —. *СУС* — *1525 N****. Единственная запись.

503(249ccc) *АТ 1548*. Сюжет «Каша из топора» учтен в *АТ* в литовском, шведском, норвежском, французском, словенском, сербохорватском, русском и англо-американском материале. Русских вариантов — 10, украинских — 2, белорусских — 2.

Сюжет встречается также в латышском материале (*Арайс-Медне*, с. 196). История сюжета прослеживается с XV в. (начиная со сборника новелл Серкамби).

504(249ddd) *АТ 1525 L*=1525 Q* (Кража под песню). В *АТ* учтены литовские, сербохорватские, русские и индейские варианты. Русских вариантов — 10, украинских — 8, белорусских — 8. Подобные анекдоты имеются и в латышском фольклоре (*Арайс-Медне*, с. 190).

505(249eee) *АТ 1525 L*=1525 Q* (Кража под песню).

506(249eee вар.) *АТ 1525 L*=1525 Q* (Кража под песню).

(507(249fff) *АТ 1376 В**. Сюжет о солдатской сказке отмечен только в русском материале. Русских вариантов — 5. Старейшая публикация в кн. *Похожд. россиянина*, с. 2—6.

508(249ggg) *АТ 1537** (Отрубленные ноги). В *АТ* учтены литовские и русские варианты. Русских вариантов — 13, украинских — 10, белорусских — 2. Обычно в разных соединениях, чаще всего с *АТ 1537* — Мертвое тело.

500(249hhh) *АТ 1430 А* (см. прим. к тексту № 502)+*1132* (см. прим. к тексту № 150).

510(249iii) Записано в Осинском уезде Пермской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись (*Васильев*. Этнографические сведения о России) — в архиве *ВГО* (р. XLVIII, оп. 1 № 18, лл. 1—2 об.)

АТ 1430 (Разрушенные мечтания). Всемирно известный сюжет. В *АТ* учтены преимущественно западные варианты. Русских опубликовано 7, украинских — 9, белорусских — 2. Встречаются варианты этого типа в сборниках сказок и тюркоязычных, финно-угорских народов СССР — например, татар (*Тат. творч.*, III, № 124), башкир (*Башк. творч.*, № 73, 74), чуваш (*Чувашск. ск.*, с. 214), удмуртов (*Удмурт. ск.*, № 90). Ср. басню Лафонтена «Молочница и горшок с молоком». История сюжета связана также с «Панчатантрой», «Калилой и Димной», «Тысячью и одной ночью», другими арабскими литературными памятниками (см. *Chauvin*, *II*, № 3, p. 100—101; V — № 185, p. 162—163;

VIII, № 196, p. 173), турецким романом «Сорок везиров», европейскими сборниками: Витри (XIII в.), Жуана Менуэля (XIV в.), Страпаролы (XVI в.), Транкозо (XVI в.), Сакса (XVI в.) и др. Сюжет получил отражение в русских лубочных картинках (см. *Ровинский*, I, № 80 — вирши). Исследования: *Буслаев Ф. И.* Перехожие повести,— в сб. статей Буслаева «Мои досуги», т. II, М., 1886, с. 259—406. Разновидность сюжета (Бедняк увидел под кустом зайца и стал мечтать) характерна для восточнославянского сказочного материала.

Сказка подверглась Афанасьевым существенной стилистической правке. Приводим текст по рукописи:

«Бедный мужик хотел богато пожить, и идучи по чистому полю, увидал под кустом лежащего зайца, с радостию сказал, облокотившись на свой батог (трость) грудью: «Вот где домок-от, возьму этова зайца убью, а за кожу получу денег четыре алтыня, а на их куплю свинушку, коя принесет мне 12-ть поросеночков, а те 12-ть поросенков все принесут по 12-ти, тогда возьму всех приколю и анбар мяса накоплю, и продам, а на деньги заведу дом, стану пашеньку пахать, загорожу перемежу, да женюсь, возьму жену Апросинью, которая принесет мне двух сыновей: Ваньку да Иванка, сам буду сидеть под окошком и распоряжаться: «Ей вы, ребята! Ванька да Иванко, шибко людей на работу не туганьте (не понуждайте), видно, сами бедно не живали». Кончивши речь, ботаг его переломился, заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством пропал».

511(249kkk) *AT 1371 A** («Искусная жена»). Учтены только русские варианты. Их опубликовано 3.

512(249lll) *AT —. СУС — 2074**. Варианты не отмечены.

513 (249mmm) *AT 1378 A**. (Муж в кабаке). Сюжет отмечен только в русском варианте. Других опубликованных русских текстов нет.

514(249nnn) *AT —. СУС — 2078**. (Плач молодушки). Варианты не отмечены.

515(249ooo) *AT 1698* (Не понимают друг друга из-за глухоты). В *AT* учтены многочисленные европейские варианты. Русских вариантов — 3, украинских — 22, белорусских — 3.

516(249ppp) *AT 1826* (Поп не может проповедовать). В *AT* учтены финские, эстонские, сербохорватские, немецкие, чешские, румынские и русские фольклорные варианты. Известны также латышские (*Арайс-Медне*, с. 226). Русских вариантов — 15, украинских — 8, белорусских — 1. Формирование сюжета связано со средневековыми шванками (см. *Wesselski A.* Die Schwanke und Schnurren des Pfarres Arlotto. Berlin, 1910, Bd. I, № 8, S. 188).

517(249qqq) Отчасти *AT 1525 L*=1525 Q**.

518(249rrr) *AT 1383* (Жена не узнает себя). В *AT* учтены тексты на европейских языках, в том числе английский, записанный в Америке. Русских вариантов — 23, украинских — 7, белорусских — 3. Распространение сюжета прослеживается на западноевропейской культурной почве с XVI в. (нидерландская школьная комедия на латинском языке «Aluta» (1535), шотландская баллада, немецкие шванки). Сюжет обработан С. Маршаком («Сказка о старушке»). Ср. ниже Завет. ск. «Жена Химка» и «Фомка-дурак и его жена» (№ 43, 44).

519(249sss) Записано в Осинском уезде Пермской губ. Рукописный источник в комм. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. не обозначен. Рукопись (*Васильев*. Этнографические сведения о России) — в архиве *ВГО* (р. XLVIII, оп. 1, № 18, лл. 3—4 об.)

AT 901. Всемирно известный сюжет, использованный Шекспиром в комедии «Укрощение строптивой» (*1593*). В *AT* учтены тексты на европейских языках, записанные в Европе и в Америке. Русских вариантов — 14, украинских — 3, белорусских — 3. Варианты встречаются в сборниках сказок других народов СССР (*Башк. творч.*, IV, № 84; Мордовские народные сказки/Сост. К. Самородов, Саранск, 1972, с. 325; *Тат. творч.*, III, № 110). История сюжета связана не только с шекспировской комедией, но и со сборниками «Принц Луканор» Жуана Мануэля (см.: *Wesselski*, № 24 и S. 217), «Приятные ночи» Страпаролы (ночь VIII, сказка 2). Мотивы сюжета об укрощении строптивой отмечены также в древних памятниках восточной литературы, например, в «Ты-

сяче и одной ночи» (см. *Chauvin*, II, № 35, p. 155). Афанасьевский вариант отличается ярко выраженным русским бытовым колоритом.

Сказка напечатана Афанасьевым со стилистическими поправками, касающимися главным образом перестановки и замены одних слов другими.

Страница, строка	Напечатано:	Рукопись:
208, 5—6 сн.	свататься к попу; вот и сватает девку Устинью.	свататься к попу девку Устинью, вот и сватает
2 сн.	не с кем	и не с кем
209, 1 св.	увез Устю	Устю увез
2—3 св.	Коли ты осердишься, что делаешь? Он сказал: Когда осержусь, с воды пьян бываю! Потом	Если он осердится, что делает? Он сказал ей: Когда осержусь, тогда с воды бываю пьян. Потом он
4 св.	Коли я сердита	Она сказала ему,— есть ли я когда сердита
5 св.	к углу лицом	лицом к углу
5—6 св.	назад сделаю. На другой день утром уехал наш Мартынко	сделаю назадь. Утром на другой день наш Мартынко уехал
8 св.	пашет себе. Устя	пашет. Она
9 св.	съела и села	съела, села
10 св.	как приехал	приехал
11 св.	к жене, оборвался	к жене Усте, и оборвался
12 св.	Жена	Жена его
12 св.	дверей отпереть не посмела	не посмела отпереть дверей
13 св.	дров натаскала	принесла дров
15—16 св.	доро́гою кобыла-то у них	и дорогою у них кобыла
17 св.	тестя	тестя попа
18 св.	Устя Мартынка везет	Мартынка та везет Устя
19 св.	пособляют	и пособляют
19 св.	так учит	он так учит
20 св.	пришли	По приходе
21 св.	вином да пивом	пивом да вином
21—22 св.	Мартынко воды напьется	он напьется воды
22 св.	На другой	На третий
23 св.	приказывает	приказывал
24—26 св.	дрожит, да все попа просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартынка уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя подикось какая	дрожит с матерью, просили попа, штобы он дал бурка (лошадь) им, поп и дал. Мартынка с Устей уехал домой, и теперь живут да робят, а Устя поди

520(249ttt) *АТ 1562 B** (Скупой хозяин и хитрый работник). В *АТ* учтены только русские тексты. Русских вариантов — 3, украинских — 4.

521(249uuu) *АТ 1525 N** (Солдат меряет скупого мужика, тем временем товарищ солдата ворует). В *АТ* учтен только данный текст. Имеется белорусский вариант.

522 (249www) *АТ 1562 А*. См. прим. к тексту № 477. Разновидность сюжета «Чистота, красота, высота», представленная в варианте сборника Афанасьева (Солдат на ночлеге), особенно характерна для русского сказочного материала.

523(249xxx) *АТ —. СУС — 2055**.

524(249yyy) *AT 778** (Баба ставит свечку богу и черту). В *AT* учтен только данный текст. Русских вариантов — 2 (первая публикация в кн.: *Курганов*, № 88), украинских — 3, белорусских — 2.

525 (249s, прим.) В первом издании не было. *AT 1610* (Дележ награды). В *AT* учтены многочисленные европейские варианты и текст, записанный на испанском языке в Америке, а также индийские и африканские тексты. Русских вариантов — 8, украинских — 14, белорусских — 10. Формирование сюжета прослеживается по литературным памятникам Востока («Тысяча и одна ночь», «Зеленый луг» Масуди — см. *Chauvin*, V, № 160, p. 166) и европейских повествовательных сборников XIV—XVII вв. («Триста новелл» Сакетти, «Фацеции» Бебеля, «В шутку и всерьез» Паули) и со сборниками польских фацеций (см. *Krzyżanowski*, II, S. 101—102).

526(248s, прим.) В первом издании не было. *AT 1610*.

527 (248, прим.) В первом издании не было. *AT 1705 B** («Шерстни проучили»). В *AT* учтены только литовские и данный русский варианты. Русских вариантов — 4, украинских — 9, белорусских — 2. Аналогичный анекдот о мужике и цыгане имеется в одном из польских фольклорных сборников: *Ciszewski St.* Krakowiacy. Kraków, 1894, T. I, N 229.

528—532. ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ
(с. 214)

Большинство этих лаконичных шутливых произведений чаще всего рассказывается детям в ответ на настойчивую просьбу «рассказать сказочку».

528(250a) Записано в Никольском уезде Вологодской губ. *AT 2300* (=*AA* 2020*).

529(250b) Записано в Никольском уезде Вологодской губ. *AT 2300* (=*AA* 2020*).

530(250c) Место записи не указано *AT 2300* (=*AA* 2020*).

531(250d) Место записи не указано *AT 2300* (=*AA* 2020*).

532 (250d, вар.) Записано в Воронежской губ. *AT 2300* (=*AA* 2020*). В Примечаниях (кн. IV, 1873, с. 546) Афанасьев привел следующие тексты.

«1. Був собі чоловік Сашка, на йому сіра сірмяжка, повстяна шапочка, на спини латочка — чи хороша моя казочка? (или: Был человек Яшка, на нем серая сермяжка, на затылке пряжка, на шее тряпка, на голове шапка — хороша ли моя сказка?).

2. Жил-был журавль с журавлихой, поставили они стожок сенца (или: Жила-была старица одна в сельце, поставила старица зарод сенца... или: Накосил мужик сенца, поставил стожок среди польца...) — не сказать ли опять с конца? (См. Пословицы русск. нар. В. Даля, с. 1095)».

Некоторые докучные сказки сборника Афанасьева имеют параллели в фольклоре не только славянских, но и других народов СССР. Так, например, текст 532 близко соответствует башкирской докучной сказке: *Баш. творч.*, V, № 141 — «Расскажи — не надо».

О докучных сказках см.: *Нікіфоров А.* Россійська докучна казка.— Етнографічній вісник. Київ, 1932, кн. 10, с. 47—103.

533—553. ПРИБАУТКИ
(с. 215—219)

Под названием «Прибаутки» Афанасьев поместил ряд текстов самого различного жанрового (главным образом песенного) характера.

533(251a) Место записи не указано.

534(521b) Место записи не указано.

535(251c) Записано в Новгородской губ. Представляет собой кумулятивную сказку. Ср. *AT 2016** — цепь ответов на каждый вопрос: перечисление действий, предметов,— имеет близкие варианты не только в восточнославянском, но и в другом, например башкирском фольклоре (*Башк. творч.*, V, № 155).

К тексту № 535 Афанасьев привел два варианта:

«*Вариант 1:* «Как ударили в доски, поехали в гости...» — «А кони-то где?..» — «А гора-то где?» — «В сосняк ушла».— «А сосняк-то где?» — «В тростник ушел».— «А тростник-то где?» — «Девки выломали».— «А девки-то где?» — «По замужьям ушли».— «А мужья-то где?» — «В Питер ушли» — «А Питер-то где?» — «Питер выгорел».— «А огонь-то где?» — «Огонь в камень ушел».— «А камень-то где?» — «Камень в землю ушел».

Вариант 2: «Боба (заяц) ты, боба, ты куды, боба, ходила?» — «В гости ходила».— «Чего пила, ела?» — «Сыр да масло, печено яичко».— «Мне принесла ли?» — «Принесла, покинула (положила) на полку».— «На полке нету!» — «Собачки съели».— «Где собачки?» — «В лес убежали».— «Где лес?» — «Огнем сгорел» — «Где огонь?» — «Водой залили».— «Где гора?» — «Черви выточили».— «Где черви?» — «Гуси выклевали».— «Где гуси?» — «Стрельцы пристрелили».— «Где стрельцы?» — «Умерли».— «Где душа?» — «На небе».

536(251d) Записано в Чердынском уезде Пермской губ.

537(251e) Записано в Чердынском уезде Пермской губ.

538(251f) Записано в Чердынском уезде Пермской губ. В сноске Афанасьев привел вариант:

«Скакала галка по ельничку, по хвошничкам (хвощ — растение), по березничкам; наехали на галку разбойнички, сняли с галки синь кафтан, не в чем галке по городу скакать! Волк по дороге в три ноги бьет, свинья в ожерелке (ожерелок — воротник у шубы) овес толчет. Был я у тещи, била меня теща веничком; плакать я: хень, хень! утешали меня: тбрюнь, тбрюнь!»

539(251g) Записано в Чердынском уезде Пермской губ.

540(251h) Место записи не указано. Текст представляет собой прозаический вариант песни «Птицы» (ср.: *Гильфердинг А. Ф.* Онежские былины, № 130, 264, 280, 298). К концу прибаутки дана сноска: «Начинается и так: Скажем-ка про лето, про тепло, про весну про красну, про зиму студену, про хлебы хлебисты, ярицы яристы, пшеницы пшенисты, ржи колосисты. Прилетали пташки...»

541(251i) Место записи не указано. Текст представляет собою вариант игровой песни «Заинька».

542(251k) Место записи не указано. В сноске Афанасьев привел два варианта:

«*Вариант 1:* Тирушки, тирушки, в городе витушки, висят калачи, как огонь горячи; в Питере вино по три денежки ведро — хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся да поворачивайся! Тон-тонаны, с овсом пироги, обалиха (саламата) — с киселем, а кашка с молоком: это по зубам пришло!

Вариант 2: Господи помилуй! На конике Данило, на лавке Флор, на печи приговор, в печи калачи — как огонь горячи, про бояр печены. Наехали бояре да собак навезли; собаки-то вздурили да попа укусили».

543(251l) Место записи не указано.

544(251m) Записано в Тверской губ.

545(251n) Записано в Тверской губ.

546(251o) Место записи не указано.

547(251p) Записано в Вологодской губ.

548(251q) Место записи не указано.

549(251r) Место записи не указано.

550(251s) Место записи не указано.

551(251t) Место записи не указано.

552(251u) Место записи не указано.

553(251w) Место записи не указано.

554—579. СКАЗКИ ИЗ «ПРИМЕЧАНИЙ» АФАНАСЬЕВА (с. 220—286)

Тексты № 554—579 в Примечаниях Афанасьева (изд. 1-е, вып. 1, 2, 3; изд. 2-е, кн. IV) перепечатаны им из различных изданий, которые указаны ниже

554. КАЗКА ПРО КОЗЛА И БАРАНА
(с. 220—221)

Черниговские губернские ведомости, 1860, № 21, часть неофициальная, с. 159—160. Язык украинский. Записано в Борзянском уезде. *AT 125*. К текстам 44—47.

555. КАЗКА ПРО КРАВЦЯ I ВОВКА
(с. 221)

Черниговские губернские ведомости, 1860, № 21, часть неофициальная. с. 159. Язык украинский. *AT 122 A*. К текстам № 55, 56.

556. ПОВЕСТЬ О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ
(с. 221—222)

Из лубочного издания, текст которого соответствует публикации Ровинского (I, № 173). В лубочном издании рукописная повесть воспроизведена с сокращениями, в обработанном виде. *AT 254***. К текстам № 77—80.

557. ДЕВУШКА И МЕДВЕДЬ
(с. 222—223)

Маяк, XV, 1844, отд. «Смесь», с. 23—25. Сказка белорусская в переводе. *AT 480 (=AA 480* C)*. К тексту № 98, 99.

558. ТРИ СЕСТРЫ
(с. 222—223)

Маяк, XV, 1844, отд. «Смесь», с. 17—19. Сказка белорусская, в переводе. *AT 480 A**. К текстам № 103, 113.

559. СКАЗКА О ЗОЛОТОМ, СЕРЕБРЯНОМ И МЕДНОМ ЦАРСТВАХ
(с. 224—226)

Из лубочного издания — *Ровинский*, I, № 47, 48. *AT 301*. К текстам № 128—131, 139—142, 156.

560. СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ ЗОЛОТОЙ КОСЕ, НЕПОКРЫТОЙ КРАСЕ И ОБ ИВАНЕ-ГОРОХЕ
(с. 227—231)

Боонницын, № 1. Перепечатано Афанасьевым с рядом неточностей. *AT 312 D*. К текстам № 133, 134.

561. СКАЗКА О СЕМИ СЕМИОНАХ, РОДНЫХ БРАТЬЯХ
(с. 231—240)

Лекарство.., с. 132—151. Перепечатано Афанасьевым из издания 1819 г. (4-е изд.). *AT 653*. К текстам № 145—147.

562. СКАЗКА О СИЛЬНОМ И ХРАБРОМ НЕПОБЕДИМОМ БОГАТЫРЕ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО СУПРУЖНИЦЕ ЦАРЬ-ДЕВИЦЕ
(с. 240—245)

Лекарство.., с. 98—131. *AT 552 A, 518*. К текстам № 159, 160.

563. СКАЗКА О ТРЕХ КОРОЛЕВИЧАХ
(с. 245—246)

Сказки русские, содержащие в себе 10 различных сказок/Собр. и изд. Петром Тимофеевым. М., тип. Пономарева, 1787, с. 1—22. Перепечатано Афанасьевым с рядом неточностей. *AT 551.* К текстам № 171—178.

После слов «барабанный бой и пушечная пальба» (с. 246) дана сноска: «Такой же рассказ о струнах встречается в сказках о жар-птице, об Иване-царевиче и царь-девице и во многих других».

564. ОБ ИВАНУШКЕ-ДУРАЧКЕ
(с. 246—248)

Лекарство.., с. 189—236. *AT 530 A* к текстам № 182—184. К отдельным местам текста Афанасьевым даны пояснения в сносках:

К словам: «Дай дураку пирог» (с. 246) — «По другому списку дурак получает старые онучи и лапти, берет краюшку хлеба и отправляется на могилу».

К словам: «Он был колдун» (с. 246).— «Что колдуны по смерти могут вставать из могил — это поверье, общее многим народам».

После слов «прекрасную царевну» (с. 247) — «По другому списку: кто достанет до окна, у которого сидит царевна, поцелует ее и поменяется с нею перстнем, за того она выйдет замуж; а высота покоев до окна была двенадцать венцов».

В конце сказки сноска: «По другому списку, вместо оленя добывает Иванушка-дурачок кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятами, а вместо ветки с золотой сосны — яблонь с золотыми и серебряными плодами и листьями, которая также растет за тридевять земель, в тридесятом царстве, в заповедном лугу, и весь луг освещает, как красное солнышко».

565. СМИРНЫЙ МУЖИК И ДРАЧЛИВАЯ ЖЕНА
(с. 248—252)

Из лубочного издания, текст которого соответствует публикации Ровинского (I, № 61). *AT 564.* К текстам № 186, 187.

После слов «сколько в чашке было» (с. 248) Афанасьевым дана сноска: «В старинную повесть о царе Соломоне занесен рассказ о бабе, которая жаловалась Соломону на ветер, рассыпавший у нее муку».

566. СКАЗКА ПРО ПЕРСТЕНЬ О ДВЕНАДЦАТИ ВИНТАХ
(с. 253—257)

Русское слово, 1861, № 1, критика, с. 67—73. *AT 560.* К текстам № 190, 191.

567. СКАЗКА О БЕССЧАСТНОМ СТРЕЛКЕ
(с. 257—259)

Бронницын, № 3. *AT 465 A.* К текстам № 212—215.

568. НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО
(с. 259—260)

День, 1862, № 52 (из статьи П. Рыбникова «Заметки с дороги»). *AT 813 B.* К тексту № 227—229.

569. СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ И НАЛИВНОМ ЯБЛОЧКЕ
(с. 260—262)

Бронницын, № 5. *AT 780.* К текстам № 244—246.

570. СКАЗКА О ЛЯГУШКЕ И БОГАТЫРЕ
(с. 262—266)

Лубочное издание «Сказка о лягушке и богатыре». М., 1847. *AT 402.* К текстам № 267—269. Перепечатано Афанасьевым в сокращенном виде *AT 402.* К текстам № 182—184.

571. СКАЗКА ОБ ИВАНЕ-БОГАТЫРЕ, КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ
(с. 266—275)

Из лубочного издания, текст которого соответствует публикации Ровинского (I, № 44) *AT 532, 400*$_1$. К текстам № 295, 296.

572. ЛИХО
(с. 275)

Отечественные записки, 1840, № 11. Предания, записанные Боровиковским. *AT 1137.* К тексту № 302.

573. ЛЮДСЬКА ДОЛЯ
(с. 275—276)

Современник, 1866, № 12, с. 189—193. Записано в Мамлыжском уезде Вятской губ. Осокиным. Язык украинский. Отчасти напоминает *AT 822.* К тексту № 304.

574. НУЖДА
(с. 276)

Из собрания журнала «Основа». Язык украинский. *AT 735 A.* К текстам № 303, 304.

575. СКАЗКА О СИЛЕ-ЦАРЕВИЧЕ И ОБ ИВАШКЕ БЕЛОЙ РУБАШКЕ
(с. 276—278)

Лекарство.., с. 237—254. Перепечатано Афанасьевым с некоторыми изменениями. *AT 507.* К тексту № 310.

576. О ГОРЕ-ГОРЯНИНЕ, ДАНИЛЕ-ДВОРЯНИНЕ
(с. 278—282)

Москвитянин, 1843, № 4, с. 389—394. Записано в Шенкурске Архангельской губ. Борисовым. *AT 465 A.* К текстам № 313, 314.

577. РАССКАЗ О МЕРТВЕЦЕ
(с. 282)

Тамбовские губернские ведомости 1857, № 4. Побыличка о мертвеце. К текстам № 351—362.

578. СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ ВОЯНСКОМ
(с. 283—285)

Бронницын, № 2. *AT 1640.* К текстам № 430—432.

579. ХИТРИЙ ЧОЛОВІК
(с. 285—286)

Черниговские губернские ведомости, 1860, № 15. Язык украинский. *AT 1381.* К текстам № 441—443.

ДОПОЛНЕНИЯ

I. СКАЗКИ, ИЗЪЯТЫЕ ЦЕНЗУРОЙ ИЗ СБОРНИКА «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ»

(с. 287—289)

№№ 1—3 — сказки, полностью изъятые цензурой в 1863 г. из верстки 6-го выпуска «Народных русских сказок», сохранились в корректурных листах: они вплетены в печатный экземпляр этого выпуска, который находился в библиотеке П. А. Ефремова, известного библиографа и литературоведа, друга Афанасьева. Впервые опубликованы в статье В. И. Чернышева «Цензурные изъятия из «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева.— Советский фольклор, 1936, № 2—3, с. 307—315.

1. О ХИТРОСТИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

(с. 287—288)

1(в корр. № 50) Записано в г. Дедюхино Пермского уезда лекарем Д. М. Петуховым.

АТ 803 (Цепь сатаны: Христос освобождает из ада грешников, но оставляет там царя Соломона...) + *804 В* (Соломон в аду: пугает чертей тем, что построит церковь) + отчасти *СУС — 800** (*АТ* —. Грешник проникает в рай). Ср. легенду «Как Соломон освободился из пекла» в книге Ивана Франко «Апокрифи старозавітні...» Львів, 1896, с. 293—294. Первый сюжет учтен в *АТ* только в литовском, финском, эстонском, украинском сказочном и легендарном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 127). Русских вариантов — 1, украинских — 7, белорусских — 2. Сюжетному типу *803* посвящены исследования: *Krohn K.* Der gefangene Unhold.— Finnisch-ugrische Forschungen. Helsingfors, 1907, VII, S. 129 ff; *Von d. Leyen F.* Der gefesselte Unhold. Prague, 1908. В данном варианте отсутствует характерный эпизод: прикованный Соломоном к цепи сатана непрестанно грызет ее, но каждый год после пасхи цепь становится такой же, как прежде. Сюжетный тип *804 В* учтен в *АТ* в эстонском, ливском, литовском, венгерском, чешском и русском фольклорном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 128), украинском, белорусском. Русских вариантов — 11, украинских — 17, белорусских — 5; нередко повествуется не о Соломоне, а о солдате или кузнеце, напугавшем в аду чертей. Сюжет о грешнике, вошедшем в рай, имеет русских вариантов —5, украинских — 6, белорусских — 3. Его история связана с французским фабльо «Про вилана, который судом добыл рай» (см.: *Пуришев Б.* и *Шор Р.* Литература средних веков. Хрестоматия. М., 1953, с. 273—275) и переводной русской «Повестью о бражнике» XVII-го века, обработанной Л. Н. Толстым («Кающийся грешник» — из цикла «Народные рассказы»).

2. ХРИСТОВ КРЕСТНИК

(с. 288—289)

2(в корр. № 51) Записано в г. Дедюхине Пермского уезда Д. М. Петуховым.

АТ 471 (Крестник бога) + *800* (Крестник бога на божьем месте). Первый сюжет учтен в *АТ* во многих вариантах, записанных в разных частях света, преимущественно в странах Европы и на европейских языках в Америке (от негров, индейцев и американцев европейского происхождения). Из восточнославянских вариантов в *АТ* отмечены только русские. Русских вариантов — 17, украинских — 10, белорусских — 3. Сюжет о крестнике бога обработан Л. Н. Толстым («Христов крестник» — из цикла «Народные рассказы»). Ср. стихотворение Ф. Н. Глинки «Беда и утешение». Сюжетный тип *800* учтен в *АТ* в эстонском, литовском, шотландском, немецком, венгерском, чешском, словенском, русском материале. Русских вариантов — 6, украинских — 9, белорусских — 4. Встречаются такие сказки и в латвийском фольклорном материале (*Арайс-Медне*, с. 127).

3. РИЗА НА ИКОНЕ
(с. 289)

3(в корр. № 52) Записано в г. Дедюхине Пермского уезда Д. М. Петуховым. *АТ —. СУС — 849****. Варианты не отмечены.

II. СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ» И РУКОПИСИ

«НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»
(с. 290—343)

ПРЕДИСЛОВИЕ К «РУССКИМ ЗАВЕТНЫМ СКАЗКАМ»
(с 290—293)

Из «Русских заветных сказок» (Женева, 1872; 2-е стереотипное издание 1878) и рукописи «Русские сказки не для печати. 1857—1862. Собраны, приведены в порядок, сличены с литературными списками А. Н. Афанасьевым» (рукописный фонд *ИРЛИ* АН СССР, шифр Р I, оп. 1, № 112).

1. СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ
(с. 293—294)

Завет. ск. (Женева, № XXXVIII); переиздано по рукописи № 39 в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 362—363. Записано во Владимирской губ.

АТ 1775 (Голодный поп или барин на ночлеге) + *1739* (Как поп или ксендз, раввин, купец телился) + *1537** (Отрубленные ноги). Первый сюжет получает в других вариантах обычно такое развитие: на ночлеге работник, запасшись в дорогу хлебом, делает вид, будто ест сено, угощает сеном попа; сажает его в мешок (для тепла) и бьет; поп ищет ночью ужин, засовывает руки в узкий горшок, снять его не может, хочет разбить горшок о камень и ударяет им по лысине старика. Сюжет учтен в *АТ* в записях, сделанных во многих странах Европы, в Китае и от американских индейцев и американцев европейского происхождения в Америке на испанском и английском языках. Русских вариантов — 23, украинских — 12, белорусских — 8. Старейший литературный текст — немецкий шванк XVII века. Первая русская публикация анекдотической сказки типа *1775* относится к концу XVIII в.: *Хомяков Е.* Забавный рассказчик... М., в тип. А. Решетникова, 1791, ч. I. с. 70—71 (=*Ровинский*, I, № 60); сказка XVIII в. о голодном хозяине (он не назван в печатном тексте попом) и сытом работнике была перепечатана Афанасьевым с лубка в примечаниях к разделу «Рассказы об инородцах» сборника «Народные русские сказки» (3-е издание, т. II, М., 1897, с. 421). Сюжет типа *1739* учтен в *АТ* в многочисленных вариантах на европейских языках, а также в турецком варианте. Русских вариантов — 17, украинских — 14, белорусских — 6. Старейшая литературная обработка сюжета относится к 1506 г. (*Бебель*. Фацетии — «Об одном монахе»). Широкую известность получил в Германии XVI в. стихотворный шванк Г. Сакса о монахе, который «телился». В Швеции этот сюжет был обработан в стихотворной форме в начале XVII в. И. Руниусом. Фацеция вошла в польский сборник XVII в. «Sowizral». В России народная сказка о том, как поп телился («Сын бычок») впервые напечатана в 1860 г. (*Худяков*, № 66). Так же, как в «Русских заветных сказках», в сборнике Худякова этот сюжет контаминирован с сюжетом «Отрубленные ноги» — *АТ 1537**, учтенном в *АТ* только в русском фольклорном материале. Русских вариантов — 13, украинских — 10, белорусских — 2. Сказка сборника Афанасьева отличается не только яркой сатирической обрисовкой глупого и трусливого попа-богатея,

но и весьма выразительным образом мстящего за свое горемычное житье находчивого, остроумного батрака.

2. КАКОВ Я!
(с. 294—295)

Завет. ск. (Женева, № LXXVI), переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 373—374.

АТ 1138 (Какофей). Отчасти сближается со сказками о ловком воре, обокравшем попа,— ср., например, *АТ 1807, СУС — 1807** (печатается ниже — текст № 5). Сюжет типа «Какофей» учтен в *АТ* в финском, эстонском, литовском, шотландском, итальянском, словенском, сербохорватском, русском, китайском, испано-американском фольклорном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 163), польском (*Krzyżanowski*, II, S. 19.) Русских вариантов — 11, украинских — 4, белорусских — 3. В большинстве сказок мужик, назвавшийся Какофеем (Каков я, Такой), пачкает попу (или дурню) шляпу (или бороду —, например, в следующем тексте) смолой. Восточнославянские сказки типа *1138* чаще всего имеют антипоповскую сатирическую направленность, особенно остро выраженную в настоящем варианте, где поп рисуется жадным грабителем. Сказка печатается с некоторыми пропусками слов, неудобных для печати.

3. В-ЧЕМ-Я?
(с. 295—296)

Афанасьев. Рукопись № 86; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 377—378.

АТ 1138. Так же, как и сказка «Каков я!» —. относится к тематическому циклу о попе и работнике, оставляющем попа в дураках. Отчасти напоминает сказки о комических происшествиях во время церковной службы (ср. *АТ 1825*).

4. СУД О КОРОВАХ
(с. 296—297)

Завет. ск. (Женева, № XLXIX); переиздано по рукописи в прил. к т. III сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 365—367 и в сборниках: *Соколов. Поп и мужик*, с. 146—150; *Азадовский. Ск. о боге*, № 23; *Молдавский*, с. 57—59.

АТ 1735 (Кто отдаст последнее, получит десятирицею). Сюжет учтен в *АТ* только в европейских сборниках. Русских вариантов — 13, украинских — 6, белорусских — 2. Близкую «заветной» сказку «Суд о коровах» записал М. К. Азадовский в 1915 году от сибирского сказочника Ф. И. Аксаментова (Верхнеленские сказки. Сборник М. К. Азадовского, Иркутск, 1938, № 28). Сатирические сказки о мулле встречаются в фольклоре тюркоязычных народов СССР (например, *Тат. творч.*, III, № 91). История сюжета связана со средневековыми французскими фабльо, итальянскими новеллами и более поздними немецкими шванками. Старейшие немецкие шванки типа *1735* относятся к XVI в., шведские — к XVII в.; первая же подобная русская сказка опубликована в 1804 году в «Журнале приятного, любопытного и забавного чтения» (кн. 12, с. 227 — переп. в сб. Русские сказки в ранних записях и публикациях XVI—XVIII вв./Сост. Н. В. Новиков, Л., 1971, № 55). Исследования: *Bédier*, с. 451—452; *Лупанова И. П.* Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959, с. 55—56. В «заветной» сказке пародируется церковная поповская проповедь, а вместе с тем и священное писание. Своеобразно разработан эпизод свидания архиерея с игуменьей, разговор которых подслушивает мужик, лежа под кроватью. Параллели к этому эпизоду в других сказках типа *1735* не отмечены.

Концовка: «Лежит мужик под кроватью и слышит...» в тексте женевского издания опущена.

После слов «молоко и говядинка» (с. 297) Афанасьев указал вариант: «Вот как-то нанял поп мужика вычистить загородку, где коровы стоят. Мужик стал

чистить, да нарочно ворота и отворил, коровы и ушли со двора. А он, не будь глуп, взял и загнал всех поповых коров к себе».

Вариант к другому эпизоду дан после слов «Пришел к этому мужику» (с. 297): «Пришел поп к мужику, а у того и вороты взаперти; смотрит сквозь плетень, а мужик свежует поповских коров да солонину готовит».

5. ЖАДНЫЙ ПОП
(с. 298)

Завет. ск. (Женева, № L); переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 367—368 и в сб.: *Молдавский*, с. 61—62; *Азадовский. Ск. о боге*, с. 26—27.

*AT —. СУС — 1807** (Жадный поп и солдат-вор). Варианты в опубликованном материале не отмечены. Ср. *AT 1807* (Поп отпускает грехи вору). Русских вариантов — 2, украинских — 14. белорусских — 2. В *AT* учтены литовские и редкие чешские, сербохорватские, греческие тексты; польские — см. *Krzyżanowski*, II, S. 143, латышские — *Арайс-Медне*, с. 225.

6. ДУХОВНЫЙ ОТЕЦ
(с. 298—299)

Завет. ск. (Женева, № XLII); тот же текст в рукописи Афанасьева — № 43. Перепечатывается с женевского издания впервые с пропусками слов, неудобных для печати.

*AT —. СУС — 1807 А**** («Белорыбица»). Варианты ие отмечены.

7. АРХИЕРЕЙ ОТЧИТЫВАЕТ
(с. 299)

Афанасьев. Рукопись, № 132; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 394—395.

*AT —. СУС — 1525 L**** («Архиерей заплатит»). Вариантов в опубликованном материале нет. Относится к циклу сюжетов о хитрых ворах.

8. ДОБРЫЙ ПОП
(с. 299—300)

Завет. ск. (Женева, № LXXIV), переиздано в прим. к последним томам 3-го (1897 г.) и 4-го (1914 г.) изданий «Народных русских сказок» и в прил. к III т. сказок Афанасьева, изд. 1940 г., с. 373, а также в сб.: *Соколов. Поп и мужик*, с. 43—44; *Азадовский. Ск. о боге*, № 5.

AT 1561 (Усердный работник). Сюжет учтен в *AT* в финском, финно-шведском, эстонском, литовском, фламандском, валлонском, ирландском, английском, англо-американском, румынском, венгерском, словенском, сербохорватском, русском, украинском, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 210), белорусском материале. Русских вариантов — 9, украинских — 19, белорусских — 3.

9. ПАХОМ
(с. 300)

Афанасьев. Рукопись № 125; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 392—393.

AT 1825 (Прихожане жалуются на попа архиерею). В *AT* учтены финские, шведские, норвежские, немецкие, сербохорватские, русские фольклорные тексты. Русских вариантов — 10, украинских — 2. История сюжета связана со сборниками немецких шванков (см. *Pauli*, № 711) и итальянских новелл (см. *Rotunda*, индекс J 1211.1.1) эпохи позднего средневековья и Возрождения. Имя сказочного попа Пахома стало нарицательным. Как в этой, так и в некото-

рых других восточнославянских сказках типа *1825* сатирически остро обличаются поповские невежество, жадность и взяточничество.

10. ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ
(с. 300—301)

Завет. ск. (Женева, № XLVIIIa); переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 363—364 и в сборн. Молдавский, с. 59—60.

AT 1842 (Похороны собаки или козла). В *AT* сюжет учтен в испанском, чешском, русском, украинском, персидском, фольклорном материале, но встречается и в болгарском (см.: Българско народно творчество, София, 1963, т. X, с. 459—460), мордовском (*Шахматов А. А.* Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, с. 378—383). Русских вариантов — 14, украинских — 18 (два из них в стихотворной форме), белорусских — 3. История сюжета прослеживается с XIII в.— стихотворное переложение народной анекдотической сказки, принадлежащее французскому поэту Рутбефу. Варианты встречаются в итальянских, немецких, польских литературных повествовательных сборниках Поджио, Паули, Рея и др. Сказка о том, как была похоронена собака по религиозному (мусульманскому) обряду, получила в XVIII веке отражение в популярном романе А. Р. Лесажа «Жиль Блаз» (рассказ дона Рафаэля о его похождениях на Востоке). Старейшие русские публикации — *Курганов*, № 262; *Спутник*, II, № 19. См. также комм. к сб. «Русские сказки в ранних записях и публикациях, XVI—XVIII вв.» (Л., 1971, с. 269). Во всех известных русских вариантах XVIII века повествуется о пасторе, похоронившем свою собственную собаку, и о епископе, принявшем деньги, якобы завещанные ею. Характерные для восточнославянского народного репертуара сказки о похоронах подкупленным православным попом собаки или козла богатого мужика и о подкупе архиерея по цензурным условиям в дореволюционной России на русском языке не печатались. Сказка сборника Афанасьева отличается некоторыми подробностями, отсутствующими в других сказках типа *1842*: дьякон и дьячки, обиженные попом при дележе денег, доносят на него архиерею; попа арестовывают; архиерей выпускает попа, жалует его саном благочинного, а дьячков сдает в солдаты. Ср.: Русские народные сказки. Сказки рассказаны воронежской сказочницей А. Н. Корольковой/Сост. и отв. ред. Э. В. Померанцева. М., 1969, с. 355—359.

11. ПОХОРОНЫ КОЗЛА
(с. 301—302)

Завет. ск. (Женева, № XLVIIIб); переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 364—365 и в сб.: *Соколов. Поп и мужик*, с. 97—100; *Азадовский. Ск. о боге*, № 2.

AT 1842. В данном варианте, как и в предыдущем, наряду с попом действуют дьякон и дьячок, но мотив ссоры при дележе денег отсутствует.

12. ПОП-ВОРОЖЕЙКА
(с. 303—306)

Афанасьев. Рукопись, № 99; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г. с. 384—385.

AT 1641 (Знахарь). См. прим. к тексту № 379. Сказки, в которых в роли знахаря-отгадчика выступает поп, действующий заодно с дьячком-вором, представляют характерную для восточнославянского устного репертуара разновидность данного типа сюжета. Ср., например, подобные белорусские сказки (*Шейн. Материалы*, № 101, с. 217—219; *Federovski*, III, № 98, 99). «Заветная» сказка «Поп-ворожейка» отличается своеобразными подробностями: поп и дьячок пропивают все богослужебные книги и ризы; сказавшись больным, поп-пропойца закрывает церковь, но благодаря хитрости ему удается не только «поправиться», но и разбогатеть.

13. ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ
(с. 306)

Афанасьев. Рукопись, № 90, впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 383.

*АТ —. СУС — 1849****. Вариантов нет. Завязка сюжета этой ритмичной по своему складу сказки-побасенки связана с шутливым истолкованием названия газеты «Северная пчела», которая издавалась в Петербурге с 1825-го по 1864-й годы; до 60-х годов (под редакцией Ф. В. Булгарина, а также под его и Н. И. Греча редакцией) имела реакционное направление: с 1860 года (под редакцией П. С. Усова) перешла на либеральные позиции. Быть может, вопрос попадьи «Поп, что нам Северная пчела принесет»? задан по поводу изменения характера этой политической и литературной газеты в 60-е годы.

14—15. ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК
(с. 306—310)

Афанасьев. Рукопись, № 133а; впервые опубликовано в прил. к III т сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 395—397. Записано в Тверской губ. писателем И. И. Лажечниковым на местном диалекте.

АТ 1725 (Влюбленный священник). Сказки этого типа учтены в *АТ* в многочисленных записях на европейских языках, а также в турецком, индийском фольклорном материале. Русских вариантов — 20, украинских — 29, белорусских — 13. Сходные мотивы встречаются в «Тысяче и одной ночи», но история сюжета прослеживается лишь с первой половины XVI в., когда он был обработан немецким поэтом Гансом Саксом. В публикуемой сказке сборника Афанасьева отсутствуют некоторые характерные для сюжетного типа *1725* мотивы; благодаря работнику лакомые кушанья, приготовленные хозяйкой для работающего в поле любовника, достаются хозяину; работник убеждает любовника, что хозяин будто бы хочет его убить, и ничего не подозревающего хозяина посылает к нему с топором в руке. Вместе с тем здесь своеобразно разработаны эпизоды троекратного избиения дьякона работником. Необычна концовка: работник, отучив дьякона ходить в гости к попадье, получает за обещание молчать 100 рублей от дьякона и 200 рублей от попадьи.

К словам казака-батрака «...тяперичка ни за что не поеду на мельницу; и без таво устал. Прощай матушка» (с. 308) Афанасьевым указан вариант: «Дьякон прячется в мешок с ячменем.— «Что ты, батрак?» — спрашивает попадья.— «Да вот надо ячмень хорошенько обшастать!» — «Не трожь! Я сама на гулянках обшастаю!» — «Еще когда-то будет, а мне надо приказ исполнить». Взял мешок, вынес на крыльцо (а крыльцо-то было высокое) и бац его: пускай, дьякон пересчитает все до единой ступеньки!»

Афанасьев. Рукопись № 133в; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева 1940 г. с. 397 — 399. Записано в Воронежской губ. К. О. Александровым-Дольником.

АТ 1725. В конце сказки опущены некоторые подробности.

После слов «хочет топором тебя срубить» (с. 310) дан вариант: «Хочет до смерти тебя заколоть».

16. ПОП У БАБЫ И БАТРАК
(с. 310—311)

Афанасьев. Рукопись, № 135; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 399.

АТ 1360 С (Муж в мешке и притворно больная жена). См. прим. к тексту № 445. Варианты, в которых в роли любовника неверной жены выступает поп, весьма часто встречаются среди восточнославянских сказок данного сюжетного типа.

17. ПОП РЖЕТ, КАК ЖЕРЕБЕЦ
(с. 311—313)

Завет. ск. (Женева, № LXIV); переиздано по рукописи в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 368—369.

АТ 1730 (Поп приходит на свидание к жене мужика). В *АТ* учтены наряду с европейскими варианты, записанные в других частях света. Русских вариантов — 40, украинских — 15, белорусских — 5. Истоки сюжета прослеживаются с III-го века до н. э. Его судьба связана с такими литературными памятниками древнего Востока, как «Ятака», «Катхасаритсагара», «Синбад-наме» («История о семи мудрецах»). «Тысяча и одна ночь» (ночи 593—596), а также со средневековым французским фаблью «Constant du Hamel», русской «Повестью о Карпе Сутулове» XVII в. Исследования: *Bédier*, p. 454—456; *Ольденбург С.* Фаблью восточного происхождения. III, Constant du Hamel.— ЖМНП, 1907, № 9, с. 46—52; *Соколов Ю.* Повесть о Карпе Сутулове. М., 1914. Необычными для сказок данного типа являются мотивы: муж и жена отучают попа ржать по-жеребячьи; муж одалживает у попа и, проучив его, возвращает лошадей с повозкой. Своеобразно разработаны эпизоды показа «черта» барину за деньги и продажи «черта на базаре богатым купцам. Если в этой сказке действует только один сатирический персонаж — поп, то обычно в восточнославянских сказках типа *1730* действуют еще дьякон и дьячок, тоже домогающиеся любви замужней красавицы (см. следующий текст).

18. МУЖ ДА ЖЕНА
(с. 313)

Афанасьев. Рукопись, № 97; впервые опубликованю в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 384.

АТ 1360 С. См. прим. к тексту № 445.

19. ХИТРАЯ БАБА
(с. 313—314)

Афанасьев. Рукопись, № 66, впервые опубликована к прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 370—371 и в сб.: Молдавский, с. 67—69.

АТ 1730. В данном варианте иная экспозиция (обедневшие супруги договариваются добыть деньги хитростью), подобная той, что и в следующей «заветной» сказке, относящейся в основном к типу *1730.*

20. ХИТРАЯ ЖЕНА
(с. 315—316)

Афанасьев. Рукопись, № 145 — в основном совпадает с текстом № 65 женевского издания «Русских заветных сказок»; переиздано с сокращениями в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 404—406.

АТ 1730+1536 В (Мужик хоронит трех монахов или попов). Традиционная для восточнославянских сказок сюжетная контаминация. Начало напоминает отмеченный в *СУС* тип — *859 F**. Бедняк выдает себя за богача и женится на дочери поверившего ему богатого купца (ср.: Фольклор Саратовской области/Сост. Т. М. Акимова. Саратов, 1946, № 403). Сюжет типа *1536 В* учтен в *АТ* в многочисленных вариантах на европейских языках, записанных в Европе и в Америке (у американцев европейского происхождения и негров), а также в арабских и турецких вариантах. Русских вариантов — 24, украинских — 12, белорусских — 7. Истоки сюжета восходят к XIII веку и связаны со средневековыми французскими фаблью, итальянскими новеллами, немецкими, шведскими, польскими и др. народными книгами. См. *Bédier*, p. 236—237; *Rotunda*, индекс К 2322. Специальная монография: *Pullet A.* Das Fabliaux von den trois bosus menestrels und verwandte Erzählungen früher und später Zeit. Halle, a.S., 1901. Данный вариант отличается оригинальной разработкой ряда

эпизодов,— таких, как, например, знакомство Маши с первым, вторым и третьим монахами у монастыря, расправа мужа-чеботаря со спрятанными в кадке и в печи монахами-гостями, встреча пьяницы Тимошки с настоятелем монастыря и иноками, идущими крестным ходом.

21—22. НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ
(с. 317—318)

Завет. ск. (Женева, № LXVIIIа; переиздано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 371—372.

АТ 1380 (Никола Дуплянский)+*1537* (Мертвое тело). Традиционная для восточнославянских сказок контаминация сюжетов. См. прим. к текстам № 446 м 395. Заключительный эпизод сближает сказку с сатирическими антипоповскими сказками.

Завет. ск. (Женева, № LXVIIIб), переиздано по рукописи № 69 в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 372 — и в сб.: *Азадовский.* Сказки о боге, № 25.

АТ 1380 (Никола Дуплянский). См. прим. к тексту № 446. Если обычно в восточнославянских сказках этого типа основными персонажами являются крестьянин и его неверная жена, то в данной сказке действует поп, попадья и находчивый поповский батрак — традиционный герой антипоповских сказок: он, а не нелюбимый муж выдает себя попадье за святого Николу.

23. МОНАХ И ИГУМЕНЬЯ
(с. 318—319)

Афанасьев. Рукопись, № 93. Публикуется впервые с некоторыми сокращениями.

*АТ —. СУС — 999** (Монах и игуменья). В опубликованном материале варианты не отмечены. В рукописи Афанасьева на листе 181 указан в подстрочном примечании к словам «...пришла какая-то женщина в гости» вариант: «Зачастил монах в девичий монастырь, перепортил всех монашек — и та забрюхатила, и другая забрюхатила! «Дай посмотрю, нет ли мужчины у нас»,— думает игуменья».

24. РАЙСКАЯ ДУДКА
(с. 319—321)

Афанасьев. Рукопись, № 87; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 378—380. Опущено несколько строк, неудобных для печати.

АТ 1653 В (Дурень и его братья ночуют в лесу на дереве)+*592* (Герой получает чудесную дудку) + *1132* (Бегство от работника) (см. прим. к тексту № 150)+*1120* (Хозяйка сброшена в воду вместо работника. См. прим. к тексту № 150)+*1825 В* (Безграмотный поп). Необычная контаминация сюжетов. Первый из них учтен в *АТ* в записях, сделанных в Европе и Америке на европейских языках, и в турецких вариантах. Русских вариантов — 18, украинских — 15, белорусских — 7. История сюжета связана с рядом древних восточных сборников — «Типитака», «Катхасаритсагара», «Шиди-хюр» — восходит к более древним тибетским и индийским сборникам сказок о Ветале. Еще более соответствуют восточнославянским сказкам относящиеся к сюжетному типу *1653 В* итальянские новеллы эпохи позднего средневековья и Возрождения (см. *Novelline*, № 39, 104). Сюжет типа *592* учтен в *АТ* в многочисленных записях, сделанных в Европе, Америке на европейских языках и в индонезийском варианте. Русских вариантов — 12, украинских — 22, белорусских — 5. Эпизоды сжигания ладана и награждения за это героя богом отмечены только в некоторых восточнославянских и южнославянских вариантах. Тип *1825 В* учтен в *АТ* в эстонских, литовских, польских, франко-американских и русском вариантах. Русских вариантов — 6, украинских — 2, белорусских — 2. В публикуемой «заветной» сказке сюжет осложнен подробностями, которые придают ей особен-

ную сатирическую остроту: батрак, женившийся на овдовевшей попадье и ставший попом, разглашает в церковной проповеди любовную связь попадьи с архиреем и предлагает тому быть по-прежнему ее любовником, за что архиерей хвалит нового попа — Ивана-дурака.

25. ПОП — ТОЛОКОННЫЙ ЛОБ
(с. 321—323)

Афанасьев. Рукопись. № 89; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 381—383.

AT 1000 (Уговор не сердиться)+*1012 A* (Посади ребенка)+*1045* (Угроза морщить озеро веревкой. См. прим. к тексту № 150) + *1130* (Шапка денег. См прим. к тексту № 150)+*1063* (Кто дальше бросит дубину. См. прим. к тексту № 151)+отчасти *1084* (Кто громче свистнет. См. прим. к тексту № 149)+*1132* (Бегство от работника. См. прим. к тексту № 150)+*1120* (Хозяйка сброшена в воду вместо работника. См. прим. к тексту № 150). Последние два сюжета в тексте рукописи опущены, но наличие их в устном тексте отмечено Афанасьевым в сноске. Традиционная сюжетная контаминация. Она в значительной мере соответствует контаминации сюжетов в сказке о найме попом батрака за три щелчка в лоб, известной по пушкинской записи (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6-ти томах. М.; Л., 1936, т. II. Приложение 1, № 11) и по его же «Сказке о попе — толокоином лбе и работнике его Балде». Примечательно также совпадение прозвища попа («толоконный лоб») в «заветной» и пушкинской сказках,— тем более, что вторая до 1882 г. печаталась в искаженном виде как «Сказка о купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде». Сюжет «Уговор не сердиться» учтен в *AT* в многочисленных записях на европейских языках, а также в турецких, индийских, индонезийских вариантах. Русских вариантов — 33, украинских — 31, белорусских — 5. Сюжет «Посади ребенка» учтен в *AT* в меньшем количестве европейских и восточиых вариантов. Русских вариантов — 5, украинских — 4, белорусских — 1.

После слов «кулебяку убирал» (с. 322) Афанасьев дал вариант: «работник вытащил поповича на двор, взял да и посадил на кол. «Считай пока звезды, а я пойду ужинать». Воротился в избу и приимялся есть. «Где же мой сын?» — спрашивает поп.— «А сын твой остался звезды считать, а я пришел краюхи убирать»

Другой вариант указан к словам «до спины доберется» (с. 322): «поп — толоконный лоб пошел батрака нанимать. Идет мужик: «Найми меня, батька». — «А что возьмешь?» — «Ничего не возьму, еще тебе дам. Год у тебя в батраках проживу да тебе же дам щелчок, а попадье щипок». — «Недорого,— думает поп, щелчок да щипок — невелика беда. Зато деньги будут целы. Пойдем, свет!» Идут дорогой, а навстречу им ведут мужики быка; рога и ноги веревками опутали, а он все упирается да в сторону норовит. «Куда быка ведете?» — «На бойню; да никак не справимся».— «Постойте, братцы, я вам помогу», говорит батрак. Дал быку в лоб щелчок, из него и дух вон. Ухватил за хвост двумя пальцами и содрал всю шкуру долой. «Эге-ге! вот каковы его щелчки-то,— думает поп,— надо от него поскорей избавиться...»

26. ЧУДЕСНАЯ ДУДОЧКА
(с. 323—324)

Афанасьев. Рукопись, № 113а, впервые опубликована в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 389—390. Печатается с сокращениями иекоторых строк, неудобных для печати.

AT 850 (Приметы царевны. См. прим. к № 24 — «Райская дудка»). Такая же контаминация сюжетов имеется в другой сходной антипоповской сказке (*Худяков*, № 73). В «заветной» сказке есть своеобразные подробности: поп идет жаловаться к царю; привязанный к каменному столбу, поп бьет о столб головой, «ногами всякие штуки выделывает» и кается, когда герой играет на волшебной дудочке.

15 Заказ № 207

27. НЕ ЛЮБО, НЕ СЛУШАЙ
(с. 325)

Афанасьев. Рукопись, № 81в; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 375—376.

АТ 1932 (Страна обетованная). См. прим. к тексту № 425. К последним словам небылицы Афанасьевым в сноске указан вариант: «Выскочил тут попок-толоконный лобок, сам низок, на нем семьдесят семь разодранных ризок, поп-ат присел, он его съел, да и с неба слетел». Из известных восточнославянских рифмованных небылиц данного типа «заветная» «Не любо, не слушай» выделяется сатирической антипоповской заостренностью.

28. СОЛДАТ-СКРИПАЧ И ЧЕРТ
(с. 325—326)

Афанасьев. Рукопись, № 104. Публикуется впервые. В рукописи на листе 206, над заглавием, имеется помета: «(вып. VII)». Вероятно, Афанасьев прежде, чем включил эту сказку в рукописный «заветный» сборник, намечал ее к изданию в VII выпуске. На том же листе в строке 13 снизу перед словами «место в своем столичном городе» зачеркнуто слово «первое», а в строке 4 снизу после слов «в своих грехах» тоже зачеркнуто слово — так густо, что его нельзя прочесть. В публикуемом тексте опущены некоторые подробности, неудобные для печати.

АТ —. Начальная часть схематично изложена, относится к сюжетному типу «Поп-музыкант» — *СУС — 779*** (отмечены русский и белорусский варианты), но дальнейшее изложение не имеет параллелей в опубликованном сказочном материале.

29. СОЛДАТ-СКРИПАЧ И НЕЧИСТЫЙ
(с. 327)

Афанасьев. Рукопись, № 110. Публикуется впервые, с незначительными сокращениями.

АТ 1159 (Черт хочет научиться играть на скрипке. См. примечания к тексту № 154). Мотив «Царь обещает руку дочери тому, кто переночует в палате, где поселился черт» напоминает тип, обозначенный в *СУС* номером — *308***. Заключительная часть напоминает сюжетный тип «Человек бреет черта» (*АТ —. СУС — 1134**).

30. СОЛДАТ И ЧАСЫ
(с. 328—329)

Афанасьев. Рукопись № 116; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 391—392 с некоторыми сокращениями.

АТ 854 («С деньгами все возможно»). В *АТ* наряду с многочисленными вариантами на европейских языках учтены индийские и турецкий варианты. Подобные сказки встречаются также в сборниках фольклора восточных народов СССР (например, «Истребитель колючек. Сказки, легенды и притчи современных ассирийцев», М., 1974, с. 278 — 286; *Башк. творч.*, IV, № 46). Русских вариантов — 2, украинских — 2. Возможно, что сюжет проник с Востока на Запад в конце эпохи средневековья устным путем и получил обработку в новеллах итальянских писателей XV—XVI вв.— Франческо Белло («Мембрано», 1494) и Франческо Сансавино («Сто новелл», 1556).

К словам солдата «Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был» (с. 328) Афанасьев привел в сноске вариант: «Случилось солдату стоять на часах во дворце; вздремнул он, и привиделось ему во сне: напиши де на стене эти слова: «Что человек ни захочет, все может сделать!». Очнулся солдат, достал мел и написал эти слова на стене. Царь увидел и приказывает ему...»

31. БЕГЛЫЙ СОЛДАТ
(с. 329)

Завет. ск. (Женева, № LIX). Перепечатывается с женевского издания 1872 г. впервые. В рукописи Афанасьева, где сказка находится под номером 60, из нее вычеркнуто несколько слов, имеющихся в печатном тексте женевского сборника. Незначительные сокращения сделаны и в тексте, публикуемом нами.

AT 1355 C (Солдат на стогу сена вместо бога). В *AT* учтены финские, литовские, венгерские и румынский варианты, однако этот сюжет имеется также в латышском архивном материале (*Арайс-Медне*, с. 176). Русских вариантов — 2, украинских — 2, белорусских — 1. Задолго до издания сборника «заветных» сказок Афанасьева сказка данного типа была напечатана в *Спутнике* (I, № 84).

32. СОЛДАТ, МУЖИК И БАБА
(с. 329—330)

Завет. ск. (Женева, № LV). Перепечатывается с женевского сборника впервые.

*AT —. СУС — 1422** («Ступай проси, а я уже выпросил»). Варианты не отмечены.

В рукописи Афанасьева, где эта сказка имеет номер 56, есть помарки, зачеркнутые слова, вставки: на листе 95 в первой строке зачеркнуто слово «одной» («в одной деревне»); слово «стояли», зачеркнутое после слова «деревни», перенесено в начало строки; несколько слов зачеркнуто в третьей строке. Все исправления учтены в печатном тексте женевского сборника. В публикуемом тексте некоторые неудобные для печати подробности опущены.

33. СОЛДАТ И БАРИН
(с. 330)

Афанасьев. Рукопись, № 101; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 389, а затем в сб. Молдавский, с. 42.

*AT —. СУС — 1547*****. Острая антибарская сатирическая сказка. Вариантов нет

34. ВОР
(с. 330—332)

Афанасьев. Рукопись, № 83в; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 376—377.

AT 1525 A (Ловкий вор)+*1737* (Поп в мешке). Традиционная контаминация сюжета. См. прим. к тексту № 383.

В сноске Афанасьев привел вариант окончания сказки: «Выскочил тут попок — толоконный лобок, сам низок, на нем семьдесят семь разодранных ризок, поп-ат присел, он его съел, да и с неба слетел».

35. ЧУДЕСНАЯ ДУДКА
(с. 332—333)

Завет. ск. (Женева, № LIII, в рукописи Афанасьева № 54) много помарок, исправлений, которые учтены в печатном тексте.

AT 570 (Заячий пастух)+*1731* (Мужик продает зайцев). Первый сюжет учтен в *AT* во многих записях на европейских языках и в турецких вариантах. Русских вариантов — 9, украинских — 4, белорусских — 1. В научной литературе отмечались следы этого сюжета в исландской саге Одда Сноррасона, XII в., (см. *Liungmann*, S. 177—178). Второй сюжет учтен в *AT* в финском, финно-шведском, эстонском, ливском, литовском, датском, английском, фламандском, немецком фольклорном материале, но встречается и в латышском (*Арайс-Медне*, с. 220—221). Русских вариантов — 6, белорусских — 1. Данная сказка

замечательна ярким отражением эпохи крепостного права и ненависти крестьян к помещикам.

Сказка перепечатывается из женевского сборника впервые, с некоторыми сокращениями.

36. ГЕНЕРАЛЬСКАЯ ЖЕНА И КУПЕЧЕСКИЙ СЫН
(с. 333—335)

Афанасьев. Рукопись, № 144; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 403—404.

*AT 860 B** (Украденная жена). В *AT* учтены только русские тексты. Русских вариантов — 10, украинских — 1 (неполный), белорусских — 1 (другая разновидность сюжета — Чужая жена увезена на корабле). Сказка типа *860 B** вошла в сб. *Башк. творч.*, IV, № 71 (на башкирском яз.). В восточнославянских сказках этого типа обычно повествуется о том, как купеческий сын или солдат украл жену генерала. Международную известность сюжет получил благодаря его литературным обработкам во многих странах и в разные эпохи, начиная с III в. до н. э. (комедия Плавта «Хвастливый воин»). Сюжет известен и по «Сказке о Камар-аз-Замане и жене ювелира» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 963—967), по французской и другим западноевропейским редакциям «Истории о семи мудрецах», поэме М. Боярдо «Влюбленный Роланд» (первое издание 1472) и др., а также по русской переводной «Истории о португальской королеве Анне и гишпанском королевиче Александре» (первая половина XVIII в.) и «Повести о короле Делфе Сирском» (рукопись середины XVIII в. из собрания И. Е. Забелина). Исследование: *Лихтман Э. Т.* Из истории одного сюжета.— В сб.: Новые черты в русской литературе и искусстве XVII — нач. XVIII в. М., 1976, с. 243—262.

37. ПОДЗЕМНЫЙ ХОД
(с. 335—336)

Афанасьев. Рукопись, № 131. Публикуется впервые, с незначительными сокращениями. На листе 256 рукописи в 14-ой строке снизу после слов купеческой дочери «тебе дома заплачу» зачеркнуто «нашим удовольствием» и, вместо зачеркнутых, сверху написано: «хорошо, приду»; в 5-ой строке снизу после слов «не прочь с нею знаться» зачеркнуто густо какое-то слово.

AT 873 (Царь и купеческая дочь: царь узнает в сопернике своего сына). В *AT* учтены датские, ирландские, русские, греческие, французский, индийский, испано-американский, вест-индийский (негритянский) варианты. Сказки встречаются и в сборниках фольклора восточных народов СССР, например, туркменская «Пять каландаров» (сб. «Проданный сон»/Сост. Н. Стеблева, М., 1969, № 45). Русских вариантов — 15. Сказка сборника Афанасьева отличается полнотой и яркостью разработки сюжета. Первая русская публикация подобной сказки — Прогулки, содержащие в себе 10 русских сказок. СПб., 1819, № 5, с. 2—26 (Первое изд.— СПб., 1786).

38. СНЫ
(с. 337—339)

Афанасьев. Рукопись, № 139; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 400—402.

*AT 671 E** (Чудесный мальчик разгадывает сны). См. прим. к тексту № 241. «Заветная» сказка отличается рядом своеобразных эпизодов: по наущению мальчика мужик продает колдуну свой сон за сто тысяч рублей; колдун тщетно пытается извести мальчика: мальчик становится молодцом-приказчиком, в него влюбляется жена колдуна.

Вариант начала, указанный Афанасьевым в сноске: «Жил старик со старухой, у него было три сына: два умных, третий дурак; работали они в лесу и пристигла их темная-темная ночь. Где ночевать? Увидели покинутую избушку

и легли в ней: отец в передний угол, старший сын в задний, середний у двери, а дурак под печку. И привиделся дураку сон; поутру рассказывает: «Кабы у тебя, батюшка, столб медный, у братьев по серебряному, а у меня золотой».

Вариант, приведенный Афанасьевым к словам «бери сто тысяч» (с. 337): «Смотри же не отдавай Асону твоего сону; а коли так пристанет, что и отбиться нельзя, то отдай ему половину сна». Асон разгадал мужику сон — из половины; тотчас приехал в лесную избушку, стали копать в переднем углу да возле дверей — там стоят котлы с серебряными деньгами, принялись копать под печкою — там котел с чистым золотом».

Вариант к словам мальчика, сказанным повару.— «Ну так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину» (с. 338): «Послушай, дядя. Не убивай меня. Есть у вас на дворе сука, принесшая семерых щенят: три белых, три пестрых, одного черного. Возьми, ты черного, заколи, вынь из него сердце и подай хозяину». Повар заколол щенка, вынул сердце, зажарил и подал на стол. Колдун тотчас в рот и съел его».

Вариант, приведенный Афанасьевым в сноске к словам: «Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон...» (с. 338): «Был у царя заповедный колодец, и приснился ему сон: будто из этого самого колодца стал кобель лакать».

39. КУПЕЧЕСКАЯ ЖЕНА И ПРИКАЗЧИК
(с. 339—340)

Завет. ск. (Женева, № LXXVII); в рукописи Афанасьева под № 78 аналогичный текст. И в женевском сборнике, и в рукописи под заглавием указано в скобках: «Подобная есть у Боккаччо». Переиздано впервые в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 375.

АТ 1410 (Неверная жена и ревнивый муж). В *АТ* наряду с единственной испанской сказкой учтены только литературно обработанные варианты сюжета в западноевропейских сборниках — средневековых и эпохи Возрождения. Данный вариант единственный в восточнославянском опубликованном материале. Старейший зафиксированный текст в латинском сборнике «Scala celi» лотарингского монаха XIII века Иоганна Габи Юниора. История сюжета связана с такими книгами, как «Schimpf und Ernst» Иоганна Паули, «Декамерон» Баккаччо (новелла 5-я VII дня) и с другими произведениями новеллистов XV—XVI вв. (см. Rotunda, индекс J1545.2).

40. «НЕТ!»
(с. 340)

Завет ск. (Женева, № XXIII, в рукописи Афанасьева под тем же номером). Перепечатывается из женевского сборника впервые, с незначительными сокращениями.

*АТ —. СУС — 1418 А** (Двусмысленное «Нет!»). Варианты не отмечены.

41. ЖЕНА СЛЕПОГО
(с. 340—341)

Завет. ск. (Женева, № XXVIII, в рукописи Афанасьева под номером 29. Перепечатывается из женевского сборника впервые с сокращениями слов, неудобных для печати.

*АТ —. СУС — 1421** (Жена слепого). Варианты не отмечены.

42. ДВЕ ЖЕНЫ
(с. 341)

Завет. ск. (Женева, № XXXV, в рукописи Афанасьева № 36. Перепечатывается из женевского сборника впервые, с незначительными сокращениями.

*АТ —. СУС — 1350*** (Испытание жены). Варианты не отмечены.

43. ЖЕНА ХИМКА
(с. 342)

Афанасьев. Рукопись, № 100; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева изд. 1940 г., с. 388—389.

АТ 1383 (Жена не узнает себя). См. прим. к тексту № 518. Данный вариант сюжета отличается своебразно разработанными эпизодами встречи нерадивой жены с ворами и с попом, дьяконом, дьячком.

44. ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА
(с. 342—343)

Афанасьев. Рукопись, № 127; впервые опубликовано в прил. к III т. сказок Афанасьева, изд. 1940 г., с. 393—394.

АТ 1383 (Мужик не узнает себя). См. примечания к тексту № 518. Вариант, приведенный Афанасьевым в сноске, относится к разновидности сюжета, обозначенной в указателе *СУС* номером — *1383** (Одураченный муж) и имеет сходство с сюжетом типа *1739* — ср. «заветную» сказку о том, как поп родил теленка». Ср. «Жорж Данден» Мольера.

В сноске Афанасьев привел вариант заключительного эпизода сказки: «Фомка забрался в хлев и улегся спать возле вола. Наутро спрашивает его жена: «Где ты, паскудный, ночь пропадал?» — «Да в хлеву возле вола грелся». Баба пощупала ему брюхо и говорит: «Что ж теперь делать, ведь ты с волом ночевал; так дня через три теленка родишь... Ступай на это время в лес, а то от людей стыд приймешь». Фомка взял хлеба и ушел в лес; а баба давай гулять с любовником. Озяб Фомка в лесу и забрел в чужую деревню, выпросился у мужика на ночь и лег на печи. А у того мужика отелилась корова; мужик принес теленка и положил его на печь. Ночью теленок лижет Фомку; он проснулся,— глядь — теленок. Ах, мать твою так — в самом деле родил. Схватил шапку да бежать».

45. ДОГАДЛИВАЯ ХОЗЯЙКА
(с. 344)

Завет. ск. (Женева, № XXII, соответствует тексту рукописи Афанасьева, где сказка имеет тот же номер). Перепечатывается с женевского сборника впервые, некоторые слова опущены или заменены другими.

*АТ 1445** (Пока не запотеет). В *АТ* учтены только эстонские варианты этого сюжета, но известен также украинский его вариант (*Гринченко Б.* Из уст народа. Чернигов, 1901, № 218). Латышские архивные тексты подобных анекдотических сказок отмечены в указателе *Арайс-Медне* (с. 184). Сюжетных параллелей к «заветной» сказке Афанасьева в русских сборниках нет.

УКАЗАТЕЛЬ СЮЖЕТНЫХ ТИПОВ СКАЗОК[1] НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ СБОРНИК А. Н. АФАНАСЬЕВА[2]

Номер сюжета	Номера текстов
1	1, (2), (3), 4—6, 10, 11
2	1—7, 10, 11
3	1—5
4	1, 2, 4
15	4, 9—13
20 A	29, 30
21	5, 7, 29, 30
37	(18), 21, 22
43	(1), 10, 11, 13, 14
*44**	28
56 B	(32)
60	33
61 A	1, 15—17
61 B	37—39, (106), (107)
62	31
68 B	26
70	(432)
100	59
101	59
103	40—44, 46
*106**	17, 51, 52
*117**	(59)
121	56, 555
122 A	55, 56, 555
*122 M**	56, 555
—*122 P***	26
123	53, 54
125	44, (45), 46, (47), 554
*126 A**	45
130, 130 A, B	63—65
*130 D**	45, 47
152	(48)
154	21, 23—26
155	27
158	4, 6—8
*161 A**	57, (58)
163	49, 50, (58)
170	1, 8
*210**	301
212	(14), 62, (63)
*218 B**	18, 20, 188, 420
220 A	74
*222 B**	220, 221, 224
*227**	73
248	66, 67
*254***	77—80, 556
*248 A**	30
275	35
*283 B**	82—84
297 B	90
*298 A**	91 (есть вар.)
300_1	162, 171, 176, 204, 206, 271
300_2	148
300 A	134, 136—138
*300 A**	135
—*300 A***	138
301 A, B	128—131, 139—142, 156, (161), 559
302_1	156—158, (162)
302_2	159
303	155
306	(236), 298, 299
307	364, 366, 367
—*307 H**	365, (368)
312 D	133, 134, 560
313 A, B, C	219—226
*313 E**	115, 294
*313 H**	103, 114
*313 J**	93
*314 A**	201, 202
315	201—207
318	208, 209, (287)
325	(235), 249—253
326	348
*326 B**	349, 350
327 A	114
327 B	105
327 C, F	106—112
329	236, 237
330 B	153

[1] Составлен Л. Г. Барагом и Н. В. Новиковым.

Как в данном указателе сюжетных типов, так и в алфавитном указателе сказок, номера текстов, помещенных в Дополнениях (т. III) и не входящих в общую нумерацию, обозначаются пометками *Д* (Дополнения) и римскими цифрами (разделы Дополнений). Номер сюжетного типа, заключенный в скобки, означает частичное соответствие типу.

[2] По «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка». Л.: Наука, 1979.

Номер сюжета	Номера текстов
361	278
363	(363)
365	(353), (373)
400_1	157—160, 237, 267—269, 571
400_2	(230), 232, 233, (271), (272)
401	270—272, (275)
402	267—269, 570
403	101, 127, 264, 265
407	363
409	266
*410**	273, 274
425 C	276
428	(103)
430	277
432	234, 235
449	254, 255
450	260—263
460 B	307
461	305—307
465 A	212—215, (313), (314), 567, 576
465 B	216, 217
465.C	214, 216, 217
470	358
471	Д I, 2
480	95—97, 98, 99, 102, 557
*480 A**	103, 113, 558
*480 B**	104
502	123—126
507	359, (575)
510 A	292, 293
510 B	290, 291, 294
511	100, 101
513 A	137, 138, 144, (219)
513 B	144
516	(158)
518	185, 197, 240, 272, 562
519	(136), 198—200, (202), (575)
530	179—181, (564)
530 A	182—184, (564)
531	(137), 169, 170, 185
532	126, 295, 296, 571
533	127
545 B	163, 164
550	168
551	171—178, 563
552 A	159, 160, 562
552 B	92
554	159, 160, (162)
555	75, 76
559	297
560	190, 191, 566

Номер сюжета	Номера текстов
561	(189)
563	186
564	187, 565
566	192—194
567	195—197
569	270
570	Д II, 35
571	256
592	Д II, 24, 26
613	115—122
650 A	143, 150, 152
*—650 C**	308—310, 571
*—650 D**	312
*—650 E**	311
652	257
653	145—147, 561
*664 A**	376, 377
*664 B**	375, 377
665	259
670	248
671	247
*671 E**	241, Д II, 38
675	165—167, (283)
676	345
677	(332)
*—677***	371
700	300
*703**	(34)
706	279—282
707	283—289
709	210, 211
715 A	188
725	240, 247, 252, 253
735	304
735 A	303, 304, 574
736	346
*750**	347
760	359
*760 A**	370
761	226
780	244, 246, 569
781	(339)
800	Д I, 2
*—800**	Д I, (1)
803	Д I, 1
804 B	Д I, 1
813 A	227, 228
813 B	229, 568
*—817****	372
822	(ср. 573)
831	258
*842 C**	217, 218, 297
*848**	451
*849**	450
*—849****	Д I, 3
850	238, Д II, 26

Номер сюжета	Номера текстов
851	198, 239, (321), (322)
854	*Д* II, 30
*860 B**	*Д* II, 36
873	*Д* II, 37
875	328, (330)
*875 E**	(см. вар. к 328)
882 A	(313), (314), 336, 337
883 A	211
*884 B**	316
887	335
901	519
910 B	332
920	(330)
921	327
921 A	323
*921 E**	324, 325
*921 F**	325
922	326 (есть вар.)
*926 C**	331
*934 B**	56, 555
*936**	243
*946 A**	315
950	390
952	340
955	344 (в примечаниях вариант)
*955 A**	341
956 B	342, 343
980 A	449
—*999**	*Д* II, 23
1000	*Д* II, 25
*1006**	152
1009	152
1012 A	*Д* II, 25
1030	23—25
1045	150—152, *Д* II, 25
1049	149
1053 A	149
1060	149
—*1060**	153
1061	120, 153, 154, 192
1063	151, 152, *Д* II, 25
1071	151
1072	151, 152
1082	152
1083	(120)
1084	149, 151, *Д* II, 25
1095 A	192
1120	150, *Д* II, 24, 25
1130	150—152, *Д* II, 25
1132	150, (509), *Д* II, 24, 25
1137	302, 572
1138	*Д* II, 2, 3
1159	154, *Д* II, 29
1162	153
1164	433—437
1202	406
*1204***	(406)
1210	405
*1214**	405
1228	461, (462)
1244	406
1263	405
1287	406
*1288**	458
*1293 B**	406
1295	492
1318 B	493
1334	454
—*1350***	*Д* II, 42
1355 C	*Д* II, 31
1358 A	447
1360 C	445, *Д* II, 16, 17
1365 A	(434), 439
1365 B	440
*1371 A**	511
*1376 A**	448, 507
*1378 B**	436, 444
1380	446, *Д* II, 21, 22
1381	441—443, 579
1383	518, *Д* II, 43, 44
1384	405, 406
—*1410**	*Д* II, 39
1415	407—409
—*1418 A**	*Д* II, 40
—*1421**	*Д* II, 41
—*1422**	*Д* II, 32
1423	474
1430	510
1430 A	(501), 509
1445	*Д* II, 45
—*1446**	460
1450	(405)
1525 A	383, 384, 386, 387, 389, *Д* II, 34
1525 D	(384), 385, (387)
*1525 K**	(386), 388
*1525 L**	504—506, (517)
*1525 L****	*Д* II, 7
*1525 M**	473, 487
*1525 N**	521
—*1525 N****	502
1525 P	383
1528	391
1529	470
1529 A	470
1533	499
1534	319, 320
1535	387, 397—400, 447
1536 B	*Д* II, 20
1537	395, 396, *Д* II, 21
*1537**	508, (*Д* II, 1)
1538	497

Номер сюжета	Номера текстов
*1538**	397, 399
1539	397—399, 469
1540	391
*1540 A**	391
1541	406
1542 II	397, 398
*1544 A**	392—394
*—1547*****	Д II, 33
1548	503
*—1548**	394
1561	Д II, 8
1562 A	477, 522
1562 B	327, 329
*1562 C**	520
*1570**	475
*1572 B**	494
*1572 C**	495
*1577**	382
*1588***	498
1600	402, (443)
1610	525, 526
*—1618**	465
1628	476
1640	430—432, 578
1641	379—381, Д II, 12
1643	402
1651	216—218
1651 A	242
1653 A	Д II, 24
1654	452
1681 A	400, 401
1685	342, 397 (есть вар.)
*1685 A**	(396), 401
*—1687***	467
1691	400, 401
1696	403, 404
1698	515
1699 B	472
*1702 A**	453
*1702 C**	412, 413, (416), 417
*1705 B**	527
1725	Д II, 14, 15
1730	Д II, 18—20
1731	Д II, 35
1735	Д II, 4
1737	383, Д II, 34
1739	Д II, 1
1775	Д II, 1
*—1807**	Д II, 5
*—1807****	Д II, 6
1825	Д II, 9
1825 B	Д II, 24
*—1825 D****	489
1826	516
*—1831 A****	Д II, 37

Номер сюжета	Номера текстов
1842	Д II, 10, 11
*—1849****	Д II, 13
1867_1	479
1867_2	480
1875	429
1880	146, 147, 432
1881	419
1882 A	427
1886	422, 427
*1887**	421
1889 K	418, 420—423, 427
1889 P	418, 422, 423
1890	424
*1895 C**	419
1900	418, (420), 421, 423, (427)
1910	419, 429
1920 C	427
*1920 H**	418, 421, 422
*1930 C**	428
*—1930 D**	426
1932	425, Д II, 27
*1960 G**	19, 21, 409
*—1960 L**	422
2015	60, 61, (535)
*2016**	535
2021 A	69
2021 B	68
2022 B	70, 71
2025	36
2040	(414), 417
2044	89
*—2051**	500
*—2052**	464
*—2053**	466
*—2055**	523
*—2057**	478
*—2061**	456
*—2062**	457
*—2064**	459
*—2066**	468
*—2069**	483
*—2070 A**	484
*—2070 B**	485
*—2071**	490
*—2072**	488
*—2074**	512
*—2075**	491
*—2078**	514
*—2079**	486
*—2083**	455
*—2084**	463
2300	528—532 и два текста в примечаниях к данным номерам

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

[1] Указатели имен и предметов даны по изданиям: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева/Под ред. М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. М.: Гослитиздат, 1940, т. III; Народные русские сказки А. Н. Афанасьева/Под ред. В. Я. Проппа. М.: Гослитиздат, 1957, т. III — с некоторыми дополнениями.

В указатели также вошел материал из вариантов, приведенных в примечаниях. Тире после точки заменяет ранее употребленное имя, или обозначение действующего лица, или название предмета, состояния.

УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТОВ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СКАЗОК

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ДОПОЛНЕНИЯ

II. СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ» И РУКОПИСИ «НАРОДНЫЕ РУССКИЕ СКАЗКИ НЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ»

ПРИЛОЖЕНИЯ

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ
СКАЗКИ
А. Н. АФАНАСЬЕВА

В ТРЕХ ТОМАХ

ТОМ III

*

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

*

Редактор
О. К. Логинова

Художник
Б И. Астафьев

Художественный редактор
Т. П. Поленова

Художественно-технические редакторы
С. Г. Тихомирова, Н. Н Кокина

Корректоры
Р. С. Алимова, М. В. Бортковa

*

ИБ № 28528

Сдано в набор 10.05.84
Подписано к печати 17.01.85.
Формат 70×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура академическая
Печать высокая
Усл. печ. л. 37,15, Усл. кр. отт. 39,47. Уч.-изд. л. 39,8.
Тираж 50000 экз. Тип. зак. 207
Цена 5 р 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

5 р. 20 к.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»